

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

УМИРОТВОРЕНИЕ ЕВРОПЫ XIV

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян (*научный редактор*), М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

А. Ю. Борисов, Н. Ю. Васильева, В. Б. Маковский, И. Ф. Максимычев, А. А. Недашковский, А. Ф. Носкова, А. В. Ревякин, А. А. Синдеев

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 14: Умиротворение Европы — 2015. 364 с., [42] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1314-3

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1314-3 (т. 14)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: Сталин И. В., Трумен Г., Черчилль У. в кулуарах зала заседания Потсдамской конференции. 1945 г., место съемки: Потсдам, автор съемки: не установлен, РГAKФД.

Книга сороковая

ДИПЛОМАТИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

Ялтинская конференция: дипломатия и политика

А. В. Ревякин*

Ялтинская (Крымская) конференция «большой тройки» по характеру и важности принятых на ней решений заметно выделяется на фоне всех других международных встреч представителей союзных государств в период Второй мировой войны. Ее не без оснований в научной литературе называют неким прообразом мирной конференции, а по значению сравнивают с такими событиями международной политики, как Венский конгресс 1814–1815 гг. или Парижская мирная конференция 1919 года¹. Ибо действительно, без изложения принятых на ней решений или хотя бы краткого упоминания о них не обходится ни одна посвященная истории международных отношений середины и второй половины XX века работа.

Между тем дипломатическая история Ялтинской конференции — история переговоров, столкновения мнений и устремлений, поиска взаимопонимания и компромиссов, далеко не всегда успешного, — изучена пока недостаточно. А ведь без учета такого рода подробностей подчас невозможно понять, почему, учитывая разницу исходных позиций сторон, на ней было принято одно, а не другое решение, так же как невозможно в должной мере оценить их значение. Конкретные обстоятельства места и времени влияют далеко не только на форму, но и на содержание исторических событий. Знать дипломатическую историю в подробностях полезно и по другой причине — это в высшей степени поучительная история, поистине наставница жизни.

Первой значительной публикацией материалов Ялтинской конференции явился сборник, подготовленный государственным департаментом США в 1955 году². Затем с его учетом в 1984 г. в виде 4-го тома документальной серии «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» вышел основанный на советских дипломатических архивах сборник «Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.)». Все документы в нем — записи заседаний, бесед, письма и записки, которыми обменивались между собой участники конференции, проекты решений и итоговые документы — приводятся на русском языке, причем, «как правило, по текстам, хранящимся в архивах»³. Уже в наше время появилась факсимильная публикация ялтинских документов и фотографий из личного архива И. В. Сталина⁴.

Подготовка

Летом 1944 г. в переписке И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем впервые поднимается вопрос о целесообразности проведения новой конференции основных участников Антигитлеровской коалиции, наподобие той, что состоялась в Тегеране. 19 июля 1944 г. президент США, подразумевая открытие второго фронта на севере Франции, успешные действия союзных войск по освобождению Италии и крупномасштабную наступательную операцию Красной армии на советско-германском фронте, писал Сталину: «Поскольку события развива-

* Ревякин Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

ются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-Министром и мною. Г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью». Рузвельт хотел провести эту конференцию в период между 10 и 15 сентября, т. е. уже через полтора месяца. Самым подходящим местом для встречи он считал северную часть Британских островов — Шотландию, расположенную приблизительно на полпути между Вашингтоном и Москвой, куда Сталину, по его мнению, было бы удобно добраться «либо на корабле, либо на самолете»⁵. О поддержке этой инициативы не замедлил уведомить Сталина и британский премьер-министр. В заключение своего послания Сталину 20 июля 1944 г., большей частью посвященного различным аспектам организации арктических конвоев, а также урегулированию польского вопроса, уже больше года омрачавшего отношения между союзниками, он отмечал: «Весь мир восхищается организованным наступлением на Германию с трех направлений сразу. Я надеюсь, что Вы, Президент и я сможем встретиться в том или ином месте до наступления зимы. Это встречу стоит устроить ради несчастных людей повсюду»⁶.

Сталин быстро, но сдержанно отреагировал на предложение Рузвельта и Черчилля. 22 июля он сообщил американскому президенту, что разделяет его мысль о желательности трехсторонней встречи в верхах, однако находит ее несвоевременной ввиду обстановки на советско-германском фронте: «...Теперь, когда советские армии втянулись в бои по столь широкому фронту, мне невозможно было бы покинуть страну и отойти на какое-то время от руководства делами фронта»⁷. В телеграмме Черчиллю, отправленной в тот же день, Сталин даже не упомянул о планах трехсторонней конференции, ограничившись краткой характеристикой положения и советской политики на освобожденной территории Польши⁸.

Такой ответ не удовлетворил Черчилля. В послании 24 июля он дал Сталину ясно понять, что вполне разделяет доводы американского президента в пользу конференции руководителей трех держав и придерживается согласованных с ним позиций. «Вы, несомненно, — писал Черчилль, — уже получили телеграмму Президента с предложением об еще одной встрече между нами тремя на севере Шотландии приблизительно во второй неделе сентября. Мне нет необходимости говорить о том, как искренне Правительство Ее Величества и я лично на-

деемся на то, что Вы сможете приехать. Я хорошо знаю Ваши трудности, а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана». По словам Черчилля, «лучшим местом» для проведения конференции был бы шотландский городок Инвергордон. Делегации «могли бы либо разместиться на трех отдельных линейных кораблях, либо на берегу могли бы быть проведены подходящие мероприятия, либо могло бы иметь место сочетание того и другого». В этой отдаленной местности легко обеспечить тайну переговоров и безопасность участников конференции. А кроме того, именно в сентябре там «погода часто бывает самой хорошей», хотя, разумеется, никто за это поручиться не может. О предполагаемой конференции в Инвергордоне Черчилль писал Сталину как о деле практически решенном: «Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать»⁹.

Однако ни уговоры, ни мягкая попытка давления на Сталина не возымели действия. В ответном послании Черчиллю 26 июля советский руководитель был краток. Он почти слово в слово повторил то же, что уже писал по этому поводу американскому президенту: «Что касается встречи между Вами, г-ном Рузвельтом и мною... то и я считал бы такую встречу желательной. Но в данное время, когда советские армии ведут бои по широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время»¹⁰.

И американский президент, и британский премьер-министр были вынуждены согласиться с доводами Сталина. 28 июля ему об этом в доверительном тоне сообщил Рузвельт: «...Я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с Премьер-Министром и со мной, но я надеюсь, что Вы будете помнить о таком совещании и что мы сможем встретиться так скоро, как это будет возможно. Мы приближаемся ко времени принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах». В ответ американскому президенту 2 августа Сталин подтвердил, что только в силу крайней необходимости был вынужден отклонить приглашение: «Я разделяю Ваше мнение относительно значения, которое

могла бы иметь наша встреча, но обстоятельства, связанные с военными операциями на нашем фронте... не позволяют мне, к сожалению, рассчитывать на возможность такой встречи в ближайшем будущем»¹¹. Таким образом, вопрос о сроках проведения конференции он оставил открытым.

В отличие от американского президента Черчилль не скрывал, что разочарован решением Сталина. 29 июля он признался в этом советскому руководителю: «Я должен с большим сожалением, но с полным пониманием принять то, что Вы заявляете по поводу нашей возможной встречи. Я предполагаю, что Вы также уведомили об этом Президента». 1 августа Сталин ему кратко ответил: «По поводу невозможности в настоящее время нашей с Вами и Президентом встречи я тогда же известил Президента, объяснив мотивы»¹².

В середине сентября Рузвельт и Черчилль встретились в канадском Квебеке (т. н. Вторая Квебекская конференция). Здесь, во время двусторонних переговоров, на которых затрагивались вопросы не только ведения войны, но и послевоенного устройства Европы, они не могли не ощутить, что масштаб стоящих перед ними задач явно превосходит формат двусторонних отношений. Во всяком случае, после встречи в Квебеке они поспешили напомнить Сталину о своем предложении.

27 сентября Черчилль в «строго доверительном» послании советскому руководителю признался, что «огорчен» его нездоровьем, поскольку по этой причине тот не может предпринимать «длительные путешествия по воздуху». Это тем более печально, продолжал британский премьер-министр, что Рузвельт собирался пригласить его в Гаагу, которая «была бы хорошим местом для нашей встречи». Правда, этот город еще занят немецкими войсками, «но возможно, что ход войны, даже до Рождества, сможет изменить положение вдоль балтийского побережья в такой степени, что Ваша поездка не будет утомительной или трудной». Черчилль обозначил и одну из тем будущих переговоров: «Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена». Он добавил, что независимо от планов трехсторонней конференции собирается «приехать в Москву в октябре» для встречи со Сталиным или, в крайнем случае, прислать вместо себя министра иностранных дел А. Идена¹³.

На приглашение в Гаагу Сталин ответил уклончиво. 30 сентября он писал Черчиллю: «Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и с Президентом. Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться». Зато упоминание о войне с Японией как одной из возможных тем переговоров между союзниками, по всей видимости, заинтересовало Сталина. «Я весьма приветствую, — писал он британскому премьер-министру, — Ваше желание приехать в Москву в октябре. Нам следовало бы обсудить военные и другие вопросы, которые имеют большую важность»¹⁴.

Между тем Рузвельт в своем послании, доставленном советскому руководителю 5 октября, сдержанно отозвался о предполагаемой поездке Черчилля: ему-де понятно желание премьер-министра как можно скорее повидаться со Сталиным, но без полноценной конференции лидеров трех держав все равно нельзя обойтись. «Я твердо убежден, — писал Рузвельт, — что мы вдвоем и только вдвоем можем найти решение по еще не согласованным вопросам». Американский президент предлагал Сталину рассматривать переговоры Черчилля в советской столице как «предварительные», т. е. как своего рода подготовку «к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах». В этой связи он обратился к советскому руководителю с просьбой о том, чтобы в «предстоящем совещании» с британским премьер-министром «в качестве наблюдателя» участвовал американский посол А. Гарриман¹⁵.

Из пояснений американского президента Сталин мог заключить, что Черчилль направляется на встречу с ним по собственной инициативе. 8 октября он отвечал Рузвельту: «Ваше послание от 5 октября несколько озадачило меня. Я полагал, что г-н Черчилль едет в Москву по уговору с Вами в Квебеке. Оказалось, однако, что это мое предположение как будто бы не соответствует действительности». Видимо, по этой причине Сталин дал понять президенту, что никаких особых планов с переговорами, которые будет вести в Москве с премьер-министром и министром иностранных дел Великобритании, не связывает: «Мне неизвестно, с какими вопросами едут в Москву г-н Черчилль и г-н Иден. Мне об этом ничего не сообщали до

сих пор ни тот, ни другой. Г-н Черчилль выразил желание... приехать в Москву... Я, конечно, ответил согласием... В дальнейшем я буду информировать Вас по мере выяснения дела...»¹⁶

По завершении визита британской делегации в Москву, тема совместной встречи в верхах все чаще упоминается в переписке руководителей трех держав. Кажется, что к этому времени сомнений в целесообразности ее скорейшего проведения ни у кого уже не осталось. Стороны приступили к обсуждению практических вопросов ее организации. Тогда впервые и прозвучало пожелание о том, чтобы провести новую конференцию «большой тройки» на территории Советского Союза, в одном из приморских городов юга европейской части страны. Идею подали американские дипломаты, но Сталину она пришлась особенно по душе. 19 октября он писал Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море и встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноября могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы»¹⁷.

Против Черноморского побережья Рузвельт не возражал. Но в ответном послании, полученном в Москве 25 октября, он призвал Сталина к осмотрительности в выборе места проведения конференции: «Все мы должны изучить вопрос пригодности различных пунктов, где можно устроить нашу ноябрьскую встречу, то есть с точки зрения наличия жилых помещений, безопасности, доступности и т. д.» Американский президент не исключал возможности провести встречу в Афинах или на островах восточной части Средиземноморья в случае, «если бы мое прибытие в Черное море на судне оказалось слишком трудным или неосуществимым». В частности, по его словам, «условия на Кипре и Мальте с точки зрения безопасности и жилья удовлетворительны»¹⁸.

Но Сталин увлекся идеей провести встречу трех лидеров именно на территории Советского Союза. Он постарался развеять сомнения американского президента. «Если высказанная ранее мысль, — писал он Рузвельту 29 октября, — о возможности нашей встречи на советском черноморском побережье представляется для

Вас приемлемой, то я считал бы весьма желательным осуществить этот план. Условия для встречи здесь вполне благоприятны. Я надеюсь, что и безопасный доступ Вашего корабля в Черное море к этому времени будет возможно обеспечить». В добавок Сталин в очередной раз сослался на плохое самочувствие как препятствие для его выезда за границу: «Поскольку в данное время врачи не советуют мне предпринимать большие поездки, я вынужден с этим считаться»¹⁹.

Что касается Черчилля, то выбор места для конференции он по всей видимости оставил на усмотрение руководителей обеих других держав. Гораздо больше его занимала повестка дня будущих переговоров. 16 ноября в послании Сталину он поделился впечатлениями от переговоров в Париже с де Голлем, главой пока еще не признанного союзными державами Временного правительства Французской республики. Упоминая о его требованиях, среди которых было и участие французских войск в оккупации Германии, британский премьер-министр заметил: «...Ясно... что ничего подобного этому не может быть решено в таком вопросе, кроме как по соглашению с Президентом и Вами». Но наличие подобных вопросов, по мнению Черчилля, «еще более усиливает желательность встречи между нами тремя и французами в самом ближайшем будущем». Впрочем, он допускал возможность участия французов вместе с тремя главными союзными державами «в обсуждении некоторых вопросов»²⁰.

Сталин согласился с мнением Черчилля о формате переговоров с де Голлем: «Я ничего не имею против Вашего предложения о возможной встрече между нами троими и французами, если и Президент с этим согласен». Однако он не разделял оптимизма британского премьер-министра по поводу возможности проведения конференции «большой тройки»: «...Надо сперва сговориться окончательно о времени и месте встречи нас троих»²¹.

Действительно, президентские выборы в США прошли, но Рузвельт, одержавший на них уверенную победу, тянул с ответом на приглашение приехать в СССР. В середине ноября он отправил Сталину подробное письмо (полученное в Москве 19 ноября 1944 г.)²², в котором изложил свои сомнения и размышления относительно места и времени проведения конференции «большой тройки». Начиналось оно вполне обнадеживающе: «Все мы трое придерживаемся одного мнения, что нам следует встретиться в самое ближайшее время». Однако

далее шли бесконечные оговорки и отговорки: «...Некоторые факторы, главным образом географического порядка, делают это нелегким в настоящий момент». Одно из препятствий заключается в том, что американский президент не может отправиться в дальнюю поездку, из которой не сможет вернуться в Вашингтон к Рождеству. Поэтому, заключает он, «было бы гораздо более удобным, если бы я мог отложить это на время после моего вступления в должность после 20 января». Ранее этого срока он тоже не может уехать из американской столицы, потому что он должен «обратиться с ежегодным посланием к новому Конгрессу, который соберется здесь в начале января». Кроме того, Рузвельту все меньше нравилась идея проведения конференции на Черноморском побережье. «Мои военно-морские органы, — говорилось далее в его письме, — решительно высказываются против Черного моря. Они не хотят идти на проводку крупного корабля через Дарданеллы или Эгейское море, так как это потребовало бы очень сильного эскорта...» Рузвельт предпочел бы поехать в египетскую Александрию или Иерусалим, на которые якобы обратил его внимание Черчилль. Достаточно привлекательными ему казались и Афины.

В итоге Рузвельт попросил перенести конференцию «большой тройки» «примерно» на 28 или 30 января. И при этом он явно добивался, чтобы она состоялась в каком-нибудь месте, равноудаленном от Москвы и Вашингтона, если не в географическом, то хотя бы в политическом и дипломатическом смысле слова. К концу января 1945 г., уговаривал он Сталина, фронт настолько отодвинется на Запад, что «Вы сможете совершить поездку по железной дороге до какого-нибудь порта на Адриатическом море и... мы встретимся с Вами там, или... Вы сможете в несколько часов пересечь море на одном из наших кораблей и прибыть в Бари, а затем на автомобиле в Рим, или... Вы проследуете на этом же корабле несколько дальше, и все мы встретимся в каком-нибудь месте, например, в Таормине, в Восточной Сицилии, где в это время будет довольно хорошая погода». Как один из вариантов Рузвельт просил Сталина рассмотреть предложение о том, чтобы «встреча состоялась где-нибудь на Ривьере, но это будет зависеть от ухода германских войск из северо-западной части Италии».

Рузвельт настаивал, что не следовало бы откладывать конференцию «на более позднее время, чем конец января или начало февраля». Он

даже допускал, что лидерам трех держав «придется встретиться раньше» планируемого им срока, если в Германии внезапно рухнет нацистский режим и противник сложит оружие. Американский президент выражал также надежду, что на этот раз положение на фронтах Красной армии не помешает Сталину предпринять дальнюю поездку.

В конце своего письма Рузвельт поднимал существенный вопрос о статусе будущих переговоров между лидерами трех держав. Свою точку зрения он изложил Сталину прямо и недвусмысленно: «Вы и я понимаем проблемы, стоящие перед каждым из нас, и, как Вам известно, я предпочел бы, чтобы эти беседы носили неофициальный характер, и поэтому я не считаю нужным составлять официальную повестку дня».

У советского руководителя вызывали досаду не столько предлагаемая Рузвельтом отсрочка, сколько его явное нежелание проводить конференцию на территории Советского Союза. Но, как видно из его ответного послания американскому президенту, это дипломатическое состязание Сталин отнюдь не считал проигранным. 23 ноября он написал Рузвельту: «Очень жаль, что Ваши военно-морские органы сомневаются в целесообразности Вашего первоначального предложения о том, чтобы местом встречи нас троих избрать советское побережье Черного моря. Предлагаемое Вами время встречи в конце января или в начале февраля у меня не вызывает возражений, но при этом я имею в виду, что нам удастся избрать местом встречи один из советских портовых городов. Мне все еще приходится считаться с советами врачей об опасности дальних поездок»²³.

Время шло, а вопрос о встрече лидеров трех держав оставался, как говорят дипломаты, в подвешенном состоянии. На фоне разногласий между союзными державами и по другим направлениям политики — от будущего Польши до создания международной организации безопасности — это многим внушало сомнения в прочности антигитлеровской коалиции. Судя по документам, первым из «большой тройки», кто не выдержал напряжения, был Рузвельт. Ближе к середине декабря 1944 г. в послании Сталину он, с одной стороны, констатировал: «...Перспективы нашей скорой встречи еще не ясны». Но, с другой стороны, он обратил внимание своего корреспондента на необходимость «как можно быстрее пойти вперед в деле созыва общей конференции Объединенных Наций

по вопросу о Международной организации, в чем, я уверен, Вы согласны»²⁴.

Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем не дает ответа на вопрос, когда именно и каким образом стороны сумели разрешить спор о месте проведения встречи лидеров трех держав. Но 3 января 1945 г. в послании Черчиллю советский руководитель писал: «Мне известно о том, что Президент имеет Ваше согласие на встречу нас троих в конце этого месяца или в начале февраля. Я буду рад видеть Вас и Президента на территории нашей страны и надеюсь на успех нашей совместной работы»²⁵. 5 января британский премьер выразил ему свое удовлетворение относительно договоренности, достигнутой между Сталиным и Рузвельтом: «Я жду этой важнейшей встречи, и я доволен, что Президент Соединенных Штатов готов предпринять это далекое путешествие». Отмечая обострение разногласий между западными союзниками и СССР по польскому вопросу, Черчилль подчеркивал, что в создавшейся обстановке «самое лучшее — это встретиться нам троим вместе и обсудить все эти дела не только как изолированные проблемы, но в связи с общей международной обстановкой как в отношении войны, так и перехода к миру». Он также предложил слово «Аргонавт» в качестве кодового обозначения конференции «большой тройки»²⁶.

Сталину выразительная метафора британского премьер-министра понравилась. 10 января он сообщил, что одобряет ее, и со своей стороны попросил у него согласия на то, чтобы «в соответствии с полученным от Президента предложением... местом встречи можно было считать Ялту, а датой встречи — 2 февраля»²⁷. Не дожидаясь ответа Черчилля, советский руководитель по дипломатическим каналам сообщил американской стороне о своем согласии с этим предложением. Об этом свидетельствует записка посла США А. Гарримана, адресованная народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову 12 января: «Благодарю Вас за Ваше письмо от 10 января. В соответствии с этим письмом я проинформировал Президента о том, что Маршал Сталин не возражает против того, чтобы установить 2 февраля датой проведения встречи в Ялте и что Маршал Сталин согласен с выбором слова АРГОНАВТ для кодового названия»²⁸. Не заставил себя ждать и Черчилль. 12 января он ответил Сталину короткой телеграммой: «Окэй и всяческие добрые пожелания»²⁹.

Архивные документы проливают свет на некоторые, хотя и частные, но достаточно важные обстоятельства подготовки Ялтинской конференции. 5 января 1944 г. посольство США известило Молотова о том, что «в расписании Президента теперь предусмотрено прибытие его и его группы в Крым 1-го или 2-го февраля самолетом» и что для обеспечения его связи с Вашингтоном выделен флагманский десантный корабль «Катоктин»³⁰. Уже 9 января американский посол А. Гарриман предоставил в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел «план устройства связи для обслуживания делегации Соединенных Штатов, участвующей в «Аргонавте». Этот план предусматривал установление «радиотелетайпного канала» между «Катоктином» и Вашингтоном³¹. В тот же день, 9 января, посольство Великобритании известило НКВД о том, что «в связи со встречей трех глав правительств... британское правительство хотело бы послать в Черное море пассажирский пароход «Франкония». Эта просьба отчасти мотивировалась тем, что «британскому правительству... известно, что Гарриман обращался к тов. Молотову В.М. с аналогичной просьбой, которая была удовлетворена»³².

Организационная суета заметно нарастала по мере приближения сроков Ялтинской конференции. Но она не заслоняла, а, может быть, даже оттеняла доброжелательную атмосферу, которая возобладала в отношениях между западными и советскими дипломатами в это хлопотное время. К созданию такой атмосферы заметно приложили усилия американские дипломаты, выражая тем самым свою заинтересованность в успехе переговоров на будущей конференции. Об этом свидетельствуют некоторые занимательные подробности, память о которых сохранили советские дипломатические архивы.

В начале второй декады января 1945 г. (точной даты этого события установить не удалось) заведующий 2-м Европейским отделом НКВД К.В. Новиков пригласил к себе американского посла Гарримана и первого секретаря британского посольства Кроствейна. В завершении беседы, посвященной различным, вполне прозаическим деталям организации встречи «большой тройки», Гарриман неожиданно для советского дипломата заявил, что он имеет пару поручений от президента, «которые он не может выполнить без нашего содействия». Одно из них заключалось в том, что Рузвельт хотел бы купить (Новиков в своем отчете отмечает: «Гарриман подчеркнул слово «купить»») «некоторое

количество прекрасного русского шампанского, необходимого ему для угощения тов. Сталина и Черчилля, когда они приедут к нему в дом». Американский посол попытался прикинуть, велика ли потребность в этом напитке. По некотором размышлении она сказала: «три ящика». Как свидетельствует Новиков, на эти слова «Кроствейн рассмеялся и заявил, что этого явно недостаточно, так как Рузвельту придется распрощаться с одним ящиком при первом же посещении Рузвельта Черчиллем и посоветовал купить побольше». В итоге Гарриман оставил Новикову заявку на 60 бутылок³³.

И другой красноречивый эпизод. 14 января К. Новиков принимал главу американской военной миссии в СССР контр-адмирала К. Олсена³⁴ и переводчика посла Пейджа по их просьбе. Они передали советскому дипломату «список делегации и обслуживающего персонала», в котором было указано «98 человек основного состава делегации и 75–100 солдат». При этом американцы предупредили, что этот список должен быть увеличен на 5–6 человек, которые будут сопровождать государственного секретаря Э. Стеттиниуса, и на 8 человек личной охраны президента. Указанные лица должны будут приехать в Крым 21 января. Таким образом, отмечал Новиков, «общий состав американской делегации будет в пределах 187–213 чел.»

Но этим сообщением не исчерпывалась цель визита в НКВД американских дипломатов. Закончив с важными делами, продолжает Новиков, «Олсен и Пейдж заявили, что в Америке Крым вообще вызывает интерес, а тем более такие исторические памятники, как дворец «Ливадия», дворец Воронцова и другие места Крыма». Олсен утверждал, что «в Америке вызовут огромный интерес все помещения, в которых будут расположены три делегации». Поэтому американцы «были бы очень благодарны, если бы мы смогли снабдить их альбомами этих мест и дворцов с кратким историческим описанием на английском языке. Они были бы рады получить эти материалы хотя бы в одном экземпляре, с тем, что размножение они возьмут на себя»³⁵.

Впрочем, не все шло гладко. В процессе решения организационных вопросов между советскими и западными дипломатами возникали и недоразумения. Отчасти это объяснялось трудностями с обеспечением американской и британской делегаций жилыми помещениями, автотранспортом и другими удобствами в соответствии с привычным для них уровнем сервиса. В разоренном, разрушенном оккупантами

Крым у удовлетворить все их запросы вряд ли представлялось возможным. Но и сами западные дипломаты не всегда вели себя безупречно. 23 января Новиков в докладной записке Молотову сообщал, что принимая Кроствейна по его просьбе, он был вынужден напомнить тому, что «все еще не получил обещанного им полного списка британской делегации»³⁶.

Когда подготовительные работы вступили в завершающую фазу, лидеры трех держав приняли важное решение — не предавать чрезмерной огласке ход конференции. 21 января Черчилль телеграфировал одновременно Сталину и Рузвельту: «Я предлагаю не допускать представителей прессы на «Аргонавт», но каждый из нас будет иметь право привезти не более трех или четырех одетых в форму военных фотографов для производства фотосъемки и киносъемки. Фотографии и кинофильмы должны быть выпущены, когда мы сочтем это подходящим... Конечно, будут опубликованы обычные одно или несколько согласованных коммюнике». Сталин уже 23 января в ответной телеграмме одобрил предложение Черчилля³⁷. В тот же день в Москве была получена телеграмма Рузвельта, выражавшая согласие с мнением британского премьер-министра³⁸.

Открытие и порядок работы

По пути в Крым Рузвельт и Черчилль сделали остановку на Мальте. Отсюда Черчилль 1 февраля телеграфировал Сталину: «Так как Президент не приедет на Мальту до 2 февраля, мы не сможем прибыть в Ялту раньше 3 февраля. Однако я протелеграфирую снова, как только будет возможно указать более точное время. Мы, конечно, зависим от погоды. Мы полетим в отдельных самолетах, но самолеты проследуют группой». Сталин ответил ему, что ждет гостей и уже находится «вместе с коллегами на месте встречи»³⁹.

На Мальте, в преддверии конференции «большой тройки», состоялись двусторонние британско-американские переговоры. Министры иностранных дел Иден и Стеттиниус постарались согласовать позиции обеих сторон по тем вопросам международной жизни, которые предполагалось обсудить в Ялте. Начальники генеральных штабов обеих армий наметили план наступательных операций против Германии на завершающем этапе войны.

Перед вылетом с Мальты Черчилль телеграфировал Сталину: «Предполагаемое время прибытия в Саки в 12 часов по московскому вре-

мени 3 февраля. Мы позавтракаем в самолете до того, как сделаем посадку. Продолжим путь в Ялту на автомобиле»⁴⁰.

Эта поездка произвела неизгладимое впечатление на американского президента. Вернувшись в Вашингтон, он рассказывал: «...Я видел примеры безжалостного и бессмысленного яростного разрушения... Ялта не имела никакого военного значения и никаких оборонительных сооружений... Мало что осталось от Ялты, за исключением руин и опустошения. Севастополь являл картину предельного разрушения, и во всем городе осталось меньше десятка нетронутых домов. Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, однако, я видел Севастополь и Ялту и я знаю, что на земле не могут существовать вместе германский милитаризм и христианская добродетель»⁴¹.

3 февраля 1945 г. главы американской и британской делегаций вместе с сопровождавшими их лицами благополучно достигли места назначения. В окрестностях Ялты в их распоряжение были предоставлены самые престижные исторические дворцы из тех, что меньше всего пострадали в результате военных действий. Рузвельт разместился в Ливадийском дворце, бывшей летней резиденции русской императорской семьи. Черчилля поселили в Воронцовском дворце, который был и остается самым знаменитым архитектурным памятником Крыма. Юсуповский дворец, где остановился Сталин, выглядел не столь величественно, как оба другие, но вполне соответствовал статусу главы могущественного государства. Он был расположен между Алупкой, где находится Воронцовский дворец, и Ливадией на западной окраине Ялты. Это затрудняло приватное общение между собой Черчилля и Рузвельта, но обеспечивало определенное преимущество Сталину, который получал возможность беспрепятственно видеться с ними обоими.

Уже после полуночи, в 0 часов 10 минут 4 февраля Гарриман посетил Молотова, чтобы передать от американского президента благодарность за все обеспеченные ему удобства. Посол также сообщил, что Рузвельт приглашает Сталина заехать к нему во второй половине дня для «личной встречи», после чего они вместе с Черчиллем могли бы принять участие в официальном открытии конференции. Молотов со своей стороны от имени Сталина предложил, «чтобы все заседания проходили в доме, где остановился президент». Это был явный знак внимания к Рузвельту, который из-за тяже-

лой болезни был практически прикован к инвалидной коляске. Кроме обмена взаимными любезностями Молотов и Гарриман во время этой ночной встречи обсудили в общих чертах распорядок работы конференции. По словам Молотова, Сталин рассчитывал начать конференцию с обсуждения вопроса о Германии — сначала его военных, а потом и политических аспектов. Оказалось, что это, по выражению Гарримана, «в точности соответствует пожеланиям президента». Мнения Сталина и Рузвельта совпали и относительно продолжительности конференции — «5–6 дней»⁴².

В полдень 4 февраля Молотов встретился с Иденом. Тот не возражал против согласованного ранее с Гарриманом распорядка работы конференции. Но что касается ее продолжительности, британский министр заметил, что это «будет зависеть от того, насколько быстро будут рассмотрены все вопросы». Ведь, по его мнению, кроме германского предстоит обсудить и другие сложные вопросы, например, о международной организации безопасности, о Польше. Воспользовавшись удобным моментом, Молотов как бы невзначай заметил, что «англичане и американцы уже переговорили друг с другом и тем самым облегчили дело конференции». Этот на первый взгляд невинный вопрос со всей очевидностью отражал обеспокоенность наркома возможностью сговора западных держав за счет советских интересов — опасность, призрак которой с давних пор преследовал советскую дипломатию. Иден поспешил рассеять его опасения. Он утверждал, что «никаких переговоров между англичанами и американцами на Мальте не было». Черчилль и Рузвельт почти не общались между собой — «они только совершили поездку на автомобиле». В итоге встречи советский и британский министры сошлись во мнении, что тематику дискуссий на конференции не следует ограничивать жесткой повесткой дня. Достаточно, по словам Молотова, «иметь некоторый порядок обсуждения вопросов»⁴³.

Первым из высоких гостей, кого посетил в Крыму Сталин, был Черчилль. В 3 часа пополудни 4 февраля началась их встреча в Воронцовском дворце. Главной темой их разговора была обстановка на соответствующих фронтах. Оба лидера признавали, что Германия практически исчерпала возможности для активного ведения боевых действий. Ввиду недостатка угля и хлеба, по словам Сталина, «возможен внутренний крах до ее военного поражения». Черчилль согласился с таким прогнозом. Внеш-

не корректная, их беседа, судя по протокольной записи, выглядела несколько вымученной, хотя в своих мемуарах премьер-министр отмечал ее «дружеский» характер⁴⁴. Ни один из собеседников никак не проявил себя, даже не сделал ничего, чтобы расположить к себе собеседника. Черчилль пытался пошутить, но выходило не очень смешно. По поводу наступления немцев в Арденнах в декабре минувшего года он сказал: «Гитлер приготовил паутину, но забыл про паука». Сталин никак не комментировал эту шутку. Не лучше вели себя и другие британские представители. Выслушав пояснения фельдмаршала Александера о положении на фронте в Италии, Сталин высказал предположение о желательности переброски части сил союзников оттуда «через Адриатическое море для совместного наступления с Красной Армией в районе Австрии». В ответ на это замечание британский военачальник довольно неучтиво заявил, что «в настоящее время у него нет в наличии свободных сил для этой операции» и кроме того «сейчас уже поздно приступать к ее осуществлению»⁴⁵.

В 4 часа дня по окончании беседы с Черчиллем Сталин уже входил в Ливадийский дворец. В отличие от британского премьер-министра, Рузвельт постарался сходу расположить к себе советского руководителя. Он заявил, что очень хорошо чувствует себя в Ливадии. И в шутку добавил, что когда «не будет больше президентом, то хотел бы попросить Советское правительство продать ему Ливадию». Рузвельт в самой резкой и нетерпимой форме осудил вандализм оккупантов, говоря, что «поражен бессмысленными и беспощадными разрушениями, произведенными немцами в Крыму». По его сведениям, столь же возмутительно немецкие захватчики вели себя и в других странах. Поэтому было бы справедливо, продолжал Рузвельт, «вернуть из Германии все те предметы, которые немцы туда увезли из других мест, в том числе из Крыма». Сталину, слегка обескураженному таким напором и такой убежденностью, только и оставалось, что поддакивать американскому президенту: да, «немцы не имеют никакой морали», да, они — «настоящие варвары». Впрочем, и он не остался в долгу и ответил любезностью на любезность. Когда американский президент задался вопросом, будет ли раньше занят Берлин (на который вели наступление советские войска) или Манила (столица Филиппин, которой готовилась овладеть американская армия), то Сталин польстил Рузвельту, предположив, «что,

по его мнению, Манила будет занята раньше Берлина».

Беседа обоих лидеров продолжалась в непринужденной атмосфере. Они обменялись новостями о ходе военных действий на фронтах, затронули некоторые вопросы военного и политического сотрудничества. В частности, Рузвельт предложил Сталину дать возможность представителям союзных армий «обсудить... военные вопросы во время нынешней конференции». А учитывая, что «армии союзников, наступающие с запада и востока, настолько близки друг от друга», американский президент высказал также пожелание, чтобы генерал Эйзенхауэр «сносился непосредственно со штабом наступающих советских армий». Советский руководитель признал разумность этих предложений. В заключение Сталин и Рузвельт подробно и откровенно обсудили политику союзников по отношению к освобожденной Франции⁴⁶.

В ходе беседы Сталин, по всей видимости, убедился в настрое Рузвельта на конструктивный диалог и компромисс с советской стороной. И тот действительно, как утверждают историки, «верил, что в состоянии достигнуть рабочего взаимопонимания со Сталиным»⁴⁷. Этим, скорее всего, и объясняется неординарный поступок советского руководителя, не лишенный определенного символического значения. В 5 часов пополудни, когда все делегации были в сборе, Сталин неожиданно попросил именно американского президента открыть конференцию. Опешивший Рузвельт заявил, что «ни в законе, ни в истории не предусмотрено, что он должен открывать совещания». Но он быстро взял себя в руки и со словами благодарности за оказанную ему честь открыл конференцию.

Вторая по счету конференция «большой тройки» продолжалась дольше, чем предполагали ее участники, — 8 дней, с 4 по 11 февраля 1945 г. включительно. Основной формой ее работы были заседания глав правительств — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Их так и называли: «заседания конференции», — и проводились они в Ливадийском дворце. Там же были подписаны итоговые документы. Совещания министров иностранных дел, на которых прорабатывались те или иные вопросы по поручению глав правительств, являлись вспомогательной формой работы. Впрочем, это не значит — несущественной. Свидетельствует никто иной, как Черчилль: «Совместная работа министров иностранных дел была столь превосходной, что

почти ежедневно проблемы, переданные на их рассмотрение, возвращались на наши совместные заседания в таком виде, что можно было достичь окончательного соглашения и принять устойчивые решения»⁴⁸. Министры, эти, по общему выражению историка, «ломовые лошади Ялты»⁴⁹, собирались на свои совещания поочередно в каждом из дворцов, занимаемых делегациями. Происходили также беседы между главами правительств и министрами иностранных дел вне основного формата, как бы на «полях» конференции. Всего состоялось 8 заседаний глав правительств и 7 заседаний министров иностранных дел. Кроме упомянутых выше бесед Молотова с Гарриманом и Иденом, а также Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, состоявшихся 4 февраля до формального открытия конференции, имели место еще 2 подобные встречи — 8 февраля беседа Сталина с Рузвельтом и 10 февраля беседа Сталина с Черчиллем и Иденом⁵⁰.

Предчувствуя, что споры по повестке дня могли бы затянуться, участники конференции благоразумно от нее отказались. Каждая делегация получила таким образом право поставить на обсуждение те вопросы, которые ее больше всего занимали. Но это еще не гарантировало, что дискуссия по ним действительно состоится. Дальше все зависело от того, хватит ли времени на обсуждение всех поставленных вопросов (напомним, главы правительств рассчитывали уложиться в 5–6 дней), а также готовы ли к этому другие делегации.

Приоритеты во всяком случае обнаружались уже с самого начала конференции. Еще на стадии предварительных консультаций, в том числе бесед министров иностранных дел и глав правительств, проведенных за считанные часы до ее первого заседания, выяснилось, что советская сторона придает первостепенное значение вопросу о Германии — как в его военных (скорейший разгром противника), так и политических аспектах (как победителям строить с ней отношения дальше). Напротив, американская сторона отдавала предпочтение вопросу о создании международной организации безопасности, а британская — польскому вопросу. При этом, как показали события, от обсуждения отдельных аспектов германской проблемы, связанных с послевоенным урегулированием в отношении Германии, американская и британская делегация хотели бы уклониться. Тогда как советская делегация с подозрением относилась к американским планам создания международ-

ной организации, опасаясь формирования некоего «единого фронта» империалистов против социалистического государства. Не стремилась она и к интернационализации польского вопроса. Еще в беседе с Иденом 4 февраля Молотов заявил: «Главное сейчас состоит в том, чтобы не мешать полякам, поскольку Польша уже освобождена»⁵¹.

Но стороны понимали, что если они откажутся от обсуждения вопросов, которые хотя бы одна из них считает для себя главными, то они заведут конференцию в тупик. Такого поворота событий они по объективным причинам стремились во что бы то ни стало избежать. Поэтому они, хоть и скрепя сердце, но соглашались на обсуждение неприятных для себя тем и прилагали усилия к поиску по ним взаимоприемлемых компромиссов.

Три указанных вопроса и стали центральными в дискуссиях на Ялтинской конференции. Больше всего времени, внимания и, надо полагать, сил ее участниками было уделено именно им. По этим вопросам на конференции были приняты самые важные по существу и резонансные с точки зрения общественности решения. Политические аспекты германского вопроса обсуждались на заседаниях глав правительств 5, 6, 7, 9 и 10 февраля, а также во время отдельной беседы Сталина и Черчилля 10 февраля. На заседаниях министров иностранных дел вопрос об этом стоял 6, 7, 9 и 10 февраля. О существенных обстоятельствах подготовки учредительной конференции международной организации безопасности речь шла на заседаниях глав правительств 6, 7, 8, 9 10 и даже 11 февраля, а на заседаниях министров иностранных дел — 7, 8, 9 и 10 февраля. Также до самого последнего дня участников конференции держал в напряжении польский вопрос. Различные подходы к его решению обсуждались на заседаниях глав правительств 6, 7, 8, 9, 10 и 11 февраля, а также во время беседы Сталина с Черчиллем 10 февраля. Министры иностранных дел рассматривали польский вопрос 8, 9 (дважды — днем и поздно вечером) и 10 февраля. Если судить по опубликованным материалам Ялтинской конференции, то на эти три вопроса приходилось не меньше половины объема всей работы, выполненной делегациями.

На конференции затрагивались и многие другие темы. Большое оживление вызвал вопрос о статусе Франции, претендовавшей на более значительную роль в составе антигитлеровской коалиции, чем другие освобожденные

страны, и стремившейся войти в более тесные отношения с тремя державами. «Французский вопрос» рассматривался на заседаниях глав правительств 5, 6, 7 и 10 февраля, а также министров иностранных дел — 7 и 8 февраля. Сторонам понадобилось согласовывать свои взгляды по ряду положений американского проекта «Декларации об освобожденной Европе» (заседания глав правительств 9 и 10 февраля). Во время беседы Сталина с Рузвельтом 8 февраля обсуждался вопрос о помощи, которую Советский Союз мог бы оказать Соединенным Штатам в войне с Японией, и о перспективе вступления в эту войну СССР на стороне своих союзников.

Участники конференции проявили интерес к положению в отдельных странах Европы (Болгария, Румыния, Греция, Югославия) и Азии (Иран, Китай, Корея, Индокитай). Британская делегация постаралась привлечь внимание к вопросу о границах между Италией и Югославией, а также между Югославией и Австрией. Советская делегация поставила вопрос о пересмотре конвенции о режиме Черноморских проливов. В беседе Сталина с Черчиллем 10 февраля обсуждалась судьба военнопленных обоих государств, освобожденных из немецкого плена в ходе наступательных операций союзных войск. По ряду из перечисленных вопросов были приняты формальные решения или, во всяком случае, согласованы позиции, закрепленные в итоговых документах. Но некоторые из них в силу отмеченных выше причин — недостатка времени или принципиальных разногласий — остались нерешенными.

Во время конференции иногда возникали напряженные моменты, обычно при обсуждении каких-то спорных вопросов, например, о германских репарациях, членстве советских республик в будущей международной организации безопасности, формировании общепризнанного союзниками правительства Польши и некоторых других. Но в целом на заседаниях царила деловая, доброжелательная атмосфера. Главы делегаций нередко шутили по тому или иному, ни для кого не обидному поводу, даже слегка подтрунивали друг над другом. Судя по ремаркам, в зале заседаний нередко звучал дружный смех. Годы спустя член советской делегации заместитель народного комиссара иностранных дел И. М. Майский писал: «Немалую роль в поддержании духа сотрудничества за столом конференции играл лично Рузвельт, с большим искусством выполнявший функции председателя. Он был спокоен, выдержан,

остроумен и с полуслова улавливал мысль оратора. Он умел также вовремя предложить какое-либо решение или формулу, которые примиряли точки зрения спорящих»⁵².

Открывая первое заседание конференции, американский президент сумел задать верную тональность предстоящим нелегким переговорам. Руководители трех держав, сказал американский президент, «уже хорошо понимают друг друга... Все они хотят скорейшего окончания войны и прочного мира. Поэтому участники совещания могут приступить к своим неофициальным беседам... Нужно беседовать откровенно. Опыт показывает, что откровенность в переговорах позволяет быстрее достичь хороших решений»⁵³.

Завершение войны с Германией

В соответствии с пожеланиями советской делегации на первом заседании глав правительств вечером 4 февраля обсуждалось положение на фронтах войны с Германией. Сталин не случайно настаивал, чтобы этот вопрос рассматривался в первоочередном порядке. Ведь нельзя было пренебрегать любой возможностью ускорить победу над врагом. Важно было также убедиться, что Рузвельт и Черчилль считаются с огромным вкладом Красной армии в разгром Германии. Признание ими заслуг СССР укрепило бы позиции Сталина на переговорах с союзниками. Если бы вдруг обнаружилось, что, как он опасался, другие участники действуют по уговору между собой, то советская делегация рисковала остаться на конференции в меньшинстве.

Открыв заседание, Рузвельт почти сразу же предоставил слово для доклада начальнику Генерального штаба Красной армии. Генерал А. И. Антонов сообщил об успешных результатах наступления, предпринятого советскими войсками в середине января по широкому фронту от Немана до Карпат. Он подчеркнул, что эту операцию советское командование планировало начать позже, при более благоприятных погодных условиях. Однако учитывая «тревожное положение», которое в конце минувшего года сложилось на Западном фронте в связи с наступлением немцев в Арденнах, «Верховное командование советских войск дало приказ начать наступление... не ожидая улучшения погоды». На направлении главного удара Красная армия обеспечила себе «более чем двойное» превосходство в пехоте и «подавляющее» — в артиллерии, танках и авиации. Все это позволило

достигнуть целей наступления — занять вражескую территорию глубиной до 500 км, овладеть Силезским промышленным районом, окружить крупные группировки немецких войск в Восточной Пруссии и других местах, разгромить 45 дивизий противника и т. д. В заключение Антонов сформулировал ряд пожеланий в адрес союзников, звучавших, скорее, как упрек: «ускорить переход союзных войск в наступление на западном фронте», а также «ударами авиации... препятствовать противнику производить переброски своих войск на восток с западного фронта, из Норвегии и из Италии»⁵⁴.

Доклад Антонова произвел сильное впечатление на членов западных делегаций. Было заметно, что они растерялись. В ответ на приглашение Сталина задавать вопросы, Рузвельт невпопад спросил: «Предполагает ли Советское правительство перешивать германские железные дороги на более широкую колею?» Антонов ответил, что советское командование просто вынуждено это делать, поскольку трофейные поезда и вагоны «малопригодны для использования», но лишь «на минимальном количестве направлений». И, как добавил Сталин, «без большой охоты». Со своей стороны, Черчилль, успевший собраться с мыслями, исправил оплошность, которую несколькими часами ранее допустил фельдмаршал Александер. Британский премьер-министр предложил начальникам штабов союзных армий подумать над таким вопросом: «Не следует ли перебросить часть войск союзников (из Италии. — А. Р.) через Люблянский проход на соединение с Красной Армией?»⁵⁵

Затем с докладом выступил начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Судя по записи, он не особенно упирал на достижения союзных войск. Он даже признал, что «в течение некоторого времени операции на западном фронте развивались медленно из-за задержки в снабжении». Тем не менее, заверил он присутствовавших, «последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы». В текущее время накапливаются необходимые силы и средства для развертывания крупных наступательных операций во второй декаде февраля. Отдельно Маршалл остановился на действиях союзной авиации, причиняющей «большие разрушения» на территории противника и совершающей «также налеты на пути сообщения». Он огласил якобы только что полученные сведения о том, что «были произведены налеты на железнодорожные составы с войсками, следовавшие на советско-германский фронт». Вместе с тем

он отметил, что главной целью бомбардировок с воздуха являются немецкие верфи, выпускающие подводные лодки усовершенствованной конструкции, поскольку «они могут представлять собой серьезную угрозу для судоходства союзников»⁵⁶.

Черчилль воспользовался этим замечанием американского генерала, чтобы пожелать успеха советским войскам, окружившим противника в Восточной Пруссии. «Сейчас, — заявил британский премьер-министр, — очень важна скорость продвижения советских войск, поскольку Данциг является одним из мест, в которых сконцентрировано много подводных лодок». Одновременно он, учитывая, что британской и американской армиям предстоит в ближайшее время преодолеть мощную водную преграду в виде Рейна, попросил советских военных поделиться их опытом, «в особенности что касается форсирования рек по льду»⁵⁷.

Сталин, однако, не поддержал тему, поднятую премьер-министром. Она явно показалась ему слишком мелкой и недостойной обсуждения. Вместе этого Сталин обратился к Маршаллу с вопросами, касающимися подготовки союзников к наступлению:

- «какова длина фронта, на котором предполагается осуществить прорыв»;
- «есть ли у немцев укрепления»;
- «будут ли у союзников резервы для развития успеха»;
- «какое количество танковых дивизий сосредоточили союзники на участке предполагаемого прорыва»;
- «сколько самолетов у союзников»;
- «каково превосходство союзников в пехоте... в артиллерии» и т. д.

Слушая ответы Маршалла, советский руководитель иногда вставлял свои замечания, суть которых сводилась к тому, что союзникам было бы полезно поучиться кое-чему из советского опыта успешных наступательных операций. Лишь закончив с вопросами, Сталин поинтересовался, «какие пожелания у союзников имеются в отношении советских войск». Вопрос конечно был риторическим: западным лидерам только и оставалось, что признать блестящие успехи Красной армии и примерное исполнение ею союзнического долга. Черчилль взял слово, чтобы «выразить глубокую благодарность и восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной Армией в ее наступлении». Сталин скромно заметил британскому премьеру, что «это не пожелание».

Но заявление Черчилля принял как должное, отметив: «...Зимнее наступление Красной Армии, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга. Согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, Советское правительство не было обязано предпринимать зимнее наступление... [но] считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет. Он, Сталин, хочет, чтобы деятели союзных держав учли, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг по мере возможности». Не счел возможным отмалчиваться и Рузвельт, поспешивший засвидетельствовать, что «полностью согласен с мнением маршала Сталина»⁵⁸.

В итоге дискуссии главы правительств поручили начальникам военных штабов собраться на следующий день, чтобы «обсудить положение не только на восточном и западном фронте, но и на итальянском фронте, а также вопрос о том, как лучше всего использовать наличные силы». Перед закрытием заседания Черчилль предложил следующий день работы конференции посвятить «политическим вопросам, а именно о будущем Германии... если у нее будет какое-либо будущее». На эти слова живо отреагировал Сталин, решительно заявивший, что «Германия будет иметь будущее»⁵⁹.

Политические аспекты германского урегулирования

Дискуссия, состоявшая на следующий день, выявила глубокие различия в подходе сторон к германской проблеме. Представители западных держав явно пытались свести ее к задачам управления Германией непосредственно после окончания военных действий, не желая предпринимать дальнейшую судьбу этой страны. Но советскую делегацию интересовало, прежде всего, послевоенное устройство Германии.

Открывая 5 февраля заседание глав правительств, Рузвельт призвал участников конференции отложить на будущее споры относительно основ будущего «мирового порядка». По его мнению, было бы достаточно обсудить «вопрос о зонах оккупации», учитывая его различные аспекты. Президент уточнил: «Речь идет не о постоянной, а о временной оккупации. Вопрос этот становится все более и более актуальным. Следует также обсудить вопрос о желании Франции иметь свою собственную зону оккупа-

ции в Германии. Оккупация связана с вопросом о контрольном аппарате».

Но Сталин решительно высказался за всестороннее обсуждение германской проблемы. Он считал необходимым:

- во-первых, рассмотреть «предложения о расчленении Германии». Советский руководитель напомнил об обмене мнениями, который имел место по этому поводу между главами трех держав в Тегеране, а также между ним, Сталиным, и Черчиллем в Москве в октябре 1944 г. Поскольку ни в Тегеране, ни в Москве никаких решений не было принято, это нужно сделать теперь;
- во-вторых, союзники должны договориться между собой о статусе послевоенной Германии. Сталин так сформулировал стоящую перед ними задачу: «Допустим ли мы образование в Германии какого-либо центрального правительства или ограничимся тем, что в Германии будет создана администрация, или если будет решено все же расчленить Германию, то там будет создано несколько правительств по числу кусков, на которые будет разбита Германия?»;
- в-третьих, советского руководителя беспокоил вопрос: «Оставят союзники или нет правительство Гитлера, если оно безоговорочно капитулирует?» По его мнению, методы, которыми действовали западные державы в связи с капитуляцией Италии в 1943 г., вряд ли применимы по отношению к Германии.
- Наконец, в-четвертых, нужно решить «вопрос о репарациях, о возмещении Германией убытков, вопрос о размерах этого возмещения».

В заключение своего выступления Сталин пояснил, что не выдвигает альтернативной программы дискуссии — просто предлагает обсудить указанные вопросы лишь «дополнительно к вопросам, поставленным президентом»⁶⁰.

Рузвельт, признав, что «вопросы, поставленные маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния (Германии после войны. — А. Р.)», т. е. выходят за рамки очерченной им повестки дня, тем не менее легко согласился с их обсуждением. Президент нашел, что так или иначе они «вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии». Он даже не исключал, что «эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии». Сталин энергично поддержал довод президента: «Если союзники предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать»⁶¹.

Это мнение попытался оспорить Черчилль. Он «в принципе» тоже не возражал против расчленения Германии, но утверждал, что «самый метод проведения границ отдельных частей Германии слишком сложен для того, чтобы этот вопрос можно было решить здесь в течение пяти-шести дней». По мнению премьер-министра, любым шагом в этом направлении должно предшествовать «весьма тщательное изучение исторических, этнографических и экономических фактов и длительное обсуждение этого вопроса в течение недель в подкомитете или в комитете, которые будут созданы для детальной разработки предложений и представления рекомендаций в отношении образа действий». По признанию Черчилля, если бы его вдруг спросили: «Как разделить Германию?», — то он не знал бы, что ответить. Самое большее, он «смог бы лишь намекнуть на то, как ему казалось бы целесообразным сделать это». Но и в этом случае премьер-министр оставлял за собой право «изменить свое мнение, когда он получил бы рекомендации комиссий, изучающих этот вопрос».

Некоторыми мыслями о будущем устройстве Германии Черчилль все же поделился. По его убеждению, первопричиной всех бед, постигших народы Европы и саму Германию, является сильная милитаристская Пруссия. Он высказал предположение, что «если Пруссия будет отделена от Германии, то ее способность начать новую войну будет сильно ограничена». Поэтому он считал бы целесообразным создание «еще одного большого германского государства на юге, столица которого могла бы находиться в Вене». В результате был бы воздвигнут барьер, или, по его выражению, «линия водораздела» между Пруссией и «остальной Германией», причем население страны оказалось бы «поровну поделено между этими двумя государствами».

По мнению Черчилля, победители также вправе добиваться пересмотра внешних границ Германии. Она, как видно из намерений союзников, «должна потерять часть территории, которая сейчас уже в значительной степени завоевана русскими войсками и которая должна быть отдана полякам». Нерешенными, правда, остаются «вопросы, связанные с Рейнской долиной, границей между Францией и Германией, и вопрос о владении промышленными районами Рура и Саара, которые обладают военным потенциалом (в смысле возможного производства там вооружения)». Союзникам предстоит сделать непростой выбор: «Следует

ли эти районы передать Франции, или следует их оставить в ведении немецкой администрации, или установить над ними контроль мировой организации, или следует создать кондоминиум великих держав на длительный, но ограниченный период времени — все это требует рассмотрения».

Самый веский аргумент против предложенный советского руководителя Черчилль припас напоследок: он-де «не может от имени своего правительства высказать определенные мысли» по вопросам территориального устройства Германии после войны. Стало быть, он неправомочен принимать по нему на конференции какие-либо решения. Сначала, по его словам, «британское правительство должно согласовать свои планы с планами союзников». Черчилль как будто намекал: о чем бы обе другие союзные державы ни договорились, Великобритания не смогла бы их поддержать по формальным причинам. Впрочем, добавил он, остается «один вопрос», который «может быть решен очень быстро», а именно — о создании специальной комиссии, или, по его выражению, «аппарата для рассмотрения всех этих вопросов. Такой аппарат должен будет подготовить доклады правительствам, прежде чем правительства примут окончательные решения».

Черчилль предложил вернуться к повестке дня заседания, первоначально предложенной американским президентом. По его словам, главам правительств только и остается, что «официально достичь соглашения о зонах оккупации и о самом аппарате контроля в Германии». Что касается вопроса об условиях капитуляции Германии, тревожившего Сталина, то премьер-министр утверждал: «...Союзники неплохо подготовлены к принятию немедленной капитуляции Германии. Все детали этой капитуляции разработаны и известны трем правительствам». Никаких трудностей с претворением этого плана в жизнь Черчилль не предвидел: «Если предположить, что Германия капитулирует через месяц, или через 6 недель, или через 6 месяцев, то союзникам останется лишь занять Германию по зонам»⁶².

Сталина доводы британского премьер-министра не убедили. Допустим, заметил он, что «какая-нибудь группа в Германии» заявит о низложении Гитлера и объявит себя новым правительством, подобно тому как это произошло в Италии с Муссолини, неужели союзники согласятся «иметь дело с таким правительством?»

Черчилль в ответ на вопрос советского руководителя вновь пустился в пространные рассуждения. Прежде всего он пояснил, что не хотел бы предрекать «возможный ход событий» в Германии. Но если допустить, что «с предложением о капитуляции выступают Гитлер или Гиммлер», то союзники его не примут: «Ясно, что союзники ответят им, что они не будут вести с ними переговоры как с военными преступниками». Всё в таком случае останется по-прежнему, война будет продолжаться. Но возможно, что события примут другой оборот: «Гитлер постарается скрыться или будет убит в результате переворота», а в Германии «будет создано другое правительство, которое предложит капитуляцию». Возникнет новая ситуация, учитывая которую руководители трех держав должны будут немедленно «проконсультироваться друг с другом», чтобы решить, «можем ли мы говорить с этими людьми». И тогда, продолжал Черчилль, возможны варианты: «Если мы решим, что можем, то им нужно будет предъявить условия капитуляции. Если же мы сочтем, что эта группа людей недостойна того, чтобы с ней вести переговоры, то мы будем продолжать войну и оккупируем всю страну». По мысли британского премьер-министра, и в том и в другом случае союзники получают полное и ничем не ограниченное право распоряжаться будущим Германии. Даже если там появятся «новые люди», они будут вынуждены подписать «безоговорочную капитуляцию на условиях, которые им будут продиктованы». Союзники не станут торговаться с ними «об их будущем». «Безоговорочная капитуляция, — подчеркнул Черчилль, — дает союзникам возможность предъявить немцам дополнительное требование о расчленении Германии»⁶³.

Сталин возразил Черчиллю: «...Требование о расчленении — это не дополнительное, а очень существенное требование». Этими словами советский руководитель четко обозначил меру своих разногласий с британским премьер-министром.

Дискуссия между главами советской и британской делегаций приняла таким образом острый характер, и Рузвельт счел нужным в нее вмешаться. Он с сожалением констатировал, что, «кажется, маршал Сталин не получил ответа на свой вопрос, будем ли мы расчленять Германию». Вместе с тем американский президент дал понять, что не отвергает и доводы Черчилля. Фактически он призвал стороны к компромиссу, выразив мнение, что «сейчас надо ре-

шить вопрос в принципе, а детали можно будет отложить на будущее».

Сталин не замедлил согласиться с американским президентом⁶⁴. Но поскольку Черчилль хранил молчание, Рузвельт продолжал, обращаясь главным образом к главе британской делегации: «...Премьер-министр говорит о невозможности в настоящий момент определить границы отдельных частей Германии, о том, что весь этот вопрос требует изучения. Правильно. Но самое важное все-таки решить на конференции основное, а именно: согласны ли мы расчленять Германию или нет?» Рузвельт не усматривал ничего предосудительного в том, чтобы наряду с обычными условиями капитуляции сообщить немцам, что «Германия будет расчленена». Президент напомнил, что на конференции «большой тройки» в Тегеране он «высказывался за децентрализацию управления в Германии». Он объяснил свою прежнюю позицию тем, что еще в молодости был поражен высокой степенью самоуправления отдельных провинций единого германского государства: «...В Баварии или в Гессене были баварское или гессенское правительства. Это были настоящие правительства. Слова «рейх» еще не существовало». Между тем союзники должны считаться с переменами, которые произошли в Германии за годы нацистской диктатуры — «в течение последних 20 лет децентрализация управления была постепенно ликвидирована. Все администрирование сосредоточилось в Берлине». Поэтому Рузвельт пересмотрел свои прежние взгляды: «Говорить в наши дни о планах децентрализации Германии — значит, увлекаться утопиями». В нынешних условиях он «не видит иного выхода, кроме расчленения». Впрочем, пока и у него нет ответа на вопрос о том, каким образом нужно расчленить Германию, на сколько частей — «на 6–7 или меньше». И хотя этот вопрос еще требуется «изучить», по мнению Рузвельта, «уже здесь, в Крыму, следует договориться о том, скажем ли мы немцам, что Германия будет расчленена». Конкретно он предлагает, «чтобы в течение 24 часов три министра иностранных дел подготовили план процедуры изучения расчленения Германии, и тогда можно было бы составить подробный план расчленения Германии в течение тридцати дней».

Это предложение не встретило возражений со стороны Черчилля. Но он остался при своем мнении, продолжая утверждать, что «нет необходимости информировать немцев о той будущей политике, которая будет проводиться по

отношению к их стране». Вместе с тем он выразил готовность «принять принцип расчленения Германии и учредить комиссию для изучения процедуры расчленения».

В примирительном тоне выступил и Сталин: он-де «вполне понимает соображения Черчилля, что сейчас трудно составить план расчленения Германии». Да он и не требует, чтобы немедленно был составлен «конкретный план». Он лишь считает, что указанный «вопрос должен быть решен в принципе и зафиксирован в условиях безоговорочной капитуляции»⁶⁵.

Поскольку именно закреплению в официальных документах тезиса о расчленении Германии противился Черчилль, спор между ним и Сталиным чуть было не возобновился с новой силой. Черчилль доказывал советскому руководителю, что «безоговорочная капитуляция исключает соглашение о перемирии», якобы единственно предполагающее подробный перечень условий и гарантий. Сталин парировал его доводы тем, что «условия капитуляции все же подписываются», и стало быть, далеко не безразлично, что в них сказано. Но премьер-министр сам не дал разгореться этому спору, пояснив, что ему «трудно идти дальше сделанного заявления о том, что британское правительство готово согласиться с принципом расчленения Германии и учреждением комиссии для разработки плана расчленения».

В итоге стороны приняли пожелание Рузвельта о том, чтобы министры иностранных дел рассмотрели на своем заседании «возможность включить слова «расчленение Германии» или другую формулировку» в статью 12 условий безоговорочной капитуляции, разработанных Европейской консультативной комиссией⁶⁷.

Однако и министры иностранных дел, собравшиеся на свое первое заседание в полдень 6 февраля, не смогли преодолеть разногласия, возникшие накануне между советской и британской делегациями. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус, взявший слово первым, попытался выступить в роли посредника между ними. Впрочем, он не скрывал, что поддерживает в основном доводы британской делегации, прозвучавшие накануне. Он усомнился в реалистичности советской позиции по вопросу о расчленении Германии, заявив, что «прежде, чем три правительства смогут принять согласованное решение о расчленении Германии, необходимо будет провести большую исследовательскую работу».

Сначала госсекретарь предложил наркому согласиться с тем, что «на этом совещании министры договорятся о принципах»: «слово «расчленение» можно было бы вставить в пункт (а) статьи 12 условий безоговорочной капитуляции», но «затем этот вопрос должен быть передан на рассмотрение в Европейскую консультативную комиссию». Молотов явно воспринял это предложение как попытку «заболтать» важный вопрос. Он решительно возражал госсекретарю: «...Нужно зафиксировать в условиях капитуляции определенное мнение союзников о необходимости расчленения Германии». Тогда Стеттиниус спросил советского наркома, нельзя ли включить в условия безоговорочной капитуляции более эластичную формулировку — «право расчленил». Но и в этом случае он натолкнулся на энергичное сопротивление советского коллеги, не допускавшего никакой двусмысленности: «за союзниками признается не только право расчленил Германию. Союзники определенно высказываются за расчленение Германии». Наконец, последняя уловка, к которой прибегнул Стеттиниус, заключалась в том, чтобы апеллировать к авторитету руководителей трех держав. «Недостаточно ли того, — спросил он Молотова, — что вчера на заседании глав правительств принцип расчленения Германии был принят». Но и этот аргумент не смог поколебать наркома. Он невозмутимо отвечал: мол, хорошо, что они приняли этот принцип — «его следует теперь зафиксировать в документе», т. е. в решениях конференции.

Британский министр Иден в продолжение всего заседания не раз высказывал критические замечания в отношении советской позиции. Когда Молотов предложил дополнить условия безоговорочной капитуляции Германии такой формулировкой: «В целях безопасности в Европе союзники считают необходимым расчленил Германию», — британский министр иронически заметил: «...Еще нужно определить, можно ли практически применить принцип расчленения». Поясняя свою мысль, он далее сказал: «...Союзники могут пожелать расчленил Германию, но они не могут признать необходимость этого, пока не убедятся в возможности расчленения». Когда же Стеттиниус попробовал прикрыться авторитетом руководителей трех держав, а Молотов ловко использовал этот аргумент в обоснование собственной позиции, Иден попросту взял, что называется, тайм-аут — он заявил, что по данному вопросу «он должен будет посоветовать»

ся с Черчиллем». На этом заседание министров и закончилось, не приняв никакого решения⁶⁷.

Можно догадаться, с каким волнением участники конференции, собравшиеся в 16 часов 6 февраля в Ливадийском дворце на заседание глав правительств, ожидали доклада министров о выполнении поручений, полученных ими накануне. Отсутствие компромисса по вопросу, которому советская делегация придавала большое значение, не предвещало ничего хорошего. Рузвельт, открывший заседание, был даже готов предоставить трем министрам дополнительное время для завершения работы. Однако этого не понадобилось. Молотов сообщил, что «советская делегация согласна с предложением Стеттиниуса в отношении расчленения Германии» и что свое предложение нарком «снимает». Взявший затем слово госсекретарь сказал, что «таким образом по этому вопросу достигнуто единодушное решение. Статья 12 будет дополнена словами «и расчленение Германии». Это решение приветствовал британский премьер-министр. Черчилль заявил, что «очень благодарен Молотову», но сам он пока «не имел возможности доложить данный вопрос кабинету», хотя «уверен, что кабинет согласится с принятым решением». По его словам, он «рад, что соглашение достигнуто в нынешней форме»⁶⁸.

Впрочем, о деталях достигнутого компромисса министры иностранных дел договорились только на следующий день, 7 февраля, когда они в полдень собрались на свое заседание в Юсуповском дворце. Молотов напомнил, что накануне «на совещании глав трех правительств было достигнуто согласие о включении слова «расчленение» в статью 12 документа о безоговорочной капитуляции Германии без каких-либо других дополнений». Он предложил подумать, как поступить далее — «рассмотреть формулировку статьи 12 здесь, на совещании, или поручить это дело комиссии». Министры приняли решение создать с этой целью комиссию в составе заместителя народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинского, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана и директора европейского отдела государственного департамента США Ф. Мэттьюса.

Кроме того, Молотов предложил создать комиссию и «для изучения процедуры расчленения Германии». Эта комиссия, по мнению наркома, должна постоянно находиться в Лондоне. Поэтому он рекомендовал назначить ее председателем Идена, а членами — советского и американского послов в Великобритании

Ф. Т. Гусева и Дж. Вайнанта. Стеттиниус усомнился, не подорвет ли такое решение авторитет Европейской консультативной комиссии. Молотов успокоил его: «Иден, Гусев и Вайнант — это такая комиссия, что авторитет ЕКК будет сохранен». Во всяком случае, продолжал нарком, «поскольку речь идет лишь об изучении процедуры расчленения, то было бы лучше поручить этот вопрос специальной комиссии. Возможно, что на второй стадии этот вопрос мог бы быть передан ЕКК». Иден, со своей стороны, не только согласился работать в указанной комиссии, но даже поделился некоторыми соображениями относительно ее задач. Она, по словам британского министра, «пойдет дальше, чем изучение процедуры... Если будет признано необходимым расчленение Германии на отдельные государства, то неизбежно надо будет решить вопросы о времени расчленения, о границах новых государств, о взаимоотношениях этих государств между собой и с другими государствами... надо будет изучить положительные и отрицательные стороны расчленения». Молотов спросил британского министра: «...Является ли изложенное Иденом задачами комиссии»? Тот ответил утвердительно. Стеттиниус и Молотов согласились с предложениями Идена.

Несколькими часами позже на заседании глав правительств Молотов доложил о результатах работы министров: «На совещании стоял вопрос о расчленении Германии. По нему принято два решения: 1) поручить А. Я. Вышинскому, г-ну Кадогану и г-ну Мэттьюсу отредактировать окончательно статью 12 документа о безоговорочной капитуляции Германии, имея в виду включение в текст статьи 12 слова «расчленение»; 2) поручить изучить вопрос о процедуре расчленения Германии комиссии в составе г-на Идена, г-на Вайнанта и Ф. Т. Гусева»⁶⁹.

Вопрос о репарациях

На заседании глав правительств 5 февраля, когда завершилась дискуссия о расчленении Германии, Черчилль предложил обсудить «вопрос о правительстве Германии». Он значился вторым пунктом в повестке дня, предложенной советским руководителем, и вытекал из вопроса о расчленении Германии. Поскольку союзники по нему так окончательно и не договорились, Сталин, по всей видимости, решил отложить его. Прервав Черчилля, он заявил, что «предпочитает обсудить вопрос о репарациях». Тем самым он обозначил еще один из приоритетов советской внешней политики.

Предложение Сталина не встретило возражений западных делегаций. Рузвельт, открывая дискуссию, высказался по отдельным аспектам проблемы: «...Вопрос о репарациях имеет несколько сторон. Во-первых, малые страны, такие, как Дания, Норвегия, Голландия, также пожелают получить репарации с Германии. Во-вторых, возникает вопрос об использовании германской рабочей силы». Поинтересовавшись, «какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз», Рузвельт веско заявил: «Что касается Соединенных Штатов Америки, то им не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила».

В ответ президенту Сталин сказал, что «к обсуждению... вопроса об использовании германской рабочей силы Советское правительство пока еще не готово», но зато у него имеется конкретный «план материальных репараций». Услышав заявление советского руководителя, Черчилль насторожился: «...Нельзя ли кое-что узнать о советских репарационных планах?» И тогда Сталин предоставил слово заместителю народного комиссара иностранных дел И. М. Майскому, который изложил основные положения советского плана материальных репараций:

1. Репарации должны браться с Германии не деньгами, а натурой;
2. Эти натуральные платежи осуществляются в двух формах — «а) единовременные изъятия из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее, по окончании войны (фабрики, заводы, станки, суда, подвижной состав железных дорог, вклады в иностранные предприятия и т. п.) и б) ежегодные товарные поставки после окончания войны»;
3. Выплата репараций должна привести к «экономическому разоружению» Германии, что «означает изъятие 80 % оборудования тяжелой промышленности Германии (металлургия, машиностроение, металлообработка, электротехника, химия и т. д.)». Что касается авиастроительных и специализированных военных предприятий, а также заводов по производству синтетического топлива, то они должны быть изъяты полностью, на 100 %;
4. Единовременные изъятия из национального богатства должны быть осуществлены в течение двух лет по окончании войны, а весь срок репараций устанавливается в 10 лет;

5. Над экономикой Германии устанавливается строгий контроль со стороны СССР, США и Великобритании, причем он сохраняется и по истечении срока выплаты репараций;
6. Учитывая необъятные масштабы ущерба, причиненного другим странам, разумно ограничиться тем, что потребовать от Германии возмещения только прямых материальных потерь (разрушения или повреждения домов, заводов, железных дорог, научных учреждений, конфискация скота, хлеба, частного имущества граждан и т. д.). Но поскольку даже эти потери превышают сумму возможных репараций, «придется, очевидно, установить известную очередность в получении возмещения теми странами, которые имеют на него право. В основу этой очередности должны быть положены два показателя: а) размеры вклада данной страны в дело победы над врагом и б) размеры прямых материальных потерь данной страны. Страны, имеющие высшие показатели по обоим рубрикам, должны получить репарации в первую очередь, все остальные страны — во вторую очередь»;
7. СССР считает справедливым получить в порядке изъятий и ежегодных поставок не менее 10 миллиардов долларов;
8. Для разработки репарационного плана союзников на базе указанных принципов должна быть создана особая репарационная комиссия из представителей СССР, США и Великобритании с местопребыванием в Москве.

Главы британской и американской делегаций с противоречивыми чувствами выслушали сообщение Майского. С одной стороны, они безусловно признавали право любой страны на возмещение ущерба, который им причинила агрессия Германии. С другой стороны, им показались нереалистичными и даже вредными принципы, положенные в основу советского репарационного плана. Во всяком случае, советские эксперты, разрабатывая свои предложения по репарационному вопросу, «явно переоценили потенциал „межимпериалистических противоречий“ (как между США и Англией, так и между англосаксами с одной стороны и Германией с Японией — с другой)... особенно перед лицом угрозы расширения советского влияния»⁷⁰.

Первым в дискуссии по советским предложениям выступил Черчилль. Он призвал участников конференции вспомнить об уроках

Первой мировой войны: «Репарации доставили тогда большое разочарование. От Германии удалось получить с большим трудом всего лишь 1 миллиард фунтов». Но, по его словам, «даже и этой суммы нельзя было бы получить», если бы Соединенные Штаты и Великобритания не инвестировали в германскую экономику значительные капиталы. Британский премьер-министр воздал должное Советскому Союзу, который принес на алтарь победы больше, чем любая другая страна. С пониманием он относился и к намерению советских руководителей получить из Германии столь необходимое стране промышленное оборудование. Но он предостерегал, что «из разбитой и разрушенной Германии невозможно будет получить такие количества ценностей, которые компенсировали бы убытки даже только одной России».

Снова и снова обращался он к известной исторической аналогии: «Англичане в конце прошлой войны тоже мечтали об астрономических цифрах, а что получилось?» Кроме того, от германской агрессии понесли ущерб и другие страны, в том числе Великобритания. Помимо прямых материальных потерь — «большая часть ее домов разрушена или повреждена» — пострадали ее торговля и финансы. Причем Черчилль дал понять, подвергая тем самым сомнению обоснованность одного из базовых принципов советского репарационного плана, — что общий ущерб от войны для экономики его страны намного перекрывает размер прямых материальных потерь. Великобритании пришлось распродать свои заграничные активы, закупить за границей половину необходимого продовольствия, увязнуть в долгах. «Никакая другая страна, — утверждал Черчилль, — из числа победителей не окажется в конце войны в столь тяжелом экономическом и финансовом положении, как Великобритания». И тем не менее он не принял бы предложение «поддержать английскую экономику путем взимания репараций с Германии», поскольку «сомневается в успехе»⁷¹.

Британский премьер-министр поинтересовался, думал ли Сталин о том, «что будет с Германией», если снова повесить на нее бремя репараций: «Кто будет ее кормить? И кто будет за это платить? Не выйдет ли, в конце концов, так, что союзникам придется хотя бы частично покрывать репарации из своего кармана?» Сталин уклончиво отвечал, что «все эти вопросы, конечно, рано или поздно встанут». Но когда Черчилль прибегнул к метафоре: «...Если хо-

чешь ездить на лошади, то ее надо кормить сеном и овсом», — Сталин парировал: «...Лошадь не должна бросаться на нас». В итоге Черчилль поддержал лишь предложение о создании «репарационной комиссии, которая вела бы свою работу в секретном порядке»⁷².

Затем слово взял Рузвельт. Чтобы объяснить свое отношение к основным положениям советского репарационного плана, он также воспользовался историческими аналогиями. Он заявил, что «тоже хорошо помнит прошлую войну и помнит, что Соединенные Штаты потеряли огромное количество денег». Президент упомянул о 10 миллиардах долларов, которые дали займы Веймарской республике американские банкиры, а также о германской собственности, конфискованной во время Первой мировой войны, а потом возвращенной немецким гражданам. Он заверил своих партнеров, что теперь по отношению к Германии США будут действовать жестче, чтобы избежать прежних ошибок: «Несмотря на великодушие Соединенных Штатов, которые оказывают помощь другим странам», он не собирается «гарантировать будущее Германии». Прежде всего, США, по словам президента, «не хотят, чтобы в Германии жизненный уровень населения был выше, чем в СССР». Поэтому американское правительство стремится «помочь Советскому Союзу получить из Германии все необходимое».

Вместе с тем Рузвельт также не проявил готовности поддержать советский репарационный план в целом. Как и Черчилль, он дал понять, что находит его неоправданно суровым по отношению к Германии. Рузвельту показались разумными доводы премьер-министра: «...Нужно немного подумать о будущем Германии». И он твердо заявил, что каковы бы ни были претензии со стороны союзников, «в Германии нужно будет оставить столько промышленности, сколько нужно, чтобы немцы не умирали с голоду». Но Рузвельт согласился с советской делегацией в том, что «наступило время для создания репарационной комиссии по изучению нужд СССР и других европейских стран». По его мнению, которое поддержал и Черчилль, Москва была бы для нее вполне подходящим местом⁷³.

Такой результат не устраивал советскую делегацию, которая добивалась одобрения западными союзниками основных количественных и качественных параметров репарационного плана. Чтобы развеять сомнения, прозвучавшие в выступлениях Черчилля и Рузвельта, сло-

во снова взял Майский. Он, во-первых, нашел неправомерной критику советских предложений, основанную на опыте взыскания репараций после Первой мировой войны. Причина неудачи тогда «крылась не в том, что общая сумма репараций с Германии была слишком велика», а в том, что «союзыники требовали с Германии репарации не в натуре, а главным образом в деньгах». Поскольку Германия по тем или иным причинам не смогла обеспечить себе «необходимого количества иностранной валюты», был провален и весь репарационный план. По убеждению советского дипломата, этого бы не произошло, «если бы союзыники были готовы получать репарации в натуре». Впрочем, заметил Майский, союзыники и сами «поощряли немцев к невыполнению своих репарационных обязательств», инвестируя крупные капиталы в экономику Германии. Чтобы на этот раз избежать неприятностей, советский план как раз и предлагает «взимать репарации в натуре». Вместе с тем Майский выразил надежду, что и Запад не повторит прежних ошибок, т. е. что «США и Англия на этот раз не станут финансировать Германию после окончания войны». Согласно ремарке в источнике, после этих слов Рузвельт и Черчилль «жестами и возгласами» дали понять, что «ничего подобного они не собираются делать».

Во-вторых, продолжал Майский, размер репараций, на которые претендует Советский Союз, отнюдь нельзя признать для Германии непосильным. Ведь 10 млрд долл. — это «все-го лишь 10 % государственного бюджета Соединенных Штатов» или 2,5 годового бюджета Великобритании мирного времени. «Можно ли в таком случае, — вопрошал Майский, — говорить о чрезвычайности выдвигаемых Советским Союзом требований? Ни в коем случае. Скорее можно говорить об их излишней скромности».

В-третьих, совершенно несправедливы подозрения, будто бы СССР задался целью «превратить Германию в голодную, раздетую и разутую страну». Несмотря на расходы по выплате репараций, Германия, по словам Майского, «имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и легкой индустрии. Для этого имеются все условия. Никаких специальных ограничений в отношении двух только что названных отраслей германской экономики советским репарационным планом не предусмотрено». К тому же нужно учитывать, что

«послевоенная Германия будет совершенно свободна от расходов на вооружения, ибо будет полностью разоружена» и одно «это даст большую экономию». Поэтому можно не сомневаться, заключил советский дипломат, «немецкому народу будет обеспечено приличное существование»⁷⁴.

Главы делегаций внимательно выслушали доводы советского дипломата. Когда он упомянул о том, что после войны Германия будет свободна от бремени военных расходов, Черчилль даже воскликнул: «Да, это очень важное обстоятельство!». Он же и выразил пожелание, чтобы все выкладки и аргументы, представленные советской делегацией, были «рассмотрены в комиссии». Но когда Сталин предложил создать репарационную комиссию «здесь же, на конференции», британский премьер-министр запротестовал, мол, «в этом сейчас нет необходимости». Черчилль заявил: «На конференции нужно лишь принять решение, что должна быть создана репарационная комиссия, которая в дальнейшем рассмотрит претензии и те активы, которые будут в наличии у Германии, а также установит приоритеты при их распределении». Он также признал важность соблюдения очередности различных стран в получении репараций. Но предложенные советской стороной критерии показались ему несправедливыми: «Было бы желательно при фиксации очередности учитывать не только вклад нации в дело победы, но также и пережитые ею страдания». Впрочем, добавил он, «по любому из этих признаков СССР занимает первое место». Черчилль воздержался от детального анализа репарационного плана, представленного советской делегацией, сославшись на то, что «для его рассмотрения требуется время», и поэтому «он не может быть принят немедленно».

Глава советской делегации поблагодарил Черчилля и Рузвельта за поддержку предложения о создании репарационной комиссии, но подчеркнул, что этого недостаточно: «Даже самая лучшая комиссия не сможет дать многого, если она не будет иметь надлежащих руководящих линий для своей работы. Необходимо теперь же, на этой конференции, наметить такие руководящие линии». Сталин попытался отстоять и предложенные советской стороной критерии, в соответствии с которыми определялась бы очередность получения репараций отдельными странами. Он заявил, что «основным принципом при распределении репараций должен быть следующий: репарации

в первую очередь получают те государства, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Эти государства — СССР, США и Великобритания». Чтобы члены западных делегаций оценили его политический жест, Сталин повторил: «Возмещение должны получить не только русские, но также американцы и англичане и притом в максимально возможном размере». Допустим, продолжал он, что американцы «не заинтересованы в получении из Германии машин и рабочей силы». Но ведь в виде репараций они могут получать и другие товары, для них более привлекательные, например, сырье. И еще раз подчеркнул: «...Должно быть твердо установлено, что право на репарации прежде всего имеют те, кто сделал наибольший вклад в разгром врага». В ответ на прямой вопрос Сталина, согласны ли они с его мнением, Рузвельт ответил, что «согласен», Черчилль — что «также не возражает».

Далее советский руководитель обратил внимание американской и британской делегаций на то, что «при подсчете активов, которыми Германия будет располагать для уплаты репараций, надо исходить не из нынешнего положения, а принимать во внимание те ресурсы, которыми Германия будет располагать по окончании войны, когда все население вернется в страну, а фабрики и заводы начнут работать». Тогда, продолжал он, Германия будет обладать значительно большими материальными возможностями, чем теперь. Поэтому первоочередные получатели германских репараций, по его словам, «смогут рассчитывать на довольно значительное возмещение своего ущерба». Сталин закончил свое выступление пожеланием: «Хорошо было бы, чтобы обо всем этом поговорили между собой три министра иностранных дел и затем доложили конференции».

Черчилль не стал спорить и поддержал мнение о том, что «конференция должна наметить главные пункты директив для комиссии». В ответ на одобрительное замечание Сталина он в шутку признался, что «если при обсуждении вопроса о репарациях он кажется несговорчивым, то это лишь потому, что дома у него есть парламент, есть кабинет». Ведь в случае чего они, по словам премьер-министра, «могут, пожалуй, выгнать его». Сталин ободрил Черчилля, мол, «победителей не выгоняют».

Перед самым закрытием заседания Черчилль, пожелав министрам иностранных дел успеха в их занятиях, не без иронии заметил советско-

му руководителю, будто применительно к репарациям ему «нравится принцип: каждому по потребностям, а от Германии по ее силам. Этот принцип следовало бы положить в основу репарационного плана». Вмиг посуровевший Сталин ответил, что «предпочитает другой принцип: каждому по заслугам»⁷⁵.

Но 6 февраля министры не успели выполнить указанное поручение глав правительств. Как отмечалось выше, все время у них отнял другой животрепещущий вопрос — о расчленении Германии. Поэтому они перенесли вопрос о репарационной комиссии на свое следующее заседание⁷⁶.

7 февраля министры иностранных дел, закончив с более срочными делами, приступили к обсуждению вопроса о репарациях. Советские предложения огласил эксперт народного комиссариата иностранных дел С. А. Голунский. Если сравнить их с основными положениями советского репарационного плана, которые изложил Майский на заседании глав правительств 5 февраля, то бросаются в глаза по крайней мере два важных отличия. Изменились критерии определения очередности получения репараций отдельными странами. Майский говорил о двух критериях — вкладе в победу и размере прямых материальных потерь. Из нового варианта предложений второй критерий выпал, и остался единственный — вклад в победу. «Репарации, — говорилось в документе, который зачитал Голунский, — в первую очередь получают те страны, которые вынесли на своих плечах главную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Все остальные страны получают репарации во вторую очередь». Кроме того, в новом варианте впервые устанавливался общий размер репараций, которые должна была выплатить Германия, причем с их разверсткой по основным странам — соответственно 20 млрд долл., из которых СССР получал 10 млрд, Великобритания и США вместе — 8 млрд, все остальные страны — 2 млрд.⁷⁷

Затем слово взял Молотов, который постарался обосновать содержащиеся в советских предложениях количественные показатели. Прежде всего, он заявил, что поскольку Советский Союз претендует на репарации в размере 10 млрд долл., «было бы несправедливым, если бы мы не указали суммы репараций, причитающихся США и Соединенному Королевству». И далее он почти слово в слово повторил доводы, к которым ранее уже прибегнул Сталин. «Возможно, — заметил нарком, — что США

и Соединенное Королевство не интересуются станками и другим промышленным оборудованием, но они интересуются такими видами репараций, как сырье, инвестиции и т.п.» Молотов также пояснил, что, по мнению советской делегации, репарации должны равными долями состоять из «единовременных изъятий из национального богатства Германии» и ежегодных товарных поставок. В стоимостном выражении размер каждой доли равняется 10 млрд долл., итого — 20 млрд долл. Нарком подчеркнул, что все количественные показатели советского плана глубоко обоснованы. Согласно приведенным им расчетам, «намечаемые изъятия составят около 13–14% всего национального богатства Германии», тогда как ежегодные товарные поставки — «всего лишь 5–6% послевоенного национального дохода Германии». Таким образом, сказал в заключение Молотов, «советская сторона твердо стояла на почве реальных возможностей Германии, не увлекаясь никакими фантастическими планами»⁷⁸.

Выслушав Молотова, британский и американский министры воздержались от общей оценки советских предложений, сославшись на то, что сначала должны их тщательно изучить. Впрочем, Иден высказал пожелание, чтобы не только «военные усилия служили базой при определении репараций», но и понесенные народами жертвы: «Надо упомянуть оба указанных принципа, так как в противном случае сложится впечатление, что мы забираем себе все, игнорируя малые нации». Но ни он, ни Стеттиниус не возражали против предложения наркома «считать согласованным вопрос о том, чтобы доложить совещанию глав трех правительств о нашем решении продолжить изучение репарационного вопроса здесь, в Крыму, а также о том, чтобы создать репарационную комиссию, которая немедленно приступит к работе в Москве»⁷⁹.

После обмена мнениями слово снова было предоставлено эксперту НКВД, который зачитал советские предложения о создании Межсоюзной репарационной комиссии⁸⁰:

1. Комиссия состоит из трех представителей: по одному от СССР, США и Великобритании. Каждый из представителей может привлекать к работам комиссии любое количество экспертов.
2. Задачей комиссии является разработка подробного плана взимания репараций с Германии на основе принципов, принятых Крымской конференцией трех держав.

3. Правительства СССР, США и Великобритании определяют, когда к работам комиссии будут привлечены представители других союзных стран, а также формы их участия в работе комиссии.
4. Работа комиссии ведется в строго секретном порядке.
5. Местом пребывания комиссии является г. Москва.

Выслушав эксперта, Иден заявил, что «это прекрасные предложения». Стеттиниус также одобрил их, но с той оговоркой, что «принципы взимания репараций подлежат еще одобрению конференцией глав трех правительств». Вместе с тем он посетовал, что новая комиссия будет дублировать деятельность других организационных структур, создаваемых союзниками. По его словам, «вопрос о германской промышленности будет обсуждаться в трех местах: в ЕКК, в репарационной комиссии в Москве и в контрольном совете для Германии». Он высказался за создание некоего «координирующего» центра. Иден, со своей стороны, заметил, что вопрос о германской промышленности тесно связан с более широким вопросом «о будущей безопасности», о чем, по его мнению, «надо упомянуть в решении».

В ответ Молотов резонно возразил, что «репарационная комиссия должна заняться вопросом германской промышленности, поскольку это связано с репарациями». Поэтому вопрос о будущей безопасности для нее «является не главным, а второстепенным». Да и вообще, подчеркнул нарком, «будущая безопасность является не только делом... комиссий, но и делом правительств». С этим замечанием Молотова все согласились и поручили ему подготовить проект решения министров для доклада главам правительств⁸¹.

Чуть позже 7 февраля Молотов доложил главам правительств, что на совещании министров относительно репараций принято следующее решение:

- а) считать согласованным вопрос о том, чтобы в первом параграфе советских предложений сделать ссылку также и на понесенные жертвы;
- б) местом пребывания комиссии по репарациям установить г. Москву. Считать необходимым, чтобы комиссия приступила к работе немедленно по одобрении принципов взимания репараций;
- в) продолжить во время Крымской конференции рассмотрение внесенных В. М. Молотовым двух документов по репарационному

вопросу: во-первых, об основных принципах взимания репараций с Германии и, во-вторых, об организации межсоюзной репарационной комиссии⁸².

К обсуждению обоих документов стороны вернулись спустя два дня — столько времени понадобилось американской и британской делегациям на изучение советских предложений. В полдень 9 февраля в Ливадийском дворце открылось очередное заседание министров иностранных дел, на котором Стеттиниус передал своим коллегам текст американских предложений по вопросу о репарациях. Как пояснил госсекретарь, они «исходят в основном из предложений, внесенных советской делегацией на рассмотрение трех министров».

Действительно, те разделы американского документа, где речь шла о принципах очередности, формах взыскания репараций и т.п., по существу (за исключением второстепенных деталей) совпадали с советским проектом основных принципов взимания репараций с Германии, представленным 7 февраля. Однако какие-либо количественные показатели размера репараций и их разверстки между странами отсутствовали. Вместо этого говорилось: «Московская комиссия прежде всего изучит вопрос об общей сумме германских репараций в форме изъятия из национального богатства и ежегодных товарных поставок после окончания войны. Проводя это изучение, комиссия рассмотрит, какие совместные шаги должны быть предприняты с целью уничтожения или сокращения производства различных важных отраслей германской промышленности с точки зрения общей демилитаризации Германии. В первоначальной стадии своей работы комиссия примет во внимание предложение Советского правительства об общей сумме репараций в 20 миллиардов долларов для всех видов репараций»⁸³.

Майский, присутствовавший на заседании министров, потребовал изменить последнюю фразу. Советскому дипломату не понравилось никого ни к чему не обязывающее пожелание. Он предложил более мягкую по сравнению с советским проектом, но все же принудительную формулировку: «репарационная комиссия в своей работе будет исходить из цифры 20 миллиардов долларов как базы для дискуссии». Молотов, со своей стороны, заметил, что было бы достаточно указать минимальную сумму репараций, причитающуюся Советскому Союзу, т. е. 10 млрд долл.

Ни с той, ни с другой поправкой Стеттиниус не согласился. Достаточно, заметил он, «передать вопрос о суммах репараций на рассмотрение репарационной комиссии». В настоящее время никаких обязательств в этом отношении он на себя взять не может. Впрочем, он не исключал, что американская сторона даст Советскому Союзу гарантию на получение «50 % от общей суммы репараций». В ответ Молотов сказал, что было бы лучше зафиксировать советскую долю в размере 10 млрд долл., поскольку нельзя предвидеть, будет это «меньше или больше 50 % от общей суммы репараций». Стеттиниус принял во внимание замечание наркома и заявил, что «сейчас он может дать согласие на то, чтобы указать общую сумму 20 миллиардов долларов как основу для обсуждения в репарационной комиссии и чтобы 50 % от этой суммы пошло для СССР».

Иден не участвовал в обсуждении американского предложения, поскольку все еще «не получил ответа из Лондона по вопросу о репарациях». Но он сослался на мнение Черчилля, который, по его словам, выступает «против того, чтобы сейчас указывать определенную сумму репараций». К этому заявлению он добавил еще несколько успокоительных слов в адрес советских представителей: «...СССР должен быть уверен в том, что союзники понимают интересы СССР в этом деле».

В итоге, решение относительно принципов взимания репараций с Германии было, как говорят дипломаты, зарезервировано, т. е. Стеттиниусу было предоставлено дополнительное время для консультаций с президентом, а Идену — для выяснения позиции членов военного кабинета в Лондоне. Зато проект положения о репарационной комиссии был принят в редакции, предложенной советской стороной⁸⁴.

Уже на заседании глав правительств, состоявшемся спустя несколько часов, во второй половине дня 9 февраля, Стеттиниус мог сообщить, что по единственному пункту разногласий «между советской и американской делегациями достигнут компромисс, а именно: московская репарационная комиссия положит в основу своей работы общую сумму репараций в порядке единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок в 20 миллиардов долларов, из которых 50 % предназначаются Советскому Союзу». Иден не участвовал в этом соглашении, поскольку все «еще не получил указаний из Лондона»⁸⁵.

Только на следующий день, 10 февраля, Иден смог представить британский проект решения относительно принципов взимания

репараций с Германии, одобренный военным кабинетом. Он существенно отличался от варианта, согласованного ранее советской и американской делегациями. В нем говорилось, что репарации должны распределяться не только в соответствии с вкладом в победу отдельных стран, но и с размером «понесенных им материальных потерь», как это было в первоначальном советском проекте. К вышеупомянутым критериям британская сторона, по собственной инициативе, добавила еще один: «Во внимание должны быть приняты также поставки (репараций. — А.Р.) странам-получателям со стороны других вражеских стран». Согласно британскому документу, репарации должны были бы взиматься не в двух, а в трех формах — не только в виде единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок, но и в виде использования «германского труда и перевозок на грузовиках». Наконец, последний пункт прямо увязывал репарационный вопрос с другими аспектами послевоенного урегулирования: «При установлении общей суммы репараций... должны быть приняты во внимание планы по расчленению Германии, потребности оккупационных сил и необходимость Германии время от времени получать достаточное количество иностранной валюты от ее экспорта для оплаты текущего импорта и предвоенных претензий Объединенных Наций к Германии»⁸⁶.

Разъясняя этот пункт британских предложений, Иден заявил, что «англичане хотели бы избежать такого положения, при котором им пришлось бы кормить немцев». Тем более он исключал возможность «указывать какие-либо цифры», т. е. размеры репараций в денежном исчислении, «до изучения вопроса в репарационной комиссии». Фактически британская сторона ставила решение вопроса о репарациях в зависимость от обстоятельств, которые заведомо было невозможно предвидеть. Вполне осознавая, какое впечатление на других министров, прежде всего на советского, произведут британские предложения, он примирительно добавил, что «английская делегация согласна с принципами, но весь вопрос о репарациях должен быть изучен репарационной комиссией».

Молотов не скрывал своего разочарования жесткой позицией британской делегации. Он язвительно спросил: «...Нет ли таких пунктов, с которыми согласен Иден?» Как пояснил нарком, «при таком положении нет базы для работы репарационной комиссии», т. е. нельзя дать ей конкретных ориентиров. Молотов даже бро-

сил британскому министру упрек: мол, смысл его заявления «сводится к тому, чтобы взять с Германии как можно меньше»⁸⁷.

В тот же день, 10 февраля, неприятное объяснение на эту тему состоялось у Сталина и Черчилля во время их двусторонних переговоров. Сталин не без вызова спросил своего собеседника, не «пугает ли англичан предложенная советской делегацией цифра репараций с Германии»? Черчилль не стал оправдываться и просто сослался на решение, принятое министрами в Лондоне, пояснив, что «получил телеграмму от военного кабинета, в которой британское правительство высказывается против фиксирования определенной суммы репараций уже в настоящее время». Иден, участвовавший в этой встрече, также попытался переложить ответственность на недостаточно осведомленных членов кабинета. В Лондоне, заметил он, «не существует комиссии по репарационным вопросам, подобной комиссии Майского», поэтому там и «не могут судить о цифре, названной советской делегацией». Во всяком случае, позиция британского правительства остается прежней: оно «согласно с принципом репараций», но «что касается суммы репараций, то... этот вопрос лучше всего можно было бы изучить в репарационной комиссии в Москве».

Оставив без ответа слова Идена, советский руководитель с упреком заметил, что, видимо, «Черчилль жалеет немцев». Премьер-министр отверг это предположение: «...Дело не в жалости к немцам, а в том печальном опыте с репарациями, который был у британского правительства после прошлой мировой войны». Лично он даже сочувствует советским требованиям и «решительно стоит за то, чтобы русские получили германские заводы». Тем более что, добавил Черчилль, «англичанам это выгодно, так как к ним перейдет германский экспорт». Сталин не обратил внимания на ироническое замечание премьер-министра и твердо заявил: «...Русские, конечно, будут изымать германские заводы, когда они до них доберутся»⁸⁸.

Во второй половине того же дня, 10 февраля, главы правительств на своем заседании вернулись к вопросу о репарациях. Тон дискуссии задал Черчилль, который категорически заявил, что «в настоящее время не следует указывать никакой суммы репараций». Его недвусмысленно поддержал Рузвельт: «...Сейчас, пожалуй, не следует говорить о денежных суммах. Лучше поручить репарационной комиссии изучить вопрос и затем определить суммы репараций».

Озадаченный Сталин высказал опасение, не сложилось ли у союзников ложного впечатления, «будто бы мы намерены брать репарации деньгами. Речь идет не о деньгах, а о товарах на сумму в 20 миллиардов американских долларов». В подтверждение своих слов он сослался на прецедент — соглашения с Венгрией, Финляндией и Румынией, «в которых записаны суммы репараций, взимаемых в натуре». Сталин недоумевал: «...До настоящего времени у нас не было никаких недоразумений по этому поводу. Или, может быть, конференция желает, чтобы русские совсем не получали репараций?» На прямой вопрос Черчилль ответил уклончиво: «...Совсем нет, напротив. Я хочу предложить, чтобы комиссия изучила вопрос о репарациях и составила доклад о получении репараций».

Сталин снова и снова пытался нащупать почву для компромисса с союзниками в репарационном вопросе. Сначала он предложил принять следующее решение: «Три державы согласны в том, что Германия должна оплатить товарами (или в натуре) наиболее существенные убытки, причиненные ею в ходе войны союзным нациям. Поручить репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах возмещения убытков, предложив взять за основу советско-американскую формулу, и о результатах доложить правительствам». Он пояснил, что советско-американское соглашение «принять сумму в 20 миллиардов долларов как базу для дискуссии» останется в силе, но не будет обнародовано до тех пор, пока «все три державы», включая Великобританию, не «сочтут такой шаг необходимым».

Рузвельт поддержал компромиссное предложение советского руководителя. Но Черчилль остался непреклонен. Он повторил, что «конференция не может связывать себя никакими цифрами до того, как репарационная комиссия исследует вопрос и придет к определенным заключениям». Зачитав выдержки из своей переписки с военным кабинетом, он подчеркнул, что «англичане считают совершенно невозможным называть сейчас какую-либо сумму репараций».

В итоге Сталин предложил еще одну редакцию соответствующего решения, в которой уже не упоминались никакие количественные показатели:

- 1) Главы трех правительств согласились, что Германия должна возместить в натуре убытки, причиненные ею в ходе войны союзным странам.

- 2) Поручить московской репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах убытков, подлежащих возмещению, и о своих выводах доложить правительствам.

Рузвельт и Черчилль дружно заявили, что согласны с новым советским предложением. В ответ Сталин не удержался от иронического (как указано в записи заседания) полувопроса-полуупрека: «А завтра вы не откажетесь от этого?»⁸⁹

К утру 11 февраля советская делегация подготовила новый документ — «Протокол о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии». Он был передан Рузвельту и Черчиллю, когда главы правительств собрались на свое последнее заседание, посвященное обсуждению итогового коммюнике конференции. В этот документ вошли основные положения прежних проектов решения репарационного вопроса, одобренные всеми тремя делегациями. Но спорный вопрос — об общей сумме репараций — был изложен в новой редакции, которая учитывала особую позицию британской стороны.

В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими от германской агрессии странами советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» статьи 2 должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50 % этой суммы идет Советскому Союзу».

Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях московской комиссией не могут быть названы никакие цифры. Вышеприведенное советско-американское предложение передано московской комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению⁹⁰.

Ознакомившись с этим документом, Черчилль не высказал никаких существенных замечаний. Не возражал против него и Иден, но он попросил отложить его обсуждение «до просмотра всего текста коммюнике». Участники конференции так и поступили. В конце заседания, когда они вернулись к обсуждению протокола, Рузвельт сказал, что проект этого документа, предложенный советской стороной, «для него приемлем». Со своей стороны, Черчилль

заявил, что проект, как ему кажется, «потребуется некоторых стилистических поправок, однако без изменения содержания протокола». Но на всякий случай он решил его перечитать. Закончив чтение, он подтвердил, что, «за исключением некоторых стилистических изменений... согласен с проектом протокола»⁹¹.

Международная организация безопасности

Два первых дня Ялтинской конференции были почти целиком посвящены обсуждению приоритетной для Сталина германской проблематики. Лишь на третий день, 6 февраля, американский президент поднял на заседании глав правительств тему, представлявшую для него повышенный интерес.

Воспользовавшись замечанием британского премьер-министра, выразившего обеспокоенность последствиями вывода американских войск из Европы после войны, Рузвельт заметил: «...вопрос о сроке пребывания американских войск в Европе зависит от состояния американского общественного мнения. Например, если удастся создать организацию, подобную намеченной в Думбартон-Оксе, то участие США в оккупации может оказаться и более длительным». Посетовав на то, что министры иностранных дел тянут с выполнением поручений, которые им накануне дали главы правительств, президент предложил, не теряя времени, «приступить к обсуждению вопроса о международной организации безопасности».

По просьбе Рузвельта госсекретарь Стеттиниус доложил о результатах, достигнутых ранее на переговорах о создании этой организации. В частности, он сообщил, что «определенные вопросы», поднятые в Думбартон-Оксе, «были оставлены для дальнейшего рассмотрения и разрешения в будущем». Из них самым важным госсекретарь считал «вопрос о том, какая процедура голосования должна применяться в Совете Безопасности». Со времени завершения конференции в Думбартон-Оксе этот вопрос «подвергался непрерывному интенсивному изучению со стороны каждого из трех правительств». Свои предложения еще 5 декабря 1944 г. президент США направил Сталину и Черчиллю. И «в соответствии с советскими и британскими замечаниями» этот документ был подвергнут незначительной корректировке. Его последнюю редакцию Стеттиниус и огласил на заседании глав правительств.

Согласно этому документу, «решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов», а «по всем другим вопросам» — «большинством в семь голосов, включая совпадающие голоса постоянных членов». При этом любая страна-член Совета Безопасности, вовлеченная в международный спор, «воздерживается от голосования при принятии решений». По мнению госсекретаря, «американское предложение находится в полном соответствии с особой ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира» и «требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры». Вместе с тем было учтено и то существенное обстоятельство, что «мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее общий интерес, — дело, в котором суверенные государства, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без всяких ограничений».

По мысли Стеттиниуса, американской дипломатии удалось сбалансировать два разных, даже противоположных правовых принципа. Госсекретарь отмечал, что «в вопросе о процедуре есть два важных элемента»: 1) «необходимость единогласия» среди постоянных членов «для сохранения всеобщего мира»; 2) «справедливость для всех членов» международной организации в целом. И задача, по словам госсекретаря, «сводится к тому, чтобы примирить эти два главных элемента»⁹².

Советская делегация настороженно отнеслась к документу, подготовленному американской делегацией. Сталин поинтересовался, нет ли там чего-нибудь нового по сравнению с посланием президента 5 декабря 1944 г. Получив вполне ожидаемый ответ Рузвельта («то же самое, лишь с небольшими редакционными изменениями»), он попросил ознакомиться с этими изменениями. В итоге Молотов заявил, что «советская делегация... хотела бы изучить предложение Стеттиниуса» и поэтому «предлагает отложить обсуждение вопроса до завтрашнего дня».

Однако слово взял Черчилль, и дискуссия продолжалась. Премьер-министр согласился с предложением Молотова, мол, «не должно быть излишней поспешности в изучении столь важного вопроса», обсуждение которого вполне «можно отложить до завтрашнего дня». Вместе

с тем Черчилль дал понять, что американский проект столь тщательно выверен, что тянуть с решением не имеет смысла. Он утверждал, что «был не вполне удовлетворен первоначальными предложениями, разработанными в Думбартон-Оксе, так как не был уверен, что в этих предложениях было вполне учтено реальное положение трех великих держав». Он опасался негативных последствий для «доминионов британской короны», всего Британского содружества наций и Британской империи. Но когда он ознакомился с новыми предложениями правительства США, его сомнения «исчезли». Вместе с американцами Черчилль признает, что «вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основах, зависит от дружбы и сотрудничества трех великих держав». Но не менее очевидно ему и другое: «...Мы поставили бы себя в ложное положение и не были бы справедливы по отношению к своим намерениям, если бы мы не предусмотрели возможности свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств». В противном случае, по словам Черчилля, «дело выглядело бы так, как будто три главные державы претендуют на управление всем миром».

На конкретных примерах премьер-министр попытался продемонстрировать, как предлагаемая американцами процедура голосования «отразится на судьбах Британского содружества наций». Возьмем, предложил он, Гонконг. Если Китай потребует от Великобритании вернуть ему эту колонию, то оба государства будут иметь равные возможности апеллировать к общественному мнению. Но если бы британское правительство сочло, что «этот вопрос затрагивает суверенитет Британской империи», то ему «была бы обеспечена победа, ибо в соответствии с американским предложением каждый постоянный член будет иметь право налагать вето на действия со стороны Совета Безопасности». Сталин, внимательно следивший за рассуждениями премьер-министра, попросил его рассмотреть другой пример — Суэцкий канал. Черчилль живо откликнулся на эту просьбу. «То же самое, — заявил он, — относится к Египту». Если бы египтяне попытались предъявить свои права на канал, то он «допустил бы обсуждение этого вопроса без всякого опасения», поскольку в любом случае британские интересы защищены «правом вето». В заключение Черчилль заявил, что «британское правительство не возражает против принятия предложений Соединенных Штатов». Он подчеркнул, что

«было бы нежелательно создавать впечатление, будто бы три державы хотят властвовать над всем миром, не давая другим странам высказывать свое мнение»⁹³.

Доводы Черчилля настолько заинтересовали Сталина, что он вопреки первоначальному намерению отложить дискуссию, сам принял активное в ней участие. Во-первых, его явно смущал тезис о праве «свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств». У него возникло подозрение, что «решения, принятые в Думбартон-Оксе, имеют своей целью обеспечить различным странам не только право высказывать свое мнение». Такое право, по словам Сталина, «дешево стоит. Его никто не отрицает». Ведь, утверждал он, страны поднимают важные для себя вопросы «не для того, чтобы только иметь возможность изложить свое мнение, а для того, чтобы добиться решения по нему». Следовательно, «речь идет... о гораздо более важных вещах». Впрочем, что это за «вещи», Сталин не уточнил. Не конкретизировал он свои подозрения и каким-либо другим способом.

В особенности насторожили советского руководителя намеки Черчилля на стремление неких держав управлять миром. Сталин высмеял эти намеки, разыграв на заседании комическую сценку. «Кто замышляет такое господство? — вопрошал он. — Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают... Англия? Тоже нет... Значит, СССР стремится к мировому господству?.. Или, может быть, Китай?..» Судя по репликам в записи заседания, эти вопросы сопровождались «общим смехом» и «красноречивыми жестами» Рузвельта и Черчилля. «Ясно, — подвел итог своему представлению Сталин, — что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему», т. е. бесполезны, тем более что его «друг Черчилль» не смог «назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром».

Взглядам Стеттиниуса и особенно Черчилля на безопасность, в основе которых лежали принципы баланса сил и интересов больших и малых государств, Сталин противопоставил собственное мнение, выражавшее его глубокую озабоченность опасностью раскола коалиции в преддверии победного завершения войны⁹⁴. Продолжая свою речь, он заявил: «Самое... важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тре-

мя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача.

Возвращаясь к вопросу о процедуре голосования, Сталин извинился перед другими участниками конференции за то, что «не успел изучить во всех деталях документы, относящиеся к Думбартон-Оксу», поскольку, как он выразился, «был очень занят кое-какими другими делами». (После этих слов «Рузвельт и Черчилль жестами и возгласами дали понять, что им хорошо известно, чем был так занят Сталин»). Тем не менее с помощью других участников конференции он хотел бы разобраться в тонкостях этой процедуры. Правильно ли он понимает, что «все конфликты, которые могут поступить на рассмотрение Совета Безопасности, подразделяются на две категории», — с одной стороны, «спору, для разрешения которых требуется применение экономических, политических, военных или каких-либо других санкций» и, с другой стороны, «спору, которые могут быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций». Рузвельт и Черчилль подтвердили, что Сталин понимает «правильно».

Советский руководитель продолжал: правильно ли он понимает, что при обсуждении конфликтов первой категории предполагается не только «свобода дискуссий», но требуется также «единогласие постоянных членов Совета при принятии решения». Причем, он в особенности хочет удостовериться, что «в этом случае все постоянные члены Совета участвуют в голосовании», иначе говоря, что «держава, участвующая в споре, не будет выведена за дверь». Что же касается конфликтов второй категории, то «держава, участвующая в споре (в том числе и постоянные члены Совета), не принимает участия в голосовании». Рузвельт и Черчилль и на этот раз заверили его, что он все понимает верно.

Свою придирчивость Сталин объяснил тем, что Советский Союз больше всего заинтересован не в прениях по тому или иному вопросу, «а в решениях, которые будет принимать Совет Безопасности. А ведь решения принимаются с помощью голосования». «Дискутировать, — заметил он, — можно сто лет и при этом ничего не решать. Для нас важны реше-

ния». Сталин напомнил примеры, которые разбирал в своем выступлении Черчилль, и добавил: он «может заверить» премьер-министра, что если Китай потребует возвращения Гонконга, а Египет — Суэцкого канала, то «в международной организации у них найдутся друзья. Это имеет прямое отношение к вопросу о голосовании».

Черчилль возразил Сталину, что у Великобритании всегда будет возможность сказать своим недругам «нет», т. е. применить право вето. Премьер-министр подчеркнул, что «власть международной организации не может быть использована против трех великих держав». Его слова подтвердил Иден, отметивший, что «страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав». Сталин усомнился: «Действительно ли это так?» Рузвельт и Черчилль поспешили заверить его в этом.

Но внушить доверие Сталину было нелегко. Он обратил внимание участников конференции на «другую опасность». Во время советско-финской войны Великобритания и Франция «мобилизовали» общественное мнение против Советского Союза и добились его исключения из Лиги наций. «Надо, — заметил советский руководитель, — создать преграду против повторения подобных вещей в будущем». Сначала Иден, потом Черчилль, а за ним и Рузвельт принялись убеждать Сталина, что «если будут приняты американские предложения», то ничего подобного не произойдет, «так как для исключения члена требуется согласие всех постоянных членов». Услышав такие речи, Молотов не смог сдержать эмоций: «...Мы впервые об этом слышим».

Сталин невозмутимо продолжал расспросы. Даже если допустить, сказал он, что в случае одобрения американских предложений будет невозможно большинством голосов исключить из международной организации одного из членов, то «все-таки остается возможность мобилизации общественного мнения» против того или иного государства. Разумеется, отвечал ему Черчилль, такой возможности исключать нельзя. Но ведь нельзя сбрасывать со счетов и средства дипломатии: США вряд ли поддержат враждебную кампанию против Великобритании, а Великобритания — против США. Премьер-министр высказал предположение, что и «маршал Сталин не захотел бы выступить против Англии, не поговорив предварительно» с ней. Черчилль выразил уверенность в том, что

всегда можно найти путь к разрешению споров. За себя он, во всяком случае, ручается. В тон ему отвечал и Сталин, мол, за себя он также ручается.

Фактически западные лидеры поддержали принцип будущего мироустройства, важность которого подчеркнул Сталин в начале дискуссии. Рузвельт, подводя итоги обмена мнениями, заявил: «...Единство великих держав — одна из наших целей». Именно эту цель, утверждал он, и преследуют американские предложения по регламенту будущей международной организации безопасности. Не ограничивая свободу дискуссий, продолжал президент, «великие державы будут демонстрировать то доверие, которое они питают друг к другу». Сталин согласился с мнением Рузвельта, но тем не менее повторно предложил перенести обсуждение данного вопроса на следующее заседание⁹⁵.

На заседании 7 февраля главы правительств вернулись к вопросу о процедуре голосования в Совете Безопасности. От советской делегации выступил Молотов. Он с похвалой отзывался о докладе, который накануне сделал Стеттиниус: «Мы довольны этим докладом. Мы получили ряд разъяснений и считаем, что теперь некоторые вопросы, в которых мы заинтересованы, стали более ясными». Отметил нарком и усилия британского премьер-министра: «Мы также внимательно выслушали, что... говорил Черчилль». Вывод, к которому пришла советская делегация, гласил: «...Предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, а также дополнительные предложения, сделанные Рузвельтом, могут служить основой будущего сотрудничества великих и малых держав в вопросах международной безопасности»⁹⁶.

Главы американской и британской делегаций не скрывали своей радости в связи с сообщением наркома. Рузвельт заявил, что «он счастлив слышать о согласии Советского правительства с его предложениями». Президент констатировал, что на конференции «достигнут большой прогресс». Ему вторил Черчилль, имевший полное право считать, что своим дипломатическим успехом Рузвельт во многом обязан и его красноречию. Премьер-министр выразил «горячую благодарность Советскому правительству за тот огромный шаг, который был им сделан навстречу общим взглядам, выработанным в Думбартон-Оксе». Он выразил также уверенность, что «соглашение трех великих держав по этому важнейшему вопросу вызовет радость среди всех мыслящих людей»⁹⁷.

Выступая на заседании глав правительств 7 февраля, Молотов «коснулся еще одного вопроса, который был поднят в Думбартон-Оксе, но не был там разрешен», а именно «вопроса об участии советских республик в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей». Нарком не стал вдаваться в историю вопроса, заметив лишь, что как позиция советского правительства по этому вопросу, так и отношение к ней британского и американского правительств хорошо известны. Но теперь, утверждал он, советская делегация выходит с новым предложением: она «считает правильным и справедливым, чтобы три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». Молотов упомянул об Украине, Белоруссии и Литве. Предвидя вопрос, мол, какие для этого имеются основания, Молотов заявил: «Названные республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы». По просьбе американского президента Молотов уточнил, что речь идет только о том, чтобы эти республики стали членами Ассамблеи⁹⁸.

Рузвельт был явно озадачен новой советской инициативой. Он отметил, что вопрос об участниках-учредителях международной организации и без того очень сложен. Не ясно, например, «какие страны из числа участвовавших в войне с Германией» должны быть приглашены на учредительную конференцию. Еще труднее ответить на вопрос, «следует ли приглашать на конференцию наряду с воюющими против Германии странами также „присоединившиеся страны“... которые порвали отношения с Германией, но не объявили ей войну». Между тем сроки поджимают: «Все в Соединенных Штатах хотят, чтобы эта конференция состоялась возможно скорее. Говорят о желательности созыва ее в конце марта». Президент признал, что «вопрос об Украине, Белоруссии и Литве очень интересен», но и он также «требует изучения». Кроме того, советская инициатива явно противоречила согласованным принципам устройства международной организации: «Если мы дадим какой-либо стране больше одного голоса, то нарушим правило, что каждый член организации должен иметь только один голос»⁹⁹.

Более сложной была реакция Черчилля. Он не мог не догадываться, что советская делегация предлагает Западу широкий компромисс по вопросу о международной организации безопасности, своего рода пакетное соглашение:

приняв американские предложения по процедуре голосования в Совете Безопасности, она ждет аналогичной реакции на свою инициативу. И отклонить эту инициативу ему было труднее, чем Рузвельту: он должен был учитывать интересы Британского содружества наций, многие члены которого также не без оснований претендовали на равноправное участие в международной организации.

Премьер-министр и начал свое выступление с вопроса о легитимных правах членов Содружества. «В Британской империи, — заявил он, — существуют самоуправляющиеся доминионы, которые в течение четверти века играли заметную роль в международной организации безопасности, потерпевшей крах перед началом нынешней войны». Все они «работали на пользу дела мира и демократического прогресса» и «без колебаний вступили в войну против Германии», причем, сделали это «по собственной воле».

Конечно, продолжал Черчилль, с советскими республиками вопрос сложнее. Но он «выслушал предложение Советского правительства с чувством глубокой симпатии». С пафосом он заявил, что его «сердце тронут» образом «великой России, истекающей кровью, но поражающей тирана на своем пути». Учитывая заслуги «столь великой нации, как Россия, с ее 180-миллионным населением», полагал он, было бы странно, если бы она «имела только один голос» в международной организации. Поэтому Черчилль «был бы очень рад, если бы президент на предложение советской делегации дал ответ, который нельзя было бы считать отрицательным». Уклончивый оборот речи не прибавил ясности словам премьер-министра. От прямого ответа на советское предложение он также воздержался, потому что, по его словам, не смел «выйти за пределы своих полномочий». Ему якобы нужно время, «чтобы обменяться мнениями о советском предложении с министром иностранных дел и военным кабинетом в Лондоне»¹⁰⁰.

По предложению Рузвельта конференция поручила министрам иностранных дел обсудить вопрос о членах, месте и дате созыва учредительной конференции международной организации безопасности¹⁰¹.

На заседании министров, которое состоялось на следующий день, 8 февраля, Стеттиниус повторил в основном аргументы американского президента, прозвучавшие накануне: мол, он «пока не представляет», как решить «вопрос о членстве советских республик», поскольку в «предложениях, разработанных в Думбар-

тон-Оксе, предусмотрено, что каждое государство будет иметь один голос». Но в выступлении госсекретаря прозвучали и новые нотки. Президент ему якобы заявил, что «вопрос, поставленный советской делегацией, его весьма интересовал и что он заслуживает сочувственного рассмотрения»¹⁰². За ночь заметная подвижка произошла и в позиции британской делегации. Иден утверждал, что правительство его страны не только «сочувствует» вступлению советских республик в число членов международной организации, но и «готово заявить об этом в любой подходящий момент».

Молотов в своем выступлении попытался развить наметившийся дипломатический успех. Он напомнил своим коллегам, что «Канада и Австралия входят в состав Британской империи», но это «не является препятствием для их членства» в международной организации. Он сообщил также об изменениях, которые в феврале 1944 г. были внесены в конституцию СССР и которые «дают союзным республикам право выступить на международной арене». Нарком посчитал нелишним упомянуть также о том, что «развитие в Советском Союзе идет в сторону расширения прав союзных республик и расширения их демократических основ». Самый убедительный аргумент в поддержку советской позиции он припас напоследок: «Ему нет необходимости говорить о политическом, экономическом и военном значении Украины, Белоруссии или Литвы». Показав, что предложения советской делегации соответствуют требованиям легитимности, Молотов пожелал без проволочек «прийти к соглашению и сегодня же принять решение» по вопросу о членстве трех советских республик в международной организации¹⁰³.

Фактически никто ему не возражал. Стеттиниус признал, что «советские республики могут быть приняты в число членов до первого заседания Ассамблеи организации». Иден, со своей стороны, также считал, что «Объединенные нации могут согласиться увеличить число членов-инициаторов международной организации». По словам британского министра, «он готов был бы поддержать», чтобы к последним были причислены «две советские республики». Судя по записи, Молотов не стал торговаться с Иденом из-за количества республик. Наоборот, нарком сразу же ухватился за его предложение и попросил сделать к нему следующее добавление: «...Три министра иностранных дел договорились о целесообразности предоста-

вить место двум или трем советским республикам». Стеттиниус замялся, мол, «сначала нужно встретиться, договориться, а затем пригласить советские республики». Но Иден подсказал ему выход из затруднения: в повестку дня учредительной конференции нужно включить «вопрос о приглашении дополнительных членов, которые присутствовали бы затем на первом заседании международной организации». Идея британского министра госсекретарю понравилась, но до обсуждения этого вопроса с президентом он поостерегся брать на себя какие-либо обязательства. Вместе с тем он выразил надежду, что «США смогут дать благоприятный ответ до конца сегодняшнего дня». В завершение дискуссии Иден не скрывал оптимизма: «...Можно считать, что по этому вопросу состоялась договоренность»¹⁰⁴.

На заседании глав правительств 8 февраля Иден доложил: «...Министры иностранных дел рассмотрели вопрос о дате созыва конференции, о членстве в международной организации 2–3 советских республик, а также вопрос о том, какие страны должны быть приглашены на учредительную конференцию. Было решено рекомендовать созвать конференцию 25 апреля 1945 г. в США... Конференция должна будет установить список первоначальных членов международной организации. При этом делегаты Великобритании и Соединенных Штатов поддержат СССР в том, чтобы в числе первоначальных членов организации были две советские республики. Рассмотрение всех деталей приглашения поручено специальной подкомиссии»¹⁰⁵.

В ходе дискуссии, состоявшейся между главами правительств, Рузвельт предложил утвердить доклад министров, но с «поправкой», что «на конференцию приглашаются все Объединенные Нации, которые объявили войну против общего врага до 1 марта». Сталин сразу насторожился: значит ли эта поправка, что и советские республики должны будут подписать Декларацию Объединенных Наций до указанного президентом срока? Не случится ли так, что на том формальном основании, что они не подписали Декларацию, им могут отказать в статусе первоначальных членов? Рузвельт и Черчилль постарались рассеять сомнения советского руководителя: мол, это вопрос технический, имеется наше решение, и этого достаточно. Его просьбу упомянуть Украину и Белоруссию в решении министров иностранных дел президент и премьер-министр удовлетворили. На этом конфе-

ренция признала «вопрос о Думбартон-Оксе... исчерпанным»¹⁰⁶.

Вечером того же дня, 8 февраля, на обеде, который советская делегация устроила в честь высоких гостей, Черчилль и Сталин обменялись многозначительными тостами. Премьер-министр в изысканных выражениях пожелал долгих лет жизни советскому руководителю: «Я шагаю по этому миру с большей смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру». В ответ Сталин поднял бокал «за здоровье человека, который может родиться лишь раз в столетие и который мужественно поднял знамя Великобритании». Он также поздравил всех участников конференции с «завершением работы, начатой в Думбартон-Оксе». Благодаря принятым решениям, сказал он, «заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира, — это большое достижение. Это поворотный пункт». Подчеркнул Сталин и прочность уз, которые связывают Советский Союз с двумя другими державами: «В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды». Черчилль даже спустя годы с удовольствием вспоминал о «сердечной обстановке», которая возникла тогда за обеденным столом. Неизгладимый след в его памяти оставило и непринужденное общение со Сталиным. «Я никогда не подозревал, — написал потом Черчилль, — что он может быть таким откровенным»¹⁰⁷.

К вопросу о международной организации конференция возвращалась еще не раз. Накануне ее закрытия, 10 февраля, Рузвельт направил Сталину послание, в котором поделился беспокойством из-за «возможных политических трудностей», подстерегающих его дома в связи, как он деликатно выразился, с «количеством голосов, которыми будут располагать великие державы в Ассамблее международной организации». Принятие Украины и Белоруссии «в члены Ассамблеи Международной организации», продолжал президент, может вызвать нареkania «на наличие у Соединенных Штатов лишь одного голоса в Ассамблее». Рузвельт просил Сталина согласиться на предоставление «дополнительных голосов в Ассамблее с целью уравнять положение Соединенных Штатов», мотивируя это необходимостью получить одобрение

«Конгрессом и народом Соединенных Штатов» политики президента. В ответном послании Сталин признал, что «поскольку число голосов Советского Союза увеличивается до трех в связи с включением в список членов Ассамблеи Советской Украины и Советской Белоруссии», было бы справедливо «также увеличить количество голосов для США». Сталин допускал, что, как и Советский Союз, США могли бы обладать тремя голосами. Со своей стороны, он выражал готовность, если понадобится, поддержать это предложение¹⁰⁸.

О советских республиках еще раз вспомнили 11 февраля, когда главы правительств на своем последнем заседании обсуждали проект заключительного коммюнике. Сталин предложил тогда дополнить раздел, посвященный конференции Объединенных Наций, фразой: «Было также решено рекомендовать конференции пригласить в качестве первоначальных членов международной организации безопасности Украину и Белоруссию». Однако Рузвельт и Черчилль его не поддержали. Президент ссылаясь на то, что «оглашение этого решения в настоящее время создало бы для него политические затруднения в США». При этом он уверял советского руководителя, что будет придерживаться достигнутых договоренностей: «...Американцы поддержат предложение о приглашении двух советских республик в качестве первоначальных членов организации». Черчилль тоже предвидел «большие трудности и споры» в случае упоминания в коммюнике советских республик. Он опасался, что «британские доминионы могут заявить протест против того, чтобы одно государство имело больше одного голоса». Он предлагал «соглашение об Украине и Белоруссии записать в решениях конференции», не подлежащих публикации. Сталин не стал настаивать на своем дополнении¹⁰⁹.

Польский вопрос

В порядке работы конференции, намеченном главами правительств, польский вопрос значился под четвертым номером — после военных и политических планов союзников в отношении Германии, а также учредительной конференции Международной организации безопасности. До него очередь дошла 6 февраля, на третий день работы конференции. Когда главы правительств, прервав дискуссию о процедуре голосования в Совете Безопасности, решили перенести ее на следующее заседание, Черчилль и предложил «обсудить польский вопрос».

Рузвельт, явно предвидя жаркую схватку между Черчиллем и Сталиным, с самого начала принял на себя роль непредвзятого посредника в их споре. Он афишировал стремление правительства США к справедливому решению польского вопроса, отрицая наличие у него каких-либо тайных расчетов.

Открывая общую дискуссию, президент обозначил именно те аспекты польского вопроса, которые в продолжение войны вызывали наибольшую озабоченность союзников, — границы и правительство Польши. Он отметил, что «Соединенные Штаты находятся далеко от Польши», но в его стране «проживают 5–6 миллионов лиц польского происхождения». Их громадное большинство признает, что восточная граница польского государства должна проходить по линии Керзона. Это соответствует и намерениям союзников, во всяком случае, по словам Рузвельта, «совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране». Но в условиях, когда Польша лишается части довоенной территории, продолжал президент, нужно принять во внимание самолюбие поляков, которые «всегда очень озабочены тем, чтобы „не потерять лицо“». Он обратился с просьбой к советской делегации: «Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона». Рузвельт пояснил, что не настаивает на своей просьбе, но все же рассчитывает, что советское правительство примет ее во внимание.

Как ни важны границы послевоенной Польши, утверждал президент, «наиболее существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства». Имея в виду временное правительство Польской республики, образованное при поддержке Советского Союза на освобожденной территории в городе Люблине, Рузвельт заявил, что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство», поскольку «народу Соединенных Штатов кажется», что оно «представляет лишь небольшую часть польского народа». Американцы, по словам президента, выступают за то, чтобы в Польше было образовано «правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских партий: рабочей или коммунистической партии, крестьянской партии, социалистической партии, национал-демократической партии и других». Такое правительство действительно представляло бы «народные массы» страны и пользовалось бы

их поддержкой. Поскольку оно скорее всего будет временным, то неважно, каким способом его будут формировать. По мнению самого Рузвельта, сначала можно было бы создать «президентский совет в составе небольшого количества выдающихся поляков», на который и была бы «возложена задача создания временного правительства». Это «единственное предложение», заметил президент, «которое он привез с собой из Соединенных Штатов за три тысячи миль». В заключение своего выступления он выразил надежду на то, что после войны «Польша будет в самых дружественных отношениях с Советским Союзом»¹¹⁰.

Судя по записи заседания, предложения и доводы Рузвельта не удовлетворили Сталина. Он даже прервал президента, когда тот апеллировал к мнению миллионов поляков в Америке. Не скрывая иронии, он спросил оратора: «...О каких поляках идет речь: о настоящих или об эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше». А в ответ на пожелание, которым Рузвельт закончил свое выступление, советский руководитель возразил: «Польша будет находиться в дружественных отношениях не только с Советским Союзом, но и со всеми союзниками»¹¹¹. Впрочем, Сталин не спешил раскрывать свои дипломатические карты и предоставил возможность Черчиллю выступить раньше себя.

Британский премьер-министр явно добивался, чтобы его позиция по польскому вопросу выглядела сбалансированной. С одной стороны, он заявил о полном согласии с советскими требованиями относительно восточной границы Польши: он-де «постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении британского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется Советским правительством, то есть с оставлением Львова у Советского Союза». Даже призыв американского президента к советским властям о территориальных уступках как способу польстить самолюбию поляков, не нашел поддержки у Черчилля. Он подчеркнул, что «претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве». С другой стороны, премьер-министр отметил, что «больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточнением линии ее границ. Он хотел бы, чтобы у поляков была родина, где они могли бы жить так, как им кажется лучшим». При этом Черчилль явно не без задней мысли напомнил советскому ру-

ководителю о своих прежних с ним разговорах и чуть ли не о договоренностях на эту тему: он-де «несколько раз слышал, как маршал Сталин с величайшей твердостью провозглашал ту же самую цель».

Премьер-министр также отрицал какие-либо корыстные мотивы британской политики в польском вопросе. «У Великобритании, — заявил он, — нет никаких материальных интересов в Польше. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. Великобритания интересуется Польшей потому, что это — дело чести Великобритании». Поэтому он возражал бы против любого решения, если оно «не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме». Но и полякам следует предъявить жесткие требования: свободная Польша должна твердо усвоить, что впредь исключаются «с ее стороны враждебные намерения или интриги против Советского Союза». Впрочем, за поляков британский премьер-министр был готов поручиться уже сейчас: «Мы... не просили бы о том, чтобы Польша была свободной, если бы у нее были враждебные намерения в отношении Советского Союза». Что бы ни выражала эта, на первый взгляд, невинная фраза — просто желание помирить Сталина с лондонскими поляками или завуалированное стремление и впредь проводить в отношении Польши политику гарантий, — она не могла понравиться советскому руководителю, единственному из лидеров трех держав, кто действительно контролировал ситуацию на месте.

По мнению Черчилля, участники Ялтинской конференции не могут разъехаться по домам, «не предприняв практических мер по польскому вопросу». Сложилось недопустимое положение, когда «существуют два польских правительства, в отношении которых союзники придерживаются разных мнений». Поэтому премьер-министр поддерживает предложение Рузвельта о введении в Польшу некоего временного правления, пользующегося доверием трех держав. Это правление должно сохраняться «вплоть до того момента, когда польский народ сможет свободно избрать такое правительство, которое будет признано Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами, а также другими Объединенными Нациями, ныне признающими польское правительство в Лондоне». Если бы конференция приняла решение о создании «органа, о котором говорил президент», то, по словам Черчилля, «был

бы сделан большой шаг вперед по пути к миру и благосостоянию в Центральной Европе»¹¹².

Сталин выслушал Черчилля, не перебивая. Майский, присутствовавший на заседании, записал в своем дневнике: «Я видел, что в течение речей Рузвельта и Черчилля, особенно Черчилля, Сталин приходит в состояние все большего волнения». В какой-то момент советский руководитель встал, хотя обычно всегда говорил сидя. Ему, продолжает Майский, как будто «хотелось выйти из-за стола и начать ходить из угла в угол, как это он часто делает во время бесед в своем кабинете, но он вовремя опомнился и сдержался»¹¹³. Взяв слово, Сталин постарался пункт за пунктом опровергнуть основные доводы британского премьер-министра. Допустим, заявил он, что для британского правительства вопрос о Польше является «вопросом чести». Но для нас, «для русских», продолжал он, это не только вопрос чести, но также и «безопасности». Развивая эту мысль, Сталин признал, что «у русских в прошлом было много грехов перед Польшей». Но теперь, продолжал он, «Советское правительство стремится загладить эти грехи». В политике Советского Союза по отношению к польскому народу произошел «крутой поворот». Если «царское правительство стремилось ассимилировать Польшу», то советское государство «пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости».

Но Польша для Советского Союза, продолжал Сталин, не просто одна из пограничных стран, с которыми важно поддерживать добрососедские отношения. Как пояснил он, «суть проблемы гораздо глубже»: «На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». Сталин напомнил участникам конференции, что за последние 30 лет немцы дважды «прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну». Он предложил им задуматься над вопросом: «Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу?» И сам же отвечал на него: «Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши». Цели советской политики Сталин определил следующим образом: «...Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Сталин прокомментировал отдельные аспекты польской проблемы, затронутые Рузвельтом и Черчиллем. Что касается восточной границы Польши, Сталин заметил, что линию Керзона придумали западные политики и дипломаты на Парижской мирной конференции 1919 г. Это было сделано не только без участия, но даже «вопреки воле русских». В частности, против линии Керзона возражал В.И. Ленин, поскольку «не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область». Но с тех пор, утверждал Сталин, «советское правительство... отступило от позиции Ленина», т. е. отказалось от всяких территориальных притязаний за пределами этой линии. По всей видимости, советский руководитель имел в виду, что в сентябре 1944 г. Польше были возвращены Белосток и одноименная область, незадолго до войны вошедшие в состав Советской Белоруссии. В этой связи недоумение Сталина вызвала просьба американского президента о передаче Польши части украинских земель. Обращаясь к Рузвельту, советский руководитель вопрошал: «...Вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо». Воспользовавшись оборотом речи Рузвельта, советский руководитель предложил ему вообразить, с каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву?

Одновременно советский руководитель дал понять, что компромисс между союзниками по вопросу о границах Польши возможен. Правда, его нужно искать не там, где предлагает американский президент, не на востоке. «Нет, — заявил Сталин, — пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе». По его словам, сами поляки проявляют к этому интерес. Он сослался на свой разговор с С. Миколойчиком, премьер-министром польского правительства в Лондоне, который осенью 1944 г. приезжал в Москву. Тот был якобы «очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе». Сталин уточнил, что речь идет о притоке Одера, протекающем на значительно большем расстоянии от довоенной польско-германской границы, чем Восточная Нейсе. Советский руководитель призвал Рузвельта и Черчилля согласиться с его

предложением о том, что «западная граница Польши должна идти по Западной Нейсе».

Сталин откровенно высмеял предложение премьер-министра о создании нового польского правительства на Ялтинской конференции стараниями великих держав. Он предположил, что Черчилль просто «оговорился», и недоумевал: «Как можно создать польское правительство без участия поляков?» Хотя его, Сталина, называют «диктатором, считают его недемократом», однако, утверждал он, «у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков». По его убеждению, «польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия». Советский руководитель утверждал, что благоприятная возможность для реализации этой идеи представилась осенью 1944 г., во время визита в Москву премьер-министра Великобритании. Вместе с ним приехали видные деятели польского лондонского правительства во главе с Миколойчиком. В результате встречи между ними и «люблинскими поляками» «наметились даже некоторые пункты соглашения». По мнению Сталина, оставалось приложить не так много усилий «для завершения шагов по организации польского правительства». Но соглашение было сорвано вследствие того, что Миколойчик «был изгнан из польского правительства в Лондоне». И с тех пор его деятели не только выступают «против соглашения с люблинским правительством», но и всячески поносят его, называя «собранием преступников и бандитов». Неудивительно, что люблинское правительство, переехавшее тем временем в Варшаву, «не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников».

Советский руководитель заверил союзников в своей готовности «предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех». В частности, он предложил пригласить «варшавских поляков» в Ялту или Москву и «там с ними поговорить». Но пока шансы на объединение невелики, Советский Союз должен сотрудничать с фактическим правительством Польши. От него Сталину нужно только одно — «чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта». По большому счету советскому руководителю «безразлично», кто будет обеспечивать

этот порядок — важно лишь, чтобы советским солдатам «не стреляли в спину». И он с удовлетворением констатирует, что «варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами». Вместе с тем он считает своим долгом обратить внимание союзников на деятельность в Польше «агентов лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися „силами внутреннего сопротивления“». Так вот, от последних, заявил Сталин, «мы не имеем ничего, кроме вреда» — они убивают советских военнослужащих, нападают на склады с оружием, игнорируют приказы военных властей — словом, «нарушают все законы войны». Советский руководитель саркастически добавил: «Они жалуются, что мы их арестовываем... Если эти „силы“ будут продолжать нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать»¹¹⁴.

Майский отмечал в дневнике: «Чем дольше говорил Сталин, тем напряженнее становилась тишина за круглым столом, тем мрачнее делались лица Рузвельта и Черчилля»¹¹⁵. После заключительной фразы Сталина американский президент решил прервать прения и предложил перенести обсуждение польского вопроса на следующее заседание. Однако Черчилль, задетый за живое доводами Сталина, не унимался. Он высказал предположение, что советское и британское правительства пользуются различными источниками информации. По данным британского правительства, поддерживаемое СССР правительство Польши вряд ли «представляет хотя бы 1/3 польского народа». Но дело даже не в этом — столкновения между политическими противниками могут привести к «кровопролитию». Британское правительство, заявил премьер-министр, осуждает «нападения на Красную Армию» сторонников лондонского правительства, но вместе с тем не может признать и легитимность «люблинского правительства».

Рузвельт призвал премьер-министра к сдержанности, назидательно заметив: «...Польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль»¹¹⁶. Черчилль ему ответил: вот, мол, и «надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству». Сталин поддержал премьер-министра: «...Это обязательно нужно сделать»¹¹⁷.

Таким образом, дискуссия 6 февраля показала, что несмотря на острые разногласия, ни одна из сторон не отказывалась от дипломатического торга и поиска взаимоприемлемого

компромисса по польскому вопросу. При этом Рузвельт и Черчилль со всей очевидностью рассчитывали, что признание ими линии Керзона в качестве советско-польской границы заставит Сталина смягчить свою позицию относительно правительства Польши. Их расчеты перечеркнуло предложение советского руководителя о компенсации территориальных потерь Польши на востоке посредством значительного расширения ее границ на западе — за счет Германии. Ни отклонить это предложение, ни тем более взять назад свои твердые обещания относительно линии Керзона было немислимо. Вполне сознавая слабость своей переговорной позиции, Рузвельт и Черчилль были вынуждены уступить Сталину, пойти навстречу его пожеланиям. Во всяком случае, уезжать из Ялты, не достигнув соглашения со Сталиным по польскому вопросу, они не хотели и не могли.

Эти противоречивые чувства, по всей видимости, и побудили Рузвельта вечером 6 февраля обратиться к Сталину с личным посланием. В первых его строках президент выражал глубокую озабоченность отсутствием согласия между тремя великими державами относительно «политического положения в Польше». Это, предупреждал он, чревато серьезными последствиями: «Признание Вами одного правительства, а нами и британцами — другого в Лондоне... выставляет нас в плохом свете перед всем миром». Найдется немало людей, кто подумает, что «между нами существует раскол, чего в действительности нет». Что касается самого Рузвельта, то он «исполнен решимости не допустить раскола» между США и СССР. Более того, он выражал уверенность, что «наверняка» найдется «способ примирить наши разногласия». В частности, президент признал убедительным довод Сталина о том, что Красная армия, «продвигающаяся к Берлину, должна иметь обеспеченный тыл». Соглашался он и с тем, что союзники «не должны терпеть какое-либо временное правительство (в Польше. — А. Р.), которое будет причинять... неприятности». Но, со своей стороны, и Сталин должен понять, что, как писал Рузвельт, «мы не можем признать Люблинское правительство в его теперешнем составе». «Если бы, — продолжал он, — мы разъехались при наличии открытых и явных разногласий между нами по этому вопросу», то «весь мир считал бы, что мы закончили нашу работу здесь с прискорбными результатами».

Президент напомнил, что во время дискуссии 6 февраля Сталин упомянул о возможности пригласить в Ялту «варшавских поляков».

Эта мысль показалась Рузвельту плодотворной. Учитывая, писал он, что «все мы в равной степени стремимся урегулировать это дело», он позволил себе «немного развить» ее и «предложить, чтобы мы немедленно пригласили сюда, в Ялту» наиболее влиятельных членов «люблинского правительства»¹¹⁸, «а также двух или трех лиц» из числа тех «поляков, которые... были бы желательны в качестве представителей других элементов польского народа»¹¹⁹ для создания нового временного правительства, которое мы все трое могли бы признать и поддержать». Президент считал возможным договориться с этими лицами о «временном правительстве в Польше». Причем, по его мнению, объединенное правительство «должно включать некоторых польских деятелей, находящихся за границей»¹²⁰. После этого США и Великобритания, по мнению Рузвельта, «были бы готовы рассмотреть... условия, на которых мы отмежевались бы от Лондонского правительства и вместо него признали бы новое временное правительство»¹²¹.

Открывая в 16 часов 7 февраля заседание глав правительств, Рузвельт заявил, что «для него не столь важна та или иная граница Польши» и что он «больше всего интересуется вопросом о польском правительстве». Причем, его не особенно беспокоит, смогут ли союзники в настоящее время гарантировать «законность или постоянство польского правительства», учитывая, что «в Польше в течение нескольких лет не было вообще никакого правительства». Для него главное — чтобы возникло облеченное доверием великих держав временное правительство, которое обеспечило бы проведение свободных выборов. Рузвельт призвал участников конференции внести в обсуждение этого вопроса «что-нибудь новое, что-то такое, что было бы похоже на струю свежего воздуха».

После отчета министров иностранных дел о выполнении ими поручений конференция вернулась к дискуссии по польскому вопросу. Первым взял слово Сталин, который сообщил, что «часа полтора назад» получил послание американского президента. Огласив содержащиеся в нем предложения, советский руководитель выразил сомнение в их осуществимости: мол, он не представляет себе, «где можно найти тех лиц, которые названы в послании Рузвельта». Сам Сталин «не знает их адресов и боится, что участники настоящего совещания не смогут дожидаться приезда поляков в Крым». Вместе с тем советский руководитель дал понять, что готов к конструктивному сотрудничеству с союзни-

ками в целях преодоления имеющихся разногласий. Он заявил, что советская делегация, идя «навстречу пожеланиям Рузвельта», разработала свой проект решения по польскому вопросу. Он предложил участникам конференции заняться другими делами, пока его перепечатают.

Действительно, спустя короткое время Молотов известил, что «текст советских предложений по польскому вопросу готов и он хотел бы вручить его английской и американской делегациям». Эти предложения заключались в следующем:

1. Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5–8 километров в пользу Польши.
2. Считать, что западная граница Польши должна идти от г. Штеттин (для поляков), далее на юг по р. Одер, а дальше по р. Нейсе (Западной).
3. Признать желательным пополнить Временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов.
4. Считать желательным признание пополненного Временного польского правительства союзными правительствами.
5. Признать желательным, чтобы Временное польское правительство, пополненное указанным в п. 3 способом, в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления Польши.
6. Поручить В.М. Молотову, г-ну Гарриману и г-ну Керру обсудить вопрос о пополнении Временного польского правительства совместно с представителями Временного польского правительства и представить свои предложения на рассмотрение трех правительств¹²².

Компромиссный характер советских предложений не подлежал сомнению. Поэтому первая реакция американской и британской делегаций на заявление Молотова была скорее положительной. Рузвельт признал, что они «представляют определенный прогресс». Черчилль назвал их «шагом вперед». Но президента, равно как и премьер-министра, покорило выражение «эмигрантские польские круги». Рузвельт заметил, что «вовсе не обязательно привлекать к участию в польском правительстве непременно лиц из эмиграции. Можно будет найти подходящих людей и в самой Польше». Черчилль, со своей

стороны, напомнил, что во время Французской революции XVIII в. эмигрантами называли людей, изгнанных «французским народом». Поляки же, о которых идет речь, «были изгнаны Гитлером». Поэтому премьер-министр предложил слово «эмигранты» заменить выражением «поляки, находящиеся за границей». Сталин с его предложением согласился.

Усомнился Черчилль также в обоснованности советских предложений относительно западной границы Польши. Он посоветовал сделать такую оговорку: «Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять». В этой связи он пошутил: «Едва ли было бы целесообразно, чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка». Кроме того, в случае значительного расширения территории Польши на запад могут возникнуть трудности с «выселением большого количества немцев». Впрочем, самого Черчилля, по его признанию, «такая перспектива отнюдь не страшила». Тем не менее Сталин поспешил развеять его опасения. Он заверил премьер-министра, что для тревоги нет никаких оснований: «...В тех частях Германии, которые занимает Красная Армия, немецкого населения почти нет». В итоге, Рузвельт и Черчилль обещали «изучить» советские предложения, чтобы затем обсудить их на следующем заседании¹²³.

Дискуссия по советским предложениям состоялась на заседании глав правительств 8 февраля. Представители советской и британской делегаций и на этот раз не сумели воздержаться от полемических выпадов друг против друга. Напротив, Рузвельт, взявший слово первым, старался говорить только по существу вопроса. Он не возражал против советского плана урегулирования в отношении восточной границы Польши, который отчасти учитывал пожелания самого президента. Рузвельт согласился также «с предоставлением Польше компенсации за счет Германии». Он одобрил присоединение к польскому государству «Восточной Пруссии к югу от Кенигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера». Но идее отодвинуть польско-германскую границу до Западной Нейсе он не нашел оправдания. Впрочем, главным препятствием на пути к соглашению он считал разногласия не о границах, а о правительстве Польши.

Судя по записи, советское предложение «пополнить Временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями» не

произвело впечатления на американского президента. Во всяком случае, он его не поддержал. Вместо этого он выступил с инициативой проведения в Москве переговоров между дипломатами трех держав и польскими политиками об образовании в Польше «нового правительства», «правительства национального единства». По мысли Рузвельта, в результате этих переговоров должен возникнуть «президентский совет» с функциями главы государства. В свою очередь совет «займется созданием правительства из людей, имеющих в варшавском правительстве, из демократических элементов внутри Польши и за границей». Образованное таким образом «временное правительство Польши» будет обязано «провести выборы в учредительное собрание», которое выработает новую польскую конституцию. И только затем можно будет сформировать «постоянное правительство Польши». Изложив свой план, Рузвельт добавил: «Когда будет создано временное польское правительство национального единства, то наши три правительства его признают»¹²⁴.

В выступлении американского президента именно последняя фраза заинтриговала Сталина. Значит ли это, переспросил он, что «в указанном случае будет ликвидировано лондонское правительство?» Получив от Рузвельта и Черчилля утвердительный ответ, советский руководитель попросил уточнить, кому тогда достанется «национальная собственность Польши, которой сейчас распоряжается польское правительство в Лондоне»? Рузвельт категорически заявил: «...Собственность Польши, находящаяся за границей, автоматически перейдет к новому польскому правительству». С мнением президента полностью согласился и Черчилль.

Молотов, выступавший затем от имени советской делегации, пункт за пунктом раскритиковал предложения Рузвельта и Черчилля¹²⁵. Причем, шла ли речь о границах Польши или о характере польского правительства, он косвенно полемизировал с Черчиллем, ссылаясь в обоснование советской позиции на мнение «польского народа». Коротко упомянув о разногласиях относительно Западной Нейсе, нарком предложил участникам конференции «спросить поляков», что они сами об этом думают. Можно не сомневаться, утверждал он, что «поляки выскажутся за линию, предложенную Советским правительством». Равным образом, по словам Молотова, союзники не могут «игнорировать тот факт, что в Польше уже существует

правительство и что оно находится в Варшаве». Это правительство, продолжал Молотов, «пользуется огромным авторитетом в польском народе». Если, предостерегал он, президент и премьер-министр будут упорствовать в непризнании очевидного факта, то «поляки могут с ними не согласиться». Зато приняв решение о том, что «нынешнее правительство должно быть расширено и пополнено», союзники ничем не рискуют, ибо «успех обеспечен». Важное преимущество членов «существующего» правительства в Варшаве по сравнению с зарубежными деятелями Молотов усматривал в том, что одни «тесно связаны с национальными событиями в Польше», а другие «не участвовали в решающих событиях». Поэтому соглашение между союзниками возможно только на основе советских предложений — «нынешнее польское правительство должно быть расширено».

Молотов дал четко понять, что предметом переговоров может быть лишь «вопрос о том, сколько новых членов и кто именно должны быть в него введены». В этой связи нарком позитивно оценил пожелание Рузвельта провести в Москве переговоры о составе польского правительства. «Советская делегация, — заявил он, — согласна с тем, чтобы такое поручение было дано Гарриману, Керру и мне». Не возражал он и против участия в этих переговорах самих поляков. Но, предупредил он, может случиться так, что «члены Временного польского правительства (в Варшаве. — А. Р.) не захотят иметь дело с некоторыми лицами».

Когда Рузвельт поинтересовался, как советская делегация относится к его проекту учреждения в Польше президентского совета, Молотов прямо ответил, что считает это предложение опрометчивым: если его принять, то «вместо одной трудной проблемы у нас будут две трудные проблемы... в результате трудности увеличатся, а не уменьшатся». Кроме того, заметил он, на освобожденной территории Польши уже действует учреждение представительной власти — Крайова Рада народов — «законный орган, который тоже может быть расширен». Молотов выразил недоумение в связи с упорным нежеланием западных делегаций принять советские предложения по вопросу о польском правительстве. Ведь, утверждал он, «Крайова Рада и Временное правительство — временные органы» власти в Польше. По сути и СССР, и его союзники преследуют «одну общую цель: возможно скорее провести выборы, которые позволят создать постоянные органы управления»¹²⁶.

Черчилль, взявший слово после Молотова, начал на драматической ноте: «...Конференция в своей работе достигла решающего момента. Речь идет о вопросе, урегулирования которого ожидает весь мир. Если мы разъедемся, продолжая признавать разные польские правительства, то все поймут, что между Великобританией и США, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, существуют коренные разногласия. Это имело бы весьма плачевные последствия во всем мире, и это наложило бы на нашу конференцию печать банкротства».

Премьер-министр пояснил причины, по которым его правительство не может принять советских предложений. Согласно имеющейся у него информации и вопреки тому, что говорят советские представители, «люблинское, а теперь варшавское правительство не является таким, которое могло бы быть признано подавляющим большинством польского народа». Если бы Великобритания вдруг установила с ним отношения, то это, по словам премьер-министра, «вызвало бы протест всего мира», включая «всех без исключения поляков, находящихся за границей». Как «измену» восприняла бы его действия польская армия, сражающаяся в составе союзных войск в Италии. В итоге пострадала бы репутация Великобритании: «Люди стали бы утверждать, что британское правительство уже раньше полностью уступило Советскому Союзу по вопросу о восточной границе Польши и теперь капитулировало перед ним по вопросу о характере польского правительства». Депутаты потребовали бы отчета кабинета министров. А это уже грозило бы тяжелыми политическими осложнениями для всех: Черчилль допускал, что парламентские дебаты «отрицательно отразились бы на единстве союзников».

В заключение премьер-министр упрекнул советскую делегацию в том, что ее «предложения идут недостаточно далеко» и поэтому не могут служить основой для компромисса. Его совершенно не убедил довод Молотова, что после выборов в Польше временное правительство неизбежно уступит место постоянному. Разумеется, Черчилль не отрицал, что многие поводы для недоразумений между союзниками исчезли бы, «если бы в Польше произошли свободные выборы на основе всеобщего голосования». Великобритания, по его словам, незамедлительно признала бы «всякое польское правительство, которое появилось бы в результате этих выборов, и отвернулось бы от лондонского правительства». Но, подчеркнул он, британскому

правительству внушает тревогу не то, что произойдет в Польше после выборов, а то, что может случиться «в промежуточный период до того, как станет возможным организовать выборы»¹²⁷.

Рузвельт поддержал Черчилля, заметив, что у него тоже вызывает озабоченность вопрос о том, «как будет Польша управляться в промежуточный период, до устройства свободных выборов». Вместе с тем он, демонстрируя свою непредвзятость, «как гость с другого полушария», обратил внимание участников конференции на совпадение их мнений в одном важном пункте: «в Польше возможно скорее должны быть проведены всеобщие выборы»¹²⁸.

Сталин сделал вид, что не заметил реплики президента или не придавал ей значения. Он обрушился с критикой на Черчилля, позволившего себе усомниться в массовой поддержке населением Польши «варшавского правительства». Сталин упрекнул премьер-министра ни много ни мало в недостаточной информированности. Обращаясь к союзникам, он вопрошал: хотите знать, в чем причина «громadной популярности» руководителей варшавского правительства «в польском народе»? Прежде всего, в том, что «они не покидали своей страны во время оккупации», «находились в занятой немцами Варшаве, работали в подполье». Кроме того, продолжал Сталин, росту их популярности способствовали победы советских войск: «...Наступление Красной Армии и освобождение ею польского народа от гитлеровской оккупации совершенно перевернули настроение поляков». Раньше «поляки не любили русских, так как русские три раза участвовали в разделе Польши». Теперь же «поляки рады тому, что русские гонят немцев... и у них появляется доброе отношение к русским». Одновременно польский народ окончательно разуверился в своих прежних руководителях. Поляки, по выражению Сталина, в настоящее время «переживают великий национальный праздник своей истории». И они не могут понять, почему на этом празднике они «не видят лондонских поляков. Это, конечно, подрывает авторитет польского правительства в Лондоне». Союзники, утверждал советский руководитель, не могут не считаться с указанными «фактами», если они уважают «волю народа».

Кроме того, Сталин предложил Черчиллю не драматизировать ситуацию, сложившуюся на Ялтинской конференции. По его мнению, для опасений, что лидеры трех держав разъедутся, так и не достигнув соглашения по польскому

вопросу, нет равным счетом никаких оснований. Сталин предположил, что недовольство Черчилля нынешним Временным правительством Польши связано с тем, что оно «не избрано». Он попросил премьер-министра принять во внимание, что «во Франции правительство де Голля тоже не избрано». Но это не мешает союзникам поддерживать с ним отношения, даже подписывать соглашения: «Почему от Польши требовать большего, чем от Франции?» В действительности же положение «не так трагично, как его рисует Черчилль». Если отбросить «предубеждения», «не придавать излишнего значения второстепенным» деталям, «сконцентрировать внимание на главном», то, по мнению советского руководителя, польский вопрос «можно успешно разрешить». Во всяком случае, он убежден, что «легче реконструировать существующее Временное польское правительство, чем создавать совсем новое».

Когда советский руководитель закончил, Рузвельт попытался перевести разговор в конструктивное русло. «Когда, — спросил он Сталина, — будет возможно проведение свободных выборов в Польше?» Ответ, должно быть, ошеломил президента: «...Через месяц, если не произойдет какой-либо катастрофы на фронте...» Услышав это обещание, встрепетнулся и Черчилль. «Разумеется, — заявил он, — свободные выборы успокоили бы умы в Англии. Британское правительство поддержало бы новое правительство, и все остальные вопросы отпали бы». Премьер-министр вспомнил и о законных интересах Советского Союза. «Конечно, — продолжал Черчилль, — мы не можем просить ни о чем, что мешало бы военным операциям советских войск. Эти операции должны стоять на первом месте. Но если бы оказалось возможным через два месяца провести выборы, то создалась бы совершенно новая ситуация, и никто не мог бы этого оспаривать»¹²⁹.

Проработать новые предложения и идеи главы правительств поручили министрам иностранных дел. Их заседание 9 февраля и началось с обсуждения, как выразился Стеттиниус, «главного вопроса — о Польше». Судя по записи, руководители американской и британской дипломатии нервничали, особенно в начале заседания, опасаясь очередной неудачи.

Государственный секретарь не скрывал, что цена этого вопроса для американского правительства очень высока. «В США, — утверждал он, — идет напряженная внутренняя борьба по вопросу об их вступлении в международную

организацию безопасности». Именно поэтому так важно найти «решение, которое удовлетворит общественное мнение США». Стеттиниус выражал готовность американской делегации к компромиссам: «Мы согласны... с предложением советской делегации снять вопрос о президентском совете». А коль скоро все участники конференции разделяют мнение, что «поляки сами должны решать свои дела», он не видит причины, почему бы они не могли прийти к соглашению. В тон госсекретарю Иден тоже пожаловался на «трудности в польском вопросе»: «Многие считают, что, согласившись на линию Керзона, правительство Великобритании сурово обошлось с поляками». Он не исключал, что британское правительство может ошибаться «в своих оценках люблинского правительства». Министр оправдывался тем, что «по-видимому, в Англии никто не считает, что оно представляет Польшу должным образом». Иден дал понять, что британская делегация настаивает на создании «нового правительства Польши» главным образом по внутривнутриполитическим соображениям — для нее это «было бы наиболее удобным способом разрешения польского вопроса»¹³⁰.

Однако Молотов, несмотря на увещания своих западных коллег, продолжал стоять на том, что речь может идти только «о реорганизации польского правительства путем включения в существующее Временное правительство Польши представителей демократических элементов из самой Польши и из-за границы». Ссылаясь на высказывания руководителей западных делегаций, он утверждал: «Вопрос о выборах в Польше признается всеми нами главным вопросом». Поскольку выборы состоятся «в ближайшее время» — Сталин не исключал, что уже через месяц, а Черчилль полагал, что в двухмесячный срок, — «многие трудности» будут сняты. Но в любом случае, предостерег нарком, нужно проявлять благоразумие, поскольку «вопрос о выборах в Польше является не только польским вопросом, но и вопросом о тыле Красной Армии».

Трактовка Молотовым британской позиции задела Идена. Соглашаясь с мнением народного комиссара «относительно значения выборов», он указал тому, что суть дела заключается не в сроке, на который они будут назначены, а в другом: «...Общественное мнение Англии не будет считать выборы, проведенные под руководством люблинского правительства, отвечающими требованиям свободных выборов».

Но Иден так ничего и не добился. В ответ Молотов лишь заметил, что придется «подождать с выборами до того, когда будет изменен состав правительства».

Неожиданно, прямо в ходе заседания, новые предложения по польскому вопросу внес Стеттиниус. Их главные положения заключались в следующем: 1) американская делегация снимала свой проект создания в Польше президентского совета; 2) предлагалась компромиссная «формула» преодоления разногласий по характеру польского правительства: «Теперешнее Временное правительство Польши будет реорганизовано во вполне представительное правительство на базе всех демократических сил в Польше с включением демократических деятелей Польши из-за границы, причем это правительство будет называться „временным правительством национального единства“»; 3) это правительство «должно было принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы... в которых все демократические партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов»; 4) за выполнением польским правительством своих обязательств должны были наблюдать послы трех держав¹³¹.

Чтобы дать членам делегаций возможность ознакомиться с новыми американскими предложениями по польскому вопросу, министры занялись другими делами. Когда они вернулись к прерванной дискуссии, первым слово взял Молотов. Он отверг предложенную американцами компромиссную «формулу» реорганизации фактически действующего в Польше правительства «на базе всех демократических сил» с привлечением в его состав деятелей из-за границы. Нарком подчеркнул, что «реорганизация правительства должна быть проведена на базе Временного правительства Польши». Он мотивировал позицию советской стороны тем, что переговоры с поляками «будут трудными» и могут затянуться. Между тем «Временное польское правительство должно продолжать свою работу по поддержанию порядка в тылу Красной Армии».

Положение казалось безвыходным. Стеттиниус напомнил Молотову, что для правительства США возникли бы «трудности», если бы оно согласилось рассматривать «Временное польское правительство... базой для создания нового правительства». Иден вообще предлагал отказаться от «упоминания, на какой базе» будет организовано новое правительство Поль-

ши. Когда Стеттиниус спросил Молотова, не возражает ли он хотя бы против определения «правительство национального единства», тот уклонился от ответа: «Это предложение можно будет обсудить»¹³².

На заседании глав правительств, состоявшемся вечером того же дня, 9 февраля, Стеттиниус доложил о том, что по «формуле» польского правительства «три министра иностранных дел пока не достигли соглашения». Но едва государственный секретарь умолк, как с поистине сенсационным заявлением выступил Молотов. Он сообщил, что «советская делегация принимает за основу американское предложение. Советская делегация хочет без дальнейших оттяжек выработать общее мнение, сделав некоторые поправки к американскому проекту». В американском проекте слова «на базе всех демократических сил» Молотов предлагал заменить следующими: «на базе более широкого демократизма». Наконец, он просил уточнить, что в выборах смогут принять участие все «нефашистские и антифашистские» демократические партии. Единственное, против чего он категорически возражал, было право послов трех держав контролировать проведение в Польше выборов. «С указанными поправками, — подытожил нарком, — советская делегация считает американские предложения приемлемыми».

Услышав это заявление, Черчилль не смог сдержать эмоции: «Возможность соглашения уже носится в воздухе... участники конференции почти держат в своих руках большой ценности приз». Казалось, премьер-министр не может поверить своему счастью. Он призвал участников конференции не торопиться с отъездом из Ялты, потому что нельзя «погубить дело из-за того, что конференции не хватило 24 часов. Если для достижения решения нужны эти 24 часа, то их необходимо найти. Нельзя забывать одного: если участники совещания разъедутся, не достигнув соглашения по польскому вопросу, то вся конференция будет расцениваться как неудача»¹³³. Американский президент счел за благо объявить в работе конференции получасовой перерыв.

Первым после перерыва выступил Рузвельт. Он выразил общее мнение западных делегаций: «Участники конференции близки к соглашению. В этом вопросе действительно достигнут большой прогресс». Рузвельт высказал предположение, что «теперь дело сводится лишь к некоторой разнице в словах». Действительно ли президент считал, что все

трудности уже позади? Скорее всего, здесь не обошлось без лукавства. Ибо не мог он не понимать важности тех слов, из-за которых ему теперь предстояло выдержать бой со Сталиным. В частности, ссылаясь на мнение миллионов американских поляков, Рузвельт попытался отстоять свое предложение о наделении послов трех держав в Польше правом контроля над выборами. «...Нужно, — утверждал он, — сделать какой-то жест, укрепляющий в них уверенность в том, что выборы в Польше будут справедливыми и свободными».

Когда слово взял Черчилль, было видно, что он находится во власти противоположных чувств. С одной стороны, его радовал взятый рубеж. Он с удовлетворением отмечал «большой прогресс на пути к объединенной декларации союзных держав по польскому вопросу». С другой стороны, его огорчало, что ради соглашения с Советским Союзом пришлось пойти на уступки, как он считал, принципиальной политической важности. В оправдание своего дипломатического отступления премьер-министр был вынужден сослаться на своего рода обстоятельства непреодолимой силы: «Маршал Сталин рассказал, как освобождалась Польша и как враг был изгнан из страны Красной Армией. Это новый факт очень большого значения». Черчилль предложил дополнить декларацию о Польше мотивировочной преамбулой: «Новое положение создалось в связи с полным освобождением Польши Красной Армией. Это требует создания полностью представительного временного польского правительства, которое теперь имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до освобождения Польши».

Так же, как и американский президент, Черчилль указал советской делегации на необходимость контроля над подготовкой и проведением выборов: «...Не могут ли быть англичанам предоставлены соответствующие возможности, которыми... охотно воспользовались бы также американцы, чтобы видеть собственными глазами, как улаживаются в Польше существующие раздоры?» В порядке взаимности британское правительство готово содействовать тому, чтобы наблюдатели от СССР, США и Великобритании присутствовали на выборах в Югославии, Греции и Италии. Эти страны и сами того желали бы, пояснил премьер-министр, «чтобы заверить великие державы в их нормальном проведении». Для сравнения он сослался на пример Египта, где, по его словам, «любое пра-

вительство, проводящее выборы, всегда побеждает»¹³⁴. Можно было предвидеть, что доводы Рузвельта и Черчилля не убедят советского руководителя. «Не может быть сравнения между Египтом и Польшей», — возразил им Сталин, поскольку поляки в отличие от египтян в своем большинстве грамотные люди, «которые читают газеты и могут высказать свое мнение». По мнению советского руководителя, в любом случае «решение данного вопроса следует оставить до обсуждения его с поляками»¹³⁵.

Министры иностранных дел на своем заседании, состоявшемся в тот же день, 9 февраля, уже поздно вечером, продолжали спор по поводу отдельных слов и формулировок, таких как «представительное правительство», «фашистский», «антифашистский», «демократический» и т. д. Подогрела страсти инициатива британской делегации, которая внезапно представила «пересмотренную формулу о Польше». Ознакомившись с ее содержанием, Молотов заявил, что «это совсем новый текст», и отказался его обсуждать, сославшись на позицию глав правительств, которые ранее «обменялись мнениями по поводу американского проекта». Прения затянулись. Но к тому времени, когда Стеттиниус объявил о закрытии заседания, стороны успели согласовать некоторые формулировки¹³⁶.

Работу над текстом декларации о Польше министры продолжали следующим утром, 10 февраля. Стеттиниус, открывший их совещание, сообщил о согласии американской делегации исключить из нее положение о контроле послов над подготовкой к выборам. Молотов предложил заменить это положение обязательством США и Великобритании установить дипломатические отношения с правительством национального единства, когда оно «будет сформировано должным образом». Иден не согласился с такими изменениями в документе, сославшись на мнение премьер-министра. Но на этот раз он остался в меньшинстве¹³⁷.

Вопрос о контроле над выборами в Польше представлялся Черчиллю и Идену настолько важным, что послужил основанием для их отдельной встречи со Сталиным еще до начала заседания глав правительств. Судя по записи, они хотели объяснить советскому руководителю, что в Польше непременно должны находиться «представители союзников, которые будут докладывать своим правительствам о том, как идет выполнение соглашения» трех держав. Сталин недоумевал: что мешает Великобритании направить своих представителей в Польшу

уже в настоящее время? Нет, отвечали ему британские государственные мужи, мы не можем на это пойти вплоть «до образования польского правительства» в соответствии с принципами, о которых договорились державы. В конце концов Иден признался, что всего-то он с премьер-министром «хочет включить в соглашение такую формулу, которая успокоит британский народ и не обидит других». Они предложили дополнить декларацию положением о том, что «по докладам» своих послов державы «будут осведомлены о положении в Польше». Против такой банальности Сталин не возражал¹³⁸. А Черчилль впоследствии напишет в своих воспоминаниях: «Это было наибольшее, чего мне удалось добиться»¹³⁹.

На заседании глав правительств, состоявшемся 10 февраля, Иден огласил текст заявления о Польше, согласованный министрами иностранных дел на своих совещаниях минувшим вечером и утром текущего дня. Только теперь члены делегаций заметили, что за спорами о «формуле» правительства они напрочь забыли упомянуть в документе о границах Польши. Рузвельт предложил вообще оставить этот вопрос на усмотрение мирной конференции. С ним не согласился Черчилль, отметивший важность «достигнутого соглашения о восточной границе Польши». Но если, продолжал премьер-министр, опубликовать только это соглашение и ничего не сказать о западной границе, «то народ сразу же спросит: а какова граница Польши на западе?» Поэтому, по его мнению, «что-то все-таки должно быть сказано о западной границе». Черчилль предложил «найти какую-либо подходящую формулу», не оставляющую сомнений в том, что «Польша должна получить прирост территории к западу и к северу и что при решении этого вопроса мнение польского правительства будет учтено». Сталин и Рузвельт с этим предложением согласились. К концу заседания британская делегация представила «проект добавления к заявлению о Польше относительно ее границ». С поправками Рузвельта он и был принят¹⁴⁰.

Участники конференции могли вздохнуть с облегчением. Каждый из них имел основание гордиться решением по польскому вопросу как своим персональным дипломатическим успехом. Стороны достигли соглашения с большим трудом. Но исследователи обратили внимание на то, что доводам Сталина, которыми мотивировалась советская позиция, Черчилль и Рузвельт не смогли противопоставить «се-

рьезных возражений». В литературе высказывается предположение, что «на самом деле» они смирились с неизбежностью существенных уступок Советскому Союзу по польскому вопросу «еще до Ялты»¹⁴¹. Именно поэтому главы западных делегаций, начав с широковещательных деклараций, в итоге свели дискуссию к поиску приемлемых для себя, «политкорректных» формулировок. Но все участники конференции при этом сознавали, что борьба за будущее Польши и всей Европы продолжается, что ее исход решениями, принятыми в Ялте, отнюдь не предопределен.

На утреннем заседании глав правительств 11 февраля при обсуждении проекта заключительного коммюнике Черчилль по поводу строк, касающихся Польши, заметил, что «предвидит большую критику (в адрес. — А. Р.) английского правительства, в особенности со стороны лондонских поляков, и обвинения его в том, что оно сдало свои позиции СССР». Премьер-министру ответил Рузвельт: мол, «у него в Соединенных Штатах в десять раз больше поляков, чем у Черчилля в Англии, но он тем не менее будет всемерно защищать декларацию о Польше». Сталин при этом не проронил ни слова¹⁴². На последнем заседании глав правительств вечером 11 февраля соответствующий раздел «Протокола» Ялтинской конференции был принят без поправок и замечаний¹⁴³.

Декларация об освобожденной Европе

9 февраля Черчилль во время обсуждения главами правительств его предложения о контроле союзных держав над выборами в Польше пояснил, что он-де «стремится лишь к тому, чтобы все стороны (избирательного процесса. — А. Р.) имели равные возможности». Отвечая ему, советский руководитель отрицал наличие каких-либо оснований для беспокойства по этому поводу: «...Все нефашистские и антифашистские стороны будут иметь равные возможности». Его слова еще больше встревожили Черчилля, усомнившегося в обоснованности деления политических сил на два противоположных лагеря «по линии: фашистский и нефашистский». Вместо этого он предложил руководствоваться понятием «демократ». Но Сталин отклонил поправку премьер-министра, сославшись на лежавший у него на столе документ, в котором, по его словам, «различие между фашизмом и антифашизмом проводится очень четко»¹⁴⁴.

Это был проект Декларации об освобожденной Европе, который на конференции еще только предстояло обсудить. Он был подготовлен американской стороной и передан советским представителям всего лишь днем ранее, 8 февраля. Согласно документу, СССР, США и Великобритания должны были выступить с совместным заявлением о том, что они «договорились между собой согласовывать» политику, направленную на оказание помощи народам Европы «при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Подразумевались народы не только стран, освобожденных «от господства нацистской Германии», но и «бывших государств-сателлитов оси». Договоренность держав должна была действовать «в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе», т. е. впредь до стабилизации положения, без упоминания о каких-либо ограничениях во времени. В документе формулировались цели, которые ставили перед собой союзные державы, и средства их достижения: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору». Со ссылкой на Атлантическую хартию подтверждалось право «всех народов избирать форму правления, при котором они будут жить», а также необходимость восстановления «суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия».

В соответствии с указанными целями союзным государствам надлежало заботиться о поддержании внутреннего мира, удовлетворении неотложных нужд населения, а также о создании в странах «освобожденной Европы» временных органов государственной власти, которые представляли бы «все демократические элементы населения» и старались бы «возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа». Проект предоставлял союзникам возможность по собственной инициативе «способствовать... проведению таких выборов». Он также предусматривал консультации трех держав с любой из Объединенных Наций, а также с временными властями или правительствами других стран Европы по всем вопросам, «в которых они прямо заинтересованы». Определялся

и порядок осуществления ими взятых на себя обязательств. В ситуации, требующей от них действия, государства-союзники должны были немедленно учредить «надлежащий механизм для осуществления совместной ответственности, установленной настоящей декларацией»¹⁴⁵.

Как можно убедиться, в основу проекта декларации легли предложения, выдвинутые западными делегациями по польскому вопросу, — о представительном характере временного правительства Польши, ответственности союзных держав за проведение свободных выборов и т.п. Они, как показала дискуссия на конференции, не имели шансов воплотиться в конкретные решения ввиду противодействия советской стороны, усмотревшей в них угрозу собственным интересам. Выход из трудного положения представители США и Великобритании нашли в том, чтобы зафиксировать свои пожелания в итоговых документах конференции хотя бы в виде общих принципов политики, с которыми в равной мере были бы согласны все три державы. Принятие Декларации об освобожденной Европе предоставило бы Западу ряд конкретных выгод и преимуществ. Рузвельту и Черчиллю это помогло бы избежать репутационных рисков, связанных с соглашением по польскому вопросу и весьма их тревоживших, о чем Черчилль, в частности, заявлял неоднократно. Западные державы получили бы хоть и призрачные, но конкретные правовые основания для того, чтобы влиять на ход событий в Польше, да и в других странах, освобожденных от фашистской оккупации и диктатуры Красной армией.

Глубокую заинтересованность в принятии декларации проявлял Рузвельт. Как только речь о ней зашла на заседании глав правительств 9 февраля, он не преминул заявить о том, что «пример Польши будет примером осуществления на практике принципов декларации об освобожденной Европе». Американский президент не позволил разгореться «терминологическому» спору между Сталиным и Черчиллем. Он признал, что каждый из них по-своему прав: «Фраза, которую зачитал маршал Сталин, имеет важное значение, ибо она дает нам возможность уничтожить всякие следы фашизма». Вместе с тем в проекте говорится и о праве освобожденных народов учреждать «временные правительственные власти, представляющие все демократические слои населения». Нужно соблюсти оба эти условия, дал понять Рузвельт, «чтобы польские выборы, подобно жене Цезаря, были выше подозрений».

В ответ на ироническое замечание Сталина по поводу «жены Цезаря», президент поправился: «...Выборы в Польше должны быть совершенно „чисты“, так чисты, чтобы они никем не были взяты под сомнение»¹⁴⁶.

Чуть позже на том же заседании глав правительств 9 февраля Рузвельт, по завершении других дел, поставил проект Декларации об освобожденной Европе на обсуждение. Утомленные спорами по польскому вопросу, стороны обошлись без продолжительных дебатов. Американская и британская делегации скорее всего просто ждали, что скажут советские представители. Лишь Черчилль, заявив о поддержке проекта, попросил участников конференции принять во внимание оговорки, которые он в свое время сделал в отношении принципов Атлантической хартии¹⁴⁷. Сдержанность проявили и советские представители. Уклонившись от оценки американского проекта в целом, Молотов предложил к нему единственную поправку — добавить к тому месту, где речь идет о праве союзных держав «способствовать» проведению в освобожденных странах выборов, такие слова: «причем будет оказана поддержка политическим деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации». Рузвельт не возражал против этой поправки. Но Черчилль попросил у делегаций разрешения «обдумать ее»¹⁴⁸.

На заседании министров иностранных дел поздно вечером 9 февраля Молотов попросил американского и британского коллег выразить свое отношение к советской поправке. Учитывая, что ранее говорил по этому поводу Рузвельт, не могло не удивить мнение госсекретаря. Стеттиниус заявил, что она вообще «не имеет отношения к декларации», поскольку она якобы противоречит праву народов самим «устраивать свои внутренние дела». Госсекретаря поддержал Иден: «Если бы эта поправка была принята, это было бы вмешательством во внутренние дела (освобожденных стран. — А. Р.)». Молотов предпринял попытку переубедить обоих: «...У союзников не может быть одинакового отношения к тем, кто поддерживал немцев и кто боролся против них». Но поскольку они не отреагировали на его доводы, было принято решение передать этот вопрос на усмотрение глав правительств¹⁴⁹.

Во время новой встречи министров иностранных дел, состоявшейся 10 февраля утром, еще до начала заседания глав правительств, Стеттиниус между прочими делами упомянул

и о поправке, внесенной Молотовым накануне. Он заявил наркому, что «американская делегация не может принять советскую поправку к декларации об освобожденной Европе». Однако к такому развитию событий Молотов уже приготовился. Он кратко проинформировал госсекретаря, что снимает указанную поправку, но вместо нее вносит новую, уточняющую механизм осуществления совместной ответственности трех держав за положение в освобожденных странах Европы. Прежде чем вернуться к повестке дня заседания министров, Стеттиниус только и успел, что поблагодарить Молотова за отказ от первой поправки и выразить согласие со второй¹⁵⁰.

Обсуждение проекта Декларации об освобожденной Европе на заседании глав правительств, состоявшемся во второй половине дня 10 февраля, обошлось без неожиданностей. Сначала Иден подтвердил, что «внесенное вчера вечером советской делегацией дополнение к тексту декларации для британской делегации неприемлемо». Потом Рузвельт признал, что вопреки своему первоначальному мнению «после более обстоятельного обсуждения вопроса в американской делегации он должен тоже высказаться против советской поправки». Но практического значения эти заявления уже не имели. Молотов сообщил конференции о решении снять упомянутую поправку и внести новую, обязывающую три державы «немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности». Судя по ремарке в записи заседания, это предложение советской делегации было принято без обсуждения¹⁵¹. В новой редакции Декларация об освобожденной Европе вошла в Протокол работы Крымской конференции¹⁵².

Дальний Восток

Обстановка на Азиатско-тихоокеанском театре военных действий официально участниками Ялтинской конференции не обсуждалась. Советский Союз все еще был связан с Японией договором о нейтралитете. Но Рузвельт остро нуждался в советской помощи для борьбы с японской агрессией. Поэтому он не мог себе позволить упустить столь благоприятную возможность поднять этот вопрос в неофициальном порядке. Еще 5 февраля 1945 г. президент обратился к Сталину с посланием, в котором предлагал обсудить ряд вопросов советско-американского военного сотрудничества в ожи-

дании «разрыва между Россией и Японией»¹⁵³. Беседа руководителей советской и американской делегаций на эту тему состоялась лишь 8 февраля, за полчаса до начала заседания глав правительств.

Рузвельт попросил Сталина дать согласие на создание американских авиабаз на советской территории — в Комсомольске-на-Амуре или в «другом подходящем районе». Свою просьбу он мотивировал тем, что «не хочет высаживать войска в Японии», поскольку «высадка будет сопряжена с большими потерями». Президент рассчитывал «подвергнуть Японию сильной бомбардировке» — настолько разрушительной, чтобы заставить ее сложить оружие, «не высаживаясь на острова». В связи с необходимостью обслуживания авиабаз Рузвельта беспокоил и вопрос о «линиях снабжения через Тихий океан и Восточную Сибирь». Как он пояснил Сталину, речь шла о доставке из США морским путем грузов, предназначенных для американских военнослужащих.

Советский руководитель нашел просьбы Рузвельта заслуживающими внимания. Но одновременно он дал понять, что президент немного забегает вперед. «Всё это хорошо, — заметил Сталин, — но... как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз вступит в войну против Японии». При этом он сослался на свои беседы с Гарриманом в Москве в декабре 1944 г.¹⁵⁴

В ответ Рузвельт твердо обещал, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу», как того и желал Сталин. Что же касается других советских требований, то их удовлетворение президент ставил в зависимость от согласия Китая и Великобритании. Он признался, что пока еще не обсуждал с Чан Кайши вопрос о передаче в пользование Советскому Союзу незамерзающего порта Дайрен на юге Ляодунского полуострова. Кроме того, продолжал он, сначала нужно договориться о международно-правовой стороне дела. Президент усматривал два способа предоставления СССР прав на пользование этой гаванью — «создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии», и сдачу его «в аренду». Сам Рузвельт признавал нежелательным последний из указанных способов. Свою позицию он мотивировал тем, что намеревался в будущем склонить Великобританию к отказу от аренды Гонконга. Поэтому, утверждал президент, ему будет «трудно убедить Черчилля» принять искомое решение,

если тот узнает, что «Советский Союз получит в аренду порт на севере» Китая.

Эти доводы не произвели никакого впечатления на Сталина. Он спросил, а что думает президент «о сохранении статус-кво Внешней Монголии», т. е. Монгольской Народной Республики, поддерживаемой СССР. Но хотя Рузвельт и пытался обнадежить советского руководителя, оказалось, что и по этому вопросу он с китайцами еще не обменялся мнениями. Ничего более утешительного президент не смог сообщить и относительно Китайско-Восточной железной дороги: он «пока не говорил об этом с Чан Кайши, но он уверен, что по этому вопросу можно будет договориться». Впрочем, как и в случае с незамерзающим портом, он снова пустился в рассуждения о том, что аренде Советским Союзом этой железной дороги Рузвельт предпочитал установление контроля над ней «со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей».

Сталин не скрывал своего разочарования. Согласно записи беседы, он, не дослушав президента, заявил: «...Если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии». Рузвельт даже не пытался возражать и поспешил сменить тему. Но Сталин остановил его, заметив, что «международный контроль приемлем для Советского Союза»¹⁵⁵.

В финальной части беседы оба лидера затронули некоторые другие вопросы, касающиеся положения на Азиатско-тихоокеанском театре военных действий — о будущем Кореи, о положении в Китае и в Индокитае. Кроме того, Сталин согласился на удовлетворение двух других просьб Рузвельта — о предоставлении американцам аэродрома в районе Будапешта для заправки горючим и базирования самолетов, участвующих в боевых вылетах против Германии, а также о разрешении американским специалистам изучить результаты бомбардировок, осуществленных союзной авиацией в Восточной и Юго-Восточной Европе. Со своей стороны, Рузвельт предложил на льготных условиях предоставить Советскому Союзу часть тоннажа американского морского флота, которая высвободится после войны. Сталин, явно обрадованный намерением президента, заметил, что «это будет другим замечательным мероприятием Соединенных Штатов». Он по-

яснил, что сравнивает последнее предложение Рузвельта с таким «изобретением американцев», как ленд-лиз, которое оценил исключительно высоко: «Если бы не ленд-лиз, то победа была бы сильно затруднена»¹⁵⁶.

По свидетельству Черчилля, в тот же день, 8 февраля, во время «конфиденциальной беседы» (не на упомянутом ли выше обеде в Ливадийском дворце? — А. Р.) он поинтересовался у Сталина, «чего русские хотят на Дальнем Востоке». И услышал в ответ, что «они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как Порт-Артур». Премьер-министр горячо поддержал это желание: «...Мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены»¹⁵⁷.

Впрочем, мнение Черчилля особого значения не имело, поскольку он не участвовал в советско-американских переговорах по Дальнему Востоку. 10 февраля, когда советская делегация представила американцам свой проект соглашения, Рузвельт его забраковал. Он потребовал внести в него ряд поправок: Порт-Артур и Дайрен передавались Советскому Союзу, но не в аренду, а на правах вольного порта, тогда как маньчжурские железные дороги переходили под совместное советско-китайское управление. Указал президент и на необходимость договоренности по этим вопросам с Китаем. Ознакомившись с поправками, Сталин уже в конце дня сообщил Рузвельту, что не возражает против предоставления Дайрену статуса вольного порта, находящегося под международным контролем, но обязательно с уточнением, что «в этом порту должны быть гарантированы преобладающие интересы Советского Союза». Что же касается Порт-Артура, он продолжал настаивать на его аренде в качестве «морской базы СССР». По некотором размышлении президент принял предложенный ему компромисс. Аналогичным способом были преодолены разногласия относительно железных дорог в Маньчжурии — совместное управление, но с гарантией соблюдения интересов СССР. Кроме того, президент обещал «принять меры» к тому, чтобы заручиться поддержкой советско-американского соглашения со стороны Чан Кайши¹⁵⁸. Отредактированный таким образом документ главы правительств подписали 11 февраля. На согласованных условиях Советский Союз принял на себя обязательство вступить в войну против Японии «через

два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе»¹⁵⁹.

Соглашение по Дальнему Востоку стало одним из самых секретных документов, подписанных руководителями трех держав в Ялте. О нем не упоминалось ни в Протоколе работы Крымской конференции, ни тем более в официальном сообщении для печати, опубликованном 13 февраля 1945 г. Никто из лиц, причастных к нему — ни министры иностранных дел, редактировавшие его текст, ни главы правительств, его подписавшие, — не проронили о нем ни полслова в своих публичных заявлениях об итогах встречи. По свидетельству Черчилля, завеса секретности окружала это соглашение вплоть до новой и последней конференции «большой тройки» в Потсдаме. Впрочем, в своих воспоминаниях он сознается, что сам же допустил утечку информации: 5 июля 1945 г. Черчилль сообщил о нем премьер-министрам доминионов¹⁶⁰.

Была ли оправдана такая секретность? Американский историк склоняется к положительному ответу: «Она гарантировала Советскому Союзу военную безопасность, откладывала любую возможную реакцию китайского правительства или китайских коммунистов на соглашение и предотвращала активные дебаты в Соединенных Штатах, которые ослабили бы единство союзников»¹⁶¹.

Единство в войне и мире

Советское дипломатическое ведомство быстро определилось с оценками решений, принятых в Ялте. 15 февраля 1945 г. И. М. Майский подготовил «проект информационной телеграммы нашим послам и посланникам за границей по вопросу о Крымской конференции». В документе указывалось, что ее участники приняли, кроме упомянутых в официальном сообщении для печати, «еще ряд решений, не подлежащих опубликованию». Майский перечислил их в следующем порядке:

- 1) о расчленении Германии,
- 2) о репарациях,
- 3) о голосовании в Совете Безопасности,
- 4) о так называемой «территориальной опеке» над менее развитыми народами.
- 5) «Польский вопрос занял на Конференции очень много времени и неоднократно обсуждался как на заседаниях самой конференции, так и на совещаниях 3-х министров иностранных дел (эти совещания происходили ежедневно параллельно с общими заседаниями Конференции и обычно под-

готавливали для нее проекты решений). В конечном счете была принята опубликованная в коммюнике декларация, в основу которой легли наши предложения».

- 6) «На Конференции т. Сталин сделал заявление о том, что конференция в Монтрё устала и требует пересмотра в смысле предоставления больших прав и возможностей СССР. Англичане и американцы в принципе не возражали против пересмотра конференции...»
- 7) «Англичане и американцы пытались поднять на Конференции вопрос об Иране (конкретно о выводе из Ирана союзных войск и об эксплуатации нефтяных источников Ирана), однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса».
- 8) «Общая атмосфера на Конференции носила дружественный характер и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем Конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросам, [а] также по вопросу о репарациях»¹⁶².

Сохранились замечания, которые к проекту Майского в тот же день, 15 февраля, сделал заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский. Большею частью они носят уточняющий характер. Но по крайней мере в одном случае внесенная им правка меняла смысл оригинала. Вышинский предложил «исключить» из проекта следующую фразу, относящуюся к иранским делам: «Однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса». По-видимому, высокий чиновник нашел ее слишком откровенной. Вышинский потребовал заменить ее более туманной формулировкой: «Советская делегация представила свои возражения против обсуждения этого вопроса, указывая, что для такого обсуждения нет оснований...»¹⁶³

Наркомат иностранных дел отслеживал отзывы на Ялтинскую конференцию, приходящие из-за рубежа. Судя по документам, они были довольно противоречивы. 18 февраля 1945 г. генеральный консул СССР в Нью-Йорке Е. Д. Киселев сообщал Вышинскому: «...Реакция на Крымскую конференцию в США в общем чрезвычайно благоприятна, за исключением совершенно определенной прессы и группировок, от которых атаки на решения конференции можно было предвидеть заранее». Автор этого письма все же советовал руководству НКВД не терять бдительности, поскольку «польские реакцион-

ные силы и их американские покровители уже начали широко задуманную кампанию давления на членов федерального сената, с целью подготовки их в свою пользу для решающего момента ратификации сенатом мирного договора». Генконсул сослался на своих американских информаторов, которые якобы предупреждали его «о чрезвычайно бурной активности всех реакционных польских организаций». Они, согласно этим данным, развернули «национальную кампанию писем и телеграмм сенаторам от имени якобы шести миллионов поляков американских граждан, надеясь создать впечатление мощного народного движения против „предателей Польши“»¹⁶⁴.

Но главное, что интересовало советских дипломатов, была реакция официальных властей, в особенности первых лиц западных держав: как они поведут себя после завершения конференции? Не откажутся ли от обещаний, на которые были столь щедры? Как отмечалось выше, эти вопросы беспокоили Сталина еще в Ялте.

27 февраля 1945 г. Черчилль выступил в палате общин британского парламента с речью¹⁶⁵, в которой энергично защищал решения, принятые в Ялте. Большое внимание он уделил польскому вопросу. Он отмечал, что территориальные требования СССР к Польше «всегда основывались на линии Керзона». Но предъявляя свои претензии, «русские всегда предлагали предоставить Польше полную компенсацию за счет Германии на севере и западе». Свою позицию по вопросу о польской границе на востоке Черчилль определил четко и ясно: «Я никогда не скрывал от палаты, что лично я считаю, что русское требование справедливо и правильно». Опровергая подозрения в свой адрес, премьер-министр пояснил: «Если я являюсь сторонником такой границы для России, то это не значит, что я склоняюсь перед силой... Я считаю это справедливейшим разделом территории, который может быть произведен при всех обстоятельствах между двумя сторонами, чья история была так тесно связана и так переплеталась».

Вместе с тем Черчилль подчеркивал, что важнее границ для него всегда была «свобода Польши». Одно время он опасался, не станет ли Польша «протекторатом советского государства, вынужденным против своей воли, под давлением вооруженного большинства принять коммунистический или тоталитарный строй». Но теперь премьер-министр готов сообщить депутатам, что «маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения в том, что суве-

ренная независимая Польша будет сохраняться». Но если кому-то и этого недостаточно, то знайте, продолжал Черчилль: «Международная организация в свое время также возьмет на себя некоторую степень ответственности в этом вопросе». В итоге, не останется никаких оснований для сомнения в том, что «будущая судьба поляков будет находиться в их руках». Правда, с единственной оговоркой. По словам премьер-министра, поляки «должны будут честно проводить, в гармонии со своими союзниками, политику, дружественную по отношению к России».

Защищая решения Ялтинской конференции по польскому вопросу, Черчилль зашел настолько далеко, что даже признал правомерность поддержки Советским Союзом «люблинского правительства». Действия СССР, дал он понять, конечно, вызывают вопросы, но чрезвычайные обстоятельства его оправдывают: «Русские, проводившие и подготовлявшие военные операции величайших размеров против сердца Германии, имели право на то, чтобы коммуникации их армии были защищены упорядоченным тылом, находящимся под властью правительства, действующего в соответствии с их потребностями».

Черчилль твердо заявил, что с оптимизмом смотрит в будущее отношений с Советским Союзом: «Впечатление, сложившееся у меня от поездки в Крым и от всех других случаев общения, таково, что маршал Сталин и другие советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями... Я считаю также, что они — хозяева своего слова... Никогда никакое правительство не выполняло точнее свои обязательства даже в ущерб самому себе, нежели русское советское правительство».

Впрочем, предупреждал он членов палаты общин, нельзя предаваться иллюзиям: «Мы вступаем в область неизведанного, и на каждом этапе перед нами встают вопросы. Было бы ошибкой заглядывать слишком далеко вперед. В настоящее время можно надеяться ухватиться лишь за одно звено в цепи судьбы». Но он с ответственностью может утверждать, что «благодаря нашей встрече в Крыму» горизонт заметно расчистился, «узы, связывающие три великие державы, и их взаимопонимание возросли». «И я уверен, — заявил Черчилль в заключение, — что перед человечеством открыты лучшие перспективы, чем те, которые оно знало в прошлом веке».

Не заставил себя ждать и Рузвельт. По свидетельству близких, он был «безумно утомлен» поездкой в Крым¹⁶⁶. 1 марта 1945 г. он, несмотря

на заметное ухудшение здоровья, выступил с отчетом перед членами Конгресса. Как свидетельствует современник, «он произносил свою речь чрезвычайно небрежно и в значительной мере импровизировал»¹⁶⁷. Тем не менее, все основные акценты были в ней четко расставлены¹⁶⁸. По словам президента, Ялтинская конференция «преследовала две главные цели»: обеспечить скорейшую победу над Германией, причем, с минимальными потерями, и обеспечить «порядок и безопасность» в мире «после хаоса войны». Если ее участники и не достигли вполне этих целей, то хотя бы подошли к ним на близкое расстояние. Во всяком случае, по сравнению со встречами лидеров трех стран в Тегеране они добились ощутимого прогресса. Там тоже военные руководители «трех самых мощных стран разработали планы дальнего прицела». Но между гражданскими руководителями состоялся «лишь обмен мнениями». В Тегеране не было подписано «никакого политического соглашения», и участники той встречи даже к этому не стремились. Напротив, продолжал Рузвельт, «на Крымской же конференции наступило время прийти к решению особых вопросов в политической области, и всеми сторонами были приложены огромные усилия к тому, чтобы достигнуть соглашения».

Президент перечислил задачи, стоявшие перед конференцией в Ялте:

- 1) «предстояло решить проблемы оккупации и контроля над Германией»;
- 2) «устранить немногие остававшиеся между нами разногласия в том, что касалось международной организации безопасности»;
- 3) «существовали общие политические и экономические проблемы, касавшиеся всех районов, которые были или будут освобождены от нацистского ига»;
- 4) «особые проблемы, созданные Польшей и Югославией».

По мнению Рузвельта, все эти задачи были успешно решены. На Ялтинской конференции, заявил он, «было достигнуто единодушное соглашение по каждому пункту». Даже более того, уточнил президент: «...Я могу сказать, что мы достигли единства мыслей и нашли путь к совместному сотрудничеству». Рузвельт категорически осудил планы мирового господства, кто бы их ни вынашивал. «Не может быть, — продолжал он, — американского, английского, русского, французского или китайского мира... Должен быть такой мир, который основывается на сотрудничестве всего человечества». В этой

связи он осудил теорию «сфер влияния», которую некие, не названные им силы, уже стали примерять к таким странам, как Греция, Польша, Югославия. Эта теория, подчеркнул президент, «несовместима с основными принципами международного сотрудничества».

Не мог Рузвельт обойти молчанием и польский вопрос. Примечательно, что в своей речи он воспользовался аргументами, к которым в Ялте прибегнул Сталин в обоснование советской политики. «На протяжении всей истории, — заявил президент, — Польша была коридором, через который совершались нападения на Россию. Дважды на протяжении жизни нашего поколения Германия нападала на Россию через этот коридор. Для обеспечения европейской безопасности и всеобщего мира необходима сильная и независимая Польша». Рузвельт признал, что принятое на конференции решение о «границах Польши было компромиссом». Вместе с тем, он утверждал, что «линия Керзона представляет собой справедливую границу между двумя народами». Он не исключал, что решение по польскому вопросу, принятое в Ялте, нельзя назвать безупречным. Но президент не допускал сомнения в том, что «при данных обстоятельствах» оно «является самым лучшим из возможных соглашений для свободного, независимого и процветающего польского государства».

Рузвельт не побоялся назвать Ялтинскую конференцию «поворотным пунктом в американской истории». В ближайшем будущем он обещал представить «на рассмотрение сената и американского народа» документ, который, по его словам, «определил судьбу Соединенных Штатов и судьбу всего мира на будущие поколения». Речь шла, разумеется, об учреждении Международной организации безопасности. Перед лицом событий такого масштаба, утверждал президент, «не может быть среднего решения». «Мы должны, — продолжал он, — взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы должны будем нести ответственность за мировой конфликт».

По мысли президента, Ялтинская конференция должна стать вехой в мировом развитии. «Эта конференция, — утверждал он, — означает конец односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, системы равновесия сил и всех других способов, к которым прибегали на протяжении столетий и которые не имели успеха». Имея в виду, по всей видимости, не только себя, но и других лидеров «большой

тройки», Рузвельт заявил: «Мы предлагаем заменить все эти системы всеобщей организацией, к которой смогут присоединиться в конечном счете все миролюбивые страны».

Заявления лидеров западных держав звучали чрезмерно оптимистично, нарочито возторженно на фоне споров и противоречий, которыми характеризовалась Ялтинская конференция. Оставляя в стороне вопрос о том, какими соображениями руководствовались при этом премьер-министр и президент¹⁶⁹, отметим лишь следующее. Если их высказывания и не противоречили букве достигнутых в Ялте договоренностей, то в них безошибочно угадывалось стремление связать советских руководителей узами некой моральной ответственности, которую те на самом деле на себя не принимали. Какие еще мотивы побуждали Черчилля без достаточных оснований заявлять о желании советских руководителей жить «в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями», а Рузвельта — ручаться за «единомыслие» союзников? Главным образом, далеко не тщетная предосторожность. Ведь в случае, если бы «что-то пошло не так», они всегда могли бы возложить ответственность на советскую сторону, якобы обманувшую их ожидания.

В этой связи уместно напомнить, что в годы холодной войны широкую популярность на Западе приобрел тезис о том, будто бы именно Советский Союз нарушил обязательства, принятые на себя Ялте, особенно в отношении стран Восточной Европы. Саму же Ялтинскую конференцию там долгое время изображали как пример «советского диктата», которому якобы не имели возможности противостоять западные лидеры, и как один из символов политико-идеологического «раскола Европы» после Второй мировой войны. Подобная насквозь политизированная трактовка Ялтинской конференции подвергалась резкой критике в советской литературе¹⁷⁰.

Гораздо более взвешенные оценки и суждения относительно решений Ялтинской конференции и их значения даются в работах западных историков, опубликованных уже после окончания холодной войны. Автор обобщающего труда по истории международных отношений послевоенного периода отмечает: «В Ялте ни о каком „разделе“ [Европы] речи не шло. Если в мире к этому времени наметились линии размежевания, то это произошло не по взаимному согласию, не благодаря формальным договоренностям участников конференции, а про-

сто вследствие фактического соотношения сил, в то время относительно более благоприятного для русских, чем для западных союзников». Напротив, продолжает историк, «Ялта представляла собой попытку зафиксировать сложившееся соотношение военных сил и договориться хотя бы о временных правилах сосуществования (*modus vivendi*)»¹⁷¹.

Автор другого крупного исследования, которое не раз цитировалось выше, Ф. Харбатт, пошел еще дальше по пути критики предвзятых концепций минувшей исторической эпохи. Главное упущение Ялтинской конференции он усматривает не в том, что ею были приняты якобы ошибочные решения, а в тех разногласиях между участниками, которые в итоге так и не удалось урегулировать. Если оценивать эту конференцию с точки зрения принятых на ней решений, то, считает историк, ее можно признать несомненным «успехом». Однако ее участники, прежде всего Рузвельт и Сталин, не смогли преодолеть противоречий в принципиальных подходах к проблемам послевоенного урегулирования. Поэтому, замечает Харбатт, «если копнуть глубже, то мы будем вынуждены признать скорее неудачными переговоры в Ялте, оставившие нерешенными слишком много животрепещущих проблем»¹⁷².

Подобные оценки наводят на мысль, что решения Ялтинской конференции на самом деле покоились на зыбком основании. По мнению упомянутого историка, «Рузвельт и Сталин, очевидно, стремились сохранить между собой тесные отношения и некоторое время после Ялтинской конференции. Они также хотели поддерживать определенный уровень сотрудничества и по окончании войны». Свидетельством тому служат, с одной стороны, согласие Сталина с американским планом Международной организации безопасности и, с другой стороны, фактическое признание Рузвельтом «советского преобладания» в Восточной и Центральной

Европе. Однако некоторое верхоглядство американского президента, часто принимавшего свои мечты за действительность, политическая напористость Сталина и далеко небескорыстные интриги Черчилля, опасавшегося советско-американского сближения в ущерб британским интересам, сделали свое дело: «Все эти дестабилизирующие факторы... привели к усилению трений, которые неизбежно должны были возникнуть на завершающем этапе [мировой] войны, и способствовали развязыванию холодной войны»¹⁷³.

Американский историк задается вопросом: «Кто из трех лидеров первым изменил курсу на сотрудничество», провозглашенному Ялтинской конференцией? Вину за это западная историография традиционно возлагает на Сталина, ссылаясь на признание им в январе 1945 г. «люблинского правительства» как на решающее доказательство. Споры нет, замечает Харбатт, этот шаг действительно носил «провокационный характер» и был чреват «опасными последствиями». Но следует учитывать, продолжает он, что к тому моменту подготовка к Ялтинской конференции вступила в завершающую фазу. Поэтому по всей видимости Сталин не заслуживает упрека в намерении поставить своих союзников перед «свершившимся фактом». Наоборот, утверждает историк, советский руководитель явно предвидел дискуссии по этому вопросу на самой конференции и проявлял намерение открыто защищать свою позицию перед союзниками — что называется, был готов предстать перед их «судом». С куда большим основанием определения «односторонних» заслуживают действия западных держав в период после Ялтинской конференции, предпринимавшиеся «без всякого предварительного уведомления советской стороны». Харбатт считает, что сам Сталин прибегнул к подобному методу «не ранее, чем Черчилль и Рузвельт начали досаждать ему своими кознями после Ялты»¹⁷⁴.

¹ Harbutt F. J. *Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads*. Cambridge, 2010, p. 282.

² *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta 1945*. Washington, 1955.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. (Далее: Крымская конференция...). М., 1984, с. 4. Материалы этой публикации и легли в основу настоящего исследования.

⁴ Ялта-45: Начертания нового мира. Под. ред. Н. А. Нарочницкой. М., 2010.

⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Далее: Переписка...) В 2 т. М., 1976. Том 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.), с. 158.

⁶ Там же. Том 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 — ноябрь 1945 г.), с. 286.

⁷ Там же, т. 2, с. 159.

- 8 Там же, т. 1, с. 287–288.
- 9 Там же, с. 288–289.
- 10 Там же, с. 291.
- 11 Там же, т. 2, с. 161.
- 12 Там же, т. 1, с. 293–294.
- 13 Там же, с. 305–306.
- 14 Там же, с. 307.
- 15 Там же, т. 2, с. 171. Получено в Москве 5 октября 1944 г.
- 16 Там же, с. 172.
- 17 Там же, с. 174.
- 18 Получено в Москве 25 октября 1944 г.
- 19 Там же, с. 176.
- 20 Там же, т. 1, с. 322–323.
- 21 Там же, с. 323.
- 22 Там же, т. 2, с. 177–179.
- 23 Там же, с. 179.
- 24 Там же, с. 182.
- 25 Там же, т. 1, с. 344.
- 26 Там же, с. 347–348.
- 27 Там же, с. 350.
- 28 Архив Внешней Политики Российской Федерации (далее: АВП РФ), ф. Референтура по Англии, оп. 29, д. 61, л. 27.
- 29 Переписка... т. 1, с. 352.
- 30 АВП РФ, ф. Референтура по Англии, оп. 29, д. 61, л. 3.
- 31 Там же, л. 8.
- 32 Там же, л. 6.
- 33 Там же, л. 39. По свидетельству дочери американского президента, Э. Рузвельт, ссылавшейся на мнение очевидцев, во время конференции, «за обедом у Сталина, отец дипломатично, но вполне искренне похвалил советское шампанское; хозяин с гордостью ответил ему, что это шампанское производится у него на родине — в Грузии». Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 238.
- 34 Контр-адмирал Олсен ведал материально-техническим обеспечением американской делегации на Ялтинской конференции, включая ее размещение, питание, связь, безопасность и транспорт. О своей роли в подготовке и проведении конференции см. его воспоминания: Olsen, Adm C.E. Full House at Yalta // American Heritage, June 1972, Volume 23, Issue 4 (<http://www.americanheritage.com/content/full-house-ylta>).
- 35 АВП РФ, ф. Референтура по Англии, оп. 29, д. 61, л. 50–53.
- 36 Там же, л. 90.
- 37 Переписка... т. 1, с. 356.
- 38 Там же, т. 2, с. 196.
- 39 Там же, т. 1, с. 358–359.
- 40 Там же, с. 359.
- 41 АВП РФ, ф. 06 Секретариат Молотова, оп. 7-а, д. 36, л. 71.
- 42 Крымская конференция... с. 41.
- 43 Там же, с. 42–43.
- 44 Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 6: Триумф и трагедия. М., 1998, с. 193.
- 45 Крымская конференция... с. 44–45.
- 46 Там же, с. 45–48.
- 47 Мальков В.Л. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М., 2011, с. 453.
- 48 АВП РФ, ф. 06 Секретариат Молотова, оп. 7-а, д. 36, л. 23.
- 49 Harbutt F.J. Op. cit., p. 290.
- 50 Вне основного формата конференции по поручению глав правительств проводились также совещания штабов армий трех держав, на которых изучались возможности более тесной координации военных действий советских и союзных войск. Материалы этих совещаний не опубликованы и в настоящей главе не рассматриваются. Крымская конференция... с. 13.
- 51 Крымская конференция... с. 43.
- 52 Майский И.М. Воспоминания советского дипломата 1925–1945 гг. М., 1971, с. 698.
- 53 Крымская конференция... с. 49.
- 54 Там же, с. 49–52.

- 55 Там же, с. 52.
- 56 Там же, с. 53–54.
- 57 Там же, с. 54–55.
- 58 Там же, с. 56–57.
- 59 Там же, с. 58–59.
- 60 Там же, с. 59–60.
- 61 Там же, с. 60.
- 62 Там же, с. 60–62.
- 63 Там же, с. 62.
- 64 В записи заседания после указанных слов Рузвельта говорится: «Сталин замечает, что это правильно». Там же.
- 65 Там же, с. 63–64.
- 66 Там же, с. 64.
- 67 Там же, с. 78–79.
- 68 Там же, с. 80.
- 69 Там же, с. 108.
- 70 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006, с. 255–256.
- 71 Крымская конференция... с. 72–73.
- 72 Там же, с. 73.
- 73 Там же, с. 73–74.
- 74 Там же, с. 74–75.
- 75 Там же, с. 76–77.
- 76 Там же, с. 80.
- 77 Там же, с. 106–107.
- 78 Там же, с. 103–104.
- 79 Там же, с. 105.
- 80 Там же, с. 107.
- 81 Там же, с. 105–106.
- 82 Там же, с. 108.
- 83 Там же, с. 156.
- 84 Там же, с. 151–152.
- 85 Там же, с. 162, 171.
- 86 Там же, с. 184.
- 87 Там же, с. 181.
- 88 Там же, с. 195–196.
- 89 Там же, с. 199–201.
- 90 Там же, с. 215.
- 91 Там же, с. 205, 207.
- 92 Там же, с. 81–82.
- 93 Там же, с. 84–86.
- 94 Harbutt F.J. Op. cit., p. 287.
- 95 Крымская конференция... с. 89.
- 96 Там же, с. 111.
- 97 Там же, с. 112–113.
- 98 Там же, с. 111–112.
- 99 Там же, с. 112.
- 100 Там же, с. 113–114.
- 101 Там же, с. 115.
- 102 Там же, с. 122.
- 103 Там же, с. 123.
- 104 Там же, с. 123–124.
- 105 Там же, с. 135, 146.
- 106 Там же, с. 138.
- 107 Черчилль У. Указ. соч., с. 203–204.

- 108 Крымская конференция... с. 241–242.
- 109 Там же, с. 205.
- 110 Там же, с. 90–91.
- 111 Там же.
- 112 Там же, с. 91–92.
- 113 Цит. по: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004, с. 506.
- 114 Крымская конференция... с. 93–95.
- 115 Цит. по: Ржешевский О.А. Указ. соч., с. 507.
- 116 Американский президент явно сгустил краски: польский вопрос, как вопрос большой европейской политики, возник в XVIII в. в связи с ослаблением польской государственности и разделами Польши.
- 117 Крымская конференция... с. 96.
- 118 Берут и Осубка-Моравски.
- 119 Рузвельт предлагал рассмотреть кандидатуры епископа Сапеги из Кракова, Винценцы Витоса, Жулавски, Буяка, Кутшебы.
- 120 Миколайчика, Грабски и Ромера.
- 121 Там же, 119–120. Стеттиниус вручил Молотову это послание 7 февраля.
- 122 Там же, с. 116, 120–121.
- 123 Там же, с. 116–117.
- 124 Там же, с. 139, 146–147.
- 125 Накануне, 7 февраля, британская делегация распространила документ «Пересмотренная формула для Польши». В нем выражалось согласие с советскими предложениями относительно восточной границы Польши. Формулировалось требование о присоединении к польскому государству Данцига, южной части Восточной Пруссии, части Силезии, а также земель, «которые желает получить Польша к востоку от линии Одера». В документе говорилось о желательности учреждения «полностью представительного временного польского правительства на базе всех демократических и антифашистских сил в Польше с включением демократических деятелей Польши из-за границы». Выдвигалось требование о том, чтобы до проведения свободных выборов польские политики договорились о создании временного правительства и представили свои предложения трем союзным правительствам. Временное польское правительство должно было «как можно скорее» провести «свободные и ничем не воспрепятствованные выборы на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании, в которых все демократические партии имели бы право принимать участие и выдвигать кандидатуры». На заседании глав правительств 8 февраля Черчилль упомянул об этом «альтернативном документе», но снял его с обсуждения, оказав предпочтение предложениям Рузвельта. Там же, с. 138–139, 147–148.
- 126 Там же, с. 140–141.
- 127 Там же, с. 141–142.
- 128 Там же, с. 142.
- 129 Там же, с. 143–144.
- 130 Там же, с. 149–150.
- 131 Там же, с. 155.
- 132 Там же, с. 153–154.
- 133 Там же, с. 161.
- 134 Там же, с. 165–166.
- 135 Там же, с. 167.
- 136 Там же, с. 176–177.
- 137 Там же, с. 180–181.
- 138 Там же, с. 192–194.
- 139 Черчилль У. Указ. соч., с. 217.
- 140 В тексте добавления вместо слов «три державы» Рузвельт предложил поставить «главы трех правительств». Как он пояснил, «если будет сказано „три державы“, то он, как президент, должен будет поставить этот вопрос на обсуждение в конгресс, чего желательно избежать». Крымская конференция... с. 197–198, 202–203.
- 141 Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004, с. 365.
- 142 Крымская конференция... с. 206.
- 143 Там же, с. 223.
- 144 Там же, с. 167.
- 145 Там же, с. 172–173.
- 146 Там же, ч. 167–168.
- 147 9 сентября 1941 г. Черчилль в речи перед членами палаты общин утверждал, что принципы Атлантической хартии не относятся к Индии, Бирме и другим членам Британской империи.

- 148 Там же, с. 168.
- 149 Там же, с. 178.
- 150 Там же, с. 180.
- 151 Там же, с. 198.
- 152 Там же, 257–258.
- 153 Там же, с. 134; Переписка... т. 2, с. 198.
- 154 См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945. М., 1984, с. 269–274.
- 155 Крымская конференция... с. 129–131.
- 156 Там же, с. 133.
- 157 Черчилль У. Указ. соч., с. 220.
- 158 Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003, с. 459–462.
- 159 Крымская конференция... с. 254–255.
- 160 Черчилль У. Указ. соч., с. 220–221.
- 161 Фейс Г. Указ. соч., с. 464.
- 162 АВП РФ, ф. 06 Секретариат Молотова, оп. 7-а, д. 37, лл. 2–6.
- 163 Там же, л. 7–8.
- 164 Там же, ф. Референтура по США, оп. 29, д. 43, л. 4–5.
- 165 Мы цитируем эту речь Черчилля по материалам ТАСС. Там же, ф. Секретариат Молотова, оп. 7-а, д. 36, л. 8–9, 12–16, 23–24.
- 166 Рузвельт Э. Указ. соч., с. 241.
- 167 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца: В 2-х тт. Т. 2. М., 1958. С. 595.
- 168 Тоже по материалам ТАСС. Там же, лл. 67–68, 73, 75–78.
- 169 В американской научной литературе общим местом стало говорить о самообольщении Рузвельта, выражавшейся в преувеличенно оптимистической оценке Ялтинской конференции. Например, Д. Данн пишет: «Президент был убежден, что [в Ялте] была заложена основа будущего сотрудничества и будущей дружбы с Советским Союзом» (Данн Д. Указ. соч., с. 368–369).
- 170 Подробнее см.: Ржешевский О. А. Крымская конференция: буржуазная историография и современная идейно-политическая борьба // Ялтинская конференция 1945. Уроки истории. М., 1985, с. 135–145; Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1988, с. 249–250.
- 171 Milza P. Les relations internationales de 1945 à 1973. P., 1996, p. 34.
- 172 Harbutt F. Op. cit., p. 400–401.
- 173 Ibid., p. 403–404.
- 174 Ibid., p. 404–405.

К 70-летию Ялтинской конференции

(материал из свободной русской энциклопедии «Традиция»)

Ялтинская конференция союзных держав

Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав (4–11 февраля 1945) — вторая из трёх встреч лидеров «Большой тройки» стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании, посвящённых установлению послевоенного мирового порядка. Конференция проходила в Крыму, в Ливадийском дворце Ялты. В ноябре 1943 г. в Тегеране Франклин Рузвельт, Иосиф Сталин и Уинстон Черчилль обсуждали в основном проблему достижения победы над Третьим рейхом, в Потсдаме в июле–августе 1945 г. союзники решали вопросы мирного обустройства и раздела Германии, а в Ялте принимались основные решения о послевоенной «архитектуре» мира между странами.

«По существу, это был первый саммит в мировой политике, на котором решались глобальные проблемы мироустройства. Ялтинская конференция явилась пиком сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны, и она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в дальнейшем. Что бы ни говорили позднее, заложенная в Ялте и закреплённая в Потсдаме система политического равновесия помогла сохранить мир в Европе и на планете в целом на протяжении почти полувека», — пишет доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник А. Борисов.

Один из самых дискуссионных вопросов истории Ялтинской конференции — о том, чего добивались её главные участники. Исходили ли И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт и У. С. Черчилль из идеи единства послевоенного мира на основе

сотрудничества государств-победителей? Или же, наоборот, они делили Европу (как это было принято ещё в эпоху Вестфальского мира или даже Венского конгресса) на «сферы влияния», исходя из сложившегося в конце войны «баланса сил»?

Можно утверждать, что пока был жив президент Ф. Д. Рузвельт, существовали реальные возможности сохранения единства союзников в послевоенное время, хотя этот путь и не обещал быть лёгким, учитывая воинственность У. С. Черчилля и набиравшее силу в рядах американской элиты стремление «править миром». На это, в частности, указывает и автор недавно увидевшей свет в США работы «Потерянная коалиция Рузвельта» Ф. Кастийола. Он пишет: «Если бы Рузвельт прожил немного дольше, он, скорее всего, преуспел бы в переходе к послевоенному миру на основе управления „большой тройки“». Кстати, в авторитетной рецензии на эту монографию в „New York Times Book Review“ говорится, что «по мнению Рузвельта, непосредственным препятствием для создания гармоничного послевоенного мира выступал не Сталин, а чаще всего непримиримый империалист и колонизатор Черчилль». Версия, между прочим, кажется весьма правдоподобной, так как американский президент в годы войны инвестировал личный политический капитал в отношения со И. В. Сталиным и рассчитывал на продолжение курса на «кооперацию» с Советским Союзом и в послевоенное время.

Смерть Ф. Д. Рузвельта 12 апреля 1945 г., спустя всего лишь два месяца после его прощального рукопожатия с И. В. Сталиным в Крыму, спутала карты мировой политики и вывела на авансцену новых азартных политических

игроков. Г. Трумэн, ставший теперь президентом США, с подачи своих советников начал обвинять русских в отходе от принципов Ялты под влиянием событий в Восточной Европе, где освобождение от фашизма по определению не могло пройти бесследно для основ довоенного порядка. Постепенно стал складываться миф, окрепший с началом холодной войны, что якобы в Ялте «безнадежно больной» Рузвельт без борьбы «уступил» Сталину Восточную Европу. От этого мифа пролегла прямая дорога к сегодняшним официальным утверждениям Польши, стран Балтии и Украины об «оккупации» Красной армией их территории.

Антиисторический абсурд возводится в ранг государственной политики при благосклонном отношении Вашингтона и некоторых европейских столиц. Похоже, что в преддверии 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне предпринимается новая мощная попытка ревизии исторического наследия, которая не обошла стороной и державшуюся до последнего времени «в рамках приличий» Германию. По крайней мере, если судить по весьма уклончивой реакции Берлина на шокировавших многих провокационное заявление в январе 2015 г. на германском телевидении украинского премьера А. Яценюка о вторжении СССР в годы войны на Украину и в Германию.

В конце Второй мировой войны возник, говоря словами У.С. Черчилля, редкий в мировой истории случай, когда судьбы столь многих были решены столь немногими. К тому моменту крах нацизма сомнений уже не вызывал, и победа над Германией была лишь вопросом времени — в результате мощных наступательных ударов советских войск военные действия были перенесены на германскую территорию, и война вступила в завершающую стадию. Судьба Японии тоже не вызвала особых вопросов, поскольку США уже контролировали почти весь Тихий океан. Союзники понимали, что у них уникальный шанс распорядиться историей Европы и мира по-своему, поскольку впервые в истории практически вся Европа находилась в руках всего трёх государств.

«Крымская конференция проходила в условиях решающих побед Советских Вооружённых Сил, неизмеримо возросшего авторитета СССР и его последовательной внешней политики. Она стала важным этапом в борьбе миролюбивого человечества за скорейшее окончание войны и демократическое решение послевоенных проблем»¹.

Накануне встречи

Вопрос о новой встрече лидеров «большой тройки» начал поднимать первым Рузвельт. В своём послании от 19 июля 1944 г. Сталину он писал: «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между вами, Премьер-министром и мною. Г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью. Для меня было бы лучше всего, чтобы встреча состоялась между 10 и 15 сентября. Я сейчас совершаю поездку по Дальнему Западу и должен пробыть в Вашингтоне несколько недель после своего возвращения. Север Шотландии был бы пунктом, расположенным наиболее близко к половине расстояния между мною и вами. Вы могли прибыть либо на корабле, либо на самолёте, а я мог отправиться на корабле». 20 июля с подобным же предложением к Сталину обратился и Черчилль. Глава Советского правительства в ответных посланиях Рузвельту и Черчиллю 22 и 26 июля также высказался за желательность такой встречи. Вместе с тем он указал, что в данное время советские войска ведут наступление по всей линии фронта и ему невозможно покинуть Советский Союз и оставить руководство армиями даже на самое короткое время.

Переговоры в Москве

Встрече лидеров тройки предшествовали переговоры Сталина с Черчиллем и Иденом в Москве 9–19 октября 1944 г. Черчилль прибыл в Москву решить вопросы, связанные с будущим Польши и Балкан. Рузвельт не смог принять участие во встрече из-за занятости президентскими выборами в США. В телеграмме от 22 октября Черчилль признавал Рузвельту: «Мы также неофициально обсудили вопрос о будущем разделе Германии. Дядя Джо хочет, чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу независимых антинацистских просоветских государств, причём первые два могли бы объединиться». О своей реакции на такое предложение Черчилль умолчал. Не прореагировал на него и Рузвельт.

10 января Сталин пригласил Черчилля и Рузвельта прибыть в Ялту 2 февраля 1945 г. На что премьер дал своё согласие. 21–23 января тройка согласовала вопрос о представителях прессы: фотокорреспондентах и кинохроникёров, одетых в военную форму (не более трёх-четырёх).

29 января Сталин с советской делегацией поездом отбыл из Москвы и через 44 часа правительственный спецпоезд прибыл на станцию

Джанкой. Все железнодорожные пути в Крыму были проверены на предмет минирования и было обнаружено множество мин-ловушек, оставленных немцами. 1 февраля Сталин прибыл в Ялту. Официальная делегация СССР состояла из 9 человек, но кроме того, были охрана, штат переводчиков, экспертов-консультантов.

Встреча на острове Мальта

Накануне встречи в Ялте Рузвельт и Черчилль встретились своим кругом на острове Мальта. К ним присоединились Маршалл, адмирал Кинг, госсекретарь США Стеттиниус. Состоялось заседание союзного комитета начальников штабов, который обсуждал ситуацию на фронтах Европы, Средиземноморья и на Дальнем Востоке. Был разработан план завершающего удара по Германии на северном участке западного фронта в направлении Рура, а вспомогательный на Франкфурт-на-Майне-Касселе. Союзники хотели начать операцию как можно скорее, пока наступление русских на восточном фронте не завершилось полным разгромом немцев. Не менее важным было обсуждение и политических вопросов. 1 февраля состоялось совещание министров иностранных дел США и Англии, на котором были согласованы позиции почти по всем вопросам, предполагавшимся обсудить в Ялте.

Перед саммитом

За месяц до начала конференции последовал приказ наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия «О специальных мероприятиях в Крыму»: «8 января 1945 г. „Строго секретно“» №1. Возложить на заместителя Наркома Внутренних Дел СССР тов. Круглова организацию и руководство на месте всеми работами по приведению в готовность намеченных для использования зданий, их оборудованию, организации связи и чекистско-войсковой охраны объектов специального назначения». Приказом наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия от 13 января 1945 г. указывалось «Об организации и обслуживании связи между Москвой и Крымом».

Накануне встречи лидеры «тройки» обменялись телеграммами следующего содержания: «№402 СРОЧНОЕ, СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОЕ И ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ. Так как Президент не приедет на Мальту до 2 февраля, мы не сможем прибыть в Ялту раньше 3 февраля. Однако я протелеграфирую снова, как только будет возможно указать более точное время.

Мы, конечно, зависим от погоды. Мы полетим в отдельных самолётах, но самолёты последуют группой. Предвкушаю встречу с Вами. 1 февраля 1945 года».

«№403 ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И.В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛИЮ. Получил Ваше послание. Я уже нахожусь вместе с коллегами на месте встречи. 1 февраля 1945 года».

«№404 СЕКРЕТНОЕ И ВЕСЬМА СРОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ. Предполагаемое время прибытия в Саки в 12 часов по московскому времени 3 февраля. Мы позавтракаем в самолёте до того, как сделаем посадку. Продолжим путь в Ялту на автомобиле. 3 февраля 1945 года».

В ночь со 2 на 3 февраля 1945 г. с аэродрома Лука на Мальте с десятиминутными интервалами один за другим поднимались в воздух транспортные самолёты в сопровождении эскорта истребителей, чтобы доставить в Крым около 700 человек — членов американской и английской делегаций. Их возглавляли президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. После торжественной встречи на аэродроме Саки под Симферополем — оркестры исполнили государственные гимны союзных держав — высокие гости на автомобилях проследовали в отведённые им резиденции вблизи Ялты.

Две задачи

Все решения Ялты в общем и целом касались двух проблем. Во-первых, требовалось провести новые государственные границы на территории, ещё недавно оккупированной Третьим рейхом. Одновременно нужно было установить неофициальные, но общепризнанные всеми сторонами демаркационные линии между сферами влияния союзников — дело, которое было начато ещё в Тегеране. Во-вторых, союзники прекрасно понимали, что после исчезновения общего врага вынужденное объединение Запада и большевиков потеряет всяческий смысл, а поэтому следовало создать процедуры, гарантирующие неизменность проведённых на карте мира разграничительных линий.

Рузвельту, Черчиллю и Сталину удалось в целом найти общий язык практически по всем международным вопросам и геополитическим проблемам. Было принято принципиальное решение об оккупации и разделе Германии на оккупационные зоны и о выделении Франции своей зоны. Конкретное урегулирование вопро-

са относительно зон оккупации Германии было достигнуто ещё до крымской конференции и зафиксировано в *«Протоколе Соглашения между правительствами СССР, США и Соединённого Королевства о зонах оккупации Германии и об управлении „Большим Берлином“»* от 12 сентября 1944 г.

Стол переговоров «Большой тройки».
Ливадия, Крым

Германия

Это решение в дальнейшем предопределило раскол страны на долгие десятилетия: на территории советской зоны 7 октября 1949 г. была образована Германская Демократическая Республика, после того как остальные немецкие земли были слиты в Федеративную Республику Германию. Шла речь также об отделении Восточной Пруссии (позже, уже после Потсдама, на большей части этой территории была создана современная Калининградская область России).

Ключевой проблемой оставалась германская. Участники конференции подписались под заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира», что «Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир», «разоружить и распустить все германские вооружённые силы и навсегда уничтожить германский генеральный штаб», «изъять или уничтожить всё германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию...; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристическое влияние

из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа». Вместе с тем в коммюнике конференции подчёркивалось, что после искоренения нацизма и милитаризма германский народ сможет занять достойное место в сообществе наций. На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии был окончательно решён вопрос о зонах оккупации Германии.

На том этапе, судя по имеющимся архивным документам, в Кремле не думали ни о какой «советизации» или «социализации» освобождённых европейских государств, а оперировали формулой «дружественные правительства». Это должно было не допустить возрождения в Восточной Европе былого «санитарного кордона» и способствовать установлению добрососедских отношений со странами, волею трагических обстоятельств втянутыми в водоворот войны и оказавшимися в орбите гитлеровской Германии (или, как стало принято политкорректно формулировать в XXI веке, «на неправильной стороне истории»).

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобождённых европейских государств. Западные державы откровенно выступали за реставрацию скомпрометированных довоенных режимов. СССР делал ставку на антифашистский подъём в Европе и настаивал на предоставлении народам права самим решать свою судьбу, что в той конкретной ситуации могло означать только приход к власти левых сил. В результате принципиальное положение Декларации об освобождённой Европе гласило: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путём, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

Балканы

Был обсуждён и извечный балканский вопрос — в частности, ситуация в Югославии и Греции. Считается, что Сталин позволил Великобритании решать судьбу греков, в результате чего позднее столкновения между коммунистическими и прозападными формированиями в этой стране были решены в пользу последних. С другой стороны, было фактически признано, что власть в Югославии получит Иосип Броз

Тито, которому рекомендовали взять в правительство «демократов».

Польша

Польский вопрос стал одним из самых острых на Ялтинской конференции. Он затрагивался почти на каждом пленарном заседании. При его обсуждении, по подсчётам У.С. Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тысяч слов, причём порой достаточно резких. Это и понятно, поскольку позиции сторон были диаметрально противоположными.

На конференции удалось достичь договоренности о западных границах СССР. США и Великобритании после долгого сопротивления пришлось безоговорочно признать советско-польскую границу в той конфигурации, которая существовала к началу Великой Отечественной войны. В ялтинских решениях было зафиксировано: «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от неё в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Последнее стало уступкой советской стороны в ответ на прямую просьбу Рузвельта сделать жест доброй воли по отношению к полякам.

Когда Черчилль попробовал поставить под сомнение включение Львова в пределы советских границ и заявил, что этот город никогда не был русским, Сталин мгновенно сразил его одной лишь фразой: «А Варшава — была». Премьер не нашёлся, что ответить. Очертания границ Польши после Второй мировой войны кардинально изменились. Польша, которая перед войной была крупнейшей страной Центральной Европы, уменьшилась и сдвинулась к западу и северу. До 1939 г. её восточная граница находилась практически под Киевом и Минском, да к тому же поляки владели Виленским регионом, который вошёл в состав Литвы. Западная же граница с Германией находилась восточнее Одера, при этом большая часть балтийского побережья также принадлежала Германии. На востоке довоенной территории поляки являлись национальным меньшинством среди украинцев и белорусов, тогда как часть территорий на западе и севере, населённых поляками, находилась под германской юрисдикцией. Благодаря ялтинско-потсдамским решениям Польша стала мононациональным государством (98 % населения составляют поляки) и исчез национальный вопрос. Польша получила промышленно развитые Силезию и Померанию.

Хотя Польша к тому времени уже шестой год находилась под властью Германии, в Лондоне существовало временное правительство этой страны в изгнании, которое было признано и СССР и потому вполне могло претендовать на власть в своей стране после окончания войны. Всех, разумеется, прежде всего волновало, кто придёт к власти в стране по окончании войны. И здесь И.В. Сталин не намеревался уступать союзникам, рамки допускаемого им компромисса были очень узкими. На слова У.С. Черчилля о том, что «вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести», он ответил: «Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Обстановка на конференции в связи с этим заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельщала Ф.Д. Рузвельта. Он понимал необходимость взаимных уступок. Вечером 6 февраля американский президент направил И.В. Сталину из Ливадийского дворца в Юсуповский дворец специальное послание по польскому вопросу. «Я исполнен решимости, — писал он, — не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия». Послание президента передал В.М. Молотову госсекретарь США Э. Стеттиниус. В итоге такой «способ» был найден. Договоренности удалось достичь в том, что «действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

И.В. Сталин в Крыму сумел добиться от союзников согласия на создание нового правительства в самой Польше «с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Это решение, реализованное в присутствии советских войск, позволило СССР в дальнейшем сформировать в Варшаве дружественное Советскому Союзу правительство.

Декларация об освобождённой Европе

В Ялте была также подписана Декларация об освобождённой Европе, определившая принципы политики победителей на отвоеванных у противника территориях. Она предполагала, в частности, восстановление суверенных прав народов этих территорий, а также право союзников совместно «помогать» этим народам «улучшать условия» для осуществления

этих самых прав. В декларации говорилось: *«Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путём, который позволит освобождённым народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».*

Идея о совместной помощи, как и ожидалось, позднее не стала реальностью: каждая держава-победительница имела власть лишь на тех территориях, где были размещены её войска. В результате каждый из бывших союзников в войне начал по её окончании старательно поддерживать своих собственных идеологических союзников. Европа за несколько лет разделилась на послушный Москве социалистический лагерь и Западную Европу, где Вашингтон, Лондон и Париж пытались противостоять коммунистическим настроениям.

Репарации

В очередной раз был поднят вопрос о репарациях. Советская делегация назвала сумму в размере 20 млрд долларов. Это была самая малая, незначительная доля возмещения прямых материальных потерь СССР в ходе немецкой оккупации территорий СССР и военных действий. Ущерб Советского Союза оценивался экспертами и экономистами в 2 трлн 600 млрд рублей. Западные руководители признавали на словах огромный ущерб, понесённый СССР, но на практике нечего реального не желали сделать, чтобы содействовать Советскому Союзу в получении репараций. Однако союзники так и не смогли окончательно определить сумму компенсаций. Было решено лишь, что США и Великобритания отдадут Москве 50 % всех репараций. Советский Союз, понесший колоссальный ущерб от фашистской агрессии, имел полное право компенсировать за счёт репараций хотя бы часть того, что было разрушено и уничтожено врагом. Однако усилиями западных партнеров этот вопрос был превращён в предмет недостойного политического торга.

Думая только о том, как бы не ослабить послевоенную Германию и сохранить её роль «оплота против большевизма», У.С. Черчилль под различными предлогами отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму немецких репараций, предложенную советской делегацией. Ф.Д. Рузвельт, хотя и мог, не стал «выкручивать руки» своему британскому партнеру, и неспроста. Дело в том, что президент

США не до конца понимал характер советского государства, в частности, уровень его самодостаточности, склонность к автаркии, отгороженность от внешнего мира, привычку жить в капиталистическом окружении и полагаться в основном на собственные силы. В связи с этим он преувеличивал роль экономического фактора, а, следовательно, и значение германских репараций в качестве средства давления на СССР, имея в виду задачу послевоенного восстановления страны, в котором США хотели бы принять участие на выгодных для себя условиях.

И.В. Сталин был заинтересован в американской помощи, но рассматривал её как взаимовыгодное дело и был против политических условий. Ему было проще вновь нагрузить тяжким бременем свой народ, чем отказаться от некоторых из завоеванных большой кровью плодов победы. Примечательно, что на самой конференции делегация США не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд. долларов, хотя такое предложение поступило от советской стороны в ответ на туманные американские намеки. Правда, на одном из банкетов в Ливадийском дворце между И.В. Сталиным и Ф.Д. Рузвельтом состоялся на первый взгляд шуточный, но вместе с тем весьма интересный разговор. Президент США, отдав должное высокому качеству крымского шампанского, высказался в том духе, что ему следовало бы выписать из Москвы 500 бутылок. Тогда И.В. Сталин иронически заметил, что он мог бы «отпустить» этот товар президенту на основе займа с рассрочкой на 30 лет, то есть как раз на тот срок, о котором шла речь в советском предложении от 3 января 1945 года. Намёк был вполне прозрачным, чтобы остаться незамеченным, но дело с места так и не сдвинулось.

Дальний Восток

Будучи участником Ялтинской конференции, посол СССР в США А.А. Громыко оставил ценные свидетельства об обстановке, в которой проходила конференция в Крыму. Наряду с кратким изложением обсуждавшихся на конференции вопросов, автор мемуаров дал зарисовки поведения на конференции руководителей трёх великих держав и их ближайших сотрудников — участников конференции. Именно в воспоминаниях имеется ценное свидетельство о том, что в период работы Крымской конференции И.В. Сталин получил письмо от Ф.Д. Рузвельта, в котором сообщалось о признании правительством США прав Со-

ветского Союза на находившуюся под японской оккупацией южную половину острова Сахалин и на Курильские острова.

Когда Громыко в присутствии Сталина закончил устный перевод этого письма, тот заявил: «Письмо является важным, Америка сейчас признала справедливость нашей позиции по Курилам и по Сахалину. Американцы, наверное, при этом будут настаивать на своей позиции по вопросу о возможности участия Советского Союза в войне против Японии...». Закончил Сталин эту тему разговора словами: «Америка заняла хорошую позицию. Это важно с точки зрения будущих отношений с Соединёнными Штатами».

8 февраля в 15.30 состоялась встреча И. В. Сталина, В. М. Молотова с участием переводчика В. Н. Павлова с Ф. Д. Рузвельтом, Ч. Боленом и А. Гарриманом. Участники переговоров обсудили вопросы Дальнего Востока, военную кампанию против Японии и статус-кво Монголии. Сталин поднял тему возвращения Южного Сахалина и Курильских островов, в чём получил согласие президента США.

Отдельным документом была принципиально решена судьба Дальнего Востока. В обмен на участие советских войск в войне против Японии Сталин получил от США и Великобритании существенные уступки. Во-первых, СССР получал Курилы и Южный Сахалин, потерянный ещё в русско-японской войне. Кроме того, за Монголией признавался статус независимого государства. Советской стороне также были обещаны Порт-Артур и Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Фрагмент записи беседы Сталина и Рузвельта: «Тов. Сталин говорит, что всё это хорошо, но он хотел бы знать, как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз вступит в войну против Японии. Речь идёт о тех политических вопросах, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве. Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу.

Что касается теплого порта, то в Тегеране он, Рузвельт, предлагал, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен, расположенный на конце Южно-Маньчжурской железной дороги. Но он, Рузвельт, пока ещё не беседовал по этому вопросу с Чан Кайши. Он, Рузвельт, полагает, что существует два пути использования Советским Союзом этого порта. Первый путь — создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии. Второй путь — сда-

ча китайцами указанного порта в аренду Советскому Союзу. Но последний способ связан с вопросом о Гонконге. Причина того, почему он, Рузвельт, желает избежать аренды, заключается в том, что он надеется, что Англия отдаст Китаю Гонконг и что потом он может быть превращён в свободный порт для всего мира. Черчилль, наверно, будет против этого сильно возражать, и будет трудно убедить Черчилля, если Советский Союз получит в аренду порт на севере. Поэтому он, Рузвельт, думает, что в качестве первого шага целесообразнее было бы учредить открытый порт.

Тов. Сталин спрашивает, что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии. Рузвельт отвечает, что он ещё не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво во Внешней Монголии должен быть сохранен. Тов. Сталин спрашивает, что думает Рузвельт об аренде Китайско-Восточной железной дороги. Рузвельт отвечает, что пока он не говорил об этом с Чан Кайши, но он уверен, что по этому вопросу можно будет договориться. Имеются два способа использования железной дороги в интересах Советского Союза. Первый способ — установление контроля над железной дорогой со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей.

Тов. Сталин говорит, что его и Молотова положение таково, что если Советский Союз будет знать, на каких условиях он вступит в войну против Японии, то советский народ поймёт вступление в войну против Японии. Поэтому ему, тов. Сталину, и Молотову важно иметь документ, подписанный Президентом, Черчиллем и им, тов. Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. Если такой документ будет существовать, то его, тов. Сталина, положение облегчится и он сможет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты».

В конце работы Крымской конференции было подписано соглашение по вопросам Дальнего Востока. В этом соглашении говорилось: «Руководители Трёх Великих Держав — Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:
 - а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 - б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;
 - в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;
3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов...

Главы Правительств Трёх Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

И. Сталин, Ф. Рузвельт, Уинстон С. Черчилль 1945 г., 11 февраля».

Это решение является важной составной частью правовой позиции России в отношении претензий Японии на так называемые «северные территории». Американские руководители исключительно высоко ставили данное соглашение, считая предусмотренные им условия малой ценой за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Именно это имея в виду, член американской делегации адмирал У. Леги говорил послу США в Москве А. Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». В окружении Ф. Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия СССР достижение победы в войне с Японией было бы крайне затруднено, а то и невозможно».

«Таким образом, без какого-либо торга и разногласий союзники чётко определили условия, на которых СССР соглашался вступить в войну с Японией, и официально подтвердили, что эти условия будут выполнены «безусловно». Документ об участии Советского Союза в войне полностью отвечал интересам разгрома Японии

без кровопролитных сражений с огромными жертвами... Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошёл на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне представляются неубедительными и далёкими от понимания реально складывающейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире», — пишет д. и. н., профессор Восточного университета, действительный член (академик) РАЕН, политолог-востоковед А. А. Кошкин.

ООН

В Ялте была начата реализация идеи новой Лиги Наций. Союзникам требовалась межгосударственная организация, способная предотвратить попытки изменить установленные границы сфер влияния. Именно на конференциях победителей в Тегеране и Ялте и на промежуточных переговорах в Думбартон-Оксе была сформирована идеология Организации Объединённых Наций. Было условлено, что в основу деятельности ООН при решении кардинальных вопросов обеспечения мира будет положен принцип единогласия великих держав — постоянных членов Совета Безопасности, имеющих право вето.

И. В. Сталину удалось убедить Ф. Д. Рузвельта, что отсутствие права вето в определенных условиях могло обернуться против интересов Америки и повторить ситуацию с Уставом Лиги Наций, который в свое время отверг конгресс. Последнее обстоятельство стало причиной личной трагедии инициатора образования Лиги — президента США В. Вильсона, под началом которого Ф. Д. Рузвельт начинал свою политическую карьеру.

В Ялте после продолжительной дискуссии был найден приемлемый компромисс. И. В. Сталин пошёл навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласия постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира (включая принятие экономических, политических и военных санкций), и при этом допускали отступление от данного принципа при мирном урегулировании споров. Также советская делегация сняла своё предложение об участии в ООН в качестве полноправных членов всех союзных республик СССР,

ограничившись лишь двумя из них — Украиной и Белоруссией, что получило немедленную поддержку американской стороны.

Таким образом, И. В. Сталин добился согласия партнёров на то, чтобы в числе учредителей и членов ООН был не только СССР, но и Украинская ССР, и Белорусская ССР. И именно в ялтинских документах появилась дата «25 апреля 1945 года» — дата начала Сан-Францисской конференции, которой было предназначено выработать Устав ООН.

Черчилль, Рузвельт, Сталин в Ялте.
Февраль 1945

ООН стала символом и формальным гарантом послевоенного мироустройства, авторитетной и иногда даже достаточно эффективной организацией в разрешении межгосударственных проблем. При этом страны-победители и впредь предпочитали решать действительно серьёзные вопросы своих взаимоотношений путём двусторонних переговоров, а не в рамках ООН. ООН также не смогла помешать локальным войнам и конфликтам, которые велись за прошедшие десятилетия.

Наследие Ялты

Созданный в Ялте биполярный мир и жёсткий раздел Европы на восток и запад сохранились на полвека, вплоть до 1990-х гг., что говорит об устойчивости этой системы. Н. А. Нарочницкая пишет: «Например, есть секретная записка Соединённых Штатов 1944 г., в которой совершенно закономерным, законным и непредсудительным именуется желание Советского Союза создать зону безопасности в Восточной Европе вокруг своих границ из стран, не втянутых в западные блоки. Из британских разработок приведён документ о безопасности Британской империи, который подготовлен ещё до Ялты и потом был положен на стол Сталину. За год до фултонской речи Черчилля в ней была уже спланирована будущая «холодная война».

Для Сталина, который читал документ, речь Черчилля в 1946 г. была уже просто пропагандистским хлопком. Он заранее знал, что это случится».

Ялтинско-Потсдамская система как единое целое прекратила своё существование лишь с падением одного из центров, обеспечивавших равновесие сил. Буквально за два-три года на рубеже 1980–1990-х гг. «Восток», олицетворявшийся СССР, исчез с карты мира. С тех пор границы сфер влияния в Европе определяются лишь текущей расстановкой сил. Такой мир менее стабилен, чем прежняя жёсткая биполярная конструкция, что во многих случаях привело к кровопролитным конфликтам в Европе, Азии и Африке. Вместе с тем отдельные элементы прежней системы выдержали испытания после 1991 г. и продолжают функционировать. Это прежде всего ООН, независимый Китай как центр нового мирового влияния и силы, существование Северной и Южной Кореи. Неизменность государственных границ России на Дальнем Востоке: Курильские острова и Южная часть острова Сахалин. На западе в составе России сохранилась Калининградская область, вошедшая в состав СССР по итогам встреч лидеров Большой тройки. Линия Керзона является по-прежнему государственной границей между Польшей, Белоруссией и Украиной как и в 1945 г. Также неизменными в целом остались границы государств в Западной Европе, за исключением Югославии.

В то же время большая часть Центральной и Восточной Европы достаточно спокойно пережила исчезновение прежних демаркационных линий, а Польша, Чехия, Венгрия и страны Балтии даже смогли встроиться в новую картину мира в Европе.

Основными итогами Ялтинской конференции можно считать:

- И. В. Сталин заверил союзников, что СССР вступит в войну с Японией через три месяца после окончания войны с Германией, как оно и произошло в ночь с 8 на 9 августа 1945 г.
- Территория Польши стала независимым и мононациональным государством и увеличилась на западе за счёт германских промышленно развитых земель.
- Были заложены основные принципы функционирования и устав Совета Безопасности ООН, самой ООН и определён список стран-организаторов ООН и порядок приглашения в ООН.

Интересные факты

Участники конференции располагались в трёх дворцах: делегация СССР во главе с И. В. Сталиным в Юсуповском дворце (Кореиз); делегация США во главе с Ф. Д. Рузвельтом в Ливадийском дворце (Ливадия); делегация Великобритании во главе с У. Черчиллем в Воронцовском дворце (Алупка).

Воронцовский дворец

Для советской делегации были подготовлены 20 комнат в главном корпусе Юсуповского дворца и 33 комнаты в прилегающих к основному зданию корпусах. Для Ф. Д. Рузвельта и приближённых к нему лиц предназначались 43 комнаты Ливадийского дворца, остальные «дальние гости» разместились в 48 комнатах светского корпуса. У. С. Черчиллю и другим «ближним гостям» отвели 22 комнаты в главном корпусе Воронцовского дворца, 23 комнаты в Шуваловском корпусе, там же и другие помещения. Вот как это комментировал И. В. Сталин: «Товарищ Сталин сумел перехитрить Черчилля и во время Ялтинской конференции. Поселил Рузвельта, как человека больного, в Ливадийском дворце, где проходила конференция. Сам поселился в довольно скромном Юсуповском дворце, а Черчиллю предоставил роскошный Воронцовский дворец. Каждое утро мы съезжались в Ливадийский... Но мне туда ехать семь километров, а Черчиллю — пятнадцать. Так что товарищ Сталин успевал один на один с Рузвельтом решить многое!»

Для обслуживания конференции было выделено более 150 легковых и грузовых автомобилей, из них 35 машин из гаража особого назначения (ГОН) для руководителей и членов делегаций, в том числе несколько специальных «Паккардов». Для нужд «ближних» и «дальних» гостей из Англии и США определили 15 легковых авто, 20 «Виллисов» и 5 грузовиков.

Допуск представителей прессы был жёстко ограничен и список журналистов был согласован заранее участниками конференции.

Обеспечение безопасности конференции

Гостям «дальним» и «ближним» в Крыму понравилось, не было существенных замечаний по организации конференции и у И. В. Сталина: не случайно он пригласил своего американского гостя провести отпуск летом 1945 года в Крыму. Президент США, вступивший на территорию России, принял это приглашение с благодарностью, но осуществить задуманное помешала смерть 63-летнего Рузвельта, последовавшая совсем скоро, 12 апреля.

Отъезд делегаций

В 10-х числах февраля хозяева и гости встречи в верхах благополучно разъехались. 11-го числа по железной дороге отправилась в путь из Симферополя советская делегация. Вслед за ней из аэропорта Саки, посетив перед отъездом Севастополь, отбыл Ф. Д. Рузвельт. Позже всех, 14 февраля, после осмотра Сапун-горы и Севастополя, где У. С. Черчилль почтил память британцев, сражавшихся в этих местах в Крымскую войну, на родину вылетел и британский премьер.

Награды

Встреча «большой тройки» в Крыму не была омрачена ни единым серьёзным инцидентом по ведомству охраны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 г. 294 особо отличившихся сотрудников 6-го Управления НКГБ были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В кулуарах Крымской конференции

Об обстановке в кулуарах конференции хорошо пишет генерал-майор ВВС США Л. Кьютер: «В качестве первого блюда за утренним завтраком подавался средних размеров бокал крымского коньяка. За коньяком и вступительными тостами следовали повторные угощения икрой с водкой. После них подавались холодные закуски с белым вином, под конец сервировались крымские яблоки с многочисленными бокалами довольно сладкого крымского шампанского, последним блюдом был стакан горячего чая, к которому подавался коньяк. И это был лишь завтрак! Как мог кто-либо, с желудком полным всего этого, принимать разумные или логические решения в вопросах жизненных интересов Соединённых Штатов? Эллиот Рузвельт, приехавший

на конференцию вместе с отцом, говорил, что практически все без исключения были в стельку пьяны». Об одном из ужинов Ч. Болен, помощник госсекретаря и переводчик Рузвельта вспоминал, что «хозяином за столом был сам маршал Сталин. Атмосфера за столом была весьма сердечной и, в общей сложности, было выпито 45 тостов».

Эти показания дополняются дневниковыми записями заместителя министра иностранных дел Англии А. Кадогана, человека весьма наблюдательного. 9 февраля он писал: «Премьер-министр чувствует себя хорошо, хотя и хлещет ведрами кавказское шампанское, которое подорвало бы здоровье любого обычного человека». Как писал историк, академик АН СССР В.Г. Трухановский: «Ещё шла война, жизнь внутри страны была очень трудной, но русское гостеприимство участникам конференции было обеспечено в полной мере. Черчилль, любивший „всё самое лучшее“, наслаждался». Сталин умело использовал человеческие слабости своих союзников во благо советской дипломатии.

Масштабы завоза провизии и напитков были внушительны. Участники Ялтинской конференции съели полтонны паюсной икры, столько же различных сыров и сливочного масла. Мяса было употреблено 1120 килограммов — на центральную базу были завезены живые телята, коровы, бараны, птица. Овощное меню потянуло на 6,3 тонны. При такой обильной закуске не забывали и о напитках — вина, половина сортов которого имела грузинскую родословную, запасли более 5000 бутылок, водки — 5132, пива — 6300 и коньяку — 2190 бутылок.

По слухам, дневная коньячная норма Черчилля составляла две бутылки. Накопленных же припасов хватило в итоге всем участникам — в одной лишь американской делегации насчитывалось 276 человек без учета размещавшихся отдельно летчиков и моряков.

В архиве ФСБ сохранился интересный документ о том, как И.В. Сталин пользовался дипломатической гастрономией в отношении делегаций союзников: «Справка о наличии продуктов. 1. Кондитерские изделия — 500 кг. 2. Шоколадные конфеты — 255 кг. 3. Варенье — 280 кг. 4. Компот консервированный — 3000 банок. 5. Сыры разные — 445 кг. 6. Масло — 560 кг. 7. Колбасные изделия — 830 кг. 8. Икра — 508 кг. 9. Сельдей — 916 кг. 10. Разных консервов — 800 банок. 11. Молоко сгущённое — 480 ба-

нок. 12. Яйца — 4500 штук. 13. Рыбные изделия — 431 кг. 14. Папиросы — 16574 коробок. 15. Спички — 6000 коробок. 17. Чай — 30 кг». Кроме того, значились мясо, птица битая, перепела, кабаны, джейраны, живые индейки и свиньи, телята молочные битые, телята живые. Через два дня после начала конференции в Ялту прибыло: осетрина — 200 кг., копчёные свиные окорока и севрюга — 150 кг., ветчина — 150 кг., кавказские живые бараны — 5 штук.

Как замечает историк А.Б. Мартиросян, в общении с У. Черчиллем, который обожал крепкие напитки, И.В. Сталин пил с ним прекрасный армянский коньяк, от которого премьер был в восторге, и И.В. Сталин послал ему несколько ящиков коньяку. Однако и в таких случаях И.В. Сталин никогда не напивался. Более того, никто даже и заметить не мог, что он в нетрезвом состоянии, потому что вырос в условиях высокой культуры потребления алкоголя и умел не только пить, но и держать себя в руках даже после большого количества выпитого. Всё это позволяло создать непринуждённую обстановку дружеского застолья. Это была политика и дипломатия. Обычная практика официального гостеприимства на высшем уровне. Кроме того, это была реклама всей палитры советских вин, коньяка и водки для лидеров Запада. Именно после встреч Ф.Д. Рузвельта со И.В. Сталиным в штате Калифорния было положено начало настоящему виноделию. Во время одной из встреч с президентом США И.В. Сталин угостил его знаменитыми грузинскими винами «Хванчкара» и «Киндзмараули». Ф.Д. Рузвельт пришёл в неопишуемый искренний восторг. После чего И.В. Сталин пообещал ему прислать черенки виноградных лоз этих сортов винограда и обещание своё выполнил. Так в Калифорнии началось виноделие.

И.В. Сталин принял участие в официальных обедах с главами США и Великобритании в первый и последний день Конференции.

Конференцию охранял полк войск НКВД численностью 1800 бойцов войсковых подразделений НКВД СССР и 800 оперативных работников, 120 мотоциклистов, для связи с Москвой для оперативной доставки документов было задействовано 10 самолётов СИ-45.

Связанные события

В день открытия конференции в Богоявленском кафедральном соборе Москвы состоялась интронизация патриарха всея России Алексия

Первого и торжественное богослужение. Думается, что такое совпадение было не случайным: его можно рассматривать как дальновидный дипломатический и политический шаг И. В. Сталина перед западными союзниками.

В наши дни

6 июня 2014 г. Председатель Государственной Думы Российской Федерации С. Е. Нарышкин передал в дар Ливадийскому дворцу единственное цветное фото, на котором изображены лидеры СССР, США и Великобритании во время исторической встречи на конференции в Ялте в 1945 году. Это произошло во время мероприятий по открытию в Крыму регионального отделения Российского исторического общества. Местом проведения первого заседания Крымского отделения РИО стал Ливадийский дворец в Ялте. Копию единственной цветной фотографии Сталина, Черчилля и Рузвельта, сделанной в этом дворце в феврале 1945 года, Председатель Госдумы РФ, Председатель РИО Сергей Нарышкин передал в дар Крымскому отделению РИО: «Сами стены этого дворца напоминают нам о значении Крыма в истории России и о значении нашей страны в защите и обеспечении мира на земле» — заявил он.

Отзывы современников и историков о Ялтинской конференции

По итогам встречи в Крыму газета «Филадельфия бюллетин» писала в феврале 1945 г.: «Все ветры в Ялте дуют в направлении сотрудничества». Газета «Провиденс джорнал» добавляла: «Когда читаешь заявление руководителей трёх держав, чувствуешь, что небо очистилось от облаков». В редакционной статье газеты «Правда» от 13 февраля 1945 г. отмечалось, что «Крымская конференция войдёт в историю освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков как историческая демонстрация тесного боевого содружества великих демократических держав в период, когда война вступила в свою конечную фазу».

«Ялта была, говоря словами Меттерниха, «очень милым небольшим конгрессом», по-видимости обещавшим, что на этот раз единство союзников сохранится и после победы. Американский госсекретарь Стеттиниус писал: «В Ялте уступки Советского Союза Соединённым Штатам и Англии были больше, чем их уступки Советам». Г. Гопкинс, специальный советник Ф. Рузвельта, отозвался с ещё большим

энтузиазмом: «В глубине души мы действительно верили в то, что это рассвет нового дня, о наступлении которого молились и говорили в течение многих лет. Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словом «мы» я подразумевал всех нас, всё цивилизованное человечество. Русские доказали, что могут быть разумными и дальновидными. У президента и у всех нас не было сомнений, что мы всегда в обозримом будущем сможем с ними жить мирно и сохранять хорошие отношения. Должен сделать к этому лишь одну поправку: мы все в глубине души боялись тех непредсказуемых событий, которые могут последовать, если что-то случится со Сталиным. Мы были уверены, что можем полагаться на его разумность, трезвость суждений и способность взаимопонимания, однако мы никогда не знали, кто или какие силы стоят за ним в Кремле». У. Черчилль этот вывод разделял. 19 февраля он сообщил Военному кабинету: у него твёрдая уверенность, что Россия стремится к согласию с обеими англоязычными демократическими странами, Премьер Сталин — человек могущественный, которому он вполне доверяет».

Опасения Г. Гопкинса оправдались после прихода к власти Н. С. Хрущёва: «У Сталина мера была очень резко соблюдена», — одобрительно писал Молотов, вспоминая тревожный вопрос вождя в критический период 1947–1948 годов: «Войну-то они из-за этого не начнут?» В этом смысле Сталин был ответственным и, можно даже сказать, надёжным спарринг-партнёром Запада по «холодной войне»... Неслучайно столкнувшись с импульсивным и непредсказуемым Хрущёвым, в эйзенхауэровском Белом доме с ностальгией вспоминали о «шахматном» стратегическом почерке Сталина» — пишет доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России В. О. Печатнов.

«Я уверен, что благодаря соглашениям, достигнутым в Ялте, Европа будет более стабильной в политическом плане, чем когда бы то ни было ещё» — из послания Ф. Д. Рузвельта Конгрессу о Ялтинской конференции. У. Черчилль, премьер-министр Великобритании, выступая в Палате общин 27 февраля 1945 г.: «После встречи в Крыму и всех других проведенных мной переговоров у меня осталось впечатление, что маршал Сталин и советские лидеры хотят поддерживать честные дружеские отношения с западными демократиями и разгова-

ривать с ними на равных. У меня есть ощущение, что это не просто слова. Я не знаю ни одно другое правительство, которое бы так твёрдо и последовательно выполняло свои обязательства, причём иногда даже во вред собственным интересам, как правительство Советской России».

Президент Ф.Д. Рузвельт писал Сталину: «№ 273. Получено 13 февраля 1945 года. ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ДЛЯ МАРШАЛА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА РУЗВЕЛЬТА. Покидая гостеприимные берега Советского Союза, я желаю еще раз сказать Вам, как глубоко я благодарен за многие любезности, которые Вы оказали мне, когда я был Вашим гостем в Крыму. Я уезжаю весьма ободренным результатом совещания между Вами, Премьер-Министром и мной. Народы мира, я уверен, будут рассматривать достижения этого совещания не только с одобрением, но и как действительную гарантию того, что наши три великие нации могут сотрудничать в мире так же хорошо, как и в войне».

В послании Сталину Черчилль писал: «№ 406. Получено 18 февраля 1945 года. ПОСЛАНИЕ ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ: «От имени Правительства Его Величества выражаю Вам горячую благодарность за гостеприимство и дружеский прием, оказанные британской делегации на Крымской конференции. На нас произвело глубокое впечатление большое искусство организации и импровизации, благодаря которым конференция протекала в такой приятной и располагающей обстановке, и мы все храним самые счастливые воспоминания о ней. К этому я должен добавить личное выражение моей благодарности и признательности. Ни одна из предыдущих встреч не показала с такой ясностью тех результатов, которые могут быть достигнуты, когда главы трех правительств встречаются друг с другом с твердым намерением смело встретить трудности и преодолеть их. Вы сами сказали, что сотрудничество было бы более трудным, если бы не существовало объединяющих уз борьбы с общим врагом. Я исполнен решимости, так же как Президент и Вы, как я уверен, не допустить после победы ослабления столь прочно установившихся уз дружбы и сотрудничества. Я молюсь о даровании Вам долгой жизни, чтобы Вы могли направлять судьбы Вашей страны, которая под Вашим руководством показала всё своё величие, и шлю Вам свои наилучшие пожелания и искреннюю благодарность. 17 февраля 1945 года».

Сталин ответил лаконично: «№ 407. ЛИЧНО ОТ ПРЕМЬЕРА И.В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ. Получил Ваше послание от 18 февраля. Очень рад, что Вы остались довольны условиями в Крыму. 20 февраля 1945 года».

В палате общин 27 февраля 1945 г. У.С. Черчилль заявил: «Маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почётной дружбе и равенстве с западными демократиями... Мне неизвестно ни одно правительство, которое бы выполняло свои обязательства, даже в ущерб самому себе, более точно, нежели русское Советское правительство».

Ялтинская конференция завершилась в обстановке всеобщей дружбы и согласия. А. Кадоган, заместитель А. Идена, сказал: «Премьер-министр и Антони Иден вполне удовлетворены, если не больше, и я полагаю, они правы».

Однако спустя годы многие западные политические деятели и историки стали оценивать Ялтинскую конференцию как мирную капитуляцию атлантических держав перед непомерными требованиями Сталина. По их мнению, лидеры США и Англии позволили в тот момент Советскому Союзу захватить слишком сильные позиции в послевоенном мире, и это якобы послужило причиной «холодной войны», которую вскоре после окончания Второй мировой войны развязали правящие круги западного мира. Данью политике «холодной войны» явилась кампания против решений Ялтинской (Крымской) конференции, начатая в западной историографии с поддержки правящих кругов Запада. Некоторые из историков США, например Р. Тафт, А. Ванденберг, Г. Крокер, Г. Киссинджер стали подавать решения конференции чуть ли как не предательство интересов США со стороны Рузвельта. Причины такого отношения точно подметил британский историк Второй мировой войны А. Тэйлор: «Впоследствии Ялтинская конференция характеризовалась отрицательно. Сталин якобы обманул западные державы. Но вернее было бы сказать, что они сами себя обманули. Они воображали, что Советская Россия разгромит Германию для них, а затем отступит в пределы собственных границ — на худой конец тех, какие существовали в 1941-м, а не в 1939 г. Но у СССР были другие намерения. Когда рухнула власть немцев в Восточной Европе, в образовавшийся вакуум двинулась советская власть — это было неизбежным следствием победы. В политическом отношении русские

во многом вели себя в Восточной Европе так же, как американцы и англичане на Западе: сами заключали перемирие со странами-сателлитами, как поступили в Италии англичане и американцы. Они отстраняли от власти антикоммунистов, но англичане и американцы такие же меры принимали в Италии и Франции против коммунистов».

«В феврале 1945 г. западные державы ещё предвидели тяжёлые и кровавые бои с немцами; британские начальники штабов даже думали, что европейская война может продлиться до ноября, и поэтому на первое место ставилось единство. А потом, когда победа неожиданно оказалась лёгкой, англичане и американцы жалели, что относились к Советской России так, словно считали её равноправным партнёром. Не потому нарушилось объединённое сотрудничество, что были заключены Ялтинские соглашения, а потому, что англичане и американцы от них отстранились».

Историк Ю.Н. Жуков пишет, что Сталин был признан законным членом большой тройки, наравне с британским премьером и президентом США, то есть признание его тем самым главой одной из трёх великих держав мира. Историки Г.А. Бордюгов и Д.А. Андреев пишут: «На Ялтинской конференции глав союзных держав в феврале 1945-го Иосиф Сталин, опираясь на победный настрой народа, на равных разговаривал с Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом».

«Ялтинское соглашение 1945 г. стало ответом на конкретную тенденцию исторического развития, когда конкуренция между национальными государствами подвигла их к созданию долговременных, прочных и крупных альянсов. Три великие стороны в лице Сталина, Рузвельта и Черчилля не только договорились об установлении новых границ внутри Европы (Одер-Нейсе), которая рассматривала себя как центр мира, но и предписали всему миру некую модель геополитического размежевания. Модель границы, разделившей Европу на блоки, была «экспортирована» за ее пределы, на территорию так называемой мировой периферии. Неевропейский мир стал как бы продолжением Европы и её внутренних конфликтов. Логика Ялты — это, с одной стороны, возможность двух сверхдержав иметь развязанные руки в собственной зоне влияния, с другой стороны, молчаливое согласие с механикой равновесия расколотого на два полюса мира», — пишет политолог Р. Хестанов.

Существование национальных государств внутри крупных военных блоков позволило не только нейтрализовать потенциальную враждебность отдельных наций, но и канализировать региональные конфликты в пространство глобального конфликта двух систем — капиталистической и социалистической. В апреле 1945 г. была создана Организация Объединённых Наций, но не для того, чтобы учредить сильное правовое поле как гарантию всеобщего мира, а ради гарантии сложившегося равновесия. «Ялтинский порядок несколько раз подвергался опасности. Например, во время войн в Корее и во Вьетнаме, а также в ходе Карибского кризиса. Для такой системы опасны были как медленное истощение одной из сторон, так и фатальный для обеих сверхдержав прямой термоядерный конфликт. Однако фактический демонтаж ялтинского порядка был инициирован так, как этого никто не ожидал, — радикальной реформаторской политикой Михаила Горбачёва. Отказ от прежней системы идеологических ценностей и от политики военных блоков привёл к резкому ослаблению легитимности СССР как глобального лидера.

Ялтинская конференция была, по существу, первым саммитом в мировой политике, на котором решались глобальные проблемы мироустройства. Она стала пиком сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны и открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в дальнейшем. Что бы ни говорили позднее, заложенная в Ялте и закреплённая в Потсдаме система политического равновесия помогла сохранить мир в Европе и на планете в целом на протяжении почти полувека... Ялтинская конференция едва ли не самый яркий пример такого рода политических «манипуляций».

С точки зрения её участников и всех антифашистских сил, независимо от их национальной принадлежности, Ялта безусловно показала и доказала умение и возможность государств, различных по социальному устройству и идеологии, находить общий язык в ходе переговоров и достигать соглашений по наиболее острым вопросам, будь-то судьба Германии и многих европейских стран после краха фашизма или координация планов по разгрому милитаристской Японии и установлению прочного мира в Азии.

Невозможно представить, чтобы тогда — в канун Победы — кто-то публично позволил бы себе, как это стало привычным в наши дни на

Западе, поставить на одну доску нацизм и сталинизм, охарактеризовать их как «две стороны одной медали». Или, скажем, умалить решающую роль Советского Союза в борьбе с фашизмом. Или истолковать долгожданное освобождение стран Европы от нацистской тирании как их оккупацию Красной армией с последующим вторжением в Германию. Или подвергнуть сомнению роль советских солдат в спасении оставшихся в живых узников нацистских лагерей смерти. Даже в эпоху «холодной войны» и биполярного мира и ядерного противостояния двух сверхдержав — СССР и США — объективности в прочтении истории Второй мировой войны на Западе было куда больше, чем сейчас. Сегодня же США, заявляя о своей победе в холодной войне, делают все, чтобы свести до минимума вклад Советского Союза в разгром общего врага. И прежде всего это касается освобождения народов Европы от фашизма, что торжества в Нормандии по случаю 70-летия высадки западных союзников весьма ярко продемонстрировали.

Порой складывается впечатление, что далеко не безупречна и позиция нынешнего правительства Германии, несмотря на всю антинацистскую и демократическую риторику Берлина. Бросается в глаза, что по мере приобретения экономического веса и влияния ФРГ, исполняющая роль первой скрипки в Евросоюзе, всё больше тяготеет нацистским прошлым и ритуальным покаянием за грехи Третьего рейха и хотела бы теперь их «размыть» в своего рода коллективной ответственности тоталитаризма вообще за развязывание и ужасы Второй мировой войны. Самоуверенный тон немецких политиков, уроки демократии, которые они пытаются давать современной России, порой выглядят так, будто Германия чуть ли не выиграла ту войну.

Впрочем, все попытки переписать историю в угоду сегодняшней политической конъюнктуре — неблагодарное дело. Исторические факты остаются фактами, и рано или поздно они напоминают о себе. Как любят говорить сами американцы, «мнения свободны, но факты священны». «А за невыученные уроки истории приходится платить, и иногда весьма дорого», — утверждает доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД РФ А. Борисов.

Президент РФ **В. В. Путин** о Ялтинских соглашениях 1945 г.: «Хочу напомнить, что и Венский конгресс 1815 года, и ялтинские соглаше-

ния 1945 года, принятые при очень активной роли России, обеспечили долгий мир. Сила России, сила победителя в эти поворотные моменты проявлялась в благородстве и справедливости».

Мероприятия к 70-летию Крымской (Ялтинской) конференции в 2015 г.

Проведение торжественных мероприятий, посвящённых 70-летию Ялтинской конференции: 23 января 2014 г. Комитет по культуре и вопросам охраны культурного наследия Государственного Совета Республики Крым обсудил ход подготовки и проведение торжественных мероприятий, посвящённых 70-летию Ялтинской конференции. Как отметила глава профильного комитета Светлана Савченко, в рамках юбилейной даты в феврале и марте текущего года на территории государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник», а также в музеях и библиотеках полуострова предполагается проведение ряда тематических мероприятий — выставок, круглых столов, научных конференций, посвящённых этому историческому событию.

28 января 2015 г. С. Савченко также рассказала о программе мероприятий, посвящённых 70-летию конференции. Так, 3 февраля в поселке Новофёдоровка, где на аэродроме в ночь со 2 на 3 февраля 1945 г. встречали глав государств — участников Ялтинской конференции, пройдёт реконструкция встречи. 4 и 5 февраля в Ливадийском дворце научно-практическую конференцию «Уроки Ялтинской конференции в научно-общественном разрезе» проведут три авторитетных общественных российских фонда: Фонд гражданской инициативы К. Костина, Исторический фонд Н.А. Нарочницкой, Фонд Мира А. Карпова. Также пройдёт круглый стол, фотовыставка из фондов Федерального собрания РФ. МИД России планирует передачу ценных исторических документов, связанных с конференцией, в Ливадийский дворец и в Крымский федеральный университет.

«В истории все происходит не случайно. Тогда, в 1945 году, удивительнейшим образом договорились страны, которые были в прохладных отношениях, были идеологическими соперниками. Но перед действительно осознанной ими невероятной угрозой человеконенавистнической идеологии фашизма, которая вопло-

■

тилась в чудовищное уничтожение целых народов, лидеры трех стран объединились. Поэтому для нас, крымчан, главное — смысловая нагрузка, которую несёт это событие. Очень важно, что Ялтинская конференция состоялась 70 лет назад в российском Крыму. Это была историческая реальность, к которой мы сейчас вернулись», — сказала С. Савченко.

К участникам конференции обратился с посланием Президент РФ В.В. Путин. «На наших глазах разворачивается кампания по пересмотру итогов Второй мировой войны, — отметил он. — Преуменьшается вклад Красной

Армии в Великую Победу. Эти обстоятельства не могут оставить нас равнодушными и безучастными. Мы должны твердо противостоять любым попыткам фальсификации исторических фактов, защищать правду о минувшей войне». Президент также считает, что необходимо «использовать в полной мере позитивный опыт, который был накоплен странами-союзницами в годы Второй мировой войны». Глава государства назвал итоги Ялтинской конференции 1945 года «бесценным наследием, в которых воплотился дух международного сотрудничества и истинного союзничества».

Интервью В. О. Печатнова*

«Российской газете»

по случаю 70-летия

Ялтинской конференции

Е. Новоселова*: Владимир Олегович, международная система отношений под названием «Ялта» заканчивает свое существование?

В. Печатнов: Смотря, что понимать под «Ялтой». Это слово стало символом, который используют, не вникая в подробности того, что на самом деле обсуждалось и решалось в Крыму. На уровне эмоций идет разговор. Для правых в Соединенных Штатах это символ чуть ли не предательства национальных интересов. Для Восточной Европы или Балтии — символ размена их интересов великими державами. Но для всех — это сила и авторитет Советского Союза в победе над фашизмом! Триумф советской военной мощи и политики. Если хочешь, чтобы тебя уважали, с тобой считались и твои интересы учитывали, надо быть сильным. А Советский Союз, безусловно, был таковым в феврале 1945-го года, что и обеспечило успех Ялтинской конференции. Это многим сейчас в Европе и США не нравится. Отсюда и эти попытки итоги «Ялты» пересмотреть. Впрочем, не будем драматизировать: многое из наследия Ялтинской встречи сохраняется. Это и Организация Объединенных Наций, и роль в ней России, которая стала правопреемницей СССР. А значит, во многом незыблема основа современного международного права с уставом ООН. Но вы правы, ялтинское наследие переписывают исходя из таких соображений: зачем считаться с эпохой, которая ушла в прошлое? В Ялте встретились Победители. Сейчас ситуация изменилась: выросли новые центры силы...

Е. Новоселова: Ялтинская конференция породила массу мифов. Например, что о самом важном — об обустройстве послевоенного мира, — договорились уже в Тегеране-43. Или о том, что результаты Ялты сложились из ошибок, а не из продуманных действий...

В. Печатнов: В отношении Ялты полно ложных толкований, особенно в странах Восточной Европы и Балтии. Там чувствовали себя ущемленными решениями конференции, а им подпевали крайне правые силы в Соединенных Штатах, противники Рузвельта. Идея была такая: слабый и больной президент в Ялте отдал Сталину слишком много, сделал массу неоправданных уступок, в том числе по Восточной Европе, по Польше, по Дальнему Востоку. И что это провал американской дипломатии.

Е. Новоселова: А на самом деле?

В. Печатнов: На самом деле это далеко не так. Как говорил тогдашний госсекретарь США Эдвард Стеттиниус, Рузвельт в Ялте не сдал ничего из того, что мог удержать. Советский Союз являлся, конечно же, решающей силой. И с этим нельзя было не считаться. По оценке американских военных, и на Дальнем Востоке, и в Восточной Европе на тот момент СССР главенствовал, и только Курилы американцы могли бы попытаться захватить до прибытия туда советских войск. Поэтому дело не в ошибках американской дипломатии. Она действовала довольно активно, напористо, союзники оттягивали открытие второго фронта, свалив на Красную армию разгром Германии. Вот когда — в 1942–1943 гг. — были сделаны основные стра-

* Владимир Олегович Печатнов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории политики стран Европы и Америки МГИМО.

** Елена Новоселова — корреспондент «Российской газеты».

тегические решения со стороны Соединенных Штатов и Великобритании, а не в Ялте. В феврале 1945-го года уже все было предрешиено.

А второй миф о Ялте сводится к некоему несправедливому соглашению о разделе сфер влияния между Советским Союзом и Западом в целом. Дескать, раздел великие державы совершили в ущерб малым странам. Если же внимательно прочитать решения конференции, то выяснится, что единственный вопрос границ, который тогда обсуждался, был вопрос о границах Польши. Конференция признала только ее новую восточную границу. Плюс обсуждались территории, которые Советский Союз вернул себе на Дальнем Востоке. При всех разногласиях между союзниками, Ялта была уникальной попыткой договориться о совместном создании послевоенного мира, несмотря на глубокие различия в общественно-политических системах. Да и в личных качествах лидеров, конечно.

Е. Новоселова: *Когда смотришь фото- и кинохронику Ялтинской конференции, складывается ощущение, что Сталину было проще с Рузвельтом, чем с Черчиллем. Оно правильное?*

В. Печатнов: Отношения внутри этого треугольника были непростыми. Но вы правы, Сталин был гораздо более предупредителен, вежлив и внимателен к Рузвельту. Тому были объективные причины. За Рузвельтом стояла мощь самого экономически сильного тогда государства. Обратите внимание, что Рузвельт всегда сидит в середине между Сталиным и Черчиллем. Он играл роль связующего звена между ними. Сказались и личные качества. Сталин видел, что Рузвельт был гораздо более спокойным, уравновешенным, последовательным. Кроме того, интересы Соединенных Штатов и Советского Союза тогда пересекались меньше, чем интересы СССР и Великобритании, которые уже начали сталкиваться в Турции и в Средиземноморье, на Балканах. С англичанами было объективно больше противоречий. Да и самого Черчилля, заносчивого, эмоционального, Сталин прекрасно знал как старого антисоветчика. Впрочем, я бы не сказал, что отношения Сталина с Черчиллем были менее близкими, чем с Рузвельтом. Они чаще встречались, хорошо знали друг друга. Так что дело здесь скорее не в близости, а в том, что Сталин, конечно, дифференцированно относился к обоим: более уважительно и внимательно к Рузвельту, как к старшему западному партнеру, и с большим холодком и недоверием к Черчиллю.

Е. Новоселова: *И тем не менее, сам Черчилль в своих мемуарах о Второй мировой войне (за них он получил Нобелевскую премию по литературе) с восхищением пишет о советском народе...*

В. Печатнов: Прежде всего, он восхищался военными успехами Советского Союза, особенно после Сталинграда... Иногда доходил до слез умиления, когда говорил о Красной армии. Но никогда не был сторонником советской системы, даже нейтральную позицию не занимал в ее отношении. Россия для Черчилля как английского аристократа всегда была полуазиатским отсталым государством. Не случайно за глаза в этой среде с британским снобизмом Сталина называли «Медведем». Впрочем, и должное «вождю народов» отдавали.

Е. Новоселова: *У конференции было несколько кодовых названий. «Аргонавтом» ее называл Черчилль, проведя аналогию с историей поиска «золотого руна». «Остров» придумали для того, чтобы ввести в заблуждение противника: ходили слухи о том, что «тройка» встретится на Мальте. Как Сталину удалось склонить всех приехать в Крым?*

В. Печатнов: Это было непросто. Что касается Черчилля, то тому было все равно, где встречаться, он был легок на подъем. Хотя Ялта ему поначалу не нравилась. Считалось почему-то, что зимой там плохой климат... Сталину, конечно, было с руки встречаться на советской территории, не покидая пределов страны, как было в 1943 году, когда вождю пришлось лететь в Тегеран. А вот Рузвельт упирался, очень не хотел ехать на край света, даже ради такой важной встречи. Но что интересно: Крым возник с подачи его главного помощника Гарри Гопкинса, который понимал, что Сталин не поедет за пределы СССР, учитывая ситуацию на фронте, финал войны... Гопкинс стал подыскивать какое-то место на советской территории и первым назвал район Черного моря в беседе с Громыко. Тот сообщил в Москву, и Сталин тут же ухватился за это предложение, изобразив его инициативой Рузвельта. Тот потом попытался дать задний ход, да и военные были против такой длительной поездки. Думали, что проход через Черное море заминирован и небезопасен. Рузвельт в переписке стал склонять Сталина к средиземноморскому варианту (Мальта), Басра в Ираке или Египет.

Но тот держался стойко: для него это был вопрос престижа, удобства и надежной связи. Да и не любил он дальние поездки. В итоге

настоял на своем, используя свой любимый инструмент дипломатии — мягкий шантаж. В конце декабря, когда уже шли решающие переговоры, он предложил послать вместо себя Молотова. На это союзники пойти не могли: Рузвельт дрогнул, и в конце декабря вопрос о Черном море был решен. А вот что касается места встречи, было несколько вариантов. Рассматривались и Батуми, и Потти, но вмешался американский посол в Москве Гарриман, который знал от своих военных, что дворцы на ялтинском побережье сохранились в довольно приличном состоянии.

Е. Новоселова: *Вы сказали, что Сталин не любил дальние поездки и боялся летать на самолете...*

В. Печатнов: Это так. Он единственный раз летал на самолете — в Тегеран в 1943-м году. Не любил это дело. Но главным для него было соображение престижа — к нему должны были приехать западные союзники, как к главному военному полководцу-победителю.

Е. Новоселова: *Как пишут историки, с 4-го по 11-е февраля состоялось восемь официальных встреч большой тройки. Между ними — обеды, на которых тоже обсуждались важнейшие вопросы компромисса между Советским Союзом, США и Великобританией. Всегда ли соблюдался дипломатический этикет? Участники вспоминают, как Черчилль и Сталин перекидывались записками...*

В. Печатнов: Интересно, что и в Тегеране, и в Ялте не было четко расписанной повестки дня. Все шло в режиме неформального общения. И каждая сторона поднимала вопрос, который считала нужным. Это было уникально для конференций такого рода. Делегации, конечно, готовились по ожидаемым вопросам, но жесткого регламента не было. Дискуссии часто продолжались за обеденным столом. Это была дипломатия, может быть, и в галстуках, но «при расстегнутых пиджаках». Личные отношения внутри этой «тройки» во многом определяли ход разговора.

Е. Новоселова: *О чем договориться было труднее всего?*

В. Печатнов: Самым сложным был вопрос о Польше. Речь шла не только о границах, но и составе польского правительства. К тому времени Советский Союз признал правительство Польского Комитета Национального Освобождения, лояльное по отношению к Москве. Союзникам это не нравилось, они настаивали на его реорганизации, чтобы сделать его более

прозападным. Вопрос о том, как реорганизовать новую польскую власть, был одним из самых трудных: и по времени, которое ему уделялось, и по накалу обсуждений. В итоге — уже в июне 1945 года — был достигнут компромисс: союзники признали правительство Польши, которое было «разбавлено» людьми из Лондона, в том числе и Станиславом Миколайчиком — бывшим главой польского эмигрантского правительства.

Е. Новоселова: *Как Сталин согласился на это? Ведь известно, что премьер-министр польского правительства в Лондоне встречался с Молотовым и Сталиным в августе 1944 года и не предупредил о том, что в Варшаве готовится восстание...*

В. Печатнов: Сталин, действительно, с недоверием относился к Миколайчику, но в конечном итоге согласился на его включение в состав правительства. Среди польских эмигрантов были гораздо более одиозные, русофобские фигуры, которых Сталин не переносил. Миколайчик на этом фоне — весьма умеренный деятель.

Е. Новоселова: *После разгрома фашистов Польша получила промышленно развитые и богатые углем земли на западе. И тем не менее независимые эксперты до сих пор спорят: Польша выиграла или проиграла?*

В. Печатнов: Например, Черчилль считал, что поляки ничего не проиграли: они существенно расширили выход к морю, получили новую территорию, более экономически производительную, чем то, что они потеряли на Востоке. Хотя, если считать в квадратных километрах, территория Польши уменьшилась. Впрочем, говоря откровенно, избавившись от Западной Украины, поляки решили очень болезненный национальный вопрос. Ведь западные украинцы ненавидели не только евреев и москалей, но и поляков. В дипломатических контактах сами польские деятели говорили окружению Сталина: «Зачем вам эта Галиция, вы с ней намучаетесь! Оставьте нам Львов». Львов для поляков был принципиален как символ польской культуры и традиций. Плюс там были небольшие нефтяные месторождения.

Е. Новоселова: *На Ялтинской конференции обсуждался вопрос о распределении зон влияния между Советским Союзом и Западом. Позже решено было разделить Берлин стеной. Но ведь Сталин был против такого раздела?*

В. Печатнов: Он занимал непростую позицию, и она менялась. На Ялтинской конференции было подтверждено, что зоны оккупации

останутся прежними: к февралю 1945 года они уже были согласованы. Рузвельт был сторонником расчленения Германии, говорил о том, что зоны оккупации могут стать в будущем границами этого разделения. Сталин же не высказывался так явно, позволяя коллегам здесь лидировать. Думаю, он понимал, какие могут быть последствия столь жесткого решения, помнил о силе германского национального духа, знал, что если Германию держать в таком униженном состоянии, рано или поздно снова появятся реваншисты, которые под лозунгами объединения немецких земель могут натворить много бед в Европе.

Главная ответственность за раскол Германии лежит на западных союзниках — они шли в этом смысле всегда на шаг впереди Сталина. И когда в 1952-м году он предложил сделать Германию нейтральной, единой, не блоковой, это предложение было отвергнуто.

Е. Новоселова: *Об униженном германском духе писал в своих мемуарах и Черчилль. И еще о том, как возродилась Германия, наказанная после Первой мировой войны Версальским договором, который запретил ей вводить воинскую повинность и развивать современные виды вооружения...*

В. Печатнов: Сразу после войны Великобритания больше всех была заинтересована в сохранении единой сильной и жизнеспособной Германии, в частности, как политического противовеса Советскому Союзу. Черчилль также считал, что без немецкой экономики и вся

европейская экономика не сдвинется с места, не освободится от послевоенной разрухи. Позже к этой позиции присоединились и американцы. Поэтому германский вопрос был таким сложным и мучительным долгое время. Но раскол в конечном счете все-таки произошел: и Западу, и СССР выгоднее было иметь хотя бы часть Германии в зоне своего влияния, чем рисковать потерей ключевого бастиона в холодной войне.

Е. Новоселова: *Один из болезненных для СССР сюжетов Ялты — недополученные деньги по репарациям...*

В. Печатнов: Да, мы не смогли получить все, что хотели. Сумма претензий к Германии равнялась 20 миллиардам долларов, из которых половина должна была пойти Советскому Союзу — в основном в виде товарных поставок. Это далеко не покрывало того ущерба, который был нанесен фашистами нашей стране, но союзники считали, что, во-первых, для экономики СССР и это слишком жирно: «советы» смогут быстро восстановиться. К тому же они опасались, что такая сумма репараций тяжелым бременем ляжет на Германию и замедлит ее восстановление. По этим причинам в решениях Ялтинской конференции было зафиксировано согласие всех сторон взять цифру в 20 миллиардов в качестве базы для дискуссии. Впоследствии была создана репарационная комиссия трех стран, и нашим западным партнерам удалось избежать фиксации этой суммы. А СССР так никогда и не получил запрошенных выплат.

Документы Крымской (Ялтинской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г.*

1. [Коммюнике об открытии конференции]

Конференция руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании

Президент Соединенных Штатов Америки, Премьер Советского Союза и Премьер-Министр Великобритании, в сопровождении своих начальников штабов, а также трех министров иностранных дел и других советников, совещаются в настоящее время в районе Черного моря.

Их цель заключается в координировании планов завершения разгрома общего врага и установления вместе со своими союзниками твердых основ длительного мира.

Совещания происходят непрерывно.

Конференция началась с военных переговоров. Было рассмотрено нынешнее положение на всех европейских фронтах и состоялся обмен самой полной информацией. Существует полное согласие относительно совместных военных операций в конечной фазе войны против нацистской Германии. Военные штабы трех правительств в настоящее время совместно разрабатывают подробные планы.

Начались также переговоры по проблемам, связанным с установлением прочного мира. Эти переговоры распространяются на выработку совместных планов, касающихся оккупации и контроля над Германией, на политические и экономические проблемы освобожденной Европы и на предложения о скорейшем создании постоянной международной организации для сохранения мира.

По окончании Конференции будет опубликовано коммюнике.

8 февраля 1945 г.

2. [Заключительное коммюнике конференции]

Конференция руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму

За последние 8 дней в Крыму состоялась Конференция руководителей трех союзных держав — Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля, Президента Соединенных Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина при участии Министров Иностранных Дел, Начальников штабов и других советников.

* Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984, с. 245–279.

Кроме Глав Трех правительств следующие лица приняли участие в Конференции:

от Советского Союза — Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В.М. Молотов, Народный Комиссар Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов, Заместитель Начальника Генерального Штаба Красной Армии генерал армии А.И. Антонов, Заместители Народного Комиссара Иностранных Дел СССР А.Я. Вышинский и И.М. Майский, Маршал Авиации С.А. Худяков, Посол в Великобритании Ф.Т. Гусев, Посол в США А.А. Громыко;

от Соединенных Штатов — Государственный Секретарь г-н Э. Стеттиниус, Начальник Штаба Президента адмирал флота В. Леги, Специальный Помощник Президента г-н Г. Гопкинс, Директор Департамента Военной Мобилизации судья Дж. Бирнс, Начальник Штаба Американской Армии генерал армии Дж. Маршалл, Главнокомандующий Военно-Морскими Силами США адмирал флота Э. Кинг, Начальник Снабжения Американской Армии генерал-лейтенант Б. Сомервелл, Администратор по военно-морским перевозкам вице-адмирал Э. Лэнд, генерал-майор Л. Кутер, Посол в СССР г-н А. Гарриман, Директор Европейского Отдела Государственного Департамента г-н Ф. Мэттьюс, Заместитель Директора Канцелярии по специальным политическим делам Государственного Департамента г-н А. Хисс, Помощник Государственного Секретаря г-н Ч. Болен вместе с политическими, военными и техническими советниками;

от Великобритании — Министр Иностранных Дел г-н А. Иден, Министр Военного Транспорта лорд Лезерс, Посол в СССР г-н А. Керр, Заместитель Министра Иностранных Дел г-н А. Кадоган, Секретарь Военного Кабинета г-н Э. Бриджес, Начальник Имперского Генерального Штаба фельдмаршал А. Брук, Начальник Штаба Воздушных Сил Маршал авиации Ч. Портал, Первый Морской Лорд адмирал флота Э. Каннингхэм, Начальник Штаба Министра Обороны генерал Х. Исмей, Верховный Союзный Командующий на Средиземноморском театре фельдмаршал Александер, Начальник Британской Военной Миссии в Вашингтоне фельдмаршал Вильсон, член Британской Военной Миссии в Вашингтоне адмирал Сомервилл вместе с военными и дипломатическими советниками.

О результатах работы Крымской Конференции Президент США, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и Премьер-Министр Великобритании сделали следующее заявление:

I. РАЗГРОМ ГЕРМАНИИ

Мы рассмотрели и определили военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома общего врага. Военные штабы трех союзных наций в продолжение всей Конференции ежедневно встречались на совещаниях. Эти совещания были в высшей степени удовлетворительны со всех точек зрения и привели к более тесной координации военных усилий трех союзников, чем это было когда-либо раньше. Был произведен взаимный обмен самой полной информацией. Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга.

Наши совместные военные планы станут известны только тогда, когда мы их осуществим, но мы уверены, что очень тесное рабочее сотрудничество между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей Конференции, поведет к ускорению конца войны. Совещания трех наших штабов будут продолжаться всякий раз, как в этом возникнет надобность.

Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения.

II. ОККУПАЦИЯ ГЕРМАНИИ И КОНТРОЛЬ НАД НЕЙ

Мы договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпишем нацистской Германии после того, как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную Контрольную Комиссию, состоящую из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине. Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она это

пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена Контрольной Комиссии. Размеры французской зоны будут согласованы между четырьмя заинтересованными правительствами через их представителей в Европейской Консультативной Комиссии.

Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры в Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций.

III. РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере.

Будет создана Комиссия по возмещению убытков, которой поручается рассмотреть вопрос о размерах и способах возмещения ущерба, причиненного Германией союзным странам. Комиссия будет работать в Москве.

IV. КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов.

Основы были заложены в Думбартон-Оксе. Однако по важному вопросу о процедуре голосования там не было достигнуто соглашения. На настоящей Конференции удалось разрешить это затруднение. Мы согласились на том, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах, будет созвана конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить Устав такой организации, соответственно положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе.

С Правительством Китая и Временным Правительством Франции будут немедленно проведены консультации, и к ним будет направлено обращение принять участие совместно с Правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик в приглашении других стран на конференцию.

Как только консультации с Китаем и Францией будут закончены, текст предложений о процедуре голосования будет опубликован.

V. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ

Мы составили и подписали Декларацию об освобожденной Европе. Эта Декларация предусматривает согласование политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами. Ниже приводится текст Декларации:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчи-

ности в освобожденной Европе политику своих трех правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов Оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической Хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве-сателлите Оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют:

- a) создавать условия внутреннего мира;
- b) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам;
- c) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа,
- d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению Трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств-сателлитов Оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

VI. О ПОЛЬШЕ

Мы собрались на Крымскую Конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное Польское Правительство Национального Единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения Западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н У. А. Гарриман и сэр Арчибалд К. Керр уполномочиваются проконсультироваться в Москве как Комиссия в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах.

Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет опрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение Западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

VII. О ЮГОСЛАВИИ

Мы признали необходимым рекомендовать Маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними Соглашение и образовать Временное Объединенное Правительство на основе этого Соглашения.

Было решено также рекомендовать, чтобы новое Югославское Правительство, как только оно будет создано, заявило:

I) что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и, таким образом, будет создан орган, именуемый Временным Парламентом;

II) что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национального Освобождения, будут подлежать последующему утверждению Учредительным Собранием.

Был также сделан общий обзор других балканских вопросов.

VIII. СОВЕЩАНИЯ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В течение всей конференции, кроме ежедневных совещаний Глав Правительств и Министров Иностранных Дел, каждый день имели место отдельные совещания трех Министров Иностранных Дел с участием их советников.

Эти совещания оказались чрезвычайно полезными, и на Конференции было достигнуто соглашение о том, что должен быть создан постоянный механизм для регулярной консультации между тремя Министрами Иностранных Дел. Поэтому Министры Иностранных Дел будут встречаться так часто, как это потребует, вероятно каждые 3 или 4 месяца. Эти совещания будут происходить поочередно в трех столицах, причем первое совещание должно состояться в Лондоне после Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации Безопасности.

IX. ЕДИНСТВО В ОРГАНИЗАЦИИ МИРА, КАК И В ВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших Правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической Хартии, «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира.

Уинстон С. Черчилль Франклин Д. Рузвельт И. Сталин

3.

Протокол о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии

Главы трех правительств условились о следующем:

1. Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям. Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом.
2. Репарации должны взиматься с Германии в трех формах:
 - а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;
 - б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции после окончания войны в течение периода, длительность которого должна быть установлена;
 - в) использование германского труда.
3. Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждается Межсоюзная Комиссия по Репарациям в составе представителей от СССР, США и Великобритании.
4. В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими от германской агрессии странами советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская Комиссия по Репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского Правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» статьи 2-й должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50 % этой суммы идет Советскому Союзу».

Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях Московской Комиссией по Репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций.

Вышеприведенное советско-американское предложение передано Московской Комиссии по Репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению.

Уинстон С. Черчилль Франклин Д. Рузвельт И. Сталин

4.

[О вступлении СССР в войну против Японии] Соглашение

Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:
 - а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 - б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;
 - в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;
3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. Сталин

Ф. Рузвельт

Уинстон С. Черчилль

1945 г., 11 февраля

5.

**Протокол работы Крымской конференции.
Происходившая 4–11 февраля в Крыму Конференция
Глав Правительств Соединенных Штатов Америки,
Великобритании и СССР пришла к следующим заключениям:**

I. ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Было решено:

- 1) что конференция Объединенных Наций по вопросу о предполагаемой всемирной организации должна быть созвана в среду 25 апреля 1945 года и должна быть проведена в Соединенных Штатах Америки;
- 2) что на эту конференцию должны быть приглашены следующие государства:
 - а) Объединенные Нации по составу на 8 февраля 1945 г.;
 - б) те из присоединившихся наций, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г. (В данном случае под термином «присоединившиеся нации» имеется в виду 8 присоединившихся наций и Турция.) Когда будет происходить конференция о всемирной организации, делегаты Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украину и Белоруссию;
- 3) что Правительство Соединенных Штатов от имени трех держав проконсультируется с Правительством Китая и с Французским Временным Правительством по решениям, принятым на настоящей конференции, относительно предполагаемой всемирной организации;
- 4) что текст приглашений, которые будут разосланы всем государствам, принимающим участие в Конференции, должен быть следующий:

Приглашение

Правительство Соединенных Штатов Америки от своего имени и от имени Правительств Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик и Республики Китая, а также от имени Временного Правительства Французской Республики приглашает Правительство..... направить представителей на Конференцию Объединенных Наций, которая должна состояться 25 апреля 1945 года или вскоре после этой даты в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах Америки, для подготовки Устава Всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности.

Вышепоименованные Правительства предлагают, чтобы Конференция рассмотрела как базу для такого Устава предложения по учреждению Всеобщей Международной Организации, которые были опубликованы в октябре прошлого года в результате Конференции в Думбартон-Оксе и которые были дополнены следующими условиями для раздела С главы VI:

«С. Голосование

1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос.
2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов членов.
3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в семь голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования при принятии решений согласно разделу А главы VIII и согласно второй фразе абзаца 1 раздела С главы VIII».

Дополнительная информация о соответствующих мероприятиях будет сообщена в дальнейшем.

В случае, если Правительство желает заранее до Конференции высказать мнения и замечания, касающиеся предложений, то Правительство Соединенных Штатов Америки будет радо передать такие мнения и замечания другим участвующим правительствам.

Территориальная опека

Было решено, что пять государств, которые будут иметь постоянные места в Совете Безопасности, должны проконсультироваться между собой до Конференции Объединенных Наций по вопросу о территориальной опеке.

Эта рекомендация была принята при условии, что территориальная опека будет применяться только:

- а) к существующим мандатам Лиги Наций;
- б) к территориям, отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны;
- с) к любой другой территории, которая может быть добровольно поставлена под опеку;
- д) никаких дискуссий о конкретных территориях на предстоящей Конференции Объединенных Наций или во время предварительных консультаций не предполагается, и решение вопроса о том, какие территории, относящиеся к указанным выше категориям, будут поставлены под попечительство, явится предметом позднейшего соглашения.

II. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ

Была принята следующая Декларация:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих Трех Правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической Хартии о праве всех народов избирать форму прави-

тельства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве — сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и д) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению Трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств — сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

III. РАСЧЛЕНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Было решено, что ст. 12 (а) условий капитуляции Германии должна быть изменена и должна гласить следующее:

«Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик будут обладать по отношению к Германии верховной властью. При осуществлении этой власти они примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности».

Изучение процедуры расчленения Германии было передано Комиссии, состоящей из г-на Идена (председатель), г-на Вайнанта и г-на Гусева. Этот орган рассмотрит вопрос о том, желательно ли присоединение к нему представителя Франции.

IV. ЗОНА ОККУПАЦИИ ДЛЯ ФРАНЦУЗОВ И КОНТРОЛЬНЫЙ СОВЕТ ДЛЯ ГЕРМАНИИ

Было решено, что Франции должна быть предоставлена в Германии зона, подлежащая оккупации французскими войсками. Эта зона будет образована из британской и американской зон, и ее размеры будут установлены англичанами и американцами в консультации с Французским Временным Правительством.

Было также решено, что Французское Временное Правительство должно быть приглашено войти в качестве члена в Контрольный Совет по Германии.

V. РЕПАРАЦИИ

Был подписан следующий протокол:

Протокол о переговорах между Главами Трех Правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии. Главы Трех Правительств условились о следующем:

1. Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям. Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом.
2. Репарации должны взиматься с Германии в трех формах:

- а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;
 - б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции в течение периода, длительность которого должна быть установлена;
 - в) использование германского труда.
3. Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждается Межсоюзная Комиссия по Репарациям в составе представителей от СССР, США и Великобритании.
4. В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими после германской агрессии странами советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская Комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского Правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» статьи 2-й должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50 % этой суммы идет Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях Московской Комиссией по репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций.
- Вышеприведенное советско-американское предложение передано Московской Комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению.

VI. ГЛАВНЫЕ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Конференция решила, что вопрос о главных преступниках войны должен после закрытия конференции подлежать рассмотрению тремя Министрами Иностранных Дел для доклада в надлежащее время.

VII. ПОЛЬША

Конференцией была принята следующая Декларация о Польше.

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения Западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н Гарриман и сэр Арчибалд Кларк Керр уполномочиваются как Комиссия проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу

Польша. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Временного Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение Западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

VIII. ЮГОСЛАВИЯ

Было решено рекомендовать Маршалу Тито и д-ру Шубашичу:

- а) чтобы соглашение Тито — Шубашич было немедленно приведено в действие и было создано новое правительство на основе этого соглашения;
- б) что как только новое правительство будет создано, оно должно объявить:
 - (1) что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено путем включения членов последней Югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и, таким образом, образует орган, который будет известен как Временный Парламент, и
 - (2) что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национального Освобождения Югославии, подлежат последующей ратификации Учредительным Собранием.

Настоящее заявление должно быть опубликовано в коммюнике о конференции.

IX. ИТАЛО-ЮГОСЛАВСКАЯ ГРАНИЦА.

АВСТРО-ЮГОСЛАВСКАЯ ГРАНИЦА

По этим вопросам были представлены ноты британской делегации, а американская и советская делегации согласились рассмотреть эти ноты и изложить свои взгляды позднее.

X. ЮГОСЛАВСКО-БОЛГАРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Состоялся обмен мнениями между министрами иностранных дел по вопросу о желательности югославско-болгарского договора о союзе. Был поставлен вопрос о том, можно ли разрешить государству, все еще находящемуся под режимом перемирия, заключать договор с другим государством. Г-н Иден предложил информировать болгарское и югославское правительства о том, что это не может быть одобрено. Г-н Стеттиниус предложил, чтобы британский и американский послы продолжили обсуждение этого вопроса с В.М. Молотовым в Москве. В.М. Молотов согласился с предложением г-на Стеттиниуса.

XI. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Британская делегация вручила своим коллегам ноты по следующим вопросам:

- а) Контрольная Комиссия в Болгарии.
- б) Греческие претензии к Болгарии, в частности в отношении репараций.
- в) Нефтяное оборудование в Румынии.

XII. ПЕРСИЯ

Состоялся обмен мнениями между г-ном Иденом, г-ном Стеттиниусом и В.М. Молотовым о положении в Иране. Было решено продолжить обсуждение этого предмета в дипломатическом порядке.

XIII. СОВЕЩАНИЯ ТРЕХ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Конференция пришла к соглашению в отношении того, что должен быть создан постоянный механизм для консультаций между тремя министрами иностранных дел; они должны встречаться так часто, как это окажется необходимым, вероятно каждые три или четыре месяца.

Эти совещания будут иметь место поочередно в трех столицах, причем первое совещание состоится в Лондоне.

XIV. КОНВЕНЦИЯ В МОНТРЕ И ПРОЛИВЫ

Было достигнуто соглашение о том, что три министра иностранных дел на своем ближайшем совещании в Лондоне обсудят предложения Советского Правительства в отношении Конвенции в Монтре и сделают доклад своим правительствам.

Турецкое правительство будет информировано об этом в надлежащий момент.
Вышеизложенный Протокол был одобрен и подписан тремя Министрами Иностранных Дел на Крымской Конференции 11 февраля 1945 года.

Э.Р. Стеттиниус
В. Молотов
Антони Иден

6. **Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Британским Командованием**

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза и Индии, с другой стороны, желая договориться об обращении с советскими гражданами, освобожденными войсками, находящимися под Британским Командованием, и об их репатриации, а также об обращении с британскими подданными, освобожденными войсками, находящимися под Советским Командованием, и об их репатриации, условились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под Британским Командованием, и все британские подданные, освобожденные войсками, действующими под Советским Командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Британские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Стороны об обнаруженных ими гражданах или подданных другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и британские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан или подданных своей страны, и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнослужащие соответствующих войск и где будет не хватать офицеров. Наружная охрана и охрана доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будет установлена в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого расположены эти лагеря или сборные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан или подданных, будет производиться по договоренности между компетентными советскими и британскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан или подданных может, в исключительных случаях, производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о таком перемещении с изложением

мотивов. Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться.

Статья 3

Компетентные британские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан или подданных соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, установленных по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть с учетом положений статьи 8, установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти или другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам или подданным другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации своих граждан или подданных, содержащихся у другой Договаривающейся Стороны. Точно так же каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам или подданным, содержащимся у другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5

Советские и британские военные власти будут выдавать от имени их соответствующих Правительств освобожденным гражданам или подданным другой Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых компетентные советские и британские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории или в валюте советских или британских оккупационных властей, не будут подлежать возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории, Советское и Британское Правительства произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам или подданным, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6

Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл этих освобожденных граждан и подданных. Они также обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан и подданных в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или британским властям. Передача этих освобожденных граждан или подданных никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные положения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании.

Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными.

11 февраля 1945 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

По уполномочию
Правительства
Соединенного Королевства
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Канады
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Австралии
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Новой Зеландии
Антони Иден

По уполномочию
Правительства
Южно-Африканского Союза
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Индии
Антони Иден

7.

Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Соединенного Королевства, желая определить положение советских граждан, освобождаемых союзными войсками и пребывающих в Соединенном Королевстве в течение периода до их репатриации, решили заключить настоящее Соглашение, в силу которого все эти лица как свободные граждане союзной державы могли бы быть организованы в советские соединения и группы. В соответствии с этим уполномоченные Правительства Союза ССР и Правительства Соединенного Королевства согласились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные союзными войсками, будут незамедлительно после их освобождения отделяться от немецких военнопленных и содержаться отдельно от них. В случае их прибытия в Соединенное Королевство, о чем компетентные советские власти в Соединенном Королевстве будут, насколько это возможно, заблаговременно ставиться в известность соответствующими британскими властями, эти советские граждане будут собраны в определенных местах и лагерях, куда советские представители по репатриации будут немедленно допускаться.

Британские и советские военные власти соответственно примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.

Статья 2

Для целей внутреннего управления и дисциплины эти советские граждане будут организованы в соединения и группы, которые будут подчинены советским законам. Внутреннее управление и поддержание дисциплины в советских соединениях, местах и лагерях, о которых говорится в статье 1, будут осуществляться советскими офицерами, согласно условиям Приложения 1 к этому Соглашению.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных советских граждан, будет производиться по договоренности с компетентными советскими властями. В исключительных случаях возможно перемещение и без предварительного согласования, однако с немедленным уведомлением компетентных советских властей о таком перемещении с изложением мотивов. Не будет допускаться проведение среди освобожденных советских граждан враждебной пропаганды, направленной против Договаривающихся Сторон или против Объединенных Наций.

Статья 3

Освобожденные советские граждане до их возвращения в Советский Союз могут быть использованы на работах по управлению и поддержанию лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда будут определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных советских граждан будет осуществляться в соответствии с советскими военными порядками и под наблюдением советских офицеров.

Статья 4

Компетентные британские власти будут снабжать всех этих советских граждан, без каких бы то ни было исключений, пищей, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием по нормам, установленным соответственно для солдат, младшего командного состава и офицеров. Финансовые положения, регулирующие обеспечение этого снабжения, определяются в статье 2-й Приложения второго к этому Соглашению.

Статья 5

Правительство Соединенного Королевства будет выдавать такие ссуды этим советским гражданам от имени Советского Правительства, о которых договорятся между собой компетентные британские и советские власти. Финансовое положение, регулирующее эти ссуды, определяется в статье 1 Приложения второго к этому Соглашению.

Статья 6

Компетентные британские власти будут сотрудничать с соответствующими советскими властями в Соединенном Королевстве в деле установления личности освобожденных советских граждан, которые могут прибыть в Соединенное Королевство. Они будут обеспечивать таких освобожденных советских граждан транспортом до момента передачи их советским властям в пунктах, установленных по договоренности между компетентными советскими и британскими властями. Компетентные британские власти будут оказывать практически возможную помощь, принимая во внимание наличные ресурсы в предоставлении средств транспорта для скорейшей перевозки этих советских граждан в Советский Союз. Компетентные советские власти в Соединенном Королевстве во всякое время будут оказывать компетентным британским властям такую помощь, о которой последние попросят при выполнении условий этой статьи.

Статья 7

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании.

Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными.

11 февраля 1945 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

По уполномочию
Правительства
Соединенного Королевства
Антони Иден

Приложение 1 к Соглашению

**Относительно юрисдикции в Соединенном Королевстве
над членами советских соединений**

Статья 1

Поскольку это не противоречит условиям статьи 2 настоящего Приложения, юрисдикция в вопросах дисциплины и внутреннего управления над членами советских соединений и групп в Соединенном Королевстве будет осуществляться в соответствии с советским законом, и проступки дисциплинарные будут рассматриваться и наказываться соответствующим образом советскими судами и властями.

Статья 2

Дела о мелких нарушениях, которые не влекут за собой по британским законам судебного разбирательства, будут передаваться на рассмотрение соответствующих советских властей. Дела о преступлениях, которые по британским законам требуют судебного разбирательства, будут рассматриваться общегражданскими судами Соединенного Королевства.

Статья 3

В случае какого-либо преступления, которое, согласно вышеозначенной статье 2, подлежит рассмотрению судов Соединенного Королевства, факты о нем должны быть незамедлительно сообщены в соответствии с договоренностью, которая должна быть достигнута между компетентными британскими и советскими властями, старшим офицером советского соединения или группы заинтересованным властям Соединенного Королевства, если правонарушитель еще не задержан гражданскими властями.

Статья 4

Когда член советского соединения или группы должен быть судим судом Соединенного Королевства, ответственные власти соответствующего советского соединения или группы окажут соответствующим гражданским властям Соединенного Королевства такое содействие, которое может оказаться необходимым для проведения судебного разбирательства.

Приложение 2 к Соглашению

**Относительно финансовых мероприятий, регулирующих выдачи ссуд,
производимых Правительством Соединенного Королевства освобожденным
советским гражданам как членам советских соединений, и обеспечение
припасами и снабжением этих соединений**

Статья 1

Ссуды, выданные в стерлингах Правительством Соединенного Королевства этим советским гражданам как членам советских соединений в соответствии со статьей 5 этого Соглашения, будут возмещены в стерлингах Правительством СССР по представлении требования компетентными британскими властями. В случае, если выдача ссуды Правительством Соединенного Королевства произведена в валюте освобожденной невражеской территории, то Правительство СССР произведет необходимое урегулирование с правительством соответствующей территории, которое будет уведомлено о количестве ее валюты, выданной для этой цели. Не подлежат возмещению ссуды, выданные Правительством Соединенного Королевства в валюте какой-либо вражеской территории.

Всякая выдача ссуды в валюте британских военных властей, которая может быть использована на освобожденной невражеской территории или на вражеской территории, будет рассматриваться с целью урегулирования согласно этой статье, как если бы это была выдача ссуды, сделанная в местной валюте соответствующей территории.

Статья 2

Правительство Соединенного Королевства не будет требовать возмещения стоимости питания, одежды, помещения и медицинского обслуживания, предоставляемых компетентными британскими властями этим советским гражданам, в соответствии с данным Соглашением.

8.

Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов Америки

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Правительство Соединенных Штатов Америки, с другой стороны, желая договориться об обращении с советскими гражданами, освобожденными войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов, и об их репатриации, а также об обращении с гражданами Соединенных Штатов, освобожденными войсками, находящимися под Советским Командованием, и об их репатриации, условились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под Командованием Соединенных Штатов, и все граждане Соединенных Штатов, освобожденные войсками, действующими под Советским Командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или американским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Американские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Стороны об обнаруженных ими гражданах другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и американские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан своей страны, и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнослужащие соответствующих войск и где будет не хватать офицеров. Наружная охрана и охрана доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будет установлена в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого расположены эти лагеря или сборные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан, будет производиться по договоренности между компетентными советскими и американскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан может, в исключительных случаях, производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о таком перемещении с изложением мотивов. Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться.

Статья 3

Компетентные американские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или американским властям в пунктах, установленных по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть, с учетом положений статьи 8, установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти или другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации своих граждан, содержащихся у другой Договаривающейся Стороны. Точно так же каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам, содержащимся у другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5

Советские и американские военные власти будут выдавать от имени их соответствующих Правительств освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых компетентные советские и американские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории или в валюте советских или американских оккупационных властей, не будут подлежать возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории, Советское Правительство и Правительство Соединенных Штатов произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6

Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и американские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл этих освобожденных граждан. Они также обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или американским властям. Передача этих освобожденных граждан никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные положения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании.

Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными.

11 февраля 1945 года.

По уполномочию
Правительства
Союза
Советских
Социалистических
Республик
генерал-лейтенант *Грызлов*

По уполномочию
Правительства
Соединенных Штатов
Америки
генерал-майор *Джон Р. Дин*

Книга сорок первая

ПОТСДАМСКИЙ ФИНИШ

Размышления о Потсдаме

(К 70-летию Берлинской конференции глав СССР, США и Великобритании)

А. Ю. Борисов*

В дипломатической истории Второй мировой войны Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 17 июля — 2 августа 1945 года, занимает особое место. Если предшествующие ей межсоюзнические встречи «большой тройки» в Тегеране и Ялте проходили в ходе войны и, естественно, много внимания уделяли военным вопросам и путям приближения победы над общим врагом, то конференция в Потсдаме, получившая кодовое название «Терминал», была встречей победителей над нацистской Германией и её союзниками. Лидеры антигитлеровской коалиции — И. В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль и сменивший британского премьер-министра в ходе конференции К. Эттли собрались вместе в столице поверженного Третьего рейха, чтобы заложить основы послевоенного мира.

Состоявшаяся на «стыке эпох», на рубеже войны и мира встреча в Потсдаме за прошедшие годы и десятилетия обросла изрядным количеством мифов и легенд, несущих на себе отпечаток разочарований и несбывшихся надежд народов на мирное послевоенное будущее. Историкам не просто докопаться до истины, снимая наслоения времени и восстанавливая подлинную картину событий. Тем более, что своё веское слово сказала эпоха холодной войны и биполярной конфронтации с их упрощённым «чёрно-белым» видением прошлого и сменившая её современная глава мировой истории, отмеченная закатом Ялтинско-Потсдамской

системы и пока ещё неопределённостью и неустойчивостью складывающегося нового мирового порядка.

Большой интерес к последней встрече союзников по антигитлеровской коалиции в годы войны вполне понятен. В мировой истории крупные дипломатические события, связанные с подведением итогов больших войн и с послевоенным урегулированием, будь то времена Венского конгресса или Версальская конференция, всегда пользовались повышенным вниманием среди исследователей. Тем более, что речь шла об окончании самой кровопролитной войны в истории человечества, покончившей с фашизмом и перевернувшей мир, и на своём заключительном этапе возвестившей о начале ядерного века. Не случайно президент США Трумэн позднее окрестил последнюю встречу «большой тройки» в годы войны «конференцией под сенью атомной бомбы».

Едва ли кто тогда в летние дни 1945 г. в обстановке победной общественной эйфории и радужных надежд миллионов простых людей во всём мире на светлое будущее предвидел, что имевшиеся разногласия между союзниками, хотя и закономерно усилившиеся к концу войны, когда пришла пора делить плоды общей победы, перерастут в непримиримый раскол между ними и после товарищества по оружию в рядах «великой коалиции» разведут их по разные стороны баррикад. Спады и подъёмы в межсоюзнических отношениях в ходе войны, конечно, были, взаимные обиды возникали, подозрения в отношении намерений друг друга тоже име-

* Александр Юрьевич Борисов — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО.

лись в избытке, тем более, что благодаря разведкам была известна не только парадная, но и неприглядная закулисная сторона событий, но всё-таки считалось, что в той или иной дипломатической комбинации основным игрокам удастся поладить между собой и найти новую действенную формулу продолжения сотрудничества в послевоенное время.

В этой связи интересно свидетельство И. Берлина, человека, так сказать, политически не ангажированного и выражавшего доминирующие в то время общественные настроения, президента одного из американских колледжей, получившего в августе 1945 г. назначение на работу в посольство США в Москве. «Война была закончена, — вспоминал он, — Потсдамская конференция не привела к открытому разрыву между победоносными союзниками. Несмотря на мрачные прогнозы в некоторых кругах на Западе, общее настроение в официальном Вашингтоне и Лондоне было осторожно оптимистичным; среди широкой общественности и в печати оно было еще более преисполненным надежд и энтузиазма. Исключительное мужество и тяжелейшие жертвы советских людей в войне против Гитлера породили мощную волну симпатий к их стране, которая во второй половине 1945 г. захлестнула многих критиков советской системы и ее методов; на всех уровнях существовало широкое и горячее стремление к сотрудничеству и взаимопониманию»¹.

Когда же вопреки доминирующим общественным настроениям сотрудничество между вчерашними союзниками сменилось открытой враждой и на смену войне горячей, в которой они выступали единым фронтом против общего врага — фашизма, пришла война холодная уже между ними, это вызвало политическую потребность на Западе скорректировать взгляд на Потсдамскую конференцию, как впрочем, и на историю антигитлеровской коалиции в целом. В этой связи союз СССР, США и Великобритании стал изображаться как «противоестественный», «аномальный» и «случайный», а сама Потсдамская конференция чуть ли не как форум, возвестивший начало холодной войны.

Причём маятник историографии раскачивался в зависимости от политической конъюнктуры в тот или иной исторический момент. Попытки историков «ревизионистов» в США восстановить «доброе имя» Потсдама в анналах истории Второй мировой войны в периоды ослабления международной напряженности и межсистемной разрядки ещё до

распада СССР сменялись периодами нового охлаждения и новыми попытками начать отсчёт холодной войны с Потсдамской конференции. Справедливости ради, стоит сказать, что в Советском Союзе взгляд на прошлое отличался куда большей прямолинейностью и в основном не выходил за рамки официальной сталинской историографии, изображавшей происхождение холодной войны как стремление США и их новых союзников доминировать над миром за счёт интересов СССР и «других свободолюбивых народов», чему, мол, с советской стороны и был дан отпор на Потсдамской конференции.

Вообще приходится констатировать, что известная примитивизация сложной истории 20 столетия, на какой бы стороне мы ни находились, являлась отличительной чертой эпохи биполярного мира, противостояния двух сверхдержав, «двух лагерей» и тому подобное. В этом плане постсоветскому, российскому периоду куда больше повезло не только потому, что отпали идеологические стереотипы, но и в распоряжении историков оказались долгое время не доступные им архивные документы, которые помогли им ответить на многие принципиальные вопросы и по-новому осветить узловые события. Как ни странно, это прежде всего касается советской политики с наступлением мирного периода, которая на Западе традиционно изображалась как политика агрессивного тоталитарного государства, нацеленного на внешнюю экспансию и последующую международную легитимацию этого, примером чего, согласно этой версии, и явилась конференция в Потсдаме.

Стоит ли говорить, как окрепли подобные оценки после окончания холодной войны и распада СССР, возвестившие, согласно известной западной концепции, «конец истории» и торжество либерально-демократической модели общественного развития в мировом масштабе. В этом скорректированном историческом дискурсе нашлось место и для Потсдамской конференции, в ходе которой Сталин в развитие ялтинской линии на раздел послевоенного мира якобы закрепил «оккупацию» Восточной Европы и заручился в этом поддержкой со стороны своих западных партнёров — Трумэна и Черчилля.

Понятно, что в современных условиях это служит удобным историческим контекстом для решения актуальных политических вопросов, связанных с расширением НАТО за счёт бывших членов «советского блока», оказания влияния на принятие решений в Москве, получение

конкретных экономических выгод, оправдания коллаборационизма т. д. В своём фундаментальном труде о послевоенной Европе Т. Джад пишет: «В Ялте и снова в Потсдаме Сталин проявил ясную настойчивость в отношении того, что эти территории между Россией и Германией должны были быть если и не полностью поглощены Советским Союзом, то оказаться под управлением дружественных режимов, «свободных от фашистских и реакционных элементов»².

В действительности всё было куда сложнее и уж, во всяком случае, не по ковбойской формуле «плохие ребята против хороших ребят» или в духе библейской заповеди борьбы «сил зла» против «сил добра». В действительности имело место столкновение двух крупнейших геополитических мегапроектов послевоенного переустройства мира и его социальной реорганизации между главными победителями во Второй мировой войне, окрашенных в идеологические тона, которым в Потсдаме в продолжение линии Ялты удалось найти приемлемый, и как, к сожалению, оказалось, временный компромисс.

Но пора от общих рассуждений перейти к последовательному изложению событий. Некоторые авторы пытаются усмотреть туго закрученную интригу в вопросе определения места и времени проведения Потсдамской конференции. На самом деле, споров в отношении этого было куда меньше, чем в отношении встреч «большой тройки» в Тегеране или в Ялте. Сама ситуация после окончания военных действий в Европе не предполагала различных толкований. Один из тостов, предложенных по окончании переговоров Сталина, Рузвельта и Черчилля в Крыму, был за следующую встречу союзников в Берлине. Трудно было что-либо противопоставить очевидной логике подвести черту войне в столице поверженного гитлеровского рейха, хотя в узком кругу Трумэн рассуждал о том, что, мол, настал черед Сталина приехать в Соединённые Штаты. «Президент сказал, — говорилось в ходе одного совещания в Белом доме, — что ему не нравился выбор места встречи в Германии, так как он считал, что на этот раз Сталин должен был прибыть к нам, и он имел в виду в качестве возможного места встречи Аляску...»³. Во всяком случае, каких либо практических последствий эти идеи не имели и не стали предметом сколько-нибудь серьёзных обсуждений между союзниками.

Сама по себе организация встречи в освобожденном советскими войсками Берлине, в со-

ветской зоне оккупации, рассматривалась в Москве как признание заслуг и вклада Советского Союза и его армии в разгром фашизма и освобождение народов Европы от нацистской тирании. Самолюбию Сталина очень льстила мысль о том, что он вновь выступит в роли радушного хозяина, на встречу с которым придут выдающиеся западные деятели. Это был апофеоз победы, момент, «который приближали как могли» и за который отдали жизнь миллионы советских солдат. Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, то выбор, скорее всего, по техническим соображениям, пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам, где хорошо сохранился оставленный семьёй наследного принца Вильгельма дворец Цецилиенхоф.

Но выбор Потсдама, понимали это или нет участники переговоров, имел и глубоко символическое значение. Война вернулась туда, откуда она пришла. Именно в самом центре Потсдама, перед гарнизонной церковью — усыпальнице прусских королей Фридриха Вильгельма первого и Фридриха второго — 21 марта 1933 года престарелый фельдмаршал и рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург преодолел себя под давлением сына-нациста и скрепил рукопожатием назначение «богемского ефрейтора» Адольфа Гитлера канцлером Германии. С этого момента время для немцев покатилося неудержимо к национальной катастрофе. В Потсдаме трагический круг истории замкнулся.

Сложнее оказалось определиться с временем проведения конференции. Каждая сторона имела свои предпочтения, а порой, и скрытые мотивы. Пожалуй, меньше всего этим руководствовались в Кремле, где стремились к согласованному решению, устраивающего все стороны. Единственный мотив, который при этом приходилось учитывать, был Парад Победы, намеченный на 24 июня и определявший рабочий график советского вождя. С подготовкой конференции до этой даты стороны явно не укладывались. Поэтому в остальном советская сторона отдала инициативу в этом вопросе Лондону и Вашингтону и терпеливо ждала предложений с их стороны. Если бы Сталин знал, что волновало одного из его партнёров, то, вполне возможно, он бы захотел и поторопить события.

А вот между западными союзниками возникли серьёзные разногласия, которые отражали различные подходы Трумэна и Черчилля

к предстоящим ответственным переговорам с русскими и пониманию ими значения политики с «позиции силы» в дипломатии. Стоит ли говорить, что армии всегда незримо присутствовали за столом переговоров союзников в годы войны. Военная составляющая являлась неотъемлемой частью дипломатических успехов или неудач в межсоюзнических отношениях. Достаточно вспомнить, как снисходительно и покровительственно относились западные союзники к СССР и его интересам до коренного перелома в ходе войны. Сила есть сила в международных отношениях или «последний довод королей», как было принято говорить в эпоху Людовика XIV об орудиях крупного калибра.

Военно-политическая ситуация с окончанием войны в Европе благоприятствовала Советскому Союзу. Ценой большой крови и солдатских жизней «гонка за Берлин» с союзниками была выиграна Сталиным. Советскому руководству удалось избежать, пока был жив Гитлер, организованной капитуляции немецких войск на западном фронте, чтобы открыть дорогу союзникам к сердцу Германии и замедлить наступление Красной армии. На заключительном этапе войны на это «по старинке» всё ещё очень рассчитывал такой азартный политический игрок, каким был Черчилль.

Вступление англо-американских войск в ходе военных действий в согласованную ранее в Европейской консультативной комиссии (ЕКК) советскую зону оккупации Германии в Тюрингии и Саксонии вызывало понятные трения между военным командованием союзников, но принципиально ситуацию не меняло. По словам Т. Джада, «как хорошо знали западные генералы, ничто не могло бы остановить Красную Армию в её продвижении к Атлантике, если бы Сталин ей отдал такой приказ»⁴. Правда, ничего даже близко к подобному в сталинские планы не входило, и никогда, судя по имеющимся документам, в его ближайшем окружении такая идея всерьёз не обсуждалась даже гипотетически.

На это не было сил и средств у обескровленного войной Советского Союза, и это противоречило всей послевоенной советской концепции отношений с Западом. Другое дело, что определённые надежды в Москве связывали с послевоенным «революционным подъёмом» в Западной Европе и участием в коалиционных правительствах коммунистических партий, но это не выходило за рамки «классовой солидарности» и, как считали в Кремле, не должно бы-

ло мешать межгосударственным отношениям. Будь то «красные» революции или «цветные», во все времена их организаторы почему-то считали, что власти к ним должны относиться с пониманием, как к выражению протестных настроений народных масс.

Первым вопрос о скорейшем проведении трёхсторонней встречи в верхах поставил 6 мая, ещё до официальной капитуляции Германии, Черчилль в своей переписке с новым американским президентом. Он, что называется, хотел побыстрее «застолбить тему» и склонить на свою сторону пока ещё неопытного в вопросах большой политики президента США. Черчилль считал необходимым, как подчёркивалось в его послании Трумэну, «как можно скорее провести встречу трёх глав правительств»⁵. Его логика была цинична и проста. Конференцию следовало провести как можно быстрее, пока ещё англо-американские войска занимали в Европе выигрышные позиции в нарушение соглашения об оккупационных зонах, а самое главное пока американцы не начали вывод своих войск из Европы на Дальний Восток для войны с Японией. Заодно Черчилль ставил под сомнение и целесообразность проведения встречи «нас троих» в советской зоне оккупации, под тем предлогом, что англо-американцы уже дважды ездили «на поклон» к Сталину.

Надо сказать, что с окончанием войны поведение Черчилля всё больше отличало ощущение собственного бессилия в отношениях с главными союзниками — русскими и американцами, не говоря уже о его реальных возможностях определять ход событий. Черчилль чувствовал, что почва ускользает у него из-под ног, и поэтому он метался между приступами паники и авантюризма. Любой ценой он хотел перетянуть американцев на свою сторону и не допустить советско-американского сближения за счёт британских имперских интересов.

Старая колониальная держава Великобритании, обескровленная войной, всё больше выпадала из общего контекста, где тон задавали Сталин и Рузвельт. Черчиллю это не на шутку беспокоило, и он старался сделать всё, чтобы сорвать складывающееся советско-американское партнёрство и восстановить довоенную драматургию. Пока был жив Рузвельт, надевавшийся осуществить новый передел мира, прежде всего, за счёт проигравших войну держав «оси», а также формально американских союзников — ослабленных войной старых колониальных держав, — Черчиллю это не удавалось. Он всё больше оказывался на обочине мировой политики,

где действовал безжалостный принцип соотношения военных и экономических потенциалов⁶.

В вышедшей недавно работе Б. Стейла о Бреттон-Вудской конференции — экономического аналога Потсдама, заложившей основы послевоенной международной экономической системы и верховенство доллара, действующей с некоторыми модификациями и по сей день, подробно повествуется о том, как Соединённые Штаты приступили к реализации планов своего послевоенного могущества в мире в ущерб Великобритании и её системе имперских преференций. Как повествует автор, в фешенебельном отеле в горах штата Нью-Гэмпшир, где проходила конференция, собрались представители 44 государств, но сценарий от начала до конца был написан под диктовку Соединёнными Штатами, обладавшими двумя третями мирового золотого запаса.

Возглавлявший английскую делегацию знаменитый экономист Джон Мейнард Кейнс, родившийся в викторианской Англии и успешно отстаивавший интересы своей страны ещё на Версальской конференции, не мог понять, что времена изменились. Он упорно настаивал перед Даунинг стрит не позволять американцам использовать войну «как возможность выколоть глаза Британской империи» и жаловался, что Форин Офис был слишком расположен уступать американскому нажиму. «Если окажется, что умиротворять некого, то Форин Офис окажется безработным», возмущенно говорил он, проводя параллели с довоенной политикой Чемберлена. Но, как пишет Б. Стейл, у Британии не было козырных карт, чтобы сыграть с американцами на равных, и поэтому старый профессор из Кинг Колледжа был низведён «до статуса говорящего чудака в духе сказанного Сталиным по другому случаю, а именно, сколько дивизий имеет Кинг Колледж?»⁷.

И хотя в период между Бреттон-Вудсом и Потсдамом Рузвельта не стало, инерция его политики «примирения» со Сталиным в Европе и на Дальнем Востоке и учёта интересов Советского Союза как часть его «великого замысла» („Grand Design”) глобального передела послевоенного мира в интересах США пока ещё действовала, лишая сна Черчилля. А бессилие, как известно, нередко толкает политиков на поспешные и непродуманные действия, которые оборачиваются серьёзными политическими просчётами. Это было характерной чертой политики Черчилля в период между капитуляцией Германии и Потсдамской конференцией,

которая стоила ему — «герою войны» и кумиру консерваторов — поста премьер-министра на парламентских выборах в июле 1945 года.

В телеграмме из Лондона в НКВД от 27 июля 1945 г. советское посольство сообщало: «Результаты выборов свидетельствуют о том, что большинство английских избирателей отчетливо поняло, что победа консерваторов могла бы привести к войне с СССР... Консерваторы не учли, что народ устал от шестилетней войны и не желает быть вовлеченным в новую, тем более с Советским Союзом»⁸.

В то же время было бы упрощением заключить, что Черчилль силой своего бесспорного таланта убеждать «подмял» под себя неопытного Трумэна. Американцы продолжали играть «собственную игру» и относились к англичанам как к младшим партнёрам, которых по-прежнему можно было использовать в качестве тарана в отношениях с русскими в деликатных вопросах. Это не мешало им при новом президенте быть, что называется, на одной волне. Именно это имел в виду Сталин, когда говорил маршалу Жукову, что после смерти Рузвельта Черчилль быстро столкнется с Трумэном. Но до поры до времени американцы предпочитали все карты англичанам не раскрывать, что, в первую очередь, касалось их далеко идущих планов в отношении предстоящей мирной конференции и особенно того козырного туза — атомной бомбы, — который они держали в рукаве и собирались выложить его на стол в решающий момент.

Поэтому Трумэн в ответ на настойчивые призывы Черчилля как можно раньше (чуть ли не в начале июня!) провести встречу в верхах повёл себя весьма уклончиво, что вызывало большое раздражение премьер-министра, поскольку не укладывалось в его стратегический замысел. Раздражение ещё больше усилилось, когда англичанам стало известно, что в окружении Трумэна обсуждался вопрос о желательности его двусторонней встречи со Сталиным «за день-два» до начала трёхсторонней встречи, что напоминало о традициях рузвельтовской дипломатии.

Черчилля это привело в неопишное бешенство, и он категорически отказался участвовать во встрече, которая выглядела бы как продолжение сепаратной советско-американской встречи «за его спиной». Возмущение, надо сказать, было несколько странным на фоне регулярных англо-американских встреч в годы войны и имевших место нескольких двусторонних советско-английских, среди которых выделялась

состоявшаяся в октябре 1944 года по инициативе англичан известная встреча в Москве о разделе послевоенной Европы на «сферы влияния».

Американцы явно вели себя так, что «поспешать медленно» в вопросе созыва конференции было на тот момент их наилучшей тактикой. «Мой папа оттягивал начало работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба»⁹, — признавала позднее дочь президента Маргарет. При этом в Белом доме предпочитали переложить на англичан всю тяжесть переговоров с Москвой. Пока стороны препирались, кому взять на себя «тяжесть» объяснений со Сталиным, прямолинейный характер которого и несклонность к западной политкорректности Черчилль хорошо знал на своём опыте, инициатива закипела на нижних этажах бюрократического аппарата Вашингтона. В игру включились те, кто был искренне обеспокоен ухудшением отношений между союзниками после смерти Рузвельта, принадлежал к его команде, и разделял его взгляды на послевоенный мир, и стремился остановить опасное сползание к конфронтации в советско-американских отношениях.

Среди них выделялся бывший посол США в Советском Союзе в довоенные годы Дж. Дэвис, про которого Сталин говорил, что «с ним можно иметь дело», а также к тому времени уже тяжелобольной, но всё ещё незаменимый и вхожий в Кремль Гарри Гопкинс и один из немногих чиновников в госдепартаменте, который был близок к Рузвельту и переводил ему на переговорах в Крыму — Ч. Болен. При всей своей обеспокоенности состоянием дел, они не считали, что ситуация была безнадежной, верили по привычке в преимущества личной дипломатии на высшем уровне и исходили из того, что корабль накренился или дал небольшую течь, как это бывало не раз и в прошлом, но положение в целом всё ещё поправимо. Надо было лишь приложить дополнительные усилия и проявлять понимание советских интересов, гибкость и готовность идти на компромиссы. Есть основания считать, что к этой группе советников, в отличие от «линии Гарримана» и стоявших за его спиной недоброжелателей Москвы, начал больше прислушиваться после череды первых дипломатических неудач новый президент.

Не будем забывать, что это было межвременье, когда наступала новая эпоха, и мир стоял перед судьбоносным выбором, когда всё ещё были возможны альтернативные варианты развития отношений между победителями на бу-

дущее. Первая попытка заявить американское лидерство и ревизовать наследие Рузвельта с приходом в Белый дом нового человека явно не удалась и лишь оставила неприятный осадок и обозначила паузу в отношениях с важным союзником в самый неподходящий момент.

Речь идёт и о нарочито жёсткой по форме беседе нового президента в Вашингтоне с главой НКВД В.М. Молотовым в конце апреля в ответ на многозначительное согласие Советского правительства направить его на конференцию в Сан-Франциско во изменение своего первоначального решения. Первоначальный отказ был связан с явно вызывающим по форме и недружественным по содержанию прекращением поставок СССР по ленд-лизу и попытками превратить в «предмет торга» вопрос о выводе англо-американских войск из советской зоны оккупации, не говоря уже о ставшем известным в Москве планировании военных действий против советского союзника с привлечением разбитых гитлеровских частей (операция «Немыслимое»), вдохновителем которой выступал Черчилль.

Следует отметить, что советское руководство в это время проводило крайне осторожный и сдержанный курс и избегало отвечать «ударом на удар», хотя у многих в Москве, особенно из числа военных, почувствовавших сладкий вкус победы, что и говорить, «кулаки чесались» и возникало желание поставить партнёров на место. В западных столицах приходилось учитывать и состояние общественных умов на гребне победы над фашизмом, не готовых к резкой смене курса в отношении союзника за столь короткий отрезок времени. Даже такой придворный американский историк, как Джон Льюис Гэддис, крупный специалист по происхождению холодной войны, признавал: «Для западных правительств было непросто переключиться с изображения Советского Союза в качестве славного военного союзника на изображение его в роли нового и опасного врага»¹⁰.

Политический вектор — это всегда сложное и причудливое переплетение различных сил и влияний и учёт многих факторов. Желаемое приходится приносить в жертву рациональному и возможному. Легко представить себе, какой шквал противоречивых рекомендаций обрушился на голову нового американского президента, когда он переступил порог Овального кабинета в Белом доме в качестве его хозяина. Свой шанс почувствовали те, кого при

жизни Рузвельт не подпускал к себе и близко. Но пока шла война, неоспоримым влиянием пользовались военные, мнение которых считалось решающим в стратегических вопросах.

Своеобразие военно-политической ситуации летом 1945 года заключалось в том, что для Советского Союза война закончилась в Берлине и это повышало уровень его дипломатической манёвренности, в то время как для Соединённых Штатов и Великобритании война ещё продолжалась на Тихом океане, более того, вступала в решающую фазу, что, естественно, связывало им руки. Предстояла высадка на Японских островах и число возможных жертв с американской стороны, судя по сражению за Иводзиму, согласно выкладкам военных, могло измеряться сотнями тысяч солдатских жизней, не говоря уже о продолжительности боёв (согласно тем же прогнозам, вплоть до весны 1946 года).

Военные соображения оставались мощным сдерживающим фактором в политическом планировании США в период подготовки мирной конференции. Всю войну Вашингтон настойчиво добивался вступления СССР в войну против Японии. И столь же твёрдо в Москве делали всё возможное, чтобы избежать войны на два фронта, нейтрализуя нередко провокационные действия со стороны США. В то же время Сталин взял на себя чёткие обязательства в Ялте вступить в войну на Дальнем Востоке после разгрома гитлеровской Германии и собирался этим обязательствам неукоснительно следовать.

Военная необходимость связывала руки Вашингтону в преддверии Потсдамской конференции и настраивала президента Трумэна на примирительный лад. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — признавал Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители»¹¹.

16 мая Трумэн на пресс-конференции заявил в осторожной форме о возможности новой встречи «большой тройки». Параллельно с двух сторон при полном неведении англичан и в обход госдепартамента между Кремлём и Белым домом «напрямую» шёл активный дипломатический зондаж с уточнением практических деталей при посредничестве посольства СССР в Вашингтоне, в котором активную роль сыграл Дж. Дэвис. Именно по этому каналу американцам сообщили из Москвы 20 мая о согласии

Сталина с идеей конференции и местом её проведения «в районе Берлина».

Однако всё-таки главную роль в согласовании будущей конференции и определении узловых вопросов её повестки дня имел визит в Москву в конце мая старого знакомого Кремля Г. Гопкинса. Его статус в отношениях с советскими руководителями был совершенно особым и опирался на взаимное доверие и прошлый опыт. Сошлёмся на воспоминания маршала Жукова: «Г. Гопкинс, по мнению И. В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом».

В послании Сталину от 20 мая Трумэн, ссылаясь на возникающие трудности при обсуждении сложных и важных вопросов на расстоянии, сообщал о своём желании, «пока не представится возможность для нашей встречи», направить в Москву «г-на Гарри Гопкинса с послем Гарриманом с тем, чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами». В тот же день из Москвы пришёл ответ, в котором говорилось: «Принимаю с готовностью Ваше предложение о встрече с г-ном Гопкинсом и послем Гарриманом. Дата 26 мая меня вполне устраивает»¹². По тону ответного послания было легко почувствовать, что советская сторона оценила предложенный шаг.

Как ближайший соратник Рузвельта, Гопкинс всё ещё жил в прошлом и оставался верен наследию покойного президента. Встретившись перед отъездом с Гарриманом, Боленом и новым «ястребом» в окружении Трумэна, военно-морским министром Дж. Форрестолом, он подверг критике политику Черчилля в отношении СССР и явно усматривал в ней корень зла в отношениях с русскими. Поэтому он предлагал дистанцироваться от неё, подчеркнув, что «для США было чрезвычайно важно не оказаться в таком положении, когда их привязала бы к себе Великобритания и в рамках единого блока использовала бы против России в целях английской европейской политики». Мысли, что и говорить, были верные, но в Вашингтоне их разделяли уже немногие.

Судя по инструкциям Гопкинсу, Трумэна волновало прежде всего то, чтобы его требования на переговорах в Москве не выглядели чрезмерными и что важнее всего был успех, а не максимально поднятая планка. Он явно стремился избежать, например, превращения вопроса о ситуации в освобождённых странах Восточной Европы в камень преткновения меж-

ду Москвой и Вашингтоном и откровенно разъяснял своему эмиссару, что был бы готов доволствоваться проведением там формальных выборов по типу тех, в которых он сам набирался опыта в пору своей политической молодости в команде одного из самых коррумпированных партийных боссов штата Миссури Тома Пендергаста. Явно в примирительном тоне он считал нужным говорить в Москве и в отношении разгоравшегося тогда по инициативе Черчилля конфликта вокруг Триеста, в который, поддерживая своего нового союзника Тито, вынужден был втянуться Сталин. По мнению президента, если бы в Кремле сделали какой-нибудь примирительный «жест» перед американской общественностью, то этого могло быть и достаточно. Словом президент настраивал своего посланца на примирительный лад, хотя, хорошо зная его, мог смело этого и не делать¹³.

В Москве Гопкинса ждал радушный приём и нелепая сталинская критика политики нового американского руководства. Называя вещи своими именами, Сталин прямо сказал, что в отношениях США с Советским Союзом наступило «заметное охлаждение», как только Германия потерпела поражение. В качестве примера он привлёк внимание собеседника к прекращению поставок по ленд-лизу. «Если отказом от дальнейших поставок по ленд-лизу имелось в виду оказать давление на русских с целью сделать их более уступчивыми, то это было большой ошибкой», — заметил он. При этом Сталин добавил, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, то можно многое сделать, но репрессии, в какой бы форме они не применялись, приведут к диаметрально противоположному результату. В памяти американца отложилась чеканная сталинская фраза: «Русские люди — простые люди, но их не надо считать дураками».

Посланец Белого дома как мог старался сгладить впечатление, произведённое неуклюжими действиями американских руководителей, и взывал к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом. В ходе переговоров, вместивших шесть встреч с главой Советского правительства и отмеченных, по словам присутствовавшего на переговорах Гарримана, «исключительным доверием и редкой доброжелательностью», удалось снять некоторые проблемы, омрачавшие подготовку конференции.

Был, наконец, согласован вопрос о реорганизации польского правительства на основе «ялтинской формулы», то есть приглашения в него

прозападных деятелей. В Вашингтоне и в Лондоне сочли, что Гопкинс добился «оптимального решения» в сложившихся условиях. Основным итогом переговоров Гопкинса в Москве явилось окончательное решение созвать новую встречу руководителей СССР, США и Великобритании в середине июля. Советская сторона назначила своего представителя в Контрольный совет по Германии и уточнила сроки вступления СССР в войну против Японии во исполнение ялтинских обязательств.

На обратном пути из Москвы Гопкинс намеренно сделал остановку в Берлине, чтобы своими глазами увидеть место проведения конференции. На завтраке, устроенном в его честь советским командованием, обсуждались предварительно вопросы предстоящей конференции глав правительств. Гопкинс не скрывал своего удовлетворения тем, что Москва согласилась с американским предложением о сроках её проведения. Не входящий в тайные замыслы нового президента, он всего лишь добросовестно выполнил возложенное на него поручение.

Маршал Жуков вспоминал о встрече с Гопкинсом: «Черчилль настаивает собраться в Берлине 15 июня, — сказал Г. Гопкинс, — но мы не будем готовы для участия в таком ответственном совещании к этому сроку. Наш президент предложил назначить конференцию на середину июля. Мы очень рады, что господин Сталин согласился с нашим предложением. Предстоят весьма сложные переговоры о будущем Германии и других стран Европы, а уже сейчас накопилось много «горючего материала»¹⁴.

При встречах с американскими представителями в Европе Гопкинс убеждал их в серьёзности советских намерений идти по пути сотрудничества с США и считал, что главной опасностью является возрождение германского милитаризма. По новым меркам Вашингтона, эти мысли едва ли можно было назвать своевременными. 8 июня, когда Гопкинс отбыл из Москвы в обратный путь, Гарриман направил Трумэну отчёт об итогах его встреч в Кремле, в котором отмечал, что «Гарри выполнил первоклассную работу». В отчёте в частности говорилось: «Я думаю, что визит Гопкинса оказался куда более успешным, чем можно было предположить. Хотя ещё остаются и будут оставаться и впредь нерешённые с Советским правительством проблемы, я уверен, что его визит создал намного более благоприятную атмосферу для Вашей встречи со Сталиным»¹⁵. Посол-финансист, обладатель крупной собственности в Вос-

точной Европе, в частности в Польше, умел держать нос по ветру и понимал, что президенту на тот момент нужен был успех в отношениях с Москвой, а не конфронтация. Остальное, как считали вхожие в тайные замыслы Белого дома, должен был решить новый козырь в руках президента США.

Тень Аламогордо

О роли «атомной дипломатии» во внешней политике и международных отношениях написаны горы книг. И особенно применительно к Потсдамской конференции и роли «супербомбы» в послевоенной политике США. И всё-таки думается, что эта тема ещё далеко не исчерпана. Ясно, что мысль об использовании чудо-оружия в качестве абсолютного аргумента в мировой политике подкупала своей простотой прежде всего недалёких политиков. По своему воздействию на умы это чем-то напоминало «философский камень» или «perpetuum mobile». Недаром гласит старая максима, «невежество всегда держалось верой в чудеса».

На это могут возразить, что с началом Второй мировой войны дорогу ядерным исследованиям в США и практическому созданию атомного сверхоружия открыл именно президент Рузвельт — дальновидный и масштабный государственный деятель. В связи с этим обычно приводят аргумент, впервые, кстати говоря, озвученный не в отечественной, а в американской литературе, что дескать именно Рузвельт вплоть до своей смерти не проявлял желания делиться атомными секретами со своим боевым союзником — СССР — и тем самым закладывал на перспективу основы атомной дипломатии США. И, конечно, напрашивается вывод, будь он жив, события пошли бы по тому же кругу, что и при его преемнике.

Для нас не так уж важно подчёркивать персональные или, как принято говорить, стилистические различия двух президентов, чем увлекаются некоторые авторы. В конце концов, и тот, и другой верно служили одному государству и хотели ему добра, хотя, разумеется, и это верно, делали это каждый по-своему. Не будем забывать, что ядерная программа США, получившая кодовое название «Манхэттенский проект», поначалу не имела никакого отношения к СССР и не была инициативным выбором администрации, а началась под сильнейшим давлением со стороны мировой научной элиты, среди которой видную роль сыграли А. Эйнштейн и Н. Бор, в ответ на имеющиеся сведения

о начале работ по созданию ядерного оружия в нацистской Германии («Проект «У»).

Одна мысль об овладении Гитлером этим фантастическим по разрушительной силе оружием приводила учёных в ужас, особенно тех из них, кто на собственном опыте жизни в Германии был знаком с человеконенавистнической идеологией нацистов и их расовыми теориями. «Я уверен, что Гитлер не стал бы колебаться и мгновенно перед тем, как применить атомные бомбы против Англии»¹⁶, признавал А. Шпеер, совершивший головокружительную карьеру от любимого архитектора Гитлера до министра вооружений и боеприпасов Третьего рейха.

Успей немцы создать ядерную боеголовку, и ракеты Фау-2 обрушили бы на Лондон совсем другой груз. Всего самолёты-снаряды Фау-1 и оперативно-тактические ракеты Фау-2, которым тогда не было равных в мире, разрушили в Англии 123 тыс. зданий, а всего в Германии было произведено около 250 тысяч ракет. Оценивая сведения, полученные по каналам советской разведки о немецком «Проекте «У», И. В. Курчатов писал: «...Материал исключительно интересен. Он содержит описание конструкции немецкой атомной бомбы, предназначенной к транспортировке на ракетном двигателе «Фау»¹⁷.

Что касается другого «убийственного» аргумента о скрытности Рузвельта и его нежелания делиться ядерными секретами с СССР, особенно на начальной стадии ядерных исследований в США, то он также представляется сомнительным. Самый простой ответ: в политике XX столетия так было принято. Каждое государство, даже союзное, имело свои секреты и надёжно их охраняло. Уже после войны, став директором ЦРУ, Ален Даллес, оставивший свой след в истории Второй мировой войны в связи с памятным «бернским инцидентом», скажет: «Бывают дружественные правительства, но не бывает дружественных разведок». История послевоенного времени многократно это подтвердит вплоть до нашумевшего «дела Сноудена».

А как же с англо-американской кооперацией в атомных исследованиях и совместной работой в годы войны, тайно закреплённой соглашением на Квебекской конференции в августе 1943 года? Во-первых, англичане опережали американцев и имели к тому времени уже большой научный и практический задел, что вызывало в Вашингтоне большую ревность. Поэтому именно американцы в 1941 году, пользуясь гипотетической угрозой нацистского вторжения

на Британские острова, предложили англичанам объединить усилия в создании атомной бомбы, и летом 1942 года между Рузвельтом и Черчиллем была достигнута договорённость о сосредоточении всех работ в США. Британский проект «Тьюб Эллойз» объединился с «Манхэттенским проектом». Во-вторых, исследования подошли к стадии промышленного производства, на которое у Лондона не было средств. В-третьих, американцы, убедив англичан объединить усилия на своей территории и осуществлять совместный проект, в дальнейшем надули своих «кровных братьев» и лишили их доступа к атомным секретам. В итоге англичане, будучи первопроходцами в этой области, создали атомное оружие на три года позже, чем СССР.

Могут возразить, а как же насчёт общей борьбы с фашизмом и «товарищества по оружию»? Можно ответить, что «проект Манхэттен» был своеобразным вкладом США (2 миллиарда долларов) в общую борьбу с фашизмом, правда, до определенного момента, после которого начиналась уже совсем другая глава мировой истории. Некоторые даже считают, что терпимое отношение к советскому «атомному шпионажу» в США при Рузвельте, о котором, конечно, в Белом доме было известно с подачи ФБР, являлось своеобразной негласной формой передачи конфиденциальной информации союзнику в то время, когда основные усилия американской контрразведки были направлены против Германии и Японии.

Подтверждением этого могут служить статистически замалчиваемые на Западе факты, что первоначально применение ядерного оружия планировалось американцами против городов Германии, а не только Японии. Сегодня это кажется невероятным сценарием, с какой бы стороны не посмотреть. Но тогда считалось, что война всё спишет. Весь вопрос заключался во времени. В военных кругах США «супербомба» долгое время не рассматривалась как нечто принципиально новое. По мнению адмирала Леги, начальника личного штаба президента Рузвельта, это была всего лишь «более мощная взрывчатка». Англо-американские «ковровые» бомбардировки Дрездена в феврале 1945 года с применением обычных фугасов мало чем отличались по числу жертв от последствий первой ядерной бомбардировки Хиросимы¹⁸.

Изучивший по архивным документам этот вопрос американский автор У. Пинкус пишет: «Подбор первоначальных целей в рамках Манхэттенского проекта был осуществлён

в 1944 году, когда война против нацистской Германии всё ещё продолжалась. Поэтому предусматривалось применение (атомного) оружия против Германии и Японии, что предусматривало различную тактику». Специально прикомандированный к Манхэттенскому проекту английский учёный Уильям Пенни, специалист по взрывотехнике, занимался отработкой этой тактики применительно к архитектурным и конструкционным особенностям немецких и японских городов.

Как после войны вспоминал Пол Тиббетс, пилот бомбардировщика Б-29, названного в честь его матери «Энола Гей», с которого была сброшена первая атомная бомба на Хиросиму, в Адриатическом море уже был найден остров в качестве базы дислоцирования американских бомбардировщиков на европейском театре военных действий. Тиббетсу было приказано подготавливаться «для нанесения бомбовых ударов одновременно в Европе и по Японии». Однако к весне 1945 года, ещё до того как первая атомная бомба была готова, поражение нацистской Германии стало свершившимся фактом. «Поэтому планы были ограничены Японией», — вспоминал он. Получается, что Германия была на волосок от ядерных бомбардировок и её судьбу решило стремительное наступление Красной армии, хотя сегодня это и может показаться невероятным сценарием¹⁹.

Можно себе представить, как удивился бы Сталин, одержимый маниакальной подозрительностью даже к своему ближайшему окружению и насаждавший в собственной стране атмосферу тотальной слежки и бдительности к проискам вражеских «шпионов и диверсантов», и, наверняка, углядел бы здесь скрытый подвох, если бы американский президент «тет-а-тет» решил поделиться с ним атомными секретами. Не будем строить догадки, как повело бы себя советское политическое руководство, если бы прорыв в создании ядерной бомбы был сделан советской наукой и производством. Ответ представляется очевидным. В Москве, за исключением редких идеалистов, переживших сталинские чистки, никто всерьёз и не думал, что США добровольно поделятся плодами своих исследований с «боевым союзником», а полагались прежде всего на усилия советских ученых, на действия советской разведки и помощь со стороны прокоммунистически настроенных западных учёных.

Другое дело, что ответили бы в Вашингтоне на прямой запрос из Москвы о ходе работ над

созданием ядерного оружия. В конце концов, боевой союзник имел право знать, чем располагал «великий арсенал демократии» для борьбы с общим врагом и каковы были реальные возможности нейтрализации ядерной угрозы со стороны нацистов. Но такой запрос в Вашингтон никто не посылал и послать не мог, какое бы недоумение это сегодня не вызывало. Не в манере Сталина было вести открытый диалог в столь деликатных вопросах. А, возможно, он предполагал, какой может быть получен ответ из Вашингтона, и не хотел лишнего конфуза.

Некоторое представление о ходе его мыслей дают воспоминания генерала П. Судоплатова, куратора советского «уранового проекта» со стороны НКВД. Генерал вспоминал, как в октябре 1942 года, то есть вскоре после того как Берия впервые доложил «хозяину» о начале ядерных работ в США, Сталин принял на своей даче в Кунцево двух выдающихся академиков — Вернадского и Иоффе. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим учёным, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться с нами информацией и вместе проводить работы по атомной энергии.

На это Сталин характерно ответил, что учёные политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что неофициальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших учёных может оказаться полезным²⁰. Уже на раннем этапе ядерной гонки вождь был настолько захвачен возможностями нового сверхоружия, что окрестил план советского контрнаступления под Сталинградом «операцией Уран». Был ли этот закодированный сигнал услышан в Вашингтоне?

Между тем выдающиеся советские учёные были не столь уж наивны, когда предлагали «прямой разговор» с главным союзником по ядерной тематике. В американском истэблишменте, допускавшем известную свободу мнений, до поры, до времени уживались разные точки зрения и имелись те, кто считал необходимым поделиться с Москвой ядерными секретами ещё до того, как бомба станет реальностью. И это были не только широко мыслящие учёные с мировым именем, встревоженные

перспективой атомной монополии США, как Ферми, Сциллард, Оппенгеймер или Буш из лаборатории в Лос-Аламосе, где готовилось к испытанию первое ядерное устройство.

Для решения некоторых послевоенных проблем, касающихся применения ядерного оружия, министр обороны США Г. Стимсон с одобрения Трумэна учредил под своим председательством так называемый Временный комитет. В него вошли имеющие отношение к «Манхэттенскому проекту» видные учёные, военные и политические деятели. Впервые Комитет собрался на заседание в полном составе 31 мая 1945 года, то есть когда уже полным ходом шла подготовка к Потсдамской конференции. Обсуждался вопрос об «атомной политике», включая степень допустимости международного обмена информацией по этой проблеме.

Научный руководитель «Манхэттенского проекта» Р. Оппенгеймер предложил сделать шаги навстречу концепции «открытого мира», предложенной Бором, что подразумевало свободный обмен информацией по ядерной проблематике с Советами. В ответ на это Стимсон выразил сомнение в возможности такого сотрудничества с «тоталитарными режимами», имея в виду, разумеется, Советский Союз. Однако Оппенгеймера неожиданно поддержал главный американский военный стратег генерал Дж. Маршалл, начальник штаба сухопутных войск США. Он заметил, что неуступчивость СССР, скорее, надуманна, нежели реальна, и проистекала из вполне обоснованного беспокойства русских за безопасность своего государства. Далее протокольная запись гласит: «Генерал Маршалл был уверен: нам не следует бояться того, что русские, узнав о нашем секрете, раскроют его японцам. Он поднял вопрос, насколько желательно пригласить двоих передовых советских учёных, чтобы они были свидетелями испытания «Trinity» («Троицы»).

Маршаллу возразил назначенный Трумэном новый госсекретарь Дж. Бирнс, бывший сенатор из американской глубинки, которого Рузвельт обещал сделать своим вице-президентом на выборах 1944 года, но в последний момент передумал. Обязанности госсекретаря, в его понимании, мало чем отличались от того, как «один почтмейстер в штате Теннесси пишет другому». Протокольная запись зафиксировала слова этого новоиспечённого дипломата, который поведёт себя очень напористо в Потсдаме: «Мистер Бирнс высказал опасение: если мы поделимся информацией с русскими, даже в об-

щих чертах, Сталин захочет стать нашим партнёром...Бирнс высказался о том, что наиболее желательно было бы форсировать исследования и производство, связанные с ядерной программой, чтобы быть уверенными: мы опережаем русских — и в то же время прилагать все усилия для улучшения наших политических связей с СССР. С этим предложением согласились все присутствующие». Как замечает Джим Бэггот, досконально исследовавший тайную историю создания ядерной бомбы, Бирнс понимал, «насколько ценным козырем может быть ядерное лидерство США в послевоенных советско-американских отношениях»²¹.

Подводя черту этой части нашего повествования всё-таки стоит сказать, что Сталин, возможно, упустил свой шанс, не поставив перед американцами со свойственной ему прямотой и настойчивостью, особенно на пике советско-американского сотрудничества и пока нужда в Советском Союзе была велика, вопрос об объединении усилий в ядерных исследованиях. Глядишь, маятник и склонился бы в его пользу. Правда, к этому времени такой шаг уже трудно было обосновать военной необходимостью, но оставалась обширная область мирного использования атома. Вполне возможно, что такая постановка вопроса многим и сегодня покажется идеалистической. Но, как говорил Эйнштейн, в науке воображение важнее, чем знание.

Ясно, что в этом случае Вашингтон был бы поставлен в сложное положение: отказать союзнику означало продемонстрировать свои скрытые неблагоприятные намерения и бросить тень на будущее сотрудничество. Непонятно, что бы потерял Сталин, даже если бы получил отказ? Счёт был бы явно в его пользу. Едва ли он тогда верил, что может опередить своих потенциальных конкурентов по ядерной гонке и считал «игру в открытую» невыгодной для себя. Скорее было другое: плоть от плоти закрытого общества, или, как о нём говорил Герберт Уэллс, никогда не дышавший «вольным воздухом», Сталин, видимо, не мог выйти из той жёсткой системы координат, которую он сам создал и которая для него была естественной и единственно возможной средой обитания.

И всё-таки ядерная бомба в качестве «дипломатического оружия» вплоть до своего первого испытания на полигоне в Аламогордо в пустыне Нью-Мексико, а скорее даже до её первого применения в боевых условиях против японцев, то есть уже после «встречи

умов» в Потсдаме была, что называется, «котом в мешке». Оставаясь на твёрдой почве фактов того времени, а не обращённых в прошлое настроений холодной войны, не следует преувеличивать её значение в ходе переговоров в Потсдаме. Американцы ещё не вжились в роль монопольных обладателей «сверхоружия» и в основном учитывали как сложившееся в Европе реальное соотношение сил, мощь Советского Союза и искусство сталинской дипломатии, так и ближайшие задачи своей политики на Дальнем Востоке. Именно поэтому Потсдамская конференция пошла по оптимальному сценарию для всех её участников и привела к весомым результатам.

Задачи и сверхзадачи в Потсдаме

Вопрос вопросов Потсдамской конференции — это ясное представление о позициях её участников, их целях и задачах, которые в ходе напряжённых переговоров становились совместными решениями. Тщательное изучение протоколов конференции и подготовительных материалов к ней, сопоставление свидетельств участников и очевидцев тех событий дают представление о подходе советской стороны к переговорам во дворце Цецилиенхоф.

Советской делегации предстояло решить поистине сверхзадачу: закрепить итоги войны, сохранить плоды победы и при этом не допустить раскола между союзниками, чтобы продолжить сотрудничество с ними в послевоенное время в интересах безопасности Советского Союза, восстановления его экономики и международной стабильности. Проще говоря, обессиленному войной Советскому государству была нужна длительная передышка, а ещё лучше перспектива прочного мира на обозримое будущее, чтобы сосредоточиться на решении внутренних задач, и Сталин был готов платить за неё определённую «цену». Вопрос заключался в том, «какую» и что будет потом? Повернёт ли Сталин, восстановив силы с помощью Запада руль пролетарского государства вновь в русло «мировой революции» (по принципу «леопард не меняет своих пятен») или страна, как всё ещё надеялись слабеющие умеренные круги в Вашингтоне, вступит на путь приемлемой для Запада трансформации.

Здесь начиналась тонкая грань уступок и разменов, дипломатических комбинаций и просчитанных ходов. Хотя на практике эти задачи тесно переплетались и взаимодействовали между собой, существовали их строгая ие-

рархия, соподчинение и приоритетность в постановке и отстаивании на переговорах. Были второстепенные вопросы, где компромиссы и уступки были возможны и допустимы, а были и те, при обсуждении которых глава советской делегации был твёрд и непоколебим и всем своим видом как бы давал понять, что здесь «торг был неуместен».

Советские цели на переговорах органично вытекали из всего предшествующего опыта СССР и дореволюционной России, и скорее носили геополитический, прагматический, нежели идеологический характер. Существовало широко принятое мнение, своего рода национальный консенсус на всех уровнях социальной лестницы, что колоссальные жертвы советского народа, принесённые в ходе войны на алтарь победы, не должны быть напрасны. Это рассматривалось в Кремле как своеобразный наказ народа своим руководителям. Если верить записям Ф. Чуева, Молотов вспоминал: «Нам надо было закрепить то, что завоевано». Сталин, по его словам, был полон решимости не упустить исторический шанс и не «дать себя надуть», как это часто проделывал Запад с Россией в предыдущих войнах²².

На практике речь шла прежде всего об укреплении территориальной безопасности Советского государства, как это тогда представляли себе в Кремле, закреплении в пользу СССР новых границ в Европе и на Дальнем Востоке, известных геополитических «приращениях», а самое главное — ликвидации «санитарного кордона» и превращения соседних государств в надёжных соседей и союзников Советского Союза в качестве «буфера» или «пояса безопасности» в отношениях с Западом.

Среди российских историков в основном сложился консенсус в отношении того, что на этапе освобождения Восточной Европы и первых послевоенных месяцев с советской стороны речь не велась о «советизации» или «социализации» освобождённых государств, а скорее ставилась расплывчатая задача поддержки власти в этих странах «дружественных» режимов левого и антифашистского толка, хотя уже тогда было ясно, что по духу Москве были куда ближе коммунистические деятели, воспитанные в духе Коминтерна.

На уровне межведомственных согласований перед Потсдамской конференцией вопросы политического характера власти освобождённых государств затрагивались в самых общих чертах, а упор делался скорее на их внешнепо-

литической ориентации и отношениях с Советским Союзом. В то время в Москве, видимо, стремились уходить от острых вопросов о социальной природе этих государств и их будущем политическом устройстве, чтобы не воскрешать довоенные страхи на Западе «мировой коммунистической революции». Тон Москвы и её риторика были скорее общедемократическими, пацифистскими и антифашистскими, нежели классово-непримиримыми и воинственно-идеологическими.

Генерал Судоплатов, входящий в процесс принятия решений «на самом верху», вспоминал: «Накануне Потсдамской конференции наши оценки были ещё более оптимистичны. Берия и Голиков вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический выбор как реальность для нас в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. Мы исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем мы сходились на том, что наше военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на прочный союз и сотрудничество с нами.

Наши военно-политические рекомендации по Германии также были далеки от установок на строительство социализма в оккупированной нами зоне. Речь скорее шла о том, чтобы в будущей нейтральной, разоруженной навсегда Германии создать мощную, стабильную, ориентирующуюся на Россию, прогрессивную группу в немецком руководстве»²³.

Вопрос заключался в том, как убедить Запад согласиться с таким коренным поворотом в жизни народов Европы, означавшим по сути дела вхождение их в орбиту влияния Москвы. Ничего другого в Кремле, кроме как положиться на старую как мир идею «сфер влияния», придумать не могли и показывали пример, по возможности не вмешиваясь в революционные события в Италии, Греции и других странах Западной Европы, где оккупационные англо-американские войска и местная администрация под флагом демократии, действовали жёстко, восстанавливали довоенные социальные порядки и изолировали левые силы. Рождённым в XIX веке политикам была близка классическая

«реал-политик», хотя на официальном языке они, особенно американцы, оперировали уже ставшими привычными со времён президента В. Вильсона лозунгами демократии, самоопределения народов и свободы выбора.

Впрочем, даже в нынешнюю эпоху торжествующих либеральных ценностей историк должен соблюдать меру и не сводить всё к присутствию иностранных войск в освобождённых государствах, как это делают с новым энтузиазмом некоторые современные авторы²⁴. Спору нет, присутствие иностранных войск всегда было важным ресурсом для родственных по природе и близких по духу внутренних сил. Достаточно вспомнить, кто вернул во Францию власть Бурбонов после наполеоновских войн или уберёг европейские монархии от революции 1848 года. «Чи войска, того и религия», как говорили ещё в эпоху Тридцатилетней войны и Вестфальского мира.

Не была исключением и Восточная Европа на заключительном этапе Второй мировой войны. Присутствие Красной армии, бесспорно, сказалось на внутреннем раскладе сил. Но главное заключалось в том, что в Европе ещё в довоенный период произошёл глубокий раскол элит и возник непримиримый конфликт между властью и народом. Вся Европа и, прежде всего, Восточная, более склонная к соглашательству с сильным в конкретный исторический момент, была поражена страшной довоенной болезнью — коллаборационизмом, тягой правящих кругов к установлению фашистских и профашистских порядков.

Ответственность местных элит перед народом за роковой выбор, обернувшийся национальной катастрофой, была велика. Неважно, уступили ли они нацистам без борьбы (как Бенеш в Чехословакии) или по своей воле и в своих интересах (как в Венгрии или в Румынии) пошли на сговор с ними и приняли на их стороне участие в агрессивной и проигрышной войне. Повсеместный рост левых сил был закономерной реакцией на глубокий нравственный и общественно-политический кризис в Европе. Никто не может сказать, как выглядела бы ситуация в «стерильном виде», без влияния внешних факторов с той и другой стороны. В истории так не бывает. Советскому Союзу важно было в этих условиях отстоять свои интересы и сохранить сотрудничество с Западом. Потенциально это была сверхзадача (*mission impossible*) и зона повышенной политической турбулентности.

Победа — победой, но для Советского Союза цена её была запредельной. Страна лежала в руинах, и Сталин всерьёз рассчитывал, что США (о надорвавшей в войне свои силы Англии говорить не приходилось) примут участие в её восстановлении. Заходы на этот счёт с американской стороны во время войны делались неоднократно, начиная с Московской конференции (1943 год) и было лишь неясно, какую цену американцы в конечном счёте потребуют за свою помощь. Во многом надеждами на послевоенное сотрудничество и желанием сократить военные расходы объяснялось и стремление Сталина не обострять отношения с США и уступать им, если это не затрагивало коренные государственные интересы.

Но не следует преувеличивать в то время силу предвидения Кремля. Как будет выглядеть мир после окончания мировой войны, если оставить в стороне надежды на лучшее будущее, оставалось покрытым мраком неизвестности. Политики не управляли событиями, а, скорее, на ощупь следовали по незнакомому маршруту. Именно поэтому многое зависело в то переходное время от государственных деятелей.

Что касается подхода США к предстоящей конференции, то он был изложен в ряде «позиционных» документов, подготовленных для президента в стенах госдепартамента и военного ведомства, отличавшихся большей частью максималистским характером, желанием «не уступать» Советскому Союзу и добиваться выгодных для Вашингтона решений. Особенно негативную роль в предстоящих переговорах играли американские представители в восточноевропейских странах — Барнс Берри, Робертсон, Шенфельд, Штейнгардт, Лейн и другие, которые разжигали страсти и в утрированном свете представляли события «на местах», пытались продвинуть к власти лояльных США политических деятелей из числа довоенной элиты, включая откровенных коллаборационистов, и настойчиво искали пути для реставрации довоенных порядков.

В своих донесениях в Вашингтон они утверждали, что Советский Союз якобы «порвал» с Ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий. Американский представитель в Болгарии Барнс сообщал 9 июля 1945 года, что, по его мнению, «война в Европе не кончилась, а вступила в новую фазу», в ходе которой «старое противостояние Англии, Соединённых Штатов и России против Германии превратилось в противостояние России против Англии и Соединённых Штатов»²⁵.

Как считали американцы, им удалось нащупать «болевы́е точки» СССР, а поэтому особенно большое значение они придавали вопросу о германских репарациях и послевоенной помощи в восстановлении советского хозяйства. После более чем 5-месячного многозначительного ожидания, последовавшего за советскими предложениями от 3 января 1945 года о предоставлении СССР кредита в 6 млрд долларов, посол Гарриман реанимировал этот вопрос и 9 июня в беседе в НКИД заявил, что, по мнению его правительства, «долгосрочные кредиты являлись важным элементом в послевоенных отношениях между нашими двумя странами». Правда, не без скрытого смысла многозначительно добавил он, для заключения такого соглашения потребуется получить санкцию Конгресса.

Между собой деятели администрации Трумэна называли вещи своими именами. Новый министр финансов Ф. Винсон, сменивший любимца Рузвельта Г. Моргантау, в специальном меморандуме для президента отмечал: «Наличие таких кредитов укрепит вашу позицию на предстоящей встрече „большой тройки“. Советский Союз отчаянно нуждается во внешней помощи для своего восстановления». В первые дни работы Потсдамской конференции Сенат одобрил бюджет Экспортно-импортного банка, часть которого предназначалась для кредитования торговли с Советским Союзом. При обсуждении сенатор Тафт цинично заявил, что президент «должен предложить Сталину 1 млрд долл. в качестве откупного при решении других вопросов»²⁶.

Военный министр Стимсон, который, как распорядитель колоссальных бюджетных средств, считал себя духовным «отцом» нового оружия и лучше других был осведомлён о закулисной стороне дела, попытался концептуально обосновать «новый курс» в отношении СССР. В подготовленном им для президента Трумэна меморандуме «Размышления об основных проблемах, которые стоят перед нами» от 19 июля отвергалась возможность сотрудничества США с Советским Союзом ввиду «фундаментальных различий» в общественных системах двух государств и высказывалась мысль о необходимости коренных «перемен» в советском строе в качестве непременного условия осуществления такого сотрудничества²⁷. В дальнейшем подобные взгляды легли в основу философии холодной войны. Но тогда такой настрой едва ли помог бы президенту США вернуться домой триумфатором в глазах общественного мнения.

Позиция Черчилля перед конференцией была смесью раздражения и воинственности, а нередко и откровенного обструкционизма по основным вопросам, что грозило конференции неизбежным провалом и поэтому не всегда получало поддержку со стороны американской делегации. В информации из Лондона в НКИД накануне конференции советский посол Ф.Т. Гусев указывал, что в ходе состоявшейся с ним беседы премьер-министр вел себя вызывающе и говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух, — категорично заявил Черчилль, — или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру, и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути»²⁸. По сути дела, это был уже готовый сценарий холодной войны.

Для американцев по многим причинам столь жёсткий сценарий был неприемлем на тот момент. Скорее всего, именно поэтому, чтобы не возбуждать сталинскую подозрительность и не поднимать роль Черчилля в англо-американских отношениях, Трумэн отказался, как это делал в своё время и Рузвельт, от встречи с премьер-министром в Лондоне перед конференцией. И оказался прав! Первый вопрос, который Сталин задал Трумэну при встрече в Потсдаме, был — а не встречался ли тот уже с Черчиллем?

Прибыв в Берлин на день раньше Сталина, который по соображениям безопасности добирался в немецкую столицу в бронированном поезде с расставленными вдоль железнодорожного пути через равные промежутки солдатами войск НКВД, два западных деятеля воспользовались советским гостеприимством и отправились осмотреть столицу поверженного гитлеровского рейха. Зрелище было ужасным и оно не оставило их равнодушными. Посетив разгромленную при штурме рейхсканцелярию, премьер-министр поучительно произнёс: «Отсюда Гитлер собирался править миром. Сколько их было таких, и все оскандалились». Захваченный советскими солдатами гитлеровский бункер произвёл сильное впечатление и на президента США. «Вот что бывает, когда переоценивают свои возможности», — вырвалось у него²⁹.

Можно представить себе и реакцию Сталина, когда он величественным победителем обозревал руины города, откуда война взяла своё начало. Впрочем, реакция его была привычно жёсткой и лишённой сантиментов. «Чувствует-

ся, наши войска со вкусом поработали над Берлином, — говорил он маршалу Жукову. — Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов». А затем назидательно добавил, видимо, уже для истории: «Так будет и впредь со всеми любителями военных авантур»³⁰.

Впечатления у участников перед началом переговоров были многообещающими. Но уроки из истории, как правило, не извлекает. Потсдамскую конференцию следовало бы назвать конференцией «с двойным дном». За день до её официального открытия 16 июля на базе американских ВВС в Аламогордо в штате Нью-Мексико произошло первое успешное испытание ядерного устройства, специально приуроченное к открытию конференции. Куратор проекта со стороны спецслужб генерал Гровс был готов пренебречь крайне неблагоприятными погодными условиями, только чтобы поспеть к сроку. 12 июля, как отмечает Р. Родз, «беспокоясь о Потсдаме он окончательно назначает дату испытания на утро 16 июля» на пике июльских гроз. Поздно вечером в тот же день по каналам военного ведомства в Потсдам пришла на имя Стимсона краткая шифровка: «Состоялось сегодня утром. Диагноз пока не полный, но результаты удовлетворительные и уже выше ожиданий». Мощность ядерного взрыва составила почти 19 киллотонн в тротиловом эквиваленте, что в 4 раза превышало прогноз. Найденные на расстоянии 800 ярдов от эпицентра взрыва тела диких кроликов полуспалились³¹.

Дискуссии и решения

Президент, скорее всего, уже владел полученной информацией, когда на следующий день отправился на свою первую встречу со Сталиным за 5 часов до официального открытия конференции. Настроение у него было приподнятым, какое бывает у человека уверенного в себе. В ходе состоявшейся беседы он подчеркнул, что он «очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным», с которым он «хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом». На это было сказано, что «со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США». При этом несколько назидательно, видимо, на правах более опытного дипломата, Сталин отметил, что «без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык»³². На первом пленарном заседании «более опытный» тем не

менее великодушно предложил Трумэну исполнять председательские обязанности, видимо, желая этим подчеркнуть своё особое отношение к Соединённым Штатам.

Даже сухие отредактированные протокольные записи заседаний конференции передают большое напряжение и эмоциональный накал за столом переговоров во дворце Цецилиенхоф. Главные участники, вероятно, чувствовали, что они вершат судьбы мира. Центральное место занимали проблемы европейского урегулирования, прежде всего германский вопрос. К тому времени проблема расчленения Германии, которую, согласно американскому «плану Моргентау» предполагалось превратить в деиндустриальное «пасторальное» государство, стала уже не актуальной. Директива американского Объединённого Комитета начальников штабов 1067, за которой скрывался пресловутый план, была отменена директивой 1779, которая официально закрепляла новые цели: объединение западной зоны Германии и поощрение германского самоуправления. Как отмечает Дж. Тодт, «для американцев, в первую очередь, Германия быстро переставала быть врагом»³³.

В Москве к концу войны не верили в осуществимость «расчленения» и участвовали в обсуждении постольку, поскольку не хотели вносить разлад в отношения с западными союзниками. В то же время все сходились на том, что важно было никогда не допустить повторения новой агрессии с немецкой земли и создать в Европе прочные гарантии сохранения длительного послевоенного мира. Поэтому политические условия обращения с Германией на послевоенный период, знаменитые 4 «де» — демократизация, демилитаризация, денацификация и декартелизация — были легко согласованы между участниками конференции.

Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» и что в будущем будут приняты другие меры, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Была согласована цель «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе». Как будет выглядеть послевоенная Германия с точки зрения своей политической системы, структуры власти и государственного устройства, тогда ещё точно никто не знал, хотя стороны и имели свои скрытые предпочтения, но на тот момент все участники

исходили из того, что она сохранится как единое целое и избежит раскола. Но некоторые нюансы в дискуссии настораживали уже тогда.

Черчилль, который в традициях английской политики хотел восстановить место Германии в нарушенном войной европейском «балансе сил», заявил в ходе второго заседания конференции: «Главный принцип, который мы должны рассмотреть, заключается в том, должны ли мы применять однородную систему контроля во всех четырёх зонах оккупации Германии или будут применены различные принципы к различным зонам оккупации». На это последовало замечание Сталина: «Этот вопрос как раз предусмотрен в политической части проекта. Я так понял, что мы стоим за единую политику». Его поддерживает Трумэн: «Совершенно правильно». Увидев совместный фронт своих партнёров, Черчилль срочно ретируется³⁴.

Разногласия, и серьёзные, которые чуть было не потопили конференцию, обнаружились, когда перешли к обсуждению положения в освобождённых государствах. Тон задал президент Трумэн. Настроенный госдепартаментом на жёсткое противостояние, он потребовал «немедленной реорганизации теперешних правительств Румынии и Болгарии» в качестве условия установления с ними дипломатических отношений и последующего заключения мирных договоров. При этом Трумэн считал возможным, руководствуясь чисто американской логикой, которая со временем получит ярлык «двух стандартов», проявить особое расположение к Италии и предложить оказать ей поддержку в вопросе её вступления в только что созданную Организацию Объединённых Наций. Вероятно, американская делегация исходила из того, что если удалось преобразовать польское правительство, то почему такое было невозможно с другими странами-сателлитами.

Это был вызов, лихая ковбойская атака, но Сталин к этому был готов. Обращает на себя внимание, что он не стал вступать в спор по существу и доказывать, что ситуация в двух названных странах была безупречной с точки зрения выполнения подписанной в Ялте Декларации об освобождённой Европе. Он лишь в дальнейшем ограничился тем замечанием, что она не лучше, и не хуже, чем в других освобождённых странах. То есть он объединил положение дел в Европе как в той зоне, где стояли советские войска, так и там, где воцарилось западное влияние. При этом особый упор он делал на наиболее одиозный пример — сохранение

у власти режима Франко, который, формально не объявляя войны СССР, направил в поддержку Гитлера войска на восточный фронт — «голубую дивизию».

Глава советской делегации, переведя разговор, явно поставил в неловкое положение своих партнёров, заставив их оправдываться. Он спокойно, без нажима излагал свои мысли, подчеркнув, что режим Франко был навязан испанскому народу извне, а не возник естественным путём и что он продолжал подпитывать полуфашистские режимы в других странах Европы. Мол вот где была настоящая проблема для европейской демократии. Подводя черту, Сталин заметил: «Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы (!), относимся отрицательно к режиму Франко». Отметим, что он не потребовал его свержения или «реорганизации», на чём настаивали партнёры по переговорам в отношении Болгарии и Румынии, а всего лишь призвал к его моральному осуждению.

Первым угодил в расставленную ловушку воинственный Черчилль, который, как всегда многословно и суетливо попытался зайти с разных сторон, чтобы выглядеть объективным. Он и осуждал Франко за участие в войне на стороне держав «оси», и вдруг вспоминал о важности невмешательства в чужие дела. «Я считаю, — категорическим тоном заявил он, — что мы не должны вмешиваться во внутренние дела государств, с которыми мы расходимся во взглядах, за исключением таких случаев, когда то или иное государство нападает на нас»³⁵. Позвольте, а как же в отношении других? Похоже, Сталин получил то признание, которое хотел получить. Уставший от этой перепалки Трумэн предложил передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Если в Тегеране и в Ялте Сталин и Рузвельт оппонировали друг другу на равных, то в Потсдаме советский лидер ненавязчиво демонстрировал своё дипломатическое превосходство над своими партнёрами. Существует много западных признаний на этот счёт и все они, если сделаны «по горячим следам», как правило, комплиментарны. Приведём одно, не цитированное в нашей литературе. Запись, сделанная на следующий день после завершения конференции британским генпрокурором и членом делегации У. Монктоном. «Он (Трумэн) был готов к обсуждению каждого сюжета на основе краткого твёрдого резюме об американской политике, зачитав которое, он потом мало при-

нимал участия в последующей дискуссии, если только лишь подтверждая сказанное. Уинстон был не плох, но разбросан. Он был слишком склонен к длинным декламациям, которые явно были не по нутру президенту Трумэну. Сталин, напротив, говорил спокойно, коротко, рублеными фразами, которые его молодой переводчик Павлов немедленно переводил на энергичный английский. В ходе дискуссий Сталин демонстрировал чувство юмора, никогда не был агрессивным, а скорее прямым и целеустремлённым»³⁶.

Между тем борьба по вопросу освобождённой Европы продолжалась с неухаживающей силой. Условности были отброшены, навязанная американцами дискуссия пошла по принципу «моё — это моё, а о твоём можно поспорить». США постарались добиться ускоренной нормализации международного положения Италии, где американцев всё устраивало, и продолжали требовать «перемен» в Болгарии и Румынии. Дело дошло до того, что американская делегация предложила подписать два отдельных документа с рекомендациями по Италии и другим странам-сателлитам Германии, в то время как советская выступала за единый документ. Англичане в свою очередь мотивировали свою неготовность установить дипломатические отношения и согласиться с вступлением Румынии и Болгарии в ООН тем, что правительства этих стран представляли, мол, «коммунистическое меньшинство».

Это выглядело как откровенное давление Запада на страны Восточной Европы, а использование в этих целях вопроса их международного признания было равнозначно отказу им в легитимности. Дипломатический торг подошёл к опасной черте. На такой основе компромисс был невозможен. Нарастающее раздражение чувствовалось и в реакции главы советской делегации. Ему пришлось назвать вещи своими именами. У Италии, говорил он, имелись большие грехи перед Россией, итальянские войска вторглись на Украину, воевали на Дону и Волге вместе с вермахтом — «так далеко они забрались в глубь нашей страны». Но Сталин предлагал союзникам не руководствоваться чувством обиды или мести. «В политике надо руководствоваться расчётом сил», — заметил он.

Поэтому он предложил перейти к политике облегчения положения бывших союзников Германии всех вместе и начать с восстановления дипломатических отношений с ними, имея в виду страны Восточной Европы, так как

с Италией к этому времени дипломатические отношения уже установили США и СССР. «Могут возразить, что там нет свободно избранных правительств, — говорил он. — Но нет такого правительства и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены, нет таких правительств во Франции в Бельгии, однако ни у кого нет сомнений по вопросу дипломатических отношений с этими странами»³⁷.

Тем не менее западные партнёры продолжали упорствовать в занятой позиции. Американцы задавали тон, а англичане выступали в их поддержку. Вопрос грозил торпедировать всю конференцию. 24 июля, когда в Потсдам пришёл подробный отчёт о ядерном испытании, в тоне Трумэна послышались металлические нотки. «Я уже несколько раз говорил, что мы не можем восстановить дипломатические отношения с этими правительствами до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным»³⁸, заявил он в ходе восьмого заседания. В ответ на этот ультиматум в духе известной американской формулы «my way or high way — по-моему или никак» Сталин, не отвечая президенту в его же безапелляционной манере, заблокировал вопрос о легитимизации положения в Италии, отказав ей в поддержке при вступлении в ООН, и наотрез отказался присоединиться к американскому проекту резолюции.

В конечном счёте после хождения по кругу и топтания на месте участникам удалось найти «резиновую» дипломатическую формулу, которая, при всей её расплывчатости, всё-таки не допускала откровенной дискриминации указанных стран. В протоколе конференции было записано, что правительства трёх держав, «каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами». Это трудно было назвать твёрдым обязательством со стороны западных партнёров, скорее расплывчатым соглашением, которое оставляло почву для дальнейшей борьбы за страны Восточной Европы в ходе подготовки с ними мирных договоров. Разработкой этих договоров предстояло заняться созданному решением конференции Совету министров иностранных дел (СМИД) пяти держав — СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. Советской делегации, должно быть, уже тогда стало ясно, что Запад не отказался от

борьбы за Восточную Европу и будет стремиться ограничить влияние там Советского Союза. Каждая сторона защищала своих клиентов, что ясно говорило о появлении первых признаков будущего раскола Европы.

Не менее остро в Потсдаме проходило и обсуждение польской проблемы, которая в годы войны наиболее полно вместила в себя межсоюзнические противоречия по послевоенному устройству. Политическая ситуация в Польше, приход к власти там просоветских сил, не устраивала Лондон и Вашингтон, особенно с учётом 6-миллионной польской диаспоры в США, большей частью враждебно настроенной к Советскому Союзу. Но в тот момент, не отказываясь от борьбы за Польшу, им пришлось под давлением обстоятельств пойти на признание Польского временного правительства расширенного состава на основе ялтинской формулы и прекратить отношения с польским правительством Арцишевского в Лондоне. Черчилль даже заявил в начале работы конференции: «Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы сказать, как я рад улучшившемуся положению в Польше за последние два месяца»³⁹. Свои надежды на укрепление в Польше позиций своих сторонников американцы и англичане связывали с предстоящими в Польше выборами.

В связи с этим большое значение приобрел в Потсдаме вопрос о закреплении новой западной границы Польши, лишь в самых общих чертах согласованный союзниками в Крыму. По существу это был вопрос о суверенитете и государственности Польши, возрождавшейся после нацистской оккупации в новых территориальных границах. Для Советского Союза это был также чувствительный вопрос его территориальной безопасности, связанный с послевоенным миром в Европе и созданием прочных гарантий против новой агрессии со стороны Германии. Не случайно Сталин любил говорить, что вопрос о Польше — это «вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Скорее всего, в силу комплекса этих причин вопрос о западной границе Польши был превращён союзниками в предмет острого «политического торга». Новая западная граница рассматривалась ими как большой шаг навстречу послевоенной Польше, политическая ситуация в которой им была ещё не ясна до проведения там выборов и могла, как они считали, эволюционировать в любую сторону. 29 июля Трумэн угрожающе заявил, что «поляки не могут получить всего, чего они хотят, что и так он делает

им большую уступку». Важно было склонить маятник в сторону Запада. Поэтому президент Трумэн первоначально вообще предложил отложить признание польско-германской границы по Одру — Нейсе до мирной конференции, что противоречило согласованному в Ялте с его предшественником решению о переносе польской западной границы путём «приращения» польской территории на севере и западе.

Трумэн, словно не ведая о том, кто стал первой жертвой германской агрессии, мотивировал свой отказ тем, что это ущемит интересы Германии, лишит её четверти пахотных земель и угольных ресурсов и тем самым помешает выплате ею репараций. Последнее должно было рассматриваться как сигнал в сторону Сталина. Черчилль был ещё более категоричен. «Я считаю, что поляки не имеют право взять себе эту часть Германии»⁴⁰, — заявил он в ходе заседания 21 июля. Это вызывало в памяти его оскорбительную для поляков шутку в Крыму о том, «как бы польский гусь не умер от несварения желудка».

Реакция Сталина была юридически взвешенной и опиралась на достигнутые в Ялте решения по Польше и конкретное положение дел, которое сложилось в результате наступательных операций Красной армии, повлёкших за собой массовый исход немецкого населения с этой территории в глубь Германии. Кроме того, он предпринял неожиданный ход и предложил пригласить в Потсдам польскую правительственную делегацию для выяснения её мнения. Мол, нужно было соблюсти демократические приличия и спросить мнение заинтересованных лиц, а не действовать за их спиной. С этим трудно было спорить, поэтому вопрос приобрел невыгодную Лондону и Вашингтону публичность в глазах польского общественного мнения.

Естественно, приглашённые на конференцию поляки, независимо от их политических взглядов, с жаром отстаивали общенациональные интересы. «Размен» территорий, можно сказать с высоты времени, был выгоден Польше. Намечившемуся согласию уже не могли помешать попытки англичан оставить поле для дальнейшего торга и навязать полякам границу по Восточной Нейсе. В конечном счёте, вопрос был решён на компромиссной основе в пользу поляков. Хотя окончательное решение было отложено до мирного урегулирования, в протоколе конференции было чётко указано, что под управление Польского государства переходили

бывшие германские земли к востоку от линии рек Одер — Западная Нейсе.

Потсдамская конференция куда в большей степени, чем другие саммиты «большой тройки», была отмечена жёстким дипломатическим торгом, как в больших вопросах, так и в малых. Борьба шла буквально по каждому пункту повестки дня. Трумэн и Бирнс, приехавшие на конференцию с мыслью «не уступать русским», широко практиковали тактику «пакетных» соглашений или увязок между собой порой не связанных проблем с целью выторговать для США наилучшие условия.

Главным средством давления на Советский Союз и получения от него существенных уступок стала репарационная проблема и другие вопросы, представлявшие жизненно важный интерес для истощенной войной советской экономики. Если Рузвельт на межсоюзнических встречах любил пускаться в длинные рассуждения о благодарности советскому народу за принесённые им жертвы на алтарь победы, то для Трумэна, известного своей кровожадной фразой в начале войны о пользе для США уничтожения русских и немцев «как можно больше», моральная сторона вопроса просто не существовала.

Трудно сказать, на что рассчитывали на конференции большие прагматики Сталин и Молотов, когда пытались пробудить у своих партнёров сочувствие к положению советского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. Во всяком случае, эта грустная, если не сказать жалостливая тема, не раз поднималась с советской стороны на переговорах при обсуждении репарационной проблемы. Стоит привести отдельные высказывания с советской стороны на этот счёт, обращенные к западным партнёрам. Сталин на заседании 25 июля: «Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение ещё хуже (чем Великобритания — А. Б.) Мы потеряли несколько (!) миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России». Молотов неоднократно напирал на то, что война обошла стороной территорию Соединённых Штатов и нанесла колоссальный ущерб Советскому Союзу⁴¹.

Едва ли сказанное советскими вождями было способно разжалобить прожженных западных политиков, зато лишний раз подтверждало оценки их экспертами бедственного положения СССР после войны и укрепляло их

в мысли использовать это положение к своей выгоде. Получается, что в традициях «янки-купца» в Потсдаме закладывалась схема на весь послевоенный период отношений как с Советским Союзом, так и позднее с Россией. Только запрашиваемая цена, чаще всего, оказывалась выше того, что могло позволить уважающее себя государство.

Если в Крыму Рузвельт по подсказке Гопкинса пошёл навстречу интересам СССР и согласился принять цифру в 20 млрд долл. как основу для взыскания репараций с Германии, из которых 10 млрд причиталось бы Советскому Союзу, то Черчилль, не желая связывать себе руки, отказался это сделать. В Потсдаме и Трумэн, ссылаясь на то, что положение проигравшей войны Германии оказалось якобы намного тяжелее прогнозов, также отошёл от взятых его предшественником обязательств. За спиной президента стояла фигура крупного калифорнийского нефтепромышленника Э. Поули — американского представителя в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве, деятельность которого завела проблему репараций в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно. Один из членов американской делегации отмечал, что первые шаги Поули «ясно показали Советам, что в действительности его предложения преследовали цель ревизовать ялтинские договоренности»⁴².

Экономический блок проблем в Потсдаме оказался самым запутанным и, наверное, именно поэтому менее всего изученным в отечественной литературе. Репарационная проблема была, конечно, центральной, но не единственной. Вместе с ней в тугой узел увязывались и другие экономические вопросы, требовавшие справедливого решения — германского золота, активов, ценных бумаг и инвестиций за рубежом, немецкого военного и торгового флота. При их обсуждении кипели сильные страсти, просматривались интересы крупных западных корпораций и их довоенные связи с немецкой промышленностью. В этой области в переводе на дипломатический язык наиболее ощутимо проявились различия между государственной экономикой СССР и рыночной экономикой Запада.

Ради получения немецких репараций, прежде всего столь нужного стране промышленного оборудования, советская сторона отказалась от получения германских активов, инвестиций, ценных бумаг в западных зонах оккупации, что, ко всему прочему, было, вероятно, связа-

но с трудностями состыковать их с командной советской плановой экономикой, а также от так называемого германского золота, награбленного со всей Европы. «Мы потеряли страшно много оборудования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить», — говорил Сталин на заседании 31 июля, когда обсуждалась репарационная проблема⁴³.

Ради осязаемых немедленных выгод, которые в конечном счёте оказались весьма скромными, он был готов пойти навстречу Западу в интересующих его вопросах. Скорее всего, советские эксперты сталинской школы, не закончившие «капиталистических академий» и сменившие тех ветеранов, которые умело манипулировали цифрами на Генуэзской конференции, плохо себе представляли подлинную ценность так называемых активов, которые выглядели чем то отвлеченным по сравнению с конкретным оборудованием. Поэтому изумлению сталинским великодушием среди западных политиков не было предела, когда обсуждалась эта группа вопросов. Какое-то время они даже не могли поверить в свою удачу. Представление даёт состоявшийся обмен мнениями по этим вопросам 1 августа, накануне закрытия конференции.

Бирнс докладывает конференции, что в предварительном порядке на уровне министров советские представители согласились отказаться от претензий в отношении германских заграничных активов, золота, захваченного у немцев, и акций германских предприятий в западных зонах. При этом было добавлено, что если сказанное предварительно не будет подтверждено официально, то уже согласованные проценты изъятия промышленного оборудования из западных зон будут неприемлемы для США и Англии. В разговор включается Сталин, который говорит, что касается германских инвестиций в Восточной Европе, то они сохраняются «за нами», а всё остальное остаётся «за вами».

Трумэн не может поверить сказанному. «Речь идёт только о германских инвестициях в Европе или и в других странах?» — уточняет он. Сталин: «Я скажу ещё конкретнее: германские инвестиции, которые имеются в Румынии, Болгарии, Венгрии, и Финляндии, сохраняются за нами». Наступает черед англичан выразить изумление советской широтой. Сменивший Идена на посту английского министра иностранных дел Бевин, переспрашивает: «Германские инвестиции в других странах сохраняют-

ся за нами?» Сталин: «Во всех других странах, в Южной Америке, в Канаде и т. д. — это всё ваше». В это невозможно поверить, и Бевин на глазах теряет самообладание: «Следовательно, все германские активы в других странах, расположенных к западу от зон оккупации Германии, будут принадлежать США, Великобритании и другим странам? Это также относится и к Греции?» — вопрошает он. Следует короткое сталинское «да».

Ошеломлённый Бевин, всё ещё не в силах поверить в услышанное, на время уступает трибуну Бирнсу. Того интересует, как это относится к вопросу об акциях германских предприятий. Сталин отвечает, что «в нашей зоне они будут у нас, в вашей зоне — у вас». Бирнс не успокаивается и добивается полной ясности. Он напоминает, что советское предложение накануне американцы поняли так, что СССР не будет претендовать на акции в западной зоне. Сталин снова коротко подтверждает: «Не будем». Бирнсу тем не менее это кажется невероятным. «Если предприятие находится не в Восточной Европе, а в Западной Европе или в других частях света, то это предприятие остаётся за нами?» — вопрошает он. Дело начинает приобретать какой-то сюрреалистический характер. На Западе хорошо знают, что с собственностью так легко не расстаются. Сталин отвечает на поставленный вопрос: «В США, в Норвегии, в Швейцарии, в Швеции, в Аргентине (общий смех) и т. д. — это всё ваше».

Между тем приходит в себя Бевин и вновь назойливо уточняет, готов ли мол генералиссимус отказаться от всех претензий по германским заграничным активам, которые находятся вне зоны русских оккупационных войск. Сталин терпеливо подтверждает: «Готов отказаться». В разговор опять вмешивается Бирнс, мол, а как в отношении золота? Сталин бросает: «Мы уже сняли наши претензии на золото». Бирнса всё ещё продолжает мучить вопрос, как понимать советское предложение об активах Германии в других странах. Сталин в который уже раз поясняет: «Мы оставляем за собой только те, которые находятся в восточной зоне». Более того, Сталин успокаивает партнёров, добавляя, что жертвы гитлеровской агрессии, Чехословакия и Югославия, сюда не войдут, а восточная половина Австрии войдёт. Потерявший от русской щедрости ориентиры, Бевин выставляет себя на посмешище собравшимся. «Ясно, что активы, принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты», — полувопроситель-

но говорит он. Реакция Сталина под громкий общий смех молниеносная: «Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем»⁴⁴.

Смех-смехом, но на фоне разорённой страны сталинская щедрость, выглядевшая как пренебрежение интересами своего народа, казалась по меньшей мере странной и озадачивающей. Было ли это издержками личной дипломатии вождя, возражать которому никто не решался, что потом на советском партийном жаргоне получит ярлык субъективизма, или Сталин руководствовался реальным «расчётом сил», как он любил говорить? Советские внутренние подготовительные документы к конференции не дают ответа на этот вопрос. Вполне возможно, что это явилось импровизацией «на месте», когда выяснилось, что иначе будет трудно решить крайне волнующую СССР проблему репараций, особенно с учётом советского желания получить германское оборудование по максимуму «сразу и немедленно» не только из восточной, но и из западной зон.

Допустима и другая догадка, что в условиях по существу уже разделённого мира, живущего каждый по своим законам, единственной гарантией победителя получить «своё» являлось присутствие армии на захваченной территории. Примером явились действия войск союзников, нарушивших в ходе военных действий согласованные в ЕКК границы советской оккупационной зоны в Тюрингии и Саксонии. Победённую Германию стали буквально рвать на части. Причём тон задавали те, кого война коснулась в меньшей степени. Из советской зоны, «пока не пришли русские», которые в это время штурмовали Берлин, за спиной доблестного союзника подготовленные заранее специальные команды под руководством большого ненавистника большевиков, полковника американской контрразведки из русских эмигрантов Бориса Паша (Пашковского) начали эшелонами вывозить не принадлежащее им высокотехнологичное оборудование, научные кадры, дефицитное сырьё, прежде всего, уран, и многое другое. Подготовленная Жуковым по прямому указанию Сталина справка на этот счёт выглядела просто ошеломляющей и, положенная на стол конференции, заставила Трумэна оправдываться и обещать вернуть украденное у союзника⁴⁵.

В этой связи, продолжая начатый разговор, германская собственность в той или иной движимой или недвижимой форме вне зоны прямого советского контроля при всем её заманчивом объёме не имела практической ценности в гла-

зах хозяина Кремля и могла послужить разменной монетой при решении более конкретных и, как тогда казалось, более насущных вопросов. Это, кстати говоря, и получило подтверждение в дальнейшем с наступлением холодной войны, когда, несмотря на все уступки Сталина на конференции, добиться от западных держав выполнения репарационных поставок из западных зон в существенных масштабах так и не удалось.

В протоколе конференции было зафиксировано, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей. Конкретная сумма репараций при этом по настоянию западных держав опускалась. Кроме того, Советскому Союзу полагалась дополнительно 15 % оборудования из западных зон в счёт эквивалентных по стоимости поставок сельскохозяйственных и сырьевых товаров из своей зоны и 10 % оборудования из западных зон без каких-либо оплаты или возмещения.

Нельзя не отметить известное противоречие между принципами и практикой обращения с Германией в оккупационный период. Если на декларативном уровне провозглашалось обращение с Германией как с единым экономическим целым, то решение репарационной проблемы предполагалось осуществить, в основном придерживаясь зонального принципа, что хотя явилось единственным выходом из создавшегося положения, но вместе с тем сеяло первые семена будущего раскола Германии сперва на западную и советскую зоны, а затем и на два сепаратных государства.

Частью решения вопроса о захваченной победителями германской добыче являлся и вопрос о немецком военном и торговом флоте. Здесь Сталин, мыслящий предельно конкретными категориями, не собирался уступать и настойчиво добивался получения Советским Союзом его законной доли, как бы ни старался Черчилль под надуманными предлогами отсрочить это решение. Интернированный англичанами немецкий флот казался им удобным средством давления в дипломатической игре в Потсдаме. В первый же день работы конференции Сталин затронул этот вопрос, спросив Черчилля, что называется прямо «в лоб», почему он отказывает русским в получении их доли германского флота. Черчилль попробовал уклониться от прямого ответа, пустившись рассуждать на тему о том, что было бы лучше:

потопить флот или его разделить. На это Сталин твёрдо заявил, что флот надо разделить, ну а если Черчиллю угодно, то он может потопить свою долю. Ошеломлённый, как он вспоминал, сталинским натиском, британский премьер-министр угрожающе ответил, что «в настоящее время почти весь германский флот в наших руках». Сталин откликнулся многозначительной фразой: «В том-то и дело, в том-то и дело». Начало было, что и говорить, многообещающим, хотя «козырь» в руках Черчилля в итоге оказался слабоват. Флот пришлось разделить, и не по-братски, а поровну, как говорилось в подписанном протоколе, «между СССР, Соединённым Королевством и Соединёнными Штатами» не позднее, чем 15 февраля 1946 года⁴⁶.

Советская делегация противилась «увязке» различных вопросов между собой и их размерам, настаивая на рассмотрении и решении вопросов по существу на основе их собственного веса и значения. Тактика «увязывания», которую практиковали на конференции американцы и которой особенно увлекался Бирнс, как бывший сенатор, переносилась из стен американского конгресса на дипломатические переговоры. Внешне это выглядело крайне цинично и по-торгашески в духе грубоватой американской поговорки «scratch me back and I'll scratch yours — почешу спину мне, а я почешу тебе», а на самом деле навязывало новый купеческий стиль европейской дипломатии. Поражала удивительная прямолинейность, с которой американцы ворвались в формировавшуюся веками европейскую политику.

Высоко ценивший рафинированную манеру поведения Рузвельта, Сталин не принимал новый американский стиль ведения переговоров. В ходе одиннадцатого заседания конференции Бирнс, которому Трумэн всё чаще передоверял излагать американскую позицию, заявил, что американские предложения по вопросу о репарациях были внесены как часть общих предложений, касающихся трёх спорных вопросов — о репарациях, о западной границе Польши и о приглашении стран-сателлитов в Организацию Объединённых Наций. «Все эти вопросы связаны между собой», — заявил он. Делегация США, продолжал Бирнс, заявила, что она идёт на уступки в отношении западной границы Польши и допуска в ООН при условии достижения соглашения по всем трём вопросам. Сталин тут же резко возражает: «Они не связаны друг с другом, это разные вопросы». Однако Бирнс не унимается и, чувствуя за собой

поддержку президента, повторяет, что США не согласятся пойти на уступки в отношении польской границы, «если не будут достигнуты соглашения по двум другим вопросам».

Здесь сталинскому терпению приходит конец. По всем меркам это выглядело как примитивный шантаж на уровне провинциальных американских торговцев. Остаётся только удивляться сдержанной силе сталинского ответа: «Г-н Бирнс здесь предлагал, чтобы все эти три вопроса были связаны в одно целое. Я понимаю его точку зрения: он предлагает такую тактику, которую он считает целесообразной. Вносить такие предложения — это право каждой делегации, но советская делегация, независимо от этого, будет голосовать по каждому из этих вопросов отдельно»⁴⁷. Конечно, дипломатия — это игра по принципу «give and take» (давать и брать). На практике в Потсдаме советской делегации приходилось уступать по второстепенным вопросам, чтобы добиться согласия в более важных и принципиальных. Но неудачи конференции не желал никто, и поэтому участникам приходилось искать и находить компромиссы.

Хотя Вторая мировая война велась ради высоких идеалов, целей, принципов и свобод, закреплённых в Атлантической Хартии, на самом деле она, как и свойственно большим войнам, привела к изменению геополитической карты мира и его переделу. Вопрос заключался в том, удастся ли победителям осуществить этот передел упорядоченно дипломатическим путём в ходе конференции в Потсдаме на основе взаимной кооперации или новые противоречия, уже заявившие о себе, помешают им это сделать. Победа разжигала аппетиты держав-победителей. И СССР не был исключением. Каждая сторона, оценивая свой вклад в победу, отстаивала свои интересы и считала, что она заслуживает большего. В истории войн не было такого, чтобы победитель удовлетворился восстановлением довоенного статус-кво. Исключением были те, кому не нашлось места за столом конференции или кто оказался в лагере побеждённых.

В Москве с удовлетворением отмечали, что в ходе предварительного дипломатического зондажа западные партнёры положительно отнеслись к ряду территориальных вопросов, волновавших советских руководителей за пределами зоны их непосредственного влияния. Речь шла, например, в давних традициях русской дипломатии, об изменении невыгодного СССР статуса черноморских проливов и получении там права иметь военную базу, о восстановле-

нии утерянных Россией прав по итогам Первой мировой войны на некоторые территории на Кавказе (Тао-Кларджетия — грузинский Лазистан и Карская область), о получении СССР своей доли колониального наследства, в частности заявленной с советской стороны претензии на управление итальянскими колониями и др. В западной литературе эти советские планы обычно рассматривались как примеры «коммунистической» или «имперской» экспансии, хотя при этом замалчивались или обходились стороной ещё более амбициозные программы США и Великобритании по переделу мира в свою пользу или удержания временно оккупированных территорий.

Разногласия в этой связи между победителями не замедлили проявиться в Потсдаме, когда Сталин затронул вопрос об итальянских колониях в Африке. Реакция Черчилля, когда затрагивались британские имперские интересы, была по обыкновению весьма болезненной и сводилась к тому, что «британская армия одна завоевала эти колонии» и поэтому, мол, вопрос был исчерпан. Возмущённый такой откровенной британской жадностью, Трумэн смог лишь выдохнуть: «Все?». Реакция Сталина под общий хохот собравшихся за столом была ещё более характерной: «А Берлин взяла Красная Армия».

Черчилль, почувствовав, что оказался в меньшинстве, попробовал уйти в сторону. Он пустился в рассуждения, что рассматривался якобы вопрос о том, не подойдут ли некоторые из итальянских колоний для расселения там евреев. В это время на Западе как раз обсуждался вопрос о создании «национального очага» для выжившего после гитлеровского холокоста еврейского населения. Однако Сталин вернул Черчилля к сути вопроса, потребовав от него указать, каким государствам итальянские колонии будут переданы под опеку, если Италия, как заявил в британском парламенте Иден, их потеряла. Черчилль вновь уклонился от ответа, и вопрос был передан на обсуждение министрам иностранных дел⁴⁸.

В Кремле, может быть, несколько самонадеянно исходили из того, что СССР становился после войны глобальной державой и мог встать в один ряд с другими «владыками морей», и его флот, правда, который ещё только предстояло построить, в дальнейшем будет заинтересован в выходе в Средиземное море и в мировой океан. Это остро ставило вопрос о пересмотре конвенции в Монтрё о режиме проливов, которая обрекала советский черноморский флот

на зависимое от Турции положение, а также о получении в проливах Босфор и Дарданеллы советской военной базы. Как заявил своим собеседникам Сталин, права Советского Союза по конвенции в Монтрё такие же, как права японского императора. Кроме того, с советской стороны на конференции был поставлен вопрос и о том, что в случае заключения с Турцией союзного договора, что предложила сама Анкара, СССР должен был вернуть себе территории Карса и Ардагана, утерянные в период революционной смуты и распада Российской империи.

Это была азартная игра Сталина, переоценившего свои возможности и недооценившего противодействие своих англо-саксонских союзников, взявших под защиту Турцию. По этому вопросу не было единства и в советском руководстве, в частности против осторожно выступал Молотов, если верить его пенсионным откровениям, хотя и вынужден был проводить линию вождя. «Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили... Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки... В последние годы Сталин немножко стал зазнаваться, и мне во внешней политике приходилось требовать то, что Миллюков требовал — Дарданеллы! Сталин: «Давай, нажимай! В порядке совместного владения». Я ему: «Не дадут». — «А ты потребуй!»⁴⁹. Победа явно вскружила голову тому, кто считал важным руководствоваться в политике голым «расчётом сил», а на деле нередко проявлял склонность к внешнеполитическим авантюрам.

Первым вновь на советские претензии весьма остро среагировал Черчилль. На протяжении веков Турция была камнем преткновения между двумя империями, так как контролировала ворота британской Индии и выход на Ближний Восток — зону жизненно важных колониальных интересов Лондона, подкреплённых после войны возросшей ролью нефти в мировой политике. В английском Форин Офисе обеспокоенно говорили, имея в виду присутствие также советских войск в Иране, что Россия после войны «трётся» о Британскую империю. Поэтому Черчилль без всякой дипломатии заявил, что он не сможет «поддержать предложение о создании русской военной базы в проливах» и не думает, «чтобы Турция согласилась с этим предложением». Так начинался путь, который меньше чем через два года привёл Англию к передаче своих полномочий по охране «стратегического

перекрёстка» «старшему брату», взявшего под опеку Турцию и Грецию под флагом «доктрины Трумэна», чтобы остановить советское продвижение, как боялись в Вашингтоне, к ближневосточной нефти.

Но тогда в Потсдаме до этого было ещё далеко, и американцы предприняли неожиданный ход, предложив Сталину объединить вопрос о проливах с вопросом о «международных внутренних водных путях». Конкретно, речь шла о том, чтобы объявить судоходство по Дунаю и Рейну полностью свободным в духе нового издания доктрины «открытых дверей» для Европы, как в своё время это было сделано в XIX веке в отношении Китая под лозунгом «свободы торговли» и «равных возможностей». Судя по всему, американское предложение в увязке с проливами застигло Сталина врасплох и сразу же насторожило. Он интуитивно почувствовал в нём скрытый подвох и тут же спросил, о каких конкретно водных путях идёт речь. Трумэн с обезоруживающей прямоотой ответил «о всех», что означало, что американцы имеют в виду страны Европы, расположенные по Дунаю и Рейну. Тем более, что идея Трумэна предусматривала создание «временных навигационных органов», в которых американцы, разумеется, собирались играть не последнюю роль. Было ясно, что Америка не рассталась с идеей «подвинуть» Советский Союз в зоне его главных интересов. Тут было над чем задуматься. Глава советской делегации не хотел импровизировать и попросил таймаут⁵⁰. Как он любил говорить, «на слух хорошо, но надо вчитаться».

В итоге, вся трудолюбиво выстраиваемая советской дипломатией новая геополитическая конструкция дала трещину. Такой размен Москве был невыгоден. Баланс интересов был нарушен. Трумэн продолжал настаивать, чтобы эти два вопроса были рассмотрены вместе, и Сталин пришёл к выводу, что в отношении проливов не удастся достичь соглашения, «поскольку наши взгляды весьма расходятся», как заявил он. Все последующие назойливые попытки американцев вернуться к обсуждению представленного ими документа о «свободной и неограниченной навигации по международным внутренним путям» успеха не имели. Сталин в несвойственной ему резкой и раздражённой форме даже отказался включить этот вопрос в коммюнике конференции. «Нет в этом нужды», — сказал он Трумэну, как отрезал, вложив в эти слова всю свою обиду на неблагодарность союзника. «Вопрос о водных путях, — заметил

он, — возник в качестве бесплатного приложения к вопросу о проливах. И почему отдаётся такое предпочтение вопросу о внутренних водных путях перед вопросом о проливах, я не понимаю»⁵¹. Сухим остатком для Советского Союза в этой части переговоров явилось, пожалуй, лишь окончательное решение вопроса о присоединении к СССР части Восточной Пруссии с городом Кёнигсбергом, согласованное ещё в Крыму. С этим спорить союзникам было невозможно. Там стояли советские войска.

В научных кругах до сих пор идут споры, прав был Сталин или нет, отстаивая интересы Советского Союза за счёт проигравших войну стран. Считается, что это было «вызовом» Западному миру, ускорившим наступление холодной войны и усугубившим тяготы послевоенного восстановления для советского народа. Получается, что одним победителям было можно, а другому, внесшему основной вклад в победу, было нельзя. Логика прямо надо сказать, по меньшей мере, странная и односторонняя. В некоторых столицах ею руководствуются и по сей день, без тени смущения считая, что положено одним, то не положено другим. Выходило так, что «мавр своё дело сделал» и больше был не нужен. На самом деле в истории войн не было такого случая, чтобы победитель удовлетворился восстановлением довоенного статус-кво. Сталин играл по правилам, принятым в то время, и понимал политику как «искусство возможного», хотя при этом и допускал просчёты.

Война заканчивается не только тогда, когда похоронен последний погибший солдат, но и когда её зачинщики наказаны по заслугам. Тема справедливого суда над нацистскими преступниками присутствовала в Потсдаме, так как параллельно между тремя державами шла интенсивная подготовка к работе Международного Военного Трибунала над главарями нацистской Германии в Нюрнберге. Всю войну Рузвельт и Черчилль состязались между собой в кровожадности в отношении неизбежной расправы над Гитлером и его преступной кликой. В Каире (1943 год) они пришли к выводу, что нацистских преступников следовало расстреливать «на месте» без суда и следствия. На второй Квебекской конференции (1944 год) они договорились о «немедленной ликвидации» главарей Третьего рейха. Черчилль считал, что следовало просто расстрелять первую сотню нацистских вождей. Он мрачно шутил, что готов проявить великодушие и увеличить время с момента обнаружения крупного нациста до его расстрела с 1 до 6 часов.

В таком настроении Черчилль приехал в Москву в октябре 1944 года и с удивлением обнаружил, что его воинственность там не поддерживают. Информировав Рузвельта о своих переговорах со Сталиным, Черчилль удивленно сообщал: «Дядя Джо повёл себя неожиданно сверхреспектабельно». Мол, «не должно быть никаких казней без суда, иначе мир решит, что мы боимся процессов». Я указал на трудности в международном праве, но он повторил, что не должно быть смертных казней без суда», — телеграфировал в Вашингтон Черчилль⁵². Настроения западных союзников начали меняться только под воздействием общего переосмысления ими ситуации в Европе и назревающей смены политической парадигмы по принципу «друзья — враги». Это уже можно было почувствовать в ходе обсуждения темы военных преступлений в Потсдаме.

Вопрос, сам по себе, вроде бы, представлялся очевидным, но неожиданно между союзниками возникли разногласия при его обсуждении. Англичане и американцы неожиданно выступили против упоминания конкретных имён военных преступников и предложили оставить это на усмотрение главного обвинителя трибунала американского судьи Р. Джексона, вокруг имени которого в США создан подлинный культ нестигаемого борца с фашизмом. Утверждалось, что упоминание конкретных имён якобы могло помешать работе трибунала, хотя имена главных нацистов были и так у всех на слуху. В действительности, к тому моменту американцы ещё не решили как быть с некоторыми немецкими промышленниками и финансистами, которые привели Гитлера к власти и создали его военную машину, а поэтому тянули время. Многие из них имели тесные связи с крупными американскими корпорациями, чьи имена могли всплыть в ходе процесса и вызвать нежелательный общественный резонанс. Как несколько позднее инструктировал американского обвинителя заместитель министра обороны США Р. Паттерсон, «не может быть и речи о том, чтобы позволить русским судить промышленников ввиду многочисленных связей между германскими и американскими эконо- миками до войны, так как это создаст велико- лепную возможность скомпрометировать США в ходе процесса»⁵³.

Трудно сказать, знал ли Сталин об этих тайных озабоченностях своих коллег, когда решительно озвучил советскую точку зрения. «Имена, по-моему, нужны, — заявил он. —

Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовём других». Брошенный камень, судя по всему, попал в цель. Трумэн вынужден отшучиваться: «Все они мне не нравятся», — говорит он под общий смех. Сталин, между тем, продолжает гнуть свою линию и берётся за англичан. Его «поражает», почему заместитель Гитлера Гесс, чей полёт в Лондон в канун войны вызвал сильное замешательство в Кремле и подозрения в новом англо-германском сговоре, сидит в Англии на всём готовом и не привлекается к ответственности. Бевин вынужден оправдываться и обещает предать его суду. Добившись требуемого эффекта, Сталин предлагает не позднее чем через месяц опубликовать первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников. Все соглашаются.

Добавим, что суд над промышленниками так никогда и не состоялся. Старика Круппа фон Болена, 75-летнего пушечного короля, крестного отца «Большой Берты», обстреливавшей в годы Первой мировой войны Париж, нашли в его поместье в Австрии и, после медицинского освидетельствования с участием советских врачей, сочли невменяемым. А дело его сына Альфреда по настоянию англичан, и несмотря на возмущение французов, было отложено в долгий ящик. «Финансовый гений» Третьего рейха Яльмар Шахт, обеспечивший Гитлеру неограниченный «кредит» на Западе перед войной, несмотря на протесты советского обвинения, пользовался особым расположением западной Фемиды.

В секретных инструкциях, направленных из Москвы советским обвинителям в Нюрнберге, говорилось: «Шахт — ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо буквально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и применения смертной казни. Доводы: а) Шахт прямо помогал Гитлеру прийти к власти; б) он организовал финансовую поддержку фашистов, включив в это немецких капиталистов; в) Шахт организовал и осуществлял финансирование агрессии Германии против других стран; г) ссылки Шахта на якобы отход его от Гитлера и уход в оппозицию материалами дела не подтверждены и являются желаемым предположением тех, кто пытается спасти Шахта...»⁵⁴

Один из американских следователей на процессе Ф. Адамс свидетельствовал, что на английского судью Дж. Лоуренса сильное дав-

ление оказал специально прибывший в Нюрнберг управляющий Английским банком Монтегю Норманн, известный «умиротворитель» гитлеровской Германии и довоенный приятель Шахта. «Мы считали, — повествовал Адамс, — что Норманн убедил Лоуренса, что банкиры не могут быть преступниками»⁵⁵. В итоге Шахт был полностью оправдан и освобождён в здании суда.

Война привела в движение огромные массы людей, лишила их привычной мирной жизни, изломала их судьбы. Многие из них оказались в лагерях для военнопленных по обе стороны фронта. Долгое время трагедия советских людей, репатриированных на родину после фашистской неволи и оказавшихся в сталинском Гулаге», оставалась запретной темой. Эта тема, обрастая вымышленными и невымышленными подробностями, занимает видное место в современном историческом дискурсе.

В Потсдаме вопрос о скорейшем возвращении советских военнопленных домой был поставлен с советской стороны в связи с имевшимися фактами препятствования этому со стороны властей союзников. В ответ на сбивчивое объяснение Черчилля, Сталин заметил в ходе восьмого заседания глав правительств: «Мы обязаны в этих случаях по договору оказывать друг другу помощь и не мешать гражданам возвращаться на родину, а, наоборот, помогать им возвратиться домой»⁵⁶.

Речь шла о соглашениях с США и Великобританией, подписанных 11 февраля 1945 года во время Крымской конференции относительно военнопленных и гражданских лиц, освобождённых войсками союзников. Соглашения предусматривали мероприятия для защиты, содержания и репатриации военнопленных и гражданских лиц, освобождённых союзными вооружёнными силами, вступившими в Германию. Дело было в том, что советские военнопленные, как правило, содержались немцами в западной Европе, оккупированной союзниками, а военнопленные США и Великобритании — на территории, освобождённой Красной армией. Разумеется, их количество было не сопоставимо и основная масса была представлена попавшими в плен советскими военнопленными.

Судя по тону ряда памятных записок, отправленных советской стороной в адрес американской и английской делегаций в ходе Потсдамской конференции в отношении содержания и репатриации советских военнопленных, этот

вопрос становился серьёзным «яблоком раздора» в отношениях между союзниками. В представленных документах указывалось, например, что в британском лагере в Италии из советских военнопленных в количестве 10000 чел., а не 150, как первоначально сообщала британская сторона, была сформирована целая дивизия, командный состав которой был подобран из немецких офицеров. При этом выяснилось, что лица, желавшие вернуться на родину, как указывалось, «подвергались плохому обращению, вплоть до избиений». Такие же трудности, судя по другим представлениям с советской стороны, чинились британскими властями в Норвегии и в самой Англии в отношении выходцев из прибалтийских республик и областей Западной Украины и Белоруссии, которые содержались вместе с немецкими военнопленными и к которым советские представители не допускались⁵⁷.

В дополнение к вопросу о военнопленных с советской стороны в ходе предпоследнего заседания «большой тройки» 1 августа был поставлен вопрос о враждебной СССР деятельности белоэмигрантов и других лиц и организаций в американской и английской зонах оккупации в Германии и Австрии. Дело осложнялось тем, что многие военнопленные и интернированные, а не только бывшие власовцы и белоэмигранты вроде атамана Краснова, сотрудничавшие с нацистами по доброй воле или по принуждению, не проявляли желания вернуться на родину, зная, что их ждёт там. Сталинские слова, сказанные в начале войны, чтобы остановить массовую сдачу в плен, что «нет военнопленных, а есть предатели», не были забыты.

В ряде случаев союзники оказывались в сложном положении, вынужденные, чтобы не обострять отношения с СССР и памятуя о своих собственных военнопленных в руках советских властей, передавать чуть ли не силой некоторых советских граждан, оказавшихся в немецком плену, советским спецслужбам. Это, конечно, не означает, что не шла активная вербовка советских военнопленных, их запугивание репатриацией на родину и принуждение наиболее ценных кадров остаться на Западе. Словом, это была великая человеческая трагедия на заключительном этапе войны, которая напоминала о себе ещё многие годы и десятилетия.

По сообщению уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова, только к 7 сентября 1945 года западными союзниками было выдано 2 229 552 человека, а всего по итогам 1945 года,

после советского дипломатического нажима в Потсдаме, было освобождено и репатриировано 5 236 130 советских граждан⁵⁸.

Характерно, что в Потсдаме не было ни устных, ни письменных жалоб на положение западных военнопленных, освобожденных в немецких лагерях Красной армии. Некоторые из них, как, например, хорошо известный случай с отцом бывшего американского посла в России уже в наши дни Дж. Байерли, после освобождения умудрились даже повоевать в рядах Красной армии, прежде чем вернуться домой. Этих жалоб и быть не могло, потому что к тому времени советские власти, действуя с опережением графика, уже в основном завершили репатриацию военнопленных союзников. Их основная масса, большей частью американцы, выезжали через транзитный пункт в Одессе. Несмотря на трудности и неразбериху военного времени и разные представления о бытовом комфорте, советские власти не стремились превратить этот вопрос в средство давления на союзников. Как признавал глава американской военной миссии в Советском Союзе генерал Дин, которого трудно было заподозрить в избытке симпатий к русским, «условия, созданные советской репарационной комиссией в Одессе, были настолько хорошими, насколько можно было ожидать. Хотя они создавались на ходу, но неуклонно улучшались на протяжении всего периода пребывания там наших солдат»⁵⁹.

Начало ядерного века

Английский дипломат Гарольд Никольсон говорил о международных конференциях, что они «начинаются как черепахи и кончаются как гончие». Потсдамская конференция тоже шла к своему финалу в ускоренном и уплотнённом режиме. Одним вопросам подводилась окончательная черта, другие давали богатую пищу для размышлений на будущее. В тугой политический узел сплелись обретенная американцами атомная бомба и предстоящая на Дальнем Востоке решающая схватка с Японией. Вовлечённым в этот новый алгоритм оказался и Советский Союз, придерживавшийся в годы войны пакта о нейтралитете с Японией.

Американцев раздирали противоречия. С одной стороны, только что успешно испытанная бомба вроде бы давала им дополнительный шанс самостоятельно, без русской помощи, справиться с японцами и тем самым лишить Сталина его доли трофеев, то есть возможности претендовать на участие в управлении побеж-

дённой Японией. Но, с другой стороны, машина уже была запущена и без большого скандала и риска её трудно было остановить, да и бомба ещё не была испытана в боевых условиях и, кто знает, могла неожиданно дать осечку. Во всяком случае, американские военные продолжали придерживаться консервативной стратегии и считали, что с учётом возможности переброски миллионной Квантунской армии из северного Китая на японские острова, «с русскими всё-таки было надёжнее, чем без русских». К ним вынужден был прислушиваться Трумэн.

При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме, зная уже об успешном испытании в США нового оружия, он, тем не менее, по собственной инициативе поставил вопрос о вступлении СССР в войну против Японии. «Трумэн говорит, — гласит советская запись беседы, — что дела у союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась английская помощь. Но США ожидают помощи от Советского Союза. Сталин отвечает, что Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит своё слово. Трумэн выражает своё удовлетворение по этому поводу...» В тот же день Трумэн записал в своем дневнике: «Конец япошкам (в оригинале *japs* — А. Б.), когда это произойдет»⁶⁰.

Мало того, Сталин думал о том, как ускорить начало боевых действий против японцев, видимо (тут мнения расходятся), чтобы произвести хорошее впечатление на американцев своей оперативностью и верностью союзническому долгу или же чтобы успеть попасть в число победителей в войне против Японии и тем самым окончательно легализовать обещанные ему в Ялте территориальные приобретения. Легко себе представить, что было бы, продолжай Советский Союз сохранять свой нейтралитет и придерживаться советско-японского пакта, как надеялись японцы. Под вопросом могла оказаться, особенно в свете послевоенной истории, вся схема, как сказал бы князь Горчаков, «улучшенного статус-кво» на Дальнем Востоке. А это было крайне рискованно и могло лишить СССР плодов победы.

Поэтому 16 июля, т. е. ещё накануне беседы с Трумэном и официального открытия конференции, Сталин позвонил из Потсдама в штаб советских дальневосточных войск близ Читы маршалу А. М. Василевскому. Сталина интересовал ход подготовки операции и возможность переноса сроков наступления на десять дней ранее. Маршал А. М. Василевский, командуя-

щий советскими войсками на Дальнем Востоке, сославшись на большие организационные трудности, ответил отрицательно и просил не менять первоначальный план. Смирившись с военной необходимостью, Сталин согласился оставить все без изменений. Хотя Верховный Главнокомандующий воздержался от разъяснения мотивов, вызвавших его вопрос, маршал Василевский заключил, что он руководствовался «общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американо-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии»⁶¹.

Играл ли в этом военно-политическом раскладе какую-то роль фактор атомной бомбы? Если «да», то скорее всего, психологическую. Советская разведка дважды информировала Москву о сроках предстоящего испытания в Аламогордо — первый раз 13 июня и второй — 4 июля. Однако, как свидетельствует генерал Судоплатов, «мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применяют ядерное оружие против Японии»⁶². Вероятно, в умах даже прагматиков из разведки не укладывалось, что в шаге от победы, когда судьба Японии была уже решена, может быть принято решение об использовании против неё столь бесчеловечного сверхоружия. Между тем, ещё в июне, то есть задолго до полигонных испытаний, военными в Вашингтоне был подготовлен список из пяти японских городов, в качестве целей для нанесения атомных ударов. Древняя японская столица Киото, где когда-то военный министр Стимсон проводил свой медовый месяц, была по его прямому распоряжению вычеркнута из списка.

Во всяком случае, Сталин перед первой встречей с Трумэном уже знал, что американцы добились большого успеха и вырвались вперёд в ядерной гонке. Как отмечал участвовавший в советском «урановом проекте» Серго Берия, «о взрыве в пустыне под Аламогордо первого американского атомного устройства Сталин узнал — и это уже не секрет — до встречи с Трумэном. О результатах испытания, полученных американцами, Иосифу Виссарионовичу доложил лично мой отец». Сын Берии вспоминал, что Сталин был очень недоволен, его раздражение было понятно: американцы нас опередили. В довольно резкой форме он поинтересовался, как обстоят дела у нас. Берия — старший доложил, явно приукрашивая реальную ситуацию

и отводя от себя гнев вождя, что нам потребуется ещё год-два, поскольку советский проект находился на том уровне, который не позволял ответить на вызов американцев раньше»⁶³.

Сталинское недовольство и раздражение было легко понять. После 22 июня 1941 года это было по существу второе по значимости и своим стратегическим последствиям фиаско Советского государства, находившегося на пике военной славы и могущества. Причём два события невидимой нитью были связаны между собой. Взвалив на свои плечи в силу трагических предвоенных ошибок своего руководства непосильную ношу главного врага фашизма, страна, естественно, не могла позволить себе отвлекать средства от срочных военных нужд на перспективные цели завтрашнего дня. Если американцы в разгар войны «вбухали» в свою программу 2 млрд долларов, что, по тем временам, было колоссальной суммой, и превратили страну, как говорил Нильс Бор, в одну большую фабрику, на которой над созданием бомбы работали 130 тыс. человек, то советские создатели ядерного оружия получили в 1942 году из правительственной казны на исследовательские цели и приобретение оборудования за рубежом 30 тыс. рублей.⁶⁴ Не говоря уже о том, что в США, а не в СССР, чему были свои серьёзные причины, связанные со сталинскими порядками, бежали, спасаясь от нацистской угрозы, лучшие научные умы в мире. Над созданием бомбы в Лос-Аламосе трудились 12 нобелевских лауреатов. Стоило ли удивляться результатам. Только тогда, когда бомба стала мрачной реальностью и «грубо и зримо» вторглась в мировую политику, на её создание в СССР были брошены неограниченные средства за счёт жизненных нужд народа.

Поэтому, когда через несколько дней после начала конференции, Трумэн после долгих колебаний «созрел» для того, чтобы поставить в известность своего боевого союзника о появлении у американцев «нового оружия сверхразрушительной силы», Сталин был уже к этому готов. Существует много версий этой исторической беседы как на одной, так и на другой стороне. Больше всего небылиц наговорили американцы, пользуясь тем, что в советское время любая откровенность на столь деликатную тему, к тому же связанную с именем вождя, находилась под жесточайшим запретом. Отсюда и возникли различные версии этой беседы «накоротке» после официального заседания в исполнении Трумэна, Бирнса,

Черчилля — от утверждений, что советский лидер «ничего не понял» из сказанного ему до якобы его пожелания применить бомбу против японцев. На самом деле, сталинская невозмутимость и нежелание поддерживать предложенную как бы случайную беседу объяснялись лишь тем, что Сталин был уже «в теме» и не считал нужным помогать американцу запоздало соблюсти приличия в отношении союзника. Поэтому он, внимательно выслушав Трумэна, ограничил свою реакцию лишь сдержанным «спасибо», как об этом повествует находившийся с ним маршал Жуков, и не стал продолжать беседу. И так всё было ясно. Надо было как можно быстрее навёрстывать упущенное.

Потсдамская конференция явилась первым сигналом для Москвы, что американцы постараются максимально ограничить советское участие в дальневосточных делах и, прежде всего, в управлении послевоенной Японией. Соответствующий сигнал был дан при подготовке и подписании Потсдамской декларации с требованием безоговорочной капитуляции Японии. Формально СССР, не участвовавший в войне с Японией, мог и не подписывать эту декларацию с требованием в адрес японских милитаристов сложить оружие. Но в Москве считали, что будет правильнее продемонстрировать единство с союзниками в дальневосточных делах и поэтому обратились с просьбой к американцам отложить подписание Декларации до ознакомления с ней Советского правительства. Однако США под надуманным предлогом отказались это сделать и передали текст декларации уже тогда, когда он был отправлен в прессу для публикации. Тем самым СССР был поставлен перед свершившимся фактом. Сталин был возмущен таким отношением и не преминул назвать вещи своими именами. Сообщив союзникам в ходе десятого заседания об очередной просьбе японцев к СССР о посредничестве, он сказал: «Хотя нас не информируют, как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях».

Бирнс объяснил это Молотову так после очередного заседания «большой тройки» 27 июля: «Декларация не была представлена Молотову раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией и президент не хотел создавать затруднения для Советского правительства»⁶⁵. В этом, по-дипломатически безукоризненном ответе, заключалось копившееся всю войну раздражение американ-

цев в отношении советской политики соблюдения строгого нейтралитета в войне на Дальнем Востоке. Американцы всегда очень не любили, когда кто-то оказывался находчивее их, даже если это и шло на пользу общему делу. После капитуляции Японии будут отброшены и дипломатические приличия. Когда Молотов в беседе с Гарриманом попытается заикнуться об участии СССР в оккупации Японии и о желательности наделения маршала Василевского такими же полномочиями, какими обладал американский командующий генерал Макартур, ему было сказано в довольно грубой форме, что США воевали четыре года, а Советский Союз всего лишь четыре дня, а хочет иметь такие же права, как Соединённые Штаты. Американцы не собирались ни с кем делиться плодами победы на Дальнем Востоке. На это, правда, можно было ответить, что за четыре дня Советскому Союзу удалось сделать уж никак не меньше, чем США за четыре года.

В американском массовом сознании прочно укоренилась мысль о том, что именно бомба спасла многие человеческие жизни и решила судьбу Японии, положив конец Второй мировой войне. Парадоксально, но такого взгляда на прошлое придерживаются и японцы. Если для США это служит моральным оправданием первого и единственного применения атомного оружия по мирным целям, то с Японии снимает позор капитуляции как единственно возможного и продиктованного гуманными соображениями решения в тех условиях. Между тем истина, как известно, в деталях, а точнее говоря, в их точном и последовательном изложении. В наши дни, спустя много лет после описанных событий, в солидном американском журнале «Форин Полиси» появилась статья под характерным заголовком «Не бомба победила Японию, а Сталин»⁶⁶. Её автор У. Уилсон аргументировано доказывает, что ни угрозы со стороны Трумэна «стереть Японию в порошок», ни ядерные бомбардировки Хиросимы 6 августа и 9 августа Нагасаки не заставили японскую военщину сложить оружие. Вот как на самом деле выглядели те исторические события, подводившие черту Второй мировой войне.

Весной и летом 1945 года американские ВВС проводили вслед за воздушными налётами в Германии столь же безжалостную и масштабную воздушную операцию по уничтожению японских городов. Первая бомбардировка с применением обычных средств была проведена против Токио в ночь с 9 на 10 марта

1945 года. Тогда в Токио, городе в основном деревянном, сгорел примерно 41 квадратный километр городской территории. Примерно 120000 японцев погибли.

Всего бомбардировкам подверглись 68 городов Японии, и все они были частично или полностью разрушены. Примерно 1,7 миллиона человек остались без крыши над головой, 300000 человек погибли, а 750000 получили ранения. 66 авиационных налетов проводились с применением обычного оружия, а в двух использовались атомные бомбы. Японцам всячески внушалась мысль, что бомбардировок не следовало бояться и что они лишь укрепляют моральный дух нации.

Бомбардировщик В-29 мог нести бомбовую нагрузку весом от 7 до 9 тонн. Обычно налет совершали 500 бомбардировщиков. Это значит, что при авианалете с применением неядерных средств поражения на каждый город падало 4–5 килотонн в ядерном эквиваленте. Напомним, что мощность хиросимской бомбы составила 16,5 килотонны, а сброшенная на Нагасаки — 20 килотонн, то есть по своей разрушительной силе ядерные и неядерные авианалёты были сопоставимы.

Разумеется, атомная бомба с её радиационным излучением и другими смертельными последствиями отбрасывает мрачную тень. Общепринято считать, что бомбардировка Хиросимы была куда страшнее. Но по количеству гражданского населения, погибшего в каждом из 68 городов в результате бомбежек летом 1945 года, Хиросима стоит на втором месте. А по площади уничтоженных городских кварталов — на четвертом. Что касается процентной доли разрушений в городах, то Хиросима окажется вообще на 17-м месте.

За три недели до Хиросимы, то есть параллельно с работой Потсдамской конференции, ВВС США совершили налеты на 26 японских городов. Из них восемь были разрушены либо полностью, либо сильнее, чем Хиросима. Всё это как-то не вяжется с тем утверждением, что причиной капитуляции Японии стали бомбардировки Хиросимы и последовавшей за ней 8 августа Нагасаки. Возникает законный вопрос: если Япония капитулировала из-за разрушения одного города, то почему она не капитулировала, когда были уничтожены 66 других городов?

Людям свойственно переносить их сегодняшние заблуждения на события прошлого. Это нарушает исторический контекст и приво-

дит к смысловым искажениям. Неоспоримый факт, что Вторая мировая война велась конвенциональным оружием. Последствия применения ядерного оружия ещё до конца не были осмыслены, хотя работы над ним велись, между прочим, и в Японии. Подтверждением может послужить такой, ранее неизвестный драматический эпизод, рассказанный автору этих строк генералом М.И. Ивановым, во время войны майором и заместителем резидента ГРУ в Токио, выходившим на связь с легендарным Зорге.

Сразу же после бомбардировки Хиросимы, из Москвы был получен приказ немедленно отправиться «на место» и оценить последствия взрыва. Потребовалось некоторое время, прежде чем разведчик вместе с напарником, смогли добросовестно выполнить приказ и подробно доложить в центр о страшной картине, увиденной собственными глазами. Его боевой товарищ вскоре после этого умер от лучевой болезни, а он сам долго болел, но чудом остался жив, и у него через двадцать лет после прогулки по радиоактивному пеклу даже родилась дочь. Спустя годы после войны на полках можно было увидеть его книгу о японском империализме.

Азиаты японцы не были варварами, в годы войны они сами активно занимались ядерными исследованиями, но полагались на традиционные средства войны. Если японцев не поставили на колени беспощадные бомбежки их городов и даже после атомной бомбардировки Хиросимы они не выкинули белый флаг, что же тогда их заставило капитулировать? Ответ только один: Советский Союз.

После поражения гитлеровской Германии и её европейских союзников Япония оказалась в безвыходной стратегической ситуации, один на один с коалицией великих держав. Но её сухопутная армия по-прежнему отличалась высокой боеспособностью и сильным моральным духом. Под ружьем было почти четыре миллиона человек, из которых 1,2 миллиона отвечали за оборону Японских островов. Эти войска были сосредоточены в основном на юге, на острове Кюсю, откуда ожидалось американское вторжение. Боевой дух самураев не был сломлен, и американцы понимали, что, в случае высадки, планировавшейся на начало ноября, их ждёт кровавая баня.

Поэтому японская верхушка в оставшееся время очень надеялась выторговать для себя почётные условия капитуляции, но для этого важно было удержать от вступления в войну Советский Союз. На заседании Высшего сове-

та ещё в июне 1945 года его участники пришли к выводу, что если Советы вступят в войну, «это определит судьбу империи». Заместитель начальника штаба японской армии Кавабэ на том совещании заявил: «Поддержание мира в наших отношениях с Советским Союзом это непереносимое условие продолжения войны»⁶⁷. Японцы ошибочно исходили из того, что Сталин не был заинтересован в усилении США на Дальнем Востоке и, пользуясь своим нейтральным статусом, захочет сыграть роль посредника в тихоокеанской войне, чтобы не допустить полного разгрома Японии.

Эти расчёты рухнули, когда 8 августа в соответствии с взятыми обязательствами СССР объявил войну Японии и присоединился к Потсдамской декларации. «Когда русские вошли в Маньчжурию, они просто смяли некогда элитную армию, и многие их части останавливались лишь тогда, когда заканчивалось топливо», — пишет в своей статье У. Уорд. Вслед за быстрым разгромом Квантунской армии последовал стремительный десант советских войск на Южный Сахалин, а в двухнедельный срок планировалось осуществить вторжение на остров Хоккайдо, самый северный из японских островов. Шансов у Японии больше не оставалось. 15 августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии. И причиной явилась, как справедливо отмечает У. Уорд, не атомная бомба, а стремительное наступление советских войск.

* * *

Потсдамская конференция подвела черту Второй мировой войне и обозначила исторический рубеж между войной и миром. Вместе с тем она отразила новую ситуацию, возникшую в мире в результате победы стран антигитлеровской коалиции над блоком государств-агрессоров. Ценой миллионов человеческих жизней и колоссальных разрушений одни глобальные противоречия были разрешены, другие только начинали заявлять о себе в связи с изменением геополитической карты мира, его новым переделом и столкновением интересов между победителями во Второй мировой войне.

В целом участникам Потсдамской конференции удалось на время, впрочем, весьма недолгое, смягчить наметившиеся разногласия и не допустить открытого разрыва между собой. Тогда ещё трудно было в полной мере

оценить подлинные масштабы и глубину этих разногласий, так как открыто не заявили о себе идеологические факторы, придававшие будущей конфронтации окраску религиозных войн. Стороны предпочитали договариваться там, где это было возможно, проявляли ещё известную терпимость и гибкость, понимание интересов друг друга и откладывали «на потом» трудные вопросы. Хотя об «атмосфере одной большой семьи», по выражению Рузвельта в Крыму, говорить уже не приходилось, не было ещё и открытой враждебности и воинственности, ставшими отличительной чертой холодной войны. Видимо поэтому перед расставанием с партнёрами Сталин, отдавая дань традиционной союзнической вежливости, сдержанно заявил: «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной»⁶⁸.

Трудно сказать, какие мысли в действительности переполняли кремлёвского победителя, когда он, как оказалось, в последний раз в своей жизни пожимал руку Трумэну и Черчиллю в Берлине. Настроение у него не было, во всяком случае, столь же приподнятым, как в Крыму. Может быть, когда кругом царил праздничное настроение и народ заслуженно мог позволить себе расслабиться и передохнуть после военного лихолетья, его жестокий политический опыт и изощрённый аналитический ум подсказывали ему, что впереди страну вновь ждут нелёгкие времена, новый виток гонки вооружений и конфронтации, если не уступить давлению Запада.

Власти вновь придётся «закручивать гайки», требовать от людей идеологической «непримиримости» и дисциплины по законам жизни во враждебном «капиталистическом окружении», чтобы нищий народ-победитель смог без передышки мобилизовать оставшиеся силы на восстановление страны и создание «атомного щита». Все расчёты на «экономическую помощь» Запада не подтвердились, потому, что цена этой помощи оказалась слишком высока в глазах Кремля и затрагивала плоды победы и основы советской системы. А, может быть, ему стало известно, что президент Трумэн пребывал в раздражённом состоянии и в узком кругу приближённых (прослушка, как всегда, работала безупречно) клялся «никогда не иметь больше дело с русскими». Кто знает, может быть, поэтому, когда Трумэн перед закрытием конференции выразил надежду на скорую новую встречу, Сталин с нотками сомнения в голосе откликнулся: «Дай Бог».

¹ Berlin I. Personal Impressions. N.Y., 1981, pp. 156–155.

² Tony Judt. Postwar. A History of Europe since 1945. London. 2007, p. 118.

- ³ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945. (in two volumes). Volume 1. Washington. 1960, p.13. Далее: FRUS. The Berlin Conference...
- ⁴ T. Judt, op. cit., p. 117
- ⁵ Defending the West. The Truman–Churchill Correspondence, 1945 — 1960. Westport. 2004, p. 57.
- ⁶ См. подробнее: Piers Brendon. The Decline and Fall of the British Empire. 1781–1997. London. 2007, pp. 372–414.
- ⁷ Benn Steil. The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keynes, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton Univ. Press. 2013, pp. 292–298.
- ⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1983. Т. 2, стр. 416.
- ⁹ Margaret Truman. Harry S. Truman. New York. 1973, p. 283.
- ¹⁰ John Lewis Gaddis. We Now Know. Rethinking Cold War History. New York, 1996, p. 32.
- ¹¹ The Memoirs of Harry S. Truman. Vol. 1. The Year of Decisions. N.Y. 1955 p. 411.
- ¹² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. 1941–1945 гг. Изд. 2., М., 1976, т. 2, стр. 250.
- ¹³ См. подробнее: В.О. Печатнов. На излёте «великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце второй мировой войны (по новым документам). «Новая и новейшая история», № 3, 2013 г., стр. 18.
- ¹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 2, стр. 367.
- ¹⁵ Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N.Y., 1975, pp. 474–475.
- ¹⁶ Albert Speer. Inside the Third Reich. N.Y., 1970, p. 303
- ¹⁷ См. В.И. Лота. Ключи от ада. Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав. М., 2009, стр. 72, 188–189, 192.
- ¹⁸ См. подробнее: Дэвид Ирвинг. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка второй мировой войны. 1944–1945. М., 2005.
- ¹⁹ См. Александр Борисов. Уроки второго фронта, или могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки. М., 1989.
- ²⁰ Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996, стр. 215.
- ²¹ Джим Бэггот. Тайная история атомной бомбы. М., 2011, стр. 374–375.
- ²² Ф. Чуев. Молотов: полудержавный властелин. М., 2002. стр. 102, 115. См. также Ф. Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
- ²³ П. Судоплатов. Разведка и Кремль, стр. 204.
- ²⁴ См. Anne Applebaum. Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956. Doubleday. 2012; Лоуренс Рис. Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012.
- ²⁵ De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, The Soviet Union and the Cold War. 1933–1947. Chicago, 1980, p. 148.
- ²⁶ А. Ю. Борисов. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983, стр. 251.
- ²⁷ The Truman Presidency. The Origins of the Imperial Presidency and The National Security State. Ed. by A. Theoris. N.Y., 1979, p. 123.
- ²⁸ Советско-английские отношения во время Великой отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. М., 1983, стр. 386.
- ²⁹ См. А. Ю. Борисов. Так начиналась «холодная война». М., 1983, стр. 80.
- ³⁰ Г. К. Жуков. Указ соч., стр. 369.
- ³¹ Richard Rhodes. The Making of the Atomic Bomb. N.Y. 1986. p. 658, 685. Полный текст самого документа см: FRUS. The Berlin Conference, p. 1360.
- ³² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сборник документов. М., 1980, стр. 42. Далее: Берлинская конференция...
- ³³ T. Judt. Op. cit., p. 125.
- ³⁴ Берлинская конференция... стр. 66.
- ³⁵ Там же, стр. 81.
- ³⁶ <http://www.spartacus.schoolintt.co.uk/2WWpotm.htm>
- ³⁷ Берлинская конференция... стр. 102.
- ³⁸ Там же, стр. 181.
- ³⁹ Там же, стр. 64.
- ⁴⁰ Там же, стр. 133.
- ⁴¹ Там же, стр. 197.
- ⁴² Yergin. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston. 1977. p. 430.
- ⁴³ Берлинская конференция... стр. 251, 253.
- ⁴⁴ Берлинская конференция... стр. 272–276.

- ⁴⁵ Там же, стр. 392–399.
- ⁴⁶ Там же, стр. 54.
- ⁴⁷ Там же, стр. 250.
- ⁴⁸ Там же, стр. 141. См. подробнее: Алексей Чичкин. Неизвестные союзники Сталина. 1940–1945 гг. М., 2012, стр. 42–82.
- ⁴⁹ Ф. Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым, указ. соч., стр. 102–103.
- ⁵⁰ Берлинская конференция... стр. 144, 158.
- ⁵¹ Там же, стр. 286.
- ⁵² T. Bower. Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany — A Pledge Betrayed, London. 1981. pp. 82, 84.
- ⁵³ Ch. Higham. Trading with the Enemy. An Expose of the Nazi-American Money Plot. 1933–1949, New York. 1983. p. 232.
- ⁵⁴ Архив внешней политики СССР. (Референтура по Германии). ф. 082. оп. 32, п. 2. д. 3. л. 9; см. также: А. Ю. Борисов. Нюрнберг-2. О несостоявшемся суде над спонсорами нацизма. В сб. Нюрнбергский процесс: уроки истории. М. 2007.
- ⁵⁵ T. Bower. Blind Eye to Murder, p. 347 см. также: G. Walden. How Hitler Lost a Demented Wager Made in Money, Guns and Blood. Bloomberg. 2006; Яльмар Шахт. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011.
- ⁵⁶ Берлинская конференция... стр. 189.
- ⁵⁷ Там же, стр. 362, 428, 445.
- ⁵⁸ См. Юрий Цурганов. Белоэмигранты и вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010, стр. 223–224.
- ⁵⁹ J. Deane. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation With Russia. New York. 1947, p. 265.
- ⁶⁰ Берлинская конференция... стр. 43. Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. Ed. by R. Ferrel. New York. 1980. p. 53.
- ⁶¹ А. М. Василевский. Дело всей жизни. 5 изд-е. М., 1984, стр. 468–469.
- ⁶² П. Судоплатов. Разведка и Кремль, стр. 203–204.
- ⁶³ В. Г. Обухов. Уран для Берии. Восточный Туркестан в Атомном проекте Кремля. М., 2010. стр. 91.
- ⁶⁴ См. В. И. Лота. Ключи от ада, стр. 72.
- ⁶⁵ Берлинская конференция... стр. 218, 222.
- ⁶⁶ Ward Wilson. The Bomb Didn't Beat Japan... Stalin Did. Have 70 Years of Nuclear Policy been based on a Lie? «Foreign Policy», May 29, 2013.
- ⁶⁷ Ibidem.
- ⁶⁸ Берлинская конференция... стр. 300.

Потсдамский финиш

В. П. Терехов

Красная армия овладела Берлином 2 мая 1945 г. после мощного двухнедельного штурма. Война заканчивалась, но агония гитлеровского рейха продолжалась еще несколько дней. Преемник Гитлера адмирал Дёниц всё еще надеялся заключить сепаратное перемирие с англо-американским военным командованием, продолжая в то же время удерживать восточный фронт. Началась частичная капитуляция отдельных соединений вермахта перед западными союзниками. Сдавались армиями, корпусами, дивизиями. 5 мая в штабе Эйзенхауэра в Реймсе появились адмирал Фридебург, а затем начальник штаба ОКВ генерал Йодль с предложением Дёница провести переговоры о капитуляции на западном фронте. Последующие события привели к бурным объяснениям между союзниками и, в конечном счете, к подписанию Акта о капитуляции Германии дважды — 7 мая в Реймсе, а затем, в ночь с 8 на 9 мая, — в Берлине.

Как пишет в своих мемуарах Эйзенхауэр, в ответ Дёницу было сообщено, что речь может идти только о полной, общей и безоговорочной капитуляции без каких-либо промедлений с целью вывести за западную линию фронта как можно больше немецких войск. Было назначено время подписания протокола о капитуляции (7 мая в 2 часа 30 мин.) и направлена информация Советскому военному командованию с предложением назначить своего представителя для участия в подписании Акта о капитуляции. Был уведомлен и начальник советской военной миссии генерал И. Сулопаров, также направивший запрос в Москву¹.

К назначенному времени подписания документа ответ из Москвы получен не был. И. Сулопаров оказался перед трудным выбором. Союзники не хотели откладывать назначенную процедуру, хотя было бы корректно и разумно дождаться результатов согласования с советской стороной. Генерал решил всё же подписать протокол, но с примечанием о возможном подписании другого, более совершенного документа.

В Реймсе Акт о капитуляции подписали Альфред Йодль и Ганс фон Фридебург. От имени союзников поставили свои подписи американский генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит, генерал Иван Сулопаров и за Францию генерал Франсуа Севез. Вслед за этим И. Сулопаров получил инструкцию из Москвы — «ничего не подписывать». Но дело было сделано, и надо было исправлять ситуацию. Учитывая роль СССР в разгроме гитлеровской Германии, было вполне естественным провести подписание Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил в Берлине в более представительной обстановке и на более высоком уровне, чем это было в Реймсе. Договоренность на этот счет была достигнута между руководителями союзных государств, обменявшимися срочными личными посланиями.

Подписание Акта о военной капитуляции (документ называется именно так) состоялось в Берлине 9 мая в 0 часов 43 минуты по московскому времени (22 часа 43 минуты 8 мая по центрально-европейскому времени). В нем говорилось о согласии Германского Верховного Командования «на безоговорочную капи-

* Терехов Владислав Петрович — профессор кафедры дипломатии МГИМО.

туляцию всех германских вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил» и определялись вытекающие из этого Акта действия.

От имени Германского Верховного Командования Акт подписали Кейтель, Фридебург и Штумпф в присутствии: по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной армии Маршала Советского Союза Г. Жукова, по уполномочию Верховного Командования экспедиционными силами союзников Главного Маршала авиации Теддера. При подписании также присутствовали в качестве свидетелей: командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, главнокомандующий Французской армией генерал Делатр де Тассиньи². В развитие Акта о безоговорочной капитуляции Европейская консультативная комиссия подготовила Декларацию о поражении Германии, подписанную 5 июня 1945 г. маршалом Г.К. Жуковым, генералом Д. Эйзенхауэром, фельдмаршалом Монтгомери и генералом Делатр де Тоссиньи.

В Декларации, в частности, говорилось:

«Германские вооруженные силы на суше, на море и в воздухе потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали, и Германия, которая несет ответственность за войну, не способна больше противостоять воле держав-победительниц. Тем самым безоговорочная капитуляция Германии осуществлена, и Германия поставила себя в зависимость от таких требований, которые могут быть сейчас или впоследствии ей навязаны».

Отмечалось, что «в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц».

В связи с этим декларировалось:

«Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики настоящим берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть. Взятие на себя такой власти, прав и пол-

номочий для вышеуказанных целей не является аннексией Германии.

Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики впоследствии установят границы Германии или любой части ее, а также определят статут Германии или любого района, который в настоящее время является частью германской территории.

В силу верховной власти, прав и полномочий, взятых на себя четырьмя правительствами, представители союзников объявляют следующие требования, возникающие из полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии, которые Германия обязана выполнить»³.

Далее в 15 статьях подробно излагались действия, которые необходимо предпринять для осуществления задач и целей оккупации Германии. Многие вопросы послевоенного урегулирования были решены или предreshены в ходе Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г., на заседаниях Европейской консультативной комиссии (ЕКК), учрежденной в соответствии с решением Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. (Представитель Франции включился в её работу в ноябре 1944 г.).

Помимо Декларации о поражении Германии и переходе верховной власти в руки правительств четырех держав, в рамках ЕКК было выработано Соглашение о контрольном механизме в Германии, а также Соглашение о зонах оккупации. В конце июля было подписано Соглашение о некоторых дополнительных требованиях к Германии. Тем не менее оставалось много вопросов, требующих решения на высшем уровне.

Третья и последняя в таком формате встреча глав правительств СССР, США и Великобритании открылась в Потсдаме под Берлином 17 июля 1945г. Уинстон Черчилль предлагал провести конференцию раньше, в середине июня. Предстояли парламентские выборы в Великобритании, и британский премьер хотел предстать перед избирателями в ореоле не только военных, но и дипломатических побед. Но ему не удалось уговорить президента Трумэна, только что вступившего на свой пост и желавшего тщательно подготовиться к встрече с союзниками. К тому же в Вашингтоне ожидали результа-

тов готовившегося испытания первой атомной бомбы, рассчитывая, что успех сделает позицию США на переговорах неуязвимой и позволит диктовать любые свои условия. Черчилль तो-ропился не зря. Выборы он проиграл и был вынужден в ходе конференции уступить место за столом переговоров своему сопернику, лидеру лейбористов Эттли.

На завершающем этапе войны после ялтинской конференции, после смерти президента Рузвельта и в первые послевоенные месяцы в отношениях между союзниками всё отчетливее стали звучать тревожные нотки, проступать признаки напряженности, сигнализовавшие о серьезных расхождениях во взглядах на послевоенное мирное устройство. На Западе постепенно возвращались к прежнему восприятию Советского Союза как идеологического и геополитического противника, потребность в сотрудничестве с которым исчерпывалась с окончанием войны.

В новых условиях Советский Союз представлял в сознании значительной части американского и британского истеблишмента как угроза демократическим устоям и самому существованию социально-экономической и политической системы на Западе. Пугало то, что в результате победы влияние Советского Союза распространилось на значительную часть Восточной и Центральной Европы, его популярность, как главного победителя в войне с фашизмом, выросла на всем европейском континенте и за его пределами. Противодействие «советской угрозе» становилось центральной политической и пропагандистской задачей для правящих кругов на Западе.

Насколько серьезно воспринималась эта угроза, показали мероприятия британских военных властей на оккупированной части Германии и разработки военных стратегов в Лондоне весной 1945 г. После того как армии западных союзников вышли к границам Германии, германские войска перестали оказывать им существенное сопротивление, откатываясь всё дальше на восток и, в то же время, наращивая сопротивление наступающей Красной армии. Фашистское руководство всё ещё не теряло надежд на то, что удастся столкнуть союзников, когда они войдут в непосредственное соприкосновение, и договориться с США и Великобританией о начале нового этапа войны — совместного с ними выступления против Советского Союза. Надежды призрачные. Открытый союз с фашистским режимом в то время ни США, ни

Великобритания позволить себе не могли. Однако варианты «вытеснения» Советского Союза из Восточной Европы прорабатывались уже весной 1945 г.

Рассекреченные и опубликованные в конце 90-х годов материалы личного архива Черчилля содержат весьма примечательный документ. Это доклад Штаба объединенного планирования Военного кабинета Великобритании под названием «Операция „Немыслимое“». Доклад разрабатывался весной 1945 г. Окончательный вариант доклада датируется 22 мая 1945 г. Этот многостраничный документ представляет собой детально разработанный план войны против СССР с участием вооруженных сил США и Великобритании, а также нерасформированных немецких дивизий. Целью плана было не только вытеснение СССР из Восточной Европы, но и нанесение Советскому Союзу «решающего поражения» и оккупация советской территории вплоть до Волги. Датой начала операции определялось 1 июля 1945 г.

План операции «Немыслимое» был направлен Комитету начальников штабов Великобритании, который представил 8 июня 1945 г. Черчиллю свое заключение, подписанное начальником имперского генерального штаба фельдмаршалом А. Бруксом и начальниками штабов ВМС и ВВС. Заключение было отрицательным. В нём говорилось: «Если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане»⁴.

Прочитав план с оценкой генштаба Черчилль отправил его в архив, но одновременно дал поручение разработать детальный план защиты Великобритании на случай продвижения Красной армии до Северного моря и Атлантики. Но и это не потребовалось. Советский Союз не имел таких намерений.

Как мы видим, разум вроде бы возобладал. Однако британские власти долгое время после капитуляции Германии не расформировывали германские части и складировали их вооружение, держа их фактически в состоянии боевой готовности. Таков был приказ из Лондона. Лишь после настойчивых обращений советской стороны немецкие солдаты были переведены в положение военнопленных.

Было ли известно советскому руководству о разработке плана «Немыслимое»? Вопрос остается открытым. Можно предположить, что какие-то сведения в Москве были. И это во многом объясняет настойчивость, с которой проводилась операция по взятию Берлина. Она стоила огромных жертв. Но они могли неимоверно возрасти, если бы «немыслимое» стало реальностью.

Открывшаяся в Потсдаме конференция руководителей трех держав начиналась, таким образом, в условиях, когда у её участников накопилось немало причин для взаимных подозрений и опасений. Особенно у советской стороны. В то же время обстановка после окончания войны в Европе, положение в Германии и в других странах, затронутых войной, требовали скорейшего принятия согласованных решений, определявших направление их мирного развития и надежного мироустройства на континенте.

Конференция руководителей трех держав проходила во дворце Цецилиенхоф в пригороде Берлина Потсдаме. В период с 17 июля по 2 августа 1945 г. состоялись 13 заседаний глав правительств СССР, США и Великобритании, двусторонние встречи, многочисленные встречи министров иностранных дел и экспертов, в рамках которых были выработаны соглашения, содержание которых изложено в подписанных И. В. Сталиным, Гарри Трумэном и К. Р. Эттли «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» и в «Протоколе Берлинской конференции трех великих держав».

Центральное место в этих документах занимает раздел «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период». Провозглашалось, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». Подчеркивалось, что «Союзники не намерены уничтожать или ввергать в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой

цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира»⁵.

Изложенные в принятом конференцией документе политические принципы предусматривали денацификацию, демилитаризацию и демократизацию Германии, что включало упразднение и запрещение нацистской партии и всех связанных с ней организаций, ликвидацию всей военной машины со всеми её организациями, ассоциациями и учреждениями, контроль союзников над вооружениями или их уничтожение, а также предотвращение их производства, последовательную реконструкцию германской политической жизни на демократической основе.

Экономические принципы предписывали декартелизацию экономики, уничтожение германского военного потенциала, производства вооружения, военного снаряжения, всех типов самолетов и морских судов. Германская экономика нацеливалась на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления. Подчеркивалось, что в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое и с этой целью должна проводиться общая политика в соответствующих сферах экономической жизни. Предусматривалось создание с этой целью общегерманских департаментов (финансов, внешней торговли, промышленности и транспорта) во главе со статс-секретарями, действующими под руководством Контрольного Совета.

Решением конференции учреждался Совет министров иностранных дел, в задачи которого входила выработка мирных договоров с Италией, Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией, а также подготовка мирного урегулирования для Германии.

Серьезные разногласия возникли при решении вопроса о репарациях с Германии. Это было связано с нежеланием западных союзников определять конкретную сумму репараций. Было решено, что репарационные претензии СССР будут удовлетворяться путем изъятий из зоны, оккупированной СССР. Кроме того, СССР должен был получить 15 % промышленного капитального оборудования, изымаемого из западных зон в обмен на продовольствие, уголь и другие материалы, а также 10 % такого оборудования без оплаты или возмещения. СССР согласился удовлетворить репарационные претензии Польши из своей доли. Много

времени ушло на решение судьбы германских активов и золотого запаса Германии. Союзники под разными предлогами отвергали какие-либо права СССР на эти активы. В конечном счете было согласовано, что каждая сторона будет распоряжаться активами, находящимися в пределах её оккупационной зоны, если эти активы не принадлежат другим союзным государствам или законным собственникам, не участвовавшим в войне на стороне Германии.

Подробно обсуждались на конференции вопросы, относящиеся к Польше. К польской теме возвращались неоднократно и на многих заседаниях. Заслушивалось мнение польского правительства национального единства во главе с Б. Берутом. Благодаря активной поддержке со стороны СССР это правительство было признано в качестве единственного представителя Польши. Поддержка СССР обеспечила и признание западной польской границы по Одеру и Западной Нейсе вопреки настойчивому желанию западных партнеров провести границу по Восточной Нейсе. Благодаря этому к Польше отошли обширные территории с мощным промышленным потенциалом и был обеспечен беспрепятственный доступ к Балтийскому морю.

Долгое время Трумэн и Черчилль, а затем Эттли, отказывались даже де-факто передавать полякам управленческие функции на территориях, переходящих к Польше, хотя решение об этом было достигнуто ещё в Ялте. Ссылались на то, что окончательное решение по территориальным вопросам должно приниматься на мирной конференции, что передача Польше бывших германских территорий была бы равносильна созданию ещё одной зоны оккупации, что эти территории до мирной конференции должны входить в советскую оккупационную зону.

Все эти возражения западные партнеры вынуждены были, в конечном счете, снять. Возобладало мнение, что, занимая антипольские позиции, США и Великобритания существенно сужают возможности своего влияния в Польше и противодействия там влиянию СССР, наглядно проявляющего себя как защитник интересов Польши.

Важные решения были приняты относительно Восточной Пруссии. Город Кёнигсберг (ныне Калининград) и прилегающие к нему территории передавались Советскому Союзу. Другие части этой земли переходили к Поль-

ше. И в этом случае делалась ссылка на то, что окончательное решение предстоит принять на мирной конференции. При этом руководители США и Великобритании заверяли, что поддержат на конференции такое решение.

Решение других территориальных вопросов (подопечные территории, итальянские колонии, зона Танжера, режим Черноморских проливов) откладывалось или передавалось на рассмотрение СМВД (Совет Министров иностранных дел).

Длительные дискуссии развернулись вокруг вопроса о судьбе германского военного флота и торговых судов. При общем понимании необходимости раздела флота и судов на три части между союзниками, окончательные решения были переданы на согласование экспертам. Это было связано с тем, что часть судов предстояло использовать в операциях против Японии на Тихом океане, что могло привести к потерям и делало невозможным определение конкретных количеств на самой конференции. Черчиллю вообще не нравилась идея передачи части судов Советскому Союзу. Он предпочел бы потопить их, особенно подводные лодки. Однако принцип раздела флота на три части всё же сохранился.

Острая дискуссия возникла вокруг вопроса о признании режимов в странах-сателлитах Германии, установлении с ними дипломатических отношений и возможности их приема в ООН. Лидеры США и Великобритании выделяли из этой группы стран Италию, находящуюся под их контролем, и, ссылаясь на то, что Италия первой разорвала отношения с Германией и перешла на сторону союзников, что в Италии обеспечиваются необходимые демократические процедуры, выражали готовность способствовать её скорому приему в ООН.

В то же время, утверждалось, что положение в Венгрии, Румынии, Болгарии, Финляндии, т. е. в странах, в которых Запад не обладает сильными каналами влияния, не отвечает ещё демократическим стандартам, а потому США и Великобритания не готовы не только способствовать их приему в ООН, но даже официально признать их и установить с ними дипломатические отношения.

С трудом были согласованы компромиссные формулировки, для выработки которых советская сторона приложила максимум усилий. Было очевидно, что борьба за влияние в Восточной Европе только начинается.

С советской стороны предлагалось выразить в документах конференции негативное отношение союзных держав к режиму генерала Франко в Испании. Указывалось, что этот режим пришел к власти при активной поддержке фашистской Италии и Германии, выступал как союзник Германии в войне, направив, в частности, испанскую «голубую дивизию» на восточный фронт. Трумэн и особенно Черчилль категорически высказывались против какой-либо критики в адрес Франко, считая это недопустимым вмешательством во внутренние дела Испании. В документах конференции этот вопрос не был отражен.

В кулуарах конференции Трумэн сообщил в общей форме И. В. Сталину о создании в США атомного оружия, ожидая, видимо, что представители СССР под влиянием столь серьезной информации будут проявлять большую покладистость в дискуссиях на форуме. К разочарованию президента советский лидер спокойно отреагировал на это сообщение, а стиль поведения советских представителей никак не изменился.

Потсдамская конференция и её решения были положительно восприняты в мире. В них видели свидетельство того, что победители во второй мировой войне готовы серьезно заняться переустройством международных отношений и обеспечить на длительную перспективу возможность мирного сотрудничества в Европе. Для широкой общественности ещё не были заметны признаки надвигавшегося кризиса в отношениях между союзниками. Но этот кризис с каждым месяцем созрел и проявлялся с всё большей остротой.

Одним из главных вопросов, вокруг которого разворачивалось противостояние, была будущая судьба Германии. Каким будет это государство, основы которого были исковерканы двенадцатилетним господством нацистского режима, а сознание граждан деформировано нацистской идеологией? Провозглашение в совместных документах необходимости демократического переустройства Германии не могло изменить очевидного: в СССР и в западных странах демократию понимали неодинаково. По — разному собирались выстраивать государственную, экономическую, общественную систему в зонах оккупации. Очень скоро это стало серьезным препятствием для формирования единого германского государства.

Ещё более трудной проблемой стало огласование военно-политического статуса Германии. Очень скоро проявилось стремление западных стран сделать Германию своим союзником, а после создания НАТО — членом этой военно-политической организации. Советский Союз предпочитал нейтральный статус для Германии, по крайней мере — её неучастие в военно-политических блоках.

Разногласия по этим вопросам на долгие годы блокировали реализацию союзнических решений по Германии, выработку мирного договора и проведение мирной конференции. Безрезультатно проходили сессии Совета Министров иностранных дел, Саммит в Женеве в 1955 г., мир лихорадили кризисы вокруг Западного Берлина. Последующее развитие привело к созданию противостоящих военно-политических организаций — НАТО и Варшавского Договора — и к расколу Германии на долгие 45 лет после создания в 1949 г. двух германских государств — Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики.

Еще одним источником начавшегося после Второй мировой войны межблокового противостояния стало нежелание Запада смириться со сложившимся в странах Восточной Европы режимом, поддерживаемым Советским Союзом. Стремление вытеснить Советский Союз из Восточной Европы никогда не исчезало из перечня долгосрочных политических задач, даже в периоды разрядки, когда грубое противостояние сменялось тактикой «изменения путем сближения», придуманной немецкими социал-демократами.

Решение задач послевоенного мирного урегулирования в Европе блокировалось и общим состоянием международных отношений в эпоху «холодной войны». Противоборство двух систем приобрело глобальный характер, и в этих условиях решение локальных проблем становилось невозможным из-за их увязки в жесткий общемировой узел.

Свой вклад в «холодную войну» вносил и Советский Союз, руководство которого оказалось неспособным выработать и предложить миру приемлемую гибкую модель международного сотрудничества, свободную от идеологического догматизма и ориентированную на решение прагматических задач, стоящих перед мировым сообществом.

Некоторое ослабление напряженности в центре Европы произошло в начале семи-

десятих годов, когда в результате подписания Московского договора между СССР и ФРГ, договоров ФРГ с Польшей, ЧССР и ГДР, Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину и последующего приема двух германских государств в ООН, а также Хельсинкского Заключительного Акта, ситуация, казалось, стабилизировалась. Но это стало лишь прелюдией к мощному геополитическому сдвигу в Европе и мире в результате развала Советского Союза в 1991 г., объединения Германии в 1990 г., роспуска Варшавского Договора и исчезновения биполярной системы международных отношений.

Спустя 65 лет после завершения Второй мировой войны и Потсдамской конференции трех держав уместно задаться вопросом, какой след оставила эта конференция в европейской истории, что из принятых тогда решений реально повлияло на международное развитие, что сохранилось в виде геополитических реальностей, что остается до сих пор составным элементом фундамента европейской безопасности?

Мирную конференцию, которая должна была завершить развязанную Германией войну, созвать так и не удалось. Мирный договор с Германией подписан не был. Однако в 1990 г. четыре державы: СССР, США, Великобритания и Франция, сохранявшие все прошедшие годы права и ответственность за Германию в целом, подписали с двумя германскими государствами, ФРГ и ГДР, «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии». В этом Договоре содержатся положения, нормы и принципы, которые образуют по существу основу послевоенного мирного урегулирования в Европе и которые по своей ясности, полноте и правовой определенности обладают столь же высоким авторитетом и действенностью, как любой мирный договор. Важно и то, что этот документ является выражением свободного волеизъявления всех участвующих государств и свободен от каких-либо элементов принуждения или диктата, что в корне отличает его, например, от Версальского договора.

В Договоре со всей необходимой ясностью и определенностью решены территориальные вопросы. Окончательно зафиксированы границы объединенной Германии, коими являются границы ФРГ и ГДР. Объединенная Германия заявила, что «не имеет никаких территориальных претензий к другим государ-

ствам и не будет выдвигать такие претензии также и в будущем»⁶.

От имени объединенной Германии подтверждается, что «с немецкой земли будет исходить только мир» и что «объединенная Германия никогда не применит оружие, которым она располагает, не иначе как в соответствии с её конституцией и Уставом Организации Объединенных Наций»⁷. От имени объединяющихся государств, ФРГ и ГДР, подтвержден отказ Германии от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием. Подтверждены обязательства о сокращении численности вооруженных сил объединенной Германии⁸.

Существенным дополнением к многосторонним урегулированиям в отношении Германии стал Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ, подписанный 9 ноября 1990 г. В этом Договоре на двусторонней основе юридически закреплено обязательство сторон соблюдать территориальную целостность государств и уважать их границы, отказаться от угрозы силой или применения силы, решать возникающие конфликты мирным путем, осуществлять меры по разоружению и контролю над вооружениями. В Договоре определены широкие рамки сотрудничества, как в двусторонних отношениях, так и на международной арене. Обязательства по этому договору действуют и в отношениях Германии с Россией как продолжателем СССР.

Система договоров между объединенной Германией и другими странами, её обязательства в рамках ЕС и НАТО образуют вместе с договорами с Россией довольно прочную опору международных урегулирований, создающих гарантии мирных отношений с Германией и ограждающих соседей от каких-либо угроз с её стороны. Такое положение можно считать важным результатом того процесса, который был начат на Потсдамской конференции 1945 г., хотя в то время он и не получил нужного развития.

В то же время современное положение дел в Европе и мире не позволяет ограничиться только оптимистическими оценками и радужными прогнозами. Неоднократно провозглашавшаяся задача строительства единой Европы всё еще остается нерешенной. Западные партнеры России всё ещё не преодолели предубеждений, порожденных прошлым, и не проявляют необходимой энергии в формировании на кон-

тиненте отношений, основанных на принципе равной безопасности и юридического оформления одинаковых по своему статусу прав и обязательств сторон в международном сотрудничестве. Будущее ставит не меньше задач, чем их было решено за истекшие 65 лет.

¹ Цитируется по <http://www.zn.ua/3000/3150/34695/>

² Известия, № 107 (8717), среда 9 мая 1945 г.

³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 79–89

⁴ Цитируется по <http://www.coldwar.ru/bases.operation-unthinkable.php>

⁵ Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. Издательство «Международные отношения». Москва 1967.

⁶ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. Ст. 1. Архив автора.

⁷ Там же. Ст. 2.

⁸ Там же. Ст. 3.

Польская проблема в решениях «Большой Тройки»

А. Ф. Носкова*

В конце февраля 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта вышли на р. Одер и Нейсе, ставшие новой западной границей страны. К маю 1945 г. закончились бои за балтийское Поморье. Изгнание гитлеровских оккупантов из Польши завершилось. В борьбе против вермахта вместе с Красной армией участвовали 1-я и 2-я армии Войска Польского. 17 января польские дивизии первыми вступили в Варшаву, они брали Поморский вал на Балтике, овладевали мощным Гданьско-Гдыньским укрепленным районом гитлеровцев, где вместе с советскими войсками форсировали Вислу, на южном участке вышли на границу с Чехословакией¹.

В новогоднюю ночь 1944–1945 г. ПКНО был преобразован во Временное Правительство, которое с 1-го февраля работало в Варшаве. 5 января его признал СССР. Вскоре были установлены дипломатические отношения с Чехословакией, затем с Францией и Югославией. Признала это правительство и международная гуманитарная организация ЮНРРА, завязывались контакты с Италией и Швецией. С 3 февраля 1945 г. Черчилль был вынужден терпеть присутствие в Лондоне нового представителя Польши. Весной 1945 г. эмиссары Временного правительства прибыли в Бухарест и Нью-Йорк².

В мировом сообществе начался процесс становления нового польского субъекта международного права. Однако ситуация новой власти оставалась сложной. Существовало два правительства Польши. Западные державы продолжали официально признавать то из них, которое находилось в Лондоне. Ему доверяла преобладаю-

щая часть населения. Оно опиралось на подпольные административные и военно-политические структуры («подпольное государство»). Его поддерживало вооруженное подполье. Однако реальные возможности этого правительства возвратиться в страну стремительно убывали. На освобожденной от гитлеровцев территории от р. Буг на востоке до р. Одер-Нейсе на западе устанавливалась и приступила к работе польская администрация нового кабинета, который создавал свою систему управления страной. Его деятельность поддерживала незначительная часть населения, главным образом, левого и лево-радикального спектра, но правительство выражало готовность договариваться и сотрудничать, что получало отклик в обществе. Росла численность политических партий, представленных в коалиционном правительстве, возрождались профсоюзная жизнь, поляки начинали заселять новые западные земли³.

Накануне Висло-Одерской операции, о подготовке которой западные союзники были уведомлены, как раз в день признания Временного правительства Москвой, прозвучало предложение Черчилля созвать конференцию глав великих держав для обсуждения проблем, связанных с завершением войны и послевоенным урегулированием. Предложение приняли Сталин и Рузвельт. Местом заседаний избрали г. Ялту в Крыму. Ни у кого из этих политиков не было сомнений, что за несколько недель войска 1-го Белорусского фронта разобьют вермахт, очистят польскую территорию от оккупантов и вступят в Германию. Вопрос, что дальше, делал

* Носкова Альбина Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

встречу крайне необходимой, в первую очередь для Черчилля и Рузвельта. В связи с подготовкой встречи в Ялте в Москву для согласования позиций, главным образом по вопросу польско-германского разграничения, официально прибыла делегация нового парламента — Крайовой Рады Народовой и Временного правительства, мнение которого отстаивала советская делегация на встрече в Ялте, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г.

Как и в Тегеран в 1943 г., на встречу не были приглашены представители тех стран — членов Антигитлеровской коалиции, в том числе и польские политики из Варшавы и Лондона, будущее которых полагала в праве определять «большая тройка». Столь далеким от демократии принципом руководствовались все участники конференции в Ялте, исходя из своего военно-политического и экономического вклада в разгром Германии и стран фашистского блока. Но при дележе послевоенных геополитических и имущественных «трофеев», чем фактически занимались Сталин, Рузвельт и Черчилль, решая как общие (разгром Германии и Японии и безопасный послевоенный мир), так и собственные национально-государственные проблемы, представитель СССР располагал существенным преимуществом при обосновании советских геополитических претензий. Красная армия, находившаяся в 60 км от Берлина, создавала для Рузвельта и Черчилля труднопреодолимый советский политический перевес⁴.

Тем не менее оба западных политика в Ялте сделали максимум возможного для того, чтобы принудить Сталина учитывать их политический «голос», уступать в обмен на уступки. Это сказалось на особенно упорных и длительных дебатах по самому существенному, в первую очередь для западных держав, вопросу о власти в Польше. Союзники понимали, что о восстановлении СССР отношений с «польским» Лондоном вести речь уже невозможно ни при каких обстоятельствах, что шансы руководителей «подпольного государства» устранить коммунистов от власти и превратить значительное общественное доверие в реальную власть слишком малы. В Варшаве работало Временное правительство, войска НКВД и подразделения создававшейся польской госбезопасности подавляли попытки подполья оказывать вооруженное сопротивление новой власти в советском тылу. Поэтому на встрече в Ялте речь не могла идти о возвращении в страну пусть и обновленного по составу, но «лондонского» правительства.

Черчилль считал Польшу самым неотложным поводом для Крымской конференции. Польский вопрос стоял на повестке дня семи из восьми пленарных заседаний. Он обсуждался в двух аспектах: состав правительства и конфигурация территории. Вместо привычного дипломатического давления на советское руководство, убеждая его возвратить признание реконструированному «лондонскому» правительству, союзники настаивали на немедленном, уже на конференции, создании нового «общего» кабинета. Состав этого кабинета был принципиальным вопросом и для союзников и для Сталина. Черчилль настаивал на предоставлении большинства мест деятелям из эмиграции во главе с лидером крестьянской партии, людовцем С. Миколайчиком. Таким способом он рассчитывал продвинуться к возвращению Польши в сферу английского влияния. Позиция Рузвельта была близкой, но несколько иной. Президенту было необходимо отреагировать на мнение миллионов американских поляков, которые выступали против американского признания Временного правительства, и получить некие уступки по вопросу о восточной границе Польши. Понимая, что Сталин не допустит реанимации «лондонского» правительства, Рузвельт стремился облегчить «лондонскому» правительству, уходя, «сохранить лицо». На заседании 6 февраля 1945 г. он обратил внимание партнеров на то, что «поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы „не потерять лицо“ ... все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти „свое лицо“ и было бы хорошо, „если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить „лицо“. Было бы хорошо, рассуждал президент, рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона и одновременно заметил, что „общественное мнение Соединенных Штатов против того, чтобы Америка признала люблинское правительство...» В послании Сталину от 6 февраля Рузвельт предложил вызвать для консультаций из Варшавы главу КРН, беспартийного коммуниста Б. Берута и председателя Временного правительства социалиста Э. Осубка-Моравского, двух-трех политиков из другого лагеря в Польше (назывались имена архиепископа А. Сапеги, правого социалиста З. Жулавского и патриарха крестьянского движения В. Витоса) и из Лондона пригласить С. Миколайчика, главу Госсовета Польши С. Грабского и министра иностранных дел Т. Ромера. В их присутствии, полагал Рузвельт, можно решить вопрос о составе пра-

вительства, которому поручить проведение выборов в стране⁵.

Сталин отреагировал на предложения Рузвельта сдержанно: «Главное сейчас состоит в том, чтобы не мешать полякам, поскольку Польша уже освобождена». Он допускал вариант расширения состава уже работающего в Польше многопартийного кабинета теми деятелями из страны и эмиграции, кто признает состоявшиеся перемены в политической расстановке сил, территориальном и геополитическом положении Польши. Сталин особо подчеркивал дружественные отношения Варшавского правительства с Москвой, что, по его мнению, обеспечивало безопасность двух стран и Европы в целом от возможного, как тогда единодушно считалось, повторения германской угрозы. Уступая, Сталин не возражал против предоставления некоторым «лондонцам» государственных постов, говорил о готовности правительства в Варшаве «терпеть» «более умных людей» из Лондона и из Польши. Если в октябре 1944 г. он допускал для Миколайчика возможность возглавить правительство, то теперь говорил об отказе Варшавы рассматривать такой вариант. При этом Молотов, отметив трудность вопроса о составе правительства Польши, подчеркнул, что «решение будет зависеть, прежде всего, от тех людей, которые работают в самой Польше»⁶. Вносимые коррективы в позицию СССР не нарушали принципиального курса Москвы и, по сути дела, вопрос о правительстве в эмиграции выволился из обсуждения как таковой.

Поскольку на заседании не удавалось согласовать состав Временного правительства национального единства правительства Польши, главы коалиции договорились реорганизовать кабинет Осубка-Моравского «на более широкой, демократической базе с включением в его состав демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Для содействия определению его состава, они учредили «Комиссию трех». В.М. Молотову и посламу в Москве В.А. Гарриману (США) и А.К. Керру (Великобритания) поручалось подобрать кандидатуры для включения в новый кабинет, которому вменялась обязанность как можно быстрее провести свободные всеобщие выборы в парламент — Законодательный Сейм. Сталин, Рузвельт и Черчилль заявили о готовности сразу после создания признать новое правительство⁷. Все вместе взятое означало, что вопрос о характере власти предстояло решать в Польше. Это, понятно, устраивало, в первую очередь, Москву.

Казалось бы, политический компромисс состоялся. Тем не менее, принятая формулировка позволяла каждой стороне толковать ее, руководствуясь своими задачами и возможностями. Черчилль и Рузвельт имели в виду, создав правительство, где будут их польские сторонники, и проведя выборы, оттеснить коммунистов — представителей Польской Рабочей Партии (ППР), по крайней мере, с ключевых позиций во власти. Сталин же рассчитывал, допустив представителей других политических сил в правительство, стабилизировать политическую обстановку в Польше, расширить социальную базу власти во главе с ППР, закрепить признанием союзников новую государственную территорию страны.

Такой «растянутый» во времени вариант оформления характера власти открывал западным державам некоторый шанс «побороться» за Польшу, но не предвещал больших «потерь» для польских коммунистов и советской стороны, заинтересованной, в первую очередь, в сохранении сотрудничества великих держав при реализации советских геополитических намерений на польском направлении. Время, военная сила и роль СССР в разгроме Германии продолжали «работать» на сохранение этого сотрудничества.

Для Москвы весьма важным было обсуждение на конференции внутренней ситуации в Польше, а именно признание Рузвельтом и Черчиллем соответствия законам военного времени репрессивных действий войск НКВД против вооруженного подполья в Польше. 19 января 1945 г. новый командующий АК генерал Л. Окулицкий издал приказ о роспуске АК и изменении методов ее борьбы. Учитывались разрушение структуры военно-политического подполья, подчиненного правительству в Лондоне, и большие потери Армии Крайовой во время Варшавского восстания и в следствие массовых разоружений ее участников войсками, главным образом, НКВД СССР. Однако далеко не все командующие округами и отрядами АК подчинились приказу Окулицкого. Военно-политическое подполье сохранилось и весной 1945 г., реагируя на внутренние условия в стране и новые внешнеполитические обстоятельства, созданные решениями в Ялте, активизировало вооруженные действия. О «бандитской деятельности» подполья на территории ряда районов Жешовского, Люблинского и Белостокского воеводств доносил из Польши ген. И.А. Серов Л.П. Берии 16 апреля 1945 г.: «За последние дни

недели был проведен ряд операций по преследованию и ликвидации банд АК, Н[ародовых] С[ил] З[бройных] и УПА... убито более 900 бандитов и 1300 захвачено живыми». К этому времени облик подполья претерпел существенные изменения. Антигитлеровское направление борьбы Армии Крайовой (АК) и крайне националистических и антикоммунистических Народовых Сил Збройных (НСЗ) исчезло, противостояние Советскому Союзу и польским коммунистам стало генеральной и единственной их целью. В одной из подпольных листовок, выпущенных летом 1945 г., говорилось: «Убивайте большевиков в каждом месте, в городе и деревне. Любой способ убийства большевиков будет правильным...»⁸.

В то время, когда Красная армия, продвигаясь к границам Германии, вела ожесточенные бои с вермахтом, подполье прилагало усилия по дестабилизации тылов Красной армии. Несмотря на массовые репрессивные меры оперативными группами и подразделениями Сводной дивизии НКВД СССР, а также польскими органами безопасности (уже к началу 1945 г. были разоружены свыше 13 тыс. участников подпольных отрядов, из них «разоблачено» более 9 тыс. членов АК)⁹, ситуация оставалась напряженной. На советской и польской территории совершались многочисленные диверсии, разрушались транспортные артерии, линии связи передовых позиций и командования советских фронтов со Ставкой Верховного главнокомандования в Москве, происходили убийства представителей советской власти и сторонников новой польской власти, терроризировалось местное население.

Информация об этом, а также о вооруженных нападениях на советские комендатуры, на представителей новой польской власти, о фактах захватов и убийств советских солдат и офицеров, о количестве погибших и пропавших без вести регулярно поступала в Москву по линии различных военных служб 1-го и 2-го Белорусских фронтов Красной армии. Складывалось положение, когда вооруженное подполье «лондонского» правительства Польши, члена Антигитлеровской коалиции, разворачивало борьбу в тылах одного из лидеров коалиции — СССР — против главной силы, выполнявшей важнейшую и для Польши задачу разгрома Германии. Допустить такое положение советское руководство не имело права.

Еще 29 ноября 1944 г. генерал-полковник Н. А. Булганин, представитель СССР при ПКНО, доложил И. В. Сталину сведения о «тер-

рористических актах», которые совершаются подпольными отрядами АК по директивам польского правительства в Лондоне. В декабре 1944 г. информация о непрекращающихся убийствах советских военнослужащих подпольными отрядами, подчиненными правительству Польши в Лондоне, была доведена Сталиным до сведения премьер-министра Великобритании и президента США. 8 декабря он писал У. Черчиллю: «Мы не можем мириться с тем, что поощряемые польскими эмигрантами террористы убивают наших людей в Польше, ведут преступную борьбу против советских войск, освобождающих Польшу. В этих людях мы видим союзников нашего общего врага...» Этот текст почти дословно был воспроизведен 27 декабря 1944 г. в послании Сталина Ф. Д. Рузвельту¹⁰.

Автор не располагает документами, отражающими реакцию западных лидеров на озлобленность Сталина таким положением дел в тылах действующей Красной армии. Но позиция союзников, вероятно, не вызвала удовлетворения в Москве, и 6 февраля 1945 г. на конференции в Ялте Сталин крупным планом поставил перед ними «очень важный вопрос». Он сообщил, что получает сведения о многочисленных нападениях польских вооруженных отрядов на военные посты, коммуникации и прочие структуры, обслуживающие потребности Красной армии, о зверских убийствах солдат и офицеров. Как Верховный Главнокомандующий, Сталин требовал «порядка и спокойствия в тылу Красной Армии», чтобы красноармейцам «не стреляли в спину», а, как политик, говорил о намерении предотвратить «возникновение [в Польше] гражданской войны позади нашей линии фронта»¹¹. Приведенными данными («уже убито 212 красноармейцев»¹²) и задачами успешного ведения боевых действий советский лидер обосновал необходимость подавления польского подполья.

Ответ был получен немедленно. Главный союзник Польши Черчилль уже на заседании заявил: «свобода Польши не должна означать допущение с ее стороны враждебных намерений или интриг против Советского Союза... Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы». В тот же день Рузвельт подал Сталину ясный политический сигнал: «Ваша армия, продвигающаяся к Берлину, должна иметь обеспеченный тыл. Вы не можете, и мы не должны терпеть какое-либо временное правительство, которое будет причинять Вашим вооруженным силам

какие-либо неприятности этого рода. Я хочу, чтобы Вы знали, что я осознаю это полностью... Я надеюсь, что мне не нужно заверять Вас в том, что Соединенные Штаты никогда не поддержат каким-либо образом никакое временное правительство в Польше, которое относилось бы враждебно к Вашим интересам»¹³. Сталин принял и использовал эти заверения.

Итак, лидеры США и Великобритании взяли на себя часть ответственности за подавление польского антисоветского подполья. Они, несомненно, понимали, что речь шла не только о наведении порядка в тылах действующей армии, понимали, что Сталин решал особую геополитическую задачу: обеспечить послевоенную безопасность СССР и для этого, сохранив позиции польских коммунистов во власти, удерживать Польшу в сфере советских интересов¹⁴. Тем не менее Черчилль и Рузвельт без особого сожаления, а может быть, и с облегчением, проявили готовность избавиться от «лондонского» правительства. Они не могли не дать «добро» и на подавление созданного им подполья, что и стало одним из важнейших стратегических «приобретений» Сталина на конференции. Важно отметить, что союзники намеревались на следующей встрече выслушать представителей страны, будущее которой они решали.

Столь существенных разногласий, как вопрос о власти, в «тени» которого стояла приоритетная проблема определения геополитического места этой страны в послевоенной Европе, не вызвало определение послевоенной территории Польши. Без особых дискуссий было принято решение о восточной границе Польши. Союзники СССР уже не раз в годы войны высказывались на этот счет, и теперь оба подтвердили готовность считать таковой «линию Керзона»¹⁵. Это означало, что восточные земли довоенной Польши, включая центры польской общественно-политической и культурной жизни на «кресах», Львов и Вильно останутся на советской стороне.

Дебаты, на которых настаивал главным образом Черчилль, велись по западному и северо-восточному отрезкам польской границы с Германией и СССР. Разногласия не касались согласованного на встрече в Тегеране принципа обязательного приращения Польше за счет восточных провинций довоенной Германии и территории Восточной Пруссии. «Большая тройка» в этом была пока едина, намереваясь претворить в жизнь идею наказания Германии за развязанную войну и ликвидировать очаг

прусского милитаризма. Самым твердым сторонником таких решений был Сталин. Польско-германское разграничение по р. Одра с передачей Польше Штеттина (Щецина) и Данцига (Гданьска) не вызвало серьезных споров. Спорили по вопросу, какой из притоков этой реки станет границей Польши: Восточная (Клодская) или Западная (Лужицкая) Нейсе (Ныса). Западные державы были за Восточную (Клодскую) Нейсе.

Сталин настаивал на Западной (Лужицкой) Нейсе. В таком случае несколько увеличивалась территория Польши, но главное было в другом. Польше доставался почти весь Силезский промышленный и горно-добывающий район, где имелись залежи угля, руды, цинка, меди, урана, сохранились и действовали заводы и шахты. Польша получала и водный бассейн, питающий р. Одру. Столь крупное территориальное и экономически важное приобретение Польши оспаривал Черчилль. Он считал, что «Польша должна иметь право взять себе такую территорию, ...которой она сможет управлять», высказывал опасения, «чтобы польский гусь», в такой степени начиненный немецкими яствами, не скончался «от несварения желудка». С ним был солидарен Рузвельт: «перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправдано». В результате дискуссий, остановились на предложении Рузвельта: «Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе... по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского правительства национального единства»¹⁶.

Такой формулировкой определение западной и северо-восточной границ Польши откладывалось, в чем были заинтересованы лидеры западных держав. Для них не принятое окончательно решение о западной границе Польши в дальнейшем могло быть инструментом политического давления на Варшаву и СССР. Тем не менее не возникали особые сложности для Москвы и Временного правительства. Еще летом 1944 г. в Соглашении с ПКНО о советско-польской границе была упомянута западная граница по Одре и Нысе Лужицкой. Весной 1945 г. Красная армия уже освободила восточные провинции Германии, и советская сторона могла действовать, не оглядываясь на мнение союзников и протоколы Ялтинской конференции.

В итоге компромисс по «польскому вопросу», состоявшийся в Ялте, обеспечивал интересы СССР и создавал новое геополитическое

положение польского государства в Европе. Западные державы, опасаясь еще до завершения разгрома Германии оказаться втянутыми в конфликт с Москвой, чреватый польско-польской гражданской войной в центре Европы, не рискнули поддержать правительство Польши в Лондоне, его военно-политическое подполье и настроения многих поляков.

Решения, принятые в Ялте, были по-разному восприняты польскими политиками. Правительство в Лондоне их категорически отвергло, не признало «линию Керзона» в качестве польско-советской границы и публично отказалось от новых земель на западе тогда, когда Польша де-факто принимала эти территории под свою юрисдикцию, а требование возвращения пясцовских земель являлось одним из центральных пунктов программ почти всех польских политических сил¹⁷. Правительство в Варшаве было удовлетворено постановлениями глав великих держав, считало, что новое геополитическое местоположение страны на континенте в наибольшей мере соответствуют польским национально-государственным интересам, было убеждено, что союз Польши с СССР диктуется общей задачей обеспечить безопасность двух стран в будущем. Вместе с тем в Варшаве не возражали против реконструкции Временного правительства, были уверены, что корректировка не будет столь далеко идущей, чтобы принципиально изменить представительство политических сил¹⁸.

Что касается общественного восприятия ялтинских решений, то эти решения не отвечали распространенным в Польше иллюзорным представлениям о будущем. Была уверенность, что западные союзники в Ялте добьются возвращения правительства из Лондона и «восточных кресел» в состав послевоенного государства, надеялись на Черчилля и Рузвельта в вопросе сохранения привычной ориентации страны на Запад. Всего этого не случилось, надежды не оправдались, и многие поляки относились к ялтинским решениям в лучшем случае сдержанно. Преобладающим оставалась доверие правительству в Лондоне (его продолжали признавать США, Великобритания и большинство стран мирового сообщества). Правительство в Варшаве, которое поддерживал Советский Союз, считалось непольским. Массовыми были антисоветские и антикоммунистические настроения. Многие вновь рассчитывали на обсуждение польских «дел» на очередной встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля, где будет-де

создано другое правительство, которое сможет многое изменить.

Но война кончалась, и большинство граждан Польши хотели не воевать, а восстанавливать страну. Они одобряли социально-экономические реформы, прежде всего аграрную, которые осуществляла власть во главе с коммунистами, с удовлетворением относились и пользовались возможностями работать, видели открывшиеся перспективы изменить в лучшую сторону социальное положение в обществе. Многие поляки были недовольны участием коммунистов в правительстве, сотрудничеством Временного правительства с СССР, присутствием советских войск в Польше¹⁹. Однако это же большинство, «за исключением вооруженного подполья, было вынуждено, восстанавливая страну, взаимодействовать с новой властью». Значительная часть польского общества (и интеллигенции тоже) принимала предлагаемые этой властью новые обстоятельства жизни и социальные порядки. И в том, весьма существенном обстоятельстве, что «люди рвались к нормальному труду и нормальной жизни, которая вопреки всему рождалась на польской земле», был реальный шанс для польской власти, которая была готова идти на переговоры и компромиссы, т. е. в первую очередь для коммунистов. Поэтому деятельность Временного правительства набирала темпы²⁰.

Под воздействием «Ялты» происходили перемены и в политических структурах подполья, сформированных политиками ряда довоенных партий. Верх брало понимание, что отрицание новых внутренних и международных обстоятельств с каждым днем становится политически бесперспективным. Большинство подпольных организаций социалистов и левых склонялось к признанию ялтинских решений. Их руководители видели в этом шанс возвратиться к власти в стране, искали способы легализоваться, чтобы развернуть политическую борьбу за удаление от власти коммунистов и тех социалистов и левых, которые работали в коалиционном Временном правительстве. Весной 1945 г. были приняты соответствующие решения. Под давлением западных союзников Миклайчик выполнил условие Сталина и 15 апреля 1945 г. сделал заявление о признании «линии Керзона», что открывало ему дорогу в новое правительство Польши. Все это свидетельствовало о разрушении политического основания «подпольного государства», создававшегося до-

военной польской элитой во имя восстановления II Республики²¹.

В военно-политическом подполье оставалось не подчинившееся приказу Л. Окулицкого о роспуске АК «несгибаемое» меньшинство, но его ряды пополняла молодежь, увлеченная идеей восстановления территории и порядков довоенной Польши и готовая к вооруженной борьбе с коммунистами и «Советами». Ялтинские решения послужили импульсом к активизации борьбы подпольных вооруженных отрядов АК, НСЗ и УПА против действовавшей власти и польских коммунистов, против тех, кто пошел служить в милицию и рождавшиеся органы госбезопасности, против поляков-сторонников Временного правительства. Жертвами преступных действий подполья становились солдаты и офицеры Красной армии. Все это происходило в тылу советских войск, продолжавших войну с вермахтом. Обеспечение безопасности тылов Красной армии было условием ее боеспособности и требовало подавления вооруженного подполья. Эту задачу решали введенные в Польшу войска по охране тыла НКВД СССР²². Вместе с тем уничтожение вооруженного сопротивления власти Временного правительства означало и решение крупномасштабной геополитической задачи СССР по созданию в Восточной Европе советского «пояса безопасности», ключевым звеном которого была Польша.

Сразу после встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте приступила к работе «Комиссия трех». Развернулась упорная борьба за состав польского правительства. Послы Керр и Гарриман прилагали усилия для сохранения под своим влиянием Польши, традиционной англо-французской союзницы. Для них сформировать нужный политический состав коалиционного кабинета считалось первым шагом к смене власти, на что весьма рассчитывал и «польский» Лондон.

Задача советского представителя в Комиссии В.М. Молотова была в том, чтобы не позволить западным дипломатам, принципиально изменив состав будущего кабинета, оторвать Польшу от СССР. Каждый имел свои далеко идущие геополитические цели, но интересы СССР и Польши объективно совпадали. Обе страны имели общую долгосрочную задачу — исключить новую германскую агрессию на Восток. Послевоенная Польша нуждалась в сильном союзнике, которым являлся Советский Союз. Он имел достаточно военно-поли-

тических возможностей и желания отстоять для Польши новые западные и северные границы и был способен защитить ее и себя от германского милитаризма, в возрождении которого Сталин был в ту пору убежден²³.

Предваряя нежелательное развитие событий, Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР 20 февраля 1945 г. принял Постановление по «вопросам Польши». Этим Постановлением Москва, опережая предусмотренную встречу «большой тройки», устанавливала конкретные территориальные разграничения: польско-германское на западе и советско-польское на северо-востоке Польши: «Впредь до окончательного определения ... границ Польши на будущей мирной конференции, западную государственную границу Польши следует считать по линии западнее Свинемюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до реки Нейсе (западной) и отсюда по реке Нейсе (западной) до Чехословацкой границы»²⁴.

Большая часть Восточной Пруссии, почти 500 км балтийского побережья, включая Данциг (Гданьск) и Штеттин (Щецин), расположенный по обоим берегам р. Одер, переходили к Польше. Эта линия и по сей день является границей государства Польша с ФРГ. Меньшую часть Восточной Пруссии, включая город и порт Кёнигсберг, предписывалось «считать в границах СССР». В Постановлении подтверждалось, что на всей освобожденной территории в соответствии с советско-польским соглашением от 26 июля 1944 г. действует польская администрация, определялись задачи взаимодействия с ней командования Красной армии в целях обеспечения спокойного тыла действующей армии, конкретизировалось специальное понятие «тыловая линия прифронтовой полосы», устанавливалась глубина (от 60 до 100 км от линии фронта) «прифронтовой полосы», где «ответственность за Государственную Безопасность и общественный порядок возложена на командующих фронтами и представителей НКВД»²⁵. Напомним, значительная часть этих территорий уже была освобождена от гитлеровцев.

По окончании конференции в Ялте наиболее актуальным для союзников и Польши был вопрос состава будущего правительства, который должна была выработать «Комиссия трех». К 16 февраля НКВД СССР подготовил для ее председателя В.М. Молотова конкретный план действий: инициировать порядок работы комиссии, предложить общее число членов но-

вого кабинета (не более 20), ограничить в нем число новых лиц (трое из страны, двое из-за границы), «обсуждение всех вопросов в Комиссии вести с самого начала с участием Берута, Осубка-Моравского и Роля-Жимерского», с ними согласовывать «список кандидатов в состав правительства и вызвать их в Москву для консультации» (подчерк. в док. — А. Н.). Так правительство в Варшаве становилось действующим членом «Комиссии трех». Из инструкции следовало, что советская сторона и варшавское руководство не намеревались допустить изменений в соотношении сил в кабинете²⁶.

Западные представители в «Комиссии трех», постоянно взаимодействуя с поляками в Лондоне, а те с руководством «подпольного государства» в стране, пытались «обойти» Ялтинские решения таким образом, чтобы персональными переменами обеспечить свое доминирование в новом правительстве. Английский посол Керр «продвигал» ведущих деятелей подполья, неоднократно вручал Молотову поименные, заведомо неприемлемые для советской стороны списки «натуральных кандидатов на переговоры и во Временное правительство национального единства». В них значились руководители «подпольного государства»: генерал Л. Окулицкий, лидер социалистов, остававшихся в подполье, К. Пужак, делегат «лондонского» правительства в стране Я. Янковский и др. Разногласия в Комиссии по кандидатурам нарастали. 25 февраля Молотов получил от Керра очередное письмо. Посол отвергал предложенные Берутом кандидатуры трех польских демократических деятелей, далеких от симпатий к коммунистам. Он расценил инициативу Б. Берута, главы КРН, высшего законодательного органа в стране, как попытку «диктовать свою волю Комиссии». Посол выдвинул альтернативную группу из остававшихся в подполье социалистов и левых, а также правых, националистически настроенных политиков²⁷. Эти списки показывали, что ведущие деятели подполья и их ходатаи с Запада рассчитывали в полной мере быть представленными в правительстве страны и подавить гегемонию коммунистов во власти. Разногласия в «Комиссии трех», стремительно нарастали, работа начатая 23 февраля 1945 г., заходила в тупик.

Москва, зная персональные «предпочтения» союзников, «польского» Лондона и «подпольного государства», стремилась ускорить допуск к работе «Комиссии трех» и затем в новое правительство тех деятелей, которые бы-

ли склонны к компромиссу с СССР и властью в Варшаве. Для того, чтобы исключить из списка кандидатов «нежелательных» деятелей прозападной внешнеполитической ориентации, готовилось специальное «оперативно-чекистское мероприятие». Еще в феврале 1945 г. офицеры советской контрразведки установили контакты с Окулицким и через него — с политическими руководителями подполья. Вероятно, у Москвы были основания считать генерала тем человеком, который решится сам и сможет убедить других лидеров подполья принять советское предложение о переговорах, что и произошло²⁸.

Согласившись на переговоры, поляки рисковали своей безопасностью, но цель — легализоваться, избежав репрессий, и вступить в легальную политическую борьбу за власть — продиктовала положительное решение. Они намеревались отправиться в Лондон, где обсудить с «руководством эмиграции» условия переговоров с СССР: отстранение Берута с поста президента, но допуск к участию в правительстве ряда деятелей ППР; ввод войск союзников в Польшу «для обеспечения свободы выборов»; амнистия всех участников подполья; превращение АК в основу новой польской армии, объединяющей польские силы, воевавшие на Западном фронте и Войско Польское; готовность «под принуждением» признать «линию Керзона». Выполнение этих условий должно было обеспечить приход к власти «лагеря польской демократии», направленного против «фашистов и тоталитарных устремлений ППР»²⁹. Однако, встречи-беседы с советской контрразведкой завершились 27–28 марта 1945 г. недалеко от Варшавы в г. Прушкове, где группа ведущих деятелей подполья была арестована. Окулицкого и Янковского арестовали в Варшаве. Вместо обещанной поездки в Лондон всех доставили в Москву и заключили в тюрьму НКВД³⁰.

Расчеты лидеров военно-политического подполья на участие в будущем правительстве Польши обернулись политическим крушением. Среди арестованных были: последний командующий АК Л. Окулицкий, председатель РЕН социалист К. Пужак, делегат «лондонского» правительства в ранге вице-премьера Я. Янковский (СП), три заместителя Янковского от политических партий, в то время еще не вышедших из подполья, — А. Бень (Стронництво Людове), С. Ясюкович (Стронництво Народове), А. Пайдак (Польская Социалистическая Партия — Вольность. Рувность. Неподлеглость); членов подпольного парламента — Рады Едности Наро-

довой и других деятелей подполья. Всего 16 человек. Советская сторона вменила участникам политического противостояния Временному правительству нарушение законов военного времени, обвинила руководителей «подпольного государства» в военных преступлениях, организации террора в тылу Красной армии. Арест 16-ти ведущих деятелей фактически обезглавил подпольные военные и партийно-политические структуры, но не остановил деятельность вооруженного подполья, участники которого полагали, что их борьба против власти и СССР приведет к политическим переменам в стране. Был расчет и на перемены в международной «погоде». После смерти Ф.Д. Рузвельта в апреле 1945 г., который видел возможность долгосрочного сотрудничества с СССР, с приходом Г. Трумэна, не разделявшего политику предшественника на советском направлении, курс США ужесточился.

В апреле 1945 г. работа «Комиссии трех» оказалась заблокирована представителями Вашингтона и Лондона, которые в нарушение Ялтинских договоренностей требовали участия в консультациях неограниченного количества деятелей из «подпольного государства» и эмиграции без предварительного признания ими новых польских реальностей, на чем категорически настаивала Москва. Они же отказывались признавать Временное правительство в Варшаве в качестве «ядра» будущего правительства национального единства и советско-польскую границу по «линии Керзона». Москва аргументировала свою позицию интересами безопасности страны, о чем Сталин неоднократно, 7, 18, 24 апреля и 4 мая 1945 г., писал, отвечая на послания Черчилля и Трумэна. Он упрекал их представителей в «Комиссии трех» в попытках диктовать советской стороне «свои требования»³¹.

Советская сторона реагировала на перемены в позиции западных союзников и их польских партнеров, действуя на опережение. 21 апреля 1945 г. Москва и Варшава спешно, невзирая на протесты Черчилля и Рузвельта, подписали в Москве Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, что означало заключение двустороннего военно-политического союза. Стороны «брали на себя обязательства предоставлять взаимную военную и прочую помощь», «пресекать любую угрозу новой агрессии со стороны Германии или какого-либо иного, союзного с ней государства непосредственно, или в любой иной форме»³².

Документ не только укреплял позиции Временного правительства, но и повышал статус Польши как субъекта международных отношений. Он был предупреждением международному сообществу, что любые замыслы и попытки силой извне изменить ситуацию в Польше будут рассматриваться как антисоветские и повлекут за собой ответные действия. Вероятно, немалым стимулом для «спешки» являлся английский план развертывания летом 1945 г. военных действий против СССР на территории советской зоны оккупации Германии и новых землях Польши, который оказался «заблаговременно известен в Москве»³³.

Была или нет реальной тогда угроза такой войны, неизвестно, но «осада» в Кремле осталась. Были замечены антисоветские тенденции в политике Черчилля и Трумэна. Западные союзники протестовали против договора Москвы с Варшавой и «ответили» Польше отказом в праве участвовать в учредительной конференции ООН. Отношения в «большой тройке» становились все более напряженными. Запад требовал информации о 16 «пропавших» польских политиках и в начале мая Москва предоставила сведения об их аресте. Настаивая на выяснении «вопроса», США и Великобритания заблокировали работу «Комиссии трех». Прозвучал ряд неблагоприятных для Москвы сигналов. Так, Черчилль был тверд, говоря о «железном занавесе, опустившемся вдоль линии фронта», о «нескольких сотнях миль оккупированной русскими территории, отделяющей нас от Польши». 18 мая, беседуя с советским послом Ф. Т. Гусевым, он возмущался тем, что «мы назвали польских кандидатов для переговоров, а вы посадили их в тюрьму... польские дела загнаны в тупик», обещал не позволить, «чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы». Посол доносил в Москву, что в английских парламентских кругах «польские агенты ведут разнузданную антисоветскую кампанию»³⁴.

Отношения между лидерами коалиции грозили разладиться. Последовало советское согласие на включение Миклояичика в состав кабинета. Оно выглядело советской уступкой Черчиллю, но соответствовало намерениям как СССР, так и западных союзников, заинтересованных в контактах со Сталиным. Трумэн, которого больше интересовало участие СССР в войне с Японией, чем состав польского кабинета, принял решение о компромиссе с Москвой, куда в конце мая 1945 г. отправился Г. Гопкинс, соратник покойного Рузвельта. В ходе бесед Гопкинса в Кремле

с 26 мая по 6 июня был согласован список поляков, приглашаемых на консультации в Москву. Временное правительство признано быть основой будущего кабинета. Возобновила работу «Комиссия трех», которая с 16 по 22 июня обсуждала состав нового кабинета³⁵.

При содействии советской стороны состоялась польско-польская встреча. К обсуждению были привлечены лидеры партий, в свое время создавших Временное правительство — беспартийный Б. Берут, социалисты Э. Осубка-Моравский и С. Швальбе, коммунисты В. Гомулка и З. Модзелевский, людовец В. Ковальский и демократ В. Жимовский. Демократические круги из страны и эмиграции представляли людовцы и социалисты — С. Миколайчик, Я. Станьчик, В. Керник, З. Жулавский. Как заметил польский историк А. Пачковский, если сторона Берута представляла собой «спаянный коллектив людей, тесно сотрудничавших почти два года, то сторона Миколайчика была собранием достаточно случайным и мало представительным... не имела ни общей концепции, ни, что важнее, общих политических интересов, а Миколайчик и не пытался ее сцементировать... такой состав и в таких условиях не мог подписать ничего, кроме капитуляции»³⁶.

Результатом встречи польских политиков было создание согласительной комиссии, которая 21 июня сформировала состав будущей правящей коалиции и Временного правительства национального единства. Премьер-министром остался Э. Осубка-Моравский. На основе партийного ключа по 6 постов получили коммунисты, социалисты и людовцы. Коммунисты сохранили контроль над армией, госбезопасностью, милицией, восстановлением промышленности и освоением западных земель. Сторонники Миколайчика получили 4 портфеля. Сам он стал вице-премьером и министром земледелия. Новые члены кабинета приняли программу внутренних преобразований Временного правительства, признали союз с СССР основой его внешнеполитического курса, обязались распустить структуры «подпольного государства», в том числе вооруженные отряды АК и отряды, созданные на основе ее кадров³⁷.

28 июня 1945 г. Президиум парламента Польши — Крайовой Рады Народовой — утвердил состав нового правительства. Благодаря взаимным уступкам глав великих держав и усилиям польских политиков, представлявших разные социально-политические слои общества, правительственная коалиция заметно

расширилась и процесс формирования коалиционного кабинета закончился. Возникла возможность существования в правительстве и стране демократической оппозиции, отражавшей настроения значительной части общества, и перспектива легальной политической борьбы за власть. Решение глав «большой тройки» о преобразовании Временного правительства было выполнено. 5 июля 1945 г. США и Великобритания признали новый польский кабинет. Это означало признание советских интересов в Польше. Подобного шага от Москвы не требовалось, так как Временное правительство уже имело признание СССР. Таким образом, имевшая место международная изоляция Польши была успешно преодолена, но Польша осталась в сфере советских интересов. Западные державы были вынуждены согласиться «со столь минимальными уступками Сталина и сузили конкретные ялтинские договоренности, потому что независимая Польша не являлась приоритетом их политики»³⁸. На повестку дня для глав коалиции вставал значительно более важный «германский вопрос».

Произошли перемены и в «подпольном государстве». В начале июля 1945 г. его руководящие деятели фактически признали поражение «внутреннего сопротивления» и правительства в эмиграции на магистральных политических направлениях: национальном (независимость от СССР) и геополитическом (Польша — барьер против большевизма), — и исчезновение возможности «законной подпольной борьбы». Они снимали с себя ответственность за действия остававшихся в подполье вооруженных отрядов аковцев и крайне правых НСЗ (Национальные вооруженные силы) и призывали поляков к легальной борьбе за «цели народа и наши программы», что предвещало появление в правительстве и стране оппозиции во главе с Миколайчиком³⁹.

Оппозиция планировала при содействии США и Великобритании переориентировать Польшу на буржуазно-демократическое развитие по западным стандартам и утвердить ее место на Западе континента. Правда, капитуляция Германии изменила субординацию коллективных задач «Большой тройки». Польские проблемы во многом утрачивали свою относительную самостоятельность, выступали как производное от определения будущего Германии. С разделом ее на зоны оккупации оказались связанными и проблемы, чрезвычайно важные для Польши, а именно территориальных приращений за

счет Германии, уточнение польско-германской границы, о чем главы антигитлеровской коалиции условились в Ялте. Для Москвы было желательным получить согласие западных союзников на признание максимально выгодной, как для СССР, так и для Польши, пограничной линии соответственно координатам, означенным 20 февраля 1945 г. Постановлением ГКО и уже существовавшей де-факто.

20 мая Сталин дал согласие на подготовку инициированной Черчиллем встречи глав СССР, США и Великобритании и предложил место ее проведения «в районе Берлина». Довольно быструю реакцию Москвы диктовали послевоенные условия нараставшего разлада в намерениях «большой тройки» тогда, когда общий враг был повержен. Российский историк В.О. Печатнов полагает, что во второй половине апреля 1945 г. «Черчилль пытался склонить преемника Рузвельта Трумэна и [командующего американской армией в Европе ген.] Эйзенхауэра к тому, чтобы занять Берлин и Прагу до вступления туда советских войск, продвинуться как можно дальше на восток за согласованные пределы зон оккупации Германии с тем, чтобы использовать западное военное присутствие в советской зоне в качестве рычага давления на Сталина. В послании Трумэну от 18 апреля Черчилль предложил не спешить с выводом американских войск из советской зоны и передать этот вопрос в ведение будущей Союзной контрольной комиссии по Германии. „Я готов придерживаться границ оккупационных зон, — оговаривался премьер, — но я не хочу, чтобы наши союзные или американские войска могли быть отброшены назад грубым окриком местного русского генерала”»⁴⁰.

Советское руководство заблаговременно принимало меры по обеспечению устойчивости западной, северной и южной границ Польши. С этой целью 29 мая 1945 г. были изданы три Директивы Ставки командованию советских войск. Две из них прямо касались границ Польши. Первой Директивой предписывалось создать Группу советских войск в Германии, которая дислоцировалась, «имея границами с запада — линию соприкосновения с войсками союзников, с востока — реки Одер и Нейсе (западная) и с юга — граница Чехословакии с Германией». Следует обратить внимание, что территории на восток от линии р. Одер-Нейсе исключались из ведения командующего Группой маршала Г.К. Жукова. Второй Директивой Ставки создавалась Северная группа войск под

командованием маршала К.К. Рокоссовского. Она дислоцировалась, за исключением Штеттинской (Щецинской) гавани, где действовала советская военная администрация, в новых границах Польши, фактически до советско-польской границы. Сосредоточение войск было приказано произвести в июне и закончить на новых землях Польши к 5–8 июля, на остальной территории до 15–20 июля 1945 г. Исполнение Директив предписывалось начать 10 июня 1945 г.⁴¹

Москва озаботилась и констатацией полномочий Польши на всей территории страны, включая бывшие земли Германии. 29 мая 1945 г. в Варшаве на встрече польского руководства во главе с Берутом и представителей командования Красной армии постановили, что власть в Польше полностью переходит от советских военных властей к польской гражданской администрации. Большинство советских военных комендатур было закрыто в мае-июне 1945 г., западная граница Польши перекрыта 10 июня, мосты через Одру и Нысу были взяты под контроль польской армией в конце месяца. В августе польская охрана западной границы уже действовала. В июле 1945 г. между СССР и Польшей был подписан ряд договоров и соглашений, утверждавших суверенные права Польши на всей территории до линии Одра-Ныса Лужицкая⁴². Таким образом, как следует из документов, в результате передислокации советских войск и установления охраны линии по р. Одер-Нейсе соответствующими подразделениями Войска Польского прочность границы Польши с советской зоной оккупации Германии была обеспечена еще до начала конференции в Потсдаме.

Создание Северной группы войск сопровождалось увеличением численности внутренних войск НКВД на территории Польши. Здесь находилось 15 из 35 полков, дислоцированных во всех странах нахождения Красной армии. Это диктовалось не только военно-оперативными целями обеспечения безопасности тыловых территорий, где проживали миллионы немцев (их настроения не были ни просоветскими, ни пропольскими). В это время через Польшу передвигались в разных направлениях сотни тысяч «перемещенных» людей, освобожденных из концлагерей, возвращавшихся с принудительных работ в Германии. Особой была задача не допустить дестабилизации внутриполитической ситуации в Польше накануне и во время Потсдамской конференции. В связи с подготовкой, затем созданием нового коали-

ционного кабинета и с целью продемонстрировать западным союзникам силу и массовость сопротивления «Советам» и польским коммунистам, неустойчивость внутренней ситуации в Польше перед встречей глав великих держав, борьба вооруженного подполья против власти и присутствия Красной армии в Польше заметно активизировалась. Так, например, по донесению 15 июня 1945 г. из Польши Л.П. Берия с 1 по 15 июня 1945 г. на территории Польши, «по неполным данным, „бандами” АК было совершено 120 вооруженных налетов на органы общественной безопасности и милиции, мелкие группы советских и польских военнослужащих, членов ППР и активистов, а также на гражданское население украинской и белорусской национальности». Было убито, ранено, уведено в лес 319 человек. Совместными действиями НКВД и польской госбезопасности было убито и ранено около 400 «бандитов», арестовано 1000 человек, из них 821 участник отрядов АК и НСЗ. Согласно донесению Берии Сталину 17 июня 1945 г. в лагерях и тюрьмах НКВД СССР находилось 8311 арестованных членов АК⁴³.

Так выглядел польский «фон» встречи Сталина, Трумэна и Черчилля, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. в Потсдаме. Здесь польский вопрос (территориальные приращения за счет восточных провинций Германии и установление линии польско-германской границы на ее западном участке, перемещение немецкого населения в пределы Германии, репарации жертве германской агрессии) рассматривался в тесной связи с будущим Германии. Летом 1945 г. СССР находился на вершине военной славы и международного авторитета. Советская сторона добивалась согласия Черчилля и Трумэна на такую западную границу Польши, которую в Ялте отстаивал Сталин. Но летом 1945 г. его партнеры по коалиции утратили решимость максимально наказать Германию и германский капитал за развязанную войну и миллионы жертв. Они скорректировали свои позиции, что отразил острый спор на конференции о приращении Польши за счет Германии. Он концентрировался вокруг вопроса, какой из притоков Одера (Одры) станет германо-польской границей, кому — будущей Германии или новой Польше — достанутся земли, столь богатые полезными ископаемыми. Возник вопрос и государственной принадлежности Штеттина (Щецина), полностью и окончательно переданного Польше в сентябре 1947 года⁴⁴.

Союзники протестовали против действий Сталина и польского правительства, принимавшего от Красной армии управление восточными провинциями Германии. Трумэн настаивал: германские территории предоставлены Польше как ее зона оккупации, германо-польская граница не определена. Сталин считал такую интерпретацию решений, принятых в Ялте, неверной, стремился закрепить международным признанием линию по р. Одер-Нейсе Западная (Одра-Ныса Лужицкая).

Как и было постановлено в Ялте, для урегулирования противоречий на конференцию пригласили польскую делегацию. Из Варшавы прибыли Б. Берут и Э. Осубка-Моравский, два вице-премьера — В. Гомулка и С. Миколайчик, а также М. Роля-Жимерский — Главнокомандующий Войска Польского, принимавшего участие во взятии Берлина, и министр иностранных дел В. Жимовский. Польская делегация была принята Сталиным и уведомила о разногласиях. Она встречалась с Трумэном и Черчиллем, которые высказали несогласие с тем, что Польше предоставлена слишком большая часть германской территории. Поляки были заслушаны министрами иностранных дел союзников. На неоднократных встречах с членами делегаций трех стран и в специальных документах, представленных конференции, все они — беспартийные, коммунисты, социалисты, демократы и людовцы — упорно отстаивали границу по Одру и Нейсе Западной, приводя исторические, геостратегические, демографические и экономические обоснования⁴⁵. Правда, на сепаратных встречах Миколайчика с западными лидерами его позиция выглядела не столь твердой. Он понимал, что западная граница, которую отстаивал Сталин, и освоение поляками новых территорий, чем руководил Гомулка, будут необратимым историческим завоеванием коммунистов, завоеванием самой высокой национально-государственной пробы. Миколайчик же, заинтересованный в получении от союзников политических авансов, предлагал связать согласие на искомую поляками границу с проведением выборов в сейм под контролем Запада, но поддержки не получил. Он не учел, что возможность обрести реальную помощь союзников в борьбе за власть без коммунистов упущена, поскольку в иерархии геополитических и экономических интересов Запада главное место заняла Германия. Состязание между Сталиным и Трумэном шло уже за будущую Германию, а не за Польшу.

Однако, ход обсуждений показал, что польские политики могли рассчитывать лишь на поддержку Сталина, отстаивавшего максимально возможное продвижение на Запад зоны советских геополитических интересов. Прагматик, обладавший политической интуицией, редким чутьем опасности и допустимых пределов разногласий с союзниками, он был озабочен в первую очередь сохранением сотрудничества в решении «германского вопроса». Поэтому Сталин принял предложенную американской стороной компромиссную формулировку: «бывшие германские территории», а именно, земли между Восточной Нейсе и Западной Нейсе, а также территории до р. Одер, земли, относившиеся до войны к свободному городу Данциг (Гданьск), и часть Восточной Пруссии, которая «не поставлена под управление» СССР, передавались «под управление Польского государства». Советский лидер уступил, но не ценой прекращения уже происходившего бегства немцев и заселения новых территорий поляками⁴⁶.

Принятое постановление о границе Польши имело две оговорки. Первая (окончательное ее определение откладывалось до мирной конференции), отражая следование международной традиции, придавала нестабильность принятому решению. В условиях, когда страх перед новой войной присутствовал в массовом сознании народов, временный характер границы с Германией мог использоваться великими державами для вмешательства в польские внутренние дела, стать инструментом политико-психологического давления на поляков. Вторая оговорка (земли, передаваемые *в управление*, «не должны [были] рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии») означала, по сути дела, согласие на их польскую государственную принадлежность до Одера и Нейсе Западной (Лужицкой)⁴⁷.

Следствием решений по западной границе Польши стала коллизия: можно было признавать правительство и страну, но воздерживаться от признания де-юре части её территории. Возникал фактор особой нестабильности государства — территория, которую Польша самостоятельно, без советского участия, не могла защитить, обеспечив там самым внешнеполитическую безопасность страны. Одновременно он и был фактором пролонгированной зависимости Варшавы от Москвы. «Незаконченность» решения о западной границе, отсутствие трехсторонних ее гарантий были учтены советской стороной. СССР становился единственным

гарантом устойчивости государственной территории Польши. Советское руководство, заинтересованное в безопасности «своей» зоны оккупации Германии и политического влияния в странах Восточной Европы, было удовлетворено таким характером союзных отношений с Польшей. Граница соединила и поставила во взаимозависимость текущие и долгосрочные геополитические возможности и интересы СССР и Польши, в первую очередь, на германском направлении. В этом союзе Москва была сильнее Варшавы во всех отношениях, и в массовом сознании поляков образ восточного соседа получил дополнительные черные краски, усилив антисоветские настроения, обострившиеся в связи с окончательной потерей восточных «кресов».

Неопределенность присутствовала и в решении Потсдамской конференции о перемещении «организованным и гуманным способом» в «пределы Германии» гражданского «немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии». Применительно к Польше она была следствием установленного временного характера западной границы. Текст XII пункта Протокола конференции содержал ряд дополнительных рекомендаций Контрольному Совету по Германии, направленных на затягивание выполнения этого решения. Совету поручалось «изучить эту проблему»; доложить «так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию ... и дать предложения о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться»; проинформировать о «вышеуказанном» правительства Польши и Чехословакии и Союзную Комиссию в Венгрии, которым «будет предложено воздержаться от дальнейшего выселения немецкого населения впредь до рассмотрения» доклада их представителей в Контрольном Совете⁴⁸.

Такой путь выполнения XII пункта Протокола конференции был результатом усилий западных лидеров. Но их стремление затормозить выселение немцев из Польши не соотносилось с реальным положением на новых польских землях. Отсюда осенью 1944 — зимой 1945 гг. эвакуировались или бежали с отступающим вермахтом от 3 до 5 млн немцев. Вплоть до середины 1945 г. здесь происходило «дикое выселение», изгнание немцев поляками, сопровождавшееся насилиями и грабежами. Пережитое полякам в годы войны сформировало объяснимое желание отомстить. На каждого немца воз-

лагалась коллективная вина за террор, гибель миллионов поляков и национальное унижение. Сосуществование с ними на одной территории и в одном государстве было тогда для поляков невыносимо. Оставшиеся и ожидавшие выселения около 3 млн немцев, коренных жителей новых польских земель, в полной мере испытали несправедливость, моральные и физические страдания, гибель близких как плату за гитлеровскую агрессию и оккупацию страны⁴⁹.

Параллельно с решением о депортации немцев Сталин, Трумэн и новый премьер-министр Великобритании К. Эттли взяли на себя обязательство оказывать содействие добровольному и скорейшему возвращению в Польшу миллионов польских граждан, войной разбросанных по миру. В итоговом заявлении о работе Потсдамской конференции западные союзники дезавуировали признание «бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует»⁵⁰. Отказали этому правительству в признании все 23 страны антигитлеровской коалиции.

Три лидера выразили позитивное отношение к Временному правительству национального единства, одобрили заявление Варшавы о согласии «провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы по возможности скорее на основании всеобщего избирательного права, при тайном голосовании». Правительству Польши было вменено предоставить «всем демократическим и антинацистским партиям» право принимать участие

и выставлять кандидатов, а «представителям союзной печати пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов». Обязательства польской стороны были сформулированы в предписании настолько «эластично», что в отсутствие оговоренных инструментов международного контроля над избирательным процессом организаторы выборов могли их обойти. Главы великих держав, учитывая разграбление, которому гитлеровцы подвергли польские земли, последствия военных действий и массовые людские потери этой страны с согласия Сталина постановили, что «СССР удовлетворит [репарационные] претензии Польши из своей доли репараций»⁵¹. В этом была заложена советская «плата» за максимально возможное в тех условиях для Польши (и СССР) решение по её западной границе.

Таким образом, постановлениями глав великих держав, принятыми в Ялте и Потсдаме, были оформлены новые польские государственность, территория и границы. Затянувшийся «польский вопрос» перестал быть предметом международных решений. Отношения Польши и СССР регулировались двусторонними договорами и соглашениями. Новая Польша превратилась в субъект международного сообщества, что исключало вероятность возврата к довоенному прошлому. Но борьба в Польше (и вокруг Польши) за общественное устройство, признание де-юре ее границ на западе и северо-востоке продолжалась не одно десятилетие.

¹ См. подр.: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 421–422.

² Materski W. Dyplomacja Polski "lubelskiej". Lipiec 1944 — marzec 1947. Warszawa. 2007. S. 367–368.

³ См. подр.: Польша в XX веке. Разд. III., очерк IV.

⁴ Davies N. Europawalczy. 1939–1945. Nietakieprostestwyciestwo. Kraków. 2008. S. 41, 384.

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 90, 91, 96 (Далее: Крымская конференция...); Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1, 2. М. 1958. Т. 2. С. 186.

⁶ Ялта-45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. С. 124, 132–133, 150–151.

⁷ Крымская конференция... С. 260–261, 213–214.

⁸ «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». Документы НВКД ССР о польском подполье. 1944–1955. М. —Новосибирск. С. 175–176, 247.

⁹ «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». С. 100–101.

¹⁰ Переписка ... Т. 1. С. 286–287; Т. 2. С. 178–179; Ялта — 45. Начертания нового мира. М., 2010 С. 125 (факсимильная публикация Ялтинских документов из личного архива И. В. Сталина).

¹¹ Крымская конференция... С. 91–95, 260–261.

¹² К декабрю 1944 г. на территории Белорусского военного округа и Польши было убито 310 и ранено 92 военнослужащего (Русский Архив. Великая Отечественная. 14 (3) 1. СССР — Польша. Документы и материалы. М., 1994. (Далее: Русский Архив. Т. 14 (3) 1). С. 387–388).

¹³ Крымская конференция... С. 91, 95, 96, 119–120.

- ¹⁴ Ответственный польский историк К. Керстен признавала, что «более благоприятной и реальной, с точки зрения польских интересов» альтернативы, кроме перехода Польши в сферу интересов СССР и установления власти коммунистов, тогда не существовало: Kersten K. *Międzywyzwolenimazniewoleniem. Polska. 1944–1956*. Londyn.1993. S. VII. В 80–90-е годы так считали известные, столь разные польские деятели, как А. Валицкий, Е. Гедройц, Ч. Милош(См.: Ślabeek H. *Inaczej Historii Polski. 1945–1989*. Warszawa. 2000. S. 154).
- ¹⁵ В октябре 1944 г. У. Черчилль, убеждая С. Миколайчика, настаивавшего, что с утратой «кресов» Польша «теряет все», парировал: она «теряет только болота на Припяти и 5 миллионов в основном украинцев, а не поляков» (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. М., 1974. С. 289. Далее: ДМИСПО).
- ¹⁶ Ялта. Начертания нового мира... С. 139–141, 149, 190; Крымская конференция... С. 214.
- ¹⁷ *Polskie Siły Zbrojne. T.III. Armia Krajowa*. S. 65; Pobóg- Malinowski W. *Najnowsza historia polityczna Polski*. Londyn. 1960. S. 858.
- ¹⁸ *Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. 1942–1948*. Warszawa. 1984. S. 290–291.
- ¹⁹ О том, что в странах Западной Европы стояли не менее внушительные войска США (3,7 млн) и Великобритании (1,5 млн чел.), поляки, как правило, не думали.
- ²⁰ Kersten K. *Narodziny system władzy. Polska.1943–1948*. Lublin. 1989. S. 117–118; Strzembosz T. *Rzecz pospolita podziemna. Społeczeństwo polskie a państwo podziemne. 1939–1945*. Warszawa.2000. S. 352–353.
- ²¹ См. подр.: Волокитина Т.В. Мурашко Г.П. Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность. Общественные процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг. М., 1994.
- ²² См. подр.: «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...» С. 211–214, 220–229 и др.
- ²³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999, С. 87.
- ²⁴ Тем самым СССР закреплял отрезок домюнхенской границы Чехословакии. В апреле 1945 г. охрана границы по линии 1938 г. была поручена войскам НКВД, а с июля 1945 г. ее приняло командование Войска Польского (Советский фактор в Восточной Европе.1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М. 1999. С. 153, 219; Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski. 1944–1946. Warszawa 1998. S.229–230).
- ²⁵ Русский архив... 14 3 (1)... С. 409–410
- ²⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.-Новосибирск. 1997. С. 158–159.
- ²⁷ Восточная Европа в документах ... Т. 1. С. 189–190; Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 27. Л. 163–165; Friszke A. *Jałta! Pozdam w polskich koncepcjach politycznych // Jałta, Poczdarn. Proces podejmowani decyzji*. Warszawa. 1996. S. 97.
- ²⁸ Осенью 1940 г. полковник Окулицкий командовал Львовским округом АК; в январе 1941 г. во Львове был арестован НКВД, и, находясь в тюрьме на Лубянке, написал в своих показаниях, что Польше рассчитывать на помощь Англии — это «детская фантазия» и «польский народ должен стать на сторону СССР»; в августе 1941 г. амнистирован, вступил в армию под командованием ген. В. Андерса, в 1942 г. выехал в Иран, в 1944 г. участвовал в Варшавском восстании (Цит. по: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 313)
- ²⁹ Восточная Европа в документах,... Т. 1, С. 189.
- ³⁰ «Из Варшавы. Москва, Товарищу Берия... С. 155–172; Strzembosz T. *Rzecz pospolita podziemna*. S.348; См. подр.: Duraczyński E. *Generał Iwanow zaprasza. Przywódcy podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim*. Warszawa. 1989.
- ³¹ ДМИСПО. М, 1974 Т. VIII. С 404, 406, 410–411, 419, 430–432; Переписка...Т. 1. С. 334–336, 352–353; Т. 2. С. 217–218, 223–225
- ³² ДМИСПО. Т.VIII.С. 414–416; Materski W. *DyplomacjaPolski «lubelskiej»...S.69–72*.
- ³³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М.2003. С.20; Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М.2004. С. 524–529.
- ³⁴ Цит. по: Kersten K. *Jałta w polskiej perspektywie*. Londyn.1989. S.139; Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 523; Buchler P. *Polska droga dowolności.1939–1995*. Warszawa. 1999. S.135–136.
- ³⁵ Психологическим «фоном» служил одновременно проходивший процесс по «делу» 16-ти польских политиков. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР главные обвиняемые «в преступной деятельности против СССР» были осуждены: Л. Окулицкий на 10 и Я. Янковский на 8 лет, Приговор обжалованию не подлежал. Осужденные на короткие сроки были вскоре подведены под амнистию по случаю окончания Великой Отечественной Войны и осенью 1945 г. возвратились в Польшу. В заключении остались главные обвиняемые, которые скончались в тюрьме: Окулицкий и Ясюкович в 1946 г., Янковский — в 1953 г. Приговор 1945 г. отменен Военной коллегией Верховного суда СССР в 1990 г. за отсутствием состава преступления, осуждение признано незаконным.
- ³⁶ Известия. 1945. 13 июня 1945. Paczkowski A. Stanisław Mikołajczyk czyli kłeska realisty. Warszawa.1991. S.132, 135.
- ³⁷ Парсаданова В. С. Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. С. 16–18; ДМИСПО. Т. VIII. С. 453–4543; Skrzypek A. *Mechanizmy zależności. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957*. Pułtusk. 2002. S. 87–90.
- ³⁸ Friszke A. *Polska. Losy Państwa Narodu.1939–1989*.Warszawa. 2003. S. 115.
- ³⁹ *Armia Krajowa w dokumentach. 1939–1945*.Т. V. Wrocław — Warszawa — Krakow. 1991.S.430–431; Цит. по: Ślabeek H. *O społecznej historii Polski.. 1945–1989*. Warszawa. 2009. S.55.
- ⁴⁰ Печатнов В.О. На излете «Великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце Второй мировой войны (по новым документам) \ Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 15–19). Нарушение союзными войсками советской зоны оккупации и «окрик» Г.К. Жукова, действительно, имели место летом 1945 г.
- ⁴¹ Войска надлежало сосредоточить в Данциге, Свиномюнде, Нейштеттине, Лодзи, Познани, Бреслау, Ченстохове, Кракове, Люблине, Кельцах, Пултуске, Млаве, Ломже, Белостоке. (Русский архив. Великая отечественная. Т. 15. (4–5). Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии) М., 1995. С. 421–424, 431–433; Русский архив . Т. 14 . 3 (1). С. 431).

⁴² Парсаданова В. С. Советско-польские отношения. С. 69–70; ДМИСПО. Т. VIII. С. 472.

⁴³ «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...»... С. 220–223. О ситуации в Польше накануне встречи в Потсдаме см. подр.: Польша в XX веке... С. 455–458.

⁴⁴ См. подр.: Карбовский А. С. «По линии Одер–Нейссе...». Русские, поляки и немцы в Щецине (Штеттине) в 1945–1947 гг. М., 2007.

⁴⁵ Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1982. С. 258–260.

⁴⁶ См. подр.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны. 1941–1945 гг. Берлинская конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании 17 июля – 2 августа 1945 г. Сб. док. М., 1984 (далее: Берлинская конференция...); ДМИСПО. Т. VIII. С. 479–488, 521–528, 534–535.

⁴⁷ Берлинская конференция... С. 476, 497.

⁴⁸ Там же. С. 473, 494.

⁴⁹ Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. S. 136.

⁵⁰ Берлинская конференция... С. 493.

⁵¹ Берлинская конференция... С. 492–493, 489–490; ДМИСПО. Т. VIII. С. 541–544.

Документы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.)*

1.

Протокол Берлинской конференции трех великих держав

1 августа 1945 г.

Происходившая с 17 июля по 2 августа 1945 г. в Берлине Конференция Глав Правительств Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Великобритании пришла к следующим заключениям:

I. ОБ УЧРЕЖДЕНИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

- A. Конференция достигла следующего соглашения относительно создания Совета Министров Иностранных Дел для проведения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию:

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

1. Должен быть учрежден Совет в составе Министров Иностранных Дел Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Франции и Соединенных Штатов Америки.
2.
 - a) Нормально Совет будет заседать в Лондоне, который будет являться постоянным местом пребывания Объединенного Секретариата, который будет создан Советом. Каждого Министра Иностранных Дел будут сопровождать Заместитель высокого ранга, должным образом уполномоченный вести работу в Совете в отсутствие его Министра Иностранных Дел, и небольшой штат технических советников.
 - b) Первое заседание Совета состоится в Лондоне не позднее 1 сентября 1945 г. Заседания могут созываться по общему соглашению в других столицах, о чем можно будет время от времени договариваться.
3.
 - a) В качестве немедленной и важной задачи Совета на него возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии для представления их Объединенным Нациям и выработка предложений по урегулированию территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе. Совет будет использован для подготовки мирного урегулирования для Германии, с тем чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано.
 - b) Для разрешения каждой из этих задач Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали Условия Капитуляции, продиктованные тому враже-

* Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.) М.: Политиздат, 1984, с. 427–464.

- скому государству, которого касается данная задача. При рассмотрении вопроса мирного урегулирования с Италией Франция будет рассматриваться как подписавшая Условия Капитуляции Италии. Другие члены будут приглашаться участвовать в Совете, когда будут рассматриваться вопросы, прямо их касающиеся.
- c) Другие дела будут время от времени передаваться Совету по соглашению между Правительствами, являющимися его членами.
4. a) Когда Совет будет рассматривать вопрос, в котором непосредственно заинтересовано государство, не представленное в нем, это государство должно быть приглашено прислать своих представителей для участия в обсуждении и изучении этого вопроса.
b) Совет может приспособить процедуру своей работы к характеру данной рассматриваемой им проблемы. В некоторых случаях он может предварительно обсудить вопрос в своем составе до участия других заинтересованных государств. В другом случае Совет может созвать официальную конференцию государств, наиболее заинтересованных в решении какой-либо данной проблемы.
- В.** Решено также, что все три правительства пошлют идентичные приглашения правительствам Китая и Франции принять этот текст и присоединиться к учреждению Совета. Текст одобренных приглашений гласит следующее:
- СОВЕТ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**
- Проект идентичного приглашения, которое должно быть послано отдельно каждым из трех Правительств:
- Правительствам Китая и Франции
- «Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик считают необходимым начать без промедления проводить важнейшую подготовительную работу по мирному урегулированию в Европе. С этой целью они согласились относительно создания Совета Министров Иностранных Дел пяти великих Держав для подготовки мирных договоров с бывшими вражескими европейскими государствами для представления этих договоров Объединенным Нациям. Совет будет также уполномочен делать предложения относительно урегулирования неразрешенных территориальных вопросов в Европе и рассматривать также другие вопросы, которые правительства — члены Совета, по соглашению между ними, могут поручить ему (текст, принятый тремя правительствами, приведен выше).
- По соглашению с Правительствами, Правительство приглашает Правительство Китая/Франции принять приведенный выше текст и присоединиться к мероприятиям по учреждению Совета.
- Правительство придает большое значение участия Французского Правительства в предлагаемых мероприятиях, и оно надеется получить быстрый и благоприятный ответ на это приглашение».
- С.** Учреждение Совета Министров Иностранных Дел для специальных целей, названных в этом тексте, не будет противоречить соглашению, достигнутому на Крымской конференции, о том, что должны иметь место периодические консультации Министров Иностранных Дел Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства.
 - Д.** Конференция рассмотрела также положение Европейской Консультативной Комиссии в свете соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел. С удовлетворением было отмечено, что Комиссия успешно справилась с ее основными задачами, представив рекомендации относительно безоговорочной капитуляции Германии, зон оккупации Германии и Австрии и межсоюзного контрольного механизма в этих странах. Было установлено, что дальнейшая работа детального характера по координации политики Союзников в отношении контроля над Германией и Австрией должна в будущем входить в компетенцию Контрольного Совета в Берлине и Союзнической Комиссии в Вене. В соответствии с этим рекомендуется распустить Европейскую Консультативную Комиссию.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ,
КОТОРЫМИ НЕОБХОДИМО РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ
С ГЕРМАНИЕЙ В НАЧАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Были приняты следующие политические и экономические принципы обращения с Германией:

A. Политические принципы

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета.
2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением во всей Германии.
3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:
 - I) Полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. С этими целями:
 - a) все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и Гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая Генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувоспитательные организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма;
 - b) все вооружение, амуниция и орудия войны и все специализированные средства для их производства должны находиться в распоряжении Союзников или должны быть уничтожены. Поддержание и производство всех самолетов и всякого вооружения, амуниции и орудий войны будет предотвращено.
 - II) Убедить немецкий народ, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что он навлек на себя, поскольку его собственное безжалостное ведение войны и фанатическое сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали хаос и страдания неизбежными.
 - III) Уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.
 - IV) Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни.
4. Все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены. Никакая такая дискриминация — правовая, административная или иная — не будет терпима.
5. Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы.
6. Все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полупубличных должностей и с ответственных постов в важных

частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии.

7. Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.
8. Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии.
9. Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности. С этой целью:
 - I) Местное самоуправление будет восстанавливаться по всей Германии на демократических началах, и в частности через выборные советы, настолько быстро, насколько это совместимо с сохранением военной безопасности и целями оккупации.
 - II) Во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения.
 - III) Принципы представительства и выборности должны вводиться в районные, провинциальные управления и управления земель настолько быстро, насколько это может быть оправдано успешным применением этих принципов в местном самоуправлении.
 - IV) Пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства. Однако, несмотря на это, будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты, возглавляемые государственными секретарями, в частности, в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности. Эти департаменты будут действовать под руководством Контрольного Совета.
10. С учетом необходимости поддержания военной безопасности будет разрешаться свобода слова, печати и религии и религиозные учреждения будут уважаться. Будет разрешено создание свободных профсоюзов, также с учетом необходимости поддержания военной безопасности.

В. Экономические принципы

11. В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химические продукты, машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии, достаточным для осуществления целей, изложенных в пункте 15. Производственные мощности, ненужные для промышленности, которая будет разрешена, должны быть либо изъяты в соответствии с репарационным планом, рекомендованным Межсоюзной репарационной комиссией, и утверждены заинтересованными правительствами, либо уничтожены, если не будут изъяты.
12. В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений. Несмотря на это, однако, и для достижения целей, изложенных в настоящем документе, должны быть сохранены или восстановлены определенные формы центрального административного аппарата, особенно в области финансов, транспорта и коммуникаций.
13. При организации экономики Германии главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления.
14. В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. С этой целью должна быть установлена общая политика относительно:
 - a) производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности;
 - b) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;

- с) зарплаты, цен и rationирования;
- d) программы импорта и экспорта для Германии в целом;
- e) денежной и банковской системы, централизованных налогов и пошлин;
- f) репараций и устранения военно-промышленного потенциала;
- g) транспорта и коммуникаций.

При проведении этой политики по мере надобности должны приниматься во внимание различные местные условия.

15. Должен быть установлен союзный контроль над германской экономикой, но только в пределах необходимых:
 - a) для выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации, репараций и разрешенного экспорта и импорта;
 - b) для обеспечения производства товаров и обеспечения услуг, необходимых для удовлетворения нужд оккупационных сил и перемещенных лиц в Германии и важных для поддержания в Германии среднего жизненного уровня, не превышающего средний жизненный уровень европейских стран (европейские страны означают все европейские страны, за исключением Соединенного Королевства и Советского Союза);
 - c) для обеспечения, в порядке, который установит Контрольный Совет, равномерного распределения основных предметов между различными зонами, с тем чтобы создать сбалансированную, экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте;
 - d) для контроля над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и достижения других названных здесь задач;
 - e) для контроля над всеми германскими общественными или частными научными, исследовательскими и экспериментальными учреждениями, лабораториями и т. д., связанными с экономической деятельностью.
16. Для введения и поддержания экономического контроля, установленного Контрольным Советом, должен быть создан германский административный аппарат, и германским властям должно быть предложено в полном, практически возможном объеме заявить и принять на себя управление этим аппаратом. Таким образом германскому народу должно быть внушено, что ответственность за это управление и любой срыв его будет лежать на нем. Любое германское управление, которое будет противоречить целям оккупации, будет запрещено.
17. Должны быть приняты немедленные меры в отношении:
 - a) проведения необходимого ремонта транспорта;
 - b) увеличения добычи угля;
 - c) максимального увеличения сельскохозяйственной продукции и
 - d) проведения срочного ремонта жилищ и основных коммунальных предприятий.
18. Контрольный Совет должен предпринять надлежащие шаги для осуществления контроля и распоряжения теми германскими активами за границей, которые еще не поступили под контроль Объединенных Наций, принимавших участие в войне против Германии.
19. После оплаты репараций германскому народу должно быть оставлено достаточно ресурсов, для того чтобы он мог существовать без помощи извне. При составлении хозяйственного баланса Германии должны быть выделены необходимые средства для импорта, одобренного Контрольным Советом в Германии. Выручка от экспорта продуктов текущего производства и товарных запасов идет в первую очередь для оплаты такого импорта.

Указанное здесь условие не будет применяться к оборудованию и продуктам, упомянутым в пунктах 4 «а» и 4 «b» Соглашения о германских репарациях.

III. РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

1. Репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей.
2. СССР удовлетворит репарационные претензии Польши из своей доли репараций.

3. Репарационные претензии Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и других стран, имеющих право на репарации, будут удовлетворены из Западных зон и из соответствующих германских вложений за границей.
4. В дополнение к репарациям, получаемым Советским Союзом из своей зоны оккупации, СССР получит дополнительно из Западных зон:
 - а) 15 % такого пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования, в первую очередь металлургической, химической и машиностроительной отраслей промышленности, которое не является необходимым для германского мирного хозяйства и должно быть изъято из Западных зон Германии в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле, поташе, цинке, лесных материалах, глиняных изделиях, нефтяных продуктах и других видах материалов, о которых будет обусловлено договоренностью.
 - б) 10 % такого промышленного капитального оборудования, которое не является необходимым для германской мирной экономики и которое должно быть изъято из Западных зон для передачи Советскому Правительству в счет репараций без оплаты или возмещения любым образом.

Изъятия оборудования, обусловленного в вышеизложенных параграфах «а» и «б», будут производиться одновременно.

5. Количество оборудования, подлежащего изъятию из Западных зон в счет репараций, должно быть определено самое позднее в течение шести месяцев, начинающихся с настоящего времени.
6. Изъятия промышленного капитального оборудования начнутся так скоро, как это возможно, и будут закончены в течение 2 лет после решения, указанного в пункте 5. Поставки продуктов, обусловленных параграфом 4 (а), начнутся так скоро, как это возможно, и будут произведены Советским Союзом партиями, обусловленными по договоренности в течение 5 лет от упомянутой даты. Решения о количестве и характере промышленного капитального оборудования, которое не является необходимым для германской мирной экономики и поэтому подлежащего репарациям, будут приняты Контрольным Советом, согласно политике, принятой Союзной комиссией по репарациям, с участием Франции, причем окончательные решения будут выноситься командующим зоной, из которой будет изъято оборудование.
7. До определения общего количества оборудования, подлежащего изъятию, будут произведены авансовые поставки такого оборудования, которое будет определено в соответствии с порядком, указанным в последней фразе пункта 6.
8. Советское Правительство отказывается от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в Западных зонах оккупации Германии, а также на германские заграничные активы во всех странах, за исключением тех, которые указаны в пункте 9.
9. Правительства США и Соединенного Королевства отказываются от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в Восточной зоне оккупации Германии, а также на германские заграничные активы в Болгарии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Восточной Австрии.
10. Советское Правительство не имеет претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии.

IV. ПЕРЕДАЧА ГЕРМАНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО И ТОРГОВОГО ФЛОТА

А

Были приняты следующие принципы распределения германского военно-морского флота:

- 1) Весь германский надводный военно-морской флот, исключая потопленные корабли и те, которые были взяты у союзных государств, но включая корабли, находящиеся в постройке и в ремонте, будет разделен поровну между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами.
- 2) Корабли, находящиеся в постройке или ремонте, означают такие корабли, строительство или ремонт которых может быть закончен в период от 3 до 6 месяцев в зависимости от типа корабля. Вопрос о том, должны ли такие находящиеся в постройке или ремонте корабли быть

достроены или отремонтированы, будет решаться упоминаемой ниже Технической комиссией, назначенной тремя Державами, принимая во внимание принцип, что их достройка или ремонт должны быть завершены в течение указанного выше срока, без какого-либо увеличения количества квалифицированной рабочей силы на германских судостроительных верфях и без допущения возобновления деятельности какого-либо германского судостроения или связанной с ним промышленности. Дата окончания означает дату, когда корабль в состоянии сделать первый выход, или, в соответствии со стандартами мирного времени, обычную дату передачи корабля судостроительной верфью правительству.

- 3) Большая часть германского подводного флота должна быть потоплена. Не более 30 подводных лодок должны быть сохранены и разделены поровну между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами для экспериментальных и технических целей.
- 4) Все запасы вооружения, боеприпасов и снабжения германского военно-морского флота, относящиеся к кораблям, передаваемым в соответствии с параграфами 1 и 3 настоящего документа, должны быть переданы соответствующим державам, получающим эти корабли.
- 5) Три Правительства согласились создать Тройственную Военно-Морскую Комиссию, состоящую из двух представителей от каждого правительства, которым будет придан необходимый штат, для представления трем Правительствам согласованных рекомендаций о распределении конкретных германских военных кораблей и для рассмотрения других вопросов, возникающих из соглашений между тремя Правительствами о германском флоте. Первое заседание Комиссии должно состояться не позднее 15 августа 1945 г. в Берлине, который будет являться местом ее пребывания. Каждая делегация в Комиссии будет иметь право на основе взаимности осматривать германские военные корабли, где бы они ни находились.
- 6) Три Правительства согласились, что передача кораблей, включая те, которые находятся в постройке и ремонте, должна быть закончена как можно скорее, но не позднее чем 15 февраля 1946 г. Комиссия каждые две недели будет представлять доклады, включающие предложения, по мере принятия их Комиссией, относительно постепенного распределения судов.

В

Были приняты следующие принципы распределения германского торгового флота:

- 1) Германский торговый флот, сдавшийся трем Державам, независимо от его местонахождения, будет поровну разделен между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. Реальная передача судов соответствующим странам будет иметь место, как только это практически станет возможным после окончания войны против Японии. Соединенное Королевство и Соединенные Штаты выделяют из своих долей сдавшихся немецких торговых судов соответствующие количества для других союзных государств, торговое судоходство которых понесло тяжелые потери в борьбе за общее дело против Германии, исключая Польшу, суда для которой выделит Советский Союз из своей доли.
- 2) Распределение, обеспечение командами и использование этих судов в период японской войны будет находиться в компетенции и власти Объединенного совета по координации судоходства и Объединенного управления торгового флота.
- 3) Пока реальная передача судов будет отложена до окончания войны против Японии, Тройственная Комиссия по Торговому Флоту произведет инвентаризацию и оценку всех имеющихся в наличии судов и даст рекомендации относительно конкретного распределения в соответствии с параграфом 1.
- 4) Немецкие суда берегового плавания и суда, плавающие внутри страны, которые будут определены Союзным Контрольным Советом в Германии как необходимые для поддержания основ мирной экономики Германии, не будут включены в общую массу судов, разделяемых таким образом между тремя Державами.
- 5) Три Правительства согласны создать Тройственную Комиссию по Торговому Флоту, состоящую из двух представителей от каждого Правительства, которым будет придан необходимый штат, для представления согласованных рекомендаций трем Правительствам относительно распределения конкретных немецких торговых судов и для рассмотрения других конкретных вопросов, возникающих из соглашения между тремя Правительствами относительно немецких торговых судов. Первое заседание Комиссии состоится не позднее 1 сентября 1945 г. в Берлине, который будет являться местом ее пребывания. Каждая Делегация в Комиссии будет

иметь право на основе взаимности инспектировать германские торговые суда, независимо от их возможного местонахождения.

V. ГОРОД КЕНИГСБЕРГ И ПРИЛЕГАЮЩИЙ К НЕМУ РАЙОН

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства о том, чтобы впредь до окончания решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку — севернее Браунсберга — Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии.

Конференция согласилась в принципе с предложением Советского Правительства о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше. Однако точная граница подлежит исследованию экспертов.

Президент США и премьер-министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение на конференции при предстоящем мирном урегулировании.

VI. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Три Правительства отметили обсуждение, которое происходило за последние недели в Лондоне между британскими, американскими, советскими и французскими представителями, с целью достижения соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской декларации от октября 1943 г. не относятся к определенному географическому месту. Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду. Они надеются, что переговоры в Лондоне будут иметь своим результатом скорое соглашение, достигнутое с этой целью, и они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года.

VII. ОБ АВСТРИИ

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства о распространении компетенции Временного Австрийского Правительства на всю Австрию.

Три Правительства согласились, что они готовы изучить этот вопрос после вступления британских и американских войск в г. Вену.

Согласились, что репарации не должны взиматься с Австрии.

VIII. ПОЛЬША

A. Заявление по польскому вопросу

Конференция приняла следующее заявление по польскому вопросу:

Мы приняли во внимание с чувством удовлетворения соглашение, достигнутое представителями поляков из Польши и из-за границы, которое сделало возможным формирование, согласно с решениями, достигнутыми на Крымской конференции, Польского Временного Правительства Национального Единства, признанного тремя Державами. Установление Британским Правительством и Правительством Соединенных Штатов дипломатических отношений с Польским Временным Правительством привело к прекращению признания ими бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует.

Правительства Соединенных Штатов и Великобритании приняли меры по защите интересов Польского Временного Правительства Национального Единства, как признанного правительства польского государства, в отношении собственности, принадлежащей польскому государству, находящейся на их территориях и под их контролем, независимо от того, какую форму эта собственность имеет.

Они приняли далее меры, чтобы предупредить передачу такой собственности третьим сторонам. Временному Польскому Правительству Национального Единства будут предоставлены все возможности для применения обычных юридических мер по восстановлению любой собственности польского государства, которая могла быть незаконно отчуждена.

Три Правительства озабочены тем, чтобы оказать Польскому Временному Правительству Национального Единства помощь в деле облегчения возвращения в Польшу так скоро, как это

фактически возможно, всех поляков, находящихся за границей, которые пожелают возвратиться в Польшу, включая членов польских вооруженных сил и торгового флота. Они ожидают, что возвращающимся на родину полякам будут предоставлены личные и имущественные права на равных основаниях со всеми польскими гражданами.

Три Державы принимают во внимание, что Польское Временное Правительство Национального Единства в соответствии с решениями Крымской конференции заявило о согласии провести свободные и ничем не воспрепятственные выборы, по возможности скорее, на основании всеобщего избирательного права, при тайном голосовании, в которых все демократические и антинацистские партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов, и предоставить представителям союзной печати пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов.

В. Западная граница Польши

В соответствии с соглашением, достигнутым на Крымской конференции, Главы трех Правительств запросили мнение Польского Временного Правительства Национального Единства относительно территории на севере и западе, которую Польша должна получить. Председатель Крайовой Рады Народовой и члены Польского Временного Правительства Национального Единства были приняты на Конференции и изложили свою точку зрения со всей полнотой. Главы трех Правительств подтверждают свое мнение о том, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирного урегулирования.

Главы трех Правительств согласились, что впредь до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой Западная Нейсе и вдоль этой реки — до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данцига, должны находиться под управлением Польского государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии.

IX. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ И ДОПУЩЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Три Правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии было изменено заключением мирных договоров. Они уверены, что другие заинтересованные союзные правительства разделяют их точку зрения.

Со своей стороны три Правительства включили подготовку мирного договора для Италии как первоочередную задачу в число срочных и важных задач, которые должны быть рассмотрены Советом Министров Иностранных Дел. Италия первая из держав оси порвала с Германией, в поражение которой она внесла материальный вклад, и сейчас объединилась с союзниками в борьбе против Японии. Италия сама освободилась от фашистского режима и сделала большой прогресс в направлении восстановления демократического управления и учреждений. Заключение такого мирного договора с признанным демократическим Итальянским Правительством делает возможным для трех Правительств исполнить их желание поддержать просьбу Италии о принятии в члены Организации Объединенных Наций.

Три Правительства возлагают также на Совет Министров Иностранных Дел задачу подготовки мирных договоров для Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии. Заключение мирных договоров с признанными демократическими правительствами в этих государствах позволит также трем Правительствам поддержать их просьбу о принятии в члены Организации Объединенных Наций. Три Правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами.

Три Правительства не сомневаются в том, что ввиду изменившихся в результате окончания войны в Европе условий представители союзной прессы будут пользоваться полной свободой сообщать миру о событиях в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

Что касается допуска в Организацию Объединенных Наций других государств, статья IV Устава Объединенных Наций гласит:

- «1. Прием в члены Организации Объединенных Наций открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по мнению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять.
2. Прием любого такого государства в члены Организации Объединенных Наций производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности».

Три Правительства, поскольку это их касается, поддержат просьбу о принятии в члены тех государств, которые оставались нейтральными во время войны и которые будут выполнять положения, изложенные выше.

Три Правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены, заявленную теперешним Испанским Правительством, которое, будучи создано при поддержке держав оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства.

Х. О ПОДОПЕЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства по вопросу о подопечных территориях, как они определены в решении Крымской конференции и в Уставе Организации Объединенных Наций.

После обмена мнениями было решено, что вопрос о бывших итальянских колониальных территориях является также вопросом, который должен быть решен в связи с подготовкой мирного договора с Италией и что вопрос об итальянских колониальных территориях будет рассмотрен Советом Министров Иностранных Дел в сентябре сего года.

ХІ. ПЕРЕСМОТРЕННАЯ ПРОЦЕДУРА СОЮЗНЫХ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РУМЫНИИ, БОЛГАРИИ И ВЕНГРИИ

Три Правительства отметили, что советские представители в Союзных Контрольных Комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии сообщили их коллегам из Соединенного Королевства и Соединенных Штатов предложения по улучшению работы Контрольных Комиссий теперь, когда военные действия в Европе прекратились.

Три Правительства согласились, что теперь будет предпринят пересмотр процедуры Союзных Контрольных Комиссий в этих странах, принимая во внимание интересы и ответственность трех Правительств, которые совместно предъявили условия перемирия соответственным странам, и принимая в качестве базы в отношении всех трех стран предложения Советского Правительства для Венгрии, при сем прилагаемые (приложение № 1).

ХІІ. УПОРЯДОЧЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Конференция приняла следующее решение:

Три Правительства, рассмотрев вопрос во всех аспектах, признают, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии. Они согласны в том, что любое перемещение, которое будет иметь место, должно производиться организованным и гуманным способом. Так как прибытие большого количества немцев в Германию увеличивает бремя, лежащее на оккупационных властях, они считают, что Контрольный Совет в Германии должен в первую очередь изучить эту проблему, особенно обратив внимание на вопрос справедливого распределения этих немцев по всем зонам оккупации. Они дадут инструкции своим представителям в Контрольном Совете доложить своим Правительствам так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию из Польши, Чехословакии и Венгрии, и дать предложения о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться, принимая во внимание существующую ситуацию в Германии.

В то же самое время Чехословацкое Правительство, Польское Временное Правительство и Союзная Контрольная Комиссия в Венгрии будут информированы о вышеуказанном и им будет предложено воздержаться от дальнейшего выдворения немецкого населения впредь до рассмотрения соответствующими правительствами доклада их представителей в Контрольном Совете.

XIII. НЕФТЕОБОРУДОВАНИЕ В РУМЫНИИ

Конференция согласилась создать две двусторонние комиссии экспертов, одну из представителей Соединенного Королевства и советских представителей и одну из представителей Соединенных Штатов и советских представителей, по изучению фактов и документов в качестве основы для разрешения вопросов, возникающих из изъятия нефтеоборудования в Румынии. Согласились далее, что эти эксперты начнут свою работу на месте не позже чем через десять дней.

XIV. ИРАН

Согласились, что союзные войска будут немедленно выведены из Тегерана и что дальнейшие периоды вывода войск из Ирана должны быть рассмотрены на заседании Совета Министров Иностранных Дел, которое состоится в Лондоне в сентябре 1945 г.

XV. О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗОНЕ ТАНЖЕРА

Было рассмотрено предложение Советского Правительства и принято следующее решение:

Рассмотрев вопрос о зоне Танжера, три Правительства условились, что эта зона, включающая город Танжер и прилегающий к нему район, ввиду ее особого стратегического значения должна остаться международной.

Вопрос о Танжере обсудить в ближайшее время на совещании представителей четырех Правительств: СССР, США, Великобритании и Франции в Париже.

XVI. ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ

Три Правительства признали, что Конвенция о Проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени.

Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством.

XVII. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВНУТРЕННИЕ ВОДНЫЕ ПУТИ

Конференция рассмотрела предложение Американской делегации по этому вопросу и согласилась передать его на рассмотрение предстоящего заседания Совета Министров Иностранных Дел в Лондоне.

XVIII. О КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВНУТРИЕВРОПЕЙСКОМУ ТРАНСПОРТУ

Британская и Американская делегации на Конференции информировали Советскую делегацию о желании Британского и Американского Правительств возобновить внутриевропейскую транспортную конференцию и заявили, что они приветствовали бы заверение в том, что Советское Правительство будет участвовать в работе этой конференции. Советское Правительство согласилось участвовать в этой конференции.

XIX. ДИРЕКТИВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ, ЧЛЕНАМ СОЮЗНОГО КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА В ГЕРМАНИИ

Три Правительства согласились, что каждое из них направит директиву своему представителю в Контрольном Совете относительно вопросов, входящих в сферу его компетенции.

XX. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЮЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДЛЯ УПЛАТЫ РЕПАРАЦИЙ СТРАНАМИ-САТЕЛЛИТАМИ ИЛИ В КАЧЕСТВЕ ВОЕННЫХ ТРОФЕЕВ

Конференция решила принять в принципе предложение Американской делегации (приложение № 2). Редакцию этого предложения согласовать в дипломатическом порядке.

XXI. ПЕРЕГОВОРЫ ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ

Во время Конференции происходили встречи Начальников штабов трех Правительств по военным вопросам, представляющим общие интересы.

И. Сталин
Гарри Трумэн
К. Р. Эттли

Берлин, 1 августа 1945 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Текст письма, переданного 12 июля 1945 г. представителям Соединенных Штатов и Великобритании в СКК в Венгрии

Ввиду изменившейся обстановки, в связи с окончанием войны против Германии, Советское Правительство находит необходимым установить следующий порядок работы Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии:

1. В течение периода до заключения мира с Венгрией Председатель (или заместитель Председателя) СКК регулярно созывает совещания с британским и американским представителями для обсуждения важнейших вопросов, касающихся работы СКК. Совещания созываются раз в декаду, а в случае необходимости и чаще.
Директивы СКК по принципиальным вопросам даются венгерским властям Председателем Союзной Контрольной Комиссии, после согласования этих директив с английским и американскими представителями.
2. Британский и американский представители в СКК принимают участие в созываемых Председателем СКК общих совещаниях начальников отделов и уполномоченных СКК, которые должны иметь регулярный характер, а также лично или через своих представителей участвовать в соответствующих случаях в смешанных комиссиях, образуемых Председателем СКК по вопросам, связанным с выполнением СКК ее функций.
3. Допускается свободное передвижение по стране британских и американских представителей, с тем что о времени и маршруте поездок СКК будет предварительно уведомляться.
4. Все вопросы, связанные с решением въезда и выезда сотрудников британских и американских представительств в Венгрии, разрешаются Председателем СКК на месте не более как в недельный срок.
5. Доставку и отправку самолетами почты, грузов и дипкурьеров британский и американский представители в СКК осуществляют в порядке и в сроки, установленные СКК, а в особых случаях — по предварительному согласованию с Председателем СКК.

К вышеизложенному считаю необходимым добавить, что во всех других пунктах существующее положение о СКК в Венгрии, утвержденное 20 января 1945 г., должно и на будущее время оставаться в силе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Использование союзной собственности для уплаты репараций странами-сателлитами или в качестве военных трофеев

1. Бремя репараций и военных трофеев не должно падать на подданных союзников.
2. Основное оборудование. Мы возражаем против изъятий такой собственности союзников в качестве репараций, военных трофеев или в каком-либо другом качестве. Подданным союзников будут причинены убытки в результате разрушения заводов, потери рынков и торговых связей. Захват собственности союзников делает невозможным выполнение сателлитами своих обязательств по соглашению о перемирии, касающихся полного восстановления прав и интересов Союзных государств и их подданных.

Соединенные Штаты ожидают от других оккупирующих государств возвращения любого уже вывезенного оборудования и прекращения вывоза. Если такое оборудование не будет или не сможет быть возвращено, Соединенные Штаты будут требовать от сателлитов равноценной, эффективной и быстрой компенсации американских подданных. Причем такая компенсация должна иметь приоритет, равный приоритету репарационных платежей.

Эти принципы подлежат применению ко всей собственности, которая целиком или в существенной части принадлежит подданным союзников. В случаях вывоза собственности, в которой интересы американцев и союзников в целом составляют менее чем существенную долю, Соединенные Штаты ожидают надлежащей эффективной и быстрой компенсации.

3. Текущая продукция. Соединенные Штаты не возражают против взимания репараций из текущей продукции предприятий, в которых имеются вложения союзников, но сателлиты должны обеспечить немедленную и надлежащую компенсацию подданных союзников, включая достаточную сумму иностранной валюты или продукты, с тем чтобы они могли возместить в разумных размерах затраты в иностранной валюте и переводить разумные до-

ходы по их инвестициям. Такая компенсация должна также иметь равный приоритет с репарациями.

Мы полагаем, что является важным, чтобы сателлиты не заключали договоров, соглашений или сделок, которые лишали бы подданных союзников доступа на равных условиях к их торговле, сырью и промышленности, и чтобы они соответствующим образом изменили любые существующие соглашения, которые могли бы иметь те же последствия.

2.

Сообщение о Берлинской конференции трех держав

2 августа 1945 г.

I

17 июля 1945 г. Президент Соединенных Штатов Америки Гарри С. Трумэн, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Генералиссимус И. В. Сталин и Премьер-Министр Великобритании Уинстон С. Черчилль вместе с г-ном Клементом Р. Эттли встретились на трехсторонней Берлинской конференции. Их сопровождали Министры Иностранных Дел трех Правительств В. М. Молотов, г-н Д. Ф. Бирнс и г-н А. Иден, начальники штабов и другие советники.

В период с 17 по 25 июля состоялось 9 заседаний. После этого Конференция была прервана на 2 дня, на то время, когда объявлялись результаты общих выборов в Англии.

28 июля г-н Эттли вернулся на Конференцию в качестве Премьер-Министра в сопровождении нового Министра Иностранных Дел г-на Э. Бевина. Состоялось еще 4 заседания. За время Конференции имели место регулярные встречи Глав трех Правительств, сопровождаемых Министрами Иностранных Дел, и регулярные совещания Министров Иностранных Дел.

Комиссии, назначенные совещанием Министров Иностранных Дел для предварительной подготовки вопросов, также заседали ежедневно. Заседания Конференции происходили в Цецилиенхоф, близ Потсдама.

Конференция закончилась 2 августа 1945 г.

Были приняты важные решения и соглашения. Имел место обмен мнениями по ряду других вопросов. Обсуждение этих проблем будет продолжаться в Совете Министров Иностранных Дел, созданном этой Конференцией.

Президент Трумэн, Генералиссимус Сталин и Премьер-Министр Эттли покидают эту Конференцию, которая укрепила связи между тремя Правительствами и расширила рамки их сотрудничества и понимания, с новой уверенностью, что их Правительства и народы, вместе с другими Объединенными Нациями, обеспечат создание справедливого и прочного мира.

II

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

A.

Конференция достигла соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел, представляющих пять главных держав, для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию и для обсуждения других вопросов, которые по соглашению между участвующими в Совете правительствами могут время от времени передаваться Совету.

Текст соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел гласит:

1. Должен быть учрежден Совет в составе Министров Иностранных Дел Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Франции и Соединенных Штатов Америки.
2. а) Нормально Совет будет заседать в Лондоне, который будет являться постоянным местом пребывания Объединенного Секретариата, подлежащего созданию Советом. Каждого Министра Иностранных Дел будет сопровождать Заместитель высокого ранга, должным образом уполномоченный вести работу в отсутствие его Министра Иностранных Дел, и небольшой штат технических сотрудников.

- b) Первое заседание Совета состоится в Лондоне не позднее 1 сентября 1945 г. Заседания могут созываться по общему соглашению в других столицах, о чем можно будет время от времени договариваться.
- 3. a) В качестве немедленной и важной задачи Совета на него возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии для представления их Объединенным Нациям и выработка предложений по урегулированию неразрешенных территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе. Совет будет использован для подготовки мирного урегулирования для Германии, с тем чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано.
- b) Для разрешения каждой из этих задач Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали Условия Капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача. При рассмотрении вопросов мирного урегулирования с Италией Франция будет рассматриваться как подписавшая Условия Капитуляции Италии. Другие члены будут приглашаться участвовать в Совете, когда будут рассматриваться вопросы, прямо их касающиеся.
- c) Другие дела будут время от времени передаваться Совету по соглашению между Правительствами, являющимися его членами.
- 4. a) Когда Совет будет рассматривать вопрос, в котором непосредственно заинтересовано государство, не представленное в нем, это государство должно быть приглашено прислать своих представителей для участия в обсуждении и изучении этого вопроса.
- b) Совет может приспособить процедуру своей работы к характеру данной, рассматриваемой им проблемы. В некоторых случаях он может предварительно обсудить вопрос в своем составе до участия других заинтересованных государств. В другом случае Совет может созвать официальную конференцию государств, наиболее заинтересованных в решении какой-либо данной проблемы.

B.

В соответствии с решением Конференции каждое из трех Правительств послало идентичные приглашения Правительствам Китая и Франции принять этот текст и присоединиться к учреждению Совета.

C.

Учреждение Совета Министров Иностранных Дел для специальных целей, названных в этом тексте, не будет противоречить соглашению, достигнутому на Крымской конференции, о том, что должны иметь место периодические консультации Министров Иностранных Дел Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства.

D.

Конференция рассмотрела также положение Европейской Консультативной Комиссии в свете соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел. С удовлетворением было отмечено, что Комиссия успешно справилась с ее основными задачами, представив рекомендации относительно безоговорочной капитуляции Германии, зон оккупации Германии и Австрии и межсоюзного контрольного механизма в этих странах. Было установлено, что дальнейшая работа детального характера по координации политики союзников в отношении контроля над Германией и Австрией должна в будущем входить в компетенцию Контрольного Совета в Берлине и Союзнической Комиссии в Вене. В соответствии с этим рекомендуется распустить Европейскую Консультативную Комиссию.

III

О ГЕРМАНИИ

Союзные армии осуществляют оккупацию всей Германии, и германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался.

На Конференции было достигнуто Соглашение о политических и экономических принципах координированной политики союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля.

Целью этого Соглашения является выполнение Крымской декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира.

Текст этого соглашения гласит:

Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период

А. Политические принципы

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии верховная власть в Германии будет осуществляться Главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих Правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета.
2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.
3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:
 - I) Полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. С этими целями:
 - а) все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и Гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая Генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувойсковые организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма;
 - б) все вооружение, амуниция и орудия войны и все специализированные средства для их производства должны находиться в распоряжении союзников или должны быть уничтожены. Поддержание и производство всех самолетов и всякого вооружения, амуниции и орудий войны будет предотвращено.
 - II) Убедить немецкий народ, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что он навлек на себя, поскольку его собственное безжалостное ведение войны и фанатическое сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали хаос и страдания неизбежными.
 - III) Уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.
 - IV) Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни.
4. Все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены. Никакая такая дискриминация — правовая, административная или иная — не будет терпима.
5. Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или

военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы.

6. Все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полупубличных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии.
7. Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.
8. Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии.
9. Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности. С этой целью:
 - I) Местное самоуправление будет восстанавливаться по всей Германии на демократических началах, и в частности через выборные советы, настолько быстро, насколько это совместимо с сохранением военной безопасности и целями военной оккупации.
 - II) Во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения.
 - III) Принципы представительства и выборности должны вводиться в районные, провинциальные управления и управления земель настолько быстро, насколько это может быть оправдано успешным применением этих принципов в местном самоуправлении.
 - IV) Пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства. Однако, несмотря на это, будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты, возглавляемые государственными секретарями, в частности в области финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности. Эти департаменты будут действовать под руководством Контрольного Совета.
10. С учетом необходимости поддержания военной безопасности будет разрешаться свобода слова, печати и религии, и религиозные учреждения будут уважаться. Будет разрешено создание свободных профсоюзов, также с учетом необходимости поддержания военной безопасности.

В. Экономические принципы

11. В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химических продуктов, машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии, достаточным для осуществления целей, изложенных в пункте 15. Производственные мощности, ненужные для промышленности, которая будет разрешена, должны быть либо изъяты в соответствии с репарационным планом, рекомендованным Межсоюзной Репарационной Комиссией и утвержденным заинтересованными Правительствами, либо уничтожены, если не будут изъяты.
12. В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.
13. При организации экономики Германии главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления.

14. В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. С этой целью должна быть установлена общая политика относительно:
- a) производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности;
 - b) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;
 - c) зарплаты, цен и рационирования;
 - d) программы импорта и экспорта для Германии в целом;
 - e) денежной и банковской системы, централизованных налогов и пошлин;
 - f) репараций и устранения военно-промышленного потенциала;
 - g) транспорта и коммуникаций.
- При проведении этой политики по мере надобности должны приниматься во внимание различные местные условия.
15. Должен быть установлен союзный контроль над германской экономикой, но только в пределах, необходимых:
- a) для выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации, репараций и разрешенного экспорта и импорта;
 - b) для обеспечения производства товаров и обеспечения услуг, необходимых для удовлетворения нужд оккупационных сил и перемещенных лиц в Германии и важных для поддержания в Германии среднего жизненного уровня, не превышающего средний жизненный уровень европейских стран (европейские страны означают все европейские страны, за исключением Соединенного Королевства и Советского Союза);
 - c) для обеспечения в порядке, который установит Контрольный Совет, равномерного распределения основных предметов между различными зонами, с тем чтобы создать сбалансированную экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте;
 - d) для контроля над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и достижения других названных здесь задач;
 - e) для контроля над всеми германскими общественными или частными научными исследовательскими и экспериментальными учреждениями, лабораториями и т. д., связанными с экономической деятельностью.
16. Для введения и поддержания экономического контроля, установленного Контрольным Советом, должен быть создан германский административный аппарат, и германским властям должно быть предложено в полном, практически возможном объеме заявить и принять на себя управление этим аппаратом. Таким образом германскому народу должно быть внушено, что ответственность за это управление и любой срыв его будет лежать на нем. Любое германское управление, которое будет противоречить целям оккупации, будет запрещено.
17. Должны быть приняты немедленные меры в отношении:
- a) проведения необходимого ремонта транспорта;
 - b) увеличения добычи угля;
 - c) максимального увеличения сельскохозяйственной продукции;
 - d) проведения срочного ремонта жилищ и основных коммунальных предприятий.
18. Контрольный Совет должен предпринять надлежащие шаги для осуществления контроля и распоряжения теми германскими активами за границей, которые еще не поступили под контроль Объединенных Наций, принимавших участие в войне против Германии.
19. После оплаты репараций германскому народу должно быть оставлено достаточно ресурсов, для того чтобы он мог существовать без помощи извне. При составлении хозяйственного плана Германии должны быть выделены необходимые средства для импорта, одобренного Контрольным Советом в Германии. Выручка от экспорта продуктов текущего производства и товарных запасов идет в первую очередь для оплаты такого импорта. Указанное здесь условие не будет применяться к оборудованию и продуктам, упомянутым в пп. 4 «а» и 4 «б» соглашения о германских репарациях.

IV РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

В соответствии с решением Крымской конференции о том, что Германию нужно заставить компенсировать в возможно большей степени ущерб и страдания, которые она причинила Объединенным Нациям и за которые германский народ не может избежать ответственности, было достигнуто следующее соглашение о репарациях:

1. Репарационные претензии СССР будут удовлетворены путем изъятий из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей.
2. СССР удовлетворит репарационные претензии Польши из своей доли репараций.
3. Репарационные претензии Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и других стран, имеющих право на репарации, будут удовлетворены из западных зон и из соответствующих германских вложений за границей.
4. В дополнение к репарациям, получаемым Советским Союзом из своей зоны оккупации, СССР получит дополнительно из западных зон:
 - а) 15 % такого пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования, в первую очередь металлургической, химической и машиностроительной отраслей промышленности, которое не является необходимым для германского мирного хозяйства и должно быть изъято из западных зон Германии, в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле, поташе, цинке, лесных материалах, глиняных изделиях, нефтяных продуктах и других видах материалов, о которых будет обусловлено договоренностью.
 - б) 10 % такого промышленного капитального оборудования, которое не является необходимым для германской мирной экономики и которое должно быть изъято из западных зон для передачи Советскому Правительству в счет репараций без оплаты или возмещения любым образом.

Изъятия оборудования, обусловленного в вышеизложенных параграфах «а» и «б», будут производиться одновременно.

5. Количество оборудования, подлежащего изъятию из западных зон в счет репараций, должно быть определено самое позднее в течение шести месяцев, начинающихся с настоящего времени.
6. Изъятия промышленного капитального оборудования начнутся так скоро, как это возможно, и будут закончены в течение двух лет после решения, указанного в параграфе 5-м. Поставки продуктов, обусловленных параграфом 4 «а», начнутся так скоро, как это возможно, и будут произведены Советским Союзом партиями, обусловленными по договоренности, в течение 5 лет от упомянутой даты. Решения о количестве и характере промышленного капитального оборудования, не являющегося необходимым для германской мирной экономики и поэтому подлежащего репарациям, будут приняты Контрольным Советом согласно политике, принятой Союзной комиссией по репарациям, с участием Франции, причем окончательные решения будут выноситься командующим зоной, из которой будет изъято оборудование.
7. До определения общего количества оборудования, подлежащего изъятию, будут произведены авансовые поставки такого оборудования, которое будет определено как подлежащее поставкам в соответствии с порядком, указанным в последней фразе пункта 6-го.
8. Советское Правительство отказывается от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в западных зонах оккупации Германии, а также на германские заграничные активы во всех странах, за исключением тех, которые указаны в п. 9.
9. Правительства США и Соединенного Королевства отказываются от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в восточной зоне оккупации Германии, а также на германские заграничные активы в Болгарии, Финляндии, Венгрии, Румынии и восточной Австрии.
10. Советское Правительство не имеет претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии.

V

ГЕРМАНСКИЙ ФЛОТ И ТОРГОВЫЕ СУДА

Конференция согласилась в принципе относительно мероприятий по использованию и распоряжению сдавшимся германским флотом и торговыми судами. Было решено, что три Правительства назначат экспертов, которые совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов. Следующее совместное заявление будет опубликовано одновременно тремя Правительствами в надлежащее время.

VI

ГОРОД КЕНИГСБЕРГ И ПРИЛЕГАЮЩИЙ К НЕМУ РАЙОН

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства о том, чтобы впредь до окончательного решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку — севернее Браунсберга — Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии.

Конференция согласилась в принципе с предложением Советского Правительства о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше. Однако точная граница подлежит исследованию экспертов.

Президент США и Премьер-Министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение конференции при предстоящем мирном урегулировании.

VII

О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ

Три Правительства отметили обсуждение, которое происходило за последние недели в Лондоне между британскими, американскими, советскими и французскими представителями, с целью достижения соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской декларации от октября 1943 г. не относятся к определенному географическому месту. Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду. Они надеются, что переговоры в Лондоне будут иметь своим результатом скорое соглашение, достигнутое с этой целью, и они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года.

VIII

ОБ АВСТРИИ

Конференция изучила предложение Советского Правительства о распространении компетенции Временного Австрийского Правительства на всю Австрию.

Три Правительства согласились, что они готовы изучить этот вопрос после вступления британских и американских войск в г. Вену.

IX

О ПОЛЬШЕ

Конференция рассмотрела вопросы, касающиеся Польского Временного Правительства Национального Единства и западной границы Польши.

В отношении Польского Временного Правительства Национального Единства они определили свою позицию в следующем заявлении:

- A. Мы приняли во внимание с чувством удовлетворения соглашение, достигнутое представителями поляков из Польши и из-за границы, которое сделало возможным формирование, согласно с решениями, достигнутыми на Крымской конференции, Польского Временного Правительства Национального Единства, признанного тремя Державами. Установление Британским Правительством и Правительством Соединенных Штатов дипломатических отношений с Польским Временным Правительством привело к прекращению признания ими бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует.

Правительства Соединенных Штатов и Великобритании приняли меры по защите интересов Польского Временного Правительства Национального Единства как признанного правительства Польского государства в отношении собственности, принадлежащей Польскому государству, находящейся на их территориях и под их контролем, независимо от того, какую форму эта собственность имеет.

Они приняли, далее, меры, чтобы предупредить передачу такой собственности третьим сторонам. Временному Польскому Правительству Национального Единства будут предоставлены все возможности для применения обычных юридических мер по восстановлению любой собственности Польского государства, которая могла быть незаконно отчуждена.

Три Правительства озабочены тем, чтобы оказать Польскому Временному Правительству Национального Единства помощь в деле облегчения возвращения в Польшу так скоро, как это практически возможно, всех поляков, находящихся за границей, которые пожелают возвратиться в Польшу, включая членов польских вооруженных сил и торгового флота. Они ожидают, что возвращающимся на родину полякам будут предоставлены личные и имущественные права на равных основаниях со всеми польскими гражданами.

Три Державы принимают во внимание, что Польское Временное Правительство Национального Единства, в соответствии с решениями Крымской конференции, заявило о согласии провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы по возможности скорее, на основании всеобщего избирательного права, при тайном голосовании, в которых все демократические и антинацистские партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов, и предоставить представителям союзной печати пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов.

В. Следующее соглашение было достигнуто относительно западной границы Польши:

В соответствии с соглашением о Польше, достигнутым на Крымской конференции, Главы трех Правительств рассмотрели мнение Временного Польского Правительства Национального Единства относительно территории на севере и западе, которую Польша должна получить. Председатель Крайовой Рады Народовой и члены Временного Польского Правительства Национального Единства были приняты на Конференции и полностью изложили свою точку зрения. Главы трех Правительств подтвердили свое мнение, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирной конференции.

Главы трех Правительств согласились, что до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данциг, должны находиться под управлением Польского государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии.

Х

О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ И О ДОПУЩЕНИИ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Конференция решила сделать следующее заявление об общей политике для установления возможно скорее условий длительного мира после победоносного окончания войны в Европе.

Три Правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии было прекращено заключением мирных договоров. Они уверены, что другие заинтересованные союзные Правительства разделяют их точку зрения.

Со своей стороны три Правительства включили подготовку мирного договора для Италии как первоочередную задачу в число срочных и важных задач, которые должны быть рассмотрены Советом Министров Иностранных Дел. Италия первая из держав оси порвала с Германией, в поражение которой она внесла материальный вклад, и сейчас объединилась с союзниками в борьбе против Японии. Италия сама освободилась от фашистского режима и сделала большой прогресс в направлении восстановления демократического управления и учреждений. Заключение такого мирного договора с признанным демократическим Итальянским Правительством делает возмож-

ным для трех Правительств исполнить их желание поддержать просьбу Италии о принятии в члены Организации Объединенных Наций.

Три Правительства возлагают также на Совет Министров Иностранных Дел задачу подготовки мирных договоров для Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии. Заключение мирных договоров с признанными демократическими правительствами в этих государствах позволит также трем Правительствам поддержать их просьбу о принятии в члены Организации Объединенных Наций. Три Правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами.

Три Правительства не сомневаются в том, что ввиду изменившихся в результате окончания войны в Европе условий представители союзной прессы будут пользоваться полной свободой сообщать миру о событиях в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

Что касается допуска других государств в Организацию Объединенных Наций, статья IV Устава Объединенных Наций гласит:

- «1. Прием в члены Организации Объединенных Наций открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по мнению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять.
2. Прием любого такого государства в члены Организации Объединенных Наций производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности».

Три Правительства, поскольку это их касается, поддержат просьбу о принятии в члены тех государств, которые оставались нейтральными во время войны и которые будут выполнять положения, изложенные выше.

Три Правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены, заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства.

XI

О ПОДОПЕЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства по вопросу о подопечных территориях, как они определены в решении Крымской конференции и в Уставе Организации Объединенных Наций.

После обмена мнениями было решено, что вопрос о бывших итальянских колониальных территориях является таким вопросом, который должен быть решен в связи с подготовкой мирного договора для Италии, и что вопрос об итальянских колониальных территориях будет рассмотрен Советом Министров Иностранных Дел в сентябре.

XII

О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОЦЕДУРЫ СОЮЗНЫХ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РУМЫНИИ, БОЛГАРИИ И ВЕНГРИИ

Три Правительства отметили, что советские представители в Союзных Контрольных Комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии сообщили их коллегам из Соединенного Королевства и Соединенных Штатов предложения по улучшению работы Контрольных Комиссий теперь, когда военные действия в Европе прекратились.

Три Правительства согласились, что теперь будет предпринят пересмотр процедуры Союзных Контрольных Комиссий в этих странах, принимая во внимание интересы и ответственность трех Правительств, которые совместно предъявили условия перемирия соответственным странам, и принимая в качестве базы согласованные предложения.

XIII

УПОРЯДОЧЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Конференция достигла следующего соглашения о выселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии.

Три Правительства, рассмотрев вопрос во всех аспектах, признают, что должно быть принято перемещение в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии. Они согласны в том, что любое перемещение, которое будет иметь место, должно производиться организованным и гуманным способом. Так как прибытие большого количества немцев в Германию увеличивает бремя, уже лежащее на оккупирующих властях, они считают, что Контрольный Совет в Германии должен в первую очередь изучить эту проблему, особенно обратив внимание на вопрос справедливого распределения этих немцев по всем зонам оккупации. Они дадут инструкции своим представителям в Контрольном Совете доложить своим Правительствам так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию из Польши, Чехословакии и Венгрии, и дать предложение о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться, принимая во внимание существующую ситуацию в Германии.

В то же самое время Чехословацкое Правительство, Польское Временное Правительство и Союзная Контрольная Комиссия в Венгрии будут информированы о вышеуказанном и им будет предложено воздержаться от дальнейшего выдворения немецкого населения впредь до рассмотрения соответствующими правительствами доклада их представителей в Контрольном Совете.

XIV

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ

Во время Конференции происходили встречи Начальников Штабов трех Правительств по военным вопросам, представляющим общие интересы.

XV

A. Список Делегации Советского Союза

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Генералиссимус Сталин И. В.
Народный комиссар иностранных дел СССР Молотов В. М.
Народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал Флота Кузнецов Н. Г.
Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов А. И.
Зам. Народного комиссара иностранных дел Вышинский А. Я.
Зам. Народного комиссара иностранных дел Кавтарадзе С. И.
Зам. Народного комиссара иностранных дел Майский И. М.
Начальник Главного Военно-морского штаба адмирал Кучеров С. Г.
Посол Советского Союза в Великобритании Гусев Ф. Т.
Посол Советского Союза в Соединенных Штатах Америки Громыко А. А.
Член коллегии НКВД, зав. 2-м Европейским Отделом НКВД Новиков К. В.
Член коллегии НКВД, зав. Отделом США Царапкин С. К.
Заведующий 1-м Европейским Отделом НКВД Козырев С. П.
Заведующий Отделом Балканских стран НКВД Лаврищев А. А.
Помощник Главноначальствующего Советской Военной Администрации в Германии Сабуров М.
Начальник Политического Отдела Советской Военной Администрации в Германии Соболев А. А.
Эксперт-консультант НКВД Голунский С. А.

B. Список Делегации Соединенных Штатов Америки

Президент — Гарри С. Трумэн,
Государственный Секретарь — Джеймс Ф. Бирнс,
Адмирал Флота Вильям Д. Леги, Начальник Штаба Военно-Морского Флота США при Президенте,
Джозеф Е. Дэвис, специальный Посол,
Эдвин Поули, специальный Посол,
В. Аверелл Гарриман, Посол в СССР,
Генерал Армии Джордж С. Маршалл, Начальник Штаба Армии Соединенных Штатов,
Адмирал Флота Эрнст Д. Кинг, Начальник Оперативного Отдела Военно-Морского Флота США и Главнокомандующий Флотом США,
Генерал Армии Г. Г. Арнольд, Воздушные Силы США,
Генерал-лейтенант Брегон Б. Сомервелл, Командующий Армейской Службой,

Вице-Адмирал Эмори С. Лэнд, Начальник Военно-Морского Транспорта,
Вильям Л. Клейтон, Помощник Государственного Секретаря,
Джеймс С. Данн, Помощник Государственного Секретаря,
Бен Коэн, Специальный Помощник Государственного Секретаря,
Г. Фримен Мэтьюс, Директор Европейского Отдела Государственного Департамента,
Чарльз Е. Болен, Помощник Государственного Секретаря (вместе с политическими, военными
и техническими советниками).

С. Список Делегации Соединенного Королевства

Премьер-Министр: г-н Уинстон С. Черчилль, г-н К. Р. Эттли,
Министр Иностранных Дел: г-н Антони Иден, г-н Эрнест Бевин,
лорд Лезерс, Министерство Военного Транспорта,
сэр Александр Кадоган, постоянный Заместитель Министра Иностранных Дел,
сэр Арчибалд Кларк Керр, Посол Его Величества в Москве,
сэр Вальтер Монктон, Глава делегации Соединенного Королевства в Московской Репарацион-
ной Комиссии,
сэр Вильям Стрэнг, Политический Советник Главнокомандующего Британской зоной оккупа-
ции в Германии,
сэр Эдвард Бриджес, Секретарь Кабинета Министров,
Фельдмаршал сэр Алан Брук, Начальник Имперского Генерального Штаба,
Маршал Королевских Воздушных Сил, сэр Чарльз Портал, Начальник штаба авиации,
Адмирал Флота сэр Эндрью Каннингхэм, первый Морской Лорд,
генерал сэр Хастингс Исмей, Начальник штаба Министра Обороны,
Фельдмаршал сэр Гарольд Александер, Союзный Верховный Командующий на Средиземно-
морском театре военных действий,
Фельдмаршал сэр Генри Мэйтланд Вильсон, Глава Британской Миссии в Объединенном штабе
в Вашингтоне и другие советники.

И. Сталин

Гарри Трумэн

К. Р. Эттли

Книга сорок вторая

ЗА СТОЛОМ ПЕРЕГОВОРОВ

СССР и образование ООН. Конференция в Сан-Франциско

Н. Ю. Васильева*

Своеобразным прологом к зарождению дискуссии и началу разработки конкретных планов, связанных с различными аспектами послевоенного устройства мира, включая образование новой международной организации безопасности, явилось проведение первого с момента возникновения мировой войны американо-британского политического совещания с участием президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля. В ходе этой встречи, состоявшейся в середине августа 1941 г. на борту одного из английских линкоров в бухте Арджентия у берегов Ньюфаундленда, лидеры западных держав приняли совместную декларацию об общих принципах противостояния агрессивным государствам и формирования «лучшего будущего» для человечества, которая в дальнейшем сыграла важную роль в определении ценностных ориентиров и правовых основ ООН. Правда, в самом тексте Атлантической хартии (как впоследствии стали называть этот документ — *Н.В.*) отсутствовали какие-либо упоминания о необходимости существования подобной организации. Ибо глава американского государства, не желавший повторения международных сообществ его же собственных ошибок предвоенного времени, отказался тогда поддержать идею создания «новой Ассамблеи Лиги Наций», «по крайней мере до тех пор, пока не пройдет определенное время, в течение которого международные полицейские силы, состоящие из войск США и Англии, не проделают соответствующую работу»¹.

Кроме того, в Атлантической хартии ничего не говорилось о средствах мирного разрешения международных конфликтов и, в частности, — о международном суде. А вместе с тем в ней отсутствовали ссылки на важность наказания фашистских военных преступников и кардинального пересмотра существовавшей до 1939 г. системы колоний и подмандатных территорий.

Наконец, в силу декларативного характера Атлантической хартии положения этого документа формально не считались юридически обязательными для его участников и рассматривались руководством западных держав исключительно лишь в качестве моральных обязательств. Тем не менее сформулированные Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем принципы в дальнейшем были одобрены и признаны в качестве идеологического концепта нового, послевоенного, международного порядка не только правительствами США и Великобритании, но и властями других государств, выступавших тогда за полный разгром гитлеризма². Причем, с точки зрения последних, особенно актуальное звучание Атлантической хартии придавал тот факт, что наряду с мыслями о необходимости «окончательной ликвидации нацистской тирании», уважения права всех народов свободно избирать себе форму правления, восстановления суверенных прав и самоуправления тех народов, «которые были лишены этого насильственным путём», в ее тексте выражалась надежда на «установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое по-

* Васильева Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

ложение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды»³. В то же время они поддерживали изложенную в этой декларации идею о разоружении всех государств-агрессоров «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности»⁴.

Через несколько недель после появления на свет Атлантической хартии ее основные положения одобрило и сталинское руководство. В Кремле, разумеется, не скрывали своего раздражения тем обстоятельством, что этот документ был подготовлен западными лидерами «без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, несущего теперь всю тяжесть войны с гитлеризмом»⁵. Более того, полное отсутствие в тексте американско-британской декларации каких-либо упоминаний о советском государстве наводило его представителей на мысль о намерении Ф. Рузвельта и У. Черчилля превратить Страну Советов «в бесплатное приложение других держав»⁶, которому впоследствии можно было бы навязать собственную политическую волю. Однако необходимость укрепления союзнических связей с Великобританией при одновременном налаживании всестороннего сотрудничества с готовящимися вступить в войну американцами в конечном итоге побудила официальную Москву занять более конструктивную позицию в отношении «Атлантической хартии».

Так, 24 сентября 1941 г., в ходе проходившей в британской столице Межсоюзнической конференции по вопросам послевоенного обеспечения продовольствием и сырьем государств, освобожденных от германской оккупации, посол СССР в Лондоне И.М. Майский от имени своего руководства выступил с одобрением основных принципов декларации Рузвельта-Черчилля, отметив при этом, что их практическое применение «неизбежно должно будет соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны»⁷. В то же время он поддержал высказанную представителями союзников идею принятия специальной резолюции о практических мерах по обеспечению нужд европейских народов в послевоенный период при условии, что организация Межсоюзного бюро по решению столь важной проблемы будет согласована с советской стороной⁸.

Спустя еще полтора месяца свою оценку основным принципам Атлантической хартии дал и лично И.В. Сталин. Правда, в публичных

выступлениях советского лидера, относящихся к тому времени, непосредственных упоминаний о декларации Рузвельта-Черчилля практически не было. Однако, говоря о борьбе своего государства против гитлеризма и его европейских приспешников, И.В. Сталин неоднократно указывал на то, что в противостоянии агрессорам СССР и западные державы изначально преследовали общие цели и задачи. Так, например, выступая 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского совета депутатов, трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, глава Совнаркома заявил: «В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработанных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании. Поэтому все честные люди должны поддерживать армии СССР, Великобритании и других союзников как армии освободительные. У нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига. У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!»⁹.

Впрочем, в конце 1941 г. разработка планов послевоенного устройства мира, включая создание новой организации безопасности универсального характера, не входила в число приоритетных направлений сталинской внешней политики. В условиях, когда именно СССР пришлось принять на себя главный удар гитлеровской агрессии в Европе, внимание его руководства было сконцентрировано прежде всего на решении конкретных задач, связанных с улучшением общего положения дел на советско-германском фронте. В то время как обсуждение идейно-политических основ будущего международного порядка представлялось тогда в Кремле не столь актуальным по сравнению с вопросами расширения состава

и скорейшего юридического оформления антигитлеровской коалиции, а также оказания союзниками эффективной вооруженной помощи Стране Советов.

Вместе с тем существенным препятствием в продвижении переговоров советской стороны с представителями союзных держав по различным аспектам организации послевоенного мира являлось упорное нежелание англичан и американцев признать окончательный характер западной границы СССР, сложившейся к моменту его вступления в мировой конфликт. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне считали нелегитимным осуществленное в 1939–1940 гг. присоединение к первому в мире социалистическому государству территории Латвии, Литвы и Эстонии, части финских и польских земель (Западной Украины и Западной Белоруссии), а также Бессарабии и Северной Буковины. При этом все попытки сталинского руководства добиться смягчения позиции союзников в столь чувствительном для него вопросе в начальный период ВОВ не увенчались успехом. Так, например, по словам видного отечественного историка и дипломата В. Г. Трухановского, еще в июле 1941 г. в ходе обсуждения членами кабинета У. Черчилля возможности заключения советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии его глава предложил, «на случай если Советский Союз все же устоит, включить в соглашение параграф, который предусматривал бы пересмотр его границ на мирной конференции после войны»¹⁰. А несколько дней спустя посол Великобритании в Москве С. Криппс в беседе с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым заявил о том, что «общий принцип английского правительства в отношении непризнания территориальных изменений Европы с августа 1939 г. остается прежним и эта позиция английского правительства не ограничивается только вопросом территориальных изменений Польши»¹¹.

Разногласия сторон по указанной проблеме не могли не отразиться и на общем состоянии советско-британских переговоров о заключении межгосударственного договора о сотрудничестве в войне и в послевоенном урегулировании. В частности, во время своего первого с начала ВОВ визита в Москву¹² министр иностранных дел Великобритании А. Иден, сославшись на положения Атлантической хартии, просил И. В. Сталина при обсуждении территориальных вопросов «не требовать от него невозможного», заметив при этом, что «он не в со-

стоянии сейчас официально признать западную границу СССР, каковой она была в 1941 г.»¹³. По его словам, отказ правительства У. Черчилля от прежней позиции в отношении Прибалтики, Польши и т. д. означал бы немедленное одобрение властями Великобритании части будущего мирного договора, для чего тогда «еще не наступило время»¹⁴. К тому же принятие «соответственного решения» требовало от британской стороны проведения консультаций с Соединенными Штатами и доминионами, которые также крайне негативно относились к идее признания советских западных рубежей 1941 г.

В Кремле, в свою очередь, считали официальное одобрение союзниками новых границ СССР одним из важнейших условий продолжения дискуссии с США и Великобританией по вопросам организации послевоенного мира. Так, в ходе уже упоминавшихся выше переговоров с А. Иденом председатель советского правительства прямо заявил главе Форин офис о том, что данный вопрос (независимо от общего вопроса о границах в Центральной и Западной Европе) «представляет для нас исключительную важность»¹⁵ и что без его решения «будет очень трудно прийти к заключению договоров, о которых идет речь»¹⁶. При этом И. В. Сталин не скрывал своего разочарования тем обстоятельством, что англичане и американцы стремились использовать положения декларации Рузвельта-Черчилля в качестве средства осуществления политического давления на его страну. «Я думал, — говорил он, — что Атлантическая хартия направлена против тех, кто пытается установить свою мировую гегемонию, а сейчас дело выглядит так, что «Атлантическая хартия» направлена против СССР. Все, о чем мы просим — это восстановить нашу страну в ее прошлых границах. Мы должны иметь их по соображениям нашей безопасности... Я должен отметить, что если вы уклоняетесь от этого, то это выглядит так, как если бы вы создавали возможность для расчленения Советского Союза»¹⁷.

Желая ускорить процесс юридического оформления военного союза с Великобританией и одновременно побудить западные державы к открытию второго фронта в Европе в максимально сжатые сроки сталинское руководство в итоге смягчило свою позицию в вопросе о признании западными державами новых границ СССР. 26 мая 1942 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов подписал в Лондоне британский проект союзного договора, в котором не

только отсутствовало какое-либо упоминание о внешних рубежах советского государства¹⁸, но и не содержалось никаких конкретных планов организации будущего миропорядка, что, впрочем, не умоляло важного исторического значения этого документа. Подтвердив свой союз в борьбе с общим врагом и обоюдную приверженность принципам, изложенным в Атлантической хартии, его участники также заявили о желании «объединиться с другими единомышленными государствами» в принятии предложений об общих действиях после уничтожения гитлеризма «в целях сохранения мира и сопротивления агрессии».

Вместе с тем содержание советско-британского союзного договора перекликалось с положениями некоторых других международных актов, появившихся на свет в начальный период ВОВ и проложивших собой дорогу к возникновению ООН, в частности, советско-польской межправительственной декларации «О дружбе и взаимной помощи» от 4 декабря 1941 г. и Декларации Объединенных Наций. Первая из них явилась самым ранним по времени документом антигитлеровской коалиции, где содержался конкретный призыв к обеспечению в будущем «прочного и справедливого мира» посредством «новой организации международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз»¹⁹. Историческое же значение второй определялось тем важным обстоятельством, что ее подписание 1 января 1942 г. в Вашингтоне создало основу для юридического оформления военного союза всех государств, противостоящих гитлеровской Германии и другим представителям фашистского блока. 26 участников Декларации Объединенных Наций, включая СССР, США и Великобританию, обязались употребить все имевшиеся в их распоряжении ресурсы для противодействия тем членам Тройственного пакта (Германии, Японии и Италии) и присоединившимся к нему странам (Румынии, Венгрии, Финляндии и Болгарии), с которыми каждый из них находился тогда в войне, а также не заключать с врагами сепаратного перемирия или мира. Вместе с тем по настоянию советской стороны, принявшей на себя основной удар германской агрессии, но не находившейся в состоянии вооруженного конфликта с Японией, в данный документ было включено положение о том, что к нему имели право присоединиться исключительно те «нации, которые оказывают или могут оказать материальную помощь и содействие

в борьбе за победу над гитлеризмом»²⁰. В связи с этим неудивительно, что начиная с 1942 г. словосочетание «Объединенные Нации» стало использоваться союзниками для обозначения антигитлеровской коалиции, а позднее закрепилось в качестве названия родившегося в ее недрах конкретного проекта создания международной организации безопасности.

Правда, включение этого проекта в повестку совместных переговоров СССР, США и Великобритании стало возможным лишь после того, как союзные державы окончательно отказались от дальнейшего обсуждения тех форматов послевоенного устройства мира, которые были предложены некоторыми из них еще на начальном этапе совместной борьбы против гитлеризма и позднее утратили прежнюю актуальность в условиях изменения общей ситуации на фронте. К числу последних относился, в частности, план американского президента Ф. Рузвельта, предусматривавший существование в будущем т. н. «международной полицейской силы» для предотвращения новых войн. Его детали были впервые раскрыты советской стороне в конце мая — начале июня 1942 г. в ходе визита в Вашингтон наркома иностранных дел В.М. Молотова, прибывшего в США с целью «обмена мнениями» с представителями союзного государства по вопросу о скорейшей организации второго фронта в Европе.

Так, по замыслу Ф. Рузвельта, чтобы не допустить повторения международным сообществом печального опыта Лиги Наций, обязанности «мировых полицейских» должны были возложить на свои плечи четыре ведущих державы антигитлеровской коалиции — США, СССР, Великобритании и, при определенных условиях, Китая²¹, представлявших половину населения земного шара и обладавших в совокупности достаточной силой для обеспечения глобальной безопасности. При этом всем остальным государствам предстояло полностью разоружиться, навсегда отказавшись от каких-либо секретных попыток восстановления своего военного потенциала. Ибо в противном случае им пришлось бы столкнуться с ответными жесткими действиями со стороны четырех «мировых полицейских», которых Ф. Рузвельт предполагал наделить правом осуществления блокады и бомбардировок территории любого государства-агрессора.

Думается, в Кремле весьма высоко оценили идею американского президента США об организации «полицейских сил» держав-побе-

дительниц. Ибо уже 1 июня 1942 г. И. В. Сталин в своей телеграмме В. М. Молотову инструктировал наркома следующим образом: «Соображения Рузвельта насчет охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо бы сюда включить Китай... Заяви немедленно Рузвельту, что ты снесся с Москвой, обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что Рузвельт совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства»²². Однако в момент проведения Вашингтонских переговоров руководство СССР полагало гораздо более важным для себя делом добиться от главы Белого дома гарантий выполнения данного им ранее обещания об открытии второго фронта в Западной Европе еще в 1942 г. В связи с этим оно не считало возможным обсуждать с администрацией США какие-либо проекты послевоенного устройства мира до тех пор, пока ее представители не внесут окончательную ясность в вопрос о сроках переброски американских войск на Европейский континент.

В итоге, убедившись в невозможности скорого воплощения в жизнь своей достаточно аморфной идеи о создании института «мировых полицейских», Ф. Рузвельт предпочел вообще от нее отказаться, переключившись в последствии на разработку других, более конкретных планов территориально-политического переустройства послевоенного мира. Тем не менее сформулированный им тезис о необходимости предоставления ведущим державам антигитлеровской коалиции особого, привилегированного статуса в рамках новой системы международной безопасности, пусть и в несколько иной форме, позднее все же нашел отражение в разработанной союзниками концепции ООН.

Наступление коренного перелома в войне, окончательно обозначившегося к середине 1943 г. и создавшего принципиально новую международную обстановку, заметно усилило интерес представителей т. н. «большой тройки» (СССР, США и Великобритании) к практическому решению вопросов, связанных с формированием будущего мира. Причем, что касается советской стороны, то после грандиозных побед Красной армии в сражениях под Сталинградом и на Курской Дуге она сочла возможным принять самое активное участие в конкретизации сформулированной ранее союзниками идеи

о создании нового международного порядка даже в условиях отсутствия второго фронта в Европе. Так, в частности, еще 4 сентября 1943 г. правительство СССР приняло решение об образовании в рамках НКВД специальной комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с одним из наиболее авторитетных представителей отечественной дипломатии М. М. Литвиновым. В задачи данного органа входило составление подробных рекомендаций и прогнозов по различным аспектам формирования новой системы международных отношений, включая учреждение всеобщей организации безопасности. И хотя, как отмечает известный российский исследователь А. М. Филитов, вследствие фактической оторванности комиссии Литвинова от текущей дипломатической практики ее участники были вынуждены готовить свои разработки «почти исключительно на материалах зарубежной печати и в порядке экстраполяции на будущее фактов истории»²³, многие их инициативы и предложения в дальнейшем все же были претворены в жизнь советским руководством.

Наряду с этим, правительство СССР поддержало выдвинутое администрацией Ф. Рузвельта в начале осени 1943 г. предложение о подписании ведущими государствами антигитлеровской коалиции специальной декларации по вопросу о всеобщей безопасности, где наряду с подтверждением решимости союзников продолжать борьбу против держав оси до «безоговорочной капитуляции» противника, говорилось также о необходимости «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международной безопасности и мира, основанной на принципе суверенного равенства всех наций»²⁴. По просьбе американцев оно согласилось детально обсудить составленный ими проект такого документа на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которая была созвана в октябре 1943 г. для подготовки климата и повестки намеченной на ближайшее будущее первой совместной встречи лидеров «большой тройки».

Правда, сталинское руководство с большим скепсисом отнеслось к изначальному предложению официального Вашингтона о включении в число обязательных участников вышеуказанной декларации еще и гоминьдановского Китая. Свою позицию в этом вопросе оно мотивировало прежде всего отсутствием китайских деле-

готов на Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав, в рамках которой и предполагалось принять столь важный документ. Поэтому неудивительно, что на переговорах в советской столице В.М. Молотов стремился убедить А. Идена и К. Хэлла (госсекретаря США — *Н. В.*) в целесообразности подписания декларации представителями трех главных держав антигитлеровской коалиции, не дожидаясь присоединения к ней Китая. «Если бы это была декларация трех государств, то мы могли бы решить этот вопрос здесь окончательно, — отмечал он в одном из своих выступлений на Московской конференции. — Это имело бы большое значение. Затем Китай, так же как и другие государства, мог бы присоединиться, если бы он признал эту декларацию для себя подходящей. Я против этого не возражаю. Но было бы лучше, если бы эта декларация была декларацией трех государств. Мы смогли бы тогда обсудив проект декларации, окончательно согласовать текст этого документа. Если же мы будем ожидать согласия четвертого, отсутствующего здесь государства, то мы тем самым будем откладывать решение этого вопроса»²⁵. Причем, в обоснование своей точки зрения глава советской дипломатии приводил три важных аргумента. Во-первых, из-за ожидания согласия китайцев на присоединение к одобренному «большой тройкой» тексту упомянутого выше документа могла «получиться большая задержка с приведением его в действие в интересах всех Объединенных Наций»²⁶. Во-вторых, В.М. Молотов ссылаясь на предшествовавшую Московской конференции личную переписку И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом, из которой следовало, что последний изначально «не считал, что этот документ обязательно должен быть декларацией четырех государств, и не настаивал, чтобы на этом совещании был принят какой-либо документ от имени четырех государств»²⁷. И, наконец, в-третьих, присоединение Китая к совместной декларации ведущих держав антигитлеровской коалиции по вопросу о всеобщей безопасности могло привести к резкому ухудшению отношений между СССР и Японией, войны с которой сталинское руководство стремилось тогда всячески избежать. «Когда наши союзники бьют японцев, напавших на них, то мы, советские люди, говоря по секрету, приветствуем это, — говорил В.М. Молотов своим иностранным коллегам. — Но если будет участвовать Китай в такой технической комиссии»²⁸, то это даст повод к придиркам

к Советскому Союзу со стороны Японии. Лучше бы поэтому такого повода не давать»²⁹.

Впрочем, несмотря на предпринятые усилия, представителям СССР так и не удалось склонить западных союзников в пользу превращения предложенного американцами политического документа в декларацию трех государств. Как отмечает в своей монографии известный итальянский историк А. Дж. М. де Робертис, президент Ф. Рузвельт в этом вопросе изначально придерживался мнения, что «четырёхсторонний принцип должен остаться абсолютно неизменным, даже если это будет стоить отказа от соглашения в Москве», поскольку «Китай действительно был слишком важным фактором, чтобы оставить его в стороне, принимая во внимание и собственную величину его территории, и то влияние, которое он может оказывать на Индию»³⁰. Поэтому во время Московской конференции министров иностранных дел члены американской делегации при поддержке британской дипломатии упорно добивались от представителей советской стороны признания за этим азиатским государством статуса обязательного участника межсоюзной декларации, затрагивающей важнейшие аспекты глобальной безопасности.

В конце концов, после непродолжительных колебаний руководство Страны Советов согласилось, образно говоря, дать «зеленый свет» этому документу в предложенном западными державами формате. 30 октября 1943 г., в заключительный день Московской конференции министров иностранных дел, главы дипломатических ведомств СССР, США и Великобритании, а также китайский посол в Москве Фу Бин-чан поставили свои подписи под текстом декларации четырех держав по вопросу о всеобщей безопасности, внося тем самым значительный вклад не только в дело укрепления военно-политических отношений между ведущими державами антигитлеровской коалиции, но и в разработку практических мер по созданию будущей ООН. Ибо в четвертом пункте принятой декларации прямо говорилось о том, что ее участники «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»³¹.

Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что основу антигитлеровской коалиции

с самого начала составлял союз СССР, США и Великобритании, советское руководство предложило англичанам и американцам закрепить в решениях Московской конференции идею руководящего международного ядра ведущих мировых держав. Так, в частности, за несколько дней до подписания упомянутой выше декларации его представители выступили с инициативой создания специальной советско-англо-американской комиссии с местопребыванием в одной из союзных столиц (либо в Вашингтоне, либо в Лондоне, либо в Москве) с целью предварительной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей организации безопасности. Это предложение предусматривало возможность включения в состав такой комиссии «на определенной стадии работы» представителей других Объединенных Наций. Однако в целом советская сторона разделяла точку зрения американских властей, озвученную на Московской конференции госсекретарем США К. Хэллом, о том, что «главное бремя всей этой работы падет на плечи наших трех правительств»³².

Следует заметить, что правящие круги США и Великобритании крайне позитивно отнеслись к инициативе СССР, предусматривавшей создание особой комиссии трех держав. «Мне нравится этот проект, — отозвался о нем, например, глава британской дипломатии А. Иден, — и я готов принять участие в работе в какой угодно из этих трех столиц»³³. В то же время госсекретарь США К. Хэлл назвал советское предложение «фактическим шагом вперед в деле международного сотрудничества»³⁴. Вследствие этого в секретном протоколе Московской конференции министров иностранных дел признавалось желательным, чтобы представители СССР, США и Великобритании «провели предварительный обмен взглядами по вопросам, связанным с учреждением международной организации для поддержания международного мира и безопасности, имея в виду, что эта работа будет проведена прежде всего в Вашингтоне, а также в Лондоне и Москве»³⁵. Таким образом, три ведущие державы антигитлеровской коалиции, чувствуя за собой особую ответственность за судьбу будущего мира, договорились о том, что детальная разработка и последующее претворение в жизнь конкретных планов по созданию данной организации должны были представлять собой, в первую очередь, результат их собственных усилий и совместного сотрудничества на данном направлении. А сама Московская конференция министров

иностраных дел «большой тройки» благодаря этому обстоятельству «явилась крупнейшим шагом в деле цементирования общих усилий Объединенных Наций»³⁶.

Обсуждение союзниками основных принципов деятельности новой международной организации по вопросам поддержания мира, пусть и в весьма краткой форме, продолжилось месяц спустя, в ходе первой совместной встречи лидеров СССР, США и Великобритании, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране. На этом саммите американский президент попытался заинтересовать И. В. Сталина своим новым планом формирования послевоенной архитектуры глобальной безопасности, который в известной степени перекликался с его более ранней идеей о создании института «мировых полицейских». Так, в частности, согласно рассуждениям Ф. Рузвельта, будущая организация по поддержанию мира в послевоенный период должна была состоять из трех основных органов. Первым из них могла стать общая ассамблея, которая состояла бы из 35 или 50 членов «Объединенных Наций» и существовала бы для того, чтобы каждое государство, включая малые страны, могло свободно выразить свое мнение по вопросам международной безопасности. Однако «никакой другой власти, кроме дачи рекомендаций», у этой ассамблеи не было бы. Кроме того, Ф. Рузвельт предлагал также создать исполнительный комитет международной организации в составе СССР, США, Великобритании, Китая, двух европейских стран, одной латиноамериканской страны, одной страны Среднего Востока, одной азиатской страны и одного из британских доминионов. Данный орган должен был заниматься решением всех невоенных вопросов, включая здравоохранение, а также сельскохозяйственную, продовольственную и экономическую проблематику. И наконец, третьим звеном в общей структуре всемирной организации безопасности Ф. Рузвельт хотел сделать особый полицейский комитет, участниками которого являлись бы четыре ведущие державы антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритания и Китай. В обязанности последнего входило бы наблюдение за сохранением мира и недопущение новой агрессии со стороны Германии и Японии. При этом, по словам Ф. Рузвельта, в случае возникновения какой-либо реальной угрозы послевоенному порядку члены полицейского комитета имели бы возможность «действовать быстро» и более эффективно, чем Лига наций в предшество-

вавший период. Страны-нарушители будущего мира могли быть подвергнуты ими карантину, бомбардировке и даже оккупации³⁷.

Советскому лидеру в целом пришлось по душе предложения президента США относительно возможной структуры международной организации безопасности. В ходе своих тегеранских переговоров с Ф. Рузвельтом он весьма одобрительно отзывался о разработанной американцами «схеме» и называл ее в принципе «хорошей». Однако, с точки зрения И.В. Сталина, указанный план все же не являлся безупречным, так как не мог обеспечить остальным государствам надежные гарантии ненападения в будущем со стороны Германии и Японии, способных при определенном стечении обстоятельств восстановить через некоторое время свой военный потенциал. Исходя из этого, глава советского правительства предложил своим иностранным коллегам рассмотреть вопрос о предоставлении новой международной организации безопасности или ее отдельным учреждениям более широких прав и полномочий в деле поддержания всеобщего мира, чем это предусматривалось в проекте Ф. Рузвельта. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — говорил он, в частности, последнему, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии. Этот орган, который будет создан, должен иметь право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их. Хорошо было бы принять решение о том, чтобы та организация, которая будет создана, имела право занимать важные в стратегическом отношении пункты»³⁸.

Более того, принимая во внимание важность намеченной союзниками задачи по недопущению возрождения в будущем германской и японской агрессии, а также опасаясь недовольства малых стран Европы изложенной Ф. Рузвельтом схемой международной организации безопасности, И.В. Сталин поначалу склонялся к идее создания не одной, а сразу двух подобных организаций, носивших бы не мировой, а региональный характер. Согласно его замыслу, первое из этих учреждений в со-

ставе только СССР, США, Великобритании и, возможно, еще какого-нибудь европейского государства должно было заниматься исключительно поддержанием мира в Европе. В то время как обеспечение безопасности в остальных регионах земного шара, в частности на Дальнем Востоке, находилось бы в ведении другой комиссии, получившей бы впоследствии название дальневосточной или, может быть, мировой³⁹. Однако, поскольку американский президент практически сразу же отклонил его предложение о членстве США в европейской региональной организации, И.В. Сталин в итоге остановился на мнении, что «лучше создать одну мировую организацию»⁴⁰.

Как известно, участники Тегеранской конференции «большой тройки» не приняли специального решения о создании всеобщей организации безопасности, указав на то, что определение ее непосредственных контуров должно было стать предметом последующего рассмотрения. И все же сформулированная ими идея о необходимости тесного сотрудничества СССР, США и Великобритании в деле формирования основ будущего мира нашла отражение в Декларации трех держав, подписанной И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом 1 декабря 1943 г. «Мы уверены, — говорилось в ней, — что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения»⁴¹. Одновременно в этом документе содержалась мысль о том, что три ведущих державы антигитлеровской коалиции будут приветствовать вступление «в мировую семью демократических стран» всех государств, «народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости»⁴².

Вскоре после завершения Тегеранской конференции союзников советское правительство поручило комиссии Литвинова заняться подготовкой конкретных предложений и рекомендаций, связанных с разработкой основных принципов деятельности новой международной организации безопасности. В самом руководстве СССР, по-видимому, тогда еще не существовало четкого представления о том, как должна была функционировать будущая

ООН. Ибо идея создания подобной организации зародилась в правящих кругах «большой тройки» фактически спонтанно. Однако, несмотря на все трудности, комиссия Литвинова в целом справилась с решением поставленной перед ней задачи.

Основная проблема, с которой столкнулись члены этой комиссии в начальный период своей деятельности, заключалась в том, что собственный проект новой международной организации безопасности им пришлось разрабатывать практически с чистого листа. Когда эти люди только приступали к работе над указанным проектом, в СССР, впрочем, как и в других союзных государствах, существовало лишь одно четкое представление о том, что будущая ООН должна была кардинальным образом отличаться от Лиги Наций, оказавшейся 1930-е гг. абсолютно беспомощной перед лицом надвигавшейся мировой войны. В то же время в Москве, Лондоне и Вашингтоне ясно осознавали, что предшественница новой организации являлась единственным в истории примером реально существовавшего международного института, который на практике занимался вопросами обеспечения мира и безопасности. Таким образом, разработка различных предложений и рекомендаций по отдельным аспектам формирования ООН требовала от политиков и дипломатов, связанных с данной проблематикой, досконального изучения идейных основ и повседневной деятельности Лиги Наций, формально все еще продолжавшей свое существование в годы Второй мировой войны⁴³.

Это отчетливо понимали и в советском внешнеполитическом ведомстве. Поэтому неудивительно, что во многих аналитических материалах комиссии Литвинова, касавшихся создания будущей ООН, содержались ссылки на исторический опыт Лиги Наций, которая, образно говоря, являлась тогда для представителей СССР единственным осязаемым ориентиром. «При явном всеобщем признании необходимости создания или воссоздания какой-либо организации международной безопасности, — писал весной 1944 г. М. М. Литвинов, — разработанных конкретных проектов такой организации почти не существует, если не считать большого количества всяческих утопических планов, исходящих от людей как будто не от мира сего, совершенно игнорирующих реальность и руководящихся лишь своими благочестивыми пожеланиями. При всяком подходе к данному вопросу мысль неизбежно

обращается в сторону Лиги Наций и ставит вопрос о дальнейшей судьбе этой организации»⁴⁴.

Подтверждением вышесказанному может служить, например, докладная записка «Основные принципы статута международной организации по охране безопасности и мира», которая была подготовлена в декабре 1943 г. одним из участников комиссии Литвинова — видным отечественным историком и дипломатом Б. Е. Штейном. В этом документе излагались некоторые предварительные соображения советских экспертов по различным аспектам деятельности намеченного союзниками универсального органа. Причем рассмотрение наиболее важных на тот момент вопросов, связанных с определением круга участников, сферы деятельности и структуры последнего осуществлялось в записке через призму подробного освещения практического опыта Лиги Наций. Так, например, рассуждая о возможном составе будущей всемирной организации безопасности, Б. Е. Штейн отмечал, что к таковым могли относиться только государства, которые подписали и присоединились к Вашингтонской декларации 1 января 1942 г. В то время как члены Тройственного пакта исключались из списка кандидатов на вступление в новое межгосударственное объединение⁴⁵. По мнению автора записки, для Германии и других представителей фашистского блока следовало установить «специальный испытательный срок (5–10 лет), после истечения которого вопрос об их участии в М. О. может быть пересмотрен»⁴⁶. При этом он ссылаясь на статут Лиги Наций, не предусматривавший, как известно, членство государств Четверного союза (Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции) в вышеназванной организации на начальном этапе ее существования.

В то же время, обращая внимание на межвоенный опыт мирового сообщества, Б. Е. Штейн отмечал в своей записке, что, подобно Совету Лиги Наций, состав главного исполнительного органа новой всеобщей организации безопасности (Совета) должен был ограничиваться лишь избранным кругом могущественных государств. К таковым, по его мнению, могли относиться всего «четыре великие державы», игравшие ключевую роль в рамках антигитлеровской коалиции и подписавшие 30 октября 1943 г. совместную декларацию Московской конференции министров иностранных дел «большой тройки».

Впрочем, в проекте Б. Е. Штейна имелись и принципиальные отличия от статута Лиги

Наций. Они проявились, в частности, в позиции автора записки по вопросам о распределении полномочий между основными органами «международной организации по охране безопасности и мира», а также об установлении общих рамок ее деятельности. Так, Б.Е. Штейн предлагал предоставить Совету этой организации исключительное право вынесения решений (на основе принципа единогласия его членов) по применению принудительных мероприятий (санкций) против агрессоров, находившегося прежде в ведении Общего Собрания (Ассамблеи) Лиги Наций, и закрепить за ним руководство осуществлением этих мероприятий. А кроме того, он настаивал на обязательстве всех членов всемирного органа в случае вынесения Советом соответствующего вердикта принимать участие в применении санкций против нарушителей порядка, что также не соответствовало нормам и традициям Лиги Наций.

Вместе с тем, по мнению этого советского дипломата, деятельность новой организации следовало ограничить проблемами, «прямо и непосредственно» связанными с укреплением коллективной безопасности и поддержанием всеобщего мира. Остальные же вопросы международного сотрудничества, включая социальное законодательство, охрану женского и детского труда, борьбу с наркотиками, проституцией, фальшивомонетчеством и т. д., он считал необходимым исключить из сферы ее компетенции⁴⁷. «История Лиги Наций, — писал Б.Е. Штейн в данной связи, — показала, что ее активность в области перечисленных выше проблем... извращала действительную картину общей деятельности Лиги Наций в области основных политических вопросов. Огромное количество конференций, комитетов, совещаний и т. д., создававшихся Лигой Наций по вопросам, не имевшим отношения к созданию условий коллективной безопасности, придали Лиге Наций характер постоянно действующей организации и порождали ложное представление о ее роли»⁴⁸.

Развивая свою мысль, автор записки указывал также на необходимость изъятия из сферы обязанностей новой организации вопросов международной юстиции, которые были связаны, в частности, с деятельностью Постоянной палаты международного правосудия. Однако при этом он подчеркивал, что будущий всемирный орган должен являться политическим трибуналом, «разрешающим межгосударственные конфликты при помощи методов общей

дискуссии, международного расследования, примирительной процедуры, арбитража и, наконец, решений, имеющих обязательный для ее членов характер и сопровождающихся мерами принуждения»⁴⁹.

Другой отличительной чертой представленного в записке Б.Е. Штейна проекта являлась заложенная в нем идея о недопустимости вмешательства международной организации безопасности во внутренние дела своих участников. Эта идея касалась, в первую очередь, крайне чувствительного, в том числе и для СССР, вопроса об урегулировании взаимоотношений отдельных государств с различными национальными меньшинствами, которые проживали на их территории. Поэтому неудивительно, что Б.Е. Штейн предлагал исключить национальный вопрос из компетенции будущей международной организации. «Опыт Лиги Наций, — писал он, — показал, что конфликты в этой области обычно искусственно раздувались государствами, которым выгодно было покровительствовать нац. меньшинствам в других государствах и этим ослаблять их. За время своего существования Лига Наций не разрешила ни одного спора между нац. меньшинством и государством его проживания. Таким образом, дискуссии по этим вопросам не только не способствовали улучшению международной обстановки, но наоборот всячески ее отравляли»⁵⁰.

Наконец, нельзя не отметить и сформулированный Б.Е. Штейном тезис об обязательном отказе «международной организации по охране мира и безопасности» от рассмотрения вопросов, связанных с колониальной проблематикой. С точки зрения этого автора, система мандатов, которая применялась Лигой Наций для управления бывшими заморскими владениями Германии и Японии, а также арабскими провинциями распавшейся после Первой мировой войны Османской империи, «исторически себя не оправдала». Ибо она представляла собой новую форму эксплуатации зависимых территорий со стороны колониальных держав и одновременно создавала очаги разногласий и противоречий между различными государствами. «Процесс эмансипации политических организмов, объявленных в 1919 г. подмандатными территориями, за это время пошел весьма далеко, — отмечалось в записке Б.Е. Штейна, — Такие подмандатные территории, как Ирак, Сирия, Ливан, добились самостоятельного государственного статута и отмены мандата.

Другие находятся на пути к этому. В отличие от Парижской конференции 1919 г., которая в числе прочих вопросов занималась перераспределением колоний, будущая мирная конференция должна будет заняться этим вопросом лишь в весьма ограниченном масштабе [колонии Италии и подмандатные территории Японии]. Исходя из сказанного следует сделать вывод, что М. О. (международная организация — Н. В.) должна отказаться от системы мандатов»⁵¹.

Изложенные в упомянутом документе идеи получили дальнейшее развитие в аналитических материалах, подготовленных другими участниками комиссии Литвинова. Так, в частности, сам М. М. Литвинов неоднократно указывал на недопустимость перенесения в Общее собрание (Ассамблею) универсальной организации по поддержанию мира принципа единогласия, который, как отмечал еще в своей записке Б. Е. Штейн, «сыграл столь пагубную роль в истории Лиги Наций». А вместе с тем он обращал внимание своего руководства на необходимость наделения Общего собрания исключительно рекомендательными функциями при одновременном расширении прав и полномочий Совета, что, по его убеждению, являлось крайне важным моментом именно для советской стороны. «При известной враждебности капиталистических стран в отношении СССР, которая, надо думать, сохранится и после войны, не может быть допущено принятие каких-бы то ни было решений против воли СССР, — писал в данной связи М. М. Литвинов. — Это достигается тем, что всякое решение международной организации должно предварительно приниматься или утверждаться Советом, и что в этом Совете требуется единогласие»⁵².

Вместе с тем глава комиссии НКИД выделял еще две серьезные проблемы, которые следовало учесть советскому руководству при определении его окончательной позиции по вопросу о создании всеобщей организации безопасности. Первая из них заключалась в неизбежном «засилье» государств Латинской Америки в подобном международном учреждении, что было характерно и для Лиги Наций. Так, по словам М. М. Литвинова, в 1930-е гг. страны Латинской Америки, составлявшие около одной трети членов Лиги, «образовали компактную массу», выступавшую «совершенно солидарно» даже по вопросам, которые совершенно не затрагивали интересы Западного полушария. Более того, они «фактически задавали тон» на общих собраниях и в отдельных комиссиях, при

этом многие из них «находились под влиянием Англии, и их представители в Лиге соответственно использовались Англией»⁵³. В новой же международной организации безопасности латиноамериканским государствам, по мнению этого дипломата, предстояло попасть в зависимость от политической воли США.

Решение данной проблемы М. М. Литвинов видел в отстранении представителей Латинской Америки от участия в делах, касающихся Европы. Добиться этого он предлагал либо «путем создания вместо одной международной организации нескольких так называемых региональных организаций...», либо, «еще лучше, путем создания внутри общей международной организации отдельных континентальных секций», при условии, что «каждая секция будет заниматься вопросами безопасности, затрагивающими интересы стран этой секции»⁵⁴. Причем, как следовало из его рассуждений, подобное разделение, в полной мере соответствовавшее доктрине Монро, отвечало и интересам самих США, так как в случае его осуществления неамериканские государства лишились бы возможности влиять на дела Западного полушария. Другими словами, глава одной из ключевых комиссий НКИД предлагал создать внутри будущей международной организации безопасности европейскую, американскую, азиатскую и африканскую секции. Их состав формировался бы строго на основании принадлежности государств к тому или иному региону земного шара⁵⁵. В то время как четыре великие державы, входившие в Совет глобального органа, с учетом их особой роли в деле поддержания мира, должны были участвовать в работе всех перечисленных выше секций.

Кроме того, еще одним важным для советской стороны вопросом М. М. Литвинов полагал определение процедуры мирного разрешения международных конфликтов. По его мнению, наиболее вероятным вариантом решения этого вопроса являлось возвращение к практике Лиги Наций, заключавшейся в том, что урегулирование подобных споров осуществлялось либо Постоянной палатой международного правосудия, либо Ассамблеей Лиги, либо ее Советом, где решения принимались на основе принципа единогласия, но при этом голоса спорящих сторон не учитывались. Однако использование данной процедуры в рамках будущей ООН грозило обернуться для СССР возникновением целого ряда трудностей, поскольку на решениях, затрагивающих его интересы, могло

отразиться «неприятное» или «враждебное» отношение к советскому государству подавляющего большинства членов организации. «Мы не можем требовать каких-либо исключений для нас — замечал в этой связи М. М. Литвинов. — Не можем мы также настаивать, чтобы решения принимались только с согласия спорящих сторон, ибо тогда решения часто будут невозможны. Невозможны будут также решения, если мы будем настаивать на единогласном принятии их общей ассамблеей, даже без участия голосов спорящих сторон. Да и вообще все предложения, касающиеся будущей организации, идут в направлении отказа от требований единогласия при решении любых вопросов на общих собраниях»⁵⁶.

Исходя из этого, М. М. Литвинов рекомендовал включить в компетенцию руководящего органа Совета предварительное решение вопроса о том, угрожает ли миру та или иная конфликтная ситуация и является ли ее урегулирование обязательным для международного сообщества. Подобное решение, полагал он, имело неплохие шансы быть принятым. Тем более, что «голосуя за отсутствие в каком-либо споре опасности нарушения мира, государство тем самым обязуется не прибегать к оружию для разрешения этого спора»⁵⁷.

Немалое значение для СССР, с точки зрения М. М. Литвинова, имел также вопрос и о выборе местопребывания будущей ООН. Так, большинство западных экспертов, занимавшихся в начале 1944 г. разработкой рекомендаций по этой проблематике, предлагали советской стороне рассмотреть возможность размещения новой универсальной организации по поддержанию мира и безопасности в Женеве, где в межвоенный период располагалась штаб-квартира Лиги Наций. В обоснование своей позиции они приводили, в частности, тот важный аргумент, что на территории этого города, не затронутого ужасами мировой войны, оставалась недвижимая собственность созданного когда-то по инициативе президента В. Вильсона международного органа стоимостью в десятки миллионов швейцарских франков. А кроме того, в пользу Женевы играл и «вечный нейтралитет» самой Швейцарии, который, на взгляд западных союзников, мог служить своеобразным гарантом «объективности» и непредвзятого характера будущей ООН.

В свою очередь, М. М. Литвинов, подобно многим другим членам возглавляемой им комиссии, изначально выступал категорически

против предания данному городу статуса официальной столицы «Объединенных Наций». По его мнению, в глазах всего международного сообщества Женева ассоциировалась исключительно с Лигой Наций, чей политический имидж был окончательно скомпрометирован в 1930-е гг. Да, и репутация Швейцарии, как нейтрального государства, представлялась ему не вполне безупречной. Ибо в период между двумя мировыми войнами вышеназванная страна «доктринерски интерпретировала свой нейтралитет и пыталась даже вмешиваться в деятельность Лиги»⁵⁸. Вот почему в качестве альтернативы «провинциальной Женеве» М. М. Литвинов предлагал своему руководству рассмотреть возможность размещения штаб-квартиры будущей ООН в Вене, которую он лично тогда считал «наиболее подходящим» для этого с географической и политической точек зрения городом. «Перенесение туда центра Международной Организации, — указывал он, — было бы немалым финансовым подспорьем для Вены. В связи с этим заслуживает внимания особый вопрос о возможности установления над Австрией некоторого протектората будущей Международной Организации»⁵⁹.

Мнение М. М. Литвинова и его коллег по большинству перечисленных проблем в целом было созвучно общим настроениям, которые преобладали в тот период в руководстве СССР в отношении намеченного «большой тройкой» универсального органа по поддержанию мира и безопасности. В связи с этим неудивительно, что практически все решения официальной Москвы по поводу будущей ООН принимались с учетом рекомендаций, составленных экспертами НКВД. Однако, желая не допустить возможного срыва начавшегося между союзниками предварительного обмена мнениями по различным аспектам формирования новой организации, советская сторона сочла необходимым в отдельных вопросах все же пойти на значительные уступки западным державам, позиция которых нередко заметно отличалась от ее собственной точкой зрения.

В конце весны 1944 г., когда в стане союзников в целом уже сформировалось достаточно четкое представление об общей концепции будущей ООН, правительство США выступило с инициативой проведения в Вашингтоне между представителями четырех ведущих держав антигитлеровской коалиции предметных переговоров, посвященных разработке ее устава. Это предложение было поддержано советской

стороной. Однако сталинское руководство ясно дало понять западным партнерам, что организация подобных переговоров в четырехстороннем формате могла привести к резкому ухудшению отношений между СССР и Японией. Именно поэтому после некоторых раздумий администрация Ф. Рузвельта предложила официальной Москве использовать на предстоявшей конференции ту формулу обсуждения, которая была применена лидерами четырех союзных держав в ходе недавних саммитов в Каире и Тегеране. Данная формула предусматривала одновременное проведение американцами и англичанами отдельных встреч с советскими и китайскими представителями. При этом было решено, что «оба цикла переговоров будут происходить в одном и том же месте», но вместе с тем «они будут полностью отделены друг от друга»⁶⁰.

Советское руководство в целом одобрило американское предложение об организации в Вашингтоне двойных консультаций по вопросам послевоенной безопасности. В начале июля 1944 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов сообщил западным дипломатам о готовности своего правительства принять участие в этих переговорах. Однако в Кремле полагали, что основную роль в формировании будущей ООН предстояло все же сыграть державам «большой тройки». В связи с этим власти СССР предложили американцам и англичанам разграничить по времени их консультации с дипломатами двух других союзных держав с тем, «чтобы сначала имел место один цикл переговоров, а после его окончания — другой цикл переговоров»⁶¹. И западные партнеры по антигитлеровской коалиции в конечном итоге согласились с этим мнением. 31 июля 1944 г. американский посол в Москве У. А. Гарриман уведомил главу НКВД о том, что его правительство приняло решение «провести переговоры с представителями Китая после того, как будут закончены англо-советско-американские переговоры»⁶².

Кроме того, советская сторона считала нецелесообразным на первой стадии трехсторонних переговоров обсуждать весь спектр проблем, связанных с созданием всемирной организации безопасности. По ее мнению, участникам Вашингтонской встречи следовало ограничиться изучением только наиболее важных вопросов и принципов, касающихся создания ООН. К числу последних официальная Москва относила цели и задачи этого учреждения, его состав и основные органы — Общее собрание,

Совет, Международный суд, Генеральный секретариат (их компетенция, функции и обязанности), а также средства предотвращения и подавления агрессии. При этом разработка Устава всеобщей организации по поддержанию мира рассматривалась ею в качестве следующего этапа упомянутых выше переговоров. А вместе с тем представители СССР считали «преждевременным» обсуждение на Вашингтонской встрече вопроса о регулировании вооружений, аргументируя свою позицию «соображениями целесообразности и ссылаясь на неудачу таких попыток со стороны Лиги Наций»⁶³.

12 августа 1944 г. правительствам США и Великобритании был вручен специальный меморандум, в котором излагались собственные предложения сталинского руководства по указанным вопросам. В отличие от аналогичных меморандумов, разработанных ранее западными союзниками СССР⁶⁴, советский документ не содержал никаких положений о методах и процедуре создания новой универсальной организации безопасности. К тому же в нем отсутствовало какое-либо упоминание о работе будущей ООН в социальной, экономической и технической областях, так как в Москве не желали «размывать» сферу компетенции глобального органа по поддержанию мира за счет включения в нее вопросов, не имевших прямого отношения к военным аспектам международной безопасности. «Для такого рода деятельности... — отмечалось в советском меморандуме, — может быть создана отдельная международная организация, не связанная с Международной организацией безопасности, или несколько организаций, охватывающих различные области международного сотрудничества. Такие организации могли бы действовать отдельно от организации международной безопасности, посвятившей себя всецело интересам охраны всеобщего мира и безопасности народов. Поэтому в настоящем меморандуме не затрагиваются вопросы, выходящие за пределы международной безопасности и сохранения мира. К обсуждению и разработке таких вопросов можно будет приступить впоследствии, когда это будет признано необходимым»⁶⁵.

Тем не менее изложенные именно в советском меморандуме предложения в итоге легли в основу повестки обсуждения на Вашингтонской конференции держав «большой тройки». Соответствующее решение было принято в самом начале советско-англо-американских переговоров о создании международной организа-

ции безопасности. Хотя, как отмечал в одном из своих донесений в НКВД глава отечественной делегации на этих переговорах А. А. Громыко (советский посол в США — *Н. В.*), западные союзники все же «зарезервировали за собой право поставить на обсуждение и другие вопросы, не затронутые советским меморандумом»⁶⁶.

Конференция держав «большой тройки» по вопросу об учреждении международной организации безопасности проходила с 21 августа по 28 сентября 1944 г.⁶⁷ в старинной усадьбе Думбартон-Окс, расположенной в пригороде американской столицы. Формально эта встреча имела статус всего лишь «предварительных неофициальных переговоров» СССР, США и Великобритании по отдельным аспектам формирования будущей ООН. Однако, принимая во внимание ее итоги, следует отметить, что форум в Думбартон-Оксе явился одним из самых результативных в истории антигитлеровской коалиции. Ибо в процессе его работы были сформулированы «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», которые включали договоренности союзников по девяноста процентам всех вопросов, касавшихся создания ООН. Причем, несмотря на существование определенных различий в позициях и подходах СССР, США и Великобритании к решению отдельных проблем международной политики, эти державы объединяло стремление сформировать для будущих поколений прочную и эффективную систему коллективной безопасности. А добиться этого они могли только путем тесного сотрудничества и достижения взаимоприемлемых компромиссов.

В частности, участники вышеназванной конференции достаточно быстро достигли общей договоренности о будущем названии («Объединенные Нации»), целях, принципах и основных органах Международной организации безопасности. Правда, при выработке определения ее главной цели представители западных союзников, особенно англичане, первоначально возражали против включения в Устав какого-либо упоминания об агрессии. Так, глава британской делегации на переговорах в Думбартон-Оксе А. Кадоган пытался убедить своих иностранных коллег в необходимости вообще избегать использования в этом документе таких слов как «агрессия» и «агрессор», поскольку последние якобы «могут вызвать в будущем сомнения и неопределенность»⁶⁸. Однако, учитывая позицию советской стороны, настаивавшей

на том, что в обязанности будущей ООН должно было также входить определение агрессора в каждом конкретном вооруженном конфликте, дипломаты США и Великобритании, в конце концов, пошли в данном вопросе на уступки. Таким образом, основной целью новой организации было объявлено «поддержание международного мира и безопасности и принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и обеспечения мирными средствами урегулирования или улаживания международных споров, которые могут привести к нарушению мира»⁶⁹.

Вместе с тем в число других приоритетных целей будущей ООН участники конференции в Думбартон-Оксе включили также развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в разрешении экономических, социальных и иных гуманитарных проблем. Причем на этот раз именно представители СССР согласились пойти навстречу англичанам и американцам. Следуя директивам собственного правительства, предписывавшим советским делегатам «избегать разногласий и споров по второстепенным и несущественным вопросам»⁷⁰, они в итоге не стали настаивать на своей прежней точке зрения о создании специальной организации для координации международного сотрудничества в социальной и экономической областях.

Более того, стороны достаточно быстро смогли договориться и по поводу основных принципов функционирования намеченной организации. Так, согласно их решениям, деятельность последней должна была основываться на «принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств». При этом ее членам предписывалось выполнять взятые на себя в соответствии с уставом обязательства и «разрешать свои споры мирными средствами», воздерживаясь от того, «чтобы угрожать силой или использовать силу каким-либо образом, не совместимым с целями организации»⁷¹. В то же время в обязанности участников будущей ООН вменялось оказание ей «всемерной помощи» в любом действии, предпринятом в соответствии с положениями ее устава. А это, в свою очередь, предполагало, что они «будут воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого организацией предприняты действия превентивного или принудительного

характера»⁷². Кроме того, было оговорено, что новый международный орган безопасности «обеспечит», чтобы государства, не состоявшие в его рядах, действовали бы в соответствии с изложенными выше принципами, «поскольку это может быть необходимо для поддержания международного мира»⁷³.

Без особых сложностей прошло и обсуждение вопроса об основных органах новой организации по поддержанию мира. Участники переговоров в Думбартон-Оксе были практически единодушны в том, что к числу таковых следовало отнести Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности, Международный Суд и Секретариат. А кроме того, в соответствии с их договоренностями, в рамках организации допускалось также создание целого ряда «вспомогательных органов», существование которых международное сообщество могло признать необходимым. Последнее решение касалось прежде всего деятельности Экономического и Социального Совета, подчиненного только Генеральной Ассамблее, но не связанного с Советом Безопасности, занимавшимся вопросами обеспечения мира. Этот орган западные державы предложили учредить с целью содействия урегулированию экономических, социальных и других проблем, а также для координирования усилий различных международных институтов, осуществлявших свою деятельность в указанной сфере. Причем, убеждая советскую сторону в необходимости принять их инициативу, они особо отмечали, что решения Социального и Экономического Совета и Генеральной Ассамблеи по упомянутым выше вопросам «не будут иметь обязательного характера, в отличие от решений Исполнительного Совета (Совета Безопасности — *H. B.*) по вопросам обеспечения мира и безопасности»⁷⁴. И это важное дополнение со временем помогло им сломить сопротивление представителей СССР. В конце концов, А. А. Громыко и другие советские делегаты согласились включить Экономический и Социальный Совет в число вспомогательных учреждений будущей ООН, подчеркнув, однако, что основным направлением деятельности данной организации они считают все же охрану мира и безопасности.

Что же касается состава и полномочий самой Генеральной Ассамблеи, то на конференции в Думбартон-Оксе представители союзных держав достигли принципиальной договоренности о том, что участниками этого органа должны были стать все члены новой всемирной организации. По их мнению, каждое из

государств могло обладать в Ассамблее только одним голосом. В то время как в компетенцию последней они включили избрание непостоянных членов Совета Безопасности, членов Экономического и Социального Совета, членов Международного Суда (совместно с Советом Безопасности), а также назначение по рекомендации Совета Безопасности генерального секретаря организации, утверждение общего бюджета и распределение расходов между государствами-членами⁷⁵. К тому же советская сторона настояла на том, чтобы Генеральной Ассамблее было предоставлено право по рекомендации Совета Безопасности исключать из рядов организации любого ее участника, «который систематически нарушает принципы, содержащиеся в статуте»⁷⁶.

Наряду с этим, согласно решению держав «большой тройки», Генеральная Ассамблея была правомочна не только обсуждать общие принципы и вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, но и разрабатывать в отношении них собственные рекомендации. К числу таких вопросов относилась, в частности, проблема разоружения, вошедшая в сферу компетенции будущей ООН благодаря усилиям представителей СССР. В отличие от англичан и американцев, которые предлагали ограничиться упоминанием в уставе организации только о «регулировании вооружений», советские дипломаты изначально настаивали на включении в текст этого документа термина «разоружение» как лозунга будущего, полагая, что международному сообществу, несомненно, придется заниматься указанной проблематикой «если не сейчас, то через 5-10 и более лет»⁷⁷. И, как видно из принятых в Думбартон-Оксе решений, этот аргумент в конечном итоге был принят западными союзниками во внимание.

Наконец, весьма продуктивным оказалось и проведенное тогда обсуждение вопросов о Секретариате ООН, о процедуре поправок и мероприятиях переходного периода, а также о Международном Суде. В частности, по поводу последнего было решено, что он явится основным судебным органом этой организации, члены которой *ipso facto* (тем самым) станут участниками его статута. Одновременно представители «большой тройки» договорились о том, что условия присоединения нечленов ООН к данному документу будут определяться «в каждом случае» Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. Но при этом в ходе переговоров в Думбартон-Оксе им

так и не удалось определиться с положениями самого статута Международного суда, что в целом отвечало интересам советской стороны, опасавшейся включения в него пункта об обязательности юрисдикции главного судебного органа ООН для всех участвующих в ней государств. «Наше отношение к международному суду, — писал в данной связи М. М. Литвинов, — должно определяться предположением, что при любом его составе и любом уставе мы не можем рассчитывать на его полную справедливость и беспристрастие в делах, касающихся Советского Союза»⁷⁸. Поэтому неудивительно, что советская делегация в Вашингтоне, следуя директиве своего руководства, целенаправленно добивалась от западных дипломатов согласия на то, чтобы перенести разработку статута этого специализированного учреждения ко «второй очереди» переговоров⁷⁹.

Впрочем, конференция в Думбартон-Оксе решила далеко не все важные проблемы, касавшиеся создания ООН. В частности, представители держав «большой тройки» не смогли достичь взаимопонимания в вопросе о первоначальном членстве в новой международной организации безопасности, вызвавшем среди участников этого форума острые дискуссии. Так, согласно положениям советского меморандума от 12 августа 1944 г., инициаторами и первоначальными членами организации должны были являться государства, подписавшие в свое время Декларацию Объединенных Наций и присоединившиеся к ней. В случае принятия этого принципа официальная Москва рассчитывала включить в число учредителей ООН все 16 входивших тогда в СССР союзных республик, что позволило бы ей ослабить представлявшую тогда вполне реальной угрозу создания в рамках нового международного учреждения проамериканского и пробританского блоков из большинства государств Латинской Америки и доминионов Великобритании. Именно поэтому послу А. А. Громыко и его коллегам по делегации было предписано строго придерживаться позиции советского руководства по поводу состава намеченной организации. Правда, представители СССР все же не настаивали, чтобы вопрос о членстве союзных республик в будущей ООН был окончательно решен именно на переговорах в Думбартон-Оксе.

28 августа 1944 г. А. А. Громыко впервые озвучил перед западными дипломатами предложение о включении 16 советских социалистических республик в список учредителей

ООН. А несколько дней спустя в поддержку указанной инициативы открыто выступил и сам И. В. Сталин, ссылаясь, в частности, на принятые незадолго до этого поправки к союзной конституции, которые предоставляли отдельным республикам Страны Советов формальное право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, а также обмениваться с ними представителями и заключать соглашения. «Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение, — писал он 7 сентября 1944 г. президенту Ф. Рузвельту. — После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года Правительства Союзных Республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к принятому в Советской Конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации»⁸⁰.

Тем не менее западные союзники отказались поддержать идею о столь значительном расширении представительства СССР в ООН за счет включения в нее всех 16 советских союзных республик. Так, в частности, руководитель британской делегации на конференции в Думбартон-Оксе А. Кадоган полагал, что рассмотрение указанного вопроса могло привести к «международной легализации этих республик»⁸¹, что, как известно, являлось одним из главных камней преткновения в отношениях между самими участниками «большой тройки». В то время как Ф. Рузвельт в одном из своих личных посланий к лидеру СССР призывал последнего не настаивать на обсуждении советской инициативы до окончательного учреждения международной организации безопасности и до того, как она приступит к выполнению своих функций. «Если отложить в настоящее время этот вопрос, — убеждал американский президент И. В. Сталина, — то это не мешает тому, чтобы он был обсужден позднее, как только будет создана Ассамблея. Ассамблея имела бы к тому времени все полномочия для принятия решений»⁸².

Кроме того, делегации западных держав фактически отвергли предложение официальной Москвы о недопущении в ООН фашист-

ских государств и государств «фашистского типа», как несоответствующих основным принципам этой организации. Осуждая фашизм как таковой, они тем не менее заявили советским дипломатам о том, что значение слова «фашист» со временем могло измениться и, следовательно, было бы нецелесообразным включать его в основной документ (Устав). При этом представители США и Великобритании считали невозможным точно определить являются ли такие страны как, например, Португалия и Япония фашистскими, в связи с чем глава американской делегации на переговорах в Думбартон-Оксе Э. Стеттиниус даже заметил, что «средний американец не понимает никакого другого типа государства, кроме американского»⁸³. А его коллега, Л. Пасвольский, при этом добавил, что в случае принятия советского предложения всем первоначальным членам ООН пришлось бы выдать своего рода «сертификат, что они здоровы и не заражены фашизмом»⁸⁴.

В свою очередь, англичане и американцы предлагали включить в число инициаторов новой организации участников антигитлеровской коалиции и т. н. «присоединившиеся нации», к которым они относили все страны, не объявившие войну нацистской Германии, но порвавшие с ней отношения. Свою позицию в этом вопросе они мотивировали, в частности, тем, что такие государства ранее уже принимали участие в конференции в Бреттон-Вудсе, а также в целом ряде других международных встреч, организованных в период войны под эгидой «Объединенных Наций». Однако подобная аргументация не показалась представителям СССР достаточно убедительной. В итоге, не сумев достигнуть взаимоприемлемой договоренности, участники конференции в Думбартон-Оксе ограничились принятием компромиссной формулы, согласно которой членами будущей ООН могли стать «все миролюбивые государства». В то время как окончательное решение вопроса о членстве во всемирной организации безопасности было решено перенести на более позднюю стадию переговоров между союзниками.

Не менее острую полемику на конференции в Вашингтоне вызвали и некоторые вопросы, связанные со статусом Совета Безопасности — главного руководящего органа ООН. Делегации держав «большой тройки» достаточно быстро смогли договориться о составе и функциях последнего, согласившись, в частности, с тем, что он должен состоять из представителей 11 государств-участников

ООН, по одному от каждого. Причем было согласовано, что СССР, США, Великобритания, Китай и «в надлежащее время» Франция⁸⁵ получают статус постоянных членов Совета Безопасности. А шесть остальных, «непостоянных», мест в нем займут государства, избранные Генеральной Ассамблеей. Пребывание последних в Совете ограничивалось двухгодичным сроком при условии, что «три из них выбывают ежегодно» и «не могут быть переизбраны немедленно»⁸⁶. Таким образом, для всех членов ООН создавалась возможность поочередного участия в работе ее важнейшего органа.

Одновременно представители союзных держав в целом смогли достичь взаимопонимания и по вопросу о полномочиях Совета Безопасности, на который они возложили главную ответственность за поддержание мира и безопасности. Было договорено передать этому органу полномочия по расследованию любой ситуации, способной привести к международным трениям, при том что все члены ООН в обязательном порядке станут соглашаться с его решениями и выполнять их в соответствии с положениями статута организации. Совет должен был призывать конфликтующие стороны к урегулированию их разногласий путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства или при помощи других мирных средств по их выбору. А в случае неэффективности таких средств ему надлежало искать иные пути для устранения угрозы миру. «Совет Безопасности, — отмечалось в данной связи итоговом документе конференции в Думбартон-Оксе, — уполномочивается определять, какие дипломатические, экономические или другие меры, не связанные с использованием вооруженной силы, должны применяться для осуществления его решений, и призывать членов организации применять эти меры. Такие меры могут включать полный или частичный разрыв железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- и других средств сообщения и разрыв дипломатических и экономических отношений»⁸⁷. При этом далее указывалось, что, если, по мнению Совета Безопасности, вышеперечисленные демарши оказались бы все же недостаточными, главный руководящий орган ООН имел право «предпринять такие действия при помощи воздушных, морских или наземных вооруженных сил, которые могут быть необходимы для поддержания или восстановления международного мира и безопасности»⁸⁸. Эти силы в соответствии с особы-

ми межгосударственными соглашениями должны были предоставить в его распоряжение все члены новой организации. Командование же ими предполагалось осуществлять при помощи специального органа — Военного Штабного Комитета в составе начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей, который союзники планировали создать для разработки рекомендаций и оказания содействия Совету по всем вопросам, относившимся к его «военным потребностям».

Тем не менее, несмотря на достигнутые договоренности, участникам конференции в Думбартон-Оксе так и не удалось найти взаимоприемлемые решения по двум ключевым аспектам будущей деятельности Совета Безопасности. Первый из них касался четкого разграничения прав и полномочий между этим органом и Генеральной Ассамблеей. А второй — затрагивал порядок голосования в Совете Безопасности. Так, все представители «большой тройки» разделяли мнение о том, что принятие главным руководящим органом ООН решений по важнейшим проблемам международной политики должно было осуществляться на основе принципа единогласия его постоянных членов. Но в то же время западные партнеры официальной Москвы, особенно американцы, настаивали на неучастии в голосовании тех великих держав, которые являлись заинтересованной стороной в споре. В частности, президент Ф. Рузвельт, обсуждавший тогда этот вопрос с советским послом А. А. Громыко, полагал, что если бы СССР, США, Великобритания, Китай и впоследствии Франция все же поставили себя в привилегированное положение по сравнению с другими государствами, то «малые страны, безусловно, возражали бы против этого, а возможно, и совсем не согласились бы принять участие в организации»⁸⁹. К тому же, согласно его точке зрения, предоставление великим державам особых прав при решении Советом Безопасности конфликтных дел, затрагивающих их собственные интересы, «противоречило бы исторической традиции, которая... соблюдается со времени «Магна Карта»»⁹⁰.

Со своей стороны, советские делегаты на переговорах в Думбартон-Оксе категорически возражали против какого-либо отступления от принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, справедливо опасаясь, что предложенный западными союзниками порядок голосования в упомянутом выше органе мог превратить ООН в инструмент навязыва-

ния воли одних государств другим странам, особенно СССР. В директивах, полученных ими из Москвы, по этому поводу говорилось следующее: «Роль Совета в организации не должна быть умалена. Нужно, чтобы Совет на деле мог осуществлять руководящую роль в работе организации, но при этом нельзя допустить такого положения, когда организация или отдельные ее органы могли бы принимать решения, обязательные для всех четырех постоянных членов Совета без согласия всех этих четырех членов. Для этого нужно установить порядок, при котором решения Совета по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, принимались бы большинством голосов, при условии согласия всех постоянных представителей в Совете. Такое правило обеспечит нам возможность не допускать принятия Советом решений, которые противоречили бы нашим интересам. Этот принцип (согласие всех постоянных представителей в Совете) является весьма важным, и советский представитель обязан настаивать на его принятии»⁹¹. Другими словами, делегации СССР на переговорах в Вашингтоне предписывалось занять глухую оборону в вопросе о единогласии великих держав, убеждая своих основных партнеров по антигитлеровской коалиции в том, что, «для отступления от этой позиции у нас пространства нет»⁹².

По мнению советской стороны, наиболее приемлемым решением сложившейся проблемы могло стать установление особой процедуры голосования при разборе в Совете Безопасности дел, напрямую затрагивающих интересы какой-либо из великих держав. Отстаивая эту точку зрения, А. А. Громыко и его коллеги по делегации, в частности, указывали на то, что подобной позиции изначально придерживалось и правительство США, хотя в дальнейшем Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение пересмотрели свои взгляды в этом вопросе. Вместе с тем они ссылались на решения предшествующих встреч представителей «большой тройки», которые предусматривали обязательное согласие ведущих союзных держав при разработке основ будущего миропорядка. Тем более, что сам И. В. Сталин в своей переписке с президентом США призывал американское руководство не нарушать заключенных ранее межсоюзнических договоренностей. «...предложение о том, чтобы была установлена особая процедура голосования в случае спора, в котором непосредственно замешан один или несколько членов Совета, имеющих статус постоянных членов, мне пред-

ставляется правильным — писал он, например, Ф. Рузвельту 14 сентября 1944 г., — В противном случае сведется на нет достигнутое между нами соглашение на Тегеранской конференции, исходящее из принципа обеспечения в первую очередь единства действий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем. Такое единство предполагает, разумеется, что среди этих держав нет места для взаимных подозрений. Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие единства у ведущих держав»⁹³.

Правда, советским дипломатам на встрече в Думбартон-Оксе так и не удалось убедить западных союзников в необходимости соблюдения принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности при принятии всех важнейших решений. Руководители американской и британской делегаций — Э. Стеттиниус и А. Кадоган недвусмысленно дали тогда понять А. А. Громыко, что их точка зрения в этом вопросе останется неизменной. Более того, представители США предложили отложить обсуждение возникшей проблемы до учредительной конференции ООН, что, по понятным причинам, не устраивало официальную Москву. Однако, как вспоминал позднее сам А. А. Громыко, у советской стороны все же сохранялась уверенность, что в ближайшем будущем «и американцы, и англичане внесут коррективы в свою позицию, ибо они не могут не отдавать себе отчет в том, что если этого не сделать, то просто не будет Организации Объединенных Наций»⁹⁴.

Вместе с тем в СССР полагались на собственную политическую мудрость и богатый переговорный опыт президента Ф. Рузвельта. По словам советского посла в Вашингтоне, глава США постоянно «эту проблему анализировал, размышлял над ней, думал, как бы примирить обе позиции», из чего можно было заключить, что поиски соглашения по столь важному для всех великих держав вопросу будут продолжены. И, как показали дальнейшие события, расчет представителей СССР на общую заинтересованность американского президента в достижении взаимоприемлемого компромисса полностью оправдался.

Спустя два месяца после завершения конференции в Думбартон-Оксе Ф. Рузвельт, принимая во внимание твердость позиции советского

руководства в отношении принципа единогласия, а также учитывая заметный рост численности сторонников данного принципа в правящих кругах самих США⁹⁵, выступил с новой инициативой, касавшейся порядка голосования в Совете Безопасности. 5 декабря 1944 г. в своих посланиях к И. В. Сталину и У. Черчиллю он предложил достичь договоренности между великими державами путем одобрения ими трех важных положений. Во-первых, каждый член Совета Безопасности должен был иметь один голос. Во-вторых, решения этого органа по вопросам процедуры следовало считать принятыми в случае, если за них проголосовали семеро из его членов. И, наконец, в-третьих, решения Совета Безопасности по всем другим вопросам могли считаться принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов, с условием, что сторона, участвующая в споре, будет воздерживаться от голосования при принятии решений, связанных с мирным урегулированием спора. Причем, комментируя свое предложение, Ф. Рузвельт отмечал, что с американской стороны данная инициатива являлась значительной уступкой в пользу позиции СССР. «Вы видите, — писал он главе советского правительства, — что это требует единогласия постоянных членов во всех решениях Совета в отношении определения угрозы миру так же, как и в отношении действий для устранения подобной угрозы или для подавления агрессии или других нарушений мира. С практической точки зрения я вижу, что это необходимо, если такого рода действия должны быть осуществимыми. Поэтому я готов в этом отношении согласиться с точкой зрения, выраженной Вашим Правительством в его меморандуме, представленном на совещании в Думбартон-Оксе по вопросу о Международной организации безопасности. Это, конечно, означает, что каждый постоянный член всегда будет иметь голос при принятии решений такого характера»⁹⁶.

Предложение президента Ф. Рузвельта получило дальнейшее развитие в памятной записке Государственного департамента США, врученной посольству СССР в Вашингтоне 3 января 1945 г. В этом документе подтверждалась приверженность американских властей идее обязательного единогласия постоянных членов Совета безопасности во всех случаях «устранения угроз миру и пресечения нарушений мира». К тому же в нем было заявлено, что указанный принцип следовало применять

и при решении большинства других важных вопросов, включая, например, прием в организацию новых членов, временную приостановку членства отдельных государств и выборы Генерального секретаря⁹⁷. Хотя при этом в записке дипломатического ведомства США все же отмечалось, что при принятии решений, направленных на мирное урегулирование спора, постоянный член Совета Безопасности — участник данного спора — должен был воздерживаться от голосования. И это обстоятельство заставляло советское руководство поначалу достаточно сдержанно реагировать на выдвинутую американцами инициативу.

Излагая в очередной раз доводы своего правительства в пользу поддержки принципа «абсолютного вето», И. В. Сталин 26 декабря 1944 г. писал Ф. Рузвельту: «Разумеется, что попытка отстранить на какой-либо стадии одного или нескольких постоянных членов Совета от участия в голосовании по указанным вопросам, а теоретически можно допустить и такой случай, когда большинство постоянных членов окажется устраненным от участия в решении вопроса, может иметь пагубные последствия для сохранения международной безопасности. Такое положение противоречит принципу согласованности и единогласия решений четырех ведущих держав и может повести к противопоставлению одних великих держав другим великим державам, что способно подорвать дело всеобщей безопасности»⁹⁸.

Впрочем, спустя несколько недель советская сторона все же согласилась поддержать предложенный администрацией Ф. Рузвельта новый порядок голосования в Совете Безопасности. Это решение в Москве аргументировали прежде всего тем, что инициатива американцев лишала великие державы возможности пользоваться правом вето только при рассмотрении процедурных вопросов. В то время как в остальных случаях деятельность Совета Безопасности должна была неизменно основываться на принципе единогласия его постоянных членов. И, следовательно, ни одно важное решение этого органа, в том числе об исключении из ООН отдельных государств или о применении в отношении них экономических, военных и любых других санкций, все равно не могло быть принято без согласия СССР.

Кроме того, на заключительном этапе ВОВ И. В. Сталин рассчитывал добиться от президента Ф. Рузвельта ощутимых уступок при решении других важных вопросов, связанных с организа-

цией будущего мира и представлявших для руководства СССР особый интерес⁹⁹. В связи с этим ему было необходимо убедить главу США в возможности достижения союзниками взаимоприемлемых компромиссов по наиболее значительным аспектам учреждения ООН.

Окончательно вопрос об использовании права вето в Совете Безопасности был решен в ходе личных переговоров лидеров держав «большой тройки», состоявшихся в феврале 1945 г. в Ялте. На Крымской конференции И. В. Сталин, в конце концов, добился от западных союзников формальных заверений в том, что СССР даже в качестве участника какого-либо международного спора, образно говоря, не останется в стороне от голосования в главном руководящем органе ООН. Вследствие этого выдвинутое американцами предложение о порядке принятия решений в Совете Безопасности перестало рассматриваться официальной Москвой как противоречащее ее интересам, что и было зафиксировано в достигнутых в Ялте договоренностях.

На Крымском саммите советская сторона вновь вернулась к разговору и об участии союзных республик СССР в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей. Так как этот вопрос не получил своего разрешения на переговорах в Думбартон-Оксе, сталинское руководство стремилось добиться смягчения позиции западных союзников в отношении расширенного представительства своего государства в ООН еще до созыва ее учредительной конференции, в рамках которой общий расклад сил между участниками мог сложиться не в пользу Страны Советов. «Американцы и англичане возражают против нашего предложения о включении в число первоначальных членов наших советских республик, — писал накануне Крымской конференции М. М. Литвинов, — Они даже предлагали исключить из протоколов совещания в Думбартон-Окс всякое упоминание о нашем предложении. Если снять наше предложение, то советские республики смогут лишь впоследствии, уже после выработки устава, подать заявления о вступлении в организацию. Поскольку новые члены будут приниматься Генеральной Ассамблеей большинством в две трети голосов и лишь по рекомендации Совета Безопасности, то можно заранее сказать, что за принятие их вряд ли выскажется установленное большинство в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Таким образом, Советские республики (в лучшем слу-

чае за исключением некоторых из них) не только не будут первоначальными членами, но и вообще членами будущей организации»¹⁰⁰.

Правда, отстаивая идею включения союзных республик СССР в число инициаторов международной организации безопасности, его руководство все же отчетливо осознавало, что власти США и Великобритании ни при каких обстоятельствах не собирались допускать вступления в ООН всех 16 субъектов советской федерации. Поэтому на переговорах в Ялте И. В. Сталин выдвинул новое предложение, которое, с точки зрения многих отечественных и зарубежных экспертов, являлось в тот период более реалистичным. Оно предусматривало признание трех или, по крайней мере, двух союзных республик в качестве членоучредителей ООН. Причем, к числу последних лидер СССР изначально предложил отнести Украину, Белоруссию и Литву. Однако в дальнейшем И. В. Сталин считал возможным оставить в этом списке только первые две республики, понесшие колоссальные человеческие и материальные потери в борьбе против фашистских агрессоров и готовые, по его словам, в оперативном порядке подписать Декларацию Объединенных Наций.

Одновременно глава советского правительства высказался против приглашения на учредительную конференцию ООН т. н. «присоединившихся» государств, в поддержку которых активно выступали западные союзники СССР. Аргументируя свою позицию, он заявил, что «странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны»¹⁰¹. В связи с этим он настаивал на том, чтобы право на участие в столь важном форуме «Объединенных Наций» могли получить только те государства, которые уже являлись или собирались в скором времени стать членами антигитлеровской коалиции¹⁰².

В итоге, встреча в Ялте в целом оправдала ожидания представителей СССР в отношении принятия двух упомянутых выше советских инициатив. Лидеры западных держав согласились пригласить на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, открытие которой было намечено на 25 апреля 1945 г., всех членов антигитлеровской коалиции (по состоянию на 8 февраля 1945 г.), а также тех из «присоединившихся наций», «которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.»¹⁰³. Наряду с этим они одобрили идею допуска к первоначально-

му членству в ООН находившихся в составе СССР Украины и Белоруссии. Но в то же время Ф. Рузвельт и У. Черчилль убедили И. В. Сталина не настаивать на подписании этими республиками до 1 марта 1945 г. Декларации Объединенных Наций, заверив его в том, что данное обстоятельство не могло помешать украинцам и белорусам войти в число учредителей новой международной организации безопасности¹⁰⁴.

Более того, западные союзники смогли уговорить руководителя Страны Советов не придавать огласке достигнутую ими в Ялте договоренность о будущем членстве Украины и Белоруссии в ООН вплоть до созыва ее учредительной конференции. Ибо это якобы грозило возникновением «больших трудностей и споров». В частности, по словам премьер-министра Великобритании, «в случае опубликования решения о советских республиках» британские доминионы могли «заявить протест против того, чтобы одно государство имело больше одного голоса». Поэтому ему было необходимо прежде «снестись с доминионами и подготовить их по вопросу об участии Украины и Белоруссии в качестве первоначальных членов в международной организации безопасности»¹⁰⁵. В то время как президент Ф. Рузвельт заявил в данной связи о своем стремлении «избежать войны с ирландцами в США»¹⁰⁶. Таким образом, англичане и американцы, вероятно, рассчитывали оставить для себя некое поле для маневра, чтобы в дальнейшем у них была возможность затягивать реализацию формально одобренного ими предложения о расширении советского представительства в ООН за счет включения в нее Украины и Белоруссии.

Наконец, на Крымской конференции союзники смогли выработать общий подход и к решению вопроса о территориальной опеке, который, по выражению М. М. Литвинова, был лишь «глухо упомянут» в ходе переговоров в Думбартон-Оксе. Лидеры держав «большой тройки» признали необходимость создания в рамках будущей ООН международной системы опеки. Согласно их замыслу, последнюю следовало применять только к существующим мандатам Лиги Наций, к территориям, «отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны», а также к любой другой территории, «которая может быть добровольно поставлена под опеку». При этом существовала договоренность, что вопрос об определении конкретных территорий, требующих международной опеки, не войдет в повестку дня

намеченной в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, а «явится предметом позднейшего соглашения»¹⁰⁷. Хотя каждый из союзников отчетливо осознавал, что колониальная проблематика (в различных ее аспектах) неизбежно должна была стать одной из наиболее обсуждаемых тем на предстоявшем в скором времени учредительном форуме ООН.

5 марта 1945 г., в соответствии с решением Крымской конференции, администрация США от имени правительств четырех ведущих держав антигитлеровской коалиции отправила 39 государствам (включая Австралию, Бельгию, Боливию, Бразилию, Канаду, Чили, Египет, Эфиопию, Грецию, Саудовскую Аравию, Турцию, Новую Зеландию Филиппины и Южно-Африканский союз) согласованный представителями «большой тройки» текст приглашения на учредительную конференцию ООН. Несколько позднее аналогичные документы получили еще две страны — Ливан и Сирия, что, считая Францию, которая была приглашена раньше¹⁰⁸, довело общее количество приглашенных до 42.

Условием приглашения являлось подписание государствами Декларации Объединенных Наций и, следовательно, — объявление войны хотя бы одной из держав Тройственного пакта. Но при этом американская сторона категорически возражала против участия в сан-францисских переговорах делегатов от Украины и Белоруссии, поскольку их присутствие на указанном форуме якобы «могло... создать опасное положение, способное принести вообще непоправимый ущерб всему делу создания международной организации»¹⁰⁹. В частности, по словам тогдашнего госсекретаря США Э. Стеттиниуса, исходя из ялтинских договоренностей, правительство Ф. Рузвельта «согласилось поддержать на конференции в Сан-Франциско предложение, чтобы эти две Советские республики были допущены к первоначальному членству всемирной организации, когда эта организация будет создана». Однако «никакого обязательства не было принято в отношении присутствия представителей этих республик в Сан-Франциско», к тому же американцы оставляли «на усмотрение конференции решить, принять ли советское предложение, которое правительства Соединенных Штатов и Великобритании согласились поддержать...»¹¹⁰

Вполне естественно, что подобное толкование западными союзниками договоренностей, достигнутых на Крымской встрече пред-

ставителей «большой тройки», с самого начала вызвало у сталинского руководства резкое неприятие. В Москве полагали, что «вопрос о допущении Украины и Белоруссии к первоначальному членству должен быть поставлен на одном из первых заседаний конференции в Сан-Франциско» и что после принятия последней положительного решения, украинцам и белорусам следовало обеспечить «полноправное участие в работе названной конференции в качестве первоначальных членов Всеобщей международной организации безопасности»¹¹¹. Поэтому советские представители настаивали на выполнении западными державами их прежнего обещания, нацеливаясь попутно на продолжение возникшей по данному поводу дискуссии в ходе предстоящего учредительного форума ООН¹¹².

Кроме того, руководство СССР не могло примириться с нежеланием американцев и англичан пригласить на конференцию Объединенных Наций представителей непризнанного ими прокоммунистического Польского временного правительства. Отстаивая свою позицию в этом вопросе, оно стремилось обратить внимание союзных держав на то важное обстоятельство, что намеченная в Ялте реорганизация действовавшего в тот период в Варшаве центрального органа власти к весне 1945 г. еще не завершилась. И, следовательно, на учредительной конференции ООН вообще могло не оказаться представителей Польши. Решение возникшей проблемы в СССР видели в приглашении на сан-францисские переговоры делегации подконтрольного Кремлю Польского временного правительства, «как осуществлявшего власть на всей территории Польши и пользующегося поддержкой польского народа»¹¹³. При этом советская сторона неоднократно напоминала союзникам о том, что она изначально не возражала против участия в конференции Объединенных Наций целого ряда небольших государств (Гаити, Либерии, Парагвая и т. д.), с которыми у СССР тогда не было дипломатических отношений.

В свою очередь, правительства западных держав придерживалось той точки зрения, что приглашение «варшавских поляков» на учредительный форум ООН «не будет соответствовать и фактически противоречило бы решениям Крымской конференции». Исходя из этого, они настаивали на том, что участие Польши в сан-францисских переговорах «должно быть зарезервировано за Временным польским правительством Национального единства, о котором было достигнуто согласие в Ялте, а не за

одной из групп, из которых предстоит создать новое правительство»¹¹⁴.

Усилению напряженности в отношениях между СССР и другими участниками «большой тройки» накануне открытия конференции в Сан-Франциско способствовало также и то обстоятельство, что в начале весны 1945 г. его руководству стало известно о проведении американцами и англичанами в Берне закулисных сепаратных переговоров с представителями германского военного командования. Новость об этом вызвала сильное раздражение у официальной Москвы, которая стала справедливо упрекать правящие круги западных держав в том, что осуществляемые ими за спиной у советских представителей дипломатические маневры наносят серьезный ущерб межсоюзническим отношениям. Так, в частности, в одном из своих тогдашних посланий американскому президенту И. В. Сталин писал: «Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае, это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече. Американцы же и англичане думают иначе, считая русскую точку зрения неправильной. Исходя из этого, они отказали русским в праве на участие во встрече с немцами в Швейцарии. Я уже писал Вам и считаю не лишним повторить, что русские при аналогичном положении ни в коем случае не отказали бы американцам и англичанам в праве на участие в такой встрече. Я продолжаю считать русскую точку зрения единственно правильной, так как она исключает всякую возможность взаимных подозрений и не дает противнику возможности сеять среди нас недоверие»¹¹⁵. При этом тон других посланий И. В. Сталина к лидерам США и Великобритании, относящихся к концу марта — началу апреля 1945 г., также как и переписки наркома иностранных дел В. М. Молотова с западными дипломатами в Москве, свидетельствовал о решимости руководства СССР любой ценой помешать проведению сепаратных переговоров союзников с представителями врага.

Не скрывая своего возмущения столь «коварным» поведением американцев и англичан, советская сторона даже заявила о том, что глава НКВД не сможет принять участие в предстоявшей конференции Объединенных Наций, как

это планировалось изначально. Еще за месяц до открытия сан-францисского форума ее представители официально уведомили правительства Ф. Рузвельта и У. Черчилля о невозможности приезда В. М. Молотова в США, поскольку тот якобы должен был присутствовать на очередной Сессии Верховного Совета СССР, намеченной на апрель 1945 г. В то же время союзников проинформировали о назначении А. А. Громыко на должность главы советской делегации на переговорах о создании ООН. Таким образом, официальная Москва стремилась убедить правящие круги США и Великобритании в ослаблении своего интереса к учредительной конференции всеобщей организации безопасности, работу которой, как следовало из предшествовавших дипломатических маневров западных держав, последние рассчитывали направить в выгодное только для них русло.

Отказ В. М. Молотова от поездки в Сан-Франциско мог негативно отразиться на общем престиже учредительной конференции ООН и потому вызвал в стане союзников неподдельную тревогу и растерянность. Так, например, узнав о намерении советских властей снизить уровень своего представительства на этом форуме, президент Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Мы весьма высокого мнения о личных качествах и способностях Посла Громыко и уверены, что он успешно представлял бы Советский Союз. Тем не менее я не могу не испытывать глубокого разочарования в связи с тем, что г-н Молотов, по-видимому, не предполагает присутствовать на конференции... Все державы-инициаторы и большинство других стран, участвующих в конференции, будут представлены своими министрами иностранных дел. Принимая это во внимание, я опасаясь, что отсутствие г-на Молотова будет истолковано во всем мире как признак отсутствия должного интереса со стороны Советского Правительства к великим задачам этой конференции»¹¹⁶. Причем главе США пришлось фактически упрашивать советского лидера «разрешить» наркому иностранных дел приехать в Сан-Франциско «по крайней мере для участия в весьма важных первых заседаниях».

В результате, официальная Москва все же дала добро на личное участие В. М. Молотова в конференции Объединенных Наций¹¹⁷. Однако окончательное решение по этому вопросу было принято ею только после смерти Ф. Рузвельта (12 апреля 1945 г.), явившейся, по выражению А. А. Громыко, «ужасным ударом» для совет-

ской стороны. В Кремле еще не имели четкого представления о том, насколько последовательно новый президент США Г. Трумэн собирался претворять в жизнь внешнеполитический курс своего предшественника и в какой мере он мог быть подвержен влиянию тех кругов американского общества, которые выступали в тот период против продолжения наметившегося в годы войны сотрудничества с СССР. Поэтому неудивительно, что давая согласие на поездку В.М. Молотова в Сан-Франциско, советское руководство рассчитывало посредством данного визита прежде всего прояснить позицию Г. Трумэна в отношении договоренностей, достигнутых союзниками на переговорах в Думбартон-Оксе и Ялте¹¹⁸.

Конференция Объединенных Наций начала свою работу 25 апреля 1945 г. Ее открытие в Сан-Франциско совпало с исторической встречей советских и американских войск на Эльбе в районе германского города Торгау, что само по себе было очень символично. В условиях, когда до полной победы над нацистской Германией оставались считанные дни, участники антигитлеровской коалиции приступили к окончательному решению вопроса о создании новой системы всеобщей безопасности, с тем чтобы не допустить в будущем повторения ужасов Второй мировой войны. При этом конференция в Сан-Франциско явилась одним из самых крупных международных форумов, известных дипломатической истории. Ибо в ее работе приняли участие свыше 850 делегатов от 50 государств мира (некоторые из этих государств получили приглашение на учредительную конференцию ООН уже после ее официального открытия — *Н. В.*), включая министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Китая и других стран¹¹⁹.

Несмотря на разницу политических систем, экономического развития и культурно-исторических традиций государств-участников конференции Объединенных Наций, все они признавали важность единства и особую ответственность великих держав за поддержание мира, поскольку те «без всяких условий пожертвовали своими сынами в интересах человечества»¹²⁰. В то же время многие из них считали необходимым отметить ключевую роль Страны Советов в разгроме фашистского блока, «имея в виду победы ее могучих армий в Европе, и особенно ее героическую борьбу под Сталинградом»¹²¹. Поэтому неудивительно, что на конференции в Сан-Франциско

фактически без прений было поддержано советское предложение о включении Украины и Белоруссии в число государств-учредителей ООН, вследствие чего делегации этих союзных республик смогли принять участие в работе вышеуказанного форума¹²².

Более того, вопреки первоначальной позиции западных держав, которые стремились поставить «у руля» конференции американского представителя Э. Стеттиниуса, большинство «Объединенных Наций» одобрили предложение СССР о формальном соблюдении в этом вопросе принципа равенства четырех великих держав, выступивших в роли инициаторов сан-францисских переговоров. 27 апреля 1945 г. главы делегаций стран-участниц приняли решение о поочередном председательстве советского, американского, британского и китайского представителей на пленарных заседаниях данного форума с оговоркой, правда, что встречами в рамках его Руководящего и Исполнительного комитетов, а также совещаниями четырех председателей будет все же руководить госсекретарь США.

«Объединенные Нации» в большинстве своем с пониманием отнеслись и к тому важному обстоятельству, что в ходе переговоров в Сан-Франциско главные вопросы фактически решались не на общем собрании всех делегаций, а в узком кругу представителей великих держав (включая Францию), регулярно встречавшихся между собой¹²³. Причем, как вспоминал позднее А. А. Громыко, возглавивший с отъездом В.М. Молотова советскую делегацию на учредительной конференции ООН, проведение совещаний «большой пятерки» диктовалось не только целесообразностью, но и было абсолютно необходимо. «Гораздо труднее, — отмечал он в этой связи, — пришлось бы искать решения проблем, ежедневно выслушивая на широких собраниях и заседаниях с участием всех делегаций многочисленные речи, пересыпавшиеся часто изрядной порцией пустозвонства»¹²⁴.

Вместе с тем участники конференции в Сан-Франциско без особых сложностей смогли договориться между собой о месте постоянного пребывания ООН. Несмотря на то, что многие страны Старого Света изначально отдавали предпочтение европейскому региону, выдвигая предложение о перенесении штаб-квартиры указанной организации либо в Копенгаген, либо в Париж или Женеву, в итоге большинством голосов было принято принципиальное решение о размещении «Объединен-

ных Наций» на территории США. И, что было особенно важно, советская сторона согласилась одобрить эту договоренность.

Правда, говоря о позиции СССР в данном вопросе, стоит все же признать, что в ходе сан-францисских переговоров она подверглась значительному пересмотру. Так, представители первого в мире социалистического государства приехали в Сан-Франциско, имея на руках четкие директивы своего руководства, сводившиеся к поддержке идеи о размещении штаб-квартиры ООН в одном из городов Европы. В соответствии с этими директивами советские делегаты были обязаны внести на рассмотрение конференции кандидатуру Праги в качестве наиболее удобного места пребывания нового международного учреждения. В случае же отклонения их первоначального предложения последним предписывалось с «предварительного согласия» англичан и американцев лоббировать «территорию княжества Монако, которое должно целиком перейти под администрацию Организации», или «предложить Вену или Зальцбург»¹²⁵.

Однако когда представителям СССР стало понятно, что общий расклад сил в этом вопросе на конференции в Сан-Франциско оказался не в пользу сторонников европейской «прописки» ООН, они с одобрения своего правительства решили поддержать инициативу некоторых государств Латинской Америки, а также Филиппин о размещении штаб-квартиры «Объединенных наций» в США. Причем, идя на такой шаг, советская сторона, по словам А. А. Громыко, приняла во внимание целый ряд существенных факторов «и прежде всего совместные с американскими союзниками усилия в борьбе против общего врага, а также неоднократные заверения Вашингтона в том, что Соединенные Штаты будут сотрудничать в деле недопущения новой войны»¹²⁶.

Обсуждение важнейших положений Устава ООН также проходило преимущественно в конструктивном русле. Как и было оговорено ранее, в основу этого документа легли «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», разработанные на переговорах ведущих держав антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе. В то же время некоторые из них были значительно доработаны и дополнены новыми положениями. Так, в частности, участники конференции в Сан-Франциско приняли решение о включении в Устав ООН преамбулы, отсутствовавшей в изначальном его проекте и провозглашавшей

в качестве основной цели этой организации поддержание всеобщего мира и безопасности¹²⁷. В ней говорится: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению при большей свободе... решили объединить наши усилия для достижения этих целей»¹²⁸.

Существенные дополнения были внесены также в главу I Устава ООН, посвященную целям и принципам данной организации. По инициативе советской стороны, одобренной остальными великими державами, в нее включили тезис о том, что всеобщая организация безопасности нацелена «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»¹²⁹. Причем, в Уставе ООН нашло отражение и другое предложение СССР, которое касалось осуществления международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии»¹³⁰.

В свою очередь, советская делегация поддержала важное предложение ряда участников конференции (Австралии, Боливии, Бразилии, Египта, Ирана, Мексики, Новой Зеландии и т. д.) о включении в главу I пункта об уважении территориальной целостности и политической независимости государств. А вместе с тем ее представители, подобно делегатам США, Великобритании и Китая, высказались в пользу закрепления в основополагающем документе ООН положения о недопущении вмешательства этой организации во внутренние дела своих членов, сделав, однако, оговорку что «этот принцип не затрагивает применения принудительных мер» в случаях, определенных Уставом.

Значительной доработке на конференции в Сан-Франциско подверглась также вторая глава Устава, касавшаяся членства в новой меж-

дународной организации. Поскольку на переговорах в Думбартон-Оксе так и не удалось выработать приемлемого для всех решения по указанному вопросу, участникам учредительного форума ООН пришлось потратить немало сил и времени, чтобы сформулировать принцип определения первоначальных членов организации и договориться об условиях приема в ее состав новых государств. Так, после долгих обсуждений на конференции в Сан-Франциско было согласовано, что инициаторами всеобщей организации безопасности станут те страны, представители которых присутствовали на этой конференции или ранее подписали Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Эта формула позволяла со временем включить в число первоначальных членов ООН также и Польшу, которая в тот момент уже была близка к созданию на ее территории «правительства Национального единства». 23 июня 1945 г. на заседании Руководящего комитета конференции Объединенных Наций главы делегаций СССР, США, Великобритании и Китая единодушно согласились оставить место в конце Устава для подписи представителям нового польского правительства. При этом они отметили, что «такая подпись может быть поставлена, как только новое правительство будет признано официально государствами — участниками ялтинского соглашения»¹³¹.

В то же время дискуссия по вопросу об условиях приема в организацию новых членов приобрела на конференции в Сан-Франциско весьма затяжной характер. Ряд участников этого форума, особенно из числа латиноамериканских государств, настаивали на включении в ее Устав положения об универсальности ООН, с тем чтобы, как выразился тогда, например, министр иностранных дел Эквадора Камило Понсе Энрикес, «в любой ближайший или отдаленный период в организацию могли быть допущены все суверенные государства мира и те государства, которые могут обрести суверенитет в последующем»¹³². В свою очередь, представители СССР категорически возражали против такого подхода к определению критериев членства в новом всемирном учреждении. Ибо, по словам М. М. Литвинова, в предложенном принципе универсальности ООН они видели «немедленное приглашение вступить в организацию нейтральным странам, а возможно после заключения мира, также и вражеским странам»¹³³, что, с точки зрения советского правительства, являлось абсолютно недопусти-

мым. В связи с этим, также как и на переговорах в Думбартон-Оксе, делегация СССР последовательно выступала за недопущение фашистских государств в будущую семью «Объединенных наций». И во многом именно благодаря ее усилиям на конференции в Сан-Франциско в итоге было принято решение о том, что членство в ООН станет возможным для всех миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в ее Уставе обязательства и которые, «по суждению Организации», могут и желают эти обязательства выполнить. В то же время участники данного форума договорились о том, что прием в члены любого такого государства будет осуществляться постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.

Вместе с тем при обсуждении вопросов, связанных с членством в ООН, советским дипломатам удалось добиться сохранения в Уставе важного положения о праве Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности исключать из рядов организации страны, систематически нарушающие ее принципы. Несмотря на то, что некоторые делегации на конференции в Сан-Франциско выступали против наделения названного органа подобным правом, которое, по их мнению, могло привести к освобождению отдельных государств от взятых ими по Уставу обязательств, представители СССР все же настояли на упоминании в этом документе о намерении ООН активно бороться с нарушителями международного мира и безопасности. Тем более что одной из заявленных целей данной организации являлось обеспечение соблюдения всеми государствами, в том числе и нечленами, ее принципов.

Впрочем, стоит отметить, что в ходе прений по поводу остальных прерогатив Генеральной Ассамблеи сопротивление советской позиции со стороны многих других участников конференции Объединенных Наций оказалось гораздо более сильным. Так, например, целый ряд «малых» и «средних» государств изначально высказывались в пользу существенного расширения полномочий этого органа ООН при одновременном ограничении прав и возможностей Совета Безопасности. Причем некоторые из них решительно осуждали особое положение великих держав в рамках всемирной организации. Ибо, с их точки зрения, таковое представляло собой «совершенно недемократическую привилегию». «Мы признаем тот факт, что Великобритания, Китай, Россия и Соединенные

Штаты Америки выиграли войну и что благодаря своему великому героизму и бесчисленным жертвам они сокрушили нашего общего врага, — отмечал, например, в своем выступлении глава кубинской делегации Р.Г. Белт. — Мы полностью сознаем, что нельзя создать всемирную организацию, способную поддерживать мир и безопасность, без их широкого сотрудничества, большого опыта, сказочных ресурсов и огромной силы. Но также невозможно создать организацию, способную поддерживать мир и безопасность, если великие державы будут претендовать на навязывание своих решений, основанных на их превосходящей силе»¹³⁴.

Предвидя такое развитие событий, М.М. Литвинов еще накануне открытия учредительного форума ООН предупреждал советское руководство: «Вообще, нужно полагать, что нам легче будет проводить свои предложения и желания в Совете Безопасности или на отдельных совещаниях приглашающих держав, чем на самой конференции в Сан-Франциско. Мы потому не должны сами стремиться поднимать на конференции нерешенные вопросы, а оставлять их открытыми с тем, чтобы они могли быть потом разрешены, либо приглашающими державами, либо Советом Безопасности»¹³⁵. Однако избежать жарких споров с делегатами государств, скептически настроенных по отношению к важнейшим договоренностям держав «большой тройки» в сфере создания международной организации безопасности, представителям СССР все же тогда не удалось.

Основными критиками советской позиции по вопросу о полномочиях и статусе Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН выступали делегации британских доминионов (Австралии, Новой Зеландии, ЮАС и Канады), а также большинства стран Латинской Америки, составлявших в совокупности более трети всех участников конференции в Сан-Франциско. Поскольку эти государства практически не были затронуты пламенем Второй мировой войны, они с меньшим пониманием относились к инициативам, которые исходили от СССР. И в то же время их точка зрения по многим важным проблемам, обсуждавшимся в процессе разработки Устава ООН, напрямую зависела от взглядов западных держав, что нередко позволяло последним оставаться фактически в тени ожесточенных споров с советскими представителями.

Наиболее заметной оказалась разница в позициях СССР и упомянутых выше «малых» стран в отношении определения тех дел, кото-

рые могли стать объектом применения вето. Решение этого вопроса предполагало достижение между участниками учредительной конференции ООН договоренности о четком разграничении сфер компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, что, как выяснилось, сделать было крайне непросто. Так, в частности, советская делегация, выполняя указания своего руководства, последовательно отстаивала в Сан-Франциско идею о том, что решение важнейших проблем войны и мира являлось прерогативой Совета Безопасности. При этом она выступала за одобрение ялтинской формулы о порядке голосования в указанном органе, предусматривавшей, что «по всем вопросам, по которым в Совете Безопасности может быть голосование, за исключением вопросов чисто процедурных... или особых случаев... требуется единогласие постоянных членов Совета»¹³⁶. Однако представители британских доминионов и ряда государств Латинской Америки с самого начала придерживались иной точки зрения. «Мы не хотим быть низведены до положения тех, о ком говорят: «Их дело не спрашивать почему, а делать или умирать», — говорил, например, в данной связи премьер-министр и министр иностранных дел Новой Зеландии П. Фрэнсер. — Я ни на секунду не упускаю из вида то обстоятельство, что великим державам неизбежно должен принадлежать доминирующий голос по вопросам, которые требуют применения вооруженной силы. Но очевидно, будет возникать трудность на пути принятия предложения, согласно которому великие державы сохраняют за собой право в каждом важном случае говорить, будет организация действовать или нет, будут они сами связаны или нет. В то же время они наделяются полномочием лишать малые державы не только права голоса, но и участия в этих вопросах. По нашему мнению, полномочия Генеральной Ассамблеи должны быть поэтому настолько широкими, чтобы дать этому органу право рассматривать любой вопрос, входящий в сферу международных отношений... Мы также предлагаем, чтобы когда Совет Безопасности потребует применения санкций, для этого необходимо было одобрение Ассамблеи и чтобы все члены были связаны этим решением Ассамблеи»¹³⁷.

Со своей стороны, англичане и американцы также поддерживали идею расширения полномочий Генеральной Ассамблеи в ущерб Совету Безопасности и ограничения применения принципа единогласия великих держав при вы-

несении решений в главном руководящем органе ООН. В случае реализации этих планов они могли добиться для себя «механического» большинства голосов как в Совете Безопасности, так и в Генеральной Ассамблее, в рамках которой им фактически была обеспечена поддержка всех зависимых от них государств, включая британские доминионы и страны Латинской Америки. Поэтому неудивительно, что на конференции в Сан-Франциско делегаты западных держав интерпретировали многие решения Крымской конференции иначе, чем советская сторона. Так, например, 21 мая 1945 г. в ответ на просьбу новозеландского представителя П. Фрэзера о разъяснении ялтинской формулы британский дипломат А. Кадоган без согласования с делегацией СССР заявил о том, что при отсутствии единогласия постоянных членов Совета Безопасности последний был правомочен: а) выступить в качестве арбитра в случае просьб сторон; б) назначить расследование спора или ситуации, могущей привести к международным трениям; в) принять или не принять к рассмотрению сообщение какого-либо государства о наличии угрозы миру и безопасности; г) решить вопрос о том, угрожает ли спор поддержанию международного мира и безопасности и следует ли призвать стороны к решению спора мирными средствами¹³⁸. Причем такое толкование никак не вытекало из договоренностей, достигнутых лидерами держав «большой тройки» в Ялте.

Чтобы не допустить отступления остальными «Объединенными Нациями» от первоначальной трактовки ялтинской формулы голосования в Совете Безопасности, представителям СССР на конференции в Сан-Франциско предписывалось давать максимально жесткий отпор всем попыткам западных держав и зависимых от них государств исказить истинный смысл решений Крымской конференции. В частности, в проекте директивы НКВД для советской делегации, составленной специально по этому поводу М.М. Литвиновым, говорилось следующее: «Не подлежит сомнению, что некоторые малые нации с согласия США и Англии пытаются разными путями ограничить принцип единогласия постоянных членов Совета и что выступления новозеландцев и Кадогана были заранее подстроены. Предлагаем Вам немедленно добиться созыва совещания пятерки и указать там на серьезность создавшегося положения, угрожающего сорвать всю проделанную конференцией работу, ибо совпра (советское правительство —

Н. В.) ни в коем случае не примирится с прямыми или обходными изменениями ялтинского решения о голосовании в Совете». При этом далее в упомянутом выше документе советской делегации давалось указание заявить о том, «что правительства, участвующие в конференции, не могли не знать, что ялтинское решение является одной из основ, на которых созывалась конференция и они приглашались на нее, и что они должны с этим считаться»¹³⁹.

В то же время, желая добиться одобрения ялтинской формулы на конференции Объединенных Наций, правительство СССР сочло возможным согласиться с принятием такого ее толкования, в соответствии с которым решение о рассмотрении того или иного вопроса в Совете Безопасности причислялось к разряду процедурных. И это обстоятельство, несомненно, оказало позитивное влияние на исход общих прений в Сан-Франциско. В итоге, принцип единогласия, явившийся результатом тесного сотрудничества держав «большой тройки» в военный период, был окончательно закреплён в Уставе ООН, что стало большим успехом и заслугой советской дипломатии. А кроме того, во многом благодаря усилиям именно представителей СССР, в этом документе были полностью сняты все вопросы относительно главенствующей роли Совета Безопасности в рамках выше-названной организации. Ибо статья 10 Устава ООН ограничивала полномочия Генеральной Ассамблеи выработкой только рекомендательных, не имеющих обязательной силы решений.

Достаточно острый характер приобрело на сан-францисских переговорах и обсуждение идеи создания международной системы опеки, изначально предложенной американской стороной. Так, еще в ходе Московской конференции министров иностранных дел «большой тройки» тогдашний госсекретарь США К. Хэлл предложил своим коллегам из СССР и Великобритании обсудить проект декларации Объединенных Наций по вопросу национальной независимости. В этом документе в качестве одной из задач антигитлеровской коалиции провозглашалось предоставление в возможно кратчайшие сроки полной независимости всем колониальным народам. И в то же время в нем содержалась мысль о необходимости принятия «Объединенными Нациями» на себя «особой ответственности, аналогичной опеке или попечительству» в отношении населения бывших колоний вражеских государств подобно тому, как это сделали державы-победительницы по-

сле Первой мировой войны (мандатная система Лиги Наций)¹⁴⁰. И хотя из-за негативной позиции англичан, выраженной в связи с предложением США, никакого решения по вопросу о зависимых странах на Московской встрече 1943 г. так и не было принято, переговоры между союзниками по указанной проблематике впоследствии все же продолжились (Крымская конференция и конференция Объединенных Наций). Причем, важно отметить, что на переговорах в Сан-Франциско речь шла не о выдаче новых или перераспределении существующих мандатов на управление зависимыми территориями, а только об установлении самого механизма территориальной опеки. В то время как определение конкретных колоний, подлежащих попечительству со стороны «Объединенных Наций», как было договорено союзниками еще в Ялте, предполагалось сделать предметом специальной международной конференции.

Поскольку в ходе переговоров в Думбартон-Оксе вопрос о создании международной системы опеки был полностью вынесен за рамки обсуждения, разработка соответствующих разделов в Уставе ООН осуществлялась уже непосредственно в процессе учреждения этой организации. С собственными предложениями в этой области выступили тогда все представители «большой пятерки» (СССР, США, Великобритания, Китай и Франция), что само по себе не предвещало скорого достижения договоренности между ними.

Как и следовало ожидать, наиболее реакционной в данном вопросе оказалась позиция англичан и французов, обладавших в тот период самыми крупными колониальными империями в мире и не желавших, чтобы намеченная «Объединенными Нациями» международная система территориальной опеки каким-либо образом ограничила их права на собственные колонии. Например, во французском проекте вообще ничего не говорилось о предоставлении независимости колониальным народам как конечной цели этой системы. К тому же он ограничивал круг «подопечных» ООН территорий только подмандатными территориями Лиги Наций и территориями, «которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате нынешней войны»¹⁴¹. В то время как в предложениях англичан к двум названным категориям территорий добавлялась третья: любая другая территория, которая добровольно может быть взята под опеку государством, под чьим суверенитетом или протекцией она на-

ходится. И при этом их проект был направлен на сохранение старой мандатной системы, действовавшей в межвоенный период. В частности, в одном из его пунктов прямо говорилось о том, что «никаких ревизий существующих мандатов Лиги Наций, осуществляемых государствами — членами Объединенных Наций, не должно производиться без согласия заинтересованной державы-мандатария»¹⁴².

В свою очередь, американские предложения по вопросу о создании международной системы опеки отражали стремление США усилить собственное влияние в тех районах мира, которые прежде контролировались европейскими колониальными державами. И одновременно они предполагали сохранение за американцами стратегически важных пунктов в бассейне Тихого океана, оккупированных ими в ходе боевых действий против Японии. Более того, в вопросе о контроле за островными владениями представители США не собирались идти ни на какие уступки, что отмечали в своих донесениях и советские дипломаты. Так, в частности, 2 июня 1945 г. А. А. Громыко сообщил в НКВД о том, что на одном из частных совещаний с делегатами этой страны последние прямо заявили своим собеседникам, «что на ряде территорий, которые должны быть поставлены под опеку, США построили большое количество аэродромов, линий коммуникаций и приобрели некоторые торговые интересы». Поэтому «американское правительство хочет полностью сохранить свои права на эти приобретения и решительно будет настаивать на том, чтобы это было оговорено в главе по территориальной опеке»¹⁴³.

С учетом вышесказанного, американцы настаивали на передаче в исключительное ведение Совета Безопасности всех функций ООН в отношении стратегических округов (островов в Тихом океане), включая утверждение мероприятий по опеке, а также их изменений и поправок. В то время как решение вопросов, связанных с организацией международной опеки над всеми другими, не имевшими стратегического значения подопечными территориями, по их мнению, следовало передать Генеральной Ассамблее и действующему под ее руководством Совету по опеке.

Формирование же советской позиции в этом вопросе происходило под влиянием двух важных факторов. С одной стороны, она определялась общими принципами внешней политики Страны Советов, изначально осуждавшей любые формы колониализма и под-

держивавшей борьбу зависимых народов за освобождение от колониального гнета. Еще при вступлении в Лигу Наций в 1934 г. СССР решительно отказался участвовать в мандатной деятельности этой организации. А на учредительном форуме ООН его представители выступали за включение в Устав нового универсального органа положений о самоопределении народов, а также равенстве прав больших и малых наций. «Для советской делегации ясно, что с точки зрения интересов международной безопасности мы должны заботиться прежде всего о том, чтобы зависимые страны поскорее могли выйти на дорогу национальной независимости, — отмечалось, например, в заявлении В. М. Молотова на пресс-конференции в Сан-Франциско 7 мая 1945 г. — Этому должна помочь специальная организация Объединенных Наций, которая должна действовать в духе ускорения осуществления принципов равноправия и самоопределения народов. Советская делегация примет активное участие в рассмотрении этого вопроса»¹⁴⁴.

С другой стороны, официальная Москва стремилась обеспечить для СССР, как великой державы, некоторое влияние на деятельность Совета по опеке, что с учетом принципов формирования этого органа представлялось чрезвычайно трудной задачей. «Согласно нынешним американским предложениям, — писал, в мае 1945 г. М. М. Литвинов, — такое влияние мы можем иметь лишь в отношении так называемых стратегических округов... в качестве члена Совета Безопасности. В отношении же других опекаемых территорий наше влияние совершенно проблематично, если мы сами не потребуем себе какой-либо территории для опеки, т.к. нет никаких гарантий, что мы будем в числе сторон, которые будут назначены Генеральной Ассамблеей в Совет опеки»¹⁴⁵. Исходя из этого, делегаты СССР настаивали на обязательном включении в состав Совета по опеке представителей всех постоянных членов Совета Безопасности. И в то же время они добивались для Генеральной Ассамблеи и подчиненного ей Совета по опеке права осуществлять «проверку выполнения даваемых ими указаний и рекомендаций путем посылки на опекаемые территории уполномоченных и инспекторов»¹⁴⁶, чего изначально была лишена Лига Наций.

В результате, после долгих обсуждений изложенные выше инициативы СССР все же были одобрены всеми великими державами, что и нашло отражение в Уставе ООН. Так, в главу

XIII этого документа, посвященную Совету по опеке, была включена статья 86, согласно которой его состав должен формироваться, в частности, из тех членов Совета Безопасности, «которые не управляют территориями под опекой». В то время как 87-я статья Устава ООН предписывает Совету по опеке «устраивать периодические посещения соответствующих территорий под опекой, в согласованные с управляющей властью сроки»¹⁴⁷.

Вместе с тем усилиями советской стороны на переговорах в Сан-Франциско было решено включить в основополагающий документ новой международной организации безопасности указание на «независимость» как одну из целей опеки над соответствующей территорией наряду с «самоуправлением», что позволило СССР значительно упрочить свой авторитет среди представителей развивающегося мира. А кроме того, именно по ее инициативе в Уставе ООН также появилась статья, предусматривающая, что система опеки не распространяется на непосредственных членов Организации, «отношения между которыми должны основываться на уважении принципа суверенного равенства»¹⁴⁸.

Наконец, при активном участии советских представителей на конференции в Сан-Франциско была разработана Декларация в отношении несамоуправляющихся территорий, вошедшая в Устав в ООН в качестве отдельной главы (глава XI). Эта декларация придала мировой охват решениям «Объединенных Наций» в отношении колониальных народов. Ибо благодаря ей действие основополагающего документа ООН было также распространено и на все зависимые территории, не входившие в систему международной опеки. К тому же она фиксировала, пусть и в весьма общей форме, принятые на себя членами ООН обязательства в отношении народов, которые «не достигли еще полного самоуправления». Уже в первой ее статье (статья 73 Устава ООН — *Н. В.*) говорилось о том, что государства, ответственные за управление зависимыми территориями и колониальными владениями, «признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом»¹⁴⁹.

При этом вторая статья указанной декларации (статья 74 Устава ООН — *Н. В.*) включала деятельность отдельных членов новой организа-

ции безопасности в колониальной сфере в общемировой контекст. В соответствии с ней последние соглашались, что их политика в отношении самоуправляющихся территорий «должна быть основана не менее, чем в отношении их метрополий, на общем принципе добрососедства, с надлежащим учетом интересов и благополучия остального мира в делах социальных, экономических и торговли»¹⁵⁰. Таким образом, была заложена необходимая база для полной ликвидации колониальной системы в послевоенное время.

Кульминационным и одновременно завершающим моментом в работе конференции в Сан-Франциско явилось подписание всеми ее участниками 26 июня 1945 г. Устава ООН. Тем самым «Объединенные Нации» вдохнули жизнь в уникальный договор, который устанавливал четкие обязательства всех государств в сфере

международной безопасности и представлял собой своего рода фундамент послевоенного миропорядка. Правда, чтобы вступить в силу, Уставу ООН требовалось еще пройти ратификацию в парламентах пяти великих держав, а также большинства других первоначальных членов новой организации. Однако дипломаты, поставившие в тот знаменательный день свои подписи под этим документом, не сомневались в конечном успехе и долголетию последнего. Ибо благодаря появлению на свет Устава ООН, провозглашавшего в качестве важнейшей цели «Объединенных Наций» избавление грядущих поколений от бедствий войны, на многие десятилетия вперед были заложены основы прочной и эффективной системы глобальной безопасности, которой так не хватало человечеству в межвоенную эпоху.

¹ Цит. по: Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. — М., 1965. С. 399.

² Среди государств, заявивших тогда о своей поддержке принципов Атлантической хартии, помимо многих европейских стран, были также представители и других регионов земного шара, в частности, Китай, Египет, Бразилия и Перу.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. — М., 1944. С. 148.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. С. 148.

⁵ Из телеграммы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова послу СССР в Великобритании И. М. Майскому от 24 августа 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — М., 2000. С. 256.

⁶ Подобное опасение советской стороны объяснялось, в частности, тем фактом, что в ходе совещания в Арджентии Ф. Рузвельт и У. Черчилль договорились начать оказание помощи СССР поставками вооружения и стратегического сырья. Однако это решение было принято лишь в принципе, и его реализация ставилась лидерами западных держав в зависимость от дальнейшего развития событий на советско-германском фронте.

⁷ Из Декларации правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне от 24 сентября 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. С. 323.

⁸ Принятие вышеназванной резолюции сыграло весьма существенную роль в истории как ООН, так и всей антигитлеровской коалиции в целом. В 1943 г. на основе изложенных в ней идей союзные державы разработали проект создания Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА), положивший начало работ по формированию различных международных институтов послевоенного времени.

⁹ Из доклада председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы от 6 ноября 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. С. 410.

¹⁰ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. — М., 1989. С. 314.

¹¹ Из беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании С. Криппсом от 27 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — М., 2000. С. 188.

¹² Этот визит проходил с 16 по 22 декабря 1941 г. и был посвящен обсуждению советских и британских предложений по заключению двух вышеупомянутых документов.

¹³ Из беседы председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом от 17 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. С. 519.

¹⁴ Из записи беседы председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом от 18 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. С. 529.

¹⁵ Из записи беседы председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом от 17 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. С. 519.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит. по: Трухановский В. Г. Указ. Соч. С. 327.

- ¹⁸ Правда, согласившись подписать предложенный англичанами текст союзного договора, В. М. Молотов все же счел необходимым заявить от имени своего правительства, что «в вопросе о границах мы остаемся на наших прежних позициях». См. запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с президентом США от 29 мая 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / М-во иностр. дел СССР. — М., 1984. С. 176.
- ¹⁹ Из Декларации правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи от 4 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. С. 479.
- ²⁰ Там же. С. 570.
- ²¹ Возможное участие китайского государства в вышеназванном проекте Ф. Рузвельт увязывал с его способностью «создать централизованное правительство» и «быть полицейской силой по отношению к Японии».
- ²² Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941–1942. — М., 1997. С. 192.
- ²³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 2. 1917–2002 гг. — М., 2002. С. 310.
- ²⁴ Из предварительного проекта совместной декларации четырех государств // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов. — М., 1978. С. 51.
- ²⁵ Там же. С. 121.
- ²⁶ Там же. С. 122.
- ²⁷ Там же. С. 122–123.
- ²⁸ Речь идет о технической комиссии по возникающим военным проблемам, создание которой предусматривалось в пункте 6 первоначального проекта совместной декларации четырех держав, разработанного администрацией США незадолго до открытия Московской конференции министров иностранных дел. В дальнейшем, принимая во внимание опасения руководства СССР по поводу возможного ухудшения советско-японских отношений из-за присоединения Китая к этому документу, американская сторона предложила исключить из его текста вышеупомянутый пункт.
- ²⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов. С. 127.
- ³⁰ Робертис А. Дж. М. де Администрация Рузвельта и коллективная безопасность: Проблема enforcement в 1942–1945 гг. / Пер. с итал. — СПб., 2003. С. 79.
- ³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов. С. 347.
- ³² Там же. С. 202.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 339.
- ³⁶ Крылов С. Б. Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Выпуск 1. — М. -Л., 1949. С. 15.
- ³⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. — М., 1978. С. 114–117.
- ³⁸ Там же. С. 117.
- ³⁹ Там же. С. 116.
- ⁴⁰ Там же. С. 169.
- ⁴¹ Там же. С. 175.
- ⁴² Там же. С. 175.
- ⁴³ В частности, в конце 1943 г. президент Британской Лиги Союз Наций лорд Р. Сесил передал послу СССР в Великобритании Ф. Т. Гусеву разработанной Исполкомом его союза проект пакта будущей международной организации, многие положения которого тесно перекликались с содержанием Статута Лиги Наций.
- ⁴⁴ Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова от 25 апреля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31, Д. 299. Л. 2.
- ⁴⁵ Правда, в отношении Италии, прекратившей боевые действия против участников антигитлеровской коалиции и объявившей 13 октября 1943 г. войну гитлеровскому государству, в записке Б. Е. Штейна присутствовала оговорка, что случай этой страны мог быть рассмотрен особо «в учете ее активности в войне против Германии и ее союзников в Европе».
- ⁴⁶ Из докладной записки Б. Е. Штейна «Основные принципы статута международной организации по охране безопасности и мира» от 16 декабря 1943 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31, Д. 298. Л. 1.
- ⁴⁷ Одновременно Б. Е. Штейн также предлагал отделить от всеобщей организации по поддержанию мира МОТ и другие международные органы по перечисленным выше проблемам, «как существующие, так и те, которые будут вновь созданы».
- ⁴⁸ Из докладной записки Б. Е. Штейна «Основные принципы статута международной организации по охране безопасности и мира» от 16 декабря 1943 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31, Д. 298. Л. 2.

- ⁴⁹ Там же. Л. 2.
- ⁵⁰ Там же. Л. 10.
- ⁵¹ Там же. Л. 11.
- ⁵² Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова от 25 апреля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 13 об.
- ⁵³ Из Дополнения к записке о международной организации безопасности от 25 апреля 1944 г. (6 июля 1944 г.) // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 23.
- ⁵⁴ Там же. Л. 23.
- ⁵⁵ В данной связи глава комиссии также отмечал, что Австралия, Новая Зеландия и другие острова, расположенные в бассейне Тихого и Индийского океанов, должны были стать членами азиатской секции при условии, что в последнюю не войдут страны, участвовавшие в работе американской, европейской и африканской секций (например, Канада и Южно-африканский союз).
- ⁵⁶ Из Дополнения к записке о международной организации безопасности от 25 апреля 1944 г. (6 июля 1944 г.) // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 23 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 23 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 21.
- ⁵⁹ Там же. Л. 21.
- ⁶⁰ Из письма посла США в СССР У. А. Гарримана народному комиссару иностранных дел СССР от 18 июля 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. — М., 1984. С. 64.
- ⁶¹ Из письма народного комиссара иностранных дел СССР послу США в СССР У. А. Гарриману от 21 июля 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 66.
- ⁶² Из письма посла США в СССР У. А. Гарримана народному комиссару иностранных дел СССР от 31 июля 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 93.
- ⁶³ Из Проекта директив по переговорам о создании международной организации безопасности от 10 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 43.
- ⁶⁴ Свои меморандумы о Международной организации безопасности правительства США и Великобритании вручили советскому руководству соответственно 18 и 22 июля 1944 г.
- ⁶⁵ Из Меморандума правительства СССР о Международной организации безопасности от 12 августа 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 96.
- ⁶⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 104.
- ⁶⁷ С 29 сентября по 7 октября 1944 г., согласно достигнутым ранее между союзниками договоренностям, в Думбартон-Оксе прошли аналогичные переговоры представителей США, Великобритании и Китая.
- ⁶⁸ Цит. по: Донесение председателя советской делегации А. А. Громыко в Народный комиссариат иностранных дел от 23 августа 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 111.
- ⁶⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 214.
- ⁷⁰ См. подробнее: Советский Союз и ООН. Директивы Политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе. 1944 г. // Исторический архив — 1995 — № 4. С. 78–82.
- ⁷¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 214.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 215.
- ⁷⁴ Цит. по: Донесение председателя советской делегации А. А. Громыко в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 26 августа 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 127.
- ⁷⁵ При этом постановления Ассамблеи по всем важным вопросам должны были приниматься большинством в две трети голосов ее членов, а для решения организационных дел достаточным объявлялось простое большинство.

- ⁷⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 216.
- ⁷⁷ Из итогового отчета советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе (август-сентябрь 1944 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 191.
- ⁷⁸ Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова от 8 марта 1945 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 6. Л. 62.
- ⁷⁹ В итоге, участники конференции в Думбартон-Оксе договорились вернуться к рассмотрению данного вопроса в ходе последующих переговоров о создании ООН. При этом они пришли к общему мнению, что статут Международного суда «явится либо (а) статут Постоянной палаты международного правосудия, который будет оставаться в силе с такими изменениями, которые могут оказаться желательными, либо (в) новый статут, при подготовке которого в качестве основы должен быть использован статут Постоянной палаты международного правосудия».
- ⁸⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 2. — М., 1976. С. 167.
- ⁸¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 136.
- ⁸² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 166.
- ⁸³ Цит. по: Итоговый отчет советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе (август-сентябрь 1944 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. — С. 194.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Такая оговорка в отношении Франции объяснялась, в первую очередь, тем, что в момент проведения конференции в Думбартон-Оксе еще не существовало признанного всеми четырьмя ведущими державами антигитлеровской коалиции временного французского правительства.
- ⁸⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 217.
- ⁸⁷ Там же. С. 221.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Цит. по: Донесение председателя советской делегации А. А. Громыко в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 8 сентября 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. С. 167.
- ⁹⁰ Цит. по: Там же. С. 166.
- ⁹¹ Из Директив Политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе. 1944 г. // Исторический архив — 1995 — № 4. С. 79.
- ⁹² Об этом советский посол в США А. А. Громыко заявил во время одной из своих личных встреч с президентом Ф. Рузвельтом, состоявшейся в начале сентября 1944 г. Цит. по: Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. — М., 1988. С. 237.
- ⁹³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 168–169.
- ⁹⁴ Громыко А. А. Указ. Соч. С. 238.
- ⁹⁵ Так, в частности, бывший госсекретарь США Э. Стеттиниус впоследствии отмечал в своих мемуарах, что в его стране в 1944 г. не только многие военные эксперты, но и большинство дипломатов уже «сходились на необходимости вето во всех вопросах, касающихся экономических и военных санкций» // Stettinius E.R. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. — L., 1950. P. 27.
- ⁹⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 183.
- ⁹⁷ См. приложение № 2 в сборнике Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. — М., 1980. С. 657–658.
- ⁹⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 189.
- ⁹⁹ К числу таких вопросов относилась, в частности, «реорганизация» польского правительства, основу которого, по мнению советской стороны, должны были составлять члены созданного при ее участии в конце 1944 г. прокоммунистического Временного национального правительства Польши.
- ¹⁰⁰ Из докладной записки М. М. Литвинова «Материал о встрече трех» от 10 января 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-6. П. 61. Д. 20. Л. 3.
- ¹⁰¹ Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. — М., 1971. С. 157.

- ¹⁰² Это замечание касалось, в частности, Исландии, которая присоединилась к Вашингтонской декларации от 1 января 1942 г., но не объявила войны ни одному из врагов «Объединенных Наций».
- ¹⁰³ Из протокола работы Крымской конференции // Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. С. 194.
- ¹⁰⁴ См. Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. С. 159–160.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 182.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Из протокола работы Крымской конференции // Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. 196.
- ¹⁰⁸ Временное правительство Франции согласилось присоединиться к направлению приглашения на конференцию в Сан-Франциско только при условии, что решения принятые без участия французов в Думбартон-Оксе и в Ялте будут рассматриваться не в качестве основы для выработки устава будущей ООН, а исключительно как основа для предстоявших переговоров. И поскольку остальные великие державы сочли это условие неприемлемым, официальный Париж отказался участвовать в рассылке приглашений на конференцию Объединенных Наций, хотя и подтвердил высказанное им ранее намерение направить собственных представителей на этот форум.
- ¹⁰⁹ Из беседы госсекретаря США Э. Стеттиниуса с послом СССР в США А. А. Громыко от 20 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 78.
- ¹¹⁰ Из ноты госсекретаря США Э. Стеттиниуса послу СССР в США А. А. Громыко от 29 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 87–88.
- ¹¹¹ Из ноты посла СССР в США А. А. Громыко госсекретарю США Э. Стеттиниусу от 25 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 83.
- ¹¹² Чтобы оказать давление на западных союзников в этом вопросе, один из заместителей главы внешнеполитического ведомства СССР С. А. Лозовский в марте 1945 г. предлагал даже созвать в Москве специальное совещание наркоминделов всех 16 союзных республик «для обсуждения вопросов, стоящих в порядке дня на конференции в Сан-Франциско». По его мнению, такая встреча не могла дать непосредственных практических результатов, но имела бы «серьезный морально-политический эффект». «Если мы хотим добиться представительства всех наших республик, — отмечал он в данной связи в одной из своих докладных записок, — то надо приучить мировое общественное мнение к тому, что эти республики в какой-то мере участвуют в разработке и подготовке различных международных проблем». // АВР РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 18. Л. 138.
- ¹¹³ Из меморандума правительства СССР правительству США от 9 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 69.
- ¹¹⁴ Из меморандума Государственного департамента США посольству СССР в Вашингтоне от 29 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 89.
- ¹¹⁵ Из послания председателя Совета народных комиссаров СССР президенту США от 7 апреля 1945 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / М-во иностр. дел СССР. — М., 1984. С. 350.
- ¹¹⁶ Из послания Ф. Рузвельта И. В. Сталину от 25 марта 1945 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 210.
- ¹¹⁷ Нарком иностранных дел СССР принимал участие в работе конференции в Сан-Франциско в период с 25 апреля по 8 мая 1945 г. После этого обязанности главы советской делегации на учредительном форуме ООН перешли к А. А. Громыко.
- ¹¹⁸ Согласно достигнутому с американской стороной предварительному соглашению, перед открытием учредительной конференции ООН В. М. Молотову предстояло провести краткие переговоры с президентом Г. Трумэнem в Вашингтоне.
- ¹¹⁹ Кроме того на учредительной конференции ООН присутствовало около 3500 корреспондентов, радиооператоров, фотографов, представителей различных организаций, а также национальных и политических групп.
- ¹²⁰ Из выступления заместителя главы боливийской делегации В. Андраде на втором пленарном заседании конференции Объединенных Наций 27 апреля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 143.
- ¹²¹ Из выступления вице-президента Либерии К. Симпсона на шестом пленарном заседании конференции Объединенных Наций 1 мая 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 224.
- ¹²² Правда, согласившись пригласить на конференцию Объединенных Наций делегации Украины и Белоруссии, большинство ее участников под влиянием западных держав отказались все же поддержать предложение СССР о допуске на этот форум действовавшего тогда в Варшаве Польского временного правительства.
- ¹²³ Помимо встреч делегатов пяти великих держав время от времени на конференции в Сан-Франциско проходили и совещания в более узком формате: СССР, США и Великобритания, а иногда только СССР и США. При этом в ходе встреч советских и американских представителей были достигнуты наиболее существенные договоренности.
- ¹²⁴ Громыко А. А. Указ. соч. С. 242.

- ¹²⁵ Из проекта Директив советской делегации на конференции в Сан-Франциско по вопросу о выработке Устава международной организации от 7 апреля 1945 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 18. Л. 183.
- ¹²⁶ Громыко А. А. Указ. соч. С. 263.
- ¹²⁷ Непосредственным автором текста данной преамбулы стал глава делегации ЮАС на конференции Объединенных Наций фельдмаршал Я. Сметс.
- ¹²⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. — С. 585.
- ¹²⁹ Там же, с. 586.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Из записи одиннадцатого заседания Руководящего комитета от 23 июня 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 388.
- ¹³² Из выступления министра иностранных дел Эквадора Камило Понсе Энрикеса на пятом пленарном заседании конференции Объединенных Наций 30 апреля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 196.
- ¹³³ Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова «К конференции в Сан-Франциско» от 17 марта 1945 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 305. Л. 48.
- ¹³⁴ Из выступления посла Кубы в США Р. Г. Белта на седьмом пленарном заседании конференции Объединенных Наций 1 мая 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 231.
- ¹³⁵ Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова от 10 марта 1945 г. // АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 305. Л. 56.
- ¹³⁶ Из заявления А. А. Громыко о позиции советской делегации в вопросе о толковании ялтинской формулы о процедуре голосования в Совете Безопасности от 1 июня 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 508–509.
- ¹³⁷ Из выступления премьер-министра и министра иностранных дел Новой Зеландии П. Фрээрера на седьмом пленарном заседании конференции Объединенных Наций 1 мая 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 238.
- ¹³⁸ См. донесение главы советской делегации А. А. Громыко в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 21 мая 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 477–480.
- ¹³⁹ Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова «Голосование в Совете. Проект директивы» от 23 мая 1945 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 7. Л. 25–26.
- ¹⁴⁰ См. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов. С. 306–309.
- ¹⁴¹ Из Предложений Временного правительства Французской республики по вопросу о международной опеке (5 мая 1945 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 419.
- ¹⁴² Из Предложений правительства Великобритании по вопросу о международной опеке (6 мая 1945 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 422.
- ¹⁴³ Из донесения главы советской делегации А. А. Громыко в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 2 июня 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 511.
- ¹⁴⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 425.
- ¹⁴⁵ Из докладной записки председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинова «Территориальная опека» от 3 мая 1945 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 7. Л. 2.
- ¹⁴⁶ Из Поправок советской делегации к проекту о международной опеке, представленному делегацией США (11 мая 1945 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 430.
- ¹⁴⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. С. 612.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 609.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 607.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 608.

ООН как якорь мировой стабильности: история и современность

Ан. А. Громыко*

Создание Организации Объединенных Наций — явление в международных отношениях уникальное. Эта планетарная организация — результат победы во Второй мировой войне над фашизмом и милитаризмом. И этим многое сказано. Вот уже 70 лет она защищает основы мира, противостоит попытке ее разрушения. 14 августа 1941 г. на линкоре «Принц Уэльский» встретились президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Они подписали Атлантическую хартию, в которой говорилось о необходимости создания после войны «широкой и надежной системы всеобщей безопасности». В 1941 году, когда фашистские армии рвались к Москве, а Берлин был уверен в успехе молниеносной войны на Восточном фронте, Советский Союз в Декларации Правительства СССР от 24 сентября 1941 г. о присоединении к Атлантической хартии на Межсоюзной конференции в Лондоне высказал мнение о необходимости определить пути и средства организации международных отношений и послевоенного устройства мира. Декларация призывала уважать суверенные права народов, принципы самоопределения, суверенитета и равноправия наций.

В Декларации о дружбе и взаимопомощи между СССР и Польшей от 4 декабря 1941 года отмечалась необходимость создать в послевоенный период международную организацию на основе союза демократических сил и уважения международного права. Это было началом работы по формированию послевоенного

мироустройства, новой планетарной международной организации¹. В 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел была принята Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г., подписанная СССР, США, Великобританией и Китаем. В ней говорилось о необходимости «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»². В Московской декларации было использовано название «Объединенные Нации» применительно к государствам, подписавшим 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларацию Объединенных Наций (Декларацию двадцати шести государств). В дальнейшем в Уставе ООН это название было сохранено.

Конференция в Думбартон-Оксе (2 августа — 7 ноября 1944 г.) по разработке Устава проходила в старинной усадьбе, около столицы США. Отец мне говорил: «Надо было создать такую конструкцию новой организации, которую не разъела бы ржавчина политической борьбы». Для этого были объединены усилия основной тройки — СССР, США и Великобритании: от США работал зам. государственного секретаря Эдвард Стеттиниус, от Великобритании — зам. министра иностранных дел Александр Кадоган, от СССР — советский посол в Вашингтоне Андрей Громыко. На конференции был выработан проект «Предложения относительно создания

* Громыко Анатолий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: alexey@gromyko.ru.

всеобщей Международной организации безопасности»³. Тогда был заложен фундамент ООН, определены основные полномочия Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Последний с 1945 г. несет главную ответственность за поддержание мира.

Пять членов Совета Безопасности — СССР, США, Великобритания, Китай и Франция — становились его постоянными членами, шесть — избирались на временной основе. Этот орган должен был стать постоянно действующим, а его решения — обязательными для всех членов создававшейся ООН. Предусматривались принудительные действия для обеспечения принятых решений, в том числе с помощью вооруженных сил, и создание военно-штабного комитета. Намечалось, что Совет Безопасности будет иметь под своим командованием вооруженные силы. Не был до конца решен сложный вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности, однако в целом положения, выработанные в Думбартон-Оксе, стали базой для завершения работы над проектом Устава ООН.

С большой теплотой отец вспоминал о членах советской делегации на переговорах: дипломатах А. Соболеве и С. Царапкине, профессорах С. Голунском и С. Крылове, военных — контр-адмирале К. Родионове и генерал-майоре Н. Славине. «Именно благодаря сплаву усилий дипломатов, ученых и военных, — говорил он, — советская делегация на переговорах по Уставу была самой сильной». Ялтинская конференция руководителей СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) стала для образования ООН решающей — именно на ней были определены основные опоры послевоенного мирового устройства⁴.

В Ялте было достигнуто соглашение о том, что решения Совета Безопасности по всем вопросам, за исключением процедурных, принимаются голосами семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех пяти постоянных членов (СССР, США, Великобритания, Франция и Китай). Было принято решение созвать 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференцию Объединенных Наций для завершения подготовки Устава ООН. Одной из причин успешной работы по созданию этой организации стало согласие по принципиальным вопросам руководителей великих держав антигитлеровской коалиции. И.В. Сталин, как отмечал отец, считал достигнутую в Ялте договоренность о принципе единогласия при голо-

совании в Совете Безопасности пяти великих держав — или право вето — неременным для Советского Союза условием создания ООН и участия в ее работе⁵.

После смерти Ф. Рузвельта новый президент США Гарри Трумэн стал от этой договоренности отступать. По свидетельству многих американских историков, Ф. Рузвельт покинул Ялту явно удовлетворенный результатами работы лидеров большой тройки. У. Черчилля обуревали совсем другие настроения: он был разочарован и считал, что американский президент «уступал позицию за позицией Сталину, шел с советским лидером на компромиссы или полностью разделял его позиции. Черчилль истолковал это как доказательство, что его друг и самый близкий союзник был явно болен и слишком устал, чтобы бороться или хотя бы удерживать свои позиции»⁶.

1 марта 1945 г. Ф. Рузвельт выступил в Конгрессе США. Речь президента по тону и содержанию была проникнута оптимизмом. До победы над фашистской Германией оставалось немногим более двух месяцев. Ф. Рузвельт заверил сенаторов и членов палаты представителей в том, что он возвратился с Крымской конференции с твердой убежденностью в хорошем старте на пути к всеобщему миру. Президент выразил мнение, что в Ялте «заложены основы международного согласия, которое после хаоса войны обеспечит порядок и безопасность. Я никогда, ни на мгновение, не колебался и верил, что соглашение по обеспечению мира и безопасности во всем мире достижимо»⁷. Это были слова опытного и мудрого политика.

12 апреля 1945 г., находясь на отдыхе и позируя художнику, Ф. Рузвельт внезапно сказал: «У меня ужасно болит затылок». Это были его последние слова, он потерял сознание и умер от обширного кровоизлияния в мозг. Смерть Ф. Рузвельта имела для советско-американских отношений крайне отрицательные последствия. Новый президент США Г. Трумэн не скрывал своего недовольства многими достигнутыми соглашениями, в том числе о принципах работы Объединенных Наций. Подозрительность Г. Трумэна по отношению к И.В. Сталину не знала границ.

В апреле 1945 г., за две недели до окончания войны союзников с Германией, Г. Трумэн принял прилетевшего в США В. Молотова и вместе с ним А. Громыко. Никакой беседы о послевоенном сотрудничестве между ними не получилось. Американский президент

предъявил В. Молотову претензию, что маршал И.В. Сталин не соблюдает взятые в Ялте обязательства. Основным пунктом недовольства США была ситуация в Польше. Попытки В. Молотова перевести беседу в другое русло успехом не увенчались. Г. Трумэн четыре раза его перебивал, повторяя: «Сталин должен выполнять свои обязательства». Затем новый президент Соединенных Штатов резко встал из-за своего стола и дал понять, что беседа закончена. Прерванной оказалась не только беседа, но и период плодотворных союзнических отношений.

В Сан-Франциско Г. Трумэн не поехал, он задумал отменить договоренность о принципе единогласия великих держав в Совете Безопасности. Судьба ООН висела на волоске, весь проект новой планетарной организации мог умереть. Этого не произошло, т. к. сила вспышки коллективного разума от Победы над фашизмом была столь велика, наработки по Уставу ООН так значительны, что утопить весь проект оказалось невозможно.

Конференция Объединенных Наций открылась в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. Э. Стеттиниус уже стал госсекретарем США. Американцы сильно нажимали, чтобы Советский Союз не настаивал на ялтинской формуле, не рисковал планами создания ООН. Становилось ясно, что Г. Трумэн стремится похоронить право вето. Тогда США обладали бы абсолютным большинством голосов в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН. И тут проявило себя одно из правил дипломатии. Когда ведешь переговоры, — отмечал отец, — надо уметь говорить не только «да», но и «нет». Твердое «нет» порой приносит больше пользы. Дипломатии вредит безразмерная гибкость, когда теряются ориентиры.

Обстановка на конференции обострялась. Надо было выбрать момент, когда все еще проникнутый рузвельтовским духом Э. Стеттиниус понял, что не СССР, а США рискуют потерять Москву как партнера, а без ее поддержки эффективной ООН быть не могла. На встрече представителей СССР, США, Великобритании, Франции и Китая А. Громыко заявил: «Наша страна не даст своего согласия на такой Устав ООН, который сеял бы семена новых военных конфликтов между странами»⁸. В зале воцарилась тишина; Э. Стеттиниус медлил с ответом, затем предложил обдумать ситуацию. Вскоре Соединенные Штаты вернулись к ялтинской договоренности о порядке применения вето,

при которой интересы Советского Союза не ущемлялись.

Но даже не этот успех в борьбе за ранее достигнутые соглашения стал основным фактором создания ООН — дело было в уникальности исторического момента. Разве можно считать случайным то обстоятельство, что во время открытия в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций в Германии, в районе города Торгау, войска 1-го Украинского фронта соединились с американскими? Приближался день Победы. Разве он мог стать днем поражения в деле создания ООН? Это было немыслимо. 26 июня 1945 г. Устав ООН был подписан, а 24 октября, после его ратификации СССР, вступил в силу⁹.

Устав ООН — это исторический международный документ, своего рода политическая и правовая «скульптура», творцом которой стал разум человечества. Особое значение Устава — этого универсального международного договора — в том, что ООН в качестве своей основной цели провозгласила: «Избавить грядущие поколения от бедствий войны». Такой эта цель должна оставаться и сегодня. Президент США Г. Трумэн выступил в день закрытия конференции по радио с обращением и сказал: «Устав Организации Объединенных Наций, который вы только что подписали, — это солидная структура, используя которую мы сможем построить лучший мир. История возблагодарит нас за это. Между победой в Европе и окончательной победой в Японии <...> мы одержали победу над самой войной»¹⁰. Это была оценка в духе времени.

Уроки создания ООН и ее Устава красноречивы. Президент США Ф. Рузвельт еще 23 августа 1944 г., выступая на приеме делегатов конференции в Думбартон-Оксе, говорил об огромной ответственности при разработке планов будущего устройства мира. Он призывал к единству действий, «какого мы достигли в деле ведения войны. Это совершенно замечательный факт, что мы вели эту войну с таким великим единодушием. Я думаю, что этот вопрос часто сводится к личностям». Что Ф. Рузвельт имел в виду? Основываясь на своем громадном политическом опыте, он подчеркивал роль личности в истории, особенно если это руководители государств, тем более великих. Вот что он сказал на этот счет: «...в Тегеране маршал Сталин и я узнали друг друга. У нас установились великолепные отношения. Мы сломали лед, если когда-либо он существовал, и с тех пор

в наших отношениях уже нет льда». Далее американский президент произнес, на мой взгляд, вещные слова: «Великая дружба между русским народом и американским народом — это новое. Мы должны сохранить нашу дружбу, и, распространив этот дух на весь мир, мы добьемся длительного мира для наших внуков»¹¹.

Высказывание Ф. Рузвельта о И. В. Сталине может удивить, но оно свидетельствовало о высоком уровне сотрудничества между союзниками, когда решалась судьба Европы и даже Америки. История, как известно, многогранна. Нужно знать и осуждать преступления сталинского режима, они принесли большой вред социализму, у многих людей подорвали веру в него. Но следует также знать и высказывания, подобные рузвельтовскому. Иначе наш взгляд на историю становится плоским. А. Громыко высоко оценивал ООН, иначе и быть не могло. Эта организация и ее Устав были и его детищем. Отец проявил все свое дипломатическое искусство, чтобы проект «Организация Объединенных Наций» из мечты стал явью. Он считал, что ООН оправдала надежды народов, по большому счету содействовала сохранению мира и не допустила новой большой войны.

С большим упорством А. Громыко защищал принцип единогласия. Он понимал, что решающее слово в этом вопросе останется за президентом США Ф. Рузвельтом. Во время одной из встреч с ним в Вашингтоне отец нашел слова, которые произвели на американца большое впечатление: «Для отступления от этой позиции у нас пространства нет, так же как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде. Так говорили наши воины, знавшие, что отступать на восток от Волги дальше нельзя»¹². На Крымской конференции именно Ф. Рузвельт внес предложение принять принцип единогласия и отразить его в Уставе ООН.

О значении, которое А. Громыко придавал ООН, говорит и то, что он до своего ухода с поста министра иностранных дел в 1985 г. участвовал в работе почти всех сессий Генеральной Ассамблеи, как правило в качестве главы делегации. Уже на первой сессии ООН в январе 1946 г. (она проходила в Лондоне) отец заявил: «соблюдение Устава является обязательным и основным условием плодотворной деятельности Организации»¹³. Последнее выступление А. Громыко в ООН состоялось 27 сентября 1984 г. Он внес предложение заморозить в количественном и качественном отношении арсеналы ядерных вооружений всеми их обла-

дателями и призвал рассматривать предотвращение ядерной войны, борьбу с распространением ядерного оружия в любой форме как важные цели ООН¹⁴.

Последними словами отца на 39-й сессии ООН были: «Будущее человечества — это общая ответственность всех стран. И народы вправе ожидать, что духом такой ответственности будет проникнута вся деятельность ООН»¹⁵. В своих мемуарах отец пошутил, что эта организация похожа на «муравейник»¹⁶. Время показало, что это «высокопоставленный муравейник»¹⁷. Ему под силу решать многие проблемы международной жизни, а легитимность его уникальна.

В истории ООН заметным событием стал раздел Палестины. Из-за антагонизма между евреями и арабами этот вопрос долгое время обсуждался, но не решался: мешала Великобритания. Москва хотела использовать эту ситуацию в своих целях, в том числе стратегических, ослабить влияние Лондона на Ближнем Востоке. В 1947 г., после речи У. Черчилля в Фултоне, «холодная война» набрала обороты. Ждать учета своих интересов Москвой Лондону не приходилось. Это не умаляет значения занятой СССР на специальной сессии Генеральной Ассамблеи позиции — она учитывала интересы конфликтующих сторон. Надо было не только держаться правильной позиции, но и сказать слова, соответствовавшие духу времени, когда справедливость, а не просто голый расчет, еще была в почете. Отец нашел такие слова: «законные интересы еврейского народа, равно как и арабского народа Палестины, могут быть защищены только при условии создания независимого двуединого демократического арабско-еврейского государства. Если отношения между евреями и арабами будут испорчены настолько, что создание подобного государства станет невозможным, следует согласиться на раздел Палестины и создание двух самостоятельных государств: еврейского и арабского»¹⁸.

На второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Громыко, отвечая на критику со стороны арабов, сказал: «Арабы указывают на то, будто бы раздел территории является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться, хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Эрец-Исраэль на протяжении длительного исторического периода времени». Далее отец, оставаясь верным духу времени и правде, сказал: «Евреи как на-

род потерпели больше, чем какой-либо другой народ»¹⁹.

Советская позиция сыграла решающую роль в деле достижения израильской государственности. Буквально через три дня после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (она предусматривала раздел Палестины и создание двух самостоятельных государств) Д. Бен-Гурион зачитал Декларацию независимости Израиля. С тех пор прошло много лет. Логика «холодной войны» сделала свое дело, тесного сотрудничества между Москвой и Тель-Авивом не получилось. От этого пострадали интересы обеих сторон.

Уникальность ООН и ее Устава состоит и в том, что они развернуты в будущее, это многополюсная организация, основанная на демократических принципах и нормах международного права. Выбор в пользу ООН был не тактический, а стратегический. Он направлен против претендентов на мировое господство. Вот почему политики, исповедующие право силы, хотят коренным образом изменить Устав, их усилия не имеют ничего общего с поправками, призванными его укрепить.

Главными органами ООН являются Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), Совет по опеке, Международный суд, Генеральный Секретарь ООН и его Секретариат. Под эгидой ООН действуют сотни международных организаций и специализированных учреждений, работает система программ и фондов помощи в целях развития. Например, Организация по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Организация по промышленному развитию (ЮНИДО), Международная организация труда (МОТ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Всемирная торговая организация (ВТО), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ); Глобальный экологический фонд, осуществляющий программы по охране окружающей среды. ООН сотрудничает с Международным валютным фондом и Всемирным банком.

К началу XXI в. в мире насчитывалось свыше 6 тыс. международных межправительственных организаций (МНПО), и ООН занимает среди них уникальное место. Существует мнение, что все эти организации, в том числе ООН, являются наднациональными образованиями. Они берут на себя значительную часть суверенных прав государств и диктуют им

правила и нормы поведения на мировой арене. Такой подход сомнителен, т. к. никакого правового ущемления суверенитета государств в ООН быть не может — этого не допускает ее Устав.

ООН — это организация, призванная совмещать интересы государств и решать международные проблемы. Ее трансформация в наднациональное образование — дело будущего. Такое развитие истории возможно только в случае, если вызовы существованию человечества станут столь опасными, что потребуют нового уровня международной солидарности, не исключающей образования мирового правительства.

В настоящее время актуально не слияние делегированных государствами «частей суверенитета», а совершенствование ООН и ее Устава. Этот путь обеспечивает устойчивое развитие отношений между странами на основе демократических норм и принципов международного права.

ООН сегодня — это основа управления многими планетарными проблемами, она — преграда на пути войн и геноцида. Организацию нередко обвиняют в «неэффективности» и «расточительности». Она действительно становится неэффективной, когда ее члены нарушают Устав ООН, а вопросы войны и мира пытаются решить в обход Совета Безопасности.

Реальности современного мира

В какой реальности мы сегодня находимся? В чем условия середины XX в., когда был принят Устав ООН, отличаются от начала века XXI? Отмечу следующее. После окончания Второй мировой войны военная сила была в первую очередь средством обороны национальных государств и их союзов. В международных отношениях, несмотря на «холодную войну», развивалось многостороннее сотрудничество. ООН стала инструментом мира и безопасности.

В настоящее время возникла новая реальность, военная сила нередко становится орудием вмешательства в дела суверенных государств. Утверждается, как считают многие, «право на вмешательство». Оно часто используется в направлении, когда сильные государства или руководимые ими коалиции применяют военную силу против государств слабых. Это опасная тенденция, она противоречит принципам и нормам Устава ООН.

После распада биполярного мира попытки США утвердить себя в качестве единственной сверхдержавы, которая может игнорировать ООН и международное право, стали проявляться в полную силу. Эту тенденцию озвучила еще государственный секретарь М. Олбрайт: «Соединенные Штаты хорошие. Мы стремимся добиться наилучших результатов везде»²⁰. Откровенен в своих высказываниях был и президент США Билл Клинтон: «Когда я вступил в должность, то был преисполнен решимости, что наша страна войдет в XXI век, оставаясь самой большой силой, выступающей за мир и свободу, за демократию, безопасность и благополучие»²¹.

Оценку таким мессианским заявлениям дал в 1997 г. влиятельный германский журнал *Der Spiegel*: «Никогда раньше в современной истории одна страна не имела такого тотального доминирования, какое имеют Соединенные Штаты сегодня. <...> Америка в настоящее время — это Шварценеггер международной политики, играющая мускулами. <...> Американцы в условиях отсутствия для них каких-либо ограничений ведут себя так, как будто у них есть право на вседозволенность»²². Все эти высказывания приводятся в книге американского исследователя Уильяма Блюма как свидетельство устремления Вашингтона к мировому господству²³.

Разумеется, государство и его политическая элита могут расширять свое влияние в мировых делах до масштабов господства сверхдержавы. Америка гордится своими достижениями в экономической, социальной и военной сферах. Возникает, однако, вопрос, как эта сила используется, что она несет мировому сообществу — порядок или большой беспорядок? Согласуется ли ее применение с принципами и нормами международного права и особенно Устава ООН? Является ли такая политика, основанная на военном превосходстве, легитимной? Ответ отрицательный. Политика в обход ООН не может принести ее исполнителям долгосрочных стратегических и геополитических преимуществ. Сверхдержава, опьяненная избыточной силой, действует на основе комплекса вседозволенности, наносит международным отношениям, в том числе со своими союзниками, заметный урон.

Критерий истины — практика и ее последствия. В книге У. Блюма приведены такие сведения: «Между 1945 и 2005 годами Соединенные Штаты предприняли попытки свергнуть

более 50 иностранных правительств и сокрушить не менее 30 популистских националистических движений, боровшихся против невыносимых режимов. Такие действия США стали причиной ухода из жизни нескольких миллионов человек, они приговорили многие другие миллионы жить в условиях агонии и безнадёжности»²⁴.

Политика права силы привела к упрочению в США антиооновских настроений. Президент Джордж Буш-младший не переносил ООН и мечтал превратить ее в маловлиятельную организацию. В 2005 г. американским представителем в ООН был назначен посол Джон Болтон. Отражая настроения американских неоконсерваторов, он еще до своего назначения заявил: «Такого явления, как Объединенные Нации, не существует. Налицо международное сообщество, которым время от времени, когда это соответствует нашим интересам, руководит единственная реальная сила, что существует в мире, и это Соединенные Штаты»²⁵. Эти крайние взгляды не разделяли многие американцы, особенно в стане демократов. Тем не менее такие люди, как Дж. Буш и Дж. Болтон, находились у власти и оказывали на ситуацию сильное влияние. Неоконсерваторам нужна была немощная ООН, которая не мешала бы вторжению в Ирак, даже если оно осуществлялось без санкции Совета Безопасности.

При Дж. Буше-младшем Соединенные Штаты предприняли настойчивые попытки утверждения в международных отношениях «однополярного мира». В руках Вашингтона находятся многие нити управления мировыми делами, к тому же Америка имеет заметное превосходство в военной силе. Многие американские стратеги посчитали, что в этой ситуации ООН — помеха для США, и им выгодно сделать эту организацию малозначительной. Эта точка зрения была не единственной, но она отражала взгляды и образ действий правого крыла Республиканской партии, которое находилось у власти. Что касается партии демократов, они в основном выступали за «многостороннее сотрудничество» и в отношении ООН занимали более умеренные позиции. Все это позднее проявилось при президенте Бараке Обаме.

Пренебрежение неоконсерваторов Организацией Объединенных Наций ухудшило отношение к США со стороны многих стран. Наметилась тенденция ослабления позиций Вашингтона в ООН. Американская элита, в пер-

вую очередь, научно-политическая, стала управлять положение. Печать США оказалась переполненной статьями и заявлениями о том, что нельзя терять ООН, необходимо вернуться к сотрудничеству с ней. «В Вашингтоне, — говорилось в одной из них, — растет уважение к сильным и эффективным международным институтам»²⁶. И уж совсем в пике позиции Буша–Болтона заявлялось: «Америка заинтересована в сильных Объединенных Нациях»²⁷. Столкновение подходов к ООН проявилось, например, в публикации Национального комитета по американской внешней политике «Отношения США и ООН»²⁸. В ней с Дж. Болтоном полемизировал Джозеф Байден, будущий вице-президент США. Он настаивал на том, что Соединенные Штаты нуждаются в этой организации.

Политика России в отношении ООН последовательна и направлена на ее укрепление. Признавая назревшей реформу Устава, Москва призывает к преемственности, т. к. потенциал Устава 1945 г. остается большим. В нем указана основная стратегическая цель — исключение войн из жизни человечества и угрозы использования силы одними государствами против других. Устав ООН разрешает использование силы в целях самообороны и защиты людей от геноцида. Такие действия легитимны, если не осуществляются в обход Устава ООН и ее Совета Безопасности.

Мировой порядок как стабильный, демократический и справедливый мир людей (мы часто называем его «мировым сообществом») возможен только в рамках правопорядка. Понятие «мировой порядок» аморфно и даже непонятно, способно вместить множество содержаний, в том числе деспотических по духу. Напротив, понятие и практика «правопорядка» более определены, демократичны и понятны. Их можно выразить следующими словами: миром должна руководить сила права, а не право силы.

Сила права проявляется в международных отношениях неравномерно, порою достаточно заметно, как это было, например, в период, когда с помощью ООН страны Азии и Африки на основе права на самоопределение добились освобождения от колониализма. Нередко, однако, верх берет право силы, и тогда раскручивается гонка вооружений, вспыхивают и продолжают десятилетиями региональные и локальные конфликты, растет угроза со стороны международного терроризма. Для подчинения воли

одних государств другим используются экономические санкции. Особенно явно, во всю силу, набор санкций используется в последние годы атлантистами против России.

Если XX век был в основном веком идеологических и военных противоречий и катаклизмов (они выразились в борьбе коммунистической и буржуазных идеологий и двух мировых войнах), то сейчас разворачивается опасный конфликт между богатыми и бедными странами или, как еще говорят, «бедными миллиардами» и «золотым миллиардом». Противоречия между этими двумя мирами человечества (и с ними, на мой взгляд, глобализация вряд ли справится) носят глубокий характер. В перспективе они могут перерасти в большой беспорядок. Он будет не похож на предыдущие катаклизмы и войны.

Военный потенциал «бедных миллиардов» несравним с военной мощью «золотого миллиарда». Поэтому противоречия между ними чем-то напоминают борьбу Давида с Голиафом с той разницей, что в отличие от библейской схватки современный Голиаф (им являются США) столкнется не с одним, а с множеством вызовов противостоящих ему сил. Наиболее экстремистские из них уже объединяются в тайные сети. Победить их с помощью регулярной армии или даже сил специального назначения трудно.

До сих пор нет общепризнанного определения терроризма, хотя необходимость сделать это давно назрела. Основная трудность состоит в том, что этому явлению пока не удастся подобрать характеристику, которая устраивала бы всех. Есть терроризм одиночек, терроризм групп и, как это ни прискорбно осознавать, государственный терроризм. Последний отрицается политиками, стоящими у власти. А как, собственно говоря, можно назвать жертвы среди гражданского населения, включая женщин и детей, которые сопровождают почти каждый военный конфликт, причем счет идет на многие тысячи? «Сопутствующие потери»? От такой словесной эквилибристики нормальному человеку становится не по себе. Выйти из этой постыдной ситуации можно только отказавшись от войн как средства внешней политики. Именно к этому призывает Устав ООН. Если в работе этой организации ложные стандарты милитаристского мышления возьмут верх над здравым смыслом и демократическим правопорядком, то терроризм в мировых делах не изжить.

В деятельности ООН налицо как подъемы, так и спады. В настоящее время эта организация переживает сложный период, налицо давление на нее со стороны приверженцев права силы, что подрывает мировую стабильность. ООН, конечно, сохранится, если не «испарятся» сами международные отношения и не разрушится классическое международное право с его опорой на суверенные государства. Без них мир, где безопасность утверждается для всех, исчезнет. Наступят времена диктата сильных над слабыми, бесправия и двойных стандартов.

Последнее десятилетие Генеральные секретари ООН буквально бьют в набат, призывая к международной солидарности в деле создания безопасности для всех. Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН в 1997–2006 гг., в своем докладе «При большей свободе» выступил за всеобъемлющую концепцию коллективной безопасности, которая учитывала бы как старые, так и новые угрозы. Он заявил: «Угрозы для мира и безопасности в XXI веке включают не только международные войны и конфликты, но и терроризм, оружие массового уничтожения, организованную преступность и насилие против гражданского населения»²⁹. Проблемами коллективной безопасности, подчеркнул К. Аннан, являются нищета, смертоносные инфекционные заболевания и деградация окружающей среды.

Кроме того, в мире налицо беспардонная гонка вооружений, их продажа многочисленным клиентам. Сегодня все, кто могут, торгуют на международных рынках оружием, в том числе самым современным. Выходит, что ООН выступает против войн и насилия, а гонка вооружений мировые элиты мало беспокоит. Это, по крайней мере, странно. Стоит добавить, что практика нападений коалиций государств под разными предлогами на другие государства, как это было в случаях с Югославией и Ираком, Ливией и Сирией, не вызывает серьезных возражений со стороны мирового сообщества, хотя имеют место грубейшие нарушения Устава ООН. Это приводит к неизбежному результату — ООН слабеет на глазах.

Россия заинтересована в сильной, демократической и справедливой ООН, в которой никто не мог бы манипулировать мнением и особенно действиями Генеральных секретарей, постепенно приобретающих большой вес. Они все чаще выступают не просто как администраторы, но и как политики. Это веление времени. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, например, является сторонником глобальной

солидарности в деле помощи развивающимся странам. Его точка зрения на международное сотрудничество выражена ясно: «Мир сталкивается с большими и серьезными проблемами. Они не могут быть решены ни одним отдельным государством. Их можно решить только совместными усилиями. Сегодня, в период глобального кризиса, нам нужна новая глобальная солидарность. Если говорить откровенно, то мы либо преуспеем вместе, либо проиграем каждый в одиночку»³⁰.

Пан Ги Мун, оценивая глубину глобального экономического кризиса и растущую политическую нестабильность, заявляет: «На карту поставлено все, что так дорого для Организации Объединенных Наций, — развитие, процветание, благосостояние населения планеты, стабильность и безопасность целых государств. От этого не застрахована ни одна нация — ни богатая, ни бедная. <...> Если мы не справимся с кризисом, то, боюсь, политическая нестабильность может приобрести глобальный масштаб. <...> Если жизнь будет становиться все труднее, особенно в наиболее бедных государствах, масштабы социальных беспорядков, несомненно, возрастут»³¹.

Пан Ги Мун выступает за конкретные меры по предотвращению потенциальной катастрофы человечества. Более того, он призывает к принятию глобального плана стимулирования, который отвечал бы нуждам всех развивающихся стран и предусматривал оказание им помощи и ликвидной поддержки в объеме 1 трлн долларов уже в ближайшие годы³². Роль Генерального секретаря ООН в современном мире достаточно весома. И тем, кто избирается на этот пост, приходится лавировать между Сциллой независимости как условия сохранения доверия к ООН и Харибдой поддержки своей деятельности постоянными членами Совета Безопасности, особенно США. Сохранение равновесия между ними требует большого человеческого терпения и такта. В конце концов груз ответственности за свое дело и идеология международных отношений в том виде, в каком их понимает Генеральный секретарь, перевешивают все остальное, на первый план выходят его собственные приоритеты. Если они не совпадают с интересами США, то это, как считают многие, означает конец карьеры генсека, и он не избирается на второй срок.

Б. Бутрос-Гали, Генеральный секретарь ООН в 1991–1996 гг., в своей книге «Непокоренная Организация Объединенных Наций» откоро-

венно рассказал о том, как его усилия создать новую систему стабильности и безопасности, причем совместно с США, потерпели неудачу. От него «требовали, чтобы Организация Объединенных Наций покончила с тем или иным конфликтом, не предоставляя при этом ни сил, ни мандата, необходимых, чтобы сделать это»³³. Так было в Боснии, Сомали и Руанде, где операции ООН провалились.

Еще более эмоционально Б. Бутрос-Гали заметил: «Задача Организации Объединенных Наций состоит прежде всего в том, чтобы помогать всем тем, кто обделен судьбой. <...> В обозримом будущем ООН останется главным защитником самых слабых и отсталых. Она должна будет оберегать их от пагубных последствий глобализации, помогать им найти путь к успеху в условиях глобальной экономики»³⁴. Он видел ООН как единственный глобальный механизм по борьбе с изменениями окружающей среды, распространением наркотиков, преступностью и терроризмом. Генеральный Секретарь ООН, подчеркивал Б. Бутрос-Гали, «в любом случае должен выступать как защитник интересов развивающихся стран»³⁵, а сама ООН должна обращать больше внимания на Африку, где, как он считает, уровень насилия очень высок.

Генеральный секретарь ООН, как показывает пример с Бутросом-Гали, не обладает возможностями проводить свои идеи и, тем более, проекты самостоятельно. Основную работу полномочны осуществлять государства — члены ООН. Это налагает на богатые страны обязанность демонстрировать солидарность с Генеральным секретарем и с бедными странами и не допустить усиления в них голода, деградации и вырождения населения. Без политической воли глав государств и правительств, в том числе России, здесь не обойтись. Ожидать проявления такой воли от мировых экономических и финансовых элит, на мой взгляд, бесперспективно. Они не мыслят общечеловеческими категориями и оценивают свои интересы корыстно.

Москва заинтересована в эффективном Совете Безопасности, где право вето оставалось бы за сильными державами. Постоянными членами Совета, на мой взгляд, могли бы стать еще три страны — Германия, Индия и Бразилия. Что касается Японии, то она свое вхождение в Совет Безопасности должна заслужить отказом от территориальных претензий к своим соседям.

С течением времени в Уставе ООН появятся изменения. Они должны укреплять мировой демократический правопорядок. Вместе с тем, умерщвление ее демократических принципов будет означать кончину этой организации.

Устав ООН обеспечивает управление международными делами, выходящими за рамки двусторонних отношений, на основе не просто порядка, а правопорядка, создает правовую базу для решения проблем и конфликтов мирным путем, с помощью внедрения в практику международных отношений демократических и справедливых правил поведения. Членами ООН являются 192 государства. Это не ограниченное региональными рамками и военно-политическими союзами, а планетарное международное сообщество, с мнением которого должны считаться все акторы мировой политики. На практике это не всегда имеет место. Сильные страны, например, «атлантическое сообщество», как это ни удивительно, привыкли объявлять себя «мировым сообществом», а сами нередко нарушают Устав ООН, что создает для всех много проблем.

Бюджет ООН, учитывая масштаб встающих перед ней задач, довольно скромный, около 3 млрд долларов США. Основными источниками поступления финансов являются взносы государств-членов. Расходы ООН на миротворческую деятельность составляют в среднем 2–3 млрд долл. в год. Эти расходы не являются составной частью регулярного бюджета ООН. Таким образом, на ООН и ее миротворческую деятельность ежегодно тратится от 5 до 6 млрд долл. США. Здесь возможны колебания, если число миссий снижается³⁶.

Политика России в отношении ООН

Политика России в отношении ООН последовательная, более того — правильная. Современное международное право в основном базируется на Уставе этой организации, поэтому Москва считает ее эпицентром мирового правопорядка и выступает за такую ООН, которая обеспечит безопасность всех государств. Отношение России к ООН Президент В. Путин высказал еще 10 февраля 2007 г. на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене. Он заявил: «Убежден: единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. <...> Легitimным можно считать применение силы,

только если решение принято на основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединенных Наций ни НАТО, ни Евросоюзом». От себя добавлю: оправданным является также отражение внезапного нападения, когда гибнут российские граждане. В. Путин призвал избавиться от пренебрежения международным правом, которое должно иметь универсальный характер и в понимании, и в применении норм. Это принципиальная линия российской внешней политики и дипломатии.

12 мая 2009 г. президент Российской Федерации Д. А. Медведев своим указом № 537 утвердил документ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». В нем говорится: «Организацию Объединенных Наций Россия рассматривает в качестве центрального элемента стабильной системы международных отношений, в основе которой — уважение, равноправие и взаимовыгодное сотрудничество государств, опирающихся на цивилизованные политические инструменты разрешения глобальных и региональных кризисных ситуаций»³⁷.

Россия поддерживает все ключевые решения ООН, в том числе Декларацию о принципах международного права (1970), принятую XXV сессией Генеральной Ассамблеи. В Декларации утверждены цели и принципы работы Организации Объединенных Наций.

Цели ООН:

- поддержание международного мира и безопасности;
- развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов;
- осуществление сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении уважения к правам человека и основным свободам;
- согласование действий наций в достижении этих целей.

Принципы работы ООН:

- суверенное равенство всех ее членов;
- добросовестное выполнение всеми членами своих обязательств по Уставу;
- разрешение государствами — членами ООН международных споров мирными средствами без подвержения угрозе международного мира, безопасности и справедливости;
- воздержание от угрозы силой или ее применения против любого государства;

— оказание государствами — членами ООН всемерной помощи организации во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с Уставом.

Устав ни в коей мере не дает ООН права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию какого бы то ни было государства³⁸.

Это великие цели и принципы международных отношений, которые должны соблюдаться. Те, кто посеет ветер их неисполнения, пожнет бурю международного беспорядка. Расставание с этими принципами будет означать расставание с демократической ООН, без которой третья мировая война подкрадется к человечеству незаметно, но, скорее всего, неотвратимо.

Поскольку будущее человеческой цивилизации в значительной степени связано с ООН, необходимо более подробно сказать о ее реформе. Россия выступает за такую модернизацию, которая сделает эту организацию более сильной. Упорная работа для достижения этого результата ведется на основе как новых веяний, так и принципа преемственности.

Большинство стран — членов ООН считают, что доводы в пользу реформ очевидны. США, например, добиваются комплексной модернизации и заявляют, что не пойдут на расширение Совета Безопасности в условиях отсутствия реформ других институтов ООН. Американцы хотят внести изменения в работу секретариата, укрепить режим нераспространения ядерного оружия, создать фонд продвижения демократии. Такая позиция откладывает реформу Совета Безопасности. США, как и Россия, поддерживают принятие ООН всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом, прежде всего ядерным, призывают к тесному переплетению прав человека с деятельностью ООН в области развития и безопасности.

Конечно, нет ничего плохого в стремлении к международному оформлению принципа «ответственности за защиту» от геноцида, военных преступлений, этнических чисток или преступлений против человечности. В ООН, однако, набирает силу уже не столько реформа, сколько реформация, коренные изменения не только статей Устава, но и его принципов, а это недопустимо. Скорее всего, процесс реформ Устава ООН будет длительным и трудным. Потребуется привлечение к этой работе экспертов и неправительственных организаций. Одни политики и дипломаты с реформами не справятся.

Еще раз необходимо подчеркнуть следующее. Новый мировой порядок может существовать только в рамках правопорядка и соблюдения норм международного права всеми государствами. Многое зависит и от того, каким будет ключевое кредо ООН: останется ли оно прежним («мир между народами») или изменится в пользу права силы и ведения войн в стратегических целях. Здесь таится большая опасность для будущего человеческой цивилизации. Нельзя допустить, чтобы в международных отношениях утвердился принцип «кто силен, тот и прав».

Группа высокопоставленных деятелей в 2004 г. сделала вывод о том, что «после окончания холодной войны желание создать международную систему, основанную на господстве права, усилилось. Налицо мало признаков признания в международных отношениях идеи безопасности, наилучшим способом обеспеченной балансом сил, или одной, каким бы благим намерением она ни следовала, сверхдержавой»³⁹. В международных отношениях такие настроения продержались недолго. Под воздействием президента США Обамы верх взяла политика новой «холодной войны».

Следует всегда помнить, что члены ООН — суверенные и равноправные государства, и Устав не дает никому права вмешиваться в дела их внутренней юрисдикции. Действие этого принципа приостанавливается Советом Безопасности только в случае тяжелейших нарушений прав человека, известных как геноцид, когда целью вмешательства является спасение, а не уничтожение людей и среды их обитания. Подкоп под этот принцип, стремление создать обстановку, благоприятную для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, сегодня выдаются как необходимое условие для улучшения международной обстановки. Дело дошло до оправдания политики «оранжевых революций» для смены политических режимов. В мировых делах это дорога к произволу.

На пути реформы ООН немало сложностей, но очевидно одно — она окрепнет и станет эффективной не с помощью ломки ее Устава, а только при условии его выполнения всеми государствами без исключения. ООН — якорь мировой стабильности, не надо рвать цепь, которая его держит, — Устав и проверенные опытом истории международных отношений принципы. Сила права должна взять верх над правом силы.

ООН и будущее человеческой цивилизации

Сегодня нестабильность в международных отношениях происходит не только от финансовых и экономических кризисов, но и от действий политиков и военных. Ими, в том числе в мировой политике, нередко игнорируются опыт и знания предыдущих поколений. Этот опыт, как известно, был во многом отрицательный. XX век — это время острых идеологических и социальных противоречий. Две мировые войны были беспримерно жестокими и породили сильное стремление к миру. Имела место вспышка коллективного человеческого разума, серьезно повлиявшая на политиков самого высокого ранга, в результате чего была создана ООН. Влияние этих факторов, похоже, начинает затухать.

Политические руководители, чтобы состояться как лидеры нации, должны обладать стратегическим мышлением и культурой. Выдающийся лидер, если он входит в историю как «отец нации», «спаситель отечества», архитектор «экономического чуда», принимает серию правильных государственных решений, именно правильных. Возникает вопрос: что такое правильное решение? Действия в национальных интересах, в том числе общества и государства? Безусловно. Но для исторических акций в политике и экономике, да и в общественной жизни, такой подход слишком общий. Внешняя политика государства, особенно выраженная в дипломатии, более конкретна.

Примером правильного политического решения стало создание Организации Объединенных Наций. Если бы в 1945 г., сразу после окончания войны с Германией, ее не создали, то ООН не была бы создана никогда. Для правильных решений существует достаточно узкое по времени «окно возможностей». Если затягивать с принятием такого решения, то «окно закрывается», возможность постепенно исчезает и вряд ли появится вновь.

Уникальность ООН и ее Устава состоит в том, что они развернуты в будущее, это многополюсная организация, основанная на демократических принципах и нормах международного права. Выбор в пользу ООН был не тактический, а стратегический. Он направлен против новых претендентов на мировое господство. Устав ООН не признает однополюсное устройство мира, поэтому политики, исповедующие право силы, хотят коренным образом его изменить, осуществить в ООН не реформы, а реформацию.

ООН как реальное международное сообщество наилучшим образом приспособлена для решения проблем глобального характера, например охраны окружающей среды, ликвидации нищеты и голода на земле. Работа по всем этим направлениям, как и избавление от войн, является борьбой за выживание человеческой цивилизации. ООН усиливает свое внимание к проблемам изменения климата и природных катастроф. Этим явлениям еще нет окончательной оценки, но очевидно, что опасность со стороны природы для людей велика.

Генеральный секретарь ООН Пак Ги Мун на Саммите по проблеме изменения климата (Нью-Йорк, 22 сентября 2009 г.) говорил: «изменение климата является первостепенной геополитической и экономической проблемой XXI столетия. Эта проблема угрожает развитию, миру и процветанию, приведет к нехватке воды, продовольствия и земли <...> расширит масштабы бедности, а также приведет к дестабилизации слабых государств и падению режимов»⁴⁰. Это правильная оценка неприемлемого для людей риска от природных катаклизмов и невнимания к ним.

Принятию правильных решений, как это ни покажется на первый взгляд странным, нередко мешают «истины». Когда общество находится в состоянии отказа от прежней идеологической системы и ищет для себя новый путь, в нем усиливается борьба философских и политических истин. Острота этой борьбы и ее накал сильны, это порождает нестабильность в обществе. Такое положение не может существовать бесконечно, поскольку отодвигается принятие правильных решений. Только взвешенный выбор вектора социально-экономического развития принесет и России успокоение умов и создаст условия для формирования справедливого общества, где, в первую очередь, труд, его качество, эффективность и полезность станут критериями успеха.

Потенциал России в экономике и финансах, а также состояние общества влияют на роль и место нашей страны в международных отношениях, в том числе в ООН, где существует разветвленная система влиятельных учреждений. Они подчиняются Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности, а также Экономическому и Социальному Совету (ЭКОСОС). ООН сотрудничает с группой Всемирного Банка. В системе ООН действует Международный Валютный Фонд (ВМФ). Чтобы иметь в них вес, России нужна динамичная и сильная эконо-

мика. Не исключено — в будущем именно эта система учреждений ООН станет основой мирового правительства. От сильной демократической ООН, где ее члены не будут играть роль вассалов одного полюса силы, в значительной степени зависит будущее человеческой цивилизации. Вот почему, подводя итоги 60-летия ООН, Кофи Аннан заявил: «Миру нужны сильные и работоспособные государства, эффективное партнерство с гражданским обществом и частным сектором...»⁴¹.

Реформа ООН, если ею будут заниматься лишь политики и дипломаты, станет, скорее всего, ущербной. К преобразованиям международного права должно более активно подключиться научное сообщество. Было бы полезно созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи, посвященную этому вопросу, и учредить как минимум на пять лет Конференцию по международному праву. Если не создать такой механизм, будущее ООН окажется под вопросом, не в последнюю очередь из-за того, что между частью (ООН) и целым (международным правом) останутся противоречия, которые приведут не к демократическому мировому правопорядку, а к разрушительному беспорядку. Противостоять этому можно с помощью философии и культуры мира и укрепления Организации Объединенных Наций. Сила права способна взять верх над правом силы. Мир для нас не должен создаваться без нас. Мировому сообществу нужен не «конец великого эксперимента» в лице ООН, начатого в 1945 г., а его продолжение в новых условиях.

Все ли мы помним, как в 1955 г. Альберт Эйнштейн и лорд Рассел провозгласили свой Манифест о новом мышлении в ядерный век?⁴² Тогда многим из нас, студентам и молодым ученым, показалось, что мировое сообщество, Советский Союз, такие движения, как Пагуошское, Дартмундские встречи нанесут поражение мыслям о немыслимом — Большой войне. С распадом биполярной системы мира такая надежда ослабела, но это не значит, что она умерла. Наступает час истины, на смену культуре безразличия и культу силы приходят Большая Идея Антивоины и упорная работа по созданию Коалиции Мира. В продвижении к этим целям обновленная ООН сыграет большую роль.

Сегодня, как отмечает министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, «весь ход событий в мире указывает на то, что ни одна, даже самая мощная в экономическом и военном отношениях, держава не в состоянии

справиться с ними в одиночку. Поэтому система международных отношений и сейчас, и на перспективу должна основываться на коллективных механизмах сотрудничества. Наиболее эффективными из них, безусловно, остается Организация Объединенных Наций...»⁴³ Этот вывод министра отражает точку зрения дипломатов-профессионалов на ООН как безальтернативную основу для формирования безопасного и справедливого мироустройства.

ООН выдержала испытания «холодной войной», более того, она в них закалилась, в чем-то окрепла. «Подкопы» под здание этой организации производятся регулярно, реакционеры всех мастей не раз и не два предрекали ей политическую смерть. Случалось, после очередного всплеска права силы кончину ООН предсказывали и некоторые российские ученые. Но каждый раз ООН отстаивала примат права, и ее роль в международных отношениях сохранялась. Вспышка разума, вызванная потерями во Второй мировой войне десятков миллионов человеческих жизней и стремлением не допустить новой большой трагедии, до сих пор светит столь ярко, что большинство политиков чувствуют свою ответственность за сохранение ООН. Этот «высокопоставленный муравейник» не разорен и сохраняется как демократическая планетарная организация. Без ООН мир может очутиться в состоянии, которому еще нет названия. Это, скорее всего, будет большой беспорядок, не исключена новая мировая война. Такое будущее, смертельное для жизни на планете Земля, абсолютно недопустимо.

Все советские и российские руководители, главы государства и министры иностранных дел принимали участие в регулярных и специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, в том числе заседаниях Совета Безопасности. Общий баланс их выступлений и предложений — положительный⁴⁴. Большой вес Москвы на международной арене, активность ее дипломатии объясняются тем, что наши предложения направлены на поиск путей сохранения мировой стабильности, содействие социальному прогрессу, разоружению, решению региональных и локальных конфликтов, защите экологии Земли.

В качестве общего итога размышлений о вызовах XXI века и ООН отмечу: ООН в 2015 г. действует в условиях острых международных вызовов. Ими наше время перенасыщено. Попытка, например, сохранить в мировых делах однополярность и риски, что несет с со-

бой глобализация, придают мировому сообществу не устойчивость, а ввергают в лихорадку бесконечных конфликтов. В эту турбулентность стремятся втянуть Россию. Среди рисков назову также экологические пределы промышленного роста, деградацию из-за природных и рукотворных катаклизмов окружающей среды. Экология крохотной планеты Земля дряхлеет. Земля, воздух и вода постепенно теряют нужное людям качество.

Налицо опасное поведение плохо управляемых больших групп людей слабеет, в том числе у элит, их нравственный код. Наряду с христианскими и другими религиозными ценностями нарушаются правила и нормы международного права и его сердцевины Устава ООН, где принципы цивилизованной и демократичной мировой политики изложены предельно ясно. ООН сегодня действует, и это отражается в международных конфликтах, в условиях борьбы жесткой силы с силой права. Ощутимо влияние на мировые дела многогранного баланса сил, в котором военная сила остается козырной картой многих политиков.

Велика, конечно, и роль личности в истории, этот фактор, однако, исследуется нами весьма робко. При исследовании деятельности ООН, особенно в конфликтных ситуациях, надо оставаться в рамках специфики исторического события. Другими словами — «из истории нельзя выпрыгивать», ее следует не только знать, но и чувствовать. Это легко сказать, но трудно сделать. Многие важные аспекты прошлого забываются, история нередко искажается в угоду настоящему.

Международное право, в том числе возможности ООН, для сохранения в мировых делах мира и правопорядка абсолютно необходимо. Устав ООН — важный инструмент «мягкой силы», он используется, порой весьма активно, дипломатиями разных государств. Важно помнить следующее: ООН было трудно создать, ее нелегко разрушить. Но, подчеркну это особо, если ООН, все-таки, разрушат, хотя бы с помощью реформации, изменения ее основных принципов, то воссоздать ООН будет невозможно. Мировому правопорядку будет нанесен сильный удар, конфликтность в международных отношениях возрастет многократно. Без права veto, этого средства «принуждения к компромиссу», мир станет более хрупким, а значит, и более опасным.

9 мая Россия празднует день военной победы над гитлеровской Германией и ее союз-

никами. Это знают все. Хуже помнят о том, что 26 июня 1945 года в Сан-Франциско был подписан Устав ООН, установивший новый мировой порядок. Цена этого порядка для СССР была 27 миллионов жизней советских людей, именно они спасли Европу от катастрофы. И вот уже 70 лет на Земле нет новой мировой войны. Этот результат надо не только ценить, но надо его защищать, охранять. Принципы Устава ООН нетленны.

И последнее. ООН — это организация суверенных государств. Более того, это демо-

кратическая планетарная организация. В ее деятельности отражается международное право. Если какое-либо сильное государство нарушает его принципы, нормы и правила, то это вовсе не означает, что они, эти нормы, не действуют. Это означает совсем другое — определяющие внешнюю политику элиты покидают, выходят из поля легитимности, становятся нарушителями мира на Земле. Право от того, что его нарушают, не исчезает. Это, по существу, охранительное обстоятельство поможет ООН выжить.

¹ Крылов С.Б. История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960. С. 17.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. 2-е изд. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М.: ИПЛ, 1984. С. 321.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1947. С. 243–259.

⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: ИПЛ, 1984.

⁵ Там же, с. 274–275.

⁶ Axelrod A. The Real History of the Cold War. A New Look at the Past. N.Y.–L.: Sterling, 2009. P. 39.

⁷ Ibid., p. 40.

⁸ Громыко А.А. Памятное: В 2 кн. 2-е изд., доп. Кн. 2 М.: ИПЛ, 1990. С. 302.

⁹ Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. С. 3–4.

¹⁰ Громыко А.А. Памятное... с. 338.

¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: Сборник документов. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). М.: ИПЛ, 1978. С. 122–123.

¹² Громыко А.А. Памятное... с. 293.

¹³ Выступления глав делегаций СССР, Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов. М: Международные отношения, 2006. С. 17.

¹⁴ Там же, с. 651.

¹⁵ Громыко А.А. Памятное... с. 661.

¹⁶ Там же, с. 327.

¹⁷ Гришаева Л.Е. Высокопоставленный муравейник. ООН: создание и истоки кризиса // Родина. 2008. № 6. С. 35–39.

¹⁸ Воробьев В.П. Советский Союз и создание государства Израиль // Международная жизнь. 2010. № 5. 27.

¹⁹ Там же.

²⁰ The Washington Post, 23.10.1999. P. 17.

²¹ Clinton W. Remarks to the American Israel Public Affairs Committee Policy Conference, 28 April 1996 // Public Papers of the Presidents of the United States, William J. Clinton: 1996 (in Two Books). Book 1. 1 January to 30 June 1996. Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 1997. P. 654.

²² Der Spiegel, 01.09.1997.

²³ Blum W. Rogue State. A Guide to the World's Only Superpower. 3rd ed. Monroe, Me: Common Courage Press, 2005.

²⁴ Ibid., p. 57.

²⁵ Ibid., p. 270.

²⁶ Chollet D. UN, Rediscovered — The UN is Flawed, but the United States Can Learn to Use it Better — As Long As We Hold Reasonable Expectations // The National Interest. 2007. № 88. P. 57.

²⁷ Ibid., p. 61.

²⁸ National Committee on American Foreign Policy. UN–US Relations 2007: The Role of the United States in the UN: National Committee on American Foreign Policy Roundtable Report (with NCAFP Policy Recommendations), New York City, 7 May 2007. N.Y.: National Committee on American Foreign Policy, Inc, 2007.

²⁹ При большей свободе: К развитию, безопасности и правам человека для всех. Резюме доклада Генерального Секретаря ООН, Нью-Йорк, 2005 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Офиц. сайт]. URL: <http://www.un.org/russian/largerfreedom/summary.html> (дата обращения 25.07.2010).

³⁰ Пан Ги Мун. Глобальная повестка дня // Международная жизнь. 2009. № 4. С. 4.

- ³¹ Там же, с. 5.
- ³² Там же, с. 6.
- ³³ Бутрос-Гали Б. Непокоренная Организация Объединенных Наций. М: XXI век. Согласие, 2000. С. 473–474.
- ³⁴ Там же, с. 474–475.
- ³⁵ Там же, с. 474.
- ³⁶ Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. С. 23–24.
- ³⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации [Офиц. сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения 25.07.2010).
- ³⁸ Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. С. 5–6.
- ³⁹ A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the High Level Panel on Threats, Challenges and Change. United Nations, 2004. P. 62.
- ⁴⁰ Новый глобальный курс ООН: Отчет ООН за декабрь 2009 г. // Ноосфера. 2009. № 29. С. 10.
- ⁴¹ При большей свободе: К развитию, безопасности и правам человека для всех. Резюме доклада Генерального Секретаря ООН, Нью-Йорк, 2005 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Офиц. сайт]. URL: <http://www.un.org/russian/largerfreedom/summary.html> (дата обращения 25.07.2010).
- ⁴² The Russel–Einstein Manifesto, 9 July 1955 // The Pugwash Council. London, 1990.
- ⁴³ Лавров С.В. Россия и ООН // Выступления глав делегаций СССР, Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. М.: Международные отношения, 2006. С. 7.
- ⁴⁴ Выступления глав делегаций СССР, Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов. М: Международные отношения, 2006.

Документы

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 к секретному протоколу Московской конференции 19–30 октября 1943 г.

Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности

Правительство Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая,

объединенные в своей решимости в соответствии с Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 года и с последующими декларациями продолжать военные действия против тех держав оси, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны, пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции;

сознавая свою ответственность в деле обеспечения освобождения самих себя и союзных с ними народов от угрозы агрессии;

признавая необходимость обеспечения быстрого и организованного перехода от войны к миру и установления и поддержания международного мира и безопасности при наименьшем отвращении мировых человеческих и экономических ресурсов для вооружений;

совместно заявляют:

1. Что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности.
2. Что те из них, которые находятся в войне с общими врагами, будут действовать совместно во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению этих соответственных врагов.
3. Что они примут все те меры, которые они считают необходимыми, против любого нарушения условий, предъявленных к их противникам.
4. Что они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые.

5. Что они будут консультироваться друг с другом и, по мере того как этого потребуют обстоятельства, с другими членами Объединенных Наций, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности.
6. Что по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации.
7. Что они будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения в отношении регулирования вооружений в послевоенный период.

В. Молотов

Корделл Хэлл

Антони Иден

Фу Бин-чан

Москва, 30 октября 1943 года

Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. — Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). М.: Политиздат, 1984, с. 321–322.

Меморандум правительства США с предварительными предложениями по вопросу о Всеобщей международной организации 18 июля 1944 г.

I

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

A. Характер организации

1. Всеобщая международная организация по установлению и поддержанию безопасности и мира, как это было намечено в Декларации четырех держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г., должна быть основана на принципе сотрудничества, добровольно согласованном между суверенными и миролюбивыми государствами. Членами организации могут быть все такие государства, большие и малые, и она должна быть всемирной по своему характеру.
2. Объединенные Нации и нации, присоединившиеся к ним, и те другие нации, которые будут определены Объединенными Нациями, должны стать первоначальными членами организации.
3. Организация должна быть уполномочена осуществлять принцип, согласно которому ни одной нации не будет разрешено содержать или применять вооруженные силы в международных отношениях каким-либо образом, не совместимым с целями, предусмотренными в основном документе международной организации, или оказывать помощь какому-либо государству вопреки действиям превентивного или принудительного характера, предпринятым международной организацией.
4. Организация должна быть построена таким образом, чтобы сделать возможным существование региональных органов или соглашений или же проведение политических акций, которые не были бы несовместимыми с ее целями, и чтобы эти органы и соглашения могли действовать и осуществляться по их инициативе или по рекомендации всеобщей организации в вопросах безопасности и мира, относящихся к урегулированию регионального характера. Всеобщая организация должна быть всегда информирована о деятельности в вопросах безопасности и мира, предпринятой региональными органами, или в соответствии с региональными или другими соглашениями.

5. Организация должна также заниматься мероприятиями по сотрудничеству в области экономики и другой специализированной деятельности.

В. Цели

1. Главными целями организации должны быть, во-первых, поддержание международной безопасности и мира и, во-вторых, оказание содействия, путем международного сотрудничества, созданию условий стабильности и благополучия, необходимых для существования мирных и дружественных отношений между нациями и важных для поддержания безопасности и мира.

С. Методы

В качестве методов, которые следует использовать для поддержания безопасности и мира, международная организация должна:

- a) поощрять мирное разрешение споров самими сторонами;
- b) проявлять инициативу в деле совместных действий государств-членов для урегулирования споров;
- c) поощрять применение местной или региональной процедуры для урегулирования споров, которые могут быть разрешены при помощи такой процедуры;
- d) рекомендовать политические и дипломатические действия для урегулирования разногласий;
- e) обеспечивать и поощрять применение процедуры посредничества, примирения или арбитража;
- f) поощрять передачу вопросов юридического характера Международному Суду;
- g) передавать Суду вопросы юридического характера, ожидающие решения организации;
- h) разрешать споры, переданные ей сторонами, или же те, которые она считает подпадающими под ее юрисдикцию;
- i) определять наличие угрозы миру или нарушений мира;
- j) предпринимать, в случае необходимости, экономические, торговые, финансовые и другие меры принуждения, не связанные с применением вооруженных сил;
- k) обеспечивать применение вооруженных сил, в случае необходимости, для поддержания безопасности и мира, если другие методы и мероприятия окажутся недостаточными.

Д. Главные органы и учреждения

1. Международная организация должна иметь в качестве своих основных органов:
 - a) Генеральную Ассамблею;
 - b) Исполнительный Совет;
 - c) Международный Суд;
 - d) Генеральный Секретариат.
2. Международная организация должна иметь вспомогательные органы, советы, комиссии или другие учреждения для осуществления сотрудничества в международных экономических и социальных областях, в вопросах ответственности за территориальную опеку и для выполнения таких других функций, которые могут быть признаны необходимыми.

II

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

А. Состав

Генеральная Ассамблея должна состоять из представителей государств — членов международной организации.

В. Полномочия

1. Она должна быть уполномочена принимать и изучать представления, направляемые в международную организацию, по вопросам, которые, по ее мнению, относятся к компетенции организации, и принимать решения по вопросам, входящим в компетенцию международной организации, передача которых другим органам не предусмотрена в основном документе.
2. Главными полномочиями Генеральной Ассамблеи должны быть следующие:
 - a) делать по собственной инициативе или по просьбе государства-члена доклады и давать рекомендации с целью мирного урегулирования любой ситуации или спора, продолжение которых, по ее мнению, может повредить всеобщему благополучию;

- b) помогать Исполнительному Совету, по его просьбе, в деле привлечения к сотрудничеству всех государств в осуществлении акций, находящихся на рассмотрении Совета, или в соответствии с его решением в отношении:
 - (1) урегулирования спора, продолжение которого может создать угрозу безопасности или привести к нарушению мира;
 - (2) поддержания или восстановления мира;
 - (3) любых других вопросов, подпадающих под юрисдикцию Совета;
 - c) предпринимать исследования и давать рекомендации в отношении:
 - (1) содействия международному сотрудничеству;
 - (2) разработки и пересмотра норм международного права; и
 - (3) содействия соблюдению основных прав человека в соответствии с принципами или обязательствами, согласованными между государствами — членами международной организации;
 - d) принимать в члены организации независимые государства, не являющиеся первоначальными членами организации;
 - e) избирать членов Исполнительного Совета, не имеющих постоянного статуса, и судей Международного Суда;
 - f) утверждать бюджеты органов и учреждений организации, определять временный и постоянный принцип распределения расходов организации между государствами-членами, в том числе процедуру распределения, а также рассматривать, давать рекомендации и принимать другие меры в отношении бюджетов специализированных учреждений, связь которых с международной организацией установлена в соответствии с условиями, согласованными между этими учреждениями и международной организацией;
 - g) получать отчеты Исполнительного Совета и других органов и учреждений организации и всех специализированных органов или учреждений, связанных с международной организацией;
 - h) осуществлять полномочия в отношении экономических и социальных мероприятий и территориальной опеки, предусмотренных в разделах VIII и IX;
 - i) обеспечивать координацию общей политики всех органов и учреждений международной организации и связанных с ней организаций и учреждений;
 - j) создавать любые органы или учреждения, которые она сочтет необходимыми для выполнения ее функций; и
 - k) предлагать поправки к основному документу, которые должны вступать в силу после того, как их одобряют, в соответствии со своими конституционными процедурами, две трети государств-членов, включая членов, обладающих статусом постоянных членов в Исполнительном Совете.
- C. Представительство и голосование
 - 1. Делегация каждого государства-члена должна состоять не более чем из шести представителей.
 - 2. Каждое государство-член должно иметь один голос в Генеральной Ассамблее, за исключением случая, предусмотренного ниже в пункте 3.
 - 3. При принятии решений в отношении бюджета органов и учреждений организации, постоянного принципа распределения расходов организации и бюджетов специализированных учреждений, связанных с организацией, каждое государство-член должно обладать количеством голосов, пропорциональным его участию в расходах организации.
 - 4. Решения в отношении принятия в члены организации, выборов членов Исполнительного Совета, выборов судей Международного Суда и временного принципа распределения расходов должны приниматься двумя третями голосов. Другие решения должны приниматься большинством голосов.
- D. Организация и сессии
 - 1. Генеральная Ассамблея должна заседать ежегодно, но она может быть созвана на специальную сессию по инициативе Исполнительного Совета или согласно какой-либо процедуре, принятой Ассамблеей.

2. Она должна избрать своего председателя, заместителей председателя и других главных должностных лиц, которые должны пребывать в своей должности в течение года или до тех пор, пока не вступят в должность их преемники. Она должна совершенствовать свою организацию и принимать свои собственные правила процедуры.
3. Она должна иметь свой центр в месте нахождения международной организации, но ее заседания могут проходить в любом месте, которое более всего будет способствовать ее работе.

III ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

A. Состав и представительство

1. Исполнительный Совет должен состоять из одиннадцати государств — членов международной организации. За исключением Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики, которые должны пользоваться статусом постоянных членов, эти государства должны избираться ежегодно Генеральной Ассамблеей, причем они не могут быть немедленно переизбраны.
2. В основном документе должно быть предусмотрено, что, когда Исполнительный Совет признает, что создано правительство, свободно избранное французским народом, и что оно осуществляет эффективный контроль над территорией Французской Республики, Франция должна быть добавлена к списку государств-членов, пользующихся статусом постоянных членов в Совете.
3. Каждое государство — член Исполнительного Совета должно иметь одного представителя.
4. Любое государство — член организации, не имеющее места в Исполнительном Совете, должно иметь право присутствовать и высказываться при разборе дел, специально затрагивающих интересы этого члена.

B. Полномочия

1. Исполнительный Совет должен нести главную ответственность за мирное урегулирование международных споров, за предупреждение угрозы миру и нарушений мира и за другие мероприятия, которые могут оказаться необходимыми для поддержания международного мира и безопасности. В этих вопросах он должен представлять всех членов международной организации и действовать от их имени и должен в каждом случае стараться найти справедливое, беспристрастное решение международных споров.
2. Основные полномочия Исполнительного Совета перечислены ниже в разделе V «Мирное урегулирование споров», в разделе VI «Определение угрозы миру или нарушений мира и связанные с этим действия», в разделе VII «Регулирование вооружений и вооруженных сил» и в разделе X «Главная администрация и секретариат».

C. Голосование

1. Каждое государство — член Исполнительного Совета должно иметь один голос.
2. Решения в отношении перечисленных ниже вопросов должны приниматься большинством голосов, включая совпадающие голоса всех государств-членов, имеющих статус постоянных членов, кроме случаев, предусмотренных в последующих пунктах 4 и 5:
 - a) принятие на себя юрисдикции над спором по своей инициативе или по рекомендации;
 - b) условия урегулирования споров;
 - c) переговоры с целью достижения всеобщего соглашения по регулированию вооружений и вооруженных сил;
 - d) определение существования угрозы миру, нарушения мира и актов, препятствующих осуществлению мер по поддержанию безопасности и мира; и
 - e) установление и применение мер принуждения.
3. Другие решения должны приниматься простым большинством голосов.
4. При принятии всех решений любое государство — член Исполнительного Совета должно иметь право воздерживаться от голосования, но в таком случае решение является обязательным для воздержавшегося члена.

5. Необходимо выработать правила в отношении процедуры голосования для случаев, когда непосредственными сторонами в споре являются один или несколько постоянных членов Совета.

D. Организация и сессии

1. Исполнительный Совет должен функционировать непрерывно. Он должен иметь свою штаб-квартиру в месте пребывания организации, но его заседания могут проходить во всяком другом месте, которое более всего способствует его работе.
2. Он должен избрать своего председателя.
3. Он должен быть уполномочен:
 - а) создавать любые органы или учреждения, которые он сочтет необходимыми для выполнения своих функций;
 - б) совершенствовать свою собственную организацию; и
 - в) принимать свои собственные правила процедуры.

IV

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД

1. Постоянная палата международного правосудия должна быть перестроена в соответствии с пересмотром ее нынешнего статута.
2. Пересмотренный статут должен стать частью основного документа международной организации.

V

МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ

3. Все государства, независимо от того, являются они членами международной организации или нет, должны а) разрешать споры только мирными средствами и б) воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или от применения силы каким-либо образом, не совместимым с целями, изложенными в основном документе международной организации.
4. Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, передачи спора на рассмотрение Международного Суда или другими мирными средствами, по своему выбору.
5. Необходимо, где это возможно, использовать региональные или другие соглашения для достижения урегулирования или разрешения местных или региональных споров.
6. Если стороны не могут достичь урегулирования такого спора при помощи средств, указанных выше, то они должны передать этот спор на рассмотрение Исполнительного Совета.
7. Любое государство-член должно иметь право довести до сведения Генеральной Ассамблеи или Исполнительного Совета о любом положении, ситуации или споре, продолжение которых, по мнению члена, может угрожать поддержанию международного мира и безопасности.
8. Генеральная Ассамблея должна довести до сведения Исполнительного Совета о любом таком положении, ситуации или споре, которые, по ее мнению, требуют действий для предотвращения непосредственной угрозы миру или нарушения мира.
9. Исполнительный Совет должен быть уполномочен расследовать любое такое положение, ситуацию или спор и должен рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования. Он должен быть уполномочен делать это по собственной инициативе, или по поручению Генеральной Ассамблеи, или по требованию государства-члена.
10. Когда Исполнительный Совет по собственной инициативе определит, что между государствами-членами существует спор, который угрожает безопасности или миру и который не поддается разрешению должным образом при помощи других процедур, он должен быть уполномочен взять на себя осуществление урегулирования.
11. В случае, если сторонами спора являются государство-член и государство-нечлен или только государства-не члены и если этот спор может привести к нарушению мира, Исполнительный Совет должен быть уполномочен взять на себя осуществление урегулирования спора либо по собственной инициативе, либо по просьбе любой из сторон.

12. При выполнении своих обязанностей по мирному урегулированию споров Исполнительный Совет должен быть уполномочен обращаться за советом и помощью к Генеральной Ассамблее, назначать комиссии по расследованию или примирению, передавать на рассмотрение Международного Суда подлежащие его юрисдикции споры или юридические стороны споров, которые полностью не подлежат его юрисдикции, применять региональные или местные процедуры или принимать другие необходимые меры для достижения урегулирования.
13. В отношении любого спора, упомянутого в предыдущих пунктах, Исполнительный Совет должен быть облечен полномочиями способствовать и содействовать выполнению условий любого урегулирования, достигнутого под руководством международной организации.

VI

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УГРОЗЫ МИРУ ИЛИ НАРУШЕНИЙ МИРА И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ ДЕЙСТВИЯ

A. Определение угрозы миру или нарушений мира

1. Исполнительный Совет должен быть уполномочен определять существование любой угрозы миру или любого нарушения мира и решать, какие меры следует рекомендовать или предпринять для поддержания или восстановления мира. Он должен быть уполномочен обращаться за советом и помощью к Генеральной Ассамблее по любому связанному с этим вопросу и к Международному Суду по любому вопросу, входящему в круг его ведения.
2. Исполнительный Совет должен быть уполномочен определять, является ли какое-либо положение, ситуация или действие, предположительно влекущее за собой угрозу миру или нарушение мира, достаточно серьезным, чтобы были предприняты определенные действия.

Примечание: Упомянутыми выше условиями, ситуациями и действиями являются, например:

- a) применение вооруженных сил одним государством в пределах юрисдикции другого государства, без санкции международной организации;
- b) невыполнение предложения Исполнительного Совета принять процедуру мирного разрешения какого-либо спора;
- c) непринятие условий разрешения спора, выработанных под эгидой международной организации;
- d) невыполнение предложения Исполнительного Совета сохранить существующее положение или вернуться к прежнему положению;
- e) несоблюдение обязательств в отношении регулирования вооружений и вооруженных сил и производства оружия и международной торговли им; и
- f) противодействие мероприятиям по обеспечению безопасности и мира вследствие невыполнения предложения Совета: 1) проводить согласованные принудительные мероприятия и 2) предоставлять, на основе согласованных обязательств, силы и средства для необходимых действий.

B. Начальные действия

1. Если Исполнительный Совет установит существование угрозы миру или нарушение мира, он должен немедленно: a) потребовать от сторон воздержаться от всяких действий, могущих ухудшить ситуацию; и b) решить, какие мероприятия должны быть рекомендованы или предприняты.
2. Все государства, вне зависимости от того, являются они членами международной организации или нет, должны воздерживаться от оказания помощи любому государству, если это противоречит действиям превентивного или принудительного характера, предпринимаемым международной организацией или с ее санкции.

C. Мероприятия, не связанные с применением вооруженных сил

1. Исполнительный Совет должен быть уполномочен призывать государства-члены проводить мероприятия, не требующие применения вооруженных сил, для поддержки его решений и определять во всех случаях, когда необходимо осуществление таких действий, какие меры должны быть предприняты, а также в каких пределах соответствующие государства-члены должны их осуществлять.

2. В любом случае, когда Исполнительный Совет решит предпринять такие действия, государства-члены должны будут:
 - a) сотрудничать с Исполнительным Советом и Генеральной Ассамблеей в получении информации, необходимой для осуществления мер и для соответствующего освещения их в печати;
 - b) принимать участие в принятии согласованных дипломатических шагов;
 - c) принимать участие в осуществлении коллективных экономических, торговых и финансовых мероприятий;
 - d) присоединиться к общим усилиям с целью оказания помощи тем государствам, на которые падают чрезмерно большие тяготы в связи с участием их в проведении мероприятий, предпринимаемых Исполнительным Советом.
- D. Мероприятия, связанные с применением вооруженных сил
1. В случае, если другие мероприятия окажутся недостаточными, Исполнительный Совет должен быть уполномочен обеспечить использование вооруженных сил для поддержания безопасности и мира.
 2. Государства-члены должны взять на себя обязательство предоставлять вооруженные силы и средства обслуживания, когда они окажутся необходимыми для этой цели, по призыву Исполнительного Совета и в соответствии с общим соглашением, определяющим численность и род этих сил, а также вид и объем тех средств обслуживания, которые должны быть предоставлены. Такое соглашение должно быть заключено государствами-членами в возможно кратчайшие сроки после того, как организация будет создана. Обязанностью Исполнительного Совета должно быть формулирование, по возможности в ближайшее время, планов и процедуры для заключения такого соглашения. Формулируя план соглашения и осуществляя операции в соответствии с соглашением, Совет должен учитывать географическое положение государств-членов, их региональные и специальные обязательства, их население и их соответствующие ресурсы. Это соглашение должно подлежать ратификации каждой страной в соответствии с ее конституционными положениями.
 3. Общее соглашение должно предусматривать обязательство государств-членов держать в состоянии боевой готовности вооружения и вооруженные силы, которые они по соглашению соответственно обязуются предоставить для совместной международной акции.
 4. Впредь до заключения общего соглашения государства — участники Декларации четырех держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г., и другие государства, которые могут сделать это, должны предоставить, с учетом их индивидуальных возможностей и их взаимных обязательств, такие вооруженные силы и средства обслуживания, которые могут понадобиться для установления и поддержания мира и безопасности.
 5. Исполнительный Совет должен быть уполномочен предложить государствам-членам предоставить экономическую, финансовую, коммерческую и другую помощь, необходимую для поддержания и усиления международной акции, связанной с применением вооруженных сил, когда таковая будет предпринята. Государства-члены должны взять на себя обязательство:
 - a) предоставлять такую помощь, условия ее предоставления должны определяться по консультации между Исполнительным Советом и государствами-членами;
 - b) отказывать в экономической или другой помощи государству, против которого предпринимаются принудительные действия, характер такой помощи Исполнительный Совет должен определять в ходе проведения этих действий;
 - c) присоединиться к общим усилиям с целью оказания помощи тем государствам, на которые падают чрезмерно большие тяготы в связи с участием их в мероприятиях по безопасности с участием вооруженных сил, созданных Исполнительным Советом.
 6. Исполнительный Совет должен быть уполномочен требовать от государств-членов предоставление права прохода войск, а также средств обслуживания, включая базы, необходимые для эффективных действий войск, осуществляющих операции в соответствии с решениями Совета. Условия осуществления этих прав и предоставления средств обслуживания, включая базы, должны определяться до или в ходе проведения действий по до-

говоренности между Исполнительным Советом и государствами-членами, на территориях которых это право и эти средства обслуживания предоставляются.

7. Исполнительный Совет, которому оказывается помощь и предоставляются консультации со стороны Постоянной комиссии по безопасности и вооружениям, о которой говорится ниже в части «Е», должен нести ответственность за планирование любого применения силы, признанного необходимым в соответствии с положениями основного документа международной организации; Исполнительный Совет должен также осуществлять общее наблюдение за этим применением.

Е. Комиссия по безопасности и вооружениям

1. Исполнительный Совет должен учредить Постоянную комиссию по безопасности и вооружениям.
2. Постоянная комиссия по безопасности и вооружениям должна предоставлять Исполнительному Совету квалифицированные советы по военным вопросам и помощь, необходимые для выполнения обязанностей Совета в области применения силы и регулирования вооружений и вооруженных сил, а также выполнять такие обязанности по изучению, рекомендациям, осуществлению административных функций и исполнению поручений, которые Совет может ей дать.
3. Комиссия по безопасности и вооружениям должна иметь право, с одобрения Исполнительного Совета, создавать подчиненные ей учреждения и иными способами совершенствовать свою организацию.

VII

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЕНИЙ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

1. В целях содействия установлению и поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения, на Исполнительный Совет должна быть возложена ответственность за начало переговоров о заключении всеобщего международного соглашения, предусмотренного в Декларации четырех держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г., относительно создания системы регулирования вооружений и вооруженных сил и относительно регулирования производства оружия и международной торговли им.
2. Исполнительный Совет должен быть уполномочен осуществлять такие права по выполнению обязательств, предусмотренных во всеобщем международном соглашении, которые могут быть предоставлены ему этим соглашением.
3. Вопрос о вооружении и вооруженных силах государств «оси» (которые будут названы позднее) должен регулироваться условиями их капитуляции и властью, установленной в соответствии с этими условиями. Исполнительный Совет должен быть уполномочен принять на себя ответственность за обеспечение выполнения условий, регулирующих вооружения и вооруженные силы государств «оси» в таком объеме, что эта ответственность может быть возложена на него, как на преемника власти, учрежденной в соответствии с условиями капитуляции.

VIII

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

А. Цель и взаимоотношения

1. С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, Всеобщая международная организация должна содействовать разрешению международных экономических и социальных проблем, включая проблемы образования и культуры. Ответственность за выполнение этой функции должна быть возложена на Генеральную Ассамблею и, под руководством Генеральной Ассамблеи, на Экономический и Социальный Совет, созданный в соответствии с основным документом организации.
2. Различные специализированные экономические и социальные организации и учреждения будут нести ответственность в своих соответствующих областях, как это определено в их уставах. Каждая специализированная экономическая или социальная организация

или учреждение должны установить связи с Всеобщей международной организацией. Условия, на которых будут строиться отношения между каждой специализированной организацией или учреждением и Всеобщей международной организацией, должны определяться соглашением между Экономическим и Социальным Советом и соответствующими властями специализированной организации или учреждения и должны быть одобрены Генеральной Ассамблеей.

В. Полномочия

1. Экономический и Социальный Совет должен быть уполномочен:
 - a) проводить в жизнь в пределах своих функций рекомендации Генеральной Ассамблеи по экономическим и социальным вопросам;
 - b) по своей собственной инициативе давать рекомендации различным специализированным организациям или учреждениям, правительствам или Генеральной Ассамблее по экономическим или социальным проблемам, включая проблемы, находящиеся вне сферы деятельности специализированных организаций, с целью содействия наиболее полному и эффективному использованию мировых экономических ресурсов, достижения высокого и устойчивого уровня занятости рабочей силы и вообще повышения благополучия всех народов;
 - c) координировать деятельность специализированных экономических и социальных организаций или учреждений путем консультативных совещаний и рекомендаций таким организациям;
 - d) заслушивать и рассматривать доклады о деятельности, решениях и рекомендациях специализированных организаций или учреждений и ежегодно представлять Генеральной Ассамблее анализ таких докладов;
 - e) рассматривать административные бюджеты специализированных организаций или учреждений с целью дачи заинтересованным организациям или учреждениям, о которых идет речь, а в соответствующих случаях и Генеральной Ассамблее, рекомендаций относительно наиболее эффективного использования ресурсов; и
 - f) осуществлять такие другие функции в пределах своей компетенции, которые могут быть возложены на него Генеральной Ассамблеей или могут быть предусмотрены в будущих соглашениях между государствами-членами.

С. Состав и голосование

1. Экономический и Социальный Совет должен состоять из квалифицированных представителей определенного числа [24] государств-членов. Предназначенные для этой цели государства должны быть избраны Генеральной Ассамблеей сроком на три года, и каждое такое государство должно иметь одного представителя.
2. Каждый представитель государства, избранного членом Экономического и Социального Совета, должен иметь один голос. Решения Совета должны приниматься большинством голосов.
3. Экономический и Социальный Совет должен создать соответствующие условия для участия представителей специализированных организаций или учреждений, без права голосования, в заседаниях Совета и созданных им комиссий.

Д. Организация

1. Экономический и Социальный Совет должен создать экономическую комиссию, социальную комиссию и такие другие комиссии, которые могут потребоваться для облегчения рассмотрения проблем, входящих в сферу его деятельности. Такие комиссии должны состоять из особо квалифицированных в своей области экспертов, которые могут быть гражданами любого государства — члена Всеобщей международной организации. Члены комиссий должны назначаться сроком на три года.
2. Экономический и Социальный Совет должен избрать председателя из числа своих членов. Директор и штат компетентных экспертов должны действовать в качестве постоянного секретариата Экономического и Социального Совета и комиссий и должны составлять часть центрального административного штата Всеобщей международной организации.
3. Совет должен установить собственные правила процедуры и другими путями совершенствовать свою организацию.

IX

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОПЕКЕ

Примечание: Документы по этому вопросу будут представлены позднее.

X

ГЛАВНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СЕКРЕТАРИАТ

- A. Секретариат генерального директора и центральный административный аппарат
1. Генеральный директор международной организации должен быть избран Генеральной Ассамблеей с согласия Исполнительного Совета. Он должен выполнять свои обязанности в течение пятилетнего срока и может быть переизбран.
 2. На Генерального директора должны быть возложены обязанности главного административного должностного лица организации. Он должен выполнять обязанности генерального секретаря Генеральной Ассамблеи, Исполнительного Совета, а также тех органов или учреждений международной организации, в отношении которых будет указание Ассамблеи или Совета. Он должен также обеспечивать координацию, в рамках общей политики в области администрации, установленной Генеральной Ассамблеей, административных процедур и правил специализированных учреждений, связанных с международной организацией. Он должен докладывать Генеральной Ассамблее о работе всех органов и учреждений организации, а также комиссий, учреждений и других органов, имеющих отношение к международной организации.
 3. Генеральный директор должен назначать необходимых заместителей и главных должностных лиц центрального административного аппарата, с последующим утверждением Генеральной Ассамблеей, а также персонал тех секретариатов, за которые он несет ответственность. Он должен представлять на утверждение соответственно Генеральной Ассамблее или Исполнительному Совету кандидатуры на должности руководителей комиссий и учреждений, ответственных соответственно перед двумя указанными органами.
 4. Генеральный директор и его заместители не должны в течение срока выполнения ими этих обязанностей занимать какие-либо другие общественные посты.
 5. Должностные лица, назначаемые в центральный административный аппарат, должны подбираться по признаку технической или административной компетентности и опыта и должны принадлежать к возможно большему числу национальностей. Из этих должностных лиц следует создать постоянную международную гражданскую службу, и при своем назначении они должны давать обязательство выполнять возложенные на них обязанности беспристрастно и в духе, необходимом для развития интересов и целей международной организации.
- B. Обязательства государств-членов по отношению к должностным лицам организации
1. Государства-члены не должны возлагать на своих граждан, которые являются должностными лицами международной организации, каких-либо обязательств, не совместимых с выполнением их обязанностей.
 2. Государства-члены должны предоставить должностным лицам международной организации в период выполнения ими обязанностей по делам международной организации или во время следования их к месту службы и обратно обычный дипломатический иммунитет.

XI

ПРОЦЕДУРА СОЗДАНИЯ И ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ

1. Всеобщая международная организация по поддержанию мира и безопасности, предусмотренная Декларацией четырех держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г., должна быть учреждена в возможно кратчайший срок и, если это возможно, до окончания военных действий.
2. Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Союз Советских Социалистических Республик и Китайская Республика, подписавшие Декларацию четырех держав, должны предпринять немедленные шаги к тому, чтобы достигнуть в принципе соглашения по основным чертам плана организации.
3. Согласованное изложение основных черт плана организации должно быть затем передано правительствам других Объединенных Наций, а также наций, присоединившихся к ним, вме-

- сте с просьбой сообщить замечания и предложения с целью достижения значительной степени единогласия в отношении основных черт плана.
4. Как только это будет возможно, государства, подписавшие Декларацию четырех держав, должны созвать конференцию Объединенных Наций и наций, присоединившихся к ним, для формулирования и подписания соглашения, которое явилось бы основным документом организации. Соглашение должно быть представлено участвующим правительствам для ратификации, согласно их соответственной конституционной процедуре.
5. В соглашении должно быть предусмотрено, что оно вступает в силу с момента его ратификации 15-ю государствами, включая государства, подписавшие Декларацию четырех держав.
6. Государства, подписавшие Декларацию четырех держав, соглашением должны быть уполномочены созвать первое заседание Генеральной Ассамблеи организации в соответствии с соглашением, по вступлении его в силу.
7. На своем первом заседании Генеральная Ассамблея должна избрать непостоянных членов Исполнительного Совета, в результате чего будет создан Совет, который приступит к решению своих организационных вопросов.

Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. — Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. — 28 сент. 1944 г.). М.: Политиздат, 1984, с. 48–63.

Меморандум правительства Великобритании о Международной организации безопасности 22 июля 1944 г.

МЕМОРАНДУМ «А»

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ХАРАКТЕР ПОСТОЯННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

I. Принципы и цели Организации

1. Всемирная организация будет состоять из независимых государств, свободно объединившихся и работающих вместе для более полного достижения общего блага человечества.
2. Принципы и цели Организации должны быть провозглашены в преамбуле документа, который положит начало ее существованию. Организация должна быть максимально простой и гибкой. Таким образом провозглашение ее принципов и целей становится особенно важным, поскольку они определяют условия, на основании которых будут действовать члены Организации.
3. Статья 4 Московской декларации устанавливает, что Организация будет основана на «суверенном равенстве» государств. Из этих слов вытекают два принципа. Во-первых, члены должны согласиться уважать политическую независимость друг друга, и, во-вторых, все члены должны быть равными по положению, хотя они не обязательно должны иметь одинаковые функции.
4. Члены не должны иметь права пользоваться преимуществами, предоставляемыми Организацией, если они не готовы принять обязательства, сопутствующие им. Кроме того, именно принятие на себя таких обязательств всеми членами обеспечивает им преимущества, предоставляемые Организацией. Это, следовательно, должно быть признано в качестве одного из принципов Организации.
5. Цель Организации определена в статье 4 как «поддержание международного мира и безопасности», и это должно рассматриваться как ее главное назначение.
6. Однако если применение силы исключается, то должны быть предусмотрены способы, при помощи которых члены Организации могут разрешать свои споры иными методами, чем методы насилия; и создание механизма для достижения этого должно быть одной из целей Организации.

7. Кроме того, для поддержания международного мира и безопасности должны существовать какие-то возможности для государств собираться вместе для того, чтобы обсуждать и согласовывать свои политические действия. Поэтому одной из задач Организации должно быть создание центра, где государственные деятели могли бы встречаться для этой цели.
8. Но международный мир и безопасность должны достигаться с помощью позитивных мер, а не поддерживаться только с помощью негативных средств подавления силой. Они будут поддерживаться и укрепляться путем защиты права человека стремиться к свободе и росту благосостояния человеческого общества. Государственные деятели Объединенных Наций провозгласили это в качестве как цели, так и условия развития международного порядка.
9. Поэтому необходимо, чтобы Организация создала учреждения для содействия улучшению экономического положения во всем мире и устранения социальных несправедливостей и поддерживала и расширяла институты, которые в настоящее время существуют для этих целей.
10. Таким образом принципы и цели Организации, а следовательно и условия, на основании которых ее члены пользуются предоставляемыми ею преимуществами и принимают ее обязательства и на которых основываются действия, предпринимаемые в соответствии с ее полномочиями, могут быть определены следующим образом:
11. Принципы.
 - 1) Все члены Организации обязуются уважать политическую независимость друг друга.
 - 2) Все члены равны по положению, хотя не обязательно равны по функциям.
 - 3) Все члены обязуются выполнять по отношению друг к другу обязательства, которые являются условием получения преимуществ, предоставляемых Организацией.
12. Цели.
 - 1) Обеспечить поддержание мира и безопасности с тем, чтобы люди не жили в состоянии страха перед войной.
 - 2) Обеспечить средства, при помощи которых споры, возникающие между государствами, будут разрешаться таким образом, чтобы не возникала угроза миру и безопасности.
 - 3) Создать центр, в котором политические действия государств могут быть рассмотрены, согласованы и направлены к общей цели.
 - 4) Содействовать улучшению экономических условий во всем мире и благосостояния всех людей на основе международного соглашения с тем, чтобы устранить на земле страх перед нуждой.
 - 5) Охранять и расширять свободу личности при помощи институтов, имеющих целью устранение социальных несправедливостей.
- II. Характер Организации
13. В статье 4 Московской декларации установлено, что Организация должна быть основана на суверенном равенстве ее членов. Поэтому ее члены сохраняют контроль за собственными действиями, за исключением только ограничений, вытекающих из добровольно принятых ими обязательств и из положений международного права.
14. За время настоящей войны ничто так не было доказано более ясно, как наличие взаимосвязи между миром и безопасностью во всех частях земного шара. Будущая Организация должна признать этот факт и стать всемирной организацией, в которой все миролюбивые государства во всех частях света могут сотрудничать для общего блага.
15. Однако хотя по положению все члены равны и все будут пользоваться равными правами и возьмут на себя соответствующие обязательства, различие в обладаемой ими мощью делает необходимым признание некоторого различия в их функциях. Инициатива создания Организации исходила от четырех держав: Соединенных Штатов, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Китая; и общепризнанным является то, что ее успех будет зависеть больше от продолжения их сотрудничества, чем от какого-либо другого отдельного фактора. Механизм Организации должен дать им возможность выполнять обязательства, которые они договорятся взять на себя. Поэтому они должны занимать в Организации особое положение для эффективного поддержания мира и безопасности. Вообще, что касается всех государств, то чем большее соответствие

между мощью и ответственностью может быть достигнуто, тем более вероятно, что механизм сможет выполнять свои функции.

16. Мы ожидаем освобождения Франции и ее восстановления в рядах великих держав.
17. Предполагается создание ряда специализированных технических организаций, посредством которых государства будут объединяться для достижения различных целей. Такие организации, принадлежащие к системе Лиги наций, уже существуют. Отношения этих организаций между собой и главной организацией рассматриваются в меморандуме «D». Здесь необходимо только сказать, что вряд ли такие организации будут продолжать существовать в качестве эффективных инструментов в мире, где отсутствует разумная безопасность.
18. Подобно тому, как существуют специальные функциональные организации, могут существовать и региональные объединения для различных целей в тех случаях, когда необходимо достичь явного преимущества путем ограничения сферы деятельности. В частности, должна существовать какая-либо региональная организация для европейского континента, хотя бы только для того, чтобы предотвратить повторение обстоятельств, которые привели к возникновению в этом районе двух мировых войн. Состояние Европы по окончании настоящей войны потребует особой заботы и помощи со стороны Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и СССР; и необходимо найти средства для того, чтобы Европа не стала центром третьей мировой трагедии. Возможно предположить, что из какой-либо «Европейской Комиссии Объединенных Наций», как было предложено в пунктах 9 и 10 памятной записки г-на Идена от 1 июля 1943 г., могла бы возникнуть европейская организация, которая под руководством трех главных союзников поощряла бы развитие мирных тенденций, залечила бы раны Европы и в то же время помешала бы Германии вновь занять господствующее положение на континенте. Такие региональные объединения могли бы также возникнуть в целях экономического сотрудничества, содействия росту благосостояния колониальных территорий и т. д. Однако важно, чтобы они не находились в противоречии со всемирной Организацией, но скорее они помогали выполнять ее задачи.

III. Структура Организации

19. По общему мнению, необходимо будет создать два главных органа: один как центр для обсуждений, в котором будут представлены все государства, и второй, меньший орган, как центр действия. Предлагается назвать эти органы соответственно Всемирная Ассамблея и Всемирный Совет.
20. Членство. Предполагается, что вначале все Объединенные Нации будут приглашены стать членами Организации. Необходимо рассмотреть вопрос о том, какие из ныне нейтральных государств будут допущены в Организацию и когда. Вражеские государства не могут быть допущены до тех пор, пока они не докажут своими действиями, что они признают цели Организации и намерены следовать им.
21. Все члены Организации должны участвовать каким-либо образом в решении вопроса о приеме новых членов. Нужно рассмотреть вопрос о том, насколько необходимо будет определить условия, при которых государство перестает быть членом Организации.
22. Всемирная Ассамблея. Суверенное равенство всех членов должно признаваться их представителями, заседающими вместе на основе равенства во Всемирной Ассамблее не реже одного раза в год. Право предоставлять информацию и критиковать должно принадлежать всем членам Организации.
23. Предоставление этому органу всех полномочий, которыми обладала Ассамблея Лиги наций, не предполагается. Специализированные и технические органы должны взять на себя некоторые из обязанностей, выполнявшихся Ассамблеей, а инициатива в деле предупреждения нарушений мира должна принадлежать Всемирному Совету.
24. Следует обсудить вопрос о том, должна ли Всемирная Ассамблея иметь такой же контроль над финансами и над приемом новых членов, каким обладала Ассамблея Лиги наций, однако имеется в виду, что нельзя ожидать от государств, чтобы они делали финансовые взносы в Организацию без какого-либо участия в распределении этих финансов или стали членами общества, в которое другие государства могут быть допущены без консультации с ними.

25. Всемирный Совет. Этот орган должен быть достаточно небольшим и компактным для того, чтобы обеспечить принятие мер, и носить такой характер, который обеспечил бы доверие к нему всех членов Организации.
26. Структура этого органа ставит много трудных проблем. Вопрос об отношениях между великими державами и другими государствами является предметом спора на протяжении более столетия. Очевидна необходимость того, чтобы четыре державы, которые сами несут непосредственную ответственность за мир и безопасность почти двух третей населения земного шара, были всегда представлены во Всемирном Совете. Всеми был принят принцип, по которому там, где особо затрагиваются интересы какого-либо государства, оно должно иметь право изложить свою позицию на заседании Совета.
27. Желательно, чтобы Всемирный Совет имел строго ограниченный состав, и в некоторых кругах высказывались предложения ограничить число его членов тремя или четырьмя державами, на которых лежит главная ответственность за поддержание мира. Однако остается открытым вопрос, согласятся ли другие государства на создание Совета с таким ограниченным числом членов. Во всяком случае вопрос о числе членов и методе их представительства заслуживает самого серьезного рассмотрения, и способ, которым Совет будет принимать свои решения, может зависеть от принятого метода. Цель будет состоять в том, чтобы другие государства, представленные во Всемирном Совете, пользовались общим доверием. Вероятно, необходимо иметь какую-то форму выборов, и для этой цели можно было бы использовать Всемирную Ассамблею.
28. Необходимо найти средства, с помощью которых в этом Совете были бы адекватно представлены различные районы земного шара. Размеры и территории государств настолько различны и они так неравномерно размещены на континентах, что необходимо достичь соглашения по этому вопросу. Так, в районе Карибского моря имеется больше независимых государств, чем во всей остальной Латинской Америке, которая включает Бразилию, Аргентину и Чили. Как в Европе, так и в Южной Америке имеется значительно большее число государств, чем в Северной Америке или в Азии. До сих пор такие различные по мощи и положению государства, как Канада и Панама, имели равные права представительства. Принцип чередования лишил Совет Лиги наций опытных государственных деятелей, тогда как создание «полупостоянных» мест вызывало серьезное недовольство со стороны некоторых государств, не пользовавшихся этой привилегией.
29. Если бы можно было принять принцип, которым руководствуются при выборах руководящего органа МОТ, то можно было бы достичь более удовлетворительного результата, но трудно найти принцип, применимый к политическому органу.
30. Если бы были созданы имеющие достаточно важное значение региональные объединения (например, региональная организация Европы), то они могли бы составить основу для представительства в Совете. Но большинство государств не признает другие государства в качестве своих «представителей» в учреждениях, где они имеют особый интерес.
31. Вполне очевидно, что этот вопрос потребует тщательного рассмотрения не только самими четырьмя державами, но и совместно с другими государствами, чьи пожелания должны быть приняты во внимание.
32. Главной функцией Всемирного Совета будет обеспечение такой связи между государственными деятелями стран, представленных в нем, которая дала бы им возможность обеспечить разрешение международных проблем путем обсуждения и совместных действий. Для этой цели совершенно необходимо проводить регулярные заседания при наличии соответствующей процедуры и секретариата. Едва ли какой-либо другой фактор будет оказывать столь же сильное воздействие на достижение согласованности в политической деятельности государств. Опыт последних тридцати лет показывает, что для этого фактора нет должной замены.
33. Предложения относительно функций Всемирного Совета как органа, ответственного за всеобщий мир, изложены в меморандуме «В».
34. Всемирный Совет должен будет также давать некоторое общее направление деятельности функциональных органов. Этот вопрос рассматривается в меморандуме «D».

35. В общем выражается надежда, что Совет может стать центром, где правительства согласовывают свои позиции относительно важных международных проблем с тем, чтобы быть в состоянии действовать решительно для достижения общей цели.
36. Постоянная палата международного правосудия. Предполагается, что будет общее соглашение о создании Постоянной палаты международного правосудия. Предложения неофициального Межсоюзнического Комитета, который недавно сделал сообщение по этому вопросу, указывают на общее направление, которого следует придерживаться.
37. Секретариат. Совершенно необходимо создать Постоянный Секретариат. Следует использовать опыт Лиги наций и МОТ. Однако предполагается, что возникнет ряд новых специализированных технических органов. Поэтому дальнейшее рассмотрение указанного вопроса можно было бы отложить до получения более определенных сведений относительно этих органов.
38. В Устав Организации вполне можно было бы включить пункт о том, что глава Секретариата должен иметь право представить на рассмотрение Всемирного Совета любой вопрос, который, по его мнению, создает угрозу всеобщему миру.
39. Специализированные и технические организации. Этот вопрос рассматривается в меморандуме «D». Положение Международной организации труда потребует специального рассмотрения.
40. Местопребывание Организации. Этот вопрос следует оставить открытым до получения дальнейшей информации о количестве и характере функциональных организаций.
41. Название Организации. Термин «Объединенные Нации» в настоящее время является общеупотребительным, и, по-видимому, нет никакой веской причины заменять его каким-либо другим.

**МЕМОРАНДУМ «В»
МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ, ВОПРОС О ГАРАНТИЯХ И УСЛОВИЯ,
ПРИ КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРЕДПРИНЯТЫ МЕРЫ
ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ**

I. Введение

Для предупреждения возникновения войны должны существовать способы принятия таких решений, которые в прошлом проводились в жизнь путем применения силы. Если для достижения этой цели создается Организация, то необходимо иметь некоторую гарантию защиты ее членов от угрозы применения силы по отношению к ним со стороны государств, входящих в эту организацию или не являющихся ее членами. С целью предоставления такой защиты от государства-агрессора могут быть приняты меры, что вызывает необходимость сформулировать некоторые положения о том, как и когда такие меры должны быть предприняты.

2. Поддержание мира и безопасности является не просто самоцелью, а средством, с помощью которого может быть создано организованное и прогрессивное сообщество государств. Принципы и цели такого сообщества указаны в части I меморандума «А», и именно на них должна быть основана вся деятельность Организации. Состояние мира будет рассматриваться не только как признание статус-кво, но и как активное сотрудничество государств для осуществления целей и принципов Организации.
3. Этих целей нельзя достичь с помощью какой бы то ни было системы процедуры, как бы тщательно разработана она ни была. Все зависит от единства цели тех государств, которые обладают наибольшими средствами для достижения своих целей. Невозможно гарантировать, что эти государства всегда будут согласны друг с другом, и никакой системой процедуры этого не добиться. Однако соглашение действовать во всемирной организации в соответствии с определенными конкретными принципами облегчит сотрудничество между этими государствами и даст возможность другим государствам присоединиться к ним для достижения общей цели.
4. Если все великие державы будут членами Организации и проявят намерение действовать в соответствии с ее правилами, то все государства более охотно примут на себя обязательства, соответствующие их мощи. Отсутствие Соединенных Штатов Америки, а также в течение долгого периода СССР в числе членов Лиги наций заставило Соединенное

Королевство пересмотреть свои обязательства. По этой же причине малые государства часто не были склонны взять на себя полную ответственность.

5. По той же причине со стороны многих государств проявлялось большое стремление с максимальной точностью определить те случаи, когда органы и члены Лиги наций могли предпринять те или иные действия. Как говорится ниже, эта попытка не достигла цели. Более того, общественное мнение не понимало существовавших тогда сложных мер предосторожности против произвольных действий. Предполагается, что методы действий, воплощенные в Уставе Организации, должны быть простыми и гибкими. Их следует развивать и совершенствовать только с учетом опыта.
6. Существует также мнение, что какая бы процедура ни была принята, только создание определенной системы безопасности, подобно той, которая предложена в меморандуме «С», приведет к выполнению данных обещаний, и государства мира придут к убеждению, что, принимая на себя права и обязанности, вытекающие из принадлежности к организации, они будут избавлены от тех страданий, которым ныне подвергаются.

II. Мирное урегулирование споров

7. Споры между государствами подразделяются на две главные категории: споры, обычно называемые «подлежащие судебному разбирательству», то есть могущие быть разрешенными судебным трибуналом, и споры, при разрешении которых главным образом принимаются во внимание иные соображения.
8. Именно споры второй категории являются наиболее трудно разрешимыми и опасными, причем сюда же относятся и такие споры, юридическая сторона которых представляется вполне ясной. В прошлом государства принимали на себя обязательство не прибегать к разрешению своих споров посредством силы. Однако они не принимали на себя обязательства урегулировать свои споры. Представляется желательным, чтобы государства приняли теперь на себя обязательство «разрешать» свои споры в том смысле, что они не допустят создания угрозы миру и безопасности в результате возникновения этих споров.
9. Споры, подлежащие судебному разбирательству. По-видимому, существует общее согласие относительно того, что споры, подлежащие судебному разбирательству, должны, как правило, разрешаться Постоянной палатой международного правосудия. В своем недавнем докладе неофициальный Межсоюзнический Комитет предложил, чтобы Палата была открыта для всех государств, независимо от того, признают они обязательную юрисдикцию Палаты или нет. Возможно, что международная организация поставит принятие на себя такого обязательства в качестве условия для вступления в ее члены. Однако в этом случае необходимо будет разрешать государствам сделать некоторые оговорки.
10. Различие между признанием обязательной юрисдикции с оговорками и сохранением за собой полной свободы действий имеет, вероятно, скорее психологическое, чем практическое значение, в особенности если Всемирный Совет сможет получить от Палаты консультативное мнение по какому-либо пункту спора, поступившему на рассмотрение Совета.
11. Другие споры. Другие споры, очевидно, следует передавать на рассмотрение Всемирного Совета. Хотя были разработаны другие сложные способы примирения, но едва ли к ним прибегали когда-либо. Их недостаток заключался в том, что рассмотрение спора поручалось лицам, которые не несли ответственности за неудачу в деле сохранения мира. Только в самом Всемирном Совете можно с учетом накопленного опыта установить правила и порядок процедуры.
12. Всемирному Совету должно быть предоставлено право решать, какой метод следует избрать для разрешения конкретного спора. Любое решение подобного рода должно рассматриваться как процедурное, и, следовательно, его следует принимать большинством голосов.
13. Даже в принципиальных вопросах (в отличие от вопросов процедурных) решения могут быть приняты, например, двумя третями голосов Совета, а не на основе единогласия. Во всех подобных случаях, несомненно, четыре державы должны входить в состав большинства. В любом случае голоса сторон, находящихся в споре, не должны приниматься во внимание.

14. Государства едва ли примут на себя обязательства признавать решение Совета во всех случаях. Маловероятно также, что они примут на себя обязательство принудить другие государства к исполнению этого решения во всех случаях. Однако функцией Всемирного Совета и в особенности входящих в него великих держав является все же принятие мер с тем, чтобы споры не угрожали миру и безопасности. Другие государства должны оказывать содействие в пределах своих возможностей достижению этой цели с тем, чтобы имелись широкие возможности для принятия мер по разрешению даже наиболее трудных споров.
15. Как об этом уже говорилось, для поддержания мира и безопасности необходимо найти какой-то способ разрешения всех споров между государствами. Как это часто имеет место во внутренних спорах, «разрешение» в этом смысле показывает, что нет никакой возможности удовлетворить законную жалобу. Но если государства обещают «разрешить» свои споры в соответствии с пунктом 8, то центр тяжести перемещается более в направлении перемены. Статус-кво в достаточной мере гарантируется самим существованием всеобщей системы по поддержанию мира и безопасности. Если спор принимает характер угрозы миру и безопасности, то вопрос о том, какие действия следует предпринять для его урегулирования, должен решить Всемирный Совет (в таких случаях его действия будут в значительной степени зависеть от великих держав).
16. Если в споре участвуют сами великие державы, то такой порядок разрешения споров может оказаться недостаточным; однако можно надеяться, что привычка к совместно-му руководству при разрешении других споров и сдерживающее воздействие обещаний, данных ими друг другу и другим государствам, окажутся достаточными для достижения урегулирования спора даже в тех случаях, когда порядок разрешения представляется недостаточным. Многое будет зависеть от того, достаточное ли число государств, больших или малых, придадут системе сохранения мира такое значение, чтобы быть готовыми пойти на риск и жертвы для ее поддержания и сохранения.
17. В период между двумя войнами многие соглашались с тем, что неопределенная формулировка статьи XIX Устава Лиги наций вряд ли была достаточным признанием факта необходимости осуществления перемен в мире. Когда в 30-е годы стало ясно, что у некоторых стран нет особого желания вести войну для защиты некоторых из границ, установленных мирными договорами, то широко обсуждался процесс, который получил название «мирной перемены». Рассмотрение этой концепции показывает, что «мирной перемены» нельзя достичь путем включения какой-либо статьи в Устав; она может быть достигнута в результате непрерывного процесса дискуссий и компромиссов между великими державами и, в соответствующих случаях, между заинтересованными малыми государствами. Крайне важно, однако, чтобы этот процесс основывался на принятых принципах и установленном порядке; и в связи с этим необходимо, чтобы указанный процесс происходил внутри международной организации.
18. Можно надеяться, что возникающие в настоящее время международные функциональные организации будут способствовать развитию процесса «мирных перемен» организованным путем.

III. Вопрос о гарантиях

19. При рассмотрении этого вопроса следует иметь в виду историю гарантий, содержащихся в Уставе Лиги наций, поскольку она значительно проясняет существо этой проблемы. В статье X Устава члены Лиги наций «принимают на себя обязательство уважать и охранять от внешней агрессии территориальную неприкосновенность и существующую политическую независимость всех членов». Эта формула была впервые выдвинута президентом Вильсоном для Западного полушария и по его предложению получила всеобщее применение. Не было определено, каким образом следует выполнить обязательство, включая указание на то, что Совет должен «дать консультацию» по этому вопросу.
20. Территориальная неприкосновенность. Против предложенной статьи было высказано много возражений, причем главное внимание уделялось вопросу территориальной неприкосновенности. Лорд Сесил предложил отменять гарантию в том случае, когда заинтересованное государство отказывается согласиться с изменением границ, в пользу чего вы-

сказалось значительное большинство членов Лиги наций. Результатом его предложения явилась только неопределенная формулировка статьи XIX Устава. Г-н Лансинг и д-р Миллер были также противниками включения статьи X, хотя последний пришел к убеждению, что вопрос этот не имеет большого значения. Сэр Роберт Борден попытался исключить эту статью до подписания Устава, а канадская делегация возобновила эту попытку на первом заседании Ассамблеи Лиги. В 1923 г. Ассамблеей была принята резолюция, разъяснявшая смысл статьи (впрочем, эта резолюция не имела законной силы, поскольку с ней не согласилась Персия) и указывавшая, что каждое государство имеет право решить, как оно будет выполнять свои обязательства по указанному вопросу; при этом Совет должен был принять во внимание, в случае если бы он дал какое-либо указание, географическое положение и особые условия данного государства.

21. Фактически статья X вряд ли применялась в отношении тех споров, которые рассматривались в Лиге наций. Но на эту статью постоянно ссылались, когда какое-либо государство хотело напомнить другим государствам, что его нынешние границы гарантированы ими. Эта статья постоянно использовалась также критиками Лиги наций как доказательство того, что ее члены навсегда гарантировали границы, изменить которые законным путем они не могли без согласия заинтересованного государства.
22. Гораздо меньшее внимание было уделено этому вопросу в недавних дискуссиях, хотя возможно, конечно, изменение в отношении к этому вопросу, когда появятся договоры, фиксирующие возможные изменения границ. Есть основания, впрочем, думать, что многие государства будут более заинтересованы в создании какой-либо конкретной системы безопасности, способной к немедленному действию, чем в гарантии границ, которые сами по себе едва ли могут предотвратить вторжение на территорию и оккупацию ее вооруженными силами другого государства.
23. Многие другие государства, вероятно, отказались бы признать Организацию, которая обязывала бы их гарантировать территориальную неприкосновенность всех государств.
24. В связи с этим предлагается не включать такого рода гарантию в число обязательств, принимаемых членами Организации.
25. Политическая независимость. Вопрос о политической независимости выдвигает проблемы несколько иного характера. Московская декларация уже положила в основу Организации суверенное равенство всех государств, что означает, что члены Организации сохраняют за собой право на свободу действий, кроме случаев, когда они согласятся по договору ограничить это право. Естественно, что все государства высоко ценят свою политическую независимость, и выдающиеся государственные деятели неоднократно выступали с заявлениями о том, что они намерены уважать независимость других государств.
26. Но обязательство уважать политическую независимость других государств не всегда влечет за собой обязательство гарантировать ее. Кроме того, не так легко точно определить, что такое политическая независимость. Государство может контролировать действия другого государства косвенным путем. Невозможно определить черту, отделяющую такие действия от тех, которые обычно рассматриваются как законное влияние, оказываемое одним государством на действия другого. Возражения против какой-либо гарантии политической независимости сводятся, следовательно, к тому, что такая гарантия может относиться только к внешним и законным формам. Такая гарантия не могла бы распространяться на более косвенные методы.
27. По этой же причине представляется нежелательным включение гарантий политической независимости в число обязательств Организации. Однако следует согласиться с тем, что взаимное уважение политической независимости ее членов является, как это уже указано в части I меморандума «А», одним из основных принципов Организации.
28. Поддержание международного мира и безопасности. Согласно Уставу Лиги наций, государства обязывались применять санкции в отношении другого государства, которое нарушало свое обещание передать спор на мирное разрешение и прибегало к войне. Каждое государство имело право определить, какие действия оно предпримет после того, как Совет (или Ассамблея) объявит, что появились основания для действий. Постоянно выражалось сомнение в том, достаточно ли такого обещания, хотя — насколько слова могут

- гарантировать действия — обещание было дано определенное. Но обязательство предпринимать действия принудительного характера было возложено на членов Лиги наций.
29. Точно так же статьей XI Устава обязанность охранять «мир между нациями» была возложена на Лигу наций. Однако на членов Лиги не было возложено никаких специальных обязательств относительно действий, которые следует предпринять.
 30. Четыре державы уже заявили в статье 4 Московской декларации, что главной целью международной организации является поддержание международного мира и безопасности, а в статье 5, что они будут консультироваться друг с другом и, если обстоятельства этого потребуют, с другими членами Объединенных Наций, в целях предпринять объединенные действия от имени общества наций, пока не будет создана система всеобщей безопасности. По-видимому, именно в этих пределах и следовало бы предоставлять какую-либо гарантию.
 31. Обязанность всеми возможными способами сотрудничать в деле поддержания международного мира и безопасности должна быть возложена на всех членов Организации. Степень такого сотрудничества должна, очевидно, зависеть от географического положения государств, суммы их ресурсов, их внутреннего положения и, вероятно, других факторов, которые невозможно полностью учесть заранее. Однако обязанность сотрудничать всеми возможными способами в какой-либо организации, которая является необходимой для всеобщего мира и безопасности, должна быть возложена на всех членов.
 32. Обязанность поддержания международного мира и безопасности должна быть в первую очередь возложена на Всемирный Совет, действующий от имени всех других членов Организации. Именно Всемирный Совет должен проявлять инициативу в осуществлении обязательств по поддержанию международного мира и безопасности. Однако, как это указывается в пункте 38 меморандума «А», главе Секретариата должно быть дано право представить на рассмотрение Совета любой вопрос, который, по его мнению, угрожает международному миру и безопасности.
 33. Необходимо рассмотреть вопрос о том, следует ли возложить какие-либо специальные обязательства по поддержанию международного мира и безопасности именно на те четыре державы, входящие в постоянную Организацию, которые приняли на себя такое обязательство впредь до учреждения системы всеобщей безопасности.
 34. Если в целях безопасности будут учреждены региональные организации, то часть ответственности могла бы быть возложена в первую очередь на них, но, как это предложено в пункте 18 меморандума «А», не в такой степени, чтобы она противоречила конечной ответственности Всемирного Совета за поддержание мира и безопасности.
- IV. Условия, при которых должны быть предприняты меры по поддержанию мира и безопасности
35. Общеизвестно, что Устав Организации должен содержать некоторые положения о тех условиях, при которых должны быть предприняты меры по поддержанию международного мира и безопасности. Этому вопросу было уделено большое внимание в Уставе Лиги наций и в проектах, направленных на его усовершенствование.
 36. В соответствии с Уставом Лиги наций санкции, предусмотренные статьей XVI, вступали в силу лишь в том случае, если имело место обращение к войне после того, как член Лиги нарушал обязательства, содержащиеся в статьях XII–XIV. Даже в этом случае каждое государство всегда само решало вопрос о том, возник ли «*casus foederis*»¹.
 37. Статья X предоставляла гарантии только против «внешней агрессии». Именно эта статья ввела в Устав неудачное слово «агрессия», ставшее предметом столь многих дебатов в Женеве. Но чем более дискутировалось это слово, тем труднее становилось точно определить его значение. Определению агрессии придавалось большое значение, так как считалось, что оно могло бы повлиять на право Совета рекомендовать применение санкций. Наиболее значительным вкладом в дискуссию было предложение определять агрессию как согласие или отказ от применения арбитража или другого мирного метода разрешения споров. Однако это предложение не охватывало подготовки к агрессии. Не учитывался также в достаточной мере элемент времени. Более того, обсуждение и анализ понятия «агрессия» дали возможность государствам прибегнуть к процедуре, рассчитанной на подрыв целей Устава. Иллюстрацией этого явился факт нападения Японии на Китай в Маньчжурии.

38. В статье XI Устава санкции не упоминаются, а обязательства Совета определяются в весьма общих выражениях. Эти обязательства можно было бы толковать как предоставляющие право принять решительные меры. Однако в свете других статей трудно было найти в них какое-либо правовое основание применять силу против того или иного государства. На практике целый ряд опасных ситуаций, возникших в отношениях между малыми государствами, был успешно урегулирован в соответствии со статьей XI, и постепенно была разработана процедура, которая предусматривала такие мероприятия, как создание следственных комиссий и образование нейтральных зон.
39. В протоколе 1924 г. была осуществлена попытка сделать санкции «автоматическими», путем выработки системы правил. Однако обсуждения показали, что такой путь невозможен. Применение санкций зависит от воли правительств и народов, и они не могут проводиться автоматически.
40. Как было указано выше, одним из способов установления наличия агрессии является согласие или несогласие на какой-либо метод разрешения спора. Однако согласие может быть всего лишь средством оттяжки, в то время как осуществляется подготовка к агрессии (так было в случае нападения Италии на Абиссинию) или имеет место сама агрессия (как в случае нападения Японии на Китай). Можно утверждать, что в обоих этих случаях непринятие эффективных мер было вызвано не каким-либо недостатком, содержащимся в статьях Устава, но отсутствием желания со стороны других государств, в частности заинтересованных великих держав, решиться на войну против нарушающего Устав государства. Однако верно и то, что Япония смогла воспользоваться правом вето в соответствии со статьей XI для того, чтобы воспрепятствовать проведению необходимого расследования. Верно также то, что, исходя из Устава Лиги наций, трудно было юридически обосновать применение превентивных действий против Италии, прежде чем она осуществила нападение. В соответствии с Локарнскими договорами, подписавшие их государства в случае «явной агрессии» могли действовать, не обращаясь за разрешением к Лиге наций; они не могли, однако, предпринимать превентивные шаги. Если бы вопрос о перевооружении Германии был передан на рассмотрение Совета, то нелегко было бы определить, какие санкции, в соответствии с Уставом, могли быть приняты против нее.
41. В действительности в отношении тех случаев, которыми занималась Лига наций, никогда не было никакого сомнения в том, кто является агрессором, хотя иногда такие сомнения возникали в отношении характера провоцирования агрессии. Правда, государства соотнобили свои действия и процедуру с формулировками и решениями (Ассамблеи Лиги наций), принятыми в Женеве, а позднее с Парижским пактом. Во всяком случае, действительные намерения и мотивы агрессивных государств не являлись тайной для правительств других членов Лиги наций или для общественного мнения. Дискуссии в Совете и в Ассамблее определяли их с достаточной ясностью.
42. Этот опыт подсказывает, что слишком четкое определение оснований для проведения мероприятий может с одинаковой вероятностью как затруднить, так и облегчить поддержание мира и безопасности. Если Всемирный Совет будет уполномочен действовать с этой целью, он сам сможет выработать необходимую процедуру с учетом опыта. При таких обстоятельствах легче будет также передавать вопрос региональным объединениям, если таковые будут созданы и могут быть использованы для этой цели.
43. В то же время принципы и цели, которыми должны руководствоваться в своих действиях члены, будут изложены в преамбуле документа, учреждающего организацию. Как было предложено в части I меморандума «А», эти принципы и цели должны включать не только поддержание мира и безопасности, но и уважение «суверенного равенства» и «политической независимости» членов Организации. Если таким образом будет установлено, что Всемирный Совет будет действовать только в соответствии с этими принципами и целями, то тем самым исключаются его действия в других целях. Предполагается, что эта гарантия послужит не меньшей защитой государств от произвольных действий Всемирного Совета, чем тщательно сформулированное определение его полномочий; и Всемирный Совет будет более свободен в своих действиях в деле защиты государств от насилия.

V. Выводы

44. По вопросу о мирном разрешении споров.
 - I) Все государства должны дать обещание разрешать свои споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать опасности международный мир и безопасность.
 - II) Споры, подлежащие судебному разбирательству, должны, как правило, разрешаться Постоянной палатой международного правосудия.
 - III) Другие споры должны передаваться во Всемирный Совет для их обсуждения и урегулирования в примирительном порядке. Совет должен быть уполномочен определять ту процедуру, которая должна применяться без согласия участвующих в споре сторон.
45. По вопросу о гарантиях.
 - I) Все члены должны обязаться содействовать, в пределах имеющихся у них возможностей, поддержанию международного мира и безопасности. Всемирный Совет должен брать на себя инициативу для достижения этой цели.
 - II) Не следует давать каких-либо гарантий территориальной неприкосновенности членов Организации.
 - III) Не следует давать каких-либо гарантий в отношении политической независимости членов Организации. Однако уважение ее должно рассматриваться как один из принципов Организации.
46. По вопросу об условиях, при которых должны быть предприняты меры по поддержанию мира и безопасности.
 Не следует предпринимать попытку заранее выработать четкое определение случаев, при которых должны быть предприняты такие меры. Однако члены Организации и Всемирный Совет должны быть лишь уполномочены предпринимать меры в соответствии с принципами и целями Организации.

МЕМОРАНДУМ «С» БЕЗОПАСНОСТЬ — ВОЕННЫЙ АСПЕКТ ЛЮБОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение

1. Московская декларация по вопросу о всеобщей безопасности предусматривает создание в возможно кратчайший срок международной организации, на которую возлагается задача поддержания международного мира и безопасности. Эта организация должна быть основана на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, и членами ее могут быть все такие государства.
2. В настоящем документе предпринимается попытка наметить общие черты, на основе которых можно попытаться после окончания настоящей войны учредить Организацию международной безопасности. Предложения, однако, касаются формы, какую могла бы в конце концов принять постоянная организация безопасности, и не касаются промежуточного периода. В течение этого последнего периода, очевидно, должны быть проведены некоторые временные мероприятия, однако они, несомненно, будут затронуты, если будет достигнуто какое-либо общее соглашение относительно будущей формы постоянной организации.

Общие соображения

A. Характер Организации

3. Предлагаемая всемирная организация, независимо от своей формы, несомненно, потерпит неудачу, если:
 - a) Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, СССР и Китай не будут продолжать искренне сотрудничать в ее поддержке.
 - b) Правительства и народы этих держав, по крайней мере, не сохраняют намерения обеспечить мир.
 - c) Организация не будет простой, ее цели не будут четкими, а механизм ее не будет таким, к какому уже привыкли государства-члены.

B. Цели

4. Цели Организации:
 - a) Разоружить Германию и Японию.

- b) Держать их разоруженными.
- c) Не допустить, чтобы они или какой-либо другой агрессор вновь нарушили мир во всем мире.

C. Средства

- 5. Предлагаемая Организация будет опираться в основном на совместные вооруженные силы Объединенных Наций и особенно на силы четырех держав, совместно стремящихся к достижению общей цели. Большинство заинтересованных государств уже привыкли к такой системе.
- 6. Экономические меры для сдерживания потенциальных агрессоров также могут быть использованы, но если эти меры не будут подкрепляться силой или эффективной угрозой ее применения, то маловероятно, что они окажутся достаточными для сдерживания государства, которое само готово прибегнуть к силе.

D. Идея международных полицейских сил

- 7. В некоторых кругах утверждают, что координация вооруженных сил наилучшим образом могла бы полностью осуществляться посредством международных полицейских сил. Каковы бы ни были их достоинства с теоретической точки зрения, это требует более широкого международного сотрудничества, нежели то, на которое государства готовы пойти в настоящее время, поскольку наличие их подразумевает существование всемирного государства. Практические вопросы размера, состава, содержания, размещения и командования вызовут споры, по которым было бы почти невозможно достичь международной договоренности.
- 8. Мы делаем вывод, что еще не пришло время для создания таких международных сил.

Предложения

A. Высшая военная организация.

- 9. Предлагаемая всемирная организация подразумевает существование органа типа Всемирного Совета. Этот Совет будет нуждаться в консультациях по военным вопросам, и эти консультации должны будут даваться государствами не каждым в отдельности, а согласованно. Кроме «стратегической» стороны этой деятельности, как, например, подготовки планов для оказания сопротивления потенциальной агрессии, имеется ряд общих вопросов, как то: регулирование вооружений, по которым требуется совместная военная консультация.
- 10. Если высшая военная организация должна будет давать консультации Всемирному Совету и создать механизм, с помощью которого будут заранее разрабатываться планы и координироваться усилия вооруженных сил государств-членов, то из этого следует, что она должна являться частью Всемирного Совета и получать от него указания.
- 11. Таким образом, становится очевидной необходимость создания Военного Штабного Комитета, обслуживающего Всемирный Совет.

B. Состав Военного Штабного Комитета.

- 12. Поскольку в течение еще многих лет четыре державы должны будут играть доминирующую роль в обеспечении всеобщего мира, постоянными членами этого Комитета должны быть военные представители этих держав. Однако в деле предоставления вооруженных сил, баз, тоннажа и других средств обслуживания необходимо сотрудничество других держав, кроме указанных четырех держав; и эти государства будут рассчитывать на предоставление им права голоса в соответствии с их обязательствами. Следовательно, эти государства должны будут в той или иной форме участвовать в работе Военного Штабного Комитета. Форма, которую это участие должно принять, порождает трудные вопросы; в значительной степени она должна зависеть от формы, которую примет сам Всемирный Совет. При рассмотрении отдельных вопросов безопасности для начала Комитет мог бы быть усилен путем ввода в его состав военных представителей государств, особо заинтересованных в обсуждаемом вопросе.
- 13. Важно, чтобы члены Всемирного Совета получали советы по военным вопросам только из одного источника. Поэтому необходимо, чтобы члены Военного Штабного Комитета являлись высшими военными властями в своих собственных странах или были их представителями.

- С. Функции Военного Штабного Комитета.
14. Первой обязанностью Комитета будет подготовка и обновление планов для предотвращения какой-либо новой агрессии со стороны Германии или Японии или со стороны любого другого государства, у которого могли бы в какое-либо время проявиться агрессивные намерения. Комитет будет также нести ответственность за любую необходимую координацию национальных вооруженных сил государств-членов.
- D. Вооруженные силы, находящиеся в распоряжении Всемирного Совета.
15. В целях принятия мер против агрессии большого масштаба предполагается, что в случае необходимости будут полностью использованы ресурсы всех государств-членов. В целях принятия мер в отношении менее значительных инцидентов одним из обязательств, которое должны принять на себя государства-члены, будет выделение какого-то количества их национальных вооруженных сил или других ресурсов в распоряжение Совета. Всемирный Совет по согласованию с Военным Штабным Комитетом должен будет решать:
 - I) какой должен быть размер и состав этих квот для отдельных государств;
 - II) какие именно вооруженные силы в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств должны быть призваны для их устранения.
 16. Одно только существование национальных вооруженных сил и возможность их использования при чрезвычайных обстоятельствах, однако, не будет само по себе достаточным для обеспечения поддержания безопасности, даже если планы их использования будут заранее составлены Военным Штабным Комитетом. Сотрудничество этих вооруженных сил в мирное время весьма необходимо, чтобы при чрезвычайных обстоятельствах оно проходило без трений и было эффективным. В связи с этим трудно преувеличить психологический эффект постоянного сотрудничества.
- E. Сотрудничество между вооруженными силами различных государств.
17. В мирное время развитию сотрудничества можно лучше всего способствовать:
 - a) путем совместного размещения войск или оккупации некоторых районов и
 - b) путем совершения совместного плавания, полетов и других совместных маневров.
 Метод, при помощи которого должны достигаться эти цели, потребует детального изучения, и для совместного размещения войск или оккупации, для совместных маневров и совместного доступа в порты и на аэродромы должны быть получены необходимые права и средства путем соглашения между государствами-членами и, где необходимо, путем включения конкретных положений в мирные договоры с бывшими вражескими государствами.

Районы

18. Широкой поддержкой пользуется предложение о том, чтобы для целей системы международной безопасности мир был разделен на определенные районы, в каждом из которых будут находиться вооруженные силы, которые под верховным контролем Всемирного Совета будут нести ответственность за предотвращение агрессии в этом районе. Высказывалось мнение, что такое мероприятие ограничит военные обязательства малых государств и увеличит эффективность и оперативность.
19. С военной точки зрения имеются некоторые возражения против всемирной организации, построенной на основе отдельных районов. Эти возражения могут быть сформулированы следующим образом:
 - a) Невозможно установить границу района так, чтобы все военные операции, которые государства-члены этого района, возможно, должны будут предпринять, ограничивались этим районом.
 - b) Если бы была сделана попытка определить существующие границы района, то государства, расположенные по периметру этого района, неизбежно составили бы часть соседнего географического района. Таким образом, граничащие районы в значительной степени перекрывали бы друг друга.
 - c) Мероприятия некоторых держав по обороне основаны в первую очередь на морской и воздушной мощи и не могут быть сами подвергнуты разделению по регионам.
 Преимущества региональной организации суммарно могут быть изложены следующим образом:

- a) Главным достоинством региональной политической организации является то, что она обеспечила бы малым нациям более непосредственную заинтересованность в вопросах безопасности и тем самым способствовала бы их сотрудничеству в проведении мероприятий по безопасности, сокращая таким образом бремя, лежащее на четырех державах.
 - b) Региональная организация могла бы повысить эффективность и оперативность как политической, так и военной акций, предпринимаемых государствами-членами данного района.
 - c) Региональная организация через приданный ей военный штаб облегчила бы военное сотрудничество между заинтересованными государствами.
20. Аргументом в пользу предложений, содержащихся в данном документе, является то, что предлагаемая военная организация не зависит от существования региональных политических советов, и тем не менее она могла бы быть приспособлена к региональной системе в случае, если последняя оказалась бы желательной по политическим соображениям. В этом случае Военный Штабной Комитет служил бы целям координации действий военных штабов, приданных региональным организациям.

Выводы

21. Наши выводы поэтому следующие:

- a) При существующих обстоятельствах невозможно создать какие-либо действительно международные полицейские силы.
- b) Успех любой международной организации безопасности зависит от искреннего сотрудничества главных государств-членов и от их решимости использовать силу для предотвращения агрессии.
- c) Целью любой всемирной организации безопасности в первую очередь должно быть предотвращение новой агрессии со стороны Германии и Японии.
- d) Вооруженные силы для поддержки Всемирного Совета должны быть предоставлены государствами-членами в его распоряжение, таким образом, в соответствии с пунктом 15.
- e) Военные консультации и указания будут даваться Всемирному Совету, который может быть учрежден военным штабом, состоящим из верховных военных властей соответствующих государств-членов или их представителей.
- f) Национальные вооруженные силы, объединенные для вышеизложенной цели, в мирное время должны совместно проводить интенсивную военную подготовку.
- g) При разделении мира в целях безопасности на определенные географические районы возникли бы трудности военного характера. Но если бы были учреждены региональные политические советы как часть какой-либо всемирной организации, то они должны были бы иметь военные консультативные штабы, что могло бы облегчить местное сотрудничество.

Примечание: Следует отметить, что отличие предлагаемой выше системы от системы, которая существовала до настоящей войны, заключается в основном в следующем:

- a) Учреждение эффективного Военного Штабного Комитета при Всемирном Совете, уполномоченного разрабатывать планы и координировать действия национальных вооруженных сил до возникновения любых чрезвычайных обстоятельств, которые могут потребовать действий с их стороны.
- b) Размещение в определенных районах войск, состоящих из объединенных подразделений национальных вооруженных сил.
- c) Совместное обучение и маневры национальных вооруженных сил в мирное время с использованием выделенных для этой цели морских портов и аэродромов.

МЕМОРАНДУМ «D» КООРДИНАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО АППАРАТА

1. Неизбежно будет создан в качестве части постоянной международной системы ряд специализированных международных органов, занимающихся экономическими и социальными

- вопросами. Вопрос о некоторых из этих органов уже был рассмотрен довольно подробно, например, вопрос о постоянной организации по продовольствию и сельскому хозяйству. Другие находятся на более ранней стадии создания. При Лиге наций уже существуют технические организации, например, такие, которые занимаются здравоохранением, борьбой с торговлей наркотиками, вопросами транспорта и пр.
2. Необходимо будет предусмотреть:
 - а) координирование деятельности этих органов в той части, которая касается их технической стороны,
 - б) связь их с всемирной организацией.
 3. Очевидными методами, посредством которых можно будет достичь этих целей, являются переговоры как между самими специализированными организациями, так и дискуссии во всемирной организации, а также при помощи экономического и социального секретариата при Всемирном Совете.
 4. Несомненно, между самими специализированными органами будет установлена какая-то форма консультации с тем, чтобы можно было направлять их деятельность к достижению общей цели. Этой координации будет способствовать существование экономического и социального секретариата при Всемирном Совете. Специализированные международные органы должны также посылать отчеты всемирной организации и своим членам. Эти отчеты могут рассматриваться и обсуждаться во всемирной организации в той степени, в какой это будет желательно для того, чтобы способствовать сотрудничеству между специализированными органами и поддержанию международного мира и безопасности.
 5. Этим переговорам будет способствовать существование экономического и социального секретариата при Всемирном Совете. В результате для рассмотрения экономических и социальных вопросов может быть создан аппарат, аналогичный тому, который (см. меморандум «А», пункт 38), как мы надеемся, будет создан для рассмотрения политических вопросов.

МЕМОРАНДУМ «Е»

МЕТОД И ПРОЦЕДУРА УЧРЕЖДЕНИЯ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Можно надеяться, что в результате обмена меморандумами и предварительных переговоров между четырьмя державами будет достигнуто соглашение по значительному кругу вопросов. В связи с этим возникает вопрос, каким образом будет зафиксировано такое соглашение, в какой форме оно должно быть представлено на утверждение четырем правительствам и как и когда можно будет ознакомиться с мнениями других Объединенных Наций.
2. В статье 4 Московской декларации четыре державы признали необходимость учреждения международной организации «в возможно короткий срок», и они связали себя обязательством предпринимать все усилия для того, чтобы его выполнить.
3. Кроме того, если между Объединенными Нациями можно будет достичь соглашения в отношении определенного плана поддержания международного мира и безопасности, это породит новые надежды в мире, которые могут значительно облегчить болезненный процесс восстановления. Реакция общественного мнения на Московскую декларацию свидетельствует о том, насколько весь мир желает получить какую-либо гарантию того, что такой план готов для принятия.
4. По-видимому, предпочтительно достичь в кратчайший срок соглашения по существенным вопросам постоянной международной организации, оставив на последующий этап более детальную разработку ее отдельных частей.
5. Если будет решено создать какие-либо региональные объединения в какой-либо части света, то легче будет оформить их в соответствии с общим планом после того, как будет определена схема всемирной организации.
6. Кроме того, существование такого соглашения облегчит переговоры по созданию специализированных и технических органов. Это даст также возможность реорганизовать те части временного аппарата, созданного сразу после войны, которые желательно включить в постоянную организацию.
7. В Московской декларации четыре державы приняли на себя ответственность за поддержание мира и безопасности впредь до установления всеобщей системы безопасности. Эта ответственность, вероятно, будет менее обременительной, если другие Объединенные Нации и,

возможно, ныне нейтральные государства присоединятся с этой целью к четырем державам в ближайшее время. Таким образом, новая постоянная организация быстро станет реально-стью и займет надлежащее место в новом всемирном сообществе.

8. Кроме того, если форма и характер новой постоянной организации уже известны, легче будет заключать мирные договоры. Легче будет найти решения трудных вопросов, и менее вероятным станет принятие тех решений, которые не совместимы с положениями постоянной организации.
9. Поэтому предлагается, чтобы целью предварительных переговоров в Вашингтоне было достижение такого соглашения, которое может быть передано четырем правительствам в форме проекта декларации, аналогичной той, которая подписана в Москве, но содержащей в некоторых из пунктов более подробное описание целей и принципов постоянной международной организации и аппарата, который имеется в виду создать для их осуществления.
10. Может оказаться необходимым исключить из проекта декларации много важных деталей, например, конкретные методы, при помощи которых будут избираться члены Всемирного Совета, а также их число. Решение о некоторых из этих пунктов можно, вероятно, предоставить самой новой организации. Но можно надеяться на достижение соглашения в отношении того, какие политические органы будут созданы, например, Всемирная Ассамблея, Всемирный Совет и Всемирный Суд; в отношении принципов, на основе которых будут предприниматься акции для мирного разрешения споров и поддержания международного мира и безопасности; в отношении необходимости достижения договоренности о каком-либо постоянном методе, при помощи которого можно координировать вооруженные силы, необходимые для поддержания международного мира и безопасности; и в отношении принципов, которыми будут определяться взаимоотношения специализированных организаций друг с другом и со Всемирным Советом и Всемирной Ассамблеей.
11. Затем правительства четырех держав решат, в какой степени они могут одобрить проект декларации, и может оказаться необходимым осуществить более официальный обмен мнениями между ними с этой целью.
12. Если, таким образом, будет достигнуто соглашение, то необходимо будет передать его на рассмотрение другим Объединенным Нациям и немедленно после этого опубликовать его. После соответствующего промежутка времени следует пригласить Объединенные Нации на конференцию, где эта декларация с поправками, которые будут признаны желательными, будет принята окончательно.
13. Затем можно было бы создать орган для разработки более детального документа в форме конвенции или договора в духе декларации. Начало существованию постоянной организации положило бы именно вступление в силу этого документа после обычной процедуры, необходимой для его ратификации. Определение точной даты, когда этот документ вступил бы в силу, вполне можно было бы предоставить на усмотрение четырех держав, которые несут особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности в промежуточный период.
14. Этот способ обладал бы тем преимуществом, что, хотя начало существованию постоянной организации может быть, конечно, положено лишь в том случае, если имеется полное согласие заинтересованных правительств после того, как они проконсультировались с народами, представляемыми ими, вопрос о ее форме и характере будет в значительной степени решен в результате принятия декларации. Многие из правительств Объединенных Наций могут счесть невозможным подписание договора на этой стадии. Некоторые из них могут не пережить переходного периода от войны к миру, но многие могут зарегистрировать свое согласие с декларацией вышеописанного характера и таким образом подготовить для себя или для своих приемников путь к участию в подготовке подписания окончательного документа.

Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 — 1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. — Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. — 28 сент. 1944 г.). М.: Политиздат, 1984, с. 68–93.

Меморандум правительства СССР о Международной организации безопасности 12 августа 1944 г.

Новая Международная организация безопасности должна быть основана на принципе, как это было выражено в Декларации Московской конференции о всеобщей безопасности, «суверенного равенства всех миролюбивых государств», на принципе, признающем, что «членами этой организации могут быть все миролюбивые государства — большие и малые». Задачей новой Международной организации безопасности должно явиться проведение мер, направленных на предотвращение агрессии и сохранение мира, а также на подавление агрессии. Такая международная организация может выполнить свою задачу, если при установлении ее организационных форм, ее полномочий, условий и методов ее деятельности государства — члены этой организации, в первую очередь государства — инициаторы создания этой организации, будут исходить из необходимости эффективного сотрудничества в деле осуществления мер, способных обеспечить безопасность миролюбивых народов.

Проблема создания организации безопасности вызывает много разнообразных вопросов принципиального и организационного характера. Представляется, однако, нецелесообразным на первой стадии переговоров между представителями СССР, США и Великобритании приступать одновременно к обсуждению всех этих вопросов и, наоборот, представляется более целесообразным ограничиться обсуждением лишь наиболее важных вопросов и принципов, которые должны быть положены в основу этой организации.

К числу таких вопросов надлежит отнести следующие вопросы: а) цели и задачи организации; б) состав организации; в) основные органы — Общее Собрание, Совет, Международный Суд, Генеральный Секретариат (их компетенция, функции и обязанности); д) средства предотвращения агрессии и средства подавления агрессии.

В настоящем меморандуме изложены предложения Советского правительства в области вышеперечисленных вопросов. После достижения соглашения по этим основным вопросам следует перейти к разработке самого Устава Международной организации безопасности.

Вопрос о региональных организациях подлежит дальнейшему изучению.

Советское правительство видит также большую пользу и придает серьезное значение сотрудничеству между народами в области экономической, социальной, технической и других областях. Для такого рода деятельности, по мнению Советского правительства, может быть создана отдельная международная организация, не связанная с Международной организацией безопасности, или несколько организаций, охватывающих различные области международного сотрудничества. Такие организации могли бы действовать отдельно от организации международной безопасности, посвятившей себя всецело интересам охраны всеобщего мира и безопасности народов. Поэтому в настоящем меморандуме не затрагиваются вопросы, выходящие за пределы международной безопасности и сохранения мира. К обсуждению и разработке таких вопросов можно будет приступить впоследствии, когда это будет признано необходимым.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

I. Цели организации

Основными целями организации являются:

1. Поддержание всеобщего мира и безопасности и принятие с этой целью коллективных мер для предотвращения агрессии и организации подавления осуществляемой агрессии.
2. Разрешение и устранение мирными способами международных конфликтов, могущих привести к нарушению мира.
3. Принятие всяких иных мер, имеющих отношение к укреплению всеобщего мира и развитию дружественных отношений между нациями.

Примечание: Признается желательным создание отдельной международной организации, не связанной с Международной организацией безопасности, или нескольких организаций для осуществления международного сотрудничества в области экономической, торговой, финансовой, технической, социальной, здравоохранения и по другим гуманитарным делам.

II. Состав организации

1. Инициаторами и первоначальными участниками организации являются Объединенные Нации, т. е. государства, подписавшие Декларацию от 1 января 1942 г. и присоединившиеся к ней.
2. Прием в члены организации других миролюбивых государств будет осуществляться в индивидуальном порядке, после принятия статута организации и в соответствии с установленными статутом правилами.

III. Основные органы

1. Общее Собрание.
2. Совет.
3. Международный Суд.
4. Генеральный Секретариат.

IV. Общее Собрание

1. Общее Собрание состоит из представителей всех государств — членов организации.
2. Общее Собрание устанавливает общие принципы международного сотрудничества в вопросах безопасности и сохранения мира.
3. Общее Собрание рассматривает все вопросы, касающиеся международной безопасности, внесенные Советом по своей инициативе или по предложению членов организации, причем такие предложения передаются на рассмотрение Совета, когда требуется применение мер, относящихся к компетенции Совета.
4. Общее Собрание рассматривает вопросы разоружения и сокращения вооружений.
5. Общее Собрание заслушивает и рассматривает ежегодно отчеты Совета и высказывает по ним свои суждения.
6. Общее Собрание решает вопросы о приеме и исключении членов организации по рекомендации Совета.
7. Общее Собрание рассматривает вопросы о поправках и изменениях в статуте организации или о расширении ее деятельности.
8. Общее Собрание устанавливает схему распределения расходов между членами и утверждает ежегодные бюджеты организации.
9. Общее Собрание выбирает своего председателя для каждой сессии и устанавливает процедуру работы.
10. Постановления Общего Собрания принимаются большинством в две трети голосов, за исключением категорий вопросов, для которых может быть предусмотрен иной принцип голосования. Решения организационного характера принимаются простым большинством голосов.

V. Совет

1. Совет состоит из представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Китая, а в будущем и Франции — в качестве постоянных членов и некоторого ограниченного числа представителей государств-членов, избираемых Общим Собранием на срок, определяемый Уставом.
2. На Совет, в соответствии с предоставляемыми ему полномочиями и имеющимися у него возможностями принимать срочные решения, возлагается главная ответственность за обеспечение всеобщего мира и безопасности народов. В соответствии с этим Совет уполномочивается действовать в необходимых случаях от имени всей международной организации, и решения Совета обязательны для всех государств — членов организации.
3. Совету предоставляется право принимать все необходимые предусмотренные Уставом меры для урегулирования любых возникающих между государствами споров и конфликтов. Совет устанавливает существование угрозы миру и решает, какие действия должны быть предприняты или рекомендованы для поддержания или восстановления мира.
4. Совет в случае необходимости обеспечивает применение вооруженной силы для поддержания безопасности и мира, используя для этого вооруженные силы, предоставляемые в его распоряжение государствами — членами организации на основе особого соглашения. Планирование любого применения вооруженных сил будет осуществляться Советом при помощи Военного Комитета, учреждаемого для этой цели из представителей государств — членов Совета. Вопрос о командовании указанными вооруженными силами должен быть специально разработан.

5. Совет подвергает предварительному рассмотрению все вопросы, относящиеся к обеспечению всеобщего мира и безопасности, подлежащие включению в повестку дня общих собраний.
 6. Решения Совета по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, принимаются большинством голосов, при условии согласия всех постоянных представителей в Совете. Решения организационного характера принимаются простым большинством голосов.
- VI. Международный Суд
Будет учрежден Международный Суд, который должен действовать на основе особого статута.
- VII. Генеральный Секретариат
Международная организация безопасности имеет Генеральный Секретариат, возглавляемый генеральным секретарем, избираемым Общим Собранием по представлению Совета.
- VIII. Средства предотвращения агрессии и средства подавления агрессии
1. Средствами предотвращения агрессии и борьбы с ней являются:
 - a) Обращение Совета к спорящим сторонам с призывом о мирном урегулировании возникшего между ними спора или конфликта.
 - b) Обращение Совета к спорящим сторонам с предупреждением о возможности применения к ним других мер воздействия, предусмотренных Уставом.
 - c) Применение мер экономического воздействия к спорящим сторонам некоторыми или всеми государствами — членами организации.
 - d) Разрыв всеми членами организации дипломатических отношений с агрессором.
 - e) Разрыв с агрессором торговых, финансовых и иных экономических отношений, а также прекращение почтово-телеграфной, железнодорожной и авиационной связи.
 - f) Предоставление государствами-членами, не имеющими достаточных вооруженных сил, территорий для организации баз, имеющих важное стратегическое значение для проведения военных операций против агрессора.
 - g) Морская и сухопутная блокада.
 - h) Военно-морские и военно-воздушные демонстрации.
 - i) Воздушные налеты на определенные военные объекты государства-агрессора.
 - j) Военные действия членов организации против агрессора.
 2. Указанные выше средства предотвращения агрессии и подавления агрессии применяются некоторыми или всеми государствами — членами организации.
 3. В целях осуществления некоторых срочных военных мероприятий при организации создается международный военно-воздушный корпус, силы которого устанавливаются Советом с помощью специально созданной для этого Комиссии военных экспертов. Члены организации участвуют в этом корпусе своими национальными военно-воздушными силами, размеры которых для каждого участника определяются организацией.

Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 — 1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. — Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. — 28 сент. 1944 г.). М.: Политиздат, 1984, с. 95–100.

Совместное коммюнике представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства 29 сентября 1944 г.

Как уже сообщалось, с 21 августа в Думбартон-Оксе (Вашингтон) происходили предварительные неофициальные переговоры по основным вопросам учреждения международной организации для поддержания мира и безопасности. В переговорах участвовали: делегация Советского Союза во главе с советским послом в США А. А. Громыко, делегация Соединенных Штатов Америки во главе с заместителем государственного секретаря г. Стеттиниусом и делегация Великобритании во главе с заместителем министра иностранных дел г. Кадоганом.

Председатели трех делегаций опубликовали 29 сентября следующее коммюнике:

«Состоявшиеся в Вашингтоне переговоры между делегациями Советского Союза, Соединенных Штатов и Соединенного Королевства по вопросу Международной организации безопасности закончились.

Переговоры были полезны и привели в большой степени к соглашению о рекомендациях по вопросу общего плана организации и, в частности, в отношении механизма, необходимого для поддержания мира и безопасности.

Три делегации направляют доклады своим соответствующим правительствам, которые рассмотрят эти доклады и, в надлежащее время, выступят с одновременными заявлениями по данному вопросу».

Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 — 1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. — Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг.— 28 сент. 1944 г.). М.: Политиздат, 1984, с. 212–213.

Сравнительная таблица предложений по выработке Устава ООН

I Предложения, выработанные в Думбартон-Оксе	II Поправки четырех приглашающих держав — СССР, США, Великобритании и Китая — к тексту, принятому в Думбартон-Оксе	III Устав Организации Объединенных Наций
<p>Создается международная организация под названием «Объединенные Нации», положения Статута которой должны содержать ниже следующие предложения:</p>	<p>(П р и м е ч а н и е. В поправках добавляемые слова в тексте выделены курсивом, а исключаемые — взяты в скобки).</p>	<p>Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей. Согласно этому наши соответственные правительства через представителей, собравшихся в городе Сан-Франциско, предъявивших свои полномочия, найденные в надлежащей форме, согласились принять настоящий Устав Организации Объединенных Наций и настоящим учреждают международную организацию под названием «Объединенные Нации».</p>

I Глава I ЦЕЛИ	II Глава I ЦЕЛИ	III Глава I ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ
<p>Целями организации являются:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Поддержание международного мира и безопасности и принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, и подавления актов агрессии или других нарушений мира, и обеспечение мирными средствами урегулирования или улаживания международных споров, которые могут привести к нарушению мира. 2. Развитие дружественных отношений между нациями и принятие иных соответствующих мер для укрепления всеобщего мира. 3. Осуществление международного сотрудничества в разрешении международных экономических, социальных и других гуманитарных проблем; и 4. Быть центром для согласования действий наций в деле достижения этих общих целей. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поддержание международного мира и безопасности, принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, и подавления актов агрессии или других нарушений мира, и обеспечение мирными средствами, в соответствии с принципами справедливости и международного права, урегулирования или улаживания международных споров, которые могут привести к нарушению мира. 2. Развитие дружественных отношений между нациями, основанное на уважении к принципу равноправия и самоопределения народов, и принятие надлежащих мер для укрепления всеобщего мира. 3. Осуществление международного сотрудничества в разрешении международных экономических, социальных, культурных и других гуманитарных проблем и содействие развитию и поощрению уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, языка, религии и пола. 	<p>Статья 1</p> <p>Организация Объединенных Наций преследует цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира. 2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира. 3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, и 4. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.
Глава II ПРИНЦИПЫ	Глава II ПРИНЦИПЫ	Статья 2
<p>Для достижения целей, указанных в главе I, Организация и ее члены должны действовать в соответствии со следующими принципами:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств. 2. Все члены Организации обязуются выполнять взятые ими на себя, в соответствии со Статутом Организации, обязательства для того, чтобы обеспечить за всеми ими права и преимущества, вытекающие из членства в Организации. 3. Все члены Организации будут разрешать свои споры мирными средствами таким образом, чтобы не создавалось угрозы международному миру и безопасности. 4. Все члены Организации будут воздерживаться в их международных 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех (миролюбивых государств) своих членов. 3. Все члены Организации будут разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не создавалось угрозы международному миру и безопасности. <p>Добавить новую статью после ст. 6 взамен ст. 7 раздела А главы VIII, каковую исключить:</p> <p>В настоящем Уставе не содержится никаких постановлений, уполномочивающих Организацию на вмешательство в дела, которые по своему существу принадлежат к внутренней компетенции соответствующего государства, или обязывающих</p>	<p>Для достижения целей, указанных в статье 1, Организация и ее члены действуют в соответствии со следующими принципами:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов. 2. Все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов Организации. 3. Все члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами, таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость.

I	II	III
<p>отношениях от того, чтобы угрожать силой или использовать силу каким-либо образом, не совместимым с целями Организации.</p> <p>5. Все члены Организации будут оказывать Организации всемерную помощь в любом действии, принятом Организацией в соответствии с положениями Статута.</p> <p>6. Все члены Организации будут воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого Организацией предприняты действия превентивного или принудительного характера.</p> <p>Организация обеспечит, чтобы государства — не члены Организации действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может быть необходимо для поддержания международного мира и безопасности.</p>	<p>членов представлять такие дела на решение по настоящему Уставу; однако, этот принцип не должен послужить в ущерб применению раздела В главы VIII.</p>	<p>4. Все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Объединенных Наций.</p> <p>5. Все члены Организации Объединенных Наций оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организация Объединенных Наций предпринимает действия превентивного или принудительного характера.</p> <p>6. Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности.</p> <p>7. Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII.</p>

<p>Глава III</p> <p>ЧЛЕНСТВО</p>	<p>Глава II</p> <p>ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ</p>
<p>1. Членами Организации могут быть все миролюбивые государства.</p> <p>Глава V</p> <p>Раздел B</p> <p>2. Генеральная Ассамблея уполномочивается принимать в Организацию новых членов по рекомендации Совета Безопасности.</p> <p>3. Генеральная Ассамблея имеет право, по рекомендации Совета Безопасности, приостанавливать осуществление любым членом Организации, против которого Советом Безопасности были предприняты действия превентивного или принудительного характера, любых прав и привилегий, вытекающих из членства в Организации. Права и привилегии,</p>	<p>Статья 3</p> <p>Первоначальными членами Организации Объединенных Наций являются государства, которые, приняв участие в Конференции в Сан-Франциско по созданию Международной Организации или ранее подписав Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 года, подписали и ратифицировали настоящий Устав в соответствии со ст. 110.</p> <p>Статья 4</p> <p>1. Прием в члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять.</p>

I	II	III
<p>осуществление которых было таким образом приостановлено, могут быть восстановлены решением Совета Безопасности. Генеральная Ассамблея имеет право, по рекомендации Совета Безопасности, исключить из Организации любого члена Организации, который систематически нарушает принципы, содержащиеся в Статуте.</p>		<p>2. Прием любого такого государства в члены Организации производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.</p> <p>Статья 5</p> <p>Если против какого-либо члена Организации были предприняты Советом Безопасности действия превентивного или принудительного характера, Генеральная Ассамблея имеет право, по рекомендации Совета Безопасности, приостанавливать осуществление прав и привилегий, принадлежащих ему как члену Организации. Осуществление этих прав и привилегий может быть восстановлено Советом Безопасности.</p> <p>Статья 6</p> <p>Член Организации, систематически нарушающий принципы, содержащиеся в настоящем Уставе, может быть исключен из Организации Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности.</p>
<p><i>Глава IV</i></p> <p>ОСНОВНЫЕ ОРГАНЫ</p> <p>1. Организация имеет в качестве своих основных органов:</p> <p>a) Генеральную Ассамблею;</p> <p>b) Совет Безопасности;</p> <p>c) Международный Суд и</p> <p>d) Секретариат.</p> <p>2. Организация будет иметь такие вспомогательные органы, которые могут быть признаны необходимыми.</p>		<p><i>Глава III</i></p> <p>ОРГАНЫ</p> <p>Статья 7</p> <p>1. В качестве главных органов Организации Объединенных Наций учреждаются: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по опеке, Международный Суд и Секретариат.</p> <p>2. Вспомогательные органы, которые окажутся необходимыми, могут учреждаться в соответствии с настоящим Уставом.</p> <p>Статья 8</p> <p>Организация Объединенных Наций не устанавливает никаких ограничений в отношении права мужчин и женщин участвовать в любом качестве и на равных условиях в ее главных и вспомогательных органах.</p>
<p><i>Глава V</i></p> <p>ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ</p> <p><i>Раздел A</i></p> <p>Состав</p> <p>Все члены Организации являются членами Генеральной Ассамблеи и имеют представителей, число которых устанавливается в Статуте.</p> <p><i>Раздел B</i></p> <p>Функции и полномочия</p> <p>1. Генеральная Ассамблея имеет право рассматривать общие принципы</p>		<p><i>Глава IV</i></p> <p>ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ</p> <p><i>Состав</i></p> <p>Статья 9</p> <p>1. Генеральная Ассамблея состоит из всех членов Организации.</p> <p>2. Каждый член Организации имеет не более 5 представителей в Генеральной Ассамблее.</p> <p>Функции и полномочия</p> <p>Статья 10</p> <p>Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы</p>

I

сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности, включая принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружения, обсуждать любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, поставленные перед нею любым членом или членами Организации или Совета Безопасности, давать рекомендации в отношении любых таких принципов или вопросов. Любые такие вопросы, по которым необходимо предпринять действия, должны передаваться Совету Безопасности Генеральной Ассамблеей до или после обсуждения. Генеральная Ассамблея не должна по своей инициативе давать рекомендации по какому-либо вопросу, относящемуся к поддержанию международного мира и безопасности, который уже рассматривается Советом Безопасности.

II

III

или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом, и за исключениями, предусмотренными статьей 12, делать рекомендации членам Организации Объединенных Наций, или Совету Безопасности, или и членам Организации, и Совету Безопасности по любым таким вопросам или делам.

Статья 11

1. Генеральная Ассамблея уполномочивается рассматривать общие принципы сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности, в том числе принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружений, и делать в отношении этих принципов рекомендации членам Организации, или Совету Безопасности, или и членам Организации, и Совету Безопасности.

2. Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, поставленные перед нею любым членом Организации, или Советом Безопасности, или государством, которое не является членом Организации в соответствии с пунктом 2 статьи 35, и, за исключениями, предусмотренными статьей 12, делать в отношении любых таких вопросов рекомендации заинтересованному государству, или государствам, или Совету Безопасности, или и Совету Безопасности, и заинтересованному государству или государствам. Любой такой вопрос, по которому необходимо предпринять действие, передается Генеральной Ассамблеей Совету Безопасности до или после обсуждения.

3. Генеральная Ассамблея может обращать внимание Совета Безопасности на ситуации, которые могли бы угрожать международному миру и безопасности.

4. Полномочия Генеральной Ассамблеи, изложенные в настоящей статье, не должны ограничивать общего смысла статьи 10.

Статья 12

1. Когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо

6. Генеральная Ассамблея организует исследования и дает рекомендации в целях поощрения международного сотрудничества в политической, экономической и социальной областях и в целях урегулирования ситуаций, которые могут повредить всеобщему благополучию.

7. Генеральная Ассамблея дает рекомендации в целях координации политики международных экономических, социальных и других специализированных органов, связанных с Организацией в соответствии с соглашениями между такими органами и Организацией.

8. Генеральная Ассамблея заслушивает и рассматривает ежегодные и специальные отчеты Совета Безопасности и отчеты других органов Организации.

5. Генеральная Ассамблея распределяет расходы между членами Организации и уполномочивается утверждать бюджеты Организации.

4. Генеральная Ассамблея избирает непостоянных членов Совета Безопасности и членов Экономического и Социального Совета, предусмотренного в главе IX. Она уполномочивается избирать, по рекомендации Совета Безопасности, Генерального секретаря Организации. Она выполняет такие функции в отношении избрания судей Международного Суда, которые могут быть возложены на нее Статутом Суда.

Глава V ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

Раздел B

6. Генеральная Ассамблея организует исследования и дает рекомендации в целях поощрения международного сотрудничества в политической, экономической, социальной и культурной областях для содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, языка, религии или пола, а также для поощрения развития международного права (и в целях урегулирования ситуаций, которые могут повредить всеобщему благополучию).

Раздел B

Функции и полномочия

Добавить после статьи 6 следующую новую статью:
С соблюдением постановлений статьи 1 настоящего раздела, Генеральная Ассамблея вправе рекомендовать меры мирного улаживания любой ситуации, как бы она ни возникла, если Ассамблея находит, что она клонится

рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом.

2. Генеральный секретарь, с согласия Совета Безопасности, уведомляет Генеральную Ассамблею на каждой ее сессии о всех вопросах, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, находящихся на рассмотрении Совета Безопасности, и таким же образом уведомляет Генеральную Ассамблею, а если Генеральная Ассамблея не заседает, то членов Организации, немедленно, как только Совет Безопасности прекратит рассмотрение таких вопросов.

Статья 13

1. Генеральная Ассамблея организует исследования и делает рекомендации в целях:

- а) Содействия международному сотрудничеству в политической области и поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации;
- б) Содействия международному сотрудничеству в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

2. Дальнейшие обязанности, функции и полномочия Генеральной Ассамблеи в отношении вопросов, упомянутых выше в пункте 1-б, изложены в главах IX и X.

Статья 14

С соблюдением положений статьи 12, Генеральная Ассамблея уполномочивается рекомендовать меры мирного улаживания любой ситуации, независимо от ее происхождения, которая, по мнению Ассамблеи, могла бы нарушить общее благополучие или дружественные отношения между нациями, включая ситуации, возникающие в результате нарушения положений настоящего Устава, излагающих цели и принципы Объединенных Наций.

Статья 15

1. Генеральная Ассамблея получает и рассматривает ежегодные и специальные доклады Совета Безопасности; эти доклады должны включать отчет о мерах по поддержанию международного мира и безопасности, которые Совет Безопасности решил предпринять или предпринять.

2. Генеральная Ассамблея получает и рассматривает доклады других органов Организации.

I	II	III
	<p>к ущербу общего благополучия или дружественных отношений между нациями, включая ситуации, вытекающие из нарушения целей и принципов, установленных в этом Уставе.</p> <p>Добавить после статьи 7 новую статью следующего содержания: Генеральная Ассамблея рассматривает административные бюджеты специализированных органов, имея в виду рекомендовать свое предложение соответствующему органу.</p>	<p>Статья 16</p> <p>Генеральная Ассамблея выполняет в отношении международной системы опеки такие функции, которые возложены на нее на основании глав XII и XIII, включая утверждение соглашений по опеке для территорий, не отнесенных к числу стратегических.</p> <p>Статья 17</p> <p>1. Генеральная Ассамблея рассматривает и утверждает бюджет Организации.</p> <p>2. Члены Организации несут ее расходы по распределению, устанавливаемому Генеральной Ассамблеей.</p> <p>3. Генеральная Ассамблея рассматривает и утверждает любые финансовые и бюджетные соглашения со специализированными учреждениями, упомянутыми в статье 57, и проверяет административные бюджеты таких специализированных учреждений, с той целью, чтобы сделать рекомендации заинтересованным учреждениям.</p>

Раздел C

Голосование

1. Каждый член Организации имеет в Генеральной Ассамблее один голос.

2. Важные решения Генеральной Ассамблеи, включая рекомендации в отношении поддержания международного мира и безопасности, избрания членов Совета Безопасности, избрания членов Экономического и Социального Совета, принятия членов, приостановки осуществления членами их прав и привилегий, исключения членов и бюджетных вопросов — принимаются Ассамблеей двумя третями голосов членов, присутствующих при голосовании.

По другим вопросам, включая определение дополнительных категорий тех вопросов, которые подлежат решению двумя третями голосов, решения Генеральной Ассамблеи принимаются простым большинством голосов.

Голосование

Статья 18

1. Каждый член Генеральной Ассамблеи имеет один голос.

2. Решения Генеральной Ассамблеи по важным вопросам принимаются большинством в 2/3 присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи. Эти вопросы включают: рекомендации в отношении поддержания международного мира и безопасности, выборы непостоянных членов Совета Безопасности, выборы членов Экономического и Социального Совета, выборы членов Совета по опеке, в соответствии с пунктом 1-с статьи 86, прием новых членов в Организацию Объединенных Наций, приостановление прав и привилегий членов Организации, исключение из Организации ее членов, вопросы, относящиеся к функционированию системы опеки, и бюджетные вопросы.

3. Решения по другим вопросам, включая определение дополнительных категорий вопросов, которые подлежат решению большинством в 2/3 голосов, принимаются простым большинством присутствующих и участвующих в голосовании.

Статья 19

Член Организации, за которым числится задолженность по уплате Организации денежных взносов, лишается права голоса в Генеральной

I	II	III
<i>Раздел D</i>		
<p>Процедура</p> <p>1. Генеральная Ассамблея собирается на регулярные ежегодные сессии и на такие специальные сессии, которых могут потребовать обстоятельства.</p> <p>2. Генеральная Ассамблея устанавливает свои правила процедуры и избирает своего председателя для каждой сессии.</p> <p>3. Генеральная Ассамблея уполномочивается создавать такие органы и учреждения, которые она может признать необходимыми для осуществления своих функций.</p>		<p>Ассамблее, если сумма его задолженности равняется или превышает сумму взносов, причитающихся с него за два полных предыдущих года. Генеральная Ассамблея может, однако, разрешить такому члену Организации участвовать в голосовании, если она признает, что просрочка платежа произошла по независящим от него обстоятельствам.</p> <p>Процедура</p> <p>Статья 20</p> <p>Генеральная Ассамблея собирается на очередные ежегодные сессии и на такие специальные сессии, которых могут потребовать обстоятельства. Специальные сессии созываются Генеральным секретарем по требованию Совета Безопасности или большинства членов Организации.</p> <p>Статья 21</p> <p>Генеральная Ассамблея устанавливает свои собственные правила процедуры. Она избирает своего председателя на каждую сессию.</p> <p>Статья 22</p> <p>Генеральная Ассамблея уполномочивается учреждать такие вспомогательные органы, которые она сочтет необходимыми для осуществления своих функций.</p>
<p><i>Глава VI</i></p> <p>СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ</p>	<p><i>Глава VI</i></p> <p>СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ</p>	<p><i>Глава V</i></p> <p>СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ</p>
<p><i>Раздел A</i></p> <p>Состав</p>	<p><i>Раздел A</i></p> <p>Состав</p>	<p>Состав</p> <p>Статья 23</p>
<p>Совет Безопасности состоит из представителей 11 государств — членов Организации, по одному от каждого. Представители Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Китайской Республики и, в надлежащее время, Франции имеют постоянные места. Генеральная Ассамблея избирает шесть государств для заполнения непостоянных мест. Эти шесть государств избираются на двухгодичный срок, причем три из них выбывают ежегодно. Они не могут быть переизбраны немедленно. При первых выборах непостоянных членов трое из них должны быть избраны Генеральной Ассамблеей на срок в один год и трое — на срок в два года.</p>	<p>Совет Безопасности состоит из представителей одиннадцати государств, членов Организации, по одному от каждого. Представители Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Китайской Республики и, в надлежащее время, Франции имеют постоянные места. Генеральная Ассамблея избирает шесть государств для заполнения непостоянных мест, уделяя должное внимание в первую очередь вкладу, внесенному членом Организации в дело сохранения международного мира и безопасности и служения другим целям Организации, а также равномерному распределению этих мест в географическом отношении.</p>	<p>1. Совет Безопасности состоит из 11 членов Организации. Китайская Республика, Франция, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки являются постоянными членами Совета Безопасности. Генеральная Ассамблея избирает 6 других членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя, в особенности, должное внимание, в первую очередь, степени участия членов Организации в поддержании международного мира и безопасности и в достижении других целей Организации, а также справедливому географическому распределению.</p> <p>2. Непостоянные члены Совета Безопасности избираются на двухгодичный срок. Однако при первых выборах непостоянных членов трое</p>

I	II	III
	Эти шесть государств избираются на двухгодичный срок, причем три из них выбывают ежегодно. Они не могут быть переизбраны немедленно. При первых выборах непостоянных членов трое из них должны быть избраны Генеральной Ассамблеей на срок в один год и трое — на срок в два года.	избираются на срок в один год. Выбывающий член Совета Безопасности не подлежит немедленному переизбранию. 3. Каждый член Совета Безопасности имеет одного представителя.

Раздел В

Основные функции и полномочия

1. В целях обеспечения быстрых и эффективных действий Организации, члены Организации настоящим Статутом возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при осуществлении этих обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени.
2. При осуществлении этих обязанностей Совет Безопасности действует в соответствии с целями и принципами Организации.
3. Полномочия, возложенные на Совет Безопасности в целях осуществления этих обязанностей, уточнены ниже в главе VIII.
4. Все члены Организации обязуются соглашаться с решениями Совета Безопасности и обязуются выполнять их в соответствии с положениями Статута.
5. В целях содействия установлению и поддержанию международного мира и безопасности при наименьшем отвращении средств, людских и экономических ресурсов для вооружений, Совет Безопасности при помощи Военно-Штабного Комитета, о котором идет речь в главе VIII раздела В, пункт 9, несет ответственность за формулирование «планов создания системы регулирования вооружений, которые должны быть представлены членам организации.

Раздел С

Голосование

(П р и м е ч а н и е.
Рассмотрение вопроса о процедуре голосования в Совете Безопасности продолжается).

Функции и полномочия

Статья 24

1. Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени.
2. При исполнении этих обязанностей Совет Безопасности действует в соответствии с целями и принципами Объединенных Наций. Определенные полномочия, предоставленные Совету Безопасности для выполнения этих обязанностей, изложены в главах VI, VII, VIII и XII.
3. Совет Безопасности представляет на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ежегодные доклады и, по мере надобности, специальные доклады.

Статья 25

Члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их.

Статья 26

В целях содействия установлению и поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвращением мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения Совет Безопасности несет ответственность за формулирование, при помощи Военно-Штабного Комитета, указанного в статье 47, планов создания системы регулирования вооружений для представления их членам Организации.

Голосование

Статья 27

1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос.
2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета.

I	II	III
		<p>3. Решение Совета Безопасности по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, причем сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решения на основании главы VI и на основании пункта 3 статьи 52.</p>
Раздел D	Раздел D	Процедура
Процедура	Порядок ведения дел	Статья 28
<p>1. Совет Безопасности должен быть организован так, чтобы он мог функционировать постоянно, и каждое государство, член Совета Безопасности, должно быть постоянно представлено в месте пребывания Организации. Заседания Совета Безопасности могут происходить и в таких других местах, которые, по мнению Совета Безопасности, могут более всего способствовать его работе. Должны иметь место периодические заседания, на которых каждое государство, член Совета Безопасности, может быть представлено, если это будет признано им желательным, членом правительства или каким-либо другим специальным представителем.</p> <p>2. Совет Безопасности уполномочивается создавать такие органы или учреждения, которые он сочтет необходимыми для осуществления своих функций, включая региональные подкомитеты Военно-Штабного Комитета.</p> <p>3. Совет Безопасности устанавливает свои правила, процедуры, включая метод избрания своего председателя.</p> <p>4. Любой член Организации может принять участие в обсуждении любого вопроса, рассматриваемого Советом Безопасности, если Совет Безопасности считает, что интересы этого члена Организации специально затрагиваются.</p>	<p>2. Совет Безопасности уполномочивается создавать такие органы или учреждения, которые он сочтет необходимыми для осуществления своих функций (включая региональные подкомитеты Военно-Штабного Комитета).</p>	<p>1. Совет Безопасности организуется таким образом, чтобы он мог функционировать непрерывно. Для этой цели каждый член Совета Безопасности должен быть всегда представлен в месте пребывания Организации Объединенных Наций.</p> <p>2. Совет Безопасности собирается на периодические заседания, на которых каждый из его членов может, по своему желанию, быть представлен или членом правительства или каким-либо другим, особо назначенным представителем.</p> <p>3. Заседания Совета Безопасности могут происходить не только в месте пребывания Организации, но и во всяком другом месте, которое, по мнению Совета, более способствует его работе.</p>
		<p>Статья 29</p> <p>Совет Безопасности может учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций.</p>
		<p>Статья 30</p> <p>Совет Безопасности устанавливает свои правила процедуры, включая порядок избрания своего председателя.</p>
		<p>Статья 31</p> <p>Любой член Организации, который не является членом Совета Безопасности, может принять участие, без права голоса, в обсуждении любого вопроса, внесенного в Совет Безопасности, во всех тех случаях, когда Совет Безопасности находит, что интересы этого члена Организации специально затронуты.</p>
<p>5. Любой член Организации, не имеющий места в Совете Безопасности, и любое государство, не член Организации, если они являются сторонами в споре, который рассматривается Советом Безопасности, должны быть приглашены принять участие в обсуждении этого спора.</p>	<p>5. Любой член Организации, не имеющий места в Совете Безопасности, и любое государство, не член Организации, если они являются сторонами в споре, который рассматривается Советом Безопасности, должны быть приглашены принять участие</p>	<p>Статья 32</p> <p>Любой член Организации, который не состоит членом Совета Безопасности, или любое государство, не состоящее членом Организации, если они являются сторонами в споре, рассматриваемом Советом Безопасности, приглашаются принять участие,</p>

I	II	III
	в обсуждении этого спора. По делу не члена Организации Совет Безопасности устанавливает такие условия для участия тако-го не члена, какие Совет находит справедливыми.	без права голоса, в обсуждении, относящемся к этому спору. Совет Безопасности ставит такие условия для участия государства, не состоя-щего членом Организации, какие он найдет справедливыми.

<p><i>Глава VIII</i></p> <p>МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ, ВКЛЮЧАЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ И ПОДАВЛЕНИЕ АГРЕССИИ</p>	<p><i>Глава VI</i></p> <p>МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ</p>
--	---

Раздел A

Мирное урегулирование споров

1. Совет Безопасности уполномочи-вается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может при-вести к международным трениям или вызвать спор, в целях определения, может ли их продолжение угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

2. Любое государство, член или не член Организации, может довести о таком споре или ситуации до све-дения Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности.

3. Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого может угрожать поддержанию между-народного мира и безопасности, обязуются, прежде всего, стараться урегулировать спор путем перегово-ров, посредничества, примирения, арбитража или судебного разбира-тельства или при помощи мирных средств по их выбору. Совет Безо-пасности должен призывать стороны урегулировать их споры при помощи таких средств.

4. Если тем не менее участники спора, который по своему характеру принадлежит к категории споров, упомянутых в вышеприведенном пункте 3, не смогут урегулировать спор средствами, указанными в этом пункте, они обязуются передать его в Совет Безопасности. Совет Безо-пасности в каждом случае решает, может ли продолжение данного спора дей-ствительно создать угрозу поддержа-нию состояния мира и безопасности и соответственно — должен ли Совет Безопасности рассматривать этот спор и, в положительном случае, дол-жен ли он предпринимать действия согласно пункту 5.

4. Если тем не менее участни-ки спора, который по своему характеру принадлежит к спорам, упомянутым в вышеприведенной статье 3, не сумеют урегулиру-вать его средствами, указанными в этой статье, они обязуются передать его в Совет Безо-пасности. Если Совет Безопасности (в каждом случае решает, может ли) найдет, что продолжение дан-ного спора сможет действительно угрожать сохранению междуна-родного мира и безопасности (и, соответственно, должен ли Совет Безопасности рассматривать этот спор, и в положительном случае, должен ли он предпринимать

Статья 33

1. Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию между-народного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к реги-ональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору.

2. Совет Безопасности, когда он считает это необходимым, требует от сторон разрешения их спора при помощи таких средств.

Статья 34

Совет Безопасности уполномочива-ется расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

Статья 35

1. Любой член Организации может довести о любом споре или ситуации, имеющей характер, указанный в ста-тье 34, до сведения Совета Безо-пасности или Генеральной Ассамблеи.

2. Государство, которое не является членом Организации, может довести до сведения Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи о любом спо-ре, в котором оно является стороной, если оно примет на себя заранее в от-ношении этого спора обязательства мирного разрешения споров, пред-усмотренные в настоящем Уставе.

3. Разрешение Генеральной Ассам-блеей дел, о которых доведено до ее сведения на основании настоящей

I	II	III
<p>5. Совет Безопасности уполномочивается рекомендовать соответствующую процедуру или метод урегулирования на любой стадии спора, характер которого таков, как это указано в пункте 3 выше.</p> <p>6. Споры юридического характера должны обычно передаваться Международному Суду. Совет Безопасности имеет право передавать Суду, в целях получения совета, юридические вопросы, относящиеся к другим спорам.</p> <p>7. Положения пунктов от 1 до 6 раздела А не должны применяться к спорам и ситуациям, возникающим из вопросов, которые, согласно международному праву, подлежат исключительно внутренней юрисдикции заинтересованного государства.</p>	<p>действия, согласно пункту 5), Совет решает, действовать ли по статье 5 самому или же рекомендовать такие условия решения спора, какие он найдет нужными. Добавить перед статьей (пунктом) 1 раздела А главы VIII следующую новую статью:</p> <p>С сохранением в силе постановлений нижеследующих статей 1–5, Совет Безопасности вправе, по просьбе сторон в любом споре, рекомендовать им свои предложения о решении спора в соответствии с принципами, установленными в статье 3 главы II.</p> <p>Любое государство, как член, так и не член Организации, может довести о таком споре или ситуации до сведения Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности. В случае, касающемся не члена Организации, от него можно потребовать принятия, в отношении этого спора, обязательства разрешить спор мирным путем, как это предусмотрено в настоящем Уставе.</p> <p>Положения пунктов от 1 до 6 раздела А не должны применяться к ситуации или спорам, возникающим из вопросов, которые, согласно международному праву, подлежат исключительно внутренней юрисдикции заинтересованного государства.</p> <p>(Примечание. Эта статья будет заменена новой статьей, которую предложено добавить после статьи 6 главы II – Принципы).</p>	<p>статьи, производится с учетом положений статей 11 и 12.</p> <p>Статья 36</p> <p>1. Совет Безопасности уполномочивается в любой стадии спора, имеющего характер, указанный в статье 33, или ситуации подобного же характера, рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования.</p> <p>2. Совет Безопасности принимает во внимание любую процедуру для разрешения этого спора, которая уже была принята сторонами.</p> <p>3. Делая рекомендации на основании настоящей статьи, Совет Безопасности принимает также во внимание, что споры юридического характера должны, как общее правило, передаваться сторонами в Международный Суд в соответствии с положениями Статута Суда.</p> <p>Статья 37</p> <p>1. Если стороны в споре, имеющем характер, указанный в статье 33, разрешат его при помощи указанных в этой статье средств, они передают его в Совет Безопасности.</p> <p>2. Если Совет Безопасности считает, что продолжение данного спора в действительности могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, он решает, действовать ли ему на основании статьи 36 или рекомендовать такие условия разрешения спора, какие он найдет подходящими.</p> <p>Статья 38</p> <p>Без ущерба для положений статей 33–37, Совет Безопасности уполномочивается, если все стороны, участвующие в любом споре, об этом просят, делать сторонам рекомендации с целью мирного разрешения этого спора.</p>

Раздел В	Раздел В	Глава VII
Определение угрозы миру или актов агрессии и связанные с этим действия	Определение угрозы миру или актов агрессии и связанные с этим	Действия в отношении угрозы миру, нарушениям и актам агрессии
<p>1. Если Совет Безопасности сочтет, что неуспех в разрешении спора в соответствии с процедурой, указанной в пункте 3 раздела А, или в соответствии с его рекомендациями, согласно пункту 5 раздела А, представляет угрозу поддержанию международного мира и безопасности, он должен принять все меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности, в соответствии с целями и принципами Организации.</p>	<p>1. Если Совет Безопасности сочтет, что неуспех в разрешении спора в соответствии с порядком, указанным в статье 3 раздела А, или в соответствии с его рекомендациями, по статьям 4 или 5 раздела А, представляет угрозу поддержанию международного мира и безопасности, он должен принять все меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности, в соответствии с целями и принципами Организации.</p>	<p>Статья 39</p> <p>Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.</p> <p>Статья 40</p> <p>Чтобы предотвратить ухудшение ситуации, Совет Безопасности</p>

I	II	III
<p>2. Совет Безопасности вообще устанавливает существование любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры должны быть предприняты для поддержания или восстановления мира и безопасности.</p> <p>3. Совет Безопасности уполномочивается определять, какие дипломатические, экономические или другие меры, не связанные с использованием вооруженной силы, должны применяться для осуществления его решений, и призывать членов Организации применять эти меры. Такие меры могут включать полный или частичный разрыв железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио и других средств сообщения и разрыв дипломатических и экономических отношений.</p> <p>4. Если Совет Безопасности сочтет, что такие меры являются недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия при помощи воздушных, морских или наземных вооруженных сил, которые могут быть необходимы для поддержания или восстановления международного</p>	<p>2. Совет Безопасности вообще устанавливает существование любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры, установленные статьями 3 и 4 этого Устава, должны быть предприняты для поддержания или восстановления мира и безопасности.</p> <p>Вставить между статьями 2 и 3 следующую статью: Перед тем как рекомендовать предложения или решить относительно мер сохранения или восстановления мира и безопасности, в соответствии с постановлениями статьи 2, Совет Безопасности может обратиться к заинтересованным странам с предложением выполнить такие временные меры, какие окажутся необходимыми или желательными для предотвращения осложнения ситуации.</p> <p>Эти временные меры не должны клониться к ущербу правам, претензиям или положению заинтересованных сторон. Невыполнение этих временных мер должно быть должным образом учтено Советом Безопасности.</p>	<p>уполномочивается, прежде чем сделать рекомендации или решить о принятии мер, предусмотренных статьей 39, потребовать от заинтересованных сторон выполнения тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными. Такие временные меры не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон. Совет Безопасности должным образом учитывает невыполнение этих временных мер.</p> <p>Статья 41 Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.</p> <p>Статья 42 Если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие</p>

I	II	III
<p>мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду или другие военные действия с применением воздушных, морских или наземных вооруженных сил членов Организации.</p> <p>5. Для того, чтобы все члены Организации могли внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, они обязуются предоставлять Совету Безопасности по его призыву и в соответствии с особым соглашением или соглашениями, заключаемыми между ними, вооруженные силы, средства обслуживания и содействие, необходимые для поддержания международного мира и безопасности. Такое соглашение или соглашения должны определять численность и род войск и характер средств обслуживания и содействия, которые должны быть предоставлены. Специальное соглашение или соглашения должны быть заключены по возможности скорее и в каждом случае подлежат одобрению Совета Безопасности и ратификации подписавшими государствами, в соответствии с их конституционной процедурой.</p> <p>6. Для обеспечения возможности срочных военных мероприятий, которые могут быть предприняты Организацией, члены Организации должны держать в состоянии немедленной готовности контингенты национальных военно-воздушных сил для совместных международных</p>		<p>окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов Организации.</p> <p>Статья 43</p> <p>1. Все члены Организации, для того чтобы внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением или соглашениями необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода.</p> <p>2. Такое соглашение или соглашения определяют численность и род войск, степень их готовности и их общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи.</p> <p>3. Переговоры о заключении соглашения или соглашений предпринимаются в возможно кратчайший срок по инициативе Совета Безопасности. Они заключаются между Советом Безопасности и членами Организации или между Советом Безопасности и группами членов Организации и подлежат ратификации подписавшими их государствами, в соответствии с их конституционной процедурой.</p> <p>Статья 44</p> <p>Когда Совет Безопасности решил применить силу, то прежде чем потребовать от члена Организации, не представленного в Совете, предоставления вооруженных сил, во исполнение обязательств, принятых им на основании статьи 43, Совет Безопасности приглашает этого члена Организации, если последний этого пожелает, принять участие в решениях Совета Безопасности относительно использования контингентов вооруженных сил данного члена Организации.</p> <p>Статья 45</p> <p>В целях обеспечения для Организации Объединенных Наций возможности предпринимать срочные военные мероприятия, члены Организации должны держать в состоянии немедленной готовности контингенты национальных военно-воздушных сил</p>

I	II	III
<p>принудительных действий. Силы и степень готовности этих контингентов и планы их совместных действий должны определяться Советом Безопасности с помощью Военно-Штабного Комитета в пределах, указанных в специальном соглашении или соглашениях, о которых речь идет выше в пункте 5.</p> <p>7. Действия, которые требуются для осуществления решений Совета Безопасности в целях поддержания международного мира и безопасности, предпринимают все члены Организации совместно или некоторые из них, в зависимости от того, как это определит Совет Безопасности. Это обязательство должно выполняться членами Организации посредством их самостоятельных действий и при помощи действий соответствующих специализированных организаций и органов, членами которых они являются.</p> <p>8. Планы применения вооруженных сил должны составляться Советом Безопасности с помощью Военно-Штабного Комитета, о котором идет речь ниже, в пункте 9.</p>		<p>для совместных международных принудительных действий. Численность и степень готовности этих контингентов и планы их совместных действий определяются Советом Безопасности при помощи Военно-Штабного Комитета в пределах, указанных в специальном соглашении или соглашениях, упомянутых в статье 43.</p>
<p>9. Создается Военно-Штабной Комитет, функции которого должны состоять в том, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности, вытекающим из поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в распоряжение Совета Безопасности, и к командованию ими, к регулированию вооружений и к возможному разоружению. Находясь в распоряжении Совета Безопасности, Военно-Штабной Комитет несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности. Комитет состоит из начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей. Любой член Организации, не представленный постоянно в Комитете, приглашается Комитетом сотрудничать с ним, если эффективное осуществление обязанностей Комитета требует участия этого государства в его работе. Вопросы командования войсками должны быть разработаны позднее.</p>	<p>Создается Комитет Генеральных Штабов, функции которого состоят в том, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности, вытекающим из поддержания международного мира и безопасности, по использованию войск, предоставленных в распоряжение Совета Безопасности, и по командованию ими, к регулированию вооружений и к возможному разоружению. Находясь в подчинении Совету Безопасности, Комитет Генеральных Штабов несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности. Комитет состоит из начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей. Любой член Организации, не представленный постоянно в Комитете, приглашается Комитетом сотрудничать с ним, если успешное осуществление обязанностей Комитета требует участия этого государства</p>	<p>Статья 46 Планы применения вооруженных сил составляются Советом Безопасности при помощи Военно-Штабного Комитета.</p> <p>Статья 47 1. Создается Военно-Штабной Комитет для того, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению.</p> <p>2. Военно-Штабной Комитет состоит из начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей. Любой член Организации, не представленный постоянно в Комитете, приглашается Комитетом сотрудничать с ним, если эффективное осуществление обязанностей Комитета требует участия этого члена Организации в работе Комитета.</p> <p>3. Военно-Штабной Комитет, находясь в подчинении Совету Безопасности, несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности. Вопросы, относящиеся к командованию такими силами, должны быть разработаны позднее.</p> <p>4. Военно-Штабной Комитет может, с разрешения Совета Безопасности и после консультации с надлежащими региональными органами, учреждать свои региональные подкомитеты.</p> <p>Статья 48 1. Действия, которые требуются для выполнения решений Совета Безопасности в целях поддержания международного мира и безопасности, предпринимаются всеми членами</p>

I	II	III
<p>10. Члены Организации должны совместно оказывать взаимную помощь в проведении мер, о которых принято решение Советом Безопасности.</p> <p>11. Любое государство, член или не член Организации, перед которым могут встать специальные экономические проблемы, вытекающие из проведения им мер, согласно решению Совета Безопасности, имеет право консультироваться с Советом Безопасности на предмет разрешения таких проблем.</p>	<p>в его работе. Вопросы командования войсками должны быть разработаны позднее. Комитет Генеральных Штабов может создавать, по полномочию Совета Безопасности, региональные подкомитеты, подчиненные Комитету Генеральных Штабов.</p>	<p>Организации или некоторыми из них, в зависимости от того, как это определит Совет Безопасности.</p> <p>2. Такие решения выполняются членами Организации непосредственно, а также путем их действий в соответствующих международных учреждениях, членами которых они являются.</p> <p>Статья 49</p> <p>Члены Организации должны объединяться для оказания взаимной помощи в проведении мер, о которых принято решение Советом Безопасности.</p> <p>Статья 50</p> <p>Если Советом Безопасности принимаются превентивные или принудительные меры против какого-либо государства, всякое другое государство, независимо от того, состоит ли оно членом Организации, перед которым встанут специальные экономические проблемы, возникшие из проведения вышеупомянутых мер, имеет право консультироваться с Советом Безопасности на предмет разрешения таких проблем.</p> <p>Статья 51</p> <p>Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предприятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.</p>

<p>Раздел C</p> <p>Региональные мероприятия</p>	<p>Глава VIII</p> <p>РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ</p>
<p>1. Ничто в Статуте не препятствует существованию региональных мероприятий или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие мероприятия или органы и их деятельность совместимы с целями</p>	<p>Статья 52</p> <p>1. Настоящий Устав ни в какой мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их</p>

I	II	III
<p>и принципами Организации. Совет Безопасности должен поощрять урегулирование местных споров посредством таких региональных мероприятий или при помощи таких региональных органов, либо по инициативе заинтересованных стран, либо по своей собственной инициативе.</p>		<p>деятельность совместимы с целями и принципами Организации.</p> <p>2. Члены Организации, заключившие такие соглашения или составляющие такие органы, должны приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов до передачи этих споров в Совет Безопасности.</p> <p>3. Совет Безопасности должен поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов либо по инициативе заинтересованных государств, либо по своей собственной инициативе.</p> <p>4. Настоящая статья ни в коей мере не затрагивает применения статей 34 и 35.</p>
<p>2. Совет Безопасности, где это уместно, использует такие мероприятия или органы для принудительных действий под его руководством, но никакие принудительные действия не могут быть предприняты, в соответствии с региональными соглашениями или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности.</p> <p>3. Совет Безопасности должен быть всегда полностью информирован о действиях, предпринятых или намечаемых в соответствии с региональными соглашениями или региональными органами для поддержания международного мира и безопасности.</p>	<p>2. Совет Безопасности использует, где это уместно, эти мероприятия или органы для принудительных действий под его руководством. Но никакие принудительные действия не могут быть предприняты по региональному соглашению или региональным органом без полномочия Совета Безопасности, за исключением мер против неприятельских государств в нынешнюю войну, предусмотренных статьями 2 главы XII или же региональными соглашениями, направленными против возобновления политики агрессии со стороны этих государств до тех пор, пока на Организацию не будет возложена, с согласия заинтересованных государств, ответственность за предупреждение дальнейшей агрессии государств, состоящих ныне в войне с Объединенными Нациями.</p>	<p>Статья 53</p> <p>1. Совет Безопасности использует, где это уместно, такие региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством.</p> <p>Однако никакие принудительные действия не предпринимаются в силу этих региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности, за исключением мер, предусмотренных статьями 107 против любого вражеского государства, как оно определено в пункте 2 настоящей статьи, или мер, предусмотренных в региональных соглашениях, направленных против возобновления агрессивной политики со стороны любого такого государства, до того времени, когда на Организацию, по просьбе заинтересованных правительств, может быть возложена ответственность за предупреждение дальнейшей агрессии со стороны такого государства.</p> <p>2. Термин «вражеское государство», как он применен в пункте 1-м настоящей статьи, относится к любому государству, которое в течение второй мировой войны являлось врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав.</p> <p>Статья 54</p> <p>Совет Безопасности должен быть всегда полностью информирован о действиях, предпринятых или намечаемых в силу региональных соглашений или региональными органами для поддержания международного мира и безопасности.</p>

<p>I</p> <p>Глава IX</p> <p>МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ</p>	<p>II</p> <p>Глава IX</p> <p>МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ</p>	<p>III</p> <p>Глава IX</p> <p>МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО</p>
<p>Раздел A</p> <p>Цели и взаимоотношения</p>	<p>Раздел A</p> <p>Цели и взаимоотношения</p>	<p>Статья 55</p>
<p>1. С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, Организация должна содействовать разрешению международных экономических, социальных и других гуманитарных проблем и поощрять уважение человеческих прав и основных свобод. Ответственность за выполнение этой функции возлагается на Генеральную Ассамблею и на находящийся под руководством Генеральной Ассамблеи Экономический и Социальный Совет.</p>	<p>1. С целью создания условий устойчивости и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении к принципу равноправия и самоопределения народов, Организация должна содействовать разрешению международных экономических, социальных, культурных и других гуманитарных проблем и поощрять уважение к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, языка, религии и пола. Ответственность за выполнение этой функции возлагается на Генеральную Ассамблею и на находящийся под руководством Генеральной Ассамблеи Экономический и Социальный Совет.</p>	<p>С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует:</p> <p>а) повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития;</p> <p>б) разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и тому подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования;</p> <p>с) всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.</p> <p>Статья 56</p> <p>Все члены Организации обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией для достижения целей, указанных в статье 55.</p> <p>Статья 57</p> <p>1. Различные специализированные учреждения, созданные межправительственными соглашениями и облеченные широко международной, определенной в их учредительных актах, ответственностью в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и подобных областях, будут поставлены в связь с Организацией в соответствии с положениями статьи 63.</p> <p>2. Такие учреждения, которые будут поставлены указанным образом в связь с Организацией, именуются в последующих статьях «специализированные учреждения».</p>
<p>Раздел C</p>	<p>Раздел C</p>	<p>Статья 58</p>
<p>с) Заслушивать и рассматривать отчеты экономических, социальных и других организаций или органов, связанных с Организацией, и координировать их деятельность посредством консультации с этими организациями или органами и дачи им рекомендаций.</p>	<p>с) Заслушивать и рассматривать отчеты экономических, социальных, культурных и других организаций или органов, связанных с Организацией, и координировать их деятельность посредством консультации с этими организациями или органами и дачи им рекомендаций.</p>	<p>Организация делает рекомендации по согласованию политики и деятельности специализированных учреждений.</p> <p>Статья 59</p> <p>Организация, в случае надобности, проявляет инициативу в том, чтобы заинтересованные государства</p>

287

[Раздел A]

2. Различные специализированные экономические, социальные и другие организации и органы несут ответственность за их соответственные области, как это определено в их уставах. Каждая такая организация или орган должна быть связана с Организацией на условиях, подлежащих определению соглашением между Экономическим и Социальным Советом и соответствующими властями специализированной организации или органом, причем эти соглашения подлежат одобрению Генеральной Ассамблеи.

[См. выше, п. 7 разд. В гл. V]

[См. выше, п. «с»]

d) Рассматривать административные бюджеты специализированных организаций или органов, которых это касается.

e) Помогать Генеральному секретарю в деле предоставления информации Совету Безопасности.

f) Помогать Совету Безопасности по его просьбе.

g) Проводить в жизнь, в пределах своих функций, рекомендации Генеральной Ассамблеи.

h) Осуществлять такие другие функции в пределах его общей компетенции, которые могут быть переданы ему Генеральной Ассамблеей.

[См. выше, разд. В гл. IX]

2. Совет уполномочивается делать рекомендации в целях поощрения уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех.

3. Совет уполномочивается подготавливать для представления Генеральной Ассамблее проекты конвенций по вопросам, входящим в его компетенцию.

4. Совет уполномочивается созывать, в соответствии с правилами, предписанными Организацией, международные конференции по вопросам, входящим в его компетенцию.

Статья 63

1. Экономический и Социальный Совет уполномочивается вступать с любым из учреждений, указанных в статье 57, в соглашения, определяющие условия, на которых соответствующие учреждения будут поставлены в связь с Организацией. Такие соглашения подлежат утверждению Генеральной Ассамблеи.

2. Совет уполномочивается согласовывать деятельность специализированных учреждений посредством консультаций с ними и рекомендаций таким учреждениям и посредством рекомендаций Генеральной Ассамблеи и членам Организации.

Статья 64

1. Экономический и Социальный Совет уполномочивается принимать надлежащие меры от специализированных учреждений регулярных докладов. Совет уполномочивается заключать соглашения с получения от них докладов о мерах, предпринятых ими во исполнение его собственных рекомендаций и рекомендаций Генеральной Ассамблеи по вопросам, входящим в его компетенцию.

2. Совет уполномочивается сообщить Генеральной Ассамблее свои замечания по этим докладом.

Статья 65

Экономический и Социальный Совет уполномочивается представлять Совету Безопасности информацию и, по предложению Совета Безопасности, обязан ему помогать.

Статья 66

1. Экономический и Социальный Совет осуществляет такие функции, какие входят в его компетенцию, в связи с выполнением рекомендаций Генеральной Ассамблеи.

2. Совет, с одобрения Генеральной Ассамблеи, уполномочивается выполнять работы по просьбе членов Организации и по просьбе специализированных учреждений.

I	II	III
---	----	-----

3. Совет должен выполнять такие другие функции, какие перечислены в других частях настоящего Устава или какие могут быть возложены на него Генеральной Ассамблеей.

Голосование

Статья 67

1. Каждый член Экономического и Социального Совета имеет один голос.
2. Решения Экономического и Социального Совета принимаются большинством голосов членов Совета, присутствующих и участвующих в голосовании.

Раздел D	Раздел D	Процедура
----------	----------	-----------

Организация и процедура

1. Экономический и Социальный Совет создает экономическую комиссию, социальную и такие другие комиссии, которые могут потребоваться. Эти комиссии должны состоять из экспертов. Создается постоянный аппарат, который будет являться частью Секретариата Организации.
2. Экономический и Социальный Совет должен выработать соответствующие мероприятия, в целях предоставления возможностей представителям специализированных организаций или органов участвовать без права голоса в его работе, а также в работе комиссий, созданных Советом.

Организация и порядок ведения дел

1. Экономический и Социальный Совет создает комиссии (экономическую комиссию, социальную комиссию и комиссии, которые могут потребоваться). Эти комиссии должны состоять из экспертов. Создается постоянный штат сотрудников, который будет являться частью Секретариата Организации.

Статья 68

Экономический и Социальный Совет создает комиссии в экономической и социальной области и поощрению прав человека, а также другие комиссии, которые могут потребоваться для выполнения его функций.

Статья 69

Экономический и Социальный Совет приглашает любого члена Организации участвовать без права голоса в обсуждении им любого вопроса, представляющего особый интерес для данного члена Организации.

Статья 70

Экономический и Социальный Совет уполномочивается проводить мероприятия для участия, без права голоса, представителей специализированных учреждений в обсуждении вопросов в Совете или в созданных им комиссиях, а также для участия представителей Совета в обсуждении вопросов в специализированных учреждениях.

Статья 71

Экономический и Социальный Совет уполномочивается проводить надлежащие мероприятия для консультации с неправительственными организациями, заинтересованными в вопросах, входящих в его компетенцию. Такие мероприятия могут быть условлены с международными организациями, а в случае надобности, с национальными организациями после консультации с заинтересованным членом Организации.

Статья 72

1. Экономический и Социальный Совет устанавливает свои собственные правила процедуры, включая порядок избрания своего председателя.

3. Экономический и Социальный Совет устанавливает свои правила процедуры и метод избрания своего председателя.

2. Экономический и Социальный Совет созывается, по мере надобности, в соответствии со своими правилами, которые должны включать положения о созыве заседаний по требованию большинства его членов.

Глава XI

**ДЕКЛАРАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ
НЕСАМОУПРАВЛЯЮЩИХСЯ
ТЕРРИТОРИЙ**

Статья 73

Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом, и с этой целью:

- a) обеспечивать, соблюдая должное уважение к культуре указанных народов, их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотреблений;
- b) развивать самоуправление, учитывать должным образом политические стремления этих народов и помогать им в прогрессивном развитии их свободных политических институтов в соответствии со специфическими обстоятельствами, присущими каждой территории и ее народам, и с их разными степенями развития;
- c) укреплять международный мир и безопасность;
- d) способствовать развитию созидательных мероприятий, поощрять исследования и сотрудничать друг с другом и, где и когда это уместно, со специализированными международными организациями ради практического достижения изложенных в настоящей статье социальных, экономических и научных целей;
- e) передавать регулярно Генеральному секретарю для информации и с таким ограничением, какое может потребоваться по соображениям безопасности и конституционного порядка, статистическую и другую информацию специального характера, относящуюся к экономическим

и социальным условиям, а также условиям образования на территориях, за которые они соответственно несут ответственность, кроме тех территорий, на которые распространяется действие глав XII и XIII.

Статья 74

Члены Организации также соглашаются, что их политика в отношении территорий, на которые распространяется действие настоящей главы, должна быть основана не менее, чем в отношении их метрополий, на общем принципе добрососедства, с надлежащим учетом интересов и благополучия остального мира в делах социальных, экономических и торговле.

Глава XII

МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА ОПЕКИ

Статья 75

Организация Объединенных Наций создает под своим руководством международную систему опеки для управления теми территориями, которые могут быть включены в нее последующими индивидуальными соглашениями, и для наблюдения за этими территориями. Эти территории именуются далее «территории под опекой».

Статья 76

Основные задачи системы опеки, в соответствии с целями Организации Объединенных Наций, изложенными в статье 1 настоящего Устава, состоят в том, чтобы:

- а) укреплять международный мир и безопасность;
- б) способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территорий под опекой, его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к самоуправлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов, и как это может быть предусмотрено условиями каждого соглашения об опеке;
- в) поощрять уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии, и поощрять признание взаимозависимости народов мира;

I	II	III
		<p>d) обеспечивать равное отношение к членам Организации и их гражданам в области социальной, экономической и торговой, а также равное отношение к ним в отправлении правосудия, без ущерба для достижения вышеизложенных задач и при условии соблюдения положений статьи 80.</p> <p style="text-align: center;">Статья 77</p> <p>1. Система опеки распространяется на такие территории из нижеперечисленных категорий, которые могут быть включены в нее соглашениями об опеке:</p> <p>a) территории, находящиеся под мандатом;</p> <p>b) территории, которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате второй мировой войны, и</p> <p>c) территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их управление.</p> <p>2. Вопрос о том, какие из территорий вышеперечисленных категорий должны быть включены в систему опеки и на каких условиях, будет предметом последующего соглашения.</p> <p style="text-align: center;">Статья 78</p> <p>Система опеки не распространяется на страны, ставшие членами Организации, отношения между которыми должны основываться на уважении принципа суверенного равенства.</p> <p style="text-align: center;">Статья 79</p> <p>Условия опеки для каждой территории, подлежащей включению в систему опеки, в том числе все изменения и поправки, определяются соглашениями непосредственно заинтересованных государств, включая страны-мандатарии, в том случае, если территории находятся под мандатом одного из членов Организации, и утверждаются, как предусмотрено в статьях 83 и 85.</p> <p style="text-align: center;">Статья 80</p> <p>1. За исключением случаев, которые могут быть согласованы в индивидуальных соглашениях об опеке, заключенных согласно статьям 77, 79 и 81, включающих каждую территорию в систему опеки, и впредь до заключения таких соглашений, ничто в настоящей главе не должно толковаться как изменение каким-либо образом каких бы то ни было прав любых государств или любых народов или условий существующих международных соглашений, участниками которых могут быть соответственно члены Организации.</p>

I	II	III
		<p>2. Пункт 1 настоящей статьи не должен толковаться как дающий основания для задержки или отсрочки переговоров и заключения соглашений о включении подмандатных и других территорий в систему опеки, как это предусмотрено в статье 77.</p> <p>Статья 81</p> <p>Соглашение об опеке в каждом случае должно включать условия, на которых будет управляться территория под опекой, а также определять власть, которая будет осуществлять управление территорией под опекой. Такая власть, называемая далее управляющей властью, может представлять собой одно или более государств или организацию Объединенных Наций как таковую.</p> <p>Статья 82</p> <p>В любом соглашении об опеке может определяться стратегический район или районы, которые могут включать часть или всю территорию под опекой, на которую распространяется соглашение, без ущерба для какого бы то ни было особого соглашения или соглашений, заключенных на основании статьи 43.</p> <p>Статья 83</p> <p>1. Все функции Организации Объединенных Наций, относящиеся к стратегическим районам, включая утверждение условий соглашений об опеке и их изменений или поправок к ним, осуществляются Советом Безопасности.</p> <p>2. Основные цели, изложенные в статье 76, относятся к народу каждого из стратегических районов.</p> <p>3. Совет Безопасности, соблюдая условия соглашений об опеке и без ущерба для требований безопасности, пользуется помощью Совета по опеке для выполнения тех функций Организации Объединенных Наций, в соответствии с системой опеки, которые относятся к политическим, экономическим и социальным вопросам, а также к вопросам в области образования в стратегических районах.</p> <p>Статья 84</p> <p>Обязанностью управляющей власти является обеспечение того, чтобы территория под опекой играла свою роль в поддержании международного мира и безопасности. С этой целью управляющая власть уполномочивается использовать добровольные вооруженные силы, средства обслуживания и помощь территории под опекой при выполнении обязательств,</p>

принятых в этом отношении управляющей властью перед Советом Безопасности, а равно и для местной обороны и поддержания закона и порядка в пределах территории под опекой.

Статья 85

1. Функции организации Объединенных Наций в отношении соглашений об опеке для всех районов, не отнесенных к числу стратегических, включая утверждение условий соглашений об опеке и их изменений или поправок к ним, осуществляются Генеральной Ассамблеей.

2. Совет по опеке, действующий под руководством Генеральной Ассамблеи, помогает Генеральной Ассамблее в выполнении этих функций.

Глава XIII

СОВЕТ ПО ОПЕКЕ

Состав

Статья 86

1. Совет по опеке состоит из следующих членов Организации Объединенных Наций:

- a) тех членов Организации, которые управляют территориями под опекой;
- b) тех членов Организации, поименованных в статье 23, которые не управляют территориями под опекой;
- c) такого числа других членов Организации, избранных Генеральной Ассамблеей на трехгодичный срок, какое может оказаться необходимым для обеспечения того, чтобы общее число членов Совета по опеке распределялось поровну между членами Организации, управляющими и не управляющими территориями под опекой.

2. Каждый член Совета по опеке назначит одно особо квалифицированное лицо, которое будет его представителем в Совете по опеке.

Функции и полномочия

Статья 87

Генеральная Ассамблея и находящийся под ее руководством Совет по опеке при выполнении своих функций уполномочиваются:

- a) рассматривать отчеты, представляемые управляющей властью;
- b) принимать петиции и рассматривать их, консультируясь с управляющей властью;
- c) устраивать периодические посещения соответствующих территорий под опекой в согласованные с управляющей властью сроки и
- d) предпринимать упомянутые и другие действия в соответствии с условиями соглашений об опеке.

I	II	III
---	----	-----

Статья 88

Совет по опеке разрабатывает анкету относительно политического, экономического и социального прогресса населения каждой территории под опекой, а также его прогресса в области образования, а управляющая власть каждой территории под опекой, входящей в компетенцию Генеральной Ассамблеи, представляет последней ежегодные доклады на основе этой анкеты.

Голосование

Статья 89

1. Каждый член Совета по опеке имеет один голос.
2. Решения Совета по опеке принимаются большинством голосов присутствующих и участвующих в голосовании членов Совета.

Процедура

Статья 90

1. Совет по опеке принимает свои собственные правила процедуры, включая порядок избрания своего председателя.
2. Заседания Совета по опеке созываются по мере надобности в соответствии с его правилами процедуры, которые должны предусматривать созыв заседаний по требованию большинства членов Совета.

Статья 91

Совет по опеке пользуется в соответствующих случаях помощью Экономического и Социального Совета и специализированных учреждений в отношении вопросов, в которых они соответственно заинтересованы.

Глава VII

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД

1. Создается Международный Суд, являющийся основным судебным органом Организации.
2. Суд создается и действует в соответствии со Статутом, прилагаемым к Статуту Организации, частью которого он является.
3. Статутом Международного Суда является либо (а) Статут Постоянной палаты международного правосудия, который будет оставаться в силе с такими изменениями, которые могут оказаться желательными, либо (b) новый Статут, при подготовке которого в качестве основы должен быть использован статут Постоянной палаты международного правосудия.
4. Все члены Организации являются *ipso facto* (тем самым) участниками Статута Международного Суда.

Глава XIV

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД

Статья 92

Международный Суд является главным судебным органом Организации Объединенных Наций. Он действует в соответствии с прилагаемым Статутом, который основан на Статуте Постоянной палаты международного правосудия и образует неотъемлемую часть настоящего Устава.

Статья 93

1. Все члены Организации являются *ipso facto* участниками Статута Международного Суда.
2. Государство, не являющееся членом Организации, может стать участником Статута Международного Суда на условиях, которые определяются в каждом отдельном случае Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности.

I	II	III
<p>5. Условия, на которых государства, не члены Организации, могут стать участниками Статута Международного Суда, определяются в каждом случае Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности.</p>		<p>Статья 94</p> <p>1. Каждый член Организации обязуется выполнить решения Международного Суда по тому делу, в котором он является стороной.</p> <p>2. В случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение.</p> <p>Статья 95</p> <p>Настоящий Устав ни в коей мере не препятствует членам Организации поручать разрешение своих разногласий другим судам в силу уже существующих соглашений или таких, которые могут быть заключены в будущем.</p> <p>Статья 96</p> <p>1. Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу.</p> <p>2. Другие органы Организации Объединенных Наций и специализированные учреждения, которым Генеральная Ассамблея может дать в любое время разрешение на это, также могут запрашивать консультативные заключения Суда по юридическим вопросам, возникающим в пределах их круга деятельности.</p>
Глава X СЕКРЕТАРИАТ	Глава X СЕКРЕТАРИАТ	Глава XV СЕКРЕТАРИАТ
<p>1. Создается Секретариат, состоящий из Генерального секретаря и такого персонала, который может потребоваться. Генеральный секретарь является главным администратором Организации. Он избирается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности на срок и на условиях, указанных в Статуте.</p> <p>2. Генеральный секретарь действует в этом качестве на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Экономического и Социального Совета и представляет Генеральной Ассамблее ежегодный отчет о работе Организации.</p> <p>3. Генеральный секретарь имеет право доводить до сведения Совета Безопасности о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать международному миру и безопасности.</p>	<p>1. Создается Секретариат из необходимого штата сотрудников, состоящий из Генерального секретаря и четырех его заместителей. (Генеральный секретарь является главным администратором Организации. Он избирается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности и на сроки на условиях, указанных в Уставе). Генеральный секретарь и его заместители избираются Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности на трехгодичный срок, причем Генеральный секретарь может переизбираться. Генеральный секретарь является главным администратором Организации. При исполнении своих обязанностей Генеральный секретарь и его сотрудники ответственны только</p>	<p>Статья 97</p> <p>Секретариат состоит из Генерального секретаря и такого персонала, который может потребоваться для Организации. Генеральный секретарь назначается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. Генеральный секретарь является главным административным должностным лицом Организации.</p> <p>Статья 98</p> <p>Генеральный секретарь действует в этом качестве на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета и Совета по опеке и выполняет такие другие функции, какие возлагаются на него этими органами. Генеральный секретарь представляет Генеральной Ассамблее ежегодный отчет о работе Организации.</p>

I

перед Организацией. Их ответственность носит исключительно международный характер, и в отношении исполнения своих обязанностей они не могут ни обращаться за указаниями к какому-либо властям, посторонним для Организации, ни получать от таковых каких-либо указаний. Члены обязуются блюсти полностью международный характер ответственности Секретариата и не пытаться влиять на своих граждан при исполнении ими своих должностей.

II

III

Статья 99

Генеральный секретарь имеет право доводить до сведения Совета Безопасности о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

Статья 100

1. При исполнении своих обязанностей Генеральный секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указаний от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией.

2. Каждый член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей.

Статья 101

1. Персонал Секретариата назначается Генеральным секретарем, согласно правилам, устанавливаемым Генеральной Ассамблеей.

2. Надлежащий персонал выделяется для постоянной работы в Экономический и Социальный Совет, в Совет по опеке и, по мере надобности, в другие органы Организации. Этот персонал составляет часть Секретариата.

3. При приеме на службу и определении условий службы следует руководствоваться, главным образом, необходимостью обеспечить высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности. Должное внимание следует уделять важности подбора персонала на возможно более широкой географической основе.

Глава XVI

РАЗНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Статья 102

1. Всякий договор и всякое международное соглашение, заключенное любым членом Организации после вступления в силу настоящего Устава, должны быть, при первой возможности, зарегистрированы в Секретариате и им опубликованы.

2. Ни одна из сторон в любом таком договоре или международном

I	II	III
<p>Каждому члену предоставляется один голос на Совещании. Любое изменение Устава, рекомендованное двумя третями голосов Совещания, входит в силу после ратификации, принятой в порядке их конституции членами Организации, состоящими постоянными членами Совета Безопасности, а также большинством других членов Организации.</p>		<p>соглашении, не зарегистрированных в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, не может ссылаться на такой договор или соглашение ни в одном из органов Организации Объединенных Наций.</p> <p>Статья 103 В том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу.</p> <p>Статья 104 Организация Объединенных Наций пользуется на территории каждого из своих членов такой правоспособностью, которая может оказаться необходимой для выполнения ее функций и достижения ее целей.</p> <p>Статья 105 1. Организация Объединенных Наций пользуется на территории каждого из своих членов такими привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для достижения ее целей. 2. Представители членов Организации и ее должностные лица также пользуются привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для самостоятельного выполнения ими своих функций, связанных с деятельностью Организации. 3. Генеральная Ассамблея может делать рекомендации для определения деталей применения пунктов 1 и 2 настоящей статьи, а также может предлагать членам Организации конвенции для этой цели.</p>

Глава XIX

РАТИФИКАЦИЯ И ПОДПИСАНИЕ

Статья 110

1. Настоящий Устав подлежит ратификации подписавшими его государствами, в соответствии с их конституционной процедурой.

I	II	III
		<p>2. Ратификационные грамоты должны сдаваться на хранение правительству Соединенных Штатов Америки, которое будет извещать о сдаче на хранение каждой грамоты все государства, подписавшие Устав, так же как и Генерального секретаря Организации, когда он будет назначен.</p> <p>3. Настоящий Устав вступит в силу по сдаче на хранение ратификационных грамот Китайской Республикой, Францией, Союзом Советских Социалистических Республик, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Соединенными Штатами Америки и большинством других государств, подписавших Устав. После этого правительством Соединенных Штатов Америки будет составлен протокол о сдаче на хранение ратификационных грамот, копии с которого будут разосланы всем подписавшим Устав государствам.</p> <p>4. Государства, подписавшие настоящий Устав, которые ратифицируют его после того, как он вступит в силу, станут первоначальными членами Организации Объединенных Наций со дня сдачи ими на хранение своих соответствующих ратификационных грамот.</p> <p style="text-align: center;">Статья 111</p> <p>Настоящий Устав, китайский, французский, русский, английский и испанский тексты которого являются равно аутентичными, будет храниться в Архиве правительства Соединенных Штатов Америки. Это правительство препровождает копии Устава, должным образом заверенные, правительствам всех других подписавших его государств.</p> <p>В удостоверение чего представители правительств Объединенных Наций подписали настоящий Устав.</p> <p>Составлено в городе Сан-Франциско, июня двадцать шестого дня тысяча девятьсот сорок пятого года.</p>

Источник: Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций: Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944–1945). М., 1960, с. 264–321.

¹ Casus foederis (казус федерис) — действие или событие, специально предусмотренное в договоре между двумя или несколькими государствами о союзе, при наличии которого возникает обязанность для одного или нескольких договаривающихся государств выполнить предусмотренные договором обязательства по отношению к другому или другим участникам договора.

Международно-правовое наследие Великой Отечественной войны

И. Ф. Максимычев*, А. А. Синдеев**

В поисках безопасности. Проблема обеспечения безопасности в самом широком смысле сопровождала человечество с первых дней возникновения общественных ячеек в первобытной среде. Естественно, что перед лицом угроз со стороны дикой природы эта цель была достижимой только в процессе установления договорных контактов с расположенными рядом объединениями людей. Таким образом, межгосударственные отношения возникли ещё до появления государств в современном смысле слова. Конечно, существовавшие в древние времена связи между примитивными родовыми и племенными квазигосударственными образованиями были несравнимы с нынешними сложно структурированными взаимоотношениями между высокоорганизованными государственными организациями, но они наличествовали и выполняли стоявшие перед ними задачи.

Первоначально речь шла главным образом о простейших отношениях «друг-враг», причём «друг» мог внезапно стать «врагом», и наоборот. Очень скоро союзнические узы стали подчиняться лишь одной цели — как половчее общими усилиями ограбить более зажиточного или более сильного соседа, который мог в будущем представлять собой угрозу для союзников. Успех подобных предприятий сплошь и рядом приводил к физическому истреблению тех, кто потерпел поражение. История поражает объёмным списком племён и народностей, от которых осталось лишь наименование, да и то чаще всего в транскрипции победителя. Счастливчик же

увеличивал либо масштаб подконтрольной ему территории, либо численность подчинённого населения, включая рабов, которых затем перепродавали, либо и то, и другое разом. Непрекращаемым считалось правило: чем больше власти-тель подчинял себе земель и народа, тем лучше оказывалась защищённой его и его подданных безопасность.

Кому очень повезло, создавал огромные империи, и сегодня поражающие своими размерами. В Европе наиболее ярким — к тому же достаточно долговечным — примером может служить Римская империя, включавшая в себя в период расцвета почти весь континент с прилегающими областями Северной Африки и Ближнего Востока. С учётом уменьшившегося в размерах восточного осколка империи, Византии, Римское государство, возникшее в VI веке до н. э. как королевство, ставшее затем республикой и на рубеже новой эры империей, просуществовало до 1453 года (отсюда, в частности, и нацистская фразеология о «тысячелетнем рейхе»). Вслед за древними греками римляне относили всех иностранцев к категории «варваров», то есть к нецивилизованной публике, в отношении которой позволено многое, что оставалось неприемлемым для «своих». Мирные договоры с варварами всегда были чем-то ограниченным по времени и означали не больше, чем передышку перед очередной военной кампанией.

Типичным примером могут служить три Пунические войны с Карфагеном (264–241, 218–201, 149–146 гг. до н.э.), в ходе которых Рим

* Максимычев Игорь Федорович — д.и.н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

** Синдеев Алексей Александрович — д.и.н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

сам стоял на краю гибели, но в конце концов добился в буквальном смысле слова полного уничтожения противника. История сохранила предание об одном из римских сенаторов, который каждое своё выступление на любую тему заканчивал так: «В остальном же я считаю, что Карфаген должен быть разрушен». Так называемые «союзники» Рима не имели никакой возможности влиять на его решения — их функция состояла лишь в том, чтобы, не задавая лишних вопросов, выставлять вспомогательные войска по первому требованию римских властей.

Германцы, разгромившие и разграбившие западную часть империи в 476 году, с течением времени соблазнились идеей стать её «законными» наследниками. Франкский король Карл Великий в союзе с католической церковью, сделавшей Рим своим центром, приступил в 800 году к возрождению гиганта. В дальнейшем было сделано уточнение, что восстановленная империя является «Священной» (в отличие от прежней, языческой). С XV века к наименованию рейха стало добавляться ещё одно уточнение — отныне его название звучало так: «Священная Римская империя германской нации». Постепенно эта новая политическая единица с «бродячей» столицей, так никогда и не достигшая характеристик настоящего государства (практически каждому новому кайзеру приходилось вновь собирать земли рейха), стала прообразом того, что сегодня понимают под термином «Запад». «Священное» новообразование пролило реки человеческой крови, постоянно участвуя в организуемых церковью крестовых походах для обращения (и ограбления) неверных, причём в категорию «неверных» охотно включали и единоверцев-христиан, исповедовавших православие. Падение Византии в середине XV века во многом было предопределено её разгромом от рук западных крестоносцев двумя столетиями раньше. Следствием вероломства «божьих воинов» стало дальнейшее углубление раскола между Западом и Востоком Европы.

Параллельно с внешними войнами велось множество внутренних, междоусобных, менее значительных, но не менее кровавых, в которых всегда была замешана официальная церковь. Неудивительно, что нараставшее недовольство населения приобрело форму религиозной розни. Начатое в 1517 году немецким проповедником Мартином Лютером движение за реформу церкви с целью высвобождения её из-под власти папы римского, было поддержано значительной частью тогдашнего западноевропейского обще-

ства. На первых порах Реформация повлекла за собой новые войны, наиболее страшной из которых стала Тридцатилетняя (1618–1648 гг.). В её итоге Германия почти полностью обезлюдела. Тридцатилетнюю войну можно с известным основанием (если рассматривать Европу изолированно от остального мира, что было бы только логично ввиду почти полного отсутствия тогда связей между мировыми цивилизациями) охарактеризовать как «первую глобальную». Однако именно с ней, вернее с Вестфальским миром, который её завершил, связано создание основы современных международных отношений, позволяющей — при надлежащем соблюдении всеми участниками — избегать на будущее войн, во всяком случае всеобщих.

Вестфальский мир предусматривал троякое: отказ от претензий рейха или церкви на роль высшего органа власти по отношению к остальным государствам, каким бы ни было их внутреннее устройство, что в итоге означало провозглашение принципа компромисса, «общего согласия» держав; замена иерархии государств их равноправием, что означало утверждение суверенитета каждого из государственных образований, то есть неотъемлемое право на самостоятельное урегулирование им своих внутренних и иных проблем; признание неуместности идеологического (религиозного) обоснования войн между государствами — единственным «законным» поводом для войны становился отныне «государственный интерес», понимаемый прежде всего как потребность в безопасности. Выработанные Вестфальским мирным договором принципы расчистили путь к развитию и кодификации международного права, заменившего универсальное древнеримское правило «*Vae victis!*» («Горе побеждённому!»).

Надо сказать, что новации Вестфальского мира с трудом пробивали себе дорогу в чаще застарелых европейских противоречий. Они не смогли предотвратить войн французской революции 1789 года и наполеоновской империи, которая вновь попыталась воскресить древнеримский образец (кстати, именно Наполеон прикончил в 1806 году «Священную римскую империю германской нации», последний кайзер которой стал «просто» австрийским императором). В ходе общеевропейских войн на рубеже XVIII–XIX веков континент пережил второе «глобальное» потрясение. Венский конгресс 1814–1815 гг., завершивший эти войны, подтвердил основополагающий принцип

«концерта держав» и в результате подарил Европе целый век континентального мира, если не считать мелких изолированных локальных столкновений. Одним из столпов европейской стабильности стала Россия. Созданный Венским конгрессом континентальный миропорядок стал рушиться с середины XIX века, когда англо-франко-турецкая коалиция затеяла Крымскую войну (1853–1856 гг.) с целью подорвать растущее влияние России в Европе.

К числу негативных последствий Крымской войны относилась и победа Пруссии в ходе франко-прусской войны (1870–1871 гг.). Разгром Франции в условиях ослабления позиций России после Крымской войны привёл к тому, что в центре континента возникла нацеленная на передел мира Германская империя. «Концерт держав» перестал удовлетворять Берлин, ставка вновь была сделана на применение грубой силы. Как встарь, Германский рейх стал добиваться расширения сферы своего господства за счёт захвата чужих территорий в Европе и путём увеличения колониальных владений в других частях света. Происходившее параллельно совершенствование норм международного права — наиболее значительным событием в этом плане стали инициированные Россией Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны» и другие — не смогло переломить тенденции развития ситуации в направлении новой большой войны.

Формально Первую мировую войну затеяла Австро-Венгрия объявлением войны Сербии 28 июля 1914 года. Однако подлинным вдохновителем катастрофы стал вечно торопящийся Германский рейх, возвестивший 1 августа 1914 года о начале войны с Россией (что означало одновременно войну с её союзницей Францией) и нарушивший четыре дня спустя нейтралитет Бельгии, после чего Великобритания выступила на стороне Франции и России. Естественно, что, сдавшись в ноябре 1918 года на милость победителей, Германия была вынуждена принять суровые условия мира. Наряду с ней наибольший урон от войны понесла Россия, ставшая сначала жертвой германского диктата на «мирных переговорах» в Брест-Литовске, а затем погрузившаяся в многолетнюю кровопролитную гражданскую войну, осложнённую иностранной интервенцией. Созданному Францией и Англией Версальскому миропорядку был с самого начала присущ родовой изъян — к его поддержанию не была привлечена Россия. Вер-

сальский мирный договор 1919 года предусматривал ряд мер, которые должны были помещать немцам подготовить реванш, но было ясно, что эти меры возымеют лишь временный эффект. Действительно, Германия сразу же взялась за подготовку отмены наиболее тяжёлых для неё статей Версаля, частично опираясь на сотрудничество с Россией.

Шоковое состояние общественности Европы, вызванное четырёхлетним массовым взаимным убийством на фронтах Первой мировой войны и систематическим разрушением инфраструктуры в тылу её участников, заставило победителей, взявшихся за сотворение послевоенного мира, выйти за рамки мирных договоров с бывшими военными противниками. В качестве ответа на общественный запрос относительно ликвидации возможности повторения подобных катастроф в будущем была создана Лига наций в качестве организации коллективной безопасности всех государств, гарантирующей отпор любым покушениям на неприкосновенность глобального миропорядка. Но Лиге не были приданы достаточные полномочия. У неё не оказалось органа, способного быстро мобилизовать потенциал защиты мира. Она была изначально ослаблена отсутствием среди её членов СССР. Последовательные шаги сначала Веймарской, а затем нацистской Германии по подготовке силового слома Версальской системы не вызвали достаточного противодействия со стороны Запада, занимавшего ведущие позиции в Лиге.

Демонстративное вступление СССР в Лигу наций после выхода из неё гитлеровской Германией не смогло переломить общую неблагоприятную для дела мира ситуацию, хотя в 1933 году в рамках дальнейшей кодификации международного права Лига по советской инициативе приняла развёрнутое юридическое определение термина «агрессия», под которое попадали нацистские «инициативы». Лига окончательно похоронила себя после исключения из Лиги СССР в связи с началом в 1940 году советско-финской «зимней войны», когда Советский Союз на практике приступил к созданию Восточного фронта для отражения надвигающегося нацистского нападения (Финляндия не скрывая готовилась к войне с целью реализации своих территориальных требований).

Захват Германией Польши, разгром Франции, нависшая над Англией угроза высадки германских войск, драматические события начала Великой Отечественной войны Советского Со-

юза — всё это свидетельствовало о том, что политические элиты Европы и мира оказались неспособными поставить прочный заслон на пути агрессора, открыто готовившего нарушение мира. Гигантские потери и разрушения Второй мировой войны требовали учесть ошибки и промахи тех, кто не справился с задачей построить прочный мир после Первой мировой войны. Особая ответственность ложилась на Советский Союз — главную силу Победы, одержанной над гитлеровской Германией и её сателлитами. Советская дипломатия осознала эту ответственность и приложила все силы, чтобы оказаться на высоте стоявших перед ней задач.

У истоков великого союза. Антигитлеровский альянс трёх великих держав (Советского Союза, США и Великобритании) формировался в течение всей войны. Он был основан на национальных интересах каждого участника, концентрировавшихся на достижении главной цели — разгром нацистской Германии и предотвращение реванша с её стороны, а в более широком плане — вообще возникновения новых войн. Однако необходимое для этого взаимное доверие между союзниками строилось с трудом. Уинстон Черчилль в беседах с сотрудниками считал, что русские по развитию «ниже орангутангов»¹. В то же время он откровенно заигрывал с Москвой, против чего резко возражали многие в английских правящих кругах. Например, британскому генералу Бруку политика Лондона в отношении СССР напоминала «раболопствование»: «В результате, — писал он, — они презирают нас и нуждаются в нас лишь тогда, когда могут что-нибудь от нас получить». Сам Черчилль с гордостью называл себя несентиментальным, а своего министра иностранных дел Идена — «совсем испорченным человеком». У импульсивного английского премьер-министра наблюдались попытки договариваться в обход союзника. На Тегеранской конференции он вдруг «разоткровенничался» со Сталиным: мол, «есть некоторые вещи, о которых лучше говорить» без американцев.

Мнение советского руководства о руководителях союзных государств было соответственно невысоким. И. В. Сталин, по воспоминаниям послевоенного времени, полагал, что «Черчилль — это такого рода человек, что... он вытащит у тебя из кармана копейку... Рузвельт... засунет руку за более крупными монетами...»². Кроме того, Черчилля, как следует из письма Сталина послу Майскому, глава советского государства причислял к тем людям, «которые

легко дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его»³.

Стать союзниками столь различных политиков и сильно отличающиеся друг от друга страны вынудила жёсткая логика выживания. Нападение гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 года кардинально изменило ход Второй мировой войны — у Англии впервые появился реальный шанс одержать победу над Германией. В войну оказалась вовлечена крупная сухопутная держава, население которой столкнулось с реальной перспективой физического уничтожения; появился восточный фронт, на который была брошена большая часть наиболее боеспособных вооружённых сил Германии и её союзников. На Нюрнбергском процессе генерал Гальдер сообщал: «Перед нападением на Россию фюрер созвал совещание всех командующих и лиц, связанных с верховным командованием, по вопросу о предстоящем нападении на Россию. Я не могу припомнить точной даты этого совещания... На этом совещании фюрер заявил, что методы, используемые в войне против русских, должны отличаться от методов, применяемых против Запада... Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это русская борьба. Он заявил, что, поскольку русские не подписали Гаагской конвенции, в обращении с их военнопленными не следует придерживаться статей этой конвенции... Он также сказал, что так называемые комиссары не должны рассматриваться как военнопленные». Кейтель дополнил показания Гальдера: «Гитлер упирал главным образом на то, что это решающая битва между двумя идеологиями и что этот факт исключает возможность применения в этой войне (с Россией) методов, которые были известны нам, военным, и которые считались единственно правильными согласно международному праву»⁴.

После 22 июня 1941 года британцы получили, наконец, передышку. Черчилль, выступая 22 июня по радио, подчеркивал то, что объединяет капиталистические страны Запада и Советский Союз: «Вторжение нацистов в Россию — лишь прелюдия к будущей политике завоевания нашей страны... Поэтому нависшая над Россией угроза — это угроза нам и Соединённым Штатам, а дело каждого русского, вставшего на защиту своего очага, — это дело всех свободных людей и народов повсюду на земном шаре»⁵. 21 июня советский посол в Великобритании И. М. Майский писал в своём дневнике о впечатлениях от встречи с британским послом

в СССР Стаффордом Криппсом: «В связи с убеждением, что война между СССР и Германией неизбежна, Криппс уже принял некоторые подготовительные меры. Он договорился с бритпра (британским правительством. — И. М., А. С.) о посылке в Москву военной и экономической миссий — немедленно же по открытии военных действий. Намечены уже люди („серьезные люди, которые многое смогут решать сами на месте!“), обеспечены транспортные возможности. «Не будет потеряно ни одного лишнего часа»⁶. На запрос Криппса ответ был получен 22 июня: советское правительство готово принять британских представителей.

До декабря 1941 года американцы действовали в войне не участвовали. Однако 11 марта 1941 года конгресс США принял закон о ленд-лизе и гарантировал борющимся против агрессора державам материально-техническую помощь. После нападения Германии на СССР американцы высказались также за включение Советского Союза в программу ленд-лиза. С целью установления рабочих контактов президент США Франклин Делано Рузвельт направил своего посланника Гарри Гопкинса в Москву. Гопкинс, прибыв в советскую столицу в конце июля 1941 года, помимо предложения о присоединении к ленд-лизу должен был оценить положение. На него произвела впечатление решимость советского руководства бороться с врагом. Для американцев чрезвычайно важно было продолжение войны: французов они считали проигравшими, а восстановление Франции как великой державы практически невозможным, поэтому помощь Шарлю де Голлю не предлагалась. Советский Союз же, по американским стратегическим оценкам, мог бороться, что предоставляло время для необходимой перестройки экономики США на военный лад. Ведь еще 6 января 1941 года Рузвельт, обращаясь к Конгрессу, лаконично произнес: «...сейчас перед нами стоит неотложная необходимость быстрого и всестороннего увеличения производства вооружений...»⁷. А 17 января 1941 года он представил некоторые контуры будущей американской союзнической стратегии, которая, вне сомнения, была хорошо известна в Москве: «Армия не должна ориентироваться на агрессивные действия до тех пор, пока она не будет полностью к ним готовой; наш военный курс должен быть консервативным до тех пор, пока наша мощь не будет развернута»⁸. Антикоммунистическая пропаганда теряла в новых условиях свое значение⁹.

Советский Союз был заинтересован в заключении соглашений и договоров о получении «переходной» помощи от США и Великобритании, необходимой для перестройки собственной промышленности на выпуск военной продукции. 12 июля 1941 года между Великобританией и СССР было подписано соглашение, в котором фиксировалось, что «1. [о]ба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии. 2. Они, далее, обязуются, что в продолжение этой войны не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹⁰.

18 июля 1941 года Сталин обратился к Черчиллю с письмом об открытии второго фронта. 20 июля Черчилль принял Майского, который и передал «личное послание» Сталина. «Премьер стал его читать медленно, внимательно, все время справляясь с географической картой... — пишет Майский, — Было видно, что он очень доволен самим фактом получения „личного послания“ — и не старается этого скрыть. Когда Черчилль дошел до того абзаца, где Сталин говорит, что положение наших армий сейчас было бы неизмеримо хуже, если бы им пришлось начинать сопротивление со старых, а не с новых границ СССР, он остановился и воскликнул: — Совершенно правильно! Я всегда понимал и оправдывал политику той „ограниченной экспансии“, которую Сталин проводил в последние два года. Но зато по вопросу о втором фронте во Франции Черчилль сразу занял отрицательную позицию¹¹: «Это невозможно. Это рискованно. Это кончится катастрофой для Англии, не принеся никакой пользы нам. Черчилль стал настойчиво меня убеждать, что полон искреннего желания оказать СССР максимальную помощь, но не хочет вместе с тем создавать у нас опасных иллюзий. — Возможности наши, — говорил премьер, — сейчас ограничены. Воевать мы не умеем. У нас нет для этого ни традиций, ни надлежащего воспитания. Армия наша любительская... Черчилль выражал восхищение Красной Армией. Он сознался, что ожидал гораздо худшего».

Позднее же сам Черчилль толковал эти события совершенно по-другому: «Не колеблясь, они стали в настоятельных и резких выражениях требовать от измученной и сражающейся Англии отправки им военных материалов, которых так не хватало ее собственной армии. Они настаивали, чтобы Соединенные Штаты пере-

адресовали им максимальное количество различных материалов, на которые рассчитывали мы, и, более того, уже летом 1941 года они требовали высадки англичан в Европе, любой ценой и невзирая на риск, с целью создания второго фронта... Убедить Советское правительство не было, разумеется, ни малейшей надежды ни тогда, ни в любое другое время. Впоследствии Сталин даже как-то заявил мне, что, если англичане боятся, он готов послать три-четыре русских армейских корпуса, которые справятся с этим делом. Из-за недостатка судов и других материальных факторов я был лишен возможности поймать его на слове»¹².

Повторная просьба относительно второго фронта была озвучена в сентябре 1941 года. И вновь в форме «личного послания» Сталина¹³. Майский описывает встречу с премьер-министром следующим образом: «Англия сейчас не может, не в силах создать второго фронта во Франции... — [сказал] премьер ... Я ответил: — Иногда поражение бывает не менее важно, чем победа. Вспомните прошлую войну. Когда генерал Самсонов вступил в Восточную Пруссию, он тоже не был еще готов для такой операции. Он тоже рисковал поражением. Больше того, он действительно понес поражение и покончил жизнь самоубийством. Но это поражение спасло Париж. Это поражение спасло войну для союзников. Мое замечание произвело сильное впечатление на Черчилля. Видно было, что мысленно он запнулся от моего напоминания. Однако быстро оправился и продолжал отстаивать свою прежнюю точку зрения. Как бы ища оправдания, он предложил мне встретиться завтра с начальниками штабов и в беседе с ними убедиться в невозможности создания второго фронта. — Мы, англичане, плохие союзники на суше, — откровенно сознался Черчилль. — Да и разве может быть иначе? Мы сильны на море, мы не плохи в воздухе, но на суше... У нас нет ни традиций, ни опыта, ни вкуса. Наша армия пока еще слаба и недостаточно обучена. Ей нужны опыт и время. Вот через 4–5 лет она сможет стать серьезной силой! Видя, что продолжать полемику по вопросу о втором фронте бесполезно, я отступил на „вторую линию“ и сделал особый упор на вопросах военного снабжения. Здесь премьер, как я и предполагал, оказался гораздо податливее. — Только не ждите от нас слишком много! — предостерег Черчилль. — У нас самих не хватает оружия. Свыше миллиона английских солдат еще невооружены. И Черчилль с искоркой в глазах, точно мальчишка, который

хващается, что ловко надул одноклассника, рассказал, как на свидании в Атлантике ему удалось выцарапать у Рузвельта 150 тыс. винтовок. 150 тыс.! Вот о каких цифрах пока приходится говорить. Что касается танков, то о 500 танках в месяц не может быть и речи. Все танковое производство Англии не достигает этой цифры! — Я не хочу вводить вас в заблуждение, — подвел итог Черчилль. — Я буду откровенен. До зимы мы не сможем оказать вам никакой существенной помощи ни созданием второго фронта, ни слишком обильным снабжением. Мне горько это говорить, но истина прежде всего. В будущем иное дело. В 1942 г. ситуация изменится. И Черчилль закончил с полуулыбкой в голосе: — В течение ближайших 6–7 недель вам может помочь только Бог, в которого вы не верите»¹⁴. Кроме того, проблемой являлось отсутствие согласованного союзниками «общего стратегического плана войны».

Для Великобритании приоритет имело укрепление англо-американского союза. В январе 1941 года начались секретные переговоры между обеими странами, цель которых состояла в согласовании стратегии и тактики в период войны. В августе же 1941 года Черчилль отправился на первую встречу с американским президентом, очевидцы которой не раз писали об усердии премьер-министра и постоянных знаках внимания, оказываемых им президенту¹⁵. Результатом встречи Рузвельта и Черчилля стала «Атлантическая хартия». Правда, ссылок на нее с каждым годом войны делалось все меньше. Американцы, не являясь воюющей державой, не хотели брать на себя конкретные обязательства. В ходе послевоенного урегулирования они планировали внести изменения в колониальную систему, с чем Черчилль согласиться никак не мог.

«Атлантическая хартия» носила декларативный характер. Стороны обещали предоставить «всем государствам, большим или малым, победителям или побежденным» доступ к торговле и источникам сырья, добиться открытых морей и океанов, создать «широкую и постоянную систему общей безопасности» и обеспечить «сотрудничеств[о] между всеми государствами в экономической области»¹⁶. Обе страны провозглашали принцип отказа от территориальных приобретений. Рузвельт пока не дал согласия на образование некоей международной организации. Британский премьер, автор предложения о подобной организации, впрочем, заявил, что ее создание не стоит форсиро-

вать: после окончания войны должно пройти определенное время. Он надеялся, по всей видимости, на то, что послевоенная ситуация прояснит, с кем и на каких условиях имеет смысл заключать долгосрочные союзы и позволит его стране получить от них максимальную выгоду. Черчилль не был в восторге от идеи Рузвельта добиться снятия препятствий в торговле, так как Великобритания лишалась бы в этом случае многих преимуществ в колониях, но пошел на компромисс.

Определения средств для реализации согласованных принципов и сложных обязательств не произошло, что среди прочего позволило присоединиться к «Атлантической хартии» большому кругу стран. Образовались так называемые «Объединенные нации»¹⁷. Сталин поручил подписать декларацию о присоединении, не останавливаясь на мелких деталях. Он сформулировал свое отношение к излишним «тонкостям» и «нюансам», отметив в конце 1941 года в ходе беседы с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом: «Мы находимся сейчас в гуще величайшей войны в истории, а вы увлекаетесь тонкими формулами относительно де-юре и де-факто. Это сейчас несвоевременно»¹⁸.

24 августа 1941 года Черчилль информировал британскую общественность о результатах встречи с американским президентом: «Три дня я вел переговоры, а также смею утверждать — весьма приятные дружеские беседы с господином Рузвельтом... в распоряжении наших великих братских государств... находятся поистине колоссальные силы, которые сейчас лишь частично мобилизованы... К счастью для остального прогрессивного человечества, наши народы говорят на одном и том же языке и в значительной степени поддерживают одни и те же идеи, ну или во всяком случае разделяют многие из них... мы продемонстрировали полное единение и согласие, которое движет англоговорящими народами во всем мире и спасает их в решающие моменты истории». Англоговорящие страны, по Черчиллю, якобы взяли на себя «ответственность за судьбу огромного множества простых людей на всех континентах». В то же время он открыто признал значение борьбы советского народа и восточного фронта: «Впервые, — с пафосом утверждал Черчилль, — нацистская кровь полилась полноводной рекой»¹⁹.

На дипломатическом фронте перед Советским Союзом стояли три задачи:

- *первая* — обеспечить преобразование двустороннего англо-американского формата в трехсторонний формат с участием СССР. Позитивным сигналом в этой связи стало предложение Соединенных Штатов и Великобритании от 15 августа 1941 года, в котором высказывалось подобное пожелание²⁰. Однако целый ряд вопросов, в первую очередь о европейских границах, пока не мог рассматриваться в рамках трехстороннего формата. Москва считала, что их будет целесообразнее обсудить с англичанами. Последние, кстати, в стремлении абсолютизировать собственную роль в англосаксонском братстве, подливали масла в огонь. 29 августа 1941 года Черчилль в письме Рузвельту высказывал сомнение в способности СССР продолжать войну и указывал на возможный, по его мнению, сценарий, когда Великобритании придется воевать с Германией один на один. Именно от британцев американскому президенту пришлось услышать небылицы об опасности сепаратного мира между СССР и Германией;
 - *вторая* — добиться со стороны западных союзников максимального удовлетворения заявок на материально-техническую помощь, которая была призвана преодолеть сложности начального периода войны;
 - *третья* — попытаться согласовать открытие второго фронта. При этом разрабатывались различные варианты: и возможность участия военных формирований союзников в боях на советском фронте²¹, и их самостоятельная высадка на Западе, и проведение совместной операции вне пределов границ СССР, например в Норвегии или Финляндии. Сталин не возражал первоначально и против высадки союзников не во Франции, а на Балканах. 17 декабря 1941 года он спросил английского министра иностранных дел, «не думает ли Иден, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах»²².
- Прошедшая с 29 сентября по 1 октября 1941 года Московская конференция имела большое значение. На ней, с одной стороны, были согласованы поставки в Советский Союз с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 года вооружений и техники, что рассеяло британские опасения относительно выхода СССР из войны. С другой стороны, конференция продемонстрировала всему миру, что появились три союзные державы и они способны договариваться меж-

ду собой в трудных условиях, даже несмотря на наступления врага на Москву. Противоречия оставались скрытыми от глаз общественности.

В ходе конференции бросалась в глаза активность британцев, взявших на себя роль адвокатов США. Показательна беседа, состоявшаяся 30 сентября: «Я думаю, — сказал Сталин, — что наше соглашение с Англией о сотрудничестве против Германии и о незаключении сепаратного мира следовало бы превратить в союзный договор, который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период. Наше правительство целиком стоит за это». Сталин предложил «закончить конференцию подписанием соглашения о сотрудничестве трех держав», на что Бивербрук ответил: «Я думаю, что это было бы трудно для Америки. *Гарриман*. Лорд Бивербрук говорит на основании личного опыта. Не следует нажимать на президента соглашениями. *Сталин*. Я не нажимаю, а лишь спрашиваю. *Гарриман*. Вы должны понимать, куда президент ведет свою страну. *Сталин*. Но все-таки есть много неясного в позиции Америки: с одной стороны, она поддерживает воюющую Англию, а с другой стороны, поддерживает дипломатические отношения с Германией. *Бивербрук*. Америка делает все, что может, для причинения вреда Германии. Страна очень дружелюбна в отношении Великобритании, но армия и флот не готовы расставаться со своим собственным снабжением. Рузвельт, Гопкинс и Гарриман, однако, все протаскивают. Я хотел бы, чтобы Вы были таким же другом этих людей, как мы сами. *Гарриман*. Для внесения ясности добавлю, что наш флот хочет войны с Германией и по всем определениям понятия войны он уже воюет, получив приказ стрелять по германским судам. Армия же наша слишком мала, но затруднения преодолеваются»²³.

Согласно взятым на себя обязательствам на Московской конференции Великобритания и США обязались поставлять в месяц 100 бомбардировщиков, 300 истребителей, 500 пушечных танков и т. п. Одновременно с этим Бивербрук обещал прибыть в Москву «через восемь-девять месяцев с предложением снабжения в большом масштабе». 8 ноября Сталин писал Черчиллю: «Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде»²⁴. А уже 24 ноября Черчилль предлагал Рузвельту сообщить

СССР о невозможности осуществлять поставки в полном объеме. Рузвельт со своей стороны рекомендовал ранее Черчиллю не предъявлять Сталину требований. Основная цель Запада, по его мнению, — сделать все, чтобы Советский Союз боролся и удерживал немецкие дивизии на восточном фронте. Забегая вперед, необходимо отметить, что поставки по ленд-лизу задерживались и проходили не регулярно. В конце 1941 года наша страна смогла получить только двадцать процентов от согласованных объемов. Причины назывались разные, главным образом, активность немецких подводок и нехватка технических мощностей для доставки.

7 декабря 1941 года Япония атаковала Америку, разгромив американскую базу Пёрл-Харбор. 8 декабря Рузвельт предложил Конгрессу объявить войну Японии, что и было сделано. Затем Америка вступила в войну и с Германией. Советское руководство стремилось закрепить достигнутый на Московской конференции дипломатический успех. Сталин в ноябре 1941 года в письме к Черчиллю повторил предложение заключить договор не только на военный, но и на послевоенный период. Началась «борьба за арифметику» — именно так Сталин представлял Идену преимущество договора. Соглашения, по его мнению, являются «алгеброй», СССР и Великобритания нуждаются в «арифметике», то есть в понятных условиях и правилах. В Москве была подготовлена следующая стратегия предстоявших декабрьских переговоров 1941 года с Иденом: высказать максимальное требование о зонах влияния в Европе, продемонстрировав готовность признать военные базы Великобритании в Нидерландах и Бельгии. В том случае, если британский министр иностранных дел откажется обсуждать данный вопрос, указать на принципиальное значение признания границ СССР 1941 года. Наш посол в Великобритании Майский не был проинформирован о данной стратегии, иначе он вряд ли бы заявил Идену о незначительности расхождения в тексте соглашения.

В первоначальном советском варианте договора речь шла о союзе между двумя странами, обязательствах «не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон» и действовать «при решении послевоенных вопросов, связанных с организацией дела мира и безопасности в Европе... по **взаимному согласию** (выделено нами. — *И. М., А. С.*)»²⁵. Советский Союз рассматривал до-

говор в качестве рамочного, в него не имело смысла вписывать конкретные обязательства. Логика британцев была иной. Они намеревались подписать соглашение, а не договор, поэтому, с одной стороны, акцентировали внимание на принципах Атлантической хартии, на том, что «[м]ирное урегулирование должно включать установление и поддержание условий, которые обеспечат, чтобы Германия не смогла снова нарушить мир во всем мире». С другой стороны, британская сторона хотела видеть в тексте положение о гарантии и «укреплени[и] экономической и политической независимости всех европейских стран, существующих как отдельные государственные единицы или как федерации»²⁶, а также «переустройства промышленной и экономической жизни тех стран, территории которых были оккупированы державами оси»²⁷, что фактически противоречило «Атлантической хартии» и могло интерпретироваться советской стороной как стремление партнера способствовать появлению на западных границах СССР неких крупных территориальных образований, которые могли бы противостоять усилению влияния Советского Союза. Во всяком случае, «федеральный вопрос» предстояло прояснить. Перспективной для СССР была инициатива британцев относительно желания оказывать «друг другу всю возможную экономическую помощь после войны... и... обмен[а] экономическими миссиями», содержащаяся в одной из статей их текста.

Британцы отказались подписывать договор: Иден уверял, что без согласия всех доминионов он этого сделать не может. (Видимо, забыв об этом, Черчилль в 1944 году убеждал Сталина в обратном: кабинет согласовывает все, что он и Иден ему представляет.) В декабре 1941 года Иден пошел на хитрость, выступив за координацию с американцами, хотя Бивербрук уже объяснил Сталину в присутствии Гарримана, насколько маловероятным было получение американского согласия в то время. Не случайно Сталин «возразил, что есть ряд вопросов, которые касаются интересов безопасности только наших двух стран. Такие вопросы, казалось бы, мы могли бы обсуждать вполне самостоятельно»²⁸. Интересно, что Иден предложил исключить из приведенной ниже статьи договора (соглашения) упоминание о «приобретениях»: «Обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны, с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно

как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами — не стремиться к приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы». Сталин же настаивал на компромиссе: записать вместо «приобретений» — «территориальные приобретения». На его взгляд, данное указание чрезвычайно важно, так как на Западе думают, что СССР планирует «большевизировать Европу».

Из обсуждавшегося Сталиным и Иденом текста статьи очевидно: Советскому Союзу нужно было признание и восстановление границ 1941 года. Британцы не собирались брать на себя подобные обязательства, стремясь извлечь максимальную выгоду из последующего развития событий. Ссылки на американцев (якобы Черчилль дал им обещание не подписывать никаких документов по границам) и одновременно выдвижение федерального вопроса как-то слабо согласовывались друг с другом. Во время пребывания Идена в Москве Черчилль ехал на новую встречу с Рузвельтом, поэтому при наличии интереса они вполне могли всесторонне обсудить советскую позицию. Тем более, что вступление Америки в войну создавало благоприятную почву для советских инициатив.

18 декабря 1941 года Иден вновь предложил Сталину подписать соглашение, но теперь с последующим возможным преобразованием его в договор при условии, что доминионы поддержат трансформацию документа. Сталин спустя два дня высказался против этого: «Ведь соглашение должно было бы быть опубликовано и последующее превращение его в договор подало бы повод к разным нежелательным толкам и слухам. Лучше потому отложить подписание соглашений на те две-три недели, которые потребны Идену для консультирования со всеми заинтересованными инстанциями». Более того, он «несколько удивлен зависимостью английской политики от американского правительства»²⁹.

В итоге Сталин отказался подписывать даже соглашение, если в нем не найдет отражение факт признания советских границ 1941 года. На возмущение Идена, зачем он тогда вообще приезжал в Москву, было сказано, что он заранее знал от Майского о мнении СССР. Сталин в достаточно резкой форме заметил британскому министру иностранных дел, «что позиция, [им] занятая... в сущности ничем не отличается от позиции, которую в свое время занима-

ло правительство Чемберлена в вопросе о балтийских государствах. Тов. Сталин, — читаем в советском протоколе беседы, — чрезвычайно удивлен данным обстоятельством, но если это так, то, очевидно, будет очень трудно прийти к соглашению о заключении договоров... Тов. Сталин... не понимает позицию британского правительства. Как будто бы союзник должен поддерживать союзника... Если Англия не считает для себя возможным занять подобную позицию, то лучше тогда отложить подписание договоров и остаться при том пакте взаимопомощи, который был заключен между обеими странами в июле месяце»³⁰.

СССР настаивал на общепринятом понимании сотрудничества, основанного на взаимопомощи и учете интересов обоих партнеров. Сталин оказывал давление на Идена, не подбирая дипломатических формулировок, что видно, например, из его сознательно усиленной оценки Атлантической хартии: «Невольно создается впечатление, — утверждал Сталин, — что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР»³¹.

Не случайно 19 декабря 1941 года Молотов заявил послу Великобритании в СССР Криппсу: «Наши отношения должны быть построены на другой основе, в соответствии с теми отношениями, которые сложились между СССР и Англией в борьбе с общим врагом. Отсюда нужно сделать вывод, что нельзя держаться за старые формулы, которые не подходят к новой обстановке»³². Контрнаступление под Москвой позволило руководству Советского Союза проявить твердость и пойти на временное обострение советско-британских отношений, отложив подписание документов и переговоры по ним.

22 декабря Черчилль прибыл в США и смог на этот раз находиться в гостях у президента около трех недель. Ему надо было убедить Рузвельта в первостепенной важности совместных действий с Англией, приоритете европейского фронта по сравнению с тихоокеанским, необходимости в первую очередь разгромить Гитлера. Это ему удалось. 26 декабря Черчилль обратился к Конгрессу США с речью, в которой нарисовал такую перспективу: «К концу 1942 года мы совершенно определенно улучшим свое стратегическое положение, а к концу 1943 года — возьмем инициативу в свои руки и приступим к масштабным наступательным действиям»³³.

Британский премьер-министр мог позволить себе подобные рассуждения, так как собирался предоставить воевать в Европе Советскому Союзу, даже ценой роста его авторитета в странах антигитлеровской коалиции. 15 февраля 1942 года Майский записал в своем дневнике: «Все больше понимается: на нашем фронте решается судьба войны, придет спасение. Рост престижа Красной Армии. Восторги. Разбита легенда германской „непобедимости“. Скоро поломаем ребра германской армии. Полушутя, полусерьезно вопросом: „Нельзя ли получить в долг парочку ваших генералов?“ — Криппс поднял престиж советских „молодых“ генералов. Благодарность населения за отсутствие налетов 9 месяцев. Вторжение — поблудило. СССР очень популярен. Как бы меня не задушили дружеские объятия»³⁴. Любопытно, что график выхода англо-американского военно-промышленного комплекса и армии «на полную мощь» поразительным образом совпал с высказываниями Черчилля: американцы считали «датой полной мобилизации ресурсов» 1 июля 1943 года.

После приостановки контрнаступления советских войск в 1942 принципиальное значение вновь приобрел вопрос второго фронта. С целью его решения Сталин собирался опереться на британское общественное мнение, на желание граждан Великобритании помочь Советскому Союзу. Ситуация как будто складывалась благоприятная: американцы предоставили новый кредит в 1 млрд долларов, а британцы в марте 1942 года были готовы (с рядом оговорок) увеличить оказываемую помощь на 50 %. Кроме того, Сталин мог ссылаться на письмо Рузвельта, в котором тот сам поднимал вопрос второго фронта³⁵. От СССР американцы хотели получить разрешение на использование баз на Дальнем Востоке.

В мае 1942 года министр иностранных дел В. Молотов отправляется с визитом в Великобританию и США. (К этому времени Черчилль и Рузвельт уже согласовали план масштабной кампании на 1943 год). В условиях войны перелет представлял собою сложную операцию. В Лондоне Молотову предстояло обсудить с британцами проблему второго фронта и продолжить выработку текста договора. Теперь Лондон не стал возражать против подписания именно договора.

По поводу второго фронта сразу наметились разногласия: Черчилль не собирался помогать СССР напрямую, для него большее

значение имело использование присылаемых в Европу американских войск в британских интересах. Тогда и появилось обоснование, которое он потом постоянно повторял: вопрос второго фронта — технический вопрос. Этот тезис был призван подчеркнуть принципиальное согласие на открытие фронта и одновременно продемонстрировать, что в настоящее время «к большому сожалению» отсутствие соответствующего тоннажа, десантных войск или иного материально-технического обеспечения не позволяет перейти от слов к делу. Теперь Черчилль был убежден, что Советский Союз сможет бороться с Гитлером в одиночку. Число вероятных советских жертв его, как и прежде, не интересовало. Сентиментальность, действительно, была не свойственна британскому премьер-министру. В октябре 1944 года он, к примеру, эмоционально заявил Сталину: «Вообще говоря, ему на Болгарию наплевать...».

У Молотова не было уверенности в том, что он сможет достигнуть успеха относительно открытия второго фронта. Однако он упорно ставил этот вопрос, утверждая, что проблема носит политический характер и, следовательно, речь идет о простом нежелании Черчилля помогать СССР. Позднее Молотов объяснял свою настойчивость следующим образом: «С моей точки зрения, Черчилль наиболее умный из них как империалист. Он чувствовал, что если мы разгромим немцев, то и от Англии понемногу полетят перья. Он чувствовал. А Рузвельт все-таки думал: они к нам придут поклониться. Бедная страна, промышленности нет, хлеба нет, — придут и будут кланяться. Некуда им деться. А мы совсем иначе смотрели на это. Потому что в этом отношении весь народ был подготовлен и к жертвам, и к борьбе, и к беспощадным разоблачениям всяких внешних антуражей. Конечно, мы не верили в такой второй фронт, но должны были его добиваться. Мы втягивали их: не можешь, а обещал...»³⁶.

Как свидетельствуют американские источники, Молотов ошибался не намного. Так, в документах командования вооруженных сил США значилось: «Если союзники победят, Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание. Далее, после войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными. Ей придется не толь-

ко восстанавливать жилища, промышленность, сырье и фермы, потерянные в результате войны, но она должна будет обеспечить ресурсы для неизбежного повышения жизненного уровня у себя... мы должны быть по отношению к ней столь дружественно настроенными и готовыми помочь ей, чтобы она не только сражалась вплоть до разгрома Германии и оказала нам важную помощь в разгроме Японии, но также охотно присоединилась к нам для создания прочного мира и взаимовыгодных отношений в послевоенном мире...»³⁷.

На вопрос Молотова, что будет делать Великобритания в случае поражения СССР, Черчилль ответил без запинки: «Если против ожидания Советская Армия будет побеждена и наступит худшее из худших, мы будем драться и надеемся с помощью Соединенных Штатов завоевать подавляющее превосходство в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или 2 лет даст нам возможность подвергнуть уничтожающим атакам германские города и промышленность. Более того, мы будем поддерживать блокаду и высаживать на континент десанты во все более увеличивающемся количестве»³⁸. Таким образом, британское правительство не скрывало, что готово пойти на риск с десантными операциями в 1942 году только в случае поражения партнера.

Что касается договора, то сначала шла работа над деталями уже известных по московскому визиту Идена текстов. Советская сторона согласилась с расширением обязательства решать послевоенные вопросы не только с взаимного согласия, но «и с учетом других заинтересованных государств». По мнению Идена, это следует сделать ради Соединенных Штатов. В вопросе границ удалось добиться небольшого прогресса, поэтому 22 мая Молотов заметил Идену: «Британское правительство согласно с решением вопроса о советской границе в Прибалтике, но возражает в вопросе о советской границе с Польшей. Вот данные. Граница СССР с Прибалтийскими республиками составляет 400 км., а с Польшей 800 км., то есть в два раза больше. Спрашивается, как мы можем говорить в договоре об учете интересов СССР в деле восстановления границ, когда 2/3 всей этой границы СССР остаются спорным вопросом и, более того, английское правительство еще снова заявляет, что оно не признает изменения границ 1939 года...»³⁹. В этой ситуации Молотов был вновь готов отказаться от подписания договора.

Затем Иден представил новый проект договора, который, по его мнению, «способен был бы вывести нас из создавшихся затруднений». Британская сторона, по всей видимости, полагала, что договор больше необходим Советскому Союзу, и Иден пытался давить на партнера: если советская сторона не согласна, — говорил он, — то «подписание придется отложить до возвращения тов. Молотова из Америки»⁴⁰. Самое принципиальное отличие нового текста от прежних проектов состояло в том, что он должен был действовать в течение 20 лет. 23 мая Молотов писал Сталину: «1. Все последние беседы создают у меня впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами. 2. Возвращение после США в Англию считаю нецелесообразным, так как нет перспектив на улучшение дел от этого. 3. Видимо, и в США благоприятных перспектив для моей поездки нет, но обещание приехать придется выполнить»⁴¹. Однако Сталин поручил Молотову на обратном пути все же вновь прибыть в Лондон и не согласился с его оценкой договора. 24 мая Молотов получил шифртелеграмму из Москвы: «1. Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом... Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку»⁴². На предложение Молотова о присоединении к договору Соединенных Штатов Москва ответила, что делать этого «не следует, так как это будет нескромностью и англичане расценили бы это как умаление их (британцев. — И. М., А. С.) роли». 26 мая 1942 года «Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был подписан.

В Соединенные Штаты Молотов отправился с еще большими сомнениями относительно того, удастся ли положительно решить вопрос о втором фронте. Рузвельт увидел, как он писал Черчиллю, унылое настроение министра иностранных дел СССР. Однако Молотову достаточно легко удалось добиться американского согласия упомянуть в заключительном коммюнике по итогам встречи об открытии второго фронта в 1942 году. Генерал Маршалл настоял лишь на одной корректуре: вместо «август 1942 года» было записано просто «1942 год». «...Он считает, вопреки мнению многих американцев, — сказал Рузвельт на встрече с Молотовым 29 мая 1942 го-

да, — необходимым в первую очередь покончить с Гитлером, а затем с Японией. Поэтому он готов сделать все в 1942 году, чтобы облегчить бремя борьбы СССР против Гитлера...». Американский президент продемонстрировал готовность направить во Францию около 6–10 дивизий с учетом того, что «[в]озможно придется пережить Дюнкерк... Надо идти на жертвы, чтобы помочь СССР в 1942 году»⁴³. При этом и Молотов, и Рузвельт осознавали: без согласия британцев открытие второго фронта в 1942 году вряд ли будет возможным.

Изучались различные формы кооперации. Так, в июне 1942 года СССР дал согласие на предоставление аэродромов в Краснодаре и Армавире для организации бомбардировок ВВС США территории Румынии. Советский Союз заявил о готовности согласиться с сокращением поставок по ленд-лизу почти на 40 %, чтобы высвободить необходимые мощности для операции по открытию второго фронта. Данное решение далось не просто. Ведь по поручению Москвы Молотов озвучил заявку СССР на предоставление американцами ежемесячно не менее 3000 грузовиков⁴⁴, 50 бомбардировщиков Б-25, 150 бомбардировщиков Бостон-3 и организацию одного конвоя с патрулированием ВМС США. Американская сторона настаивала на более активном участии в охране конвоя советских войск.

После возвращения Молотова в Европу советский посол в США М. М. Литвинов⁴⁵ подписал 11 июня Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии, в котором в первых двух статьях значилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять. Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей...». В статье 7 детализировались принципы предоставления «льгот»: «их условия должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимно выгодным экономическим отноше-

ям между ними и улучшению мировых экономических отношений. С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий... к которым могли бы присоединяться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые были бы направлены к расширению путем соответствующих международных и внутригосударственных мероприятий производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров...»⁴⁶.

Вернувшись в Лондон Молотов вновь попытался оказать давление на Черчилля в вопросе второго фронта. Теперь он мог сослаться на позицию Соединенных Штатов и их принципиальную поддержку операции, что и сделал в беседе с премьер-министром 9 июня 1942 года. «[О]существление второго фронта зависит в большей степени от Великобритании, чем от США...», — констатировал советский министр иностранных дел. По мнению Молотова, в этот вопрос внесена ясность. Черчилль категорически отказался от малочисленной десантной операции: «Он (Черчилль. — И. М., А. С.) ни за что не пойдет на новый Дюнкерк и на бесплодную потерю 100–120 тысяч войск, кто бы ни рекомендовал ему это сделать...»⁴⁷. Однако Черчилль не исключил подготовки осенью 1942 года 6 дивизий для высадки, то есть был готов рассмотреть реализацию второго фронта в малом формате. Интересы ко второму фронту у него не было, но без согласования позиции с американским президентом Черчилль действовать не мог и не хотел⁴⁸, поэтому не отказал категорически.

Следует напомнить, что в ходе визита британского премьера в США (июнь 1942 года) было согласовано сотрудничество в рамках Манхетенского проекта по созданию атомного оружия. «Я настойчиво требовал, — вспоминал Черчилль, — чтобы мы немедленно объединили всю нашу информацию, работали совместно на равных правах и поровну делили между собой результаты, если таковые будут получены»⁴⁹.

США и Великобритания решили перенести открытие второго фронта на 1943 год. В августе 1942 года Черчилль прибыл в Москву, чтобы лично сообщить Сталину о переносе и начале британско-американской операции в Северной Африке. Из воспоминаний Черчилля: «Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивили-

зованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году». Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников»⁵⁰.

Источники позволяют сделать вывод, что Сталин был уверен, что второй фронт все же будет. Он высказал сопровождавшему Черчилля К.В. Новикову сомнения относительно сообщения, посланного им из Тегерана относительно «истинной цели» визита британского премьер-министра. На встрече 12 августа сомнения рассеялись. Тогда в ответ на заявление Черчилля о переносе открытия второго фронта Сталин жестко сказал: «Тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны» и «Не надо только бояться немцев». Черчилль рассчитывал представить дело так, будто бы союзники открывают второй фронт не в Европе, а в Северной Африке. «...второй фронт в Европе это не единственный второй фронт», — заверил премьер-министр⁵¹. Он старался уменьшить долю вины Великобритании. По его словам, «[а]нгличане к этой операции имеют близкое, но не прямое отношение»⁵². 13 августа Сталин в еще более жесткой форме высказал Черчиллю свою точку зрения: «...Англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а он, Сталин, считает его первостепенным». К тому же, они не выполняют взятые на себя обязательства по ленд-лизу: «Дают не то, что обещано». «Мы, — продолжил Сталин, — теряем ежедневно 10 тыс. человек. Мы имеем против себя 280 дивизий противника, из них 25 танковых...»⁵³. Черчилль открыто размышлял о британских войсках на территории СССР, что не входило в интересы нашей страны. «Затем я, — писал Черчилль, — стал раскрывать перспективу размещения англо-американских военно-воздушных сил на южном фланге русских армий для защиты Каспийского моря и Кавказских гор и вообще участия в сражениях на этом театре военных действий. Однако я не вдавался в подробности, так как мы, конечно, сначала должны выиграть нашу битву в Египте, а я не знаю планов президента относительно амери-

канского вклада. Если Сталину нравится эта идея, то мы начнем разрабатывать детали»⁵⁴.

14 августа советская сторона вручила британцам меморандум, в котором отмечалось, что отказ Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942 г., вопрос о котором был предreshен и отражен в опубликованном 12 июня 1942 г. совместном коммюнике, наносит большой ущерб Красной армии и общему делу союзников. Впрочем, из августовских бесед со Сталиным Черчилль вынес убежденность, что Сталин не сомневается, что СССР победит, о чем не преминул сообщить Рузвельту.

19 октября 1942 года Сталин написал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то что он безусловно мог это выполнить»⁵⁵.

Не способствовало укреплению доверия секретное донесение, полученное в Москве по результатам встречи британского премьера и американского президента в Касабланке в январе 1943 года, несмотря на то, что там было принято решение о безоговорочной капитуляции Германии и ее союзников. «Представитель «Сражающейся Франции» конфиденциально сообщил следующее: «Поспешный созыв конференции в Касабланке явился результатом последних значительных успехов советской армии, поскольку Рузвельт и Черчилль обеспокоены возможностью победы русских над Германией до открытия союзниками второго фронта в Европе. Вследствие этого переговоры на конференции касались главным образом возможности немедленного открытия такого фронта»⁵⁶. Вызывало озабоченность СССР решение Рузвельта и Черчилля (30 марта 1943 года) об ограничении поставок по ленд-лизу.

Сталинградская битва, а затем танковое сражение на Курской дуге изменили военно-стратегическую ситуацию в пользу СССР. Сталин понимал, что союзники теперь сами за-

интересованы в скорейшем открытии второго фронта, а задержка, о которой в мае 1943 года было сообщено из Вашингтона в Москву, скорее обусловлена желанием перебросить максимальное количество солдат и техники, чтобы не дать советским войскам освободить большую часть Европы, и необходимостью согласовать детали предстоящей операции, включая место высадки.

Рузвельт хотел провести личную встречу со Сталиным, о чем последнему сообщил посол США в СССР Дэвис⁵⁷. Черчилль настоял на трехстороннем формате⁵⁸. После подготовительной Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 года в следующем месяце в Тегеране прошла первая трехсторонняя конференция, на которой Сталин и Рузвельт встретились впервые. Черчилль предпринимал многочисленные попытки, чтобы добиться согласия Сталина на второй фронт на Балканах, но после поддержки СССР Рузвельтом ему пришлось возвращаться к первоначальному варианту — высадке во Франции. В случае отказа открыть второй фронт на французской территории Сталин был готов даже покинуть конференцию. Как вспоминал переводчик В.М. Бережков, после очередной тирады Черчилля о важности боевых действий в Средиземноморье⁵⁹, он поднялся и сказал Молотову: «Идем, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте». Остановил его Рузвельт, прервав заседание. Сталин характеризовал инициативы Черчилля очень резко: «Операции в районе Средиземного моря, о которых говорит Черчилль, это только диверсии. Я не отрицаю значения этих диверсий...»⁶⁰

Самое главное Рузвельт сообщил Сталину 30 ноября в присутствии Черчилля за завтраком: «Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием Черчилля и Рузвельта приняли следующее предложение: Операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени»⁶¹.

Решение о втором фронте стало основным на Тегеранской конференции: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха, — читаем в официальном документе, подготовленном по итогам конференции. — Наше наступление будет беспощадным и нарастаю-

щим... Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели»⁶².

М. Джилас вспоминал о событиях 1944 года, связанных с открытием второго фронта: «В течение вечера поступили две депеши... Второе послание было от Черчилля. Он сообщал, что высадка во Франции начнется на следующий день. Сталин начал осмеивать депешу: Да, высадка состоится, если не будет тумана. До сих пор постоянно что-то мешало. Завтра, подозреваю, будет что-нибудь еще. Может быть, они случайно встретятся с немцами! Ну и что, если они случайно встретятся с немцами! Может быть, тогда высадка и не состоится, а все, как обычно, ограничится обещаниями»⁶³.

Сложный процесс формирования антигитлеровского союза, таким образом, успешно завершился. Началось совместное наступление союзников в Европе.

* * *

Великий антигитлеровский союз был уникален по своему характеру. Его особенности не исчерпывались наличием противоречий между его участниками. Если британцы опасались сближения с СССР, то в отношениях между СССР и США наметились линии взаимодействия. 28 ноября 1943 года Сталин сказал Рузвельту: «Россия будет представлять собой после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Черчилль же, как противник коммунистической системы, не скрывал радости от того, что Риббентроп не прислушался к совету Эрнста фон Вайцзеккера, призывавшего 28 апреля 1941 года продолжать войну с Великобританией и указавшего на бессмысленность военных действий в России: «Нападение Германии на Россию послужило бы лишь источником моральной силы для англичан. Оно было бы истолковано ими как неуверенность Германии в успехе ее борьбы против Англии. Тем самым мы не только признали бы, что война продлится еще долго, но и могли бы действительно затянуть ее вместо того, чтобы сократить». Черчилль: «Официальный глава германского министерства иностранных дел Вайцзеккер, несомненно, дал своему начальству хороший совет, и мы можем только радоваться, что оно не последовало этому совету».

Союз великих держав мог устойчиво развиваться только на основе взаимного уважения национальных интересов и равенстве прав каждой из них. Опасность заключалась прежде

всего в том, что западные союзники склонялись к тому, чтобы не признавать де-юре за СССР статус, равный их собственному. Без этого столь необходимое для строительства устойчивого послевоенного мира сотрудничество победителей оказалось под ударом. Поскольку идеологические противоречия оставались непреодолимыми, необходимой становилась «реальная политика» («*Realpolitik*»), теоретические основы которой были разработаны в Германии ещё в XIX веке. «Реальная политика» исходила из действительности окружающего мира, а не из умозрительных представлений о том, как этот мир должен выглядеть. Она концентрировалась на достижении компромиссов, приемлемых для каждой из заинтересованных сторон. Её сильной стороной было убеждение в том, что компромисс возможен, даже если для его достижения потребуется какое-то время. Таким образом, это политика, нацеленная на сохранение мира.

Контурсы послевоенного мира

«Реальная политика» требовала согласования подходов к обеспечению безопасности и учета национальных интересов стран-участниц. Без определения «сфер влияния» (точнее: «сфер безопасности») и средств контроля над ними добиться успехов в послевоенном урегулировании не представлялось возможным. Никакой союз не мог оставаться прочным, если не было достигнуто принципиальных договоренностей по этим вопросам. Морализирование применительно к данному проблемному комплексу является антиисторичным. С течением времени видоизменяются методы, но отнюдь не суть обеспечения национальных интересов.

Все три союзные державы рано задумались над тем, что будет после окончательного разгрома нацизма, какими должны быть гарантии стабильности послевоенного мира и Европы. Однако не каждая из них была готова открыто обсуждать собственные планы с партнерами. В отношении международных структур безопасности уже на первой встрече с Рузвельтом в августе 1941 года Черчилль предложил создать «эффективную международную организацию». В пятом пункте британского проекта будущей Атлантической хартии было записано: «Они (союзные державы. — И. М., А. С.) стремятся к такому миру, который не только навеки покончит с нацистской тиранией, но и при помощи эффективной международной организации даст возможность всем государствам и народам

жить в безопасности в своих собственных границах и путешествовать по морям и океанам»⁶⁴.

Рузвельт воздержался от одобрения предложенной британцами формулы. Тогда и была найдена компромиссная формулировка, вошедшая в окончательный текст: речь пошла о «создани[и] широкой и постоянной системы общей безопасности». Для Черчилля, не доверявшего Советскому Союзу, было важно, чтобы президент не возражал против переходного периода, после которого следовало взяться за работу над новой международной организацией. Расчет был вполне понятен: для достижения цели придется подписывать документы, искать надежных партнеров, брать на себя обязательства. Приступить к этому целесообразно только после того, как проявится расклад сил и роль Соединенных Штатов, не скрывавших трудности и даже невозможность собственного длительного нахождения в Европе, а от этого зависело, каким будет решение Запада о методах ограничения влияния СССР.

По всей видимости, подобными соображениями и руководствовались британцы на переговорах в Москве в декабре 1941 года. Ведь на встрече со Сталиным министр иностранных дел Великобритании Иден высказал сомнение в том, что у Франции получится вернуть себе статус великой державы⁶⁵. Британцы не могли не понимать, что после войны трем державам (СССР, США и Великобритании) придется формировать структуры безопасности, для чего потребуются консенсус, однако зондаж Сталина они оставили без ответа. При реконструкции Европы Сталин предложил «создать военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган», располагающий «международной военной силой»⁶⁶. Иден нашел тогда только общий ответ: «В вопросах мирового порядка участие Соединенных Штатов является обязательным». Согласие советской стороны с таким дополнением не привело к детальному обсуждению этой важнейшей темы, хотя СССР выразил готовность письменно зафиксировать правила использования военной силы и условия совместных действий партнеров по поддержанию мира и гарантии безопасности.

25 мая 1942 года Иден по собственной инициативе заговорил о будущей международной организации. Он высказал мнение, что «в конечном счете после войны будет создано некое международное устройство как для Европы, так и для всего мира и что обе наши страны, США

и другие страны будут сотрудничать в этом устройстве». Кроме того, предстоит, рассуждал Иден, создать «желательный для обеих стран порядок, организация которого может потребовать длительного времени»⁶⁷. Однако эти «мысли вслух» не означали сдвига в британской позиции. Было ясно: серьезный разговор, касающийся послевоенной международной организации, еще только предстоит, причем его успех отнюдь не гарантирован.

Как раз в Вашингтоне в мае 1942 года Молотов ждал сюрприз. Рузвельт много времени посвятил обсуждению будущих структур безопасности. Цель, с точки зрения американского президента, состояла в том, чтобы предотвратить появление новых агрессоров и не дать возможности усилиться «старым». Затем Рузвельт выразился еще более четко: не допустить в течение 25–30 лет новой войны. Именно для этого и была необходима некая международная полицейская сила из трех-четырех держав (Рузвельт предлагал включить еще и Китай). Президент не употреблял термин «международная организация», что позволило сделать вывод о ценности для американцев более интенсивных и менее масштабных действий нескольких партнеров. «Рузвельт, — гласит советская запись беседы Молотова и Рузвельта, — предполагает, что впоследствии, по решению США, Англии и СССР, к общему соглашению могут присоединиться и другие страны, в том числе и Франция. Большое же количество участников в предполагаемом объединении на первой стадии его существования таит в себе опасность, что большое количество полицейских может затеять драку в своей среде...». Рузвельт выступил за то, чтобы вооружение оставалось только у четырех полицейских. «Мы должны сделать разоружение постоянно действующим фактором путем создания полицейской силы...» — утверждал он, указывая на то, что «в течение 10–20 лет поддержание мира должно быть обеспечено силой»⁶⁸.

Тем самым Рузвельт фактически признал следующее: без согласия союзников, среди прочего построенного на признании их сферы влияния, безопасность в мире невозможна. «Страны-агрессоры и соучастники агрессоров — Германия, Япония, Франция, Италия, Румыния и, даже больше того, Польша и Чехословакия, — продолжал американский президент, — должны быть, во-первых, разоружены, а во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоруженными странами и не давали бы им

возможности секретно вооружаться». Стране, которая нарушила бы режим разоружения и начала бы вооружаться, предстояло бы столкнуться с санкциями и блокадой. Крайне интересно замечание, сделанное Рузвельтом: Черчилль, по его мнению, при согласии СССР и США вынужден будет поддержать инициативу.

В то время американский план не был до конца оформлен. Ведь тот же Рузвельт в нарушении принципов «Атлантической хартии» заявил Молотову: он хочет, чтобы «каждая страна смогла сама обеспечить свое экономическое состояние...», не пояснив, идет ли речь об автаркии или о чем-то ином. Москва выражала готовность обсуждать американский план, дополнив его идеей «объединенных вооруженных сил». Это следует из телеграммы Сталина Молотову, в которой говорилось: «Соображения Рузвельта насчет охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооруженные силы трех или четырех государств совершенно достаточны. Заяви немедленно Рузвельту, что ты снесся с Москвой, обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что Рузвельт совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства»⁶⁹. Инициативы Рузвельта убеждали руководство СССР, что между американцами и британцами отсутствовало в данном вопросе единство взглядов.

В Лондоне, где вновь остановился Молотов при возвращении в Москву, ему пришлось выслушать возражения Черчилля против «вооружения мировых полицейских», так как в этом случае разоружение, в интерпретации британского премьер-министра, носило бы избирательный характер. Дискуссия между ним и Молотовым свидетельствовала о том, что британская разведка, по всей видимости, уже сообщила премьер-министру о контурах американского плана, потому что Черчилль, не дожидаясь детальных разъяснений со стороны советского министра иностранных дел, представил свое видение предложений Рузвельта. «...выходит, что у Франции не будет вооруженной силы, а Франко в Испании будет ее иметь? Швеция будет располагать армией, а Норвегия нет. Так ли это? Это просто неосуществимо», —

убеждал он Молотова, который воспринял идею Рузвельта как план оставить вооружение только у четырех держав. По мнению Черчилля, боявшегося остаться в меньшинстве среди четырех полицейских, «в организации полицейской силы могли бы принять участие все нации...», но важнее, подвел итог премьер-министр, не предаваться фантазиям, а одержать победу⁷⁰. Тот факт, что он прервал обсуждение, свидетельствовал о надежде Черчилля самостоятельно договориться с президентом США и противопоставить затем Советскому Союзу единую англосаксонскую позицию. Это оказалось не таким уж легким делом. В августе 1942 года британский премьер-министр неожиданно в присутствии Сталина вспомнил о том, что до Мюнхена у него якобы был план создать «Лигу Наций трех великих демократий» (СССР, США и Великобритании). На что Сталин то ли в шутку, то ли всерьез ответил: «Всегда рассчитывал на нечто подобное».

В вопросах выработки структур безопасности британцы делали ставку на мирную конференцию с максимально широким участием. С одной стороны, они, обосновывая ее целесообразность, могли сослаться на необходимость действовать в широком консенсусе, ведь, по их убеждению, иное не мыслимо для демократических стран; с другой — мирную конференцию можно было провести только после победы над Германией и Японией. Тем самым они оттягивали обсуждение концепции четырех полицейских и не допускали советско-американского сближения, потому что подлинное сотрудничество реализуется только в рамках общих проектов.

11 октября 1943 года, перед Московской встречей министров иностранных дел, которая должна была обсудить повестку дня и согласовать позиции на предстоящей конференции лидеров трех государств в Тегеране, Черчилль подготовил «Замечания премьер-министра для министра иностранных дел к руководству на предстоящей конференции», в которых в частности значилось:

- «1. Великобритания не стремится приобрести для себя какую-либо территорию или специальные преимущества после войны, в которую она вступила ради выполнения своих обязательств и во имя защиты законности.
2. Мы решительно стоим за систему Лиги Наций, которая будет включать Европейский совет с Международным судом

и вооруженными силами, способными обеспечить выполнение его решений. Мы считаем, что в период перемирия, который может быть продолжительным, три великие державы — Британское Содружество наций и империя, Соединенные Штаты и Союз Советских Социалистических Республик, а также Китай должны оставаться объединенными, хорошо вооруженными, способными обеспечить выполнение условий перемирия и создать на всем земном шаре постоянную систему поддержания мира.

3. Мы считаем, что государствам и нациям, в результате насилия поработанным нацистами и фашистами во время войны, должны быть полностью гарантированы на мирной конференции их суверенные права и что все вопросы, касающиеся окончательной передачи территорий, должны быть урегулированы на мирной конференции, при должном учете интересов населения, которого это касается.
4. Мы подтверждаем принципы Атлантической хартии, отмечая, что присоединение России к ней основывается на границах 22 июня 1941 года. Мы также принимаем во внимание исторические границы России перед двумя агрессивными войнами, начатыми Германией в 1914 и в 1939 годах»⁷¹.

«Замечания...» детализировали национальные интересы Великобритании. Черчилль хотел сохранить прежний статус британских колоний, видоизменить Лигу Наций, расширить «концепцию вооруженных сил» через привлечение к ним новых стран, тем самым сделав ее неприемлемой для СССР, а в качестве компромисса лишь указать на границы Советского Союза на 22 июня 1941 года. При этом оговорившись, что были и иные границы, которые «принимаются во внимание». Тем самым Лондон оставлял себе возможность отойти даже от данной «крайне осторожной» позиции. «Замечания...» наглядно свидетельствовали о стремлении снизить растущее влияние СССР в Европе. Советские предложения, сделанные в 1941 году британцам относительно достижения компромисса, разграничения сфер безопасности, определения «правил игры», оставались без ответа.

Более или менее четкие очертания план Рузвельта приобрел в 1943 году. 29 ноября американский президент в рамках Тегеранской конференции представил его новый вариант в личной беседе со Сталиным. Это был компро-

миссный план, в котором учитывалось желание британцев получить широкий состав участников, но сохранялась идея США о полицейских. «...После окончания войны, — сказал американский президент, — должна быть создана мировая организация, которая будет основана на принципах Объединенных Наций, причем она будет заниматься не военными вопросами. Она не должна быть похожа на Лигу наций. Она будет состоять из 35, а может быть, из 50 Объединенных Наций и будет давать рекомендации. Никакой другой власти, кроме дачи рекомендаций, эта организация не должна будет иметь. Такая организация должна заседать не в одном определенном месте, а в разных местах. Это было бы весьма эффективно... Исполнительный комитет будет состоять из СССР, Великобритании, США, Китая, двух европейских стран, одной южноамериканской страны, одной страны Среднего Востока, одной страны Азии (кроме Китая), одного из британских доминионов... Черчилль не согласен с этим предложением, так как англичане в этом случае будут иметь только два голоса — от Великобритании и от одного из доминионов... Этот Исполнительный комитет мог бы собраться в ближайшее время, но лучше не в Женеве и не в другом подобном специфическом месте. Этот Исполнительный комитет занимался бы сельскохозяйственными, продовольственными, экономическими проблемами, а также вопросами здравоохранения. Кроме этого комитета существовал бы, если можно так сказать, Полицейский комитет, то есть комитет стран, который следил бы за сохранением мира и за тем, чтобы не допустить новой агрессии со стороны Германии и Японии. Это был бы третий орган... Страна, отказавшаяся выполнить решение, была бы лишена возможности в дальнейшем участвовать в решениях этого комитета... Общая организация будет состоять из 35 Объединенных Наций. Исполнительный комитет... будет состоять из 10 или 11 стран. Полицейский же комитет будет состоять всего из 4 стран... Если создастся опасность агрессии или же нарушения мира каким-либо иным образом, то необходимо иметь такой орган, который мог бы действовать быстро, так как тогда не будет достаточно времени для того, чтобы обсуждать этот вопрос даже в таком органе, как Исполнительный комитет...»⁷²

Советская реакция была осторожной. По мнению Сталина, «малые страны в Европе будут недовольны такого рода организацией. Может быть, — предложил он, — было бы целе-

сообразно создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны — США, Англия и Россия — и, может быть, еще какая-либо из европейских стран. Кроме того, вторую организацию, например организацию по Дальнему Востоку. Может быть, так было бы лучше... Может быть, создать не одну, а две организации: одну — европейскую, а вторую — дальневосточную или, может быть, мировую. Таким образом, могли бы быть либо европейская и дальневосточная организации, либо европейская и мировая организации».

С точки зрения Рузвельта, «это предложение до некоторой степени совпадает с предложением Черчилля. Разница только в том, что Черчилль предложил одну европейскую, одну дальневосточную и одну американскую организации. Но дело в том, что США не могут быть членом европейской организации». (Как раз это повышало бы вес Советского Союза и создавало для него существенные преимущества — при решении проблем в отдельно взятом регионе были бы задействованы только те заинтересованные стороны, которых это непосредственно касалось, то есть роль регионального партнерства усиливалась) Что касается применения силы, то Рузвельт исходил из того, что «против агрессии имеется два метода. Если создается угроза революции или агрессии или другого рода опасность нарушения мира, то страна, о которой идет речь, может быть подвергнута карантину с тем, чтобы разгоревшееся там пламя не распространилось на другие территории. Второй метод заключается в том, что четыре нации, составляющие комитет, могут предъявить данной стране ультиматум прекратить действия, угрожающие миру, указав, что в противном случае эта страна подвергнется бомбардировке или даже оккупации».

На Тегеранской конференции согласия достичь не удалось. Но в 1944 году прошла конференция в Думбартон-Оксе, на которой основные вопросы касательно будущей международной организации получилось решить. Спорной осталась лишь процедура голосования. Советскую делегацию возглавлял посол в США А.А. Громыко, американскую — заместитель госсекретаря Э. Стеттиниус, английскую — постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган. Американские предложения, как вспоминал В.М. Бережков, были «довольно детально разработаны». Они основывались на идеях, представленных в Тегеране Рузвельтом. СССР настаивал на особой роли союз-

ников и принципе единогласия при принятии решений. Кроме того, советское руководство хотело, чтобы новая организация занималась исключительно проблемами безопасности. Для рассмотрения других вопросов (к примеру, социально-экономических) можно было создать отдельную организацию.

Быстро были достигнуты договоренности об основных органах организации: ими стали Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности. Острые споры продолжались по процедуре голосования. Британцы настаивали на принятии решений в Совете двумя третями голосов, в чем их поддерживали американцы. Кроме того, Кадоган выступал за расширение полномочий Ассамблеи: «Согласно предложениям Советского Союза и Соединенных Штатов... Ассамблея не должна нести ответственность за урегулирование международных споров. Однако британская делегация считает полезным расширить масштабы ответственности и функции Ассамблеи как можно больше, особенно в отношении экономических и социальных проблем. Было бы нецелесообразно отстранять Ассамблею от всех этих областей», — аргументировал постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

Советский Союз согласился с предоставлением Ассамблеи возможности обсуждать темы, связанные с разоружением, но при условии, что решения все равно будет принимать Совет. СССР пошел навстречу Великобритании и согласился включить Францию в состав постоянных членов Совета. Считалось, что решения Совета будут обязательными, когда будет иметь место угроза миру. Желание американцев расширить состав постоянных членов до шести государств СССР не поддержал. Для постоянных членов должна действовать, по мнению советской делегации, особая процедура голосования, выработать которую было предложено американской стороне.

«Обсуждался вопрос о квотах войск, — вспоминал Бережков, — которые должно предоставить каждое государство. Высказывалось мнение, что в некоторых случаях нельзя ограничиться лишь установленной квотой, а придется применить все имеющиеся в распоряжении государства вооруженные силы». Громыко поставил вопрос о «международном воздушном корпусе», который можно было бы комплектовать с помощью национальных квот. Роль воздушных сил обуславливалась важностью быстрого реагирования на действия

агрессора. По мнению члена советской делегации А. А. Соболева, в связи с отказом западных союзников дать четкое определение агрессии налицо были две возможности: «Либо мы не сможем договориться, и тогда вновь произойдет самое худшее, либо западные политики поймут, что должны жить с нами в мире. Первое направление неизбежно приведет человечество к еще большей катастрофе, чем Вторая мировая война, ибо орудия уничтожения будут быстро совершенствоваться...».

Западные союзники настаивали на включении социально-экономических вопросов в компетенцию Совета Безопасности. Причина была достаточно проста: они хотели добиться от СССР, единственной в то время социалистической страны, открытости в экономике и впоследствии принятия единых правил торговли. Американцы и британцы тем самым выступали как за более широкое понимание безопасности, так и за широкую интерпретацию агрессии, к которой могли относиться любые действия, препятствующие экономическому процветанию.

В итоге упоминание агрессии в проекте Устава осталось, а от определения агрессии пришлось отказаться. После беседы с Громыко 9 сентября 1944 года Рузвельт направил письмо Сталину: «Я имел интересную и приятную беседу с Вашим послом по поводу хода переговоров в Думбартон-Оксе. По-видимому, остается один важный вопрос, по которому мы еще не договорились. Это вопрос о голосовании в Совете. Мы и британцы твердо держимся того взгляда, что при принятии решений Советом спорящие стороны не должны голосовать даже в том случае, если одна из сторон является постоянным членом Совета, в то время как Ваше правительство, как я понял Вашего Посла, придерживается противоположного взгляда». 14 сентября Сталин ответил президенту: «Имеем в виду важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единогласия четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно касаются одной из этих стран. Первоначальное американское предложение о том, чтобы была установлена особая процедура голосования в случае спора, в котором непосредственно замешан один или несколько членов Совета, имеющих статус постоянных членов, мне представляется правильным. В противном случае сведется на нет достигнутое между нами соглашение на Тегеранской конференции, исходящее из принципа обеспечения в первую очередь единства дей-

ствий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем»⁷³.

Американская элита медленно готовилась к изменению позиции. Адмирал Леги писал президенту Рузвельту: «Любой мировой конфликт будет происходить в условиях, когда Великобритания и Россия окажутся в противоположных лагерях. Россия продемонстрировала свои огромные военные и экономические ресурсы... Имея в виду военные факторы, в частности экономические и людские ресурсы, географические факторы и особенно наши возможности переброски войск через океан, мы, конечно, сможем довольно успешно оборонять Англию, но мы не сможем при существующих условиях победить Россию». Такая аргументация позволяла американцам осознать преимущество права вето. Соглашения не было достигнуто. Решили обсудить имеющиеся вопросы с правительствами и позднее провести специальное совещание или новую конференцию.

Основной принцип, которым руководствовались советские дипломаты при подготовке предложений относительно европейских границ и **сфер безопасности**, состоял в том, чтобы решить этот вопрос за счет государств, повинных в развязывании войны. При этом СССР рассчитывал на поддержку западных союзников. Для Сталина перспектива сохранения антигитлеровского союза была связана с признанием национальных интересов, а также с взаимопомощью союзников и их готовностью обсуждать сложные проблемы.

16 декабря 1941 года Сталин выступил за секретный протокол к возможному советско-британскому договору. СССР настаивал на изменении границ Польши, переносе их на Запад и на эвакуации немецкого населения с присоединяемых к Польше территорий. Чехословакия должна была, по его мнению, восстановиться в прежнем виде, включая возврат ей Судетов. «Сверх того, — замечал Сталин, — территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны». Югославии, согласно советским планам, также предстояло «восстановление в прежних границах и расширение за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т. д.)»⁷⁴.

«Турция, — продолжал Сталин, — в виде компенсации за соблюдение ею нейтралитета может получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, может быть, какие-либо территории в Сирии... Отход

от Болгарии Бургасского района явился бы наказанием за поведение Болгарии во время войны. Болгария должна была бы также несколько пострадать территориально и на своей югославской границе... Для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны... Объем самой Румынии должен быть несколько увеличен на западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает до 1,5 миллионов румын. Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне.

СССР не скрывал, что именно ему необходимо для обеспечения безопасности на его западных границах и как должна выглядеть послевоенная Европа. С учетом мнения Лондона о том, что Франция не сможет играть прежней роли на европейском континенте, Сталин говорил, что «если бы Франция осталась после этой войны в состоянии длительной прострации, то в интересах безопасности Великобритании было бы целесообразно, чтобы последняя имела свои военные и морские базы на французском берегу в таких пунктах, как, например, Булонь, Дюнкерк и т. д. Равным образом было бы целесообразно, чтобы Бельгия и Голландия находились в открытом военном союзе с Великобританией и чтобы последняя на их территории также имела право содержать свои военные, воздушные и морские базы... Советский Союз также не возражал бы против того, чтобы Англия имела свои морские базы в Норвегии или Дании, при условии гарантии некоторыми державами входов и выходов из Балтийского моря». Для себя СССР хотел обеспечить восстановление границ 1941 года. «Кроме того, — зафиксированы в советской записи беседы слова Сталина, — Советский Союз, сделавший в 1940 году подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок. Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы». Что касается Финляндии, то «[н]а севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, то есть Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР, с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы»⁷⁵.

СССР был готов пойти навстречу Великобритании и принять желаемые ею изменения границ, в том числе появление балканской

и польско-чехословацкой конфедераций. Последняя при определенных условиях могла быть выгодной для Советского Союза, поскольку она несла с собой изменения в национальном составе новообразования с уменьшением удельного веса антисоветских элементов. Иден отказался тогда обсуждать детали советского умеренного варианта с военными базами и минимальным контролем над соседними государствами и уж тем более не собирался закреплять его документально, мотивировав это тем, что британское правительство якобы не занимается этими вопросами и «далеко отстало от Советского правительства».

О том, что для Сталина союзнические отношения строились на компромиссе и взаимных уступках, свидетельствует его заявление, сделанное 20 декабря 1941 года. Советская запись гласит: «Он предлагал приложить к договорам протоколы, но английская сторона возражала против этого, и он отказался от протоколов. Он отказался также от требования создания второго фронта. Неясно также, в каком положении находится вопрос о северной операции в районе Петсамо. Ввиду всех этих сделанных им уступок, тов. Сталин считает себя вправе требовать известной компенсации в виде признания нашей западной границы 1941 года»⁷⁶. Но СССР не смог получить и эту минимальную, с точки зрения Сталина, компенсацию.

22 мая 1942 года Молотов в беседе с Иденом вернулся к обсуждению ранее высказанных идей. «Мы хотим... — говорил Молотов, — предупредить будущие комбинации... участников теперешней гитлеровской агрессии с Германией против СССР путем заключения между этими странами и СССР пактов о взаимопомощи с гарантией их независимости со стороны СССР»⁷⁷. Опять прозвучало предложение о секретном протоколе, впрочем, затем снятое Сталиным: «Высокие Договаривающиеся Стороны, — планировалось записать в текст протокола, — обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны с полным учетом интересов безопасности Великобритании, в особенности в районе Па-де-Кале и южной части Северного моря, и интересов безопасности СССР, особенно в районе Финского залива и северо-западной части Черного моря, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных агрессией гитлеровской Германии и ее союзников в Европе, а также интересов Великобритании в деле возвращения занятых вражескими силами британских территорий в Европе

и в согласии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы».

Речь шла о так называемой «малой зоне влияния», необходимость создания которой была продиктована интересами безопасности Советского Союза, готового взять на себя обязательства по территориальной целостности и невмешательству в дела государств, входящих в эту зону. Тревожный сигнал для СССР прозвучал, когда министр иностранных дел Великобритании Иден заявил: «Английское правительство не думает заключать ни с Бельгией, ни с Голландией пактов о взаимопомощи. Эти страны не были агрессивны в отношении Великобритании, и английское правительство не ожидает агрессивных действий со стороны Бельгии и Голландии в будущем»⁷⁸. Получалось, что Великобритания не только не признает наличия возможных угроз для СССР и не готова поддерживать Советский Союз против них, но и отказывается признавать его национальные границы, оставляя за собой право действовать по ситуации. Доверию между союзниками такое поведение, естественно, не способствовало. При этом уважения к малым странам британцы не демонстрировали. Тот же Иден утверждал, «что чем меньше страна, тем больше ее аппетит».

Показательна в этой связи телеграмма, полученная 24 мая 1942 года Молотовым от Сталина в Лондоне, в которой тот дал распоряжение заключать советско-британский договор. Она свидетельствует о смене курса советским руководством. СССР принял правила игры британцев и также оставил за собой свободу рук. «Там нет вопроса о безопасности границ, — писал Сталин относительно советско-британского договора, — но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»⁷⁹.

Для президента США, делавшего ставку на расширении экономических контактов и открытии колоний, отторжении у колониальных держав части территорий с последующей передачей ее под протекторат «полицейских», СССР был желанным союзником. Совместные действия «четырёх полицейских» делали излишним с американской точки зрения прежнее (национальное) понимание сфер влияния. Не случайно Рузвельт, желая обеспечить предпосылки экономического взаимодействия в по-

слевоенном мире, усиленно агитировал Молотова в отношении «наказания» держав оси и их союзников: «Он, Рузвельт, основываясь на опыте, полагает, что не следует взимать процентов. Он думает, что вместо взимания процентов все Объединенные Нации должны разработать планы погашения (оплаты) капиталов в течение длительного срока, но без процентов. При этом он, Рузвельт, не касался другой стороны этого вопроса. Дело в том, что, по его мнению, было бы необходимо в интересах безопасности наших стран отнять от слабых наций после войны множество небольших островов, которыми они владеют по всему миру в настоящее время. Он, Рузвельт, хотел бы, чтобы тов. Сталин подумал об организации опеки над подобными островами»⁸⁰. Очевидно, что позиция американского президента не могла найти одобрение Черчилля, поэтому СССР был заинтересован поддерживать США, тем более что британцы действовали в духе классической колониальной державы.

Об этом свидетельствовал и польский вопрос. 10 июня 1942 года Черчилль утверждал: «Английское правительство придает значение возрождению сильной независимой Польши в качестве равноправного члена европейской семьи народов. Английское правительство хотело бы, чтобы отношения между Польшей и СССР улучшились». То, каким образом будет гарантироваться безопасность Советского Союза и как сделать так, чтобы польская территория не использовалась для нападения на него, Черчилль не конкретизировал. Даже в новых условиях британский премьер-министр отказывался вернуться к советским предложениям 1941 года.

Причины подобного отношения к западным границам СССР наглядно иллюстрирует письмо от 31 августа 1943 года, адресованное генералом Смэтсом Черчиллю: «Рядовому человеку должно казаться, что войну выигрывает Россия. Если такое впечатление сохранится, то каково будет наше положение на международной арене после войны по сравнению с положением России? Наше положение на международной арене может резко измениться, и Россия станет дипломатическим хозяином мира. Это нежелательно и не нужно и имело бы весьма плохие последствия для Британского Содружества наций. Если мы не выйдем из этой войны на равных условиях, наше положение будет неудобным и опасным...»⁸¹

Тегеранская конференция прошла в условиях, когда сомнений в победе СССР уже не оставалось. Сталин не был готов уступать. Ан-

тиколонизаторский настрой Рузвельта и стремление американского президента укрепить отношения с советским руководством только усиливали позицию Сталина. «Черчилль думает, — утверждал Рузвельт, — что Франция полностью возродится и скоро станет великой державой. Он, Рузвельт, не разделяет этого мнения. Он думает, что пройдет много лет, прежде чем это случится. Если французы думают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой. Сталин отвечает, что он не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима... Рузвельт полагает, что над Индокитаем можно было бы назначить 3–4 попечителей и через 30–40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. Он, Рузвельт, полагает, что то же самое положение верно в отношении других колоний»⁸².

Рузвельт высказался за Международную комиссию по колониям, которая «должна была бы инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможных улучшений этого положения. Вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности... Он, Рузвельт, рассчитывает как-нибудь переговорить с маршалом Сталиным об Индии. Он думает, что для Индии не подходит парламентская система правления. Люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше его разрешить, чем люди, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу». Таким образом, американцы вовсю размышляли над тем, как «разбить» Британскую империю.

1 декабря 1943 года Сталин заявил на Тегеранской конференции тоном, не допускающим возражений: «Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской Конституцией. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным».

Теперь уже Черчиллю пришлось предлагать СССР свое понимание сфер влияния в Европе. Однако время британцами было упущено. В октябре 1944 года в Москве британский премьер-министр заявил, что «подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского

Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане... Тов. Сталин говорит, что 25 %, предусмотренные для Англии в Болгарии, не гармонируют с другими цифрами таблицы»⁸³. Он, тов. Сталин, считал бы необходимым внести поправки, а именно предусмотреть для Советского Союза в Болгарии 90 %, а 10 % для Англии. Черчилль заявляет, что англичан болгары сильно оскорбили. В прошлой войне они очень плохо вели себя по отношению к англичанам, напав на Румынию. В нынешней войне болгары были очень жестокими по отношению к югославам и грекам. Он, Черчилль, не может допустить, чтобы после всего этого болгары сидели с союзниками за одним столом. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтрё, так как она совершенно не соответствует современной обстановке. Смотри в будущее, он, Черчилль, может сказать, что британская политика не состоит в том, чтобы не дать России доступа к теплым морям и великим мировым океанам. Напротив, британцы считают, что эта задача составляет элемент русско-британской дружбы. Черчилль придерживается того взгляда, что Россия должна получить возможность выхода к Средиземному морю как для военных, так и торговых судов. Черчилль заявляет, что тот подход к Балканам, который он изложил, предотвратил бы возникновение гражданской войны там из-за различия идеологий. Он, Черчилль, считает, что союзники не могут разрешить балканским народам иметь небольшую гражданскую войну после того, как союзники закончат великую войну. Раздор на Балканах должен быть прекращен авторитетом и властью трех великих держав. Мы должны, говорит Черчилль, сказать балканским народам, что эти вопросы решены тремя державами и что они должны руководствоваться советом трех великих держав. Мы, говорит Черчилль, хотели бы, чтобы Советское правительство затормозило деятельность итальянских коммунистов, чтобы итальянские коммунисты не будоражили Италию и не создавали там возбуждения. Тов. Сталин говорит, что ему трудно повлиять на итальянских коммунистов, он не знает национальной обстановки в Италии. Кроме того в Италии нет советских войск, в противоположность Болгарии, где они имеются и где мы можем приказывать коммунистам не делать того-то и того-то. Тов. Сталин заявляет, что нужно было бы исправить цифру по Болгарии»⁸⁴.

Затем последовала конкретизация процентов сфер влияния между Молотовым и Иденом. «Молотов, — читаем мы в советской записи беседы, — говорит, что идея процентов вытекает из вчерашнего совещания. Может быть, мы договоримся о том, что для Болгарии, Венгрии и Югославии будет соотношение установлено 75 : 25. Иден говорит, что это хуже, чем вчера. Молотов отвечает, что тогда, может быть, принять 50 : 50 для Югославии, 90 : 10 — для Болгарии и внести поправку для Венгрии. Иден отвечает, что он готов пойти навстречу в случае с Венгрией, но он, Иден, просит помочь обеспечить англичанам большее участие в делах Болгарии после капитуляции Германии. Он, Иден, не настаивает на этой американской формулировке, но он хочет, чтобы в СКК были представлены англичане после капитуляции Германии. Молотов спрашивает, не договоримся ли мы о том, чтобы установить по Венгрии соотношение 75 : 25, прежде чем перейти к обсуждению других вопросов. Не согласятся ли англичане на 75 : 25 для Болгарии и на 60 : 40 для Югославии.

Как Иден может видеть, он, Молотов, делает уступку на 15 % по Болгарии, но зато в Югославии он, Молотов, предлагает установить 60 %. Иден отвечает, что он не хочет, чтобы соотношение для Югославии изменялось. Премьер будет очень расстроен, если будет сделана попытка изменить соотношение для Югославии, так как Англия очень много помогала Тито, снабжая его вооружением. Поэтому он, Иден, предложил бы, чтобы соотношение для Венгрии было 75 : 25, для Болгарии — 80 : 20 и для Югославии — 50 : 50. Молотов отвечает, что он согласен отказаться от поправки для Югославии, если для Болгарии будет принято соотношение 90 : 10. Если по Болгарии принять 75 : 25, то тогда по Югославии надо принять 60 : 40. При этом он, Молотов, хотел бы заявить, что Советский Союз не намерен вмешиваться в дела на морском побережье Югославии. Если же в Югославии оставить 50 : 50, то тогда нужно принять поправку для Болгарии. Иден говорит, что англичане и американцы воевали с болгарями в течение трех лет. Болгары очень плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов. Молотов заявляет, что Болгария причинила Советскому Союзу больше ущерба, помогая немцам, чем какой-либо другой стране. Он, Молотов, просил бы Идена считаться с тем, что Румыния и Болгария являются черноморскими странами. У Англии к Черному морю должно быть мень-

ше интереса, чем к Средиземному морю. За свое поведение в войне Болгария не будет иметь доступа к Средиземному морю. Иден заявляет, что если американская формулировка не годится, то можно рассмотреть другую. Например, можно было бы Контрольную Комиссию назвать не «Союзной», а «Советской Контрольной Комиссией» с участием британских и американских представителей. Молотов говорит, что этот вопрос нужно будет обдумать, и спрашивает Идена о возможности увеличения процентного соотношения в пользу СССР в Югославии»⁸⁵. Чуть позднее договорились, что в Венгрии и Болгарии советское влияние составит 80 %.

Бросаются в глаза отличия советских предложений 1941 года с ясным пониманием сфер ответственности от британского процентного варианта, практическое осуществление которого являлось невозможным. Сам Черчилль не мог четко сформулировать, что он имел ввиду, говоря о процентах. Письмо, адресованное им членам британского кабинета, было довольно путанным. Оно было призвано подстраховаться и, если попало в руки нашей разведки, подтверждало мысль о несерьезности работать с Черчиллем над достижением договоренности в вопросе сфер безопасности: «Система процентов рассчитана не на то, чтобы предопределить число заседающих в комиссиях по вопросам различных балканских стран, а скорее на то, чтобы послужить выражением интересов и чувств, с которыми Английское и Советское правительства подходят к проблемам этих стран, — писал Черчилль, — и помочь им поделиться друг с другом своими мыслями в какой-то доходчивой форме.

Эта система должна послужить всего лишь руководством, и она, конечно, ни в коей мере не связывает Соединенные Штаты никакими обязательствами и не предусматривает создания твердой системы сфер интересов. Она может, однако, помочь Соединенным Штатам понять, каких взглядов придерживаются их два главных партнера в отношении этих районов, когда картина изображается в целом... Следует подчеркнуть, что эта общая наметка заинтересованности Советов и Англии в упомянутых выше странах служит лишь временным руководством на ближайший военный период. Она будет пересмотрена великими державами при обсуждении вопросов перемирия или мира с целью достижения общего урегулирования в Европе»⁸⁶. Последующее поведение Сталина в Ялте и Потсдаме скорее всего свидетельствует о том, что он не ве-

рил в возможность договориться относительно сфер безопасности.

Сталин фактически отказался поддерживать британские планы конфедерирования Европы. На переговорах в Москве Черчилль «спросил, не будет ли отвечать русским мыслям план объединения в одну группу Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Тов. Сталин говорит, что об этом нужно подумать. Черчилль заявляет, что зло в Европе заключалось в том, что существовало 10–15 различных валют, несколько дюжин таможен. Все это мешало торговле. Он, Черчилль, хочет видеть Европу процветающей, и поэтому представляется целесообразным найти некоторую форму экономического объединения государств Европы в форме, например, таможенного Союза. Тов. Сталин заявляет, что первые три-четыре года после войны в Венгрии, Чехословакии и Польше будут преобладать настроения национализма. Первым желанием этих народов будет устроить по-своему свою национальную жизнь. Эти народы будут противиться ущемлению их прав путем объединения их с другими странами. Поэтому едва ли народы европейских стран согласятся на создание таможенных союзов. Но теперь было бы опасно кинуться в другую крайность и заставлять малые народы объединяться друг с другом. Трудно представить себе, чтобы чехи и венгры, даже чехи и поляки, нашли общий язык. Поэтому он, тов. Сталин, считает, что сейчас невозможно думать об объединениях, хотя в будущем они не исключены»⁸⁷.

Черчилль опасался СССР и не скрывал этого. 14 октября 1944 года он говорил Сталину: «Будущность мира зависит от дружбы британцев и американцев с Советским Союзом. Он, Черчилль, будет откровенен и скажет маршалу Сталину, что малые европейские страны напуганы до смерти большевистской революцией. Это объясняется тем, что до ликвидации Коминтерна Советское Правительство заявляло о своем намерении советизировать все страны Европы. Он, Черчилль, помнит, как в 1919 — 20 году весь мир дрожал в страхе перед мировой революцией, хотя он, Черчилль, уверен, что в Англии не было бы революции. Тов. Сталин отвечает, что теперь мир не будет дрожать в страхе. Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе»⁸⁸.

Джилас вспоминал слова Сталина: «Эта война не такая, как войны в прошлом: кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает

свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия».

* * *

К концу войны само понятие безопасности опиралось на создание зон ответственности и прямой контроль над соответствующей территорией. СССР действовал осторожно, лавируя между противоречивыми позициями американцев и британцев. У СССР и США совпадал комплексный характер подхода к проблеме: обе страны выступали за образование международной организации, были готовы сотрудничать в отношении колоний. Рузвельт, не желавший оставлять войска в Европе, поддерживал бы советские предложения о зонах ответственности. Для Советского Союза речь шла об элементарных интересах своей безопасности, учитывать которые Великобритания как «старая европейская держава» не собиралась: британцы откладывали в долгий ящик юридическое оформление советских инициатив 1941 года, скоропалительно выдвигали идеи типа «процентного соглашения», не доводя их до логического завершения. СССР приходилось действовать в соответствии со сталинской формулой 1942 года: воспользоваться свободой рук при решении кардинального вопроса о гарантиях своей безопасности. Запад перепугался, что эта линия внешней политики СССР приведет к распространению коммунизма. Стали появляться признаки подготовки шагов с целью «сдерживания» Советского Союза.

Таким образом, к началу 1945 года комплекс мер, связанных с решением проблем послевоенного мира, был проработан только наполовину. Хотя образование новой международной организации являлось скорее предрешенным делом, прочный фундамент союза на период после завершения военных действий сформировать пока не удалось. Советские предложения 1941 года в случае принятия их Западом укрепили бы основы безопасности на европейском континенте. Этого не случилось. Однако шанс улучшить ситуацию оставался. Предстояли тройственные конференции в Ялте, а затем и в Потсдаме.

Ялта, Потсдам — основы системы

Ялтинская (4–11 февраля) и Потсдамская (17 июля — 2 августа 1945 года) конференции заслуженно считаются важными событиями военной и послевоенной истории. Союзники подошли к ним, имея опыт общения друг с другом, свою историю отношений. Советское руко-

водство ожидало от Ялты и Потсдама окончательного решения принципиальных вопросов, разработав программу-максимум и программу-минимум. Главной целью было не допустить ущемления интересов Советского Союза, гарантировать длительный мир в Европе. Программа-минимум на обеих конференциях предусматривала решение репарационного вопроса, то есть получения компенсаций за причиненный нацистами ущерб; согласованное установление оккупационного режима, в первую очередь в Германии, и решение вопроса о порядке работы международной организации с утверждением «права вето».

Ялтинская конференция приступила к решению *германского вопроса*. В предыдущие годы союзники длительное время обсуждали, что делать с Германией. Чаще всего дискуссия велась вокруг более или менее радикальных вариантов расчленения страны и упразднения германской тяжелой промышленности. Осенью 1944 года в Америке министр финансов Моргентау, люто ненавидевший немцев, разработал план, согласно которому предлагалось передать левобережье Рейна Франции и превратить Германию в исключительно сельскохозяйственную страну. Молотов вспоминал позднее: «Американцы предлагали [разделить] Германию на какие-то мелкие?... — На небольшие государства, — подтверждает Молотов. — Глупая мера. Такие предложения были. В Америке все-таки, по-моему, тупые политики. Нелепость»⁸⁹.

Британцы заняли особую позицию в том, что касалось будущего Германии. 4 января 1945 года Черчилль заявил Идену по поводу обращения с немцами после войны: «Нам еще слишком рано решать эти колоссальные вопросы. Когда организованное сопротивление немцев прекратится, первая стадия будет, очевидно, стадией жесткого военного контроля. Она вполне может продлиться много месяцев или, быть может, год-два, если немецкое подпольное движение будет действовать активно... Никто не может сказать сейчас, каково будет положение Европы, как сложатся отношения между великими державами и каково будет настроение их народов»⁹⁰.

В Ялте германский вопрос рассматривался 5 февраля: «Сталин заявляет, — говорится в протоколе конференции, — что если союзники предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать»: обсуждение велось и в Тегеране, и в Москве, но решение так и не принято. Черчилль, — фиксирует протокол, — «имеет в виду мощь Пруссии — главную причину всех

зол. Вполне понятно, что если Пруссия будет отделена от Германии, то ее способность начать новую войну будет сильно ограничена. Ему лично кажется, что создание еще одного большого германского государства на юге, столица которого могла бы находиться в Вене, обеспечило бы линию водораздела между Пруссией и остальной Германией. Население Германии было бы поровну поделено между этими двумя государствами»⁹¹. Что касается промышленных районов Рура и Саара, то, по Черчиллю, эти проблемы нужно решать осторожно.

Относительно процедуры капитуляции Черчилль заметил: «Предположим, что с предложением о капитуляции выступят Гитлер или Гиммлер. Ясно, что союзники ответят им, что они не будут вести с ними переговоры, так как те являются военными преступниками. Если эти люди будут единственными в Германии, то союзники будут продолжать вести войну. Более вероятно, что Гитлер постарается скрыться или будет убит в результате переворота в Германии и там будет создано другое правительство, которое предложит капитуляцию. В таком случае мы немедленно должны проконсультироваться друг с другом о том, можем ли мы говорить с этими людьми в Германии. Если мы решим, что можем, то им нужно будет предъявить условия капитуляции».

Принцип безоговорочной капитуляции создавал юридическую основу для разделения Германии на зоны оккупации. Допуская иные возможности капитуляции, Черчилль практически отказывался от создания оккупационных зон в Германии. Не случайно он хотел не предъявлять сразу требование о таких зонах, а решать этот вопрос на мирной конференции. Рузвельт поддержал Сталина: следовало решить принципиально, что делать, а детали разрабатывать потом. Американские настойчивые призывы к капитуляции и расчленению Черчилль пытался парировать: «Что касается расчленения, то он... считает, что такое решение нельзя принять в течение нескольких дней. Союзники имеют дело с 80-миллионным народом, и для решения вопроса о его участии, конечно, требуется более длительное время, чем 30 минут».

Благодаря совместной позиции СССР и США в Ялте Черчиллю пришлось уступить. Было согласовано следующее решение: «Мы договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпримем нацистской Германии после того,

как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную Контрольную Комиссию, состоящую из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине. Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она этого пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена в Контрольной Комиссии»⁹². Уничтожение милитаризма, разоружение Германии, ликвидация или контроль над промышленностью, связанной с военным производством, уничтожение нацистской партии провозглашались целями оккупации. Союзники особо отметили: «В наши цели не входит уничтожение германского народа». Именно тогда Рузвельт в очередной раз отметил, что американские войска не смогут оставаться в Европе более двух лет.

По проблеме *репараций* Рузвельт занял нейтральную позицию: вопрос «имеет две стороны. Во-первых, малые страны, такие как Дания, Норвегия, Голландия, также пожелают получить репарации от Германии. Во-вторых, возникает вопрос об использовании германской рабочей силы. Он, Рузвельт, хотел бы спросить, какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз. Что касается Соединенных Штатов Америки, то им не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила»⁹³.

Разрушения, причиненные нацистами на советской территории, требовали скорейшего разрешения репарационного вопроса. В МИД СССР за подготовку предложений для Ялтинской конференции отвечал бывший посол в Великобритании Майский, который описывал в своих воспоминаниях посвященное репарациям обсуждение следующим образом: «Обращаясь к Сталину, Рузвельт спросил:

— Я слышал, что вы хотели бы в порядке репараций использовать германский труд... Скажите, сколько человек вам потребуется?

Несколько неожиданно для меня Сталин ответил:

— Мы еще не готовы к этому вопросу. Вот материальные репарации — дело другое. У нас имеется план материальных репараций.

Черчилль, внимательно взглянув на Сталина, произнес:

— Было бы интересно кое-что узнать об этом плане.

Тут Сталин круто повернулся ко мне (я сидел слева от него), и несколько небрежно бросил: «Докладывайте».

— Но Вы же не видали моей «Формулы»!

— Ничего, докладывайте! — еще более категорично повторил Сталин.

— Только не касайтесь вопроса о труде.

Молотов, сидевший справа от Сталина, наклонился к нему и взволнованно спросил:

— И цифру назвать?

— Да, и цифру назвать, — отрезал Сталин.

— Какую? — продолжал Молотов, намекая на наши споры в Москве о цифре советских претензий.

— Пять или десять? Десять! — ответил Сталин.

Итак, в одно мгновение все было решено»⁹⁴.

Особая важность данного вопроса для нашей страны требует детальной передачи позиции советской стороны и последовавшего обсуждения. Обратимся поэтому к протоколу Ялтинской конференции: «Майский заявляет, что план материальных репараций построен на нескольких основных положениях. Первое положение сводится к тому, что репарации должны браться с Германии не деньгами, как это было после прошлой мировой войны, а натурой. Второе положение сводится к тому, что Германия должна производить натуральные платежи в двух формах, а именно: а) единовременные изъятия из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее, по окончании войны (фабрики, заводы, станки, суда, подвижной состав железных дорог, вклады в иностранные предприятия и т. п.) и б) ежегодные товарные поставки после окончания войны. Третье положение сводится к тому, что в порядке уплаты репараций Германия должна быть также экономически разоружена, так как иначе невозможно обеспечение безопасности в Европе. Конкретно это означает изъятие 80 % оборудования тяжелой промышленности Германии (металлургия, машиностроение, металлообработка, электротехника, химия и т. д.).

Авиастроение и производство синтетического топлива должно быть изъято на 100 %. Таким образом изъятию в размере 100 % подлежат все специализированные военные предприятия (оружейные заводы, заводы боеприпасов и пр.), существовавшие до войны или построенные во время войны. Советское правительство считает,

что остающихся в Германии 20 % ее довоенной тяжелой индустрии будет вполне достаточно для покрытия внутренних действительно экономических нужд страны. Четвертое положение сводится к тому, что срок репараций устанавливается на 10 лет, причем изъятия из национального богатства должны быть произведены в течение двух лет после окончания войны. Пятое положение сводится к тому, что в целях точного выполнения Германией репарационных обязательств, а также в интересах обеспечения безопасности в Европе должен быть установлен строгий англо-советско-американский контроль над экономикой Германии. Формы этого контроля будут разработаны позднее.

Однако при любых условиях должно быть предусмотрено, что те из остающихся в Германии промышленных, транспортных и других предприятий, которые представляют наибольшую опасность с точки зрения возможности возрождения военного потенциала Германии, должны быть интернационализированы с участием в их управлении СССР, США и Великобритании. Контроль за германской экономикой сохраняется и по истечении срока платежа репараций, т. е. после первых 10 лет по окончании войны. Шестое положение сводится к тому, что ввиду небывалой грандиозности нанесенного германской агрессией ущерба невозможно будет полностью его покрыть даже при самом строгом взыскании репараций с Германии. Советское правительство пробовало приблизительно подсчитать размеры этого ущерба — цифры получаются совершенно астрономические. Поэтому Советское правительство пришло к выводу, что если мы хотим быть реалистичными, то из всех видов ущерба оплате должен подлежать только тот вид, который может быть охарактеризован как прямые материальные потери (разрушения или повреждения домов, заводов, железных дорог, научных учреждений, конфискация скота, хлеба, частного имущества граждан и т. д.).

Но так как, по нашим предварительным подсчетам, общая сумма ущерба даже только по рубрике прямых материальных потерь превышает сумму возможных репараций в порядке изъятий и ежегодных послевоенных поставок, то придется, очевидно, установить известную *очередность* в получении возмещения теми странами, которые имеют на него право. В основу этой очередности должны быть положены два показателя: а) размеры вклада данной страны в дело победы над врагом и б) размеры

прямых материальных потерь данной страны. Страны, имеющие высшие показатели по обеим рубрикам, должны получить репарации в первую очередь, все остальные страны — во вторую очередь. Седьмое положение сводится к тому, что СССР считает справедливым в возмещение своих прямых материальных потерь получить в порядке изъятий и ежегодных поставок не менее 10 миллиардов долларов. Это, конечно, лишь очень незначительная часть всей суммы прямых материальных потерь Советского Союза, но в сложившихся обстоятельствах Советское правительство готово удовлетвориться названной цифрой. Наконец, восьмое положение сводится к тому, что для подробной разработки репарационного плана союзников на базе вышеизложенных принципов должна быть создана особая Репарационная комиссия из представителей СССР, США и Великобритании с местопребыванием в Москве».

Черчилль высказал сомнения в эффективности репараций. «Кроме того, что будет с Германией?» — ставил он вопрос и говорил о «призраке голодающей Германии, с ее 80 миллионами человек. Кто будет ее кормить? И кто будет за это платить? Не выйдет ли, в конце концов, так, что союзникам придется хотя бы частично покрывать репарации из своего кармана?».

Майский аргументировал следующим образом: СССР планирует брать товарами (в натуре), а не валютой, причем сумма «составляет всего лишь 10 % государственного бюджета Соединенных Штатов за 1944/45 г. (*Стеттиниус*: «Совершенно правильно!»). Она равняется также 1 % государственного бюджета США в мирное время (например, в период 1936–1938 гг.). Если обратиться к Англии, то окажется, что та же цифра, 10 миллиардов долларов, равняется всего лишь шестимесячным расходам Великобритании на войну, или 2 % ее государственного бюджета мирного времени (1936–1938 гг.). Можно ли в таком случае говорить о чрезвычайности выдвигаемых Советским Союзом требований? Ни в коем случае. Скорее можно говорить об их излишней скромности»⁹⁵. Германии не нужно будет тратить деньги на вооружения. Сталин выступил за то, чтобы дать указания комиссии и учитывать принцип приоритетного возмещения убытков для тех государств, которые вынесли тяжесть войны.

О событиях следующего дня, 6 февраля 1945 года, Майский вспоминал так: «В 11 утра зашел к Молотову, — он одобрил мое произведение, однако чуть не до смерти ошарашил ме-

ня сообщением, что вчера ночью после нашего заседания Сталин решил снизить нашу долю до 7 млрд и повысить долю англичан и американцев до 8 млрд. Мотивы? Не пугать союзников нашими требованиями, заинтересовать союзников открывающимися перед ними возможностями»⁹⁶.

Возможно, этот компромиссный шаг Сталина позволил американцам поддержать СССР: «Московская репарационная комиссия, — заявил Стеттиниус, — положит в основу своей работы общую сумму репараций в порядке единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок 20 миллиардов долларов, из которых 50 процентов предназначаются Советскому Союзу. Иден сделал по этому вопросу оговорку, что он еще не получил указаний из Лондона. Советская делегация заявила, что расчеты по репарациям будут производиться по ценам 1938 г. с увеличением этих цен от 10 до 15 процентов в зависимости от характера объекта»⁹⁷.

Из протокола Ялтинской конференции: «Черчилль заявляет, что англичане считают совершенно невозможным называть сейчас какую-либо сумму репараций. Черчилль указывает, что англичане придают особое значение способности немцев платить за свой импорт. Иначе мы окажемся в таком положении, говорит Черчилль, когда должны будем платить Германии, а другие будут получать репарации. Сталин просит Черчилля назвать свою цифру репараций. Советская сторона не считает выдвинутую ею сумму неизменной и предлагает ее лишь для обсуждения. Он предлагает принять решение о репарациях в следующей форме: 1) Главы трех правительств согласились, что Германия должна возместить в натуре убытки, причиненные ею в ходе войны союзным странам. 2) Поручить московской репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах убытков, подлежащих возмещению, и о своих выводах доложить правительствам. Рузвельт и Черчилль заявляют, что они согласны с предложением Сталина. Сталин иронически спрашивает: «А завтра вы не откажетесь от этого?»⁹⁸.

На основе принятого решения была обнародована компромиссная формула: «Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере»⁹⁹.

В неопубликованном протоколе было уточнено урегулирование репарационного вопроса

с учетом советских требований: «Репарации должны взиматься с Германии в трех формах: а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии; б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции в течение периода, длительность которого должна быть установлена; в) использование германского труда»¹⁰⁰. Для выработки подробного репарационного плана на основе вышеизложенных принципов в Москве учреждается межсоюзная комиссия по репарациям в составе представителей СССР, США и Великобритании.

В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими после германской агрессии странами советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций ... должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50 % этой суммы идет Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях Московской комиссией по репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций. Вышеприведенное советско-американское предложение было передано Московской комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению. Разногласия, таким образом, остались.

В вопросе о международной организации американцы пошли на компромисс. «Надо создать, — утверждал Сталин, — возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними ... Власть международной организации не может быть использована против трех великих держав. Сталин, — говорится в протоколе Ялтинской конференции, — спрашивает, действительно ли это так. Иден отвечает, что страны могут гово-

рять, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав. Сталин еще раз спрашивает, действительно ли это так. Черчилль и Рузвельт отвечают утвердительно. Стеттиниус заявляет, что без единогласия постоянных членов Совет Безопасности не может предпринять никаких экономических санкций. Молотов спрашивает, относится ли то же самое к рекомендациям. Черчилль отвечает, что... [м]еждународная организация безопасности не ликвидирует дипломатических отношений между великими и малыми странами. Дипломатическая процедура будет продолжать свое существование. Будет неправильно преувеличивать власть или злоупотреблять ею или возбуждать такие вопросы, которые могут разъединить три главные державы... Рузвельт думает, что американские предложения содействуют достижению этой цели. Если между великими державами возникнут, к несчастью, какие-либо разногласия, то они будут известны всему миру, несмотря ни на какие процедуры голосования. Во всяком случае, невозможно устранить обсуждение разногласий в Ассамблее»¹⁰¹. После этого обсуждения Сталин согласился на созыв конференции по образованию новой международной организации. Ее было решено открыть 24 апреля 1945 года в США.

Сразу же возник другой проблемный комплекс. «Американская делегация, говорит [Рузвельт], предлагает, чтобы до конференции будущие постоянные члены Совета в дипломатическом порядке провели между собой консультацию об опеке над колониальными и зависимыми народами. Черчилль (в сильном возбуждении) решительно возражает против обсуждения этого вопроса. Великобритания в течение стольких лет ведет тяжелую борьбу за сохранение в целостности Британского Содружества Наций и Британской империи. Он уверен, что эта борьба закончится полным успехом, и, пока британский флаг развевается над территориями британской короны, он не допустит, чтобы хоть какой-либо кусок британской земли попал на аукцион с участием 40 государств. Никогда Британская империя не будет посажена на скамью подсудимых в международном суде по вопросу об «опеке» над несовершеннолетними нациями...»¹⁰²

Разногласия между союзниками оставались и в этом вопросе. Однако в опубликованном заявлении по итогам конференции была найдена компромиссная формула: «Было решено, что пять государств, которые будут иметь постоя-

нные места в Совете Безопасности, должны проконсультироваться между собой до конференции Объединенных Наций по вопросу о территориальной опеке. Эта рекомендация была принята при условии, что территориальная опека будет применяться только: а) к существующим мандатам Лиги наций; б) к территориям, отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны; в) к любой другой территории, которая может быть добровольно поставлена под опеку, и д) никаких дискуссий о конкретных территориях на предстоящей конференции Объединенных Наций или во время предварительных консультаций не предполагается, и решение вопроса о том, какие территории, относящиеся к указанным выше категориям, будут поставлены под попечительство, явится предметом позднейшего приглашения...»¹⁰³.

Принципиально важный вопрос о военных преступниках не вызвал острых споров. Из протокола конференции явствует, что западные союзники не возражали против особой процедуры наказания нацистских преступников. «Черчилль говорит, что он хотел бы обсудить вопрос о военных преступниках. Имеются в виду те военные преступники, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. Рузвельт заявляет, что вопрос о военных преступниках сложный. Его невозможно рассмотреть во время нынешней конференции. Не лучше ли передать этот вопрос на рассмотрение трех министров иностранных дел? Пусть они дадут отчет через три-четыре недели. Черчилль говорит, что он составлял проект декларации о военных преступниках для Московской конференции 1943 года. Черчилль сделал тогда предложение, которое было принято, о выдаче преступников тем странам, где они совершили свои преступления. В названной декларации имеется также упоминание о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. Как быть с этими главными преступниками? По мнению Черчилля, прежде всего следует составить список таких лиц с правом пополнения его в дальнейшем. Это изолировало бы их от их народов. Черчилль считает, что лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы. Сталин спрашивает: А как быть с теми преступниками, которые уже пойманы, например с Гессом? Будет ли он включен в список, который предлагает составить Черчилль?

Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных нельзя судить. *Черчилль* отвечает, что военнопленных, нарушивших законы, конечно, можно привлекать к суду. Иначе преступники войны начнут сдаваться в плен для того, чтобы избежать наказания. Однако *Черчилль* понял маршала Сталина так, что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы. *Сталин* отвечает утвердительно. *Черчилль* спрашивает, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая? *Рузвельт* заявляет, что процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы. *Черчилль* говорит, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом. *Черчилль* хотел бы, чтобы между тремя державами была ясность во взглядах по этому вопросу. Однако ничего на данную тему не должно публиковаться, чтобы главные преступники не стали заранее мстить союзным военнопленным. *Рузвельт* предлагает передать вопрос о преступниках войны на изучение министрам иностранных дел трех держав»¹⁰⁴.

Принятая союзными державами на Ялтинской конференции «Декларация об освобожденной Европе» предусматривала механизм дальнейшего сотрудничества: «Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве — сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и г) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов»¹⁰⁵. Для этого предполагалось проводить совместные консультации.

Решением Ялтинской конференции создавался Совет министров иностранных дел (СМИД) трех держав: «...Министры иностранных дел будут встречаться так часто, как это потребует, вероятно, каждые 3 или 4 месяца. Эти совещания будут происходить поочередно в трех столицах, причем первое совещание

должно состояться в Лондоне после Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации безопасности»¹⁰⁶.

Положения «Декларации...» интерпретировались союзниками по-разному. Британцы делали акцент на совместных действиях трех держав в каждой конкретной стране. Тем самым удавалось бы, как они считали, сдерживать СССР. Для нашей страны приоритетной была стратегия, а не опека: государства договаривались о принципах, за их осуществление отвечала каждая союзная держава. Согласование позиций происходило на заседаниях СМИД.

Результаты Ялтинской конференции вселили оптимизм: несмотря на сохраняющиеся разногласия, стороны приступили к решению принципиальных вопросов. Личные контакты Сталина и Рузвельта позволили добиться положительных результатов конференции.

Период между Ялтой и Потсдамом оказался сложным временем. С одной стороны, начались сепаратные американско-британские переговоры с немцами в Берне. С другой, «завис» польский вопрос, столь важный для британцев: попытки договориться о коалиционном правительстве для Польши не дали результатов. 1 апреля 1945 года Рузвельт сообщил Сталину, что обеспокоен этим. Наконец, смерть Рузвельта и «неопытность» во внешнеполитических делах нового американского президента Гарри Трумэна дали *Черчиллю* повод для приступов паники. «Политическое руководство отсутствовало как раз в тот период, — писал он позже, — когда оно было более всего необходимо. Выступая на арене как победитель, как вершитель судеб человечества, Соединенные Штаты не имели ясных и последовательных целей. Англия, хотя она все еще оставалась весьма сильной державой, не могла одна действовать решительно. В этот период я мог лишь предупреждать и взывать. Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству. Решающие практические вопросы стратегии и политики... сводились к тому, что:

во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, надо было немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток;

в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;

в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами;

в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии;

наконец — и это главное — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали, или, как об этом вскоре можно будет писать, освободили от тоталитарной тирании»¹⁰⁷.

Основываясь на этих размышлениях, Черчилль уговаривал Эйзенхауэра как можно быстрее захватить Берлин, чтобы не пустить туда Красную армию. 12 мая 1945 года в письме Трумэну он употребил свое ставшее потом знаменитым выражение: «Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него... Широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрезет нас от Польши. Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана»¹⁰⁸. Вряд ли Черчилль так уж всерьез опасался советского прорыва к Ла-Маншу — истощенная четырехлетней схваткой не на жизнь, а на смерть с Гитлером страна не могла думать о новой войне. Он просто пугал Трумэна. На самом деле Черчилль опасался, что Трумэн встретится со Сталиным раньше, чем он успеет его «подготовить».

Черчилль попытался «надавить» на Москву, предавая широкой огласке существующие расхождения. В выступлении по радио 13 мая 1945 года он заявил: «На европейском континенте нам еще предстоит сделать так, чтобы

простые и благородные цели, ради которых мы вступили в войну, не оказались забыты в первые же месяцы после одержанной нами победы и чтобы истинный смысл слов «свобода», и «демократия», и «равноправие», смысл, который вкладываем в них мы, не был искажен. Какой смысл наказывать гитлеровцев за их преступления, если на смену им не придет верховенство закона и справедливости, если место немецких оккупантов займут тоталитарные и полицейские режимы?!»¹⁰⁹

18 мая 1945 года, обращаясь к тогдашнему послу СССР в Великобритании Ф. Т. Гусеву, Черчилль сказал: «Одно из двух, или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру и сейчас трудно предвидеть могущие быть результаты, если события будут развиваться по второму пути»¹¹⁰. При этом он назвал в качестве пунктов расхождения Триест, Прагу, Вену, Польшу. Практически все обозначенные Черчиллем проблемы поддавались решению. Истерическое возведение искусственного железного занавеса имело смысл только в одном случае: ради сохранения Британской империи и ее ведущей роли в Европе не допустить советско-американского сближения. В условиях раскола континента и сопровождающего его хаоса это представлялось Лондону выполнимой задачей.

22 мая 1945 года появился план операции «Немыслимое», являвшийся планом войны войны против СССР с целью «изгнания» Красной армии из Польши. Тот факт, что 5 июля в СССР началась демобилизация, остался без внимания. Только в сентябре 1945 года Эйзенхауэр и Монтгомери дали четко понять: если Красная армия перейдет в наступление, остановить ее не получится.

Молотов вспоминал: «Против Советской власти у них не получилось крестового похода: мы раскололи лагерь империализма... Умер Рузвельт. Первая встреча с Трумэном. Он начинает со мной таким приказным тоном говорить! А перед этим у меня в Москве был разговор с Гарриманом и английским послом Керром по польскому вопросу — как формировать правительство. Мы за то, чтоб формировал его Польский национальный комитет, а они нам всячески Миколайчика этого подсовывают. И Трумэн: „Что же вы ставите так вопрос, что с вами нельзя согласиться, ведь это недопустимо!“ Я думаю, что это за президент? Говорю: „В таком тоне я не могу с вами разговаривать“. Он осекся

немного, осекся. Туповатый, по-моему. И очень антисоветски настроенный. Поэтому и начал в таком тоне, хотел показать свое «я», как говорится. Пришлось говорить с нами более солидно и спокойно. Потом он сказал о себе, что он себя скромно оценивает: „Таких, как я, в Америке миллионы, но я — президент”. На рояле играл. Неплохо, но ничего особенного, конечно. До интеллекта Рузвельта далеко. Большая разница»¹¹¹.

О том, что британцы сознательно пошли на обострение с Советским Союзом, свидетельствуют слова Идена в отношении Черчилля, сказанные им после общения со Сталиным 18 июля 1945 года: «Уинстон никуда не годится. Он снова попал под влияние Сталина». Таким образом, в очередной раз на первое место был поставлен антисоветизм.

Вклад Потсдамской конференции в укрепление доверия между союзниками был, к сожалению, невелик. «Главной причиной, почему я стремился приблизить дату конференции, — признавался позже Черчилль, — был, конечно, предстоящий отвод американской армии от той линии, до которой она дошла в ходе военных операций, в зону, предписанную соглашением об оккупации. Я опасался, что в Вашингтоне в любой день могут принять решение уступить этот огромный район — 400 миль в длину и 120 миль в глубину в наиболее широком месте. В нем проживали многие миллионы немцев и чехов. Оставление этого района означало бы, что между нами и Польшей образуется еще более широкий пояс территории, и это практически лишило бы нас способности оказать влияние на ее судьбу»¹¹².

Конференция производила впечатление большей, чем ранее, хаотичности заседаний. Возможно, причина состояла в неопытности Трумэна; наверняка свою роль сыграли и английские интриги. СССР стремился к тому, чтобы решить накопившиеся после Ялты проблемы. Однако президент США начал с того, что предложил провести мирную конференцию в будущем. Такое предложение свидетельствовало о том, что он не рассматривает Потсдам как место, где предстоит завершить работу на высшем уровне в кругу союзных держав, а это заранее подрывало шансы на принятие действительно важных решений. Кроме того, Трумэн позволил себе менторский тон: «Со времени Ялтинской конференции обязательства, взятые нами в Декларации об освобожденной Европе, остаются невыполненными. По мнению правительства США, продолжающееся невыполнение этих обязательств будет считаться во всем ми-

ре как показатель отсутствия единства между тремя великими державами и будет подрывать доверие к искренности и единству целей среди Объединенных Наций»¹¹³.

Трумэн не разбирался глубоко в проблематике. Несмотря на наличие решения о СМВД, он предлагал создать еще один Совет министров, которому предстояло бы работать над «мирны[ми] договор[ами] с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией». Новому Совету министров трех держав также предлагалось «изучить пути для разрешения территориальных вопросов, которые остались открытыми по окончании войны в Европе. Совет должен подготовить исчерпывающие условия мирного соглашения с Германией, которые будут приняты будущим правительством Германии, когда будет организовано подходящее для этой цели германское правительство»¹¹⁴.

Молотов вспоминал о Потсдаме: «Моя задача как министра иностранных дел была в том, чтобы нас не надули. По этой части мы постарались и добились, по-моему, неплохих результатов. Нас очень волновали польский вопрос, вопрос о репарациях. И мы своего добились, хотя нас всячески старались ущемить, навязать Польше буржуазное правительство, которое, естественно, было бы агентом империализма. Но мы — Сталин и я за ним — держались такой линии, чтоб у себя на границе иметь независимую, но не враждебную нам Польшу. На переговорах и раньше споры шли о границах, „линии Керзона”, линии „Риббентроп — Молотов”. Сталин сказал: «Назовите, как хотите! Но наша граница пройдет так!» Черчилль возразил: «Но Львов никогда не был русским городом!» — «А Варшава была», — спокойно ответил Сталин»¹¹⁵.

В отличие от Трумэна Сталин по-иному формулировал повестку дня: «У русских есть вопросы о разделе германского флота и другие. По вопросу о флоте была переписка между мною и президентом и было достигнуто согласие. Второй вопрос — это вопрос о репарациях. Затем следует обсудить вопрос об опекаемых территориях... Я не знаю еще точно, что это за территории, но русские хотели бы принять участие в управлении опекаемыми территориями. Отдельно мы хотели бы поставить вопрос о восстановлении дипломатических отношений с бывшими сателлитами Германии»¹¹⁶.

Западные союзники не соглашались делить германский флот, откладывали процедуру на время после завершения войны с Японией. «Мне кажется, — утверждал Черчилль, — что нужно

было бы поставить вопрос о разделении торгового флота не на три, а на четыре части, чтобы четвертая часть пошла на удовлетворение интересов некоторых других стран, которые здесь не представлены. Я только предлагаю этот вопрос на рассмотрение и обсуждение». Черчилль выступил и против мирного договора с Италией.

Решение многих вопросов затягивались, их намеренно осложняли. К примеру, 18 июля 1945 года на вопрос «Что нужно понимать под Германией?» Сталин ответил: «Германия есть то, чем она стала после войны. Никакой другой Германии сейчас нет. Я так понимаю этот вопрос. Трумэн. Можно ли говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 году? Сталин. Как она есть в 1945 году. Трумэн. Она все потеряла в 1945 году, Германии сейчас не существует фактически. Сталин. Германия представляет, как у нас говорят, географическое понятие. Будем пока понимать так. Нельзя абстрагироваться от результатов войны. Трумэн. Да, но должно же быть дано какое-то определение понятия „Германия“. Я полагаю, что Германия 1886 года или 1937 года — это не то, что Германия сейчас, в 1945 году. Сталин. Она изменилась в результате войны, так мы ее и принимаем. Трумэн. Я вполне согласен с этим, но все-таки должно быть дано некоторое определение понятия „Германия“. Сталин. Например, думают ли установить германскую администрацию в Судетской части Чехословакии? Это область, откуда немцы изгнали чехов. Трумэн. Может быть, мы все же будем говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 году? Сталин. Формально можно так понимать, по существу это не так. Если в Кенигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним... Сталин. Давайте определим западные границы Польши, и тогда яснее станет вопрос о Германии. Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия. Это — страна, у которой нет правительства, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, в том числе и пограничных, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна...»¹¹⁷

На основании этого обмена мнениями состоялось обсуждение якобы несанкционированного появления Польши в качестве оккупационной державы, так как граница Польши «перешла» на Запад. «В своих нотах американское правительство и британское правительство нам предлагали несколько раз не допускать польскую ад-

министрацию в западные районы, — пояснял Сталин, — пока не будет окончательно решен вопрос о западной границе Польши. Мы этого не могли сделать, потому что немецкое население ушло вслед за отступающими германскими войсками на запад. Польское же население шло вперед, на запад, и наша армия нуждалась в том, чтобы в ее тылу, на той территории, которую наша армия занимала, существовала местная администрация... Другого выхода не было. Это не значит, конечно, что я сам определяю границы. Если вы не согласитесь с той линией, которую предлагает польское правительство, вопрос останется открытым. Вот и все. Черчилль. Но можно ли этот вопрос оставить без решения? Сталин. Когда-нибудь его надо решить»¹¹⁸.

В то же время Великобритания категорически не собиралась обсуждать испанский вопрос: «Линия, которой я придерживаюсь, — аргументировал Черчилль, — заключается в следующем: Испания — это страна, которая не была вовлечена в войну и не является страной-сателлитом, она также не была освобождена союзниками, мы не можем поэтому вмешиваться в ее внутренние дела...» Трумэн резко вмешался в дискуссию: «Я хочу сделать, перед тем как перейти к заключению, одно заявление. Я сюда приехал в качестве представителя США и приехал сюда для того, чтобы обсуждать с вами мировые вопросы. Но я не приехал сюда для того, чтобы судить о каждой стране Европы, рассматривать споры, которые должны решаться мировой организацией, созданной в Сан-Франциско. Если мы будем разбирать политические жалобы на кого-либо, мы будем только попусту тратить время. Если мы будем вызывать сюда Тито, Франко или других деятелей, то это ни к чему хорошему не приведет. Мы не представляем собою судебный орган для разбирательства жалоб на отдельных государственных деятелей. Мы должны заниматься теми вопросами, по которым мы могли бы достичь соглашения...»¹¹⁹

Не получилось решить и вопрос о возможных советских военно-морских базах. Черчилль писал, что «[п]осле непродолжительного молчания Сталин сказал: «Если вы сочтете невозможным дать нам укрепленную позицию в Мраморном море, может быть, мы могли бы иметь базу в Деде-Агаче?» На это я ответил лишь: «Я всегда буду поддерживать стремление России иметь свободу на морях в течение всего года»¹²⁰.

На Потсдамской конференции удалось решить следующие проблемы: были согласованы принципы передачи германского военно-

морского и торгового флота; признавалось, что следует изменить Конвенцию о проливах; были разработаны «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный период» (знаменитые — демократизация, демилитаризация, демонополизация и денацификация). На основе денацификации стороны согласились провести процесс над главными нацистскими преступниками (Нюрнбергский процесс). СССР пришлось согласиться, что репарации должны взиматься каждой оккупационной державой из собственной зоны. Советский Союз получал право на 25 % репараций из западных зон, 10 % из которых предоставлялись бы безвозмездно. Было принято решение о выселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии или, как тогда писали, «об упорядочном перемещении германского населения».

Принципиального решения большинства вопросов достигнуть не удалось, поэтому противоречия накапливались. О восприятии внешнеполитической ситуации советским руководством Молотов говорил следующее: «Они, конечно, против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоевано. Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию, а Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия — они же были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядок. Прижимать капиталистические порядки. Вот „холодная война“. Конечно, надо меру знать. Я считаю, что в этом отношении у Сталина мера была очень резко соблюдена... После войны мы брали репарации, но это мелочь. Государство-то колоссальное у нас. Потом эти репарации были на старом оборудовании, само оборудование устарело. А другого выхода не было. Это некоторое небольшое облегчение тоже надо было использовать. Но опять-таки, вырывая себе кое-что, с чем надо было считаться? Мы же потихоньку создавали ГДР, нашу же Германию. Если бы мы вытащили оттуда все, как бы на нас ее народ смотрел? Западной Германии помогали американцы, англичане и французы»¹²¹.

* * *

Ялтинская и Потсдамская конференции положили начало новому миропорядку — Ялтинско-Потсдамской системе, важнейшие черты которой сводились к следующему.

— Ялтинско-Потсдамская система была договорной системой; международно-правовая основа системы начала выстраиваться

в ходе Великой Отечественной войны, была закреплена в Потсдаме и совершенствовалась в послевоенное время;

- система опиралась на наличие великих держав и возможность единства их действий, подтвержденного правом вето каждой из них в Совете Безопасности ООН; условием эффективности системы было согласование действий великих держав на основании компромисса между ними; замалчивания или «вытеснения» сложных вопросов не предполагалось, но признавалось, что подчас для их решения требуется время, в течение которого следовало соблюдать статус-кво;
- твердой составной частью Ялтинско-Потсдамской системы стал ракетно-ядерный паритет, который — при рациональном поведении контрагентов — исключал прямое столкновение ядерных держав, прежде всего обеих супердержав СССР и США;
- политическое, социально-экономическое, идеологическое многообразие мира, характерное для Ялтинско-Потсдамской системы, создавало условия для конкуренции, для выбора лучшей модели, заставляло внимательнее относиться к нуждам собственного населения; в этом смысле наличие альтернативы обогащало международные отношения;
- возникновение биполярного миропорядка в процессе совершенствования Ялтинско-Потсдамской системы означало на практике всё тот же раздел мира на «сферы влияния» («сферы безопасности»), против чего с таким рвением первоначально возражали англо-американцы; последующее развитие подтвердило, что «сферы безопасности» остаются непременной особенностью современного мира;
- Ялтинско-Потсдамская система способствовала закреплению в международно-правовой сфере понятия «национальный интерес»; отныне это понятие не является чем-то зазорным или подлежащим искоренению; при всей глобальности современного мира и сверхдержавы, и малые, и средние государства с полным правом отстаивают свои национальные интересы.

В целом созданная в Ялте и Потсдаме в результате совместных усилий главных держав антигитлеровской коалиции система международной безопасности оказалась наиболее эффективным решением тех проблем, которые

стояли перед миром после окончания Второй мировой войны. Конечно, у неё сразу появились и противники. В части руководящих кругов Великобритании и США закрепилось мнение, что эта система «слишком внимательно» учитывает интересы Советского Союза. Постоянным нападениям подвергала систему голлистская Франция, утверждавшая, что отказ привлечь её к дебатам тройки привёл к нежизнеспособности нового миропорядка. Против решений Ялты и Потсдама выступали, естественно, западные немцы, обвинявшие их в расколе Германии, хотя этот раскол был следствием политики конфронтации, инициированной Западом в одностороннем порядке. Лучшим доказательством успешности Ялтинско-Потсдамской системы был тот факт, что более чем за полвека её существования в Европе не было войн. Первая война на территории европейского континента — нападение НАТО на Югославию — состоялась после того, как система была разрушена. Именно обрушение Ялтинско-Потсдамского миропорядка распахнуло двери для возвращения войны в Европу.

Закрепление итогов Второй мировой войны

Как уже отмечалось, главной проблемой внешней политики любого государства всегда оставалось обеспечение собственной безопасности. Достижением второй половины XX века было достаточно широкое (хотя, к сожалению, и не всеобщее) осознание того факта, что безопасность одного должна сочетаться с безопасностью для всех по формуле: безопасность становится надёжной лишь тогда, когда она обеспечивается не за счёт безопасности других. Создание в 1945 году Организации Объединённых Наций с её наделённым огромными полномочиями Советом Безопасности учитывало эту реальность, подтверждённую неудачным опытом предвоенной Лиги наций. Однако расстояние между осознанием необходимости и практическими выводами из этого процесса бывает, как правило, довольно большим. Вот и обеспечение международной безопасности в годы, следовавшие за окончанием Второй мировой войны, не носило плавного и последовательного характера, а напоминало скорее огромные качели или американские горки, когда за движением вверх следовало стремительное снижение, которое, в свою очередь, сменялось подъёмом. Подобное «прерывистое» развитие отнюдь не было фатально предопределено. Его вызвали глобаль-

ные амбиции США, не готовых удовлетвориться ролью одной из трёх (четырёх, если считать Францию) главных держав-победительниц, а добивающихся исключительного положения гегемона среди всех остальных стран.

При заключении межсоюзнических соглашений военного времени, рассчитанных на послевоенный период, Советский Союз исходил из перспективы формирования будущей глобальной системы международных отношений на основе тесного и равноправного взаимодействия главных держав-победительниц в условиях взаимного учёта жизненных интересов друг друга, а также других государств. Это предположение представлялось достаточно логичным, поскольку для утверждения мира было явно недостаточно разгромить данного конкретного агрессора; следовало в максимальной степени устранить — или, по крайней мере, эффективно ограничить — возможности любого потенциального нарушителя мира развязать войну в будущем.

На момент окончания Второй мировой войны державы-победительницы самым очевидным образом оказались наиболее сильными государствами мира и в этом качестве приняли на себя основную ответственность за дальнейшую судьбу человечества, получив статус постоянных членов Совета Безопасности Организации Объединённых Наций. Закреплённый в Уставе ООН принцип единогласия постоянных членов СБ являлся и является фундаментальной предпосылкой исключения «большой» войны из жизни народов планеты. Советское руководство с энтузиазмом восприняло идею президента США Франклина Рузвельта, состоявшую в том, чтобы обеспечить равноправное участие постоянных членов СБ, то есть и Советского Союза, в строительстве грядущего миропорядка (американская идея четырёх «мировых полицейских» — США, СССР, Англия для Европы плюс Китай для Азии; позже «четвёрка» стала «пятёркой» за счёт подключения Франции) и собиралось активно содействовать ему.

По соображениям практической целесообразности из компетенции ООН была с самого начала изъята проблематика заключения мирных договоров с бывшими вражескими государствами — международные отношения, структурирование которых поручалось ООН, следовало предварительно расчистить от обломков и пережитков военного времени. Принятое в Потсдаме решение создать Совет министров иностранных дел (СМИД) СССР, США, Великобритании, Франции и Китая для прагма-

тического решения неотложных проблем реконструкции мира, ещё не полностью пришедшего в себя после самой кровопролитной и разрушительной войны в истории человечества, основывалось на том же капитальном принципе единогласия главных держав-победительниц.

Созданный таким образом инструмент сотрудничества великих держав носил поистине универсальный характер. В качестве немедленной и важной задачи на СМВД были возложены составление мирных договоров с сателлитами гитлеровской Германии, а также выработка предложений по разрешению территориальных вопросов, возникших в связи с окончанием войны в Европе. Одновременно предусматривалось, что Совету будут поручены подготовка мирного урегулирования для Германии (все понимали, что это будет гораздо более сложным делом, чем договоры с сателлитами, поскольку речь шла об инициаторе войны, попытки реванша со стороны которого следовало предвидеть и заранее пресечь). Предполагалось рассмотрение и иных вопросов, которые могли выноситься на рассмотрение СМВД по согласованию между его участниками. За четыре года (с сентября 1945 по июнь 1949) состоялось шесть сессий СМВД. Проходили они сложно, но с главным поручением Совет справился и мирные договоры с союзниками Германии были подготовлены и подписаны. С другой стороны, существенно продвинуться в направлении согласованного мирного урегулирования с Германией Совету не удалось.

Непреодолимым препятствием для реализации предполагавшегося послевоенного четырёхстороннего сотрудничества стала постепенная утрата взаимного доверия, минимум которого был необходим для совместных действий на международной арене. Суть осложнений в отношениях между СССР и Западом, становившихся с каждым годом всё более острыми, заключалась в совершенно разных представлениях о конечной цели процесса послевоенной нормализации. В то время как Советский Союз отнюдь не отказывался от достижения взаимопонимания с вчерашними союзниками, Запад проявил упорную неготовность идти на компромиссы. В первые послевоенные годы Москва настойчиво искала основу для новых договорённостей, которые были бы приемлемы для обеих сторон.

И. В. Сталин не был заскорузлым догматиком. Целый ряд принятых им в 30-е и 40-е годы решений свидетельствовал о способности вождя народов идти нетривиальными путями,

ставить во главу угла прагматизм и непосредственные интересы возглавляемой им страны. Об этом, в частности, свидетельствовал выдвинутый им тезис о возможности построения «социализма в одной отдельно взятой стране», что было жуткой ересью по отношению к заповедям классического марксизма. Он проявил решительное неприятие популярной среди «твёрдокаменных» марксистов теории «перманентной революции» как закона развития современного мира, что косвенно подрывало и представление о неизбежности уже в ближайшее время следующей мировой войны, которая обязательно будет войной между капитализмом и социализмом. Им была дана резкая отповедь русофобским оценкам в сочинениях Фридриха Энгельса на темы европейской и российской истории, причём такая критика относилась и к соответствующим местам в произведениях Карла Маркса и даже В. И. Ленина, имена которых в данном контексте просто не назывались. Он пошёл на роспуск Коминтерна и отказ от «Интернационала» в качестве государственного гимна СССР в знак того, что советская внешняя политика не будет отныне подвержена существенному влиянию идеологии. Он допускал возможность более или менее длительного периода партнёрских отношений с Западом при условии обеспечения безопасности СССР, в первую очередь на европейском направлении. Однако готовность Москвы к деловому сотрудничеству в деле построения безопасного мира после 1945 года осталась втуне. Запад в очередной раз переоценил свои силы и предпринял безрассудную попытку лишить восточного гиганта плодов одержанной им Победы.

Прежде всего ангlosаксы были полны решимости восстановить довоенный территориальный порядок в Европе, включая изобретённый Антантой «санитарный кордон», отгораживающий остальной континент от Советского Союза. Допустить этого Москва не могла, поскольку вся предыстория Второй мировой войны убедительно показывала, что враждебно настроенная Восточная Европа несовместима с безопасностью СССР. Минимум того, что могло бы устроить Советский Союз в этом смысле, представляли собой однозначно и гарантированно дружественные ему правительства в странах европейского предполя. Между тем ангlosаксы упорно навязывали руководству восточноевропейских стран свою политическую клиентуру и настаивали на включении в мирные договоры с ними положений, которые

позволяли бы Западу на «законном основании» вмешиваться в чужие внутренние дела.

Уже тогда Западом стала применяться тактика идеологической интервенции, широко используемая и в наши дни. Наиболее значимые общественно-политические понятия (демократия, социализм и т. д.) официально интерпретировались таким образом, чтобы они вступали в непримиримое противоречие с интересами другой стороны. Подобная интерпретация объявлялась «единственно правильной» при содействии «машин голосования» Генеральной Ассамблеи ООН, где Запад располагал абсолютным большинством голосов. Затем следовало требование проверки соответствия ситуации в странах Восточной Европы «общепринятому толкованию» указанных основных понятий посредством развёрнутого западного контроля на местах.

Первоначально Москва не собиралась «советизировать» Центральную и Восточную Европу ввиду слабых шансов добиться создания там полноценных режимов «пролетарской диктатуры». Однако в обстановке нарастания напряжённости в отношениях между вчерашними союзниками Москва была вынуждена передать власть в «промежуточной Европе» местным коммунистам в надежде обеспечить их полное послушание на будущее. В целом этот план удался, за исключением Югославии Иосипа Броз Тито, ставшей на несколько десятилетий головной болью советских внешнеполитических стратегов не только в Европе.

Однако полного успокоения не получилось, поскольку внутривнутриполитические кризисы, один за другим при западной поддержке разражавшиеся в европейских социалистических странах, потребовали силового вмешательства «большого брата» или коллективного воздействия остальных «собратьев». И в избежавших вмешательства извне Болгарии, Румынии и Польше социальный эксперимент оказался в конечном счёте неудачным. Но всё это выяснилось позже. Поначалу возникновение хотя бы формально сплочённого социалистического содружества («социалистического лагеря») компенсировало с точки зрения Кремля проявлявшиеся недочёты, поскольку позволило противопоставить «свой» блок «чужому» блоку.

В обстановке разгоравшейся конфронтации СССР всё громче бил в колокол антиколониализма, подрывая надежды европейских колониальных держав на сохранение своих заморских владений в мутной водице послевоенного политического и экономического хаоса. В правящих

кругах Англии и Франции ещё очень хорошо помнили антиколониальный подъём в мире после окончания Первой мировой войны, чему в немалой степени способствовала пропаганда Коминтерна в первые десятилетия после Октябрьской революции. Отчасти и по этой причине Запад сорвал передачу части итальянских колониальных владений под опеку Советского Союза, что позволило бы Москве обзавестись собственной базой непосредственного влияния на африканском континенте. В этом же направлении действовал и западный отказ пересмотреть в выгодную для СССР сторону международный режим проливов, регулирующий выход из Чёрного в Средиземное море. Не случайно первый масштабный международный военный конфликт после 1945 года произошёл в Азии, в регионе, который издавна находился по большей части в западноевропейской колониальной зоне: в 1950 году разразилась Корейская война. Окончательно деколонизация мира была осуществлена уже после смерти Сталина, но её основы были заложены раньше.

В итоге негативных действий Запада реальная возможность сотрудничества великих держав после окончания Второй мировой войны была сорвана, и место конструктивного соучастия в построении нового справедливого мирового порядка заняла «холодная война» с её не поддающимися предвидению поворотами. Сам термин «холодная война» был запущен в оборот американской прессой после поджигательской речи Уинстона Черчилля в американском Фултоне (1946), где он обвинил Советский Союз в создании «железного занавеса» посередине европейского континента. Западные теоретики и пропагандисты интерпретировали термин «холодная война» как благословение на любые враждебные действия дипломатического, экономического, пропагандистского характера против СССР и его союзников с единственным ограничением — дело не следовало доводить до прямых боевых действий между блоками. По существу против Москвы велась война, но война, которая была объявлена «не совсем настоящей». С учетом общественных настроений в западных странах в первые послевоенные годы вождям Запада было важно подчеркнуть, что вызванная их политикой напряженность «принципиально» отличается от полномасштабной войны, которой никто не хотел.

Последующее развитие в какой-то мере оправдало включение в новомодный термин перегруженного эмоциями понятия «война»,

поскольку несколько раз мир действительно подходил к краю термоядерной пропасти. В целом же содержание понятия «холодная война» сводилось на практике к состоянию «холодного мира», но последняя формулировка не употреблялась, поскольку она всё же сближалась с понятием сотрудничества. А о сотрудничестве Запад не хотел и слышать, полагаясь на свой перевес в военной и экономической силе по сравнению с Востоком.

Нет сомнения в том, что результаты послевоенного развития не отвечали тем надеждам и представлениям, с которыми СССР приступал к подготовке послевоенного мироустройства. Добиться прочного мира с устранением угроз для стабильности на континенте не удалось, хотя Москва была готова пройти свою часть пути к этой цели. В сухом остатке осталось «равновесие страха». Это равновесие, при всех издержках послевоенного урегулирования, избавило наш континент более чем на полвека от всякого рода военных катастроф. Однако одновременно оно потребовало концентрации сил и ресурсов социалистических стран в военно-промышленной сфере, хотя налицо были потребности, носившие первоочередной характер с точки зрения обеспечения нормальной жизни людей. Не следует забывать, что наибольшие жертвы и разрушения, причинённые войной, пришлось на Центральную и Восточную Европу.

К концу первой половины XX века в основном закончилось формирование биполярной системы международных отношений в глобальном масштабе: блок против блока с прослойкой неприсоединившихся государств между ними. Провозглашение ГДР в октябре 1949 года, хотя и носило характер вынужденной ответной меры на образование ФРГ в мае того же года, стало своего рода символом завершения послевоенного переходного периода, закрепившего территориальные и политические итоги Второй мировой войны.

Противостояние блоков не исключало, а скорее предполагало периодическое возникновение конфликтов на региональном уровне, тем более что Запад придерживался первое время стратегии «отбрасывания», то есть оттеснения Советского Союза с позиций, на которые он вышел благодаря Победе. Даже незначительные на первый взгляд конфликты могли приобрести смертельно опасный характер, если в них втягивались главные ядерные державы США и СССР. Наиболее острые моменты возникали непосредственно в сфере советско-американ-

ских отношений. Если не считать Корейского конфликта 1950–1953 гг., в котором участвовали США под флагом ООН¹²² и «добровольцы» Китайской Народной Республики, ближе всего к «горячей войне» мир подошёл в октябре 1962 года во время Карибского кризиса, когда в ответ на stationирование американских ракет среднего радиуса действия в Турции Советский Союз приступил к размещению ракет соответствующего класса на Кубе. Показательно, что только после этой встряски, когда США воочию убедились в своей уязвимости для ответного советского удара, Вашингтон проявил готовность к практическому достижению договорённостей с СССР о взаимном ограничении вооружений.

Однако центром противостояния оставалась Европа, где не снижалась острота остававшегося не урегулированным «германского вопроса», который превратился в постоянную болевую точку мира. Раскол Германии, соответствовавший логике глобальной биполярной системы, был буквально навязан Советскому Союзу, продолжавшему настаивать на германском единстве даже после возникновения двух германских государств. Причины такой настойчивости были достаточно откровенно изложены Сталиным в беседе с государственным секретарем США Джорджем Маршаллом 15 апреля 1947 года. В советской записи беседы следующим образом передаются слова советского лидера: «Советский Союз так сильно пострадал от Германии, что у него, тов. Сталина, не может быть поводов для любви к германскому правительству или к немцам. Но если Советский Союз выступает против раздела или расчленения Германии на земли, то это он делает потому, что расчленение чревато опасностью для дела мира. Союзники не должны допустить ошибки, совершенной Наполеоном, когда он образовал в Германии несколько десятков правительств. Наполеон этим добился тактических успехов, так как всякое расчленение Германии ведет к её ослаблению. Но если посмотреть на дело не только с тактической точки зрения, но и с точки зрения завтрашнего дня, то можно видеть, что результатом расчленения, проведенного Наполеоном, был тот факт, что идея объединения Германии попала в руки германских шовинистов и реваншистов, породила Бисмарка, франко-прусскую войну и т. д. Советское правительство боится выпустить из рук орудие объединения Германии и отдать его в руки германских шовинистов и реваншистов. Это таит в себе очень большую опасность для будущего, это породит новых

бисмарков. Советское правительство не хочет, чтобы союзники выпускали из своих рук идею единства Германии. Возможно, что наши точки зрения по этому вопросу не сойдутся, но есть выход из этого положения: призвать германский народ высказаться по этому вопросу в плебисците, и если германский народ выскажется за то, чтобы вся власть была передана правительствам земель, как предлагает [министр иностранных дел Англии Эрнест] Бевин, и чтобы германское правительство осталось ниже правительства земель, то у союзников не может быть против этого возражений»¹²³. Так называемые «сталинские ноты» 1952 года предлагали Западу объединение Германии практически на западных условиях («свободные выборы»). Ограничение было лишь одно — невступление ФРГ (и, естественно, единой Германии) в НАТО. Однако Запад настолько нуждался в немецких солдатах («Немцы на фронт!»), что не потрудился даже приличия ради уточнить детали советского предложения.

После смерти Сталина и особенно после событий 17 июня 1953 года в ГДР, когда перегибы СЕПГ в строительстве основ социализма привели к массовым волнениям в республике, советское руководство сделало как раз то, чего так опасался вождь народов — оно отказалось от лозунга германского единства. Причины такого поворота чистосердечно обнародовал Н. С. Хрущёв, ревизовавший сталинское «наследие». На переговорах с Конрадом Аденауэром в Москве в сентябре 1955 года он заявил: «Сейчас воссоединение Германии трактуется так, что воссоединённая Германия должна войти в НАТО, а НАТО направлено против Советского Союза и стран народной демократии. Это доказано тем, что когда мы заявили, что хотим войти в НАТО, — нам отказали и отказали потому, что этот блок создан против Советского Союза и стран народной демократии. Если создаётся организация, направленная против нас, то мы, государственные деятели, должны делать всё для того, чтобы она была слабее, а не сильнее. Это — законное желание. Если Германская Федеральная Республика вступила в НАТО, а Германская Демократическая Республика не входит в НАТО, то мы были бы глупцами, если бы содействовали тому, чтобы вся Германия вошла в НАТО и тем самым укреплялись бы силы, направленные против нас»¹²⁴. Отныне поддержка и защита самостоятельности ГДР стали альфой и омегой европейской политики СССР.

ГДР играла роль одной из главных несущих опор той тесной общности поддерживающих друг друга социалистических государств, которая образовывала естественную среду обитания для каждого из них. Восточногерманские политики и политологи охотно говорили о состоявшем из ГДР, Польши и Чехословакии «железном треугольнике», на который опиралась система коллективной обороны Варшавского договора. ГДР была основным звеном этой системы и в этом качестве замковым камнем безопасности СССР на европейском направлении. Существование ГДР означало, прежде всего, ослабление германского военного потенциала, образовывавшего становой хребет НАТО в Европе. С другой стороны, именно в восточногерманской республике размещались главные оборонительные силы Варшавского договора, которыми, бесспорно, являлись отлично оснащенные и укомплектованные соединения полумиллионной Группы советских войск в Германии. В свою очередь, на ГСВГ были «завязаны» группировки советских войск в Польше, Чехословакии и Венгрии, обеспечивавшие её тыловые коммуникации и взаимодействие с ней в случае «часа X», который, к счастью, так и не наступил. Пока существовали ГДР и Западная группа войск, НАТО не располагала свободой действий. Ни одна из конфликтующих сторон не была в состоянии единолично определять характер ситуации в Европе.

Естественно, у каждой социалистической страны были свои проблемы и слабые места, и только взаимная выручка обеспечивала им определенную степень безопасности в окружении стаи «доброжелателей», только и ожидавших подходящего момента, чтобы приступить к смещению центров тяжести в мире. К сожалению, к середине 80-х годов единство социалистического содружества сохранилось лишь в декларациях и совместных заявлениях, которые производились в больших количествах, но не соответствовали действительности. В условиях, когда СССР вступил на путь социального эксперимента «перестройки», исход которого не просматривался, особенно неуютно чувствовало себя руководство ГДР, поскольку, в отличие от других восточноевропейских стран, кризис социалистического режима нёс с собой опасность её исчезновения как государства. Поскольку территория ГДР насквозь простреливалась заведомо недружественно настроенными западногерманскими радио и телевидением, всюду призывавшими последовать советскому экспе-

рименту, руководство восточногерманской республики свернуло существовавший с момента её основания лозунг «Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать». Разнобой в отношении перспектив дальнейшего развития социализма демонстрировал растущую слабость восточного блока и прямо-таки провоцировал Запад на активизацию подрывной деятельности.

Самым скверным оказалось то, что у руководящих кругов каждого участника социалистического содружества постепенно складывалось ошибочное впечатление, что именно его вклад в общую копилку непомерно велик и подлежит обязательному сокращению. Катастрофа стала неизбежной, когда на такие позиции перешло руководство Советского Союза. Конечно, ослабленная экономика СССР вряд ли могла взять на иждивение все социалистические страны, наделавшие множество ошибок в хозяйственной сфере. Но поддержать ГДР, без которой «железный треугольник» неизбежно разваливался, Москва могла бы. Тем более что для этого нужно было только поставлять ей такое количество сырой нефти, о котором в своё время была достигнута двусторонняя договорённость. Под это количество нефти в Шведе, близ границы с Польшей, был построен огромный нефтеперерабатывающий комбинат. Выгода для ГДР состояла в том, что нефть из СССР она приобретала по низким внутренним ставкам СЭВ, а полученные из неё нефтепродукты продавала в ФРГ по высоким экспортным ценам Общего рынка. Подобная комбинация стала возможной благодаря тому, что ФРГ, ссылаясь на включенное в её конституцию обязательство добиваться объединения Германии, настояла в Общем рынке на урегулировании, согласно которому ГДР не считалась для него «заграницей». Таким образом, «внутригерманская» торговля не облагалась какими-либо дополнительными пошлинами и налогами.

ГДР окончательно оформилась как отдельное государство в августе 1961 года, когда после затянувшегося политического кризиса Восточный Берлин отделил себя от Западного непреодолимой стеной (параллельно и государственная граница между ГДР и ФРГ приобрела характер «линии фронта», что было только логично, поскольку именно по этой границе проходила линия разграничения между НАТО и ОВД). Само по себе возведение Берлинской стены было встречено в западных столицах, включая Бонн, с явным облегчением, поскольку в обстановке нарастающего обострения отно-

шений между Востоком и Западом в ход были пущены не танки, а всего лишь строительные краны. Это, однако, не помешало Западу развернуть острую пропагандистскую кампанию против СССР и ГДР, в ходе которой стена была сделана постоянным раздражителем для отношений между Западом и Востоком.

«Ястребы», особенно американские, не останавливались перед организацией опасных провокаций. 22 октября 1961 года американцы вывели к КПП Фридрихштрассе («Чекпойнт Чарли») танки, чтобы подкрепить свое «право на свободный доступ в Восточный Берлин». Командование ГСВГ со своей стороны придвинуло к КПП советскую бронетехнику, которая была готова принять бой в случае необходимости. Видный советский дипломат В.М. Фалин вспоминает: «Для меня последняя декада октября 1961 года — самое близкое прикосновение к горячей войне в Центральной Европе после 1945 года, которая почти автоматически могла бы перерасти в Третью мировую. 200 метров и нервы отделяли Европу от непоправимого»¹²⁵. Американцы отступили.

Однако не подлежит сомнению, что Берлинская стена одновременно означала признание Советским Союзом своей политической неудачи — и в плане достижения глобального компромисса с Западом на основе нейтрализации Западного Берлина как базы подрывной деятельности против ГДР и ГСВГ, и в плане организации коллективной безопасности в Европе, и в нравственном плане, поскольку ГДР и СССР почти на 30 лет стали объектом обвинений в возведении «тюремного сооружения» в центре Европы. Один из самых ярких дипломатов ГДР, заместитель министра иностранных дел Эрнст Крабач отмечает в своих воспоминаниях: «Руководство ГДР не смогло осуществлять перестройку общества на социалистических началах, укреплять собственную государственность и одновременно оставаться открытым для воссоединения. Закрытие границ в августе 1961 года было с точки зрения внутригерманской политики потрясающим поражением для ГДР. Тезис о воссоединении на социалистической основе, который ГДР отстаивала долгие годы, оказался утопией»¹²⁶.

«Полюбовный» раздел Германии в 1949 году (Запад и Восток получили по «своему» куску страны, могущей потенциально претендовать на лидерство в Европе), закончившаяся «вничью» Корейская война 1950–1953 гг. (КНДР и Южная Корея сохранились в своих прежних

границах), мирное преодоление Карибского кризиса в 1962 году (оба контрагента отошли на исходные позиции, чтобы избежать лобового столкновения) — всё это показало, что отныне складывающаяся обстановка вынуждает Запад уже по соображениям самосохранения идти на компромиссы с Советским Союзом. Советские успехи в освоении космоса, начиная с запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 году, сыграли роль весомого дополнительного фактора, убедившего западные столицы в необходимости как-то договариваться с СССР. Вашингтон и Москва вступили в переговоры об ограничении вооружений, за которыми последовали Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину 1971 года и начало (1973) Хельсинкского процесса, имевшего конечной целью возведение «общего европейского дома» (формула, использованная Л. И. Брежневым в ходе его последнего визита в ФРГ в 1982 году). Заключительный Акт Хельсинки (1975) был своего рода свидетельством о рождении нового этапа в послевоенной истории мира — этапа разрядки и снижения международной напряженности.

Однако и на этом этапе нельзя было говорить о доверительном сотрудничестве между сторонами. Шведский политолог Адам Даниэл Ротфельд констатировал, что «в политике государств НАТО, и особенно в политике США, СБСЕ являлось в большей мере инструментом публичной дипломатии, нежели важным элементом их политики безопасности. Заявления и постулаты нацеливались против „другой стороны“, и в обеспечении национальной безопасности положения СБСЕ не играли никакой роли до 1990 года»¹²⁷. Впрочем, и после 1990 года превращение СБСЕ/ОБСЕ в серьёзный фактор коллективной безопасности в Европе не состоялось.

* * *

До 1953 года советская внешняя политика концентрировалась на упрочении влияния СССР в мире, ставшего фактом в результате разгрома фашистской Германии и её союзников. Международный авторитет Советского Союза был огромен, поскольку ни для кого из современников не было секретом, что он практически в одиночку одолел рейх, на стороне которого воевала почти вся континентальная Европа. Что-либо сверх акций «консервативного» характера исключалось вследствие необходимости восстановления народного хозяйства, понёсшего чудовищный урон вследствие

четырёхлетних военных действий на советской территории. К этому добавились приоритетные усилия с целью создания собственной ядерной бомбы, что было призвано обеспечить паритет с США в области оружия массового поражения.

Главной ареной политического соперничества с Западом была Европа, а в ней Германия, сильнейшая в потенции страна региона. Апогеем в целом успешной внешнеполитической линии Москвы стало создание Германской Демократической Республики, взявшей на себя роль опоры системы коллективной безопасности социалистических стран в Европе. Изменения статус-кво можно было констатировать только в периферийных регионах мира, которым было суждено набрать потенциал глобального значения лишь в перспективе (в частности, к событиям такого порядка относилась победа коммунистической партии в Китае в 1949 году).

При наследниках Сталина внешняя политика СССР перешла к активному воздействию на западные позиции. Она стала характеризоваться наступательными и порой вызывающими чертами. Поддержка народно-освободительных движений по всему миру потребовала значительных затрат, обременявших и без того напряжённый бюджет страны. Это множило число друзей Советского Союза в Третьем мире, но одновременно вовлекало его в конфликты, которые лишь с натяжкой можно было рассматривать как затрагивающие его жизненные интересы. Наиболее тяжёлые материальные и моральные последствия повлекло за собой силовое вмешательство во внутриафганский конфликт в 1979 году — главным образом, потому что по внешнеполитическим соображениям военные действия велись там «ограниченным контингентом», что совершенно не соответствовало серьёзности положения.

Десятилетняя война в Афганистане стала одним из основных факторов, обусловивших переход руководства СССР к «перестройке» всей политической системы страны, сопровождавшейся экспериментом по установлению «коллегияльных» отношений с Западом. В конечном счёте лекарство в руках неумелых врачей оказалось хуже самой болезни: при активной помощи западных «коллег» пациент безвременно скончался. Однако на момент начала «перестройки» Советский Союз ещё твёрдо удерживал позиции одного из лидеров глобальной биполярной системы безопасности, возникшей вследствие Победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Биполярный мир

К числу символов веры отечественного либерализма с самого начала относилось убеждение, что расходы на армию и военно-промышленный комплекс являются излишними и только затрудняют построение «общества благоденствия». Соответственно подверженное влиянию либерального романтизма советское руководство во главе с Л.И. Брежневым и особенно во главе с М.С. Горбачёвым стремилось во что бы то ни стало добиться сокращения (в идеале упразднения) этих расходов со ссылкой на заметное смягчение внешних проявлений конфликтности в отношениях между Западом и Востоком. Утверждалось, что такое смягчение нашло своё выражение прежде всего в интенсификации так называемого «Хельсинкского процесса», хотя существо этого процесса отнюдь не было сравнимым с библейской идиллией совместного возлежания агнца и волка.

И во времена хрущёвской «оттепели», и в период «перестройки» по существу продолжалось противоборство двух диаметрально противоположных стратегий. Советской концепции, неизменно направленной на закрепление территориального и политического статус-кво в Европе, по-прежнему противостояла внешнеполитическая линия Запада, добивавшегося изменения в первую очередь политического статус-кво на континенте. Западной целью оставалось всё то же «вытеснение» СССР из Европы — на этот раз, в силу достигнутого Советским Союзом ракетно-ядерного паритета с США, «невоенными методами». От исхода этого противоборства зависело, удастся ли Советскому Союзу в конечном счёте уберечь плоды достигнутой невероятно высокой ценой Победы в Великой Отечественной войне или нет. Небольшая группа нейтралов и неприсоединившихся стран специализировалась в ходе «Хельсинкского процесса» на разработке компромиссных предложений, больше отвечающих, как правило, интересам Запада.

Процесс выработки в Хельсинки, а также происходивших параллельно с ним переговорах «правил сосуществования» между Востоком и Западом охватывал множество направлений. Очень важными были зачастую асимметричные советско-американские соглашения по ограничению, а затем и сокращению вооружений, в результате которых «под нож» пошли целые сегменты ядерного щита СССР (ракеты среднего радиуса действия СС-20, атомные подводные лодки и т. д.). Однако главной ареной схватки за место Советского Союза в первом ряду держав

мира оставалась, как и прежде, Европа. При общей лидирующей роли США мотором западной политики на континенте была ФРГ, роль которой в это время некоторые западногерманские политологи определяли как «влияние на мировую политику из второго ряда». Бонн упорно добивался присоединения ГДР к ФРГ, что означало бы коренную ревизию существующих в Европе территориальных и политических реальностей.

После того как в ходе «холодной войны» выяснилось, что фронтальная атака на Советский Союз не может принести успеха, западные немцы перешли к двухуровневой тактике ведения дел с социалистическим Востоком. При наращивании самых разнообразных контактов с СССР, ГДР и другими социалистическими странами одновременно усиленно спонсировались внутренние оппозиционные силы в них, способные когда-либо в будущем модифицировать существующий политический строй. Отныне ФРГ и Запад в целом собирались «вытеснить» Советский Союз из Европы «с тыла», путём внутренней «смены режимов» в восточноевропейских странах, ставших партнёрами Запада. Тактика ликвидации европейского социализма посредством фарисейского сотрудничества с ним, получившая впоследствии название «изменения через сближение», была разработана германскими социал-демократами (Эгон Бар, Вилли Брандт, Гельмут Шмидт), но с успехом применялась и вернувшимися к власти в 1982 году ХДС/ХСС (Гельмут Коль).

«Хельсинкский процесс» не снимал, а лишь прикрывал экзистенциальные противоречия между Западом и Востоком, и идеализировать его у политиков социалистических стран не было ни малейших оснований. Однако такая идеализация постоянно происходила. Постепенно Запад разглядел появившиеся у него шансы и вновь исподволь вернулся к тому, чтобы играть наступательную, инициативную роль, хотя у истоков процесса стояли шаг за шагом утрачивавшие чувство реальности руководители Советского Союза. Начиная с Л.И. Брежнева, Москва видела в переговорах в Хельсинки прозрачную возможность создания чего-то вроде «европейской ООН», которая стала бы гарантом сохранения всеобъемлющего европейского статус-кво. Как всегда, чаще всего проигрывает та сторона, которая проявляет наибольшую заинтересованность в достижении договорённостей. Такой стороной был бесспорно Советский Союз.

Уже процедурные правила переговоров, а затем и функционирования Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе были

нацелены на то, чтобы подорвать «монолитность» социалистического лагеря. Конечно, никто не распускал блоки, и формально согласование позиций их членов продолжалось в рамках военно-политических союзов, однако с самого начала была провозглашена внеблоковость (или надблоковость) Хельсинкских переговоров. Одним из следствий такого порядка явилось то, что социалистические страны находились в хроническом меньшинстве, поскольку в Европе просто насчитывалось больше несоциалистических стран. Другим следствием был рост противоречий внутри Организации Варшавского договора, так как Советский Союз частенько забегал вперёд по части уступок Западу. Во времена М. С. Горбачёва были нередки случаи, когда союзники (чаще всего ГДР) предупреждали Москву, что не собираются выполнять согласованные постановления, хотя и будут голосовать за них, чтобы «не подводить» СССР.

Иллюзию успеха, который был якобы достигнут советской дипломатией, больше всего поддерживал так называемый «декалог» — десять принципов взаимных отношений государств-участников, закреплённых в тексте Хельсинкского Заключительного Акта. Однако в этой «бочке мёда» имелось достаточно ложек дёгтя, которые впоследствии отравили жизнь дипломатам советской «перестройки». Представители СССР придавали первостепенное значение третьему пункту «декалога», недвусмысленно озаглавленному «Нерушимость границ» и гласившему: «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. Они будут соответственно воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника».

Однако уже в тексте первого принципа («Суверенное равенство, уважение прав, притязаний суверенитету») наряду с правом каждого государства «на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость» предусматривалось, что границы государств «могут изменяться, в соответствии с международным правом, мирным путём и по договорённости». При этом Запад позаботился закрепить в преамбуле документа положение о том, что все принципы «декалога» имеют «первостепенную важность»¹²⁸. Таким образом, возможность на определённых условиях изменять границы

обесценивала на практике обязательство участников соблюдать их во что бы то ни стало, и всё дальнейшее развитие ставилось в зависимость от реального соотношения сил, подверженного колебаниям и стремительным изменениям.

Однако главная мина замедленного действия, которая была заложена в основание СБСЕ, заключалась в абсолютизации прав человека и возведении их в ранг высшей ценности в межгосударственных отношениях. Восьмой пункт «декалога» провозглашал: «Государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и сотрудничества между ними, как и между всеми государствами. Они будут постоянно уважать эти права и свободы в своих взаимных отношениях и будут прилагать усилия, совместно и самостоятельно, включая в сотрудничестве с Организацией Объединённых Наций, в целях содействия всеобщему и эффективному уважению их»¹²⁹. Определения, в чём состоят права человека и основные свободы (за исключением прав национальных меньшинств, которые также были только названы), дано не было. Это оставляло широкое поле для интерпретаций и толкований в политических целях, тем более что Запад упорно противился тому, чтобы придать нормам Заключительного Акта и других аналогичных документов обязательный в международно-правовом смысле характер.

В ходе дальнейшего развития «Хельсинкского процесса» Запад целеустремлённо повернул дело таким образом, что тема прав человека превратилась в определяющий фактор уровня отношений с Востоком и в единственную основу оценки положения в социалистических странах. Западное толкование прав человека позволило объявить коллективистскую идеологию социализма «устаревшей» и несовместимой с индивидуалистической философией западного образа жизни, провозглашённой единственно соответствующей цивилизационным нормам. Подобная постановка вопроса нашла отклик в некоторых слоях населения Востока Европы. Через Заключительный Акт Хельсинки пропагандистское вмешательство во внутренние дела социалистических стран получило как бы благословение «мирового сообщества». Такие предусмотренные в тексте Заключительного Акта сферы сотрудничества, как политика, экономи-

ка, культура, наука были отодвинуты на второй или третий план. Кроме прав человека Запад интересовали только меры по ограничению вооружений (причём в тех областях, где он отставал от Востока). Права же человека использовались как таран, способный пробить оборонительные стены социалистического лагеря.

Начало связанной с именем М. С. Горбачёва «перестройки» было одобрено подавляющим большинством населения Советского Союза. Люди видели в ней прежде всего намерение устранить внутренние неурядицы и недочёты, которые можно было рассмотреть невооружённым глазом. Однако очень скоро выяснилось, что у «прорабов перестройки» нет чёткой программы действий, а их спорадические и хаотичные действия только усугубляют ситуацию. Ярким примером контрпродуктивной активности нового руководства страны была так называемая «антиалкогольная кампания», не принёсшая положительных результатов, вызвавшая сильное раздражение в народе и нанёсшая существенный урон экономике и государственным финансам.

Перед лицом неудач во внутренней политике Горбачёв с тем большим энтузиазмом занялся внешними делами, что его стали привечать на Западе как человека, не очень разбирающегося, в чём именно состоят главные интересы представляемой им страны, и не сильно заботящегося об их эффективной защите. И, действительно, инициатор «перестройки» сразу показал, что профессионалы ему не указ. Долголетний министр иностранных дел А. А. Громыко («мистер Нет», как его называли на Западе за твёрдость при продвижении советской позиции по отношению к событиям в мире) был отстранён от руководства внешней политикой, а на его место назначен провинциальный политик из Грузии, ещё не разу не бывавший за границей, но отличавшийся личной преданностью очередному благодетелю. Вдобавок, своим помощником по внешнеполитическим вопросам (то есть как бы «партийным министром иностранных дел») генеральный секретарь ЦК КПСС сделал человека, первым советом которого было «не забыть в документах [предстоящего] съезда партии о „воссоединении Германии“, от чего всё равно не уйти, раз уж будем намечать стратегическую линию на годы вперёд»¹³⁰. Естественно, в виду имела ликвидация ГДР, объективно являвшаяся наиболее уязвимым звеном социалистического лагеря.

В деле подрыва позиций Советского Союза в мире Запад ещё до начала «перестройки» смог опереться на синхронную реакцию активного

меньшинства в социалистическом сообществе, особенно в ГДР. Как по сигналу расплодившиеся после Хельсинки группы правозащитников, источники финансирования которых хранились в глубокой тайне, сравнимой только с банковской, объявили себя хранителями истины в последней инстанции во всём, что касается прав человека. В качестве таковых они получили в западных СМИ трибуну, с которой могли на весь мир объявить любое действие любых властей стран социалистического содружества, любой приговор любого суда, любой законопроект любого парламента «нарушением» таких прав.

Стараниями западных пропагандистских организаций, подобных американским фондам и радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа», умозаключения правозащитников немедленно вносились в общественное сознание соответствующей страны. Например, «годы застоя» в СССР, являвшиеся по существу периодом «усталой диктатуры», к которой никак не подходил термин «тоталитаризм», трансформировались в манифестах правозащитников чуть ли не в фазу возрождения сталинских чисток. Реальный социализм оказался не в состоянии защитить себя от подобных атак. Отдельные попытки ответить в том же тоне немедленно квалифицировались как нарушение политических статей Заключительного акта, предписывавших терпимость во взаимоотношениях между общественными системами.

ГДР попала в очень тяжелое положение, хотя предъявление ей обвинений было из-за стены настолько простым делом, что какое-то время казалось, что правозащитники обделяют республику своим вниманием, нанося главный удар по Советскому Союзу. Однако и без того внутривнутриполитическая обстановка в ГДР носила чрезвычайно зыбкий характер, поскольку оставалась подверженной сильнейшему влиянию со стороны средств массовой информации ФРГ. После начала советской «перестройки» ситуация в республике ещё больше обострилась.

Уже хрущёвская «разрядка» выявила уязвимость социалистической системы по части обеспечения общего уровня жизни, сравнимого с положением обеспеченных слоёв населения капиталистических стран. Перенесение центра тяжести соревнования с западным миром (Азия в расчёт не бралась) в материальную сферу соответствовало запросам послесталинской элиты, но было губительным для системы: на полках магазинов её ждало неминуемое поражение. Набирающая темп глобализация также подталкивала

к ослаблению барьеров, отделяющих реальный социализм от соблазнительных реальностей капитализма. С годами движение в этом направлении ускорялось и развивалось, приходя во все более явное противоречие с основами строя. Попытка неутомимых идеологов со Старой площади подправить ситуацию, объявив «специфической формой классовой борьбы» принцип мирного сосуществования, который по традиции убежденно отстаивал МИД, не могла увенчаться успехом, поскольку никто уже не был в состоянии добиться той жёсткой дисциплины мысли и действия, которые были обусловлены беспощадным искоренением начатков оппозиции при Сталине. Советская «перестройка» при Горбачёве и Шеварднадзе выродилась под лозунгом «нового мышления» в лихорадочное стремление любой ценой понравиться Западу.

Но вождем ГДР тезис о классовой борьбе на международной арене оказался очень близок. Республика настойчиво требовала в 1968 году осуществления акции Варшавского договора в отношении Чехословакии с её «социализмом с человеческим лицом», хотя Национальная народная армия по понятным соображениям не стала принимать участия во вводе войск ОВД на чехословацкую территорию (в этом случае руководство ГДР бесспорно проявило политическое чутьё). Она активно работала со странами «третьего мира», составив там себе хорошее имя среди левых и либеральных политиков. Особой близостью отличались отношения ГДР с чилийскими демократами после победы в Чили в 1970 году Народного единства во главе с Сальваторе Альенде. Военный путч, свергший президента Альенде три года спустя и повлекший за собой разрыв дипломатических отношений ГДР с Чили, не означал прекращения связей со сторонниками Народного единства, ставшими очень популярными прежде всего среди молодежи республики, которая видела в Чили «свою» Испанию времен гражданской войны 30-х годов. Более того, поскольку единственная дочь генерального секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера вышла замуж за чилийского эмигранта, поддержка Берлином чилийских социалистов и коммунистов стала «семейным делом» руководства ГДР.

Это имело самые неожиданные последствия. Когда в 1992 году Б.Н. Ельцин принял решение выдать своему другу Гельмуту Колю нашедшего убежище в СССР Хонеккера, того временно приютил посол Чили в Москве Клодомиро Альмейда, живший в своё время с семь-

ей в ГДР в качестве политэмигранта. В Чили, к жене и дочери, отправился Хонеккер после своего освобождения по состоянию здоровья из берлинской тюрьмы. Там он и умер в 1994 году. Беспощадная ирония судьбы — человек, который до конца стоял за отгораживание ГДР от несоциалистического мира, нашел свое последнее пристанище на чужой земле в другом полушарии¹³¹.

Крутые изменения в обществе и организации власти исторически давно назрели для СССР и для других стран «реального социализма». Однако это вовсе не означало необходимости сдавать международные позиции. Уступки социалистических стран в рамках СБСЕ стали оказывать деструктивное влияние на внутреннюю ситуацию. «Свобода поездок», на которой настаивали демонстранты на улицах городов ГДР осенью 1989 года, значилась в документах СБСЕ (правда, с некоторыми оговорками, на которые никто уже не обращал внимания) и поэтому могла быть истребована.

Возведение Берлинской стены в 1961 году стало последней, хотя и не совсем удачной, попыткой СССР действовать активно в сфере германской политики, которая и после достижения Советским Союзом ракетно-ядерного паритета с США не утратила своей судьбоносной значимости для восточного гиганта и всего социалистического лагеря. При принятии решения о строительстве стены его авторы исходили из того, что она будет временным сооружением и через какое-то время окажется ненужной. При Хрущёве КПСС обещала гражданам СССР коммунизм к 1980 году. Логический вывод из этого обещания был тот, что за 20 оставшихся до назначенного срока лет мощный рывок вперед должен был произойти и в остальных странах социалистического содружества. За эти 20 лет руководству ГДР надо было суметь завоевать доверие своего собственного народа. Замена Вальтера Ульбрихта на высшем посту республики Эрихом Хонеккером в мае 1971 года оправдывалась именно этой целью. Однако коренного перелома после первоначальных, подающих надежды позитивных сдвигов в республике в области повышения уровня жизни населения и обеспечения социальной справедливости добиться не удалось. Эксперимент не удался. В итоге стена стала символом бесперспективности расчётов на то, чтобы сделать когда-либо «модель ГДР» приемлемой для восточных немцев, не говоря уже о западных. Оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь по каким-

либо внутренним причинам «модель ФРГ» перестанет быть настолько привлекательной для граждан ГДР, чтобы многие из них стремились при первой же возможности покинуть родину.

В ожидании этого момента и Москва, и Восточный Берлин впали в длительную внешнеполитическую летаргию в том, что касается продвижения своих интересов в отношениях с Западом в Европе. При этом ГДР все чаще позволяла себе действия, идущие вразрез с политикой СССР, особенно в тех случаях, когда Москва пыталась заговорить с Западом в более жёстком тоне. В частности, после принятия советским правительством контрмер в связи с согласием ФРГ разместить на своей территории американские ракеты среднего радиуса действия лидер ГДР заговорил о «сообществе ответственности» с западногерманским государством и выдвинул лозунг осуществления разрядки «Именно теперь!» («*Jetzt erst recht!*»). На встрече Хонеккера с Колем в Москве в марте 1985 года была согласована формула «С немецкой земли никогда не должна исходить война», которая также должна была подчеркнуть новую германскую общность (Бонн видел её главное достоинство в расплывчатости накладываемых ею обязательств и отсутствии требования к ФРГ выйти из НАТО). Неудивительно, что доверия во взаимоотношениях руководителей СССР и ГДР становилось всё меньше и меньше.

Конфликтную атмосферу в отношениях между ГДР и СССР создавали также издержки рвения сторонников «перестройки», когда усердие успешно превозмогало рассудок. В опубликованном в Москве к 40-летию ГДР сборнике материалов восточногерманских авторов небезосновательно подчеркивалось, что республика не может равнодушно проходить мимо фактов, когда «советские художники выступают в Западном Берлине, заявляя о своей надежде на то, что единство немецкой нации скоро будет восстановлено, или если [советский] историк выступает в Бонне и заявляет, что стена является реликтом „холодной войны“ и должна вскоре исчезнуть, или если в „Спутнике“¹³² приносится и ставится под вопрос вина Гитлера и фашизма»¹³³. Подрывая доверие к способности лидеров «перестройки» выдерживать давление Запада, наши доморожденные либералы, готовые ниспровергать всё подряд, чтобы переписать историю в ущерб своей стране, внесли весомый вклад в обострение внутривосточного кризиса в ГДР.

Сценарий первой «цветной революции» в странах социалистического содружества, какой по существу явились волнения в Восточной Германии, был до мелочей разработан в ФРГ. До «падения» Берлинской стены 9 ноября 1989 года¹³⁴ требования демонстрантов на улицах городов ГДР сводились главным образом к введению «свободы поездок» и не затрагивали существования республики. На самой крупной за всю историю ГДР демонстрации-митинге в Берлине 4 ноября (около миллиона участников) не было ни одного транспаранта, призывавшего к объединению Германии. Не было таких призывов и у 27 ораторов, выступивших там с речами и заявлениями. Зато после 9 ноября лозунг объединения стал, как по команде, главным на всех демонстрациях и митингах. Это совсем не значит, что большинство населения ГДР выступило за присоединение к ФРГ. Ни референдума, ни плебисцита по этому вопросу в Восточной Германии так не было проведено. Пропагандистского шума вокруг лозунгов на демонстрациях оказалось вполне достаточно, чтобы создать впечатление, что восточные немцы, как один человек, требуют ликвидации своего государства.

В таких условиях дальнейшая судьба ГДР зависела от того, согласится ли пожертвовать ею Советский Союз и во имя чего это может произойти. В вопросе о слиянии ГДР и ФРГ Горбачёв занял удивительную с точки зрения защиты интересов собственной страны позицию. Своим главным партнёром для переговоров он избрал не новых руководителей ГДР из числа оппозиционеров, мечтавших хотя бы немного продлить срок существования республики, и даже не руководителей Англии и Франции, несших по своему статусу великих держав-победительниц ответственность «за Германию в целом» и имевших ряд оговорок относительно перспективы воссоздания германского гиганта в центре Европы. Он сделал ставку на достижение договорённости с США — единственным международным игроком, заинтересованным в как можно более скором германском объединении, поскольку Вашингтон не без оснований видел в «большой ФРГ» непосредственную гарантию своего будущего влияния на европейские дела.

Как складывались отношения американцев и Горбачёва, наглядно показывает следующий эпизод. В кратком письменном докладе президенту 9 февраля 1990 года об итогах переговоров с генсекретарём ЦК КПСС в Москве, госсекре-

таль США Джеймс Бейкер сообщил: «Конечный результат: объединённая Германия, закреплённая в (политически) изменившейся НАТО, юрисдикция которой не продвигается на Восток». С ведома президента Джорджа Буша Совет национальной обороны США в указаниях канцлеру Колю, также собиравшемуся посетить Москву, заменил ясную формулировку Бейкера, отвечавшую договорённости с Горбачёвым, на туманное понятие «особого военного статуса для нынешней территории ГДР» при членстве единой Германии в НАТО. Когда Коль прибыл 24–25 февраля в Вашингтон, чтобы отчитаться о встрече с советским лидером, Буш паушально отверг всякие компромиссы с Москвой: «Ну их к чёрту! Мы добились своего, а они нет. Мы не можем допустить, чтобы Советы в последнюю минуту избежали поражения»¹³⁵. Горбачёвским иллюзиям о новой гармонии отношений в биполярном мире была противопоставлена полностью отвечавшая нравам «холодной войны» жёсткая линия Соединённых Штатов, решивших, что настал, наконец, момент окончательно устранить противовес своему безраздельному господству в планетарном масштабе. Перевес сил был на стороне американцев, а они всегда без всякого стеснения пользуются этим.

Наравне с довольно наивными поисками поддержки со стороны США вдохновитель «перестройки» занялся усиленными попытками подружиться с ФРГ, в которой он видел своего главного партнёра в политическом переустройстве центра Европы. Всё дело, однако, в том, что западногерманский канцлер Гельмут Коль меньше всех остальных ведущих политических фигур Западной Европы подходил для этой роли, поскольку связывал своё грядущее «место в истории» со скорейшим поглощением ГДР и усматривал в реализации этого плана залог успеха всей своей дальнейшей политической карьеры. Тем не менее он стал в эти решающие недели прямо-таки наперсником Горбачёва. Коль сумел подsunуть ему вариант «особого военного статуса территории ГДР», уверяя, что это и есть интересующая Москву «гарантия» последующего неподвижения НАТО на Восток. Письменно (в тексте советско-германского договора) был зафиксирован только «особый статус»¹³⁶, всё же остальное повисло в воздухе. В качестве «премии» Коль посулил Советскому Союзу финансовую и экономическую помощь.

Деньги Москве, без страховки ввязавшейся в либеральные экономические эксперименты внутри страны, были очень нужны. То, что да-

вал Коль, было мизерным по сравнению с тем, что приобретала ФРГ в результате присоединения ГДР, но ведь больше никто не предлагал. Да и Коль «давал» лишь условно — кредиты предстояло возвращать, с процентами. Исключение было сделано лишь для ограниченных выплат, связанных с выводом ЗГВ, поскольку Коль очень хотел побыстрее отделаться от русских солдат — во избежание любых осложнений. Впрочем, куда делось то, что было так или иначе получено «перестроечными» правительствами, никто не знает. Россия продала «право первородства» за немецкую чечевичную похлёбку, которая пошла на пользу лишь стервятникам, слетевшимся на погребение великой державы.

Наверное, в одиночку предотвратить германское единство СССР не смог бы, даже если бы захотел: слишком велика была бы цена подобной операции. Во всяком случае, тогда немедленно обрушилась бы химерическая конструкция «общего европейского дома», мечтания о котором Кремль никогда не детализировал, но постоянно и настойчиво провозглашал в качестве «путеводной звезды» для советской, а затем и российской внешней политики на европейском направлении. Но оградить кое-какие свои интересы, а также интересы своих друзей он вполне мог бы — прежде всего путём закрепления в юридическом порядке обязательства НАТО не выходить за существовавшие на конец 1990 года рамки. К числу вероятных гарантий на будущее относилась идея сохранения в Берлине символического контингента советских войск (вместе с гарнизонами трёх остальных великих держав-победительниц), как это летом 1990 года предлагала премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Существовала также теоретическая возможность добиться запрета преследования тех политиков ГДР, которые сотрудничали с нами в период оккупации (аналогично порядку, установленному в трёх других бывших оккупационных зонах).

Но ничего подобного сделано не было. В итоге получился проигрыш по всей линии. Мы потеряли наше европейское предполье, союзников, друзей, в конечном счёте — свою собственную страну, ничего не получив взамен, поскольку Большая Европа с нашим участием осталась в области благих пожеланий. Европейская система коллективной безопасности так и не была построена, а НАТО проглотила впоследствии практически всю Европу за пределами российских границ. Приходится признать — Запад сумел продемонстрировать

всему миру, что Советы (и наследовавшая им Российская Федерация) проиграла «холодную войну». А поскольку «холодная война» была в некотором роде продолжением Второй мировой войны, то, по западной логике, мы проиграла по большому счёту и её. Действительно, из разряда равноценного партнёра-соперника США и Запада в целом мы стремительно перешли в категорию подсевших на иглу западных займов и потому не совсем самостоятельных стран, оставаясь в этой позиции на протяжении 90-х и начала нулевых годов. Когда же Россия к концу нулевых успешно вернула себе способность снова быть самостоятельной и независимой силой на международной арене, мир вокруг неё изменился до неузнаваемости.

* * *

Первоначально послевоенный период мировых международных отношений характеризовался попытками СССР в новых условиях продлить на равноправной и взаимовыгодной основе сотрудничество держав антигитлеровской коалиции. Целью политики Москвы и тогда, и позже оставалось обеспечение безопасности страны путём сохранения и укрепления статус-кво, сложившегося в результате военного разгрома германского фашизма и его союзников, осуществлённого главным образом силами Красной армии. Запад, прежде всего США, всеми силами стремился затруднить восстановление советской экономики, «отбросить» Советский Союз, «вытеснить» его из Европы, лишит советский народ плодов одержанной им Победы. Недружественная политика Запада вызвала резкую реакцию со стороны Москвы, которая, опираясь на установленный ею ракетно-ядерный паритет с США, приняла вызов и вступила в глобальный конфликт с западным миром. Сравнительно немногочисленные спокойные и конструктивные отрезки времени перемежались с кризисами и обострениями. Несколько раз в воздухе ощущимо пахло порохом. Мир то и дело оказывался на грани термоядерной катастрофы.

В такой обстановке Запад сменил тактику и перешёл от лобового наступления на позиции социалистического содружества к политике «с двойным дном». Был заключён ряд двусторонних и многосторонних договоров на основе признания статус-кво, которые создали основу для общего потепления внешнеполитической атмосферы в мире. Однако одновременно Запад значительно усилил финансирование оппозиционных структур в социалистических странах.

К середине 80-х годов прошлого века стало ясно, что политическая и экономическая система Советского Союза нуждается в срочных реформах. У окружения М.С. Горбачёва сложилось впечатление, что начавшийся в 70-е годы «Хельсинкский процесс», отражающий внешнюю нормализацию отношений между Востоком и Западом, создаёт благоприятный международный фон для проведения внутренних реформ в СССР. Однако политические реальности оказались иными. Первая серьёзная попытка подорвать ракетно-ядерный паритет с СССР была предпринята США (проект «звёздных войн» Рональда Рейгана) как раз в период начавшейся «перестройки», которую они расценили как признак слабости соперника. Запад видел в готовности Москвы идти на уступки лишь «зелёный свет» для продавливания своих интересов, требовавших, по его глубокому убеждению, максимального подрыва мощи Советского Союза. Отсюда находящееся на грани вмешательства во внутренние дела активное содействие нарастанию внутривнутриполитических и экономических трудностей, которые переживал Советский Союз.

Ещё в момент своей дезинтеграции СССР оставался — пусть даже только формально — великой державой-победительницей и обеспечивающим международную безопасность противовесом США в рамках глобальной политики. В этом смысле итоги Победы во Второй мировой войне оставались до 1991 года неприкосновенными.

Что принёс XXI век?

Расчленение Советского Союза в конце 1991 года только на первый взгляд выглядело как внутривнутриполитическое событие. Внешний мир приложил максимум усилий для того, чтобы распад великой страны стал фактом. Если в период сохранения идеологических основ советской государственности подрыв позиций СССР осуществлялся под флагом борьбы с коммунизмом, якобы угрожавшим свободному Западу, то после того, как на Востоке обозначился перелом в пользу либерализации и возвращения к рыночной экономике, причиной объявить нашу страну подлежащим уничтожению врагом Запада стало то обстоятельство, что она обладает достаточными потенциями, чтобы когда-нибудь в будущем выступить в роли конкурента заокеанского «хозяина мира». Как говорил волк в одной из басен И. А. Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Подтвердились уже высказывавшиеся ранее подозрения, что с распадом СССР Запад окончательно отказался от политического прагматизма, которым он столь долго кичился. Идеологические догмы стали отныне определять действия не Москвы, а Вашингтона, Лондона, Берлина и так далее. В западных столицах уверовали в то, что постконфронтационный мир безраздельно принадлежит Западу и в нём должны властвовать «западные ценности». В 1992 году, то есть сразу после развала Советского Союза, идеология единоличного господства Соединённых Штатов Америки в глобальном масштабе была популярно изложена плодовитым американским историком Фрэнсисом Фукуямой, провозгласившим, что история «закончилась». (Ну, как не вспомнить в этой связи М. Е. Салтыкова-Щедрина, так выразительно описавшего в «Истории города Глупова» сцену, когда пришло «оно» и «история прекратила течение своё».) Одновременно Европейские сообщества объявили себя Европейским Союзом, что должно было продемонстрировать: в Европе миновала эпоха, когда солнце восходило на Востоке, теперь солнцу предстояло восходить на Западе.

В целях ускорения достижения желаемых результатов западные СМИ и спецслужбы даже реабилитировали такое понятие, как революция. Во время социальных бурь, разразившихся в Германии после поражения в Первой мировой войне, министр внутренних дел правый социал-демократ Густав Носке, силой оружия подавлявший демонстрации революционно настроенных матросов и рабочих, сформулировал саму суть антикоммунизма: «Я ненавижу революцию, как смертный грех». В течение всего времени существования Советского Союза главным обвинением в его адрес было то, что он якобы готовит мировую революцию. Теперь же мировую революцию практически открыто стал готовить Запад. Вслед за организованным из Бонна и Западного Берлина переворотом в ГДР был с помощью натовских бомбардировок положен конец независимой Югославии, произошли вооружённые бунты в Молдавии и в Грузии, было осуществлено вторжение войск США и других западных стран в Ирак, в Афганистан и в Ливию, вспыхнули гражданские войны в странах Северной Африки и Ближнего Востока, лицемерно обозначаемые на Западе как «арабская весна». Убеждённые противники революций, какими после 1917 года охотно изображали себя западные политики, внезапно превратились в самых отчаянных «революци-

онеров» в истории человечества. Разжигаемые ими революции заканчиваются, как правило, хаосом и массовыми убийствами. Стоит лишь взглянуть на Украину, чтобы убедиться в этом.

Обрушение России стало готовиться на Западе сразу после развала СССР, хотя поначалу не столь откровенно, как это обнаружилось в XXI веке. В первые годы наилучшим способом достичь цели считалось нагнетание внутреннего российского хаоса и разлада. Во времена президентства Б. Н. Ельцина существовал реальный шанс, что Россию удастся подтолкнуть к тому, чтобы она покончила жизнь самоубийством. Облечённый чрезвычайными полномочиями и страдающий запоями президент, расстрел парламента, долговое рабство у заграницы, безусловное послушание российской администрации указаниям из Вашингтона, всевластие западных «советников», доллар как основная валюта страны, развал экономики, практически полная ликвидация социальной защиты населения, элементарное разграбление государственного имущества и природных ресурсов, брошенная на произвол судьбы армия плюс чеченская война, проигранная ещё до её начала, — с таким букетом либеральных «достижений» будущее России представлялось в самом мрачном свете. Американские госсекретари уже начали вслух размышлять, на сколько частей должна быть разделена огромная страна, чтобы полезные ископаемые её недр были распределены «справедливо» с точки зрения заокеанского босса. Считалось, что только в этом случае была бы окончательно исправлена «неправомерная» ситуация, сложившаяся после Второй мировой войны.

Но Россию неожиданно спас случай — подлинное чудо из числа тех, на какие всегда была щедра российская история. Не лишённый природного здравого смысла президент-диктатор, готовившийся по состоянию здоровья отстраниться от государственных дел, с острым разочарованием пришёл к выводу о полной никчемности своих приближённых. И, действительно, ни один из них явно «не тянул» на роль преемника первого лица в государстве. По этой причине выбор пал на малоизвестного новичка, за которым к тому же не стояли мафиозные структуры, каких было полно в окружении признанных фаворитов. Новичок не сразу ответил «да» — бремя высшей власти скорее пугало, чем привлекало. Но поняв, кто именно дорвётся до возможности распоряжаться страной в случае его отказа, дал согласие. Перессорившиеся меж-

ду собой претенденты не особенно возражали, надеясь быстро поставить новичка под свой контроль. Ошиблись не только они или президентская «семья». Ошиблись и руководители Запада, принявшие было осторожность и рассудительность нового российского лидера за признак слабости. В.В. Путин не только чётко прочертил линию, за которую Россия не сможет отступить, но и целеустремлённо сформировал материальные предпосылки для того, чтобы располагать возможностью отстаивать жизненные российские интересы.

Российские возражения против американского проекта монополярного мира и связанного с ним выхода НАТО непосредственно на границы России как средства принудить её к «послушанию» звучали и раньше. Решение тогдашнего премьер-министра Е.М. Примакова, направившегося в марте 1999 года с визитом в Вашингтон, развернуть самолёт над Атлантикой и вернуться в Москву в знак протеста против натовских бомбардировок Югославии было достаточно ясным указанием на то, что существуют вещи, с которыми Россия не сможет примириться. В феврале 2007 года уже президент Российской Федерации в своей речи в Мюнхене недвусмысленно заявил, что однополярная модель не только неприемлема, но и невозможна и что Россия не будет сложать руки смотреть, как НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим границам.

Предупреждения с российской стороны звучали постоянно и на всех уровнях, но Запад предпочёл зажать уши. Он лишь повторял долбаную скудоумную «обоснование» своей провокационной затеи: принимаемые в НАТО новые члены сами-де попросили о приёме. Разумеется, «попросили», потому что членство в НАТО было официально сделано предварительным условием вступления в Евросоюз, от которого новоевропейцы ожидали манны небесной. Однако в договоре о НАТО нет ни слова о том, что блок обязан принимать всех, кто изъявит желание присоединиться к нему. Вот ведь возможность вступления России в НАТО даже не рассматривается всерьёз, хотя зондаж с её стороны предпринимался.

Вошедшее в поговорку русское долготерпение лопнуло, когда американцы перевели втягивание Украины в НАТО на практические рельсы. После вооружённого свержения в феврале 2014 года по указке Вашингтона законной, демократически легитимированной украинской власти государство и его инструменты попали в руки бандитской шайки, исповедующей фашизм, возвеличивающей подручных Гитлера

и мечтающей об уничтожении России. Цивилизованный Запад не только вполне официально поддержал государственный переворот в Киеве, но и принципиально не пожелал замечать военных преступлений против собственного народа, совершаемых захватившими власть последышами нацизма. Вызванная их действиями гуманитарная катастрофа на Юго-Востоке Украины попросту замалчивается. Всё, что наносит какой-либо ущерб России, приветствуется Западом. Между тем Украина в НАТО (вариант: НАТО в Украине) представляла бы смертельную угрозу для нашей страны вследствие катастрофического сокращения «подлётного времени» для современных средств массового поражения. Такой расклад потребовал немедленной реакции с нашей стороны.

Конечно, согласие принять возвращение Крыма в состав России было нацелено в первую очередь на спасение русских, составляющих подавляющее большинство населения полуострова. Теперь они под надёжной российской защитой. От Севастополя и Крыма в целом была отведена судьба Юго-Востока Украины, расстреливаемого в упор из ракетных установок залпового огня украинской армии. Одновременно воссоединение Севастополя и Крыма с Россией является в высшем смысле торжеством исторической справедливости, закреплением послевоенного статус-кво и подтверждением центрального места, занимаемого Россией в глобальной системе международных отношений. Пока Крым находился под украинской юрисдикцией, каждую минуту можно было ожидать массовых провокаций «правого сектора» или каких-нибудь других сборищ «психов с бритвой» против баз Черноморского флота, защищённого только бумажными договорами, которые подвержены опасности моментального расторжения, например, по решению очередного «майдана». Ведь не остановились же США в декабре 2001 года перед выходом в одностороннем порядке из подписанного в мае 1972 года советско-американского договора об ограничении систем противоракетной обороны (договор по ПРО), хотя именно этот договор послужил основой для процесса преодоления состояния конфронтации между противостоящими блоками.

Отныне совершенно очевидно, что любая авантюра, направленная против Крыма, Севастополя, Черноморского флота или жителей полуострова, чревата гарантированной немедленной и болезненной кончиной её организаторов. Если НАТО берёт через Киев под прицел Мо-

ску, то мы берём через Крым под прицел Киев. Какой бы оголтелой ни была киевская партия войны, ей должно быть в какой-то мере знакомым чувство самосохранения.

Следует надеяться, что это чувство не покинуло и американцев, усиленно строящих всеобъемлющую «противоракетную оборону». Несмотря на своё безобидное название, система ПРО, при условии её эффективности, преследует чисто агрессивные цели. Многочисленные кризисы периода «холодной войны» не привели к глобальной катастрофе главным образом вследствие так называемого «равновесия страха». Всем было ясно, что при существующем соотношении сил «выстреливший первым погибнет вторым»: ответный удар того, кто подвергся нападению, уничтожит нападающего. Ситуация «гарантированного взаимного уничтожения» не дала до сих пор возникнуть Третьей мировой войне, которая по всем признакам стала бы концом человечества.

Создание «всеазимутной ПРО», которая на самом деле нацелена на нейтрализацию вероятного «удара возмездия» со стороны России, должно обеспечить США возможность нанесения ядерного удара по России, не опасаясь неприемлемого урона для себя вследствие российского ответа. Действующая универсальная ПРО расшатала бы основы стабильности в мире и вызвала бы непредсказуемые последствия. Обладая ею сторона могла бы поддаться иллюзии безнаказанности, которая в сочетании с американским синдромом мессианства в состоянии успешно преодолеть все доводы рассудка и привести к глобальной катастрофе. Одновременно станут возможными ошибки и у стороны, у которой нет всеохватывающей ПРО: она может неправильно истолковать те или иные действия соперника, особенно в том случае, когда, как сейчас по поводу Украины, он выступает с откровенно враждебных позиций. Кроме того, обе стороны располагают союзниками, на рациональное поведение которых не всегда можно положиться. В особенности это относится как раз к Украине, которая является по существу «иностранным легионом» НАТО, проявляющим порой собственное «усердие не по разуму».

США не завершили пока строительство ПРО, которую можно было бы классифицировать как «идеальную». Но даже если такая задача окажется технически выполнимой для сегодняшнего уровня ракетного оружия, завтра же появятся типы средств доставки ядерных зарядов, для которых никакая ПРО не бу-

дет серьёзным препятствием. В любом случае угрозу глобальной ядерной катастрофы планы Вашингтона переводят из области теории в практическую плоскость. То же самое относится и к высокоточному оружию, приближающемуся по наносимому ущербу к ядерному. Сокращение «подлётного времени» не оставляет ни малейшей возможности для анализа или дополнительных контактов. Видимо, Запад рассчитывает также на побочный эффект создания ПРО, который состоял бы в том, чтобы втянуть Россию в дорогостоящую гонку вооружений, подобную той, которая когда-то способствовала нарастанию кризисных явлений в Советском Союзе. Смысл экономической войны против России, которую затеяли США и их союзники под предлогом «защиты украинской демократии», состоит в том, чтобы не дать русским завершить модернизацию своих вооружённых сил, начатую с большим опозданием и в рамках ограниченных бюджетных средств. Но ни давление извне, ни усилия внутренней либеральной «пятой колонны» не смогут заставить Россию капитулировать. Наследники Великой Победы останутся верны историческим традициям своей страны: давать сокрушительный отпор любому врагу. Не случайно изобретатели всевозможных антироссийских санкций как мантру повторяют, что не намерены вступать в открытую войну с Россией, что впрочем никак нельзя воспринимать как гарантию мирного будущего. Это лишь анестезия, транквилизатор для успокоения западной общественности, которая не хочет войны. Между тем в войну можно просто «втянуться», как это произошло, например, сто лет назад, когда из-за частного случая (террористического акта против австрийского кронпринца) разгорелся мировой военный пожар. Сегодня ситуация ещё более острая, чем в 1914 году, поскольку против России уже ведётся экономическая и информационная война.

В то же время было бы упрощением полагать, что Запад как таковой представляет собой монолит, единым фронтом выступающий против России. Можно говорить лишь о «русофобском братстве» ведущих политических сил США и ЕС, но и оно, как показывают события не только в Греции, трещит по всем швам. Даже в правящей коалиции у власти в Германии, взявшей на себя роль сторожевого пса интересов Вашингтона в Европейском Союзе, возникли разногласия по вопросу, как вести дальше дела с Россией. Линия на «отпор российской агрессии» не встретила ожидавшейся поддерж-

ки у населения, отнюдь не желающего военных осложнений в интересах США вблизи германских границ. Позиции канцлера Ангелы Меркель, первоначально решительно вставшей во главе германских русофобов, стали слабеть на глазах. Когда ситуация на Украине стремительно приблизилась к точке невозврата, за которой замаячил призрак опосредованного американо-российского конфликта, в который неизбежно была бы вовлечена Германия как член НАТО, Меркель пришла к выводу о том, что безопасность в Европе может быть обеспечена только с Россией, а не против неё.

Вообще российско-германские отношения в так называемый «постконфронтационный» период приобрели профилирующее значение для определения характера ситуации на европейском континенте. В своё время это наглядно проявилось в создании германо-российско-французской тройки, которая принесла с собой надежду на то, что будет на деле покончено с пережитками «холодной войны» в Европе. Контур тройки возникли ещё в годы президентства Ельцина. Но тогда только французский президент Жак Ширак серьёзно отнёсся к открывающимся в этой связи возможностям — Гельмут Коль постоянно оглядывался на США, а для Ельцина высший смысл тройственной комбинации исчерпывался совместными походами в баню. Но в 2003 году тройка приобрела значение общеевропейской реакции на события в мире: все три страны отказали в поддержке иностранной интервенции в Ираке, затеянной под надуманным предлогом Соединёнными Штатами.

Конечно, здесь многое зависело от личных качеств соответствующих государственных руководителей. Жак Ширак представлял связанную с именем генерала де Голля независимую линию внешней политики Франции, Герхард Шрёдер опирался на миролюбивое крыло германского политического спектра, В.В. Путин возглавлял расправляющую плечи Россию. В основе существования тройки лежали сближающие её членов объективные факторы — прежде всего забота о европейском мире и безопасности. Иначе оставался бы необъяснимым тот факт, что она продолжала функционировать и после смены национальных лидеров. Когда Ширака заменил Николя Саркози, Шрёдера — Ангела Меркель, Путина — Д.А. Медведев, встречи втроём регулярно продолжались. Показательно, что именно тройка в составе Олланда, Меркель и Путина собралась в Москве в феврале 2015 года в момент самого опасного

обострения внутриукраинского конфликта. Да и так называемый «нормандский формат» переговоров по украинским делам (руководители России, Франции, ФРГ и Украины) представляет собой по существу ту же тройку.

Когда Германия и Франция под американским нажимом стали свёртывать контакты с Россией, чтобы принудить её бросить на произвол судьбы русскоговорящую часть населения Юго-Востока Украины, они испугали в первую очередь самих себя. В центре континента, непосредственно у границ ЕС стал набирать силу очаг войны, которой по всем признакам предстояло очень быстро превратиться из гражданской во всеобщую. Такую войну хотят США, рассчитывающие удержать её подальше от своей территории, как это было последние полтора столетия, и категорически отклоняют европейцы, ещё не забывшие, что означает большая война.

Воскресшая тройка продемонстрировала расхождение интересов США и интегрированной Европы. К концу второго президентства Барака Обамы американский истеблишмент пришёл к консенсусу в отношении необходимости непременно «наказать» строптивую Россию. Потерявший чувство реального политический класс Соединённых Штатов уже давно видит международные отношения только как подчинение всех воле Вашингтона и прибегает к «карающей силе», как только кто-то начинает «своевольничать». Россия особенно раздражает американцев, поскольку существуют опасения, что она послужит примером для других. Германия и Франция не готовы вступать в конфликт с всемогущим хозяином Запада, но и не могут рисковать «большой войной», которую не приемлет подавляющее большинство их населения. Кроме того, с самого начала украинского конфликта никто не слышит собственного голоса Европы, которая по большей части просто повторяет вашингтонские рулады. Европейцы ждут от своих правительств разумных слов и действий, а не пения с чужого голоса и послушного следования за обезумевшими на почве русофобства Польшей, Прибалтикой и Скандинавией.

Украинский кризис обозначил долговременный перелом в отношениях Востока и Запада, в ситуации в Европе и в мире. Россия не сможет забыть, как быстро и слаженно наши западные контрагенты отказались от «стратегического партнёрства» с нашей страной, о котором они трубили на каждом углу, и взялись

за поиски средств побольнее ударить по российским интересам. Практически за один день Запад сменил свою мирную окраску на боевую, показав, что он давно лишь ждал повода, чтобы указать этим русским на то место, которое им отведено «хозяевами мира» — в передней, на коврик перед дверью. Одного дня хватило, чтобы пустить в ход уничижительный термин «пониматель России», означающий что-то среднее между «идиотом» и «предателем» («только идиот и предатель может усмотреть в действиях России что-либо кроме врождённой тяги к агрессии»). Одного дня оказалось достаточно, чтобы привычное для Запада недоброжелательное освещение всего, что касается России, переросло в пропагандистскую войну, в которой крупницы правдивой информации стали появляться только на днях и то лишь потому, что западная ложь приобрела прямо-таки гомерические размеры, вызывающие сомнение у самых доверчивых. Русские вряд ли смогут быстро простить такое. Наивность начала 90-х безвозвратно ушла в прошлое.

В последнее время наиболее разумные европейские политики стали вспоминать о безусловно правильном тезисе: безопасность в Европе может быть обеспечена только вместе с Россией, но никак не против неё. Февральский визит Олланда и Меркель в Москву и последовавшие затем переговоры с участием В. В. Путина в Минске отвечали как будто этому прозрению. Однако одновременно ЕС принял новые антироссийские санкции, а Меркель принялась вновь грозить России «наказаниями», если Киев станет саботировать реализацию минских договорённостей. Неужели так трудно сообразить, что подобные игры могут в один прекрасный день надоесть Москве и она откажется участвовать в них? Что тогда будут делать Меркель и все остальные?

Небо Испании?

Любые исторические параллели условны, но к ним приходится прибегать, когда требуется уяснить масштабы происходящего. Больше всего нынешняя ситуация на Украине и вокруг неё сходна с гражданской войной в Испании в 1936–1939 годах. И там, и тут исходной точкой явился антиконституционный вооружённый фашистский путч. И тут, и там налицо активное участие ведущих держав Запада в гражданской войне в формально самостоятельной стране, прикрываемое призывами к «невмешательству» (двуличную роль тогдашнего «Комитета по невмешательству» с успехом выполняет сегодня

ОБСЕ). И тут, и там наемники, с одной стороны, и добровольческие интербригады, с другой. И тогда, и сегодня главный удар направлен против соседнего государства — в 30-е годы это была Франция, ныне Россия. Единственное отличие — генерал Франко не претендовал на то, чтобы быть глашатаем демократии.

Главному организатору украинского взрыва, которым являются США, удалось создать для нас тяжелейшую ситуацию. Половина членов ООН проголосовала за «осуждение» России. Изобретены новые виды «санкций», которые поддерживаются государствами и группами государств, бывшими ранее нашими партнёрами. Демонстративно создан тупик в переговорах об оплате Украиной поставок российского газа. Обостряются провокации, нацеленные на то, чтобы принудить Россию к вмешательству для защиты русскоговорящего населения Юго-Востока Украины, против которого развернуты полномасштабные военные действия.

Москва нашла достаточно впечатляющий асимметричный ответ на геостратегическом уровне через воссоединение Крыма с Россией. Вместо ввода войск НАТО на полуостров и показательного изгнания российского Черноморского флота из Севастополя Крым снова стал опорой нашего решающего влияния и контроля в Средиземноморско-Черноморском бассейне. Этот коренной сдвиг в региональном соотношении сил соответствовал ясно выраженной воле подавляющего большинства крымчан.

Но сражение далеко не закончено, предстоит еще много неожиданностей, на которые придется искать адекватные ответы. Несправедливо требовать от российского руководства некоей «сверхпрозорливости» в том, что касается возможных поворотов событий. Предусмотреть все невозможно — руководство состоит тоже только из людей. Но Россия предпринимает главное — пошла на слом та «генеральная линия» наших отношений с Западом, которая господствовала со времен перестройки: «дружба» с Западом возможна, только пока мы идем ему на односторонние уступки. Сегодня нам отступать уже некуда, и настало время приучать Запад к тому, что дружить надо «на равных», с учётом интересов обеих сторон.

Заботит поведение Германии, которая до сих пор играла роль скорее посредника между Россией и наиболее агрессивными членами западной коалиции. Ныне Берлин претендует на официальное признание его лидерства в Евросоюзе — не только экономическое и финансо-

вое, как до сих пор, но и политическое. Не случайно же и ХДС, и СДПГ сразу после завершения переговоров о создании правительственной коалиции осенью прошлого года, то есть еще до всех осложнений на Украине, дружно заговорили о том, что вес ФРГ в Европе обуславливает необходимость для Берлина играть руководящую роль в формировании единой внешней политики ЕС. Или, как сформулировал министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер, «Германия слишком велика, чтобы только комментировать мировую политику».

Однако Берлин сразу же споткнулся о непримиримое противоречие между попытками вести соответствующую германским интересам политику и вассальной верностью США. Верх одержала давняя подспудная вражда к России. Может быть, Берлин также неверно оценил важность украинской проблемы для России. Если сирийский конфликт затрагивает наши интересы постольку, поскольку внешняя политика России требует безопасности и спокойствия в соседствующих с ней регионах, то украинский кризис для русских — это атака уже не на соседа, живущего через улицу, а на родственников из соседней квартиры общего дома. Причем движущей силой этой атаки и совершаемых в её ходе преступлений против человечности являются неонацисты из числа последователей недобитков времен Великой войны за спасение мира от Гитлера и его «расы господ».

Всё это исключает для России философское отношение к происходящему на Украине. Мы видим, что, как и 73 года назад, началось наступление на Русский мир с целью его уничтожения. Мы воспринимаем события на Украине как повторение в какой-то степени ситуации 1941 года. Россия не может рассчитывать на вменяемость политики США и Запада в целом, поскольку их действия в глобальном масштабе вызывают, как показывает опыт, только повсеместные катастрофы и развал. Таковы реальности, и никакие санкции самозванных «хозяев мира» не в состоянии их изменить.

Имело бы смысл возвратиться к основным моментам соглашения между еще легальным тогда президентом В. Ф. Януковичем и оппозицией от 21 февраля 2014 года, которое было гарантировано странами «Веймарского треугольника» (Гер-

манией, Францией и Польшей). Если Польша, надо полагать, с самого начала вела дело к созданию наиболее благоприятных условий для успеха путча в Киеве, то звонкая оплеуха, полученная от путчистов министрами иностранных дел Франции и Германии, ими не забыта. В Париже и Берлине болезненно воспринимается периодически возникающий вопрос о том, чего стоят в свете судьбы упомянутого соглашения гарантии различных договорных актов, предоставляемые время от времени ведущими державами Евросоюза. И если министр обороны ФРГ позволяет себе публично рассуждать о доверии, которое было якобы подорвано Москвой, нам стоило бы напомнить о том, что доверие было подорвано как раз Берлином вкупе с остальными западными столицами и Брюсселем — даже в ущерб своим экономическим интересам. Судя по всему, Запад ведёт дело к прямой конфронтации с нами — «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

В такой ситуации рассчитывать на «потепление» международной обстановки в ближайшее время, видимо, не приходится. Впереди нам предстоят суровые времена. Нам надо готовиться к ним — и не только вовне, но и внутри страны.

С 1930-х годов прошлого века наша страна ведёт непрекращающийся бой с фашизмом. Гражданская война в Испании, Великая Отечественная война, нынешнее противостояние с поднимающими голову последышами нацизма — звенья одной цепи. Наши отцы и деды помнят доносившийся из Барселоны голос немецкого поэта, композитора и певца Эрнста Буша: «Небо Испании раскрыло звёзды над нашими окопами. Вдали занимается заря. Вскоре вновь начнётся бой. Родина далеко, но мы готовы: мы сражаемся и умираем за тебя, свобода!» Сегодня небо Испании раскрылось над Новороссией. Ту первую битву с силами зла под небом Испании антифашисты проиграли. Все знают, с какими последствиями. Битву под небом Новороссии проигрывать нельзя. Сегодня должен осуществиться боевой клич испанских республиканцев: «No pasaran!» («Они не пройдут!»). Человечество обязано стать достойным Великой Победы, одержанной советским народом 70 лет назад.

¹ «Мне говорили, что русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов», — заметил однажды британский премьер-министр.

² Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992 (здесь и далее ссылки даны по электронному варианту книги: <http://100knig.com/milovan-dzhilas-besedy-so-stalinyam/>).

- ³ Лондон. Совпол. Для Майского, 28 октября 1942 года // Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссион, комментарии, 1941–1945. М., 2004. (здесь — С. 378, в сборнике источников опубликованы полные протоколы бесед советского руководства с руководством Великобритании и США, хранящиеся преимущественно в фондах Архива внешней политики РФ, АВП РФ).
- ⁴ Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 168.
- ⁵ Союз с Россией, 22 июня 1941 года // «Никогда не сдаваться!» Лучшие речи Черчилля. М., 2014. С. 227 (здесь и далее страницы приведены по электронному варианту книги). См. запись в дневнике И. М. Майского о речи Черчилля: «Вечером в 9 час. я с затаенным дыханием слушал по радио выступление Черчилля. Сильное выступление! Прекрасное выступление. Конечно, премьеру пришлось кое-где заняться „перестраховкой“ по части коммунизма — как для Америки, так и для собственных консерваторов. Но это уже детали. В основном речь Черчилля — боевая, решительная речь: никаких компромиссов и соглашений! Война до конца! Это как раз то, что сейчас больше всего нужно» (Залеева А. Н. Из дневников посла И. М. Майского // Дипломатический вестник. 2003. № 6. «Страницы истории»: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf). Были довольны и США. Рузвельт понимал, что война даст возможность американской военной промышленности заметно усилиться. 5 июня 1940 года, то есть еще до принятия закона о ленд-лизе, он заявил: «Ныне я принимаю мысль, что эффективная передача военных материалов на противоположную сторону океана будет означать разгром эквивалентного количества германского военного материала — это должно обеспечить помощь американской обороне на долгое время» (Цит. по: Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Глава «Странная война». Свердловск, 1990. Здесь и далее ссылки на книгу по: <http://militera.lib.ru/research/utkin2/index.html>).
- ⁶ Залеева А. Н. Из дневников посла И. М. Майского...
- ⁷ Из Послания президента США Ф. Рузвельта Конгрессу, 6 января 1941 года // Кузьмин Ю. М. Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918–2006 гг.). Киров, 2007 (здесь и далее цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/nov_history_evropa_usa/13.php).
- ⁸ Цит. по: Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Глава «Дорога к Перл-Харбору»...
- ⁹ Из дневника Майского: «Вайнант (посол США в Великобритании), который видел Гопкинса после его возвращения в Шотландии (Гопкинс, не заезжая в Лондон, уехал через Шотландию в Америку), передавал мне, что он уехал из Москвы с такими заключениями: у тов. Сталина необыкновенно ясная голова и большой реализм. Он знает, чего хочет, и является настоящим хозяином положения. Фронт он знает как свои пять пальцев. Уверенность в победе у него абсолютная. Сталин не требует невозможных вещей и отнюдь не упал духом, когда Гопкинс ему заявил, что сейчас США много СССР дать не могут. Наоборот, он стал спокойно обсуждать с Гопкинсом программу будущего и возможности снабжения СССР к весне 1942 г. Это создало у Гопкинса представление, что Красная Армия имеет свою собственную достаточно крепкую базу и что вообще СССР — солидный партнер, с которым США стоит иметь дело» (http://www.naslednick.ru/articles/history/history_6498.html).
- ¹⁰ Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, 12 июля 1941 года (цит. по: Кузьмин Ю. М. Хрестоматия по новейшей истории...).
- ¹¹ Из письма Сталина: «Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции. Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы» (Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 177–178).
- ¹² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 173–174.
- ¹³ Из послания Сталина: «Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан... существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних)» (Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 207).
- ¹⁴ http://www.naslednick.ru/articles/history/history_6498.html
- ¹⁵ Даже на Московской конференции 1941 года британский представитель попросил Сталина выразить особую письменную признательность американской стороне, от чего глава советского государства отказался, сославшись на отсутствие времени.
- ¹⁶ Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 200–201.
- ¹⁷ Наряду с СССР, США и Великобританией «Декларацию о создании Союза Объединенных Наций» 1 декабря 1942 года подписали Китай, Австралия, Бельгия, Индия, Канада, Коста-Рика, Куба, Люксембург, Чехословакия, Доминиканская Республика, Эль-Сальвадор, Греция, Гватемала, Гаити, Гондурас, Голландия, Новая Зеландия, Никарагуа, Норвегия, Панама, Польша, Южно-Африканский Союз и Югославия.
- ¹⁸ Вторая беседа 17 декабря в 24 часа 00 минут (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 58).
- ¹⁹ Атлантическая хартия, 24 августа 1941 года // «Никогда не сдаваться!»... С. 229–231.
- ²⁰ Из совместного письма Рузвельта и Черчилля Сталину: «Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами» (цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 202).

- ²¹ Сталин передал Гопкинсу для Рузвельта, что американские войска смогут воевать на восточном фронте под американским командованием.
- ²² Вторая беседа 17 декабря в 24 часа 00 минут (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 63).
- ²³ Из записи беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с главами делегаций Великобритании и США на Московской конференции представителей трех держав, 30 сентября 1941 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 22–23).
- ²⁴ Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 243.
- ²⁵ Советский проект договора об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией, 16 декабря 1941 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 33).
- ²⁶ Британцы планировали образовать ряд конфедераций у границ СССР, например польско-чехословацкую.
- ²⁷ Английский проект Соглашения, 16 декабря 1941 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 34).
- ²⁸ Первая беседа с А. Иденом 16 декабря в 19 часов 00 минут (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 37–49, здесь с. 42).
- ²⁹ Четвертая беседа 20 декабря в 19 часов 00 минут (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 84–90, здесь с. 84, 87).
- ³⁰ Вторая беседа с А. Иденом 17 декабря в 24 часа 00 минут (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 56–63, здесь с. 58, 60).
- ³¹ Вторая беседа с А. Иденом 17 декабря... С. 61.
- ³² Прием английского посла Криппса, 19 декабря 1941 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 73–80, здесь с. 77).
- ³³ Обращение к совместному заседанию Конгресса, 26 декабря 1941 года // «Никогда не сдаваться!»... С. 245.
- ³⁴ http://www.naslednick.ru/articles/history/history_6498.html
- ³⁵ В апреле 1942 года Рузвельт написал и Черчиллю, послав ему Гопкинса и Маршалла: «Дорогой Уинстон! То, о чем расскажут Вам Гарри и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем и умом. Ваш народ и мой требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем Вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута. Беритесь за это! Сирия и Египет будут в большей безопасности, даже если немцы разужают про наши планы. Всегда Ваш Ф. Д. Р.» (Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 448).
- ³⁶ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Запись беседы от 9 июня 1976 года.
- ³⁷ О мотивах сотрудничества США с Советским Союзом. Документы командования американских вооруженных сил, 1942–1944 гг. (цит. по: Кузьмин Ю. М. Хрестоматия по новейшей истории...).
- ³⁸ Потокол заседания у Черчилля 22 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 123–130, здесь с. 129).
- ³⁹ Запись беседы с Иденом 22 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 115–121, здесь с. 116).
- ⁴⁰ Запись беседы с Черчиллем и Иденом 22 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 130–136, здесь с. 135).
- ⁴¹ Телеграмма из Лондона, получена в Москве в 15.40 23 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 138–139, здесь с. 139).
- ⁴² Телеграмма из Москвы, получена в Лондоне в 18.30 24 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 157).
- ⁴³ Запись беседы с Рузвельтом во время обеда и после обеда 29 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 214–217, здесь с. 214–215).
- ⁴⁴ По результатам состоявшейся в августе встречи между Сталиным и Черчиллем последний замечал: «Больше всего ему необходимы грузовики. Он предпочел бы иметь грузовики, а не танки, которых он выпускает 2 тысячи в месяц. Он также хочет получить алюминий...».
- ⁴⁵ Молотов вспоминал о Литвинове позднее: «Литвинова держали послом в США только потому, что его знал весь мир. Человек оказался очень гнилой. Всю войну мы договаривались, обходя его, а сейчас пишут о его роли, что без него мы бы не могли договориться! Рузвельт приглашал меня к себе на беседы без него, понимая наше к нему отношение. Литвинов был совершенно враждебным к нам. Мы перехватили запись его беседы с американским корреспондентом, явным разведчиком, который пишет, что встречался с Литвиновым — Литвинов тогда был моим замом по наркомату — в 1944-м. И вот к нему приехал американский корреспондент и описывает: мы сидели у камина, Литвинов со мной очень откровенно говорил... Корреспондент этот написал о своей беседе с Литвиновым, конечно, не так, как было фактически, а то, что в тот период можно было опубликовать. Мы получили полную запись беседы — известным путем. Что же он там говорил, Литвинов, из интересных моментов? Он говорил, что с этим правительством советским у вас, американцев, ничего не выйдет. Они на таких позициях стоят, что не могут с вами договориться о чем-то серьезном. Да, с этим правительством, с такими твердолобыми... Что вы, мол, думаете? Такое правительство не пойдет ни в каком смысле вам навстречу, у вас ничего не выйдет. Теперь как можно действовать? Внутренних сил нет для этого. Потому что у народа танков нет, а у правительства есть, у народа нет авиации, а у правительства есть, у народа нет артиллерии, а у правительства есть. У правительства — свои партийные офицеры, и в таком количестве, что народ что-нибудь изменить по своей воле, если он не согласен, не может. Тут только внешние силы помогут, то есть поход войной. Только внешнее вмешательство может изменить положение в стране.

Вот его оценка положения. Он заслуживал высшую меру наказания со стороны пролетариата. Любую меру. Надо же объяснить это все. Он мне ничего не говорил, это тоже с его стороны, конечно, не добросовестно. Полное предательство. — Как Сталин простил? — Как простил? Осторожно надо вести себя, церемонно надо вести себя. Это мы перехватили. Разведчики пленку перехватили. Мы и до этого ему не доверяли. Эта беседа в Москве была. А когда я был в Америке в 1942 году и вел переговоры с Рузвельтом и Хэллом, Гопкинс был со стороны Рузвельта, а со стороны моей был только переводчик, я Литвина не брал с собой» (Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Записи от 25 апреля, 7 мая 1975 года, 16 июля 1978 года, 1 января 1986 года).

⁴⁶ Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии, 11 июня 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 290–293).

⁴⁷ Запись беседы с Черчиллем 9 июня 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 303–312, здесь с. 304, 306).

⁴⁸ 31 мая Рузвельт написал Черчиллю: «Я совершенно уверен в способности наших объединенных военно-воздушных сил полностью овладеть обстановкой в Ла-Манше и на достаточной территории суши для создания соответствующих плацдармов, которые нужно будет прикрывать. Это приведет: 1) либо к оттягиванию немецкой авиации с русского фронта и к усилиям с нашей стороны уничтожить ее; 2) либо, если немецкая авиация не будет себя проявлять, к тому, что можно будет расширить операции наземных войск с целью создания постоянных позиций...» (Рузвельт — Черчиллю, цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 233).

⁴⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 477.

⁵⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 509.

⁵¹ На встрече с Молотовым он решил выразиться откровеннее: «Нам придется изобразить дело таким образом, что операции «Факел» представляют собой выполнение англо-американского обязательства о втором фронте... Черчилль говорит, что он отнюдь не хотел бы поставить себя в положение защитника необходимости невыполнения обязательства об открытии второго фронта в 1942 году» (Запись беседы с Черчиллем 13 августа 1942 года // цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 354–359, здесь с. 358).

⁵² Запись беседы с Черчиллем 13 августа 1942 года... С. 355.

⁵³ Цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 353.

⁵⁴ Черчилль — Рузвельту, 13 августа 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 361–364, здесь с. 363). Молотов вспоминал: «Мы у союзников войска просили, предлагали, чтоб они свои войска дали на наш Западный фронт, но они не дали, они говорили: вы возьмите свои войска с Кавказа, а мы обеспечим охрану нефтяных промыслов. Мурманск хотели тоже охранять. А Рузвельт — на Дальнем Востоке. С разных сторон. Занять определенные районы Советского Союза. Вместо того чтобы воевать. Оттуда было бы непросто их потом выгнать... А в 1942-м я был участником всех переговоров по второму фронту, и я первый не верил, что они это могут сделать. Я был спокоен и понимал, что это совершенно для них невозможная вещь. Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а во-вторых, из них надо было выжимать все. И Сталин тоже не верил, я в этом не сомневаюсь. А требовать надо было! И для своего же народа надо. Люди же ждут, какая-нибудь помощь еще будет или нет? Для нас их бумажка имела громадное политическое значение. Ободряла, а это тогда много значило...» (Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Записи от 6 декабря 1969 года, 4 октября 1972 года).

⁵⁵ Сталин — Майскому, 19 октября 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 376).

⁵⁶ Сообщение греческого посланника в СССР правительству Греции в изгнании о конференции в Касабланке // Секреты операции «Цитадель», 1 января — 30 июня 1943 года: Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 117–119.

⁵⁷ О мотивах стремления США к сотрудничеству с СССР: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать, господствующее положение в Европе после поражения держав оси, то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией» (О мотивах сотрудничества США с Советским Союзом. Документы командования американских вооруженных сил, 1942–1944 гг. // цит. по: Кузьмин Ю. М. Хрестоматия по новейшей истории...).

⁵⁸ Черчилль еще в 1942 году убеждал Молотова: «Вот, очистим север Норвегии и на завоеванной территории устроим наше свидание, а может быть, и свидание трех — с участием президента Рузвельта» (Запись беседы с Черчиллем и Иденом 25 мая 1942 года // цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 182–184, здесь с. 184).

⁵⁹ Черчилль с первого заседания приводил одни и те же аргументы: «Если мы возьмем Рим и блокируем Германию с юга, то мы дальше можем перейти к операциям в Западной и Южной Франции, а также оказывать помощь партизанским армиям. Эти операции еще не выработаны в деталях. Можно было бы создать комиссию, которая смогла бы изучить этот вопрос и составить документ во всех деталях...»

⁶⁰ Второе заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, 29 ноября 1943 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов / Сост. Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. М., 1970, здесь и далее ссылки даны на электронную версию книги: <http://grachev62.narod.ru/stalin/confer/content.htm>).

⁶¹ Беседа во время завтрака, 30 ноября 1943 года, 13 часов 40 минут (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).

⁶² Декларация трех держав, подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).

- 63 Джилас М. Лицо тоталитаризма...
- 64 Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 196.
- 65 Иден: «Что же касается будущего Франции, то ему кажется, что Франция пройдет через очень длинный период разложения и депрессии прежде, чем она снова сможет стать великой державой. Не исключено, что этого и вообще не случится и что Франция перейдет на положение второстепенной европейской державы, вроде Испании» (Первая беседа с А. Иденом 16 декабря... С. 38–39).
- 66 Первая беседа с А. Иденом 16 декабря... С. 40, 42.
- 67 Запись беседы с Иденом 25 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 174–178, здесь с. 176).
- 68 Запись беседы с Рузвельтом 29 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 211–213).
- 69 Телеграмма из Москвы, отправлена 1 июня 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 244).
- 70 Запись беседы с Черчиллем 9 июня 1942 года... С. 307–308.
- 71 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 158.
- 72 Запись беседы И. В. Сталина с Рузвельтом, 29 ноября 1943 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 73 См. по Думбартон-Оксу воспоминания В. М. Бережкова «Страницы дипломатической истории». М., 1987 (электронная версия главы книги о конференции в Думбартон-Оксе: http://militera.lib.ru/memo/russian/berezhkov_vm2/04.html).
- 74 Первая беседа с А. Иденом 16 декабря... С. 38.
- 75 Первая беседа с А. Иденом 16 декабря... С. 39.
- 76 Четвертая беседа 20 декабря... С. 85.
- 77 Запись беседы с Иденом 22 мая 1942 года... С. 120.
- 78 Запись беседы с Иденом 23 мая 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 141–149, здесь с. 145).
- 79 Телеграмма из Москвы, получена в Лондоне в 18.30 24 мая 1942 года... С. 157.
- 80 Запись беседы с Рузвельтом 1 июня 1942 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 234–240, здесь с. 236).
- 81 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 71.
- 82 Запись беседы И. В. Сталина с Рузвельтом, 28 ноября 1943 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 83 Черчилль: «Румыния: Россия — 90 процентов; другие — 10 процентов. Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов, Россия — 10 процентов. Югославия — 50:50 процентов. Венгрия: 50:50 процентов. Болгария: Россия — 75 процентов, другие — 25 процентов» (Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 449).
- 84 Запись беседы тов. И. В. Сталина с Черчиллем 9 октября 1944 года в 22 часа (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 418–428).
- 85 Из дневника В. М. Молотова: прием А. Идена 10 октября 1944 года в 19 часов (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 429–435).
- 86 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 454–456.
- 87 Запись беседы тов. И. В. Сталина с Черчиллем и Иденом 17 октября 1944 года (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 476–481, здесь с. 480).
- 88 Запись беседы тов. И. В. Сталина с Черчиллем 14 октября 1944 года в 16 часов 30 минут (цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 455–458, здесь с. 458).
- 89 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Запись от 1 января 1985 года.
- 90 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 514.
- 91 Второе заседание в Ливадийском дворце, 5 февраля 1945 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 92 Коммюнике о конференции трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму, 11 февраля 1945 года. II. Оккупация Германии и контроль над ней (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 93 Второе заседание в Ливадийском дворце, 5 февраля 1945 года...
- 94 <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=599037>
- 95 Второе заседание в Ливадийском дворце, 5 февраля 1945 года...
- 96 <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=599037>
- 97 Шестое заседание в Ливадийском дворце, 9 февраля 1945 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 98 Седьмое заседание в Ливадийском дворце, 10 февраля 1945 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 99 Коммюнике о конференции трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму, 11 февраля 1945 года. III. Репарации с Германии.
- 100 Протокол о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 101 Третье заседание в Ливадийском дворце, 6 февраля 1945 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 102 Шестое заседание в Ливадийском дворце, 9 февраля 1945 года...
- 103 Протокол работы Крымской конференции, 11 февраля 1945 года: Территориальная опека (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 104 Шестое заседание в Ливадийском дворце, 9 февраля 1945 года...

- 105 Декларация об освобожденной Европе. (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 106 Коммюнике о конференции трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму, 11 февраля 1945 года. VIII. Совещания министров иностранных дел.
- 107 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 574–575.
- 108 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 632–633.
- 109 «Вперед, пока работа не будет закончена», 13 мая 1945 года // «Никогда не сдаваться!»... С. 291.
- 110 Телеграмма из Лондона, получена в Москве 19 мая 1945 года (цит. по: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 519–524, здесь с. 520).
- 111 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Запись от 9 июля 1971 года.
- 112 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 646.
- 113 Потсдамская конференция: первое заседание, 17 июля 1945 года (Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов...).
- 114 Потсдамская конференция: первое заседание, 17 июля 1945 года...
- 115 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Запись от 9 июля 1971 года.
- 116 Потсдамская конференция: первое заседание, 17 июля 1945 года...
- 117 Потсдамская конференция: второе заседание, 18 июля 1945 года...
- 118 Потсдамская конференция: пятое заседание, 21 июля 1945 года...
- 119 Потсдамская конференция: третье заседание, 19 июля 1945 года...
- 120 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 682–683.
- 121 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Запись от 12 мая 1976 года.
- 122 Прикрытие ООН для вмешательства Соединённых Штатов и ряда их союзников в Корейский конфликт стало возможно в результате тактической ошибки СССР, отозвавшего своего представителя из Совета Безопасности в знак протеста против односторонних действий США в Европе. По замыслу советских политиков, этот шаг должен был привести к параличу Совета Безопасности и, следовательно, всей ООН, поставив Запад перед необходимостью пойти на компромисс с Востоком. Однако американцы успешно использовали тот формальный момент, что при голосовании вопроса о направлении «войск ООН» в Корею не было применено право вето (место китайского представителя в СБ занимал на тот момент ещё тайванец).
- 123 Историко-документальный департамент МИД России, Центр изучения новейшей истории в Потсдаме: СССР и германский вопрос 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации, т. III, М., 2003, с. 357.
- 124 Визит канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы, М., 2005, с. 70.
- 125 Валентин Фалин. Без скидок на обстоятельства, М., 1999, с. 89.
- 126 Ernst Krabatsch, Achillesferse Nationale Frage, in: Siegfried Bock, Ingrid Muth, Hermann Schwiesau (Hg.), DDR-Außenpolitik. Ein Überblick. Daten, Fakten, Personen (III), Berlin, S. 67.
- 127 Вступительная статья А.Д. Ротфельда «ОБСЕ: от процесса к организации» в: От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973–1994, т. I, М., 1996, с. 13.
- 128 От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973–1994, т. I, М., 1996, с. 49–50.
- 129 От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973–1994, т. I, М., 1996, с. 52.
- 130 А.С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям, М., 1993, с. 66 (с сожалением Черняев добавляет: «Это было пока проигнорировано»).
- 131 См. Raimund Krämer, Chile und die DDR, in: Erhard Crome, Jochen Franzke, Raimund Krämer (Hrsg.), Die verschwundene Diplomatie. Beiträge zur Außenpolitik der DDR, Berlin, 2003, S. 233–242.
- 132 «Спутник» — распространявшийся в ГДР информационный журнал АПН на немецком языке (дайджест советской прессы).
- 133 Отто Рейнгольд. Курс XII съезда СЕПГ — преемственность и обновление в развитии нашего общества, в: Социализм национальных цветов ГДР, М., 1989, с. 74–75. В случае со «Спутником» речь шла о публикации статьи советского автора, который перекладывал вину за развязывание Второй мировой войны с Гитлера на Сталина.
- 134 На самом деле 9–10 ноября 1989 года было реализовано постановление центральных органов власти ГДР о либерализации режима пересечения границ республики и линии секторального разграничения в Берлине. Допущенная при этом несогласованность действий различных министерств и ведомств, а также преждевременное и неточное оглашение текста постановления привели к скоплению на контрольно-пропускных пунктах стены людей, требовавших немедленного его выполнения. Во избежание инцидентов пограничники ГДР, так и не поставленные в известность о принятом руководством республики постановлении, прекратили контроль за выездом и въездом на территорию ГДР. Лишь через 2–3 дня был полностью восстановлен контроль по новым правилам.
- 135 Mary Elise Sarotte, Versprochen und gebrochen? «Die Zeit», 1. Oktober 2014.
- 136 Юридически оформленный «особый статус» заключался а обещании не распространять структуры НАТО на территорию Восточной Германии, пока там будут находиться части Западной группы войск, то есть до конца 1994 года, когда вывод ЗГВ должен был быть завершён.

ДИПЛОМАТИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

Книга сороковая

А. В. Ревякин

Ялтинская конференция: дипломатия и политика 7

К 70-летию Ялтинской конференции

(материал из свободной русской энциклопедии «Традиция») 62

Интервью В. О. Печатнова «Российской газете» по случаю 70-летия Ялтинской конференции 78

ДОКУМЕНТЫ

Крымской (Ялтинской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании

4–11 февраля 1945 г. 82

ПОТСДАМСКИЙ ФИНИШ

Книга сорок первая

А. Ю. Борисов

Размышления о Потсдаме

(К 70-летию Берлинской конференции глав СССР, США и Великобритании). 103

В. П. Терехов

Потсдамский финиш. 137

А. Ф. Носкова

Польская проблема в решениях «Большой Тройки» 145

ДОКУМЕНТЫ

Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании

(17 июля — 2 августа 1945 г.) 161

ЗА СТОЛОМ ПЕРЕГОВОРОВ

Книга сорок вторая

Н. Ю. Васильева

СССР и образование ООН. Конференция в Сан-Франциско. 187

Ан. А. Громыко

ООН как якорь мировой стабильности: история и современность 223

ДОКУМЕНТЫ 238

И. Ф. Максимычев, А. А. Синдеев

Международно-правовое наследие Великой Отечественной войны 300

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ XIV
УМИРОТВОРЕНИЕ ЕВРОПЫ

Верстка В. А. Хохлова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Г. В. Брагова
Н. В. Лиханова
Ю. П. Кириленко

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 12.10.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 45.5. Уч. изд. л. 40.51. Тираж 500 экз. Заказ № 90.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru